

Ден Равив

Йосси Мелман

**ИСТОРИЯ
РАЗВЕДЫВА-
ТЕЛЬНЫХ
СЛУЖБ
ИЗРАИЛЯ**

**СЕКРЕТНЫЕ
МИССИИ**

EVERY SPY A PRINCE

---

*The Complete History
of Israel's Intelligence
Community*

Dan Raviv *and*
Yossi Melman

A Marc Jaffe Book

HOUGHTON MIFFLIN COMPANY

Boston London Melbourne

Ден Равив
Йосси Мелман

СЕКРЕТНЫЕ
МИССИИ

ИСТОРИЯ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ СЛУЖБ ИЗРАИЛЯ

МОСКВА
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»
2000

УДК 351.746.1:93(569.5)
ББК 67.401.212(5Изр)
Р13

ISBN 5-7133-1021-3

- © Д. Равив, Й. Мелман, 1990
- © Перевод с английского Ю.Н. Кобякова, 2000
- © Подготовка к изданию и оформление изд-ва «Международные отношения», 2000

*Посвящается Дори,
Джонатану и Эмме,
Билли и Йотаму*

ОТ АВТОРОВ

.....

Мы выражаем глубочайшую признательность всем тем, кто предоставил нам информацию и помог советом; правда, все эти люди по понятным причинам просили не называть их имен. Мы опросили десятки сотрудников разведки, которые либо продолжают нести свою трудную службу, либо наслаждаются заслуженным отдыхом, завершив опасную карьеру. Помимо ветеранов разведки, в число которых входили руководители различных агентств и служб, мы встречались и с бывшими директорами ЦРУ и другими «стариками» — организаторами тайных операций, чтобы выяснить истинное отношение к израильским разведчикам — не по материалам прессы, а по мнению профессионалов.

Собирая материалы для этой книги, мы объездили много стран, в которых израильская разведка тем или иным образом была задействована. К сожалению, в самом Израиле мы столкнулись с отказом спецслужб предоставить какие-либо документы или материалы, а также с отсутствием в этих службах специального представителя по связям с общественностью для прояснения определенных вопросов. При этом военный цензор Израиля настоял на исключении из книги некоторых материалов израильского происхождения.

Мы благодарим нашего издателя Марка Яффе, его помощницу Эрику Мансурян; редактора книги Натали Боуэн, нашего литературного агента Кэрол Манн, работников

библиотечного отдела газет «Хаарец» и «Маарив»; Роба Формана, Ховарда Аренстейпа и других сотрудников компании CBS за их понимание и поддержку; куратора Била Ковача и его коллег в фонде Ниемана Гарвардского университета за предоставленную возможность окончательной доработки книги; но более всех мы благодарны нашим родителям и семьям за их поддержку. Однако за все ошибки и неточности отвечаем лишь мы одни.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Спецслужбы без грима

Долгое время в Израиле о спецслужбах, во главе которых стоит знаменитый «Моссад», было принято писать только хорошее либо вообще не писать ничего. Как по заказу на свет появлялись газетные заметки, статьи, книги, выходили телефильмы, прославляющие подвиги «рыцарей плаща и кинжала», живописующие их неутомимую борьбу с арабскими террористами и неограниченные возможности отважных разведчиков, для которых якобы не существует тайн. За спиной этих произведений стоял, как правило, «Моссад», который за свою полувековую историю научился превращать в пропагандистские победы даже свои очевидные провалы.

В Израиле гордятся своей разведкой, о ней слагают легенды как о непобедимой спецслужбе, входящей в пятерку наиболее эффективных разведывательных служб мира. Сотрудники «Моссада» пользуются авторитетом как высококлассные специалисты своего дела, верные долгу и готовые на самопожертвование во имя Великого Израиля. В этой секретной службе не очень жалуют чужаков. Чтобы быть принятым на службу в «Моссад», необходимо заручиться рекомендацией действующего сотрудника. Принимаются лица, имеющие боевую подготовку и владеющие хотя бы одним иностранным языком. Кандидата в офицеры «Моссада» тщательно изучают психологи и графологи, чтобы исключить лиц с психическими отклонениями. Поэтому израильская разведка весьма профессиональна, а многие ее операции вошли в анналы мировой разведки, и их изучают будущие разведчики в специальных учебных заведениях различных стран мира.

Не меньшим авторитетом в Израиле пользуются и другие спецслужбы, входящие в разведывательное сообщество страны, а также армия. В Израиле, например, невозможно представить, чтобы печать позволила себе пренебрежительно отозваться о людях, носящих погоны и обеспечивающих его оборону и безопасность. Подобные выпады строго караются законом.

Другое дело — в какой мере совпадают или расходятся героический ореол израильской разведки, существующий в общественном мнении, и ее действительная история.

Предлагаемая российскому читателю книга, написанная журналистами Даном Равивом и Йосси Мелманом, смывает толстый слой грима с лица израильских спецслужб. Посвященная возникновению и полувековой деятельности израильского разведывательного сообщества, она воссоздает правдивую картину становления и развития спецслужб Израиля, показывает их взаимодействие со спецслужбами других стран, в первую очередь США и Великобритании, рассказывает об известных и малоизвестных операциях. Впрочем, эта картина является недостаточно полной, поскольку в качестве точки отсчета авторы избрали 1950-е годы как время формирования разведывательного сообщества Израиля.

Парадокс израильских спецслужб состоит в том, что они, равно как и армия, возникли раньше, чем было создано само Государство Израиль. После Базельского сионистского конгресса 1897 года, провозгласившего официальной целью Всемирной сионистской организации «решение еврейского вопроса» путем переселения евреев в Палестину и воссоздания там еврейского государства, началась постепенная колонизация Палестины, получившая название «первой алии» (1897—1903 гг.). Первая алия (дословно — «исход к Сиону», то есть эмиграция в Палестину) способствовала некоторому росту числа еврейских поселенцев в регионе. Если в середине XIX века еврейское население этой глухой турецкой провинции, не имевшей ни водопровода, ни железных дорог, едва достигало 12 тыс. человек, то к началу первой мировой войны оно уже превышало 50 тыс., однако росло крайне медленно.

Во время первой мировой войны лидеры сионистского движения добились от лорда Бальфура, тогдашнего министра иностранных дел Великобритании, претендовавшей на южные провинции Турции, официальной поддержки

своих планов. 9 ноября 1917 г. он сделал заявление, вошедшее в историю как «декларация Бальфура», о том, что Великобритания будет содействовать созданию «еврейского очага в Палестине», которая в тот период все еще являлась частью Турции.

Благодаря поддержке Великобритании после первой мировой войны еврейская алия в Палестину несколько усилилась. Первые еврейские эмигранты на Землю обетованную создали «Армию обороны Израиля» («Хагана») для защиты еврейских поселений и кибутцев. На выкупленных у арабов землях ими был построен город Тель-Авив. В 1920 году в «Хагане» было создано разведывательное подразделение. Почти одновременно с ним возникла и контрразведка, получившая название «Шерут Бетахон», или, по начальным буквам, сокращенно «Шин Бет». (В настоящее время «Шин Бет» чаще называют «Шабак».) Совместно с британскими оккупационными войсками «Хагана» осуществляла в 1936—1939 годах вооруженное подавление восстания палестинцев, которое закончилось их поражением.

Примерно в то же время еврейскими поселенцами в Палестине создается и третье подразделение спецслужб — «Алия-Бет», задачей которого было оказание содействия нелегальной эмиграции евреев в эту подмандатную территорию Великобритании, которая активно противилась ей, опасаясь изменения этнического баланса в пользу евреев и ее отрыва от метрополии. «Вторая алия», лидерами которой были Бен-Гурион и Леви Эшкол, показала, что сионисты претендуют не на создание еврейского национального очага на Ближнем Востоке, а на захват всей территории Палестины, что в конечном счете привело к возникновению острых еврейско-арабских противоречий и разделу территории Палестины на два государства.

После второй мировой войны, в ходе которой нацистами были истреблены несколько миллионов евреев, эмиграция в Палестину заметно усилилась, и ее еврейское население к моменту принятия резолюции ООН от 29 ноября 1947 г. об отмене британского мандата достигло 600 тыс. человек. Сразу же после принятия резолюции ООН о разделе территории Палестины на арабское и еврейское государства бригады «Хаганы», взаимодействуя со своими спецслужбами и террористическими организациями «Иргун» и «Штерн», начали захват территорий, которые

должны были отойти арабам. Ими была организована резня мирного населения арабской деревни Деир-Ясин, расположенной на территории, которая должна была войти в состав международной зоны Иерусалима. Ранее этими силами был устроен взрыв в иерусалимской гостинице «Царь Давид», от которого пострадали около 200 британских офицеров. Так спецслужбы будущего Государства Израиль во весь голос заявили о своем существовании.

После одностороннего провозглашения независимости Израиля в ночь с 14 на 15 мая 1948 г. в Силах обороны Израиля (армия) была создана четвертая разведывательная организация — военная разведка, получившая название «Аман», насчитывающая, по некоторым данным, до 7 тыс. сотрудников. В организационном плане «Аман» состоит из ряда функциональных отделов (информационно-аналитического, разведывательного, полевой безопасности, военной цензуры, иностранных связей и т.п.). Военная разведка Израиля занимается также радиоперехватом линий связи зарубежных государств, обеспечивает шифровальной связью военные и правительственные учреждения Израиля. Именно «Аман» запустил разведывательный спутник Израиля «Офек» для ведения космической разведки территорий различных стран мира, включая Россию.

В свою очередь, министерство иностранных дел Израиля обзавелось собственной разведкой — отделом исследований (дипломатическая разведка). Позднее он был реорганизован в центр исследования и планирования МИД Израиля.

Не отстает от них и министерство внутренних дел Израиля, создавшее особый отдел следственного управления, который в основном занимается координацией взаимодействия по линии контрразведки и полицейских операций с остальными спецслужбами Израиля. Так сложилось разведывательное сообщество Израиля, в котором «Моссаду» отводилась роль координирующего органа.

Обилие специальных служб в Израиле не было случайностью и объясняется тем, что с первых минут его существования руководители страны взяли курс на открытую конфронтацию с окружающими арабскими странами. По мнению лидеров сионизма, состояние перманентной войны с арабами позволяет держать в постоянной мобилизационной готовности население страны, состоящее из различных этнических групп, и за счет создания образа

внешнего врага гасить противоречия между ними. Характерно: когда в 1948 году лидер Всемирного сионистского конгресса Наум Гольдман предложил будущему премьер-министру Израиля Давиду Бен-Гуриону отложить на несколько недель одностороннее провозглашение Государства Израиль с тем, чтобы могла состояться встреча между сионистскими лидерами и представителями арабских государств для урегулирования вопросов, связанных с выполнением резолюции ООН о разделе Палестины, последний ответил: «Самой большой свиньей, которую могли бы подложить нам арабы, было бы заключение с ними мира».

Однако существование многочисленных спецслужб, действующих разрозненно и зачастую дублирующих друг друга, оказалось неэффективным, поэтому в 1951 году было принято решение об их реорганизации и создании разведывательного сообщества. Функции центральной разведки, координирующей разведывательную деятельность других спецслужб, были возложены на «Моссад», который был создан 1 сентября 1951 г. Хотя, как утверждают авторы книги, никто не знает истинного названия этой таинственной организации, на самом деле официальное полное название «Моссада» на иврите звучит так: «Ле Модиин ве ле тафкидим Махаюдин» и переводится как «Институт разведки и специальных задач». В тот период его возглавил директор Рувен Шилой. Но уже в 1952 году на смену ему пришел знаменитый Иссер Харел, ставший при жизни живой легендой «Моссада».

Не случайно авторы книги уделяют столь пристальное внимание личности Иссера Харела, возглавлявшего поочередно как разведку, так и контрразведку Израиля. Этот уроженец Витебска, эмигрировавший вместе с родителями на «землю предков», немало сделал для того, чтобы превратить «Моссад» в самую современную разведывательную службу мирового класса. Подобно другим пионерам сионистского движения, жившим в кибутцах и ведущим аскетический образ жизни, Иссер Харел имел единственную цель в жизни — обеспечить любой ценой безопасность Израиля и его защиту от внешних и внутренних врагов. Достаточно сказать, что, несмотря на большие достижения этой разведывательной службы, которую он возглавлял рекордно длительный срок — вплоть до 1963 года, и свои личные заслуги, Харел неизменно отказывался от любых наград и генеральского звания, что выгодно отличает его от пред-

ставителей других спецслужб и различных армейских чинов Израиля, который сегодня по числу генералов на тысячу военнослужащих находится «впереди планеты всей». Как представляется, Дан Равив и Йосси Мелман, не впадая в патетику и преувеличения, сумели дать достаточно объективную картину деятельности Харела на посту директоров «Моссада» и «Шин Бет» и ныне ведущего частный образ жизни, показать сильные и слабые стороны возглавлявшихся им секретных служб страны.

Разумется, наибольшее внимание в книге уделено становлению и функционированию «Моссада» как главной разведывательной службы Израиля, поскольку он является своего рода уникальной разведывательной организацией и не копирует ни одну зарубежную спецслужбу. Это — единственная в мире разведывательно-диверсионная организация, которая, помимо добычи секретной информации, занимается физическим устранением «врагов Израиля», в основном арабов и палестинцев. С этой целью в «Моссаде» создано и постоянно действует управление тайных операций «Комемшют», ранее называвшееся «Мецада». Оно располагает собственными боевыми подразделениями под названием «Кидон» («штык»), каждое из которых, в свою очередь, состоит из нескольких отрядов.

В организационном плане «Моссад» состоит из директората, ряда управлений: исследовательского, подразделяющегося на 15 отделов по географическому принципу; оперативно-технического, имеющего в своем составе отделы оперативной техники подслушивания, тайного фотографирования и вскрытия помещений; информационно-аналитического (НАКА); вышеупомянутого диверсионно-террористического («Комсмиют»), внешней контрразведки (АПАН), политических акций и связи, занимающегося продажей израильского оружия за рубежом, а также ЛАП — управления психологической войны и дезинформационных мероприятий.

Девиз «Моссада» — «Хитростью и обманом ты должен вести войну» — постоянно оправдывался на практике, о чем рассказывается в этой книге. В отличие от разведслужб других стран, «Моссад» — довольно малочисленная организация, состоящая, по некоторым данным, примерно из 1200 человек, включая технический персонал. Оперативные сотрудники «Моссада», ведущие разведывательные разработки иностранцев и руководящие работой агентов в

резидентурах — «каца», выступают, как правило, под дипломатическим прикрытием. Кроме того, для прикрытия своей разведывательной деятельности за рубежом «Моссад» использует коммерческие, финансовые, журналистские и другие организации.

Довольно часто «Моссад» использует в качестве прикрытия своей деятельности и торгово-промышленные компании — как реально существующие, так и вымышленные, зачастую без ведома их хозяев. Так, «Моссад» долгое время использовал в качестве «крыши» всемирно известную американскую компанию IBM, пока это не было случайно раскрыто и не вызвало скандала. Для этих целей в «конторе», как на оперативном жаргоне сотрудники называют «Моссад», заведена и постоянно обновляется картотека на все существующие в мире торгово-промышленные и финансовые предприятия и компании, включая даже мелкие фирмы. При этом предпочтение отдается тем из них, которые контролируются еврейским капиталом. В картотеку заносятся предельно точные и полные сведения о конкретном предприятии, компании, фирме, учреждении: история возникновения и развития, регистрация, финансовые отчеты, данные на руководителей самого различного ранга и т.п.

«Моссад» успешно сочетает легальные и нелегальные методы работы. Помимо приобретения различных источников информации в зарубежных странах с позиций «легальных» резидентур, внешняя разведка Израиля активно использует засылку своих нелегальных разведчиков в различные страны, в первую очередь арабские, в которых они выступают под видом местных граждан. Весьма широко «Моссад» использует иностранные паспорта для прикрытия своих оперативных работников, в первую очередь тех стран, которые охотно предоставляют их для лиц еврейской национальности, желающих эмигрировать в Израиль, например канадские. Это неоднократно приводило к возникновению дипломатических скандалов, однако Тель-Авив хладнокровно игнорировал все протесты Канады.

В качестве примеров нелегальной разведывательной деятельности «Моссада» читатель с интересом познакомится с историей израильских разведчиков Эли Когана, работавшего в Сирии накануне Шестидневной войны, и Вольфганга Лотца, засланного «Моссадом» в Египет в тот же период. Считается, что благодаря их деятельности Израиль сумел выявить неготовность арабских стран к войне

на Ближнем Востоке, спровоцировать их на необдуманные шаги и нанести поражение египетским и сирийским войскам в июне 1967 года.

Как и любая разведка мира, «Моссад» имеет свои сильные и слабые стороны. Его фактический создатель Иссер Харел постарался избежать главного недостатка, присущего таким «китам» мирового разведывательного сообщества, как ЦРУ США или британская «МИ-6», — погони за количеством завербованных агентов и мелочной опеки каждого шага оперативного состава. «Каца», в отличие от своих западных коллег, обладают известной оперативной самостоятельностью. От них прежде всего требуется получение упреждающей секретной информации о планах других стран в отношении Израиля, что является главным критерием оценки работы. В своей деятельности офицеры «Моссада» опираются в первую очередь на добровольных помощников из еврейской диаспоры в Европе и США, называемых «саяним». Именно в тех странах, где существует еврейская диаспора, успехи «Моссада» оказались наиболее впечатляющими по сравнению с такими странами, как, например, Япония или Китай. Правда, в последней стране имеются этнические евреи, называемые «кайфени», к числу которых принадлежал, в частности, и известный творец китайского экономического чуда Дэн Сяопин, но жесткий полицейский режим в этой стране затрудняет деятельность любых иностранных разведывательных служб.

Однако порой эта сильная сторона оперработников «Моссада» превращается в свою противоположность. Так, сотрудник «Моссада» Йехуда Жил, прекрасно владевший арабским языком, завербовал в 1974 году одного сирийского офицера, якобы близкого к сирийскому президенту Хафезу Асаду. В течение 10 лет его информация поступала в самые верхние эшелоны власти в Израиле и свидетельствовала об «агрессивных устремлениях Сирии», что едва не привело к возникновению новой израильско-арабской войны. Однако сопоставление получаемых от него сведений с данными других источников показало, что Йехуда Жил попросту фабрикует сведения, и он с позором был изгнан из «Моссада». Вообще, честность и правдивость не являются самыми сильными сторонами сотрудников израильских секретных служб, особенно контрразведки, о чем подробно пишут авторы этой книги. Для борьбы

против всякого рода матеральных и финансовых злоупотреблений со стороны оперсостава руководство «Моссада», как свидетельствуют авторы книги, вынуждено прибегать к различного рода ограничениям и жесткому контролю над их моральным обликом.

Главный недостаток сотрудников израильской разведки за рубежом, на который обратили внимание авторы книги, — их невысокая психологическая стойкость в случае провала. Это объясняется тем, что израильские разведчики привыкли действовать смело и даже нагло на территории европейских стран, твердо зная, что в случае провала и ареста на их вызволнение будут брошены не только все силы Израиля, но и пропагандистская мощь международной прессы, исмалая часть которой контролируется сионистами.

Следует также отметить, что по сравнению с разведывательными организациями США, Англии, Китая, России и Франции, действующими в различных регионах мира, деятельность спецслужб Израиля носит в целом локальный характер и в основном ограничивается ближневосточным регионом и прилегающими к нему странами. Израиль интересуют, в первую очередь, военно-политические планы арабских стран, а также деятельность ООП, в то время как, например, ЦРУ США и спецслужбы других стран освещают глобальные вопросы мировой политики и оказывают на нее активное воздействие.

Этим, в частности, объясняется тот факт, что в 1956 году ЦРУ, охотившееся за секретным докладом Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС, выделило 1 млн. долларов в качестве вознаграждения любому лицу, которое сумеет добыть его. Как пишут авторы книги, израильским спецслужбам удалось первым получить из Польши текст выступления Хрущева на съезде и совершенно бесплатно передать охотившемуся за ним ЦРУ США. «Бескорыстие» израильтян объяснялось не только их желанием укрепить отношения с американскими спецслужбами, но и тем, что в практическом плане доклад Хрущева о Сталине не представлял для них большого интереса.

Видное место на страницах книги Дана Равива и Йосси Мелмана уделяется главной контрразведывательной службе Израиля «Шин Бет», которая пользуется не меньшей популярностью в этой стране. «Шин Бет», или Служба общей безопасности «Шабак» организационно состоит из

функциональных и региональных служб, в том числе службы контрразведки против арабских стран, службы контрразведки против неарабских стран, службы по работе в Израиле и на оккупированных территориях, службы безопасности и охраны и других подразделений. После убийства в 1996 году премьер-министра Израиля Ицхака Рабина его охранником «Шабак» возглавил генерал Ами Аялон.

Основной задачей «Шабака», как отмечают авторы, является борьба с терроризмом и особенно с группами Палестинского движения сопротивления. С этой целью вся территория Израиля разделена на три района — Северный, Тель-Авивский и Южный, где созданы региональные управления «Шабака». Основное внимание при этом обращается на вербовку и засылку агентуры в палестинское движение сопротивления, включая активное использование методов шантажа и угроз. В частности, семья завербованного агента из числа арабов, проживающих на оккупированных территориях, остается в качестве заложников на время выполнения им разведывательного задания и может быть брошена в тюрьму «за соучастие в терроризме» в случае его провала.

Не брезгают израильские контрразведчики и применением пыток в отношении тех, кого они именуют «террористами». Вообще использование пыток в израильских спецслужбах никогда ни для кого не составляло секрета. В качестве примера применения угроз и пыток сотрудниками «Шин Бет» в книге Равива и Мелмана приводится случай с арабом Нафсу, сознавшимся в результате психологического давления и сорокадневных непрерывных допросов в преступлениях, которых он не совершал. Подобные случаи, будучи, однако, не исключением, а скорее практикой работы израильской контрразведки, осуждаются демократической общественностью страны. Вместе с тем, несмотря на протесты общественности, 26 сентября 1997 г. Верховный суд Израиля своим специальным постановлением официально узаконил пытки в отношении «арабских террористов», мотивировав это тем, что иным путем от них зачастую невозможно добиться сведений с целью предотвращения готовящихся террористических актов. Как ни парадоксально, это решение высшей судебной инстанции Израиля, противоречащее Декларации прав человека, не вызвало протестов со стороны международных правоза-

щитных организаций, обычно реагирующих и на более мелкие нарушения прав человека в других странах.

Помимо борьбы с арабским терроризмом главная контрразведывательная служба Израиля занимается пресечением иностранной разведывательной деятельности на территории страны. При этом, как отмечают авторы, ей удается успешно решать поставленные задачи, особенно в борьбе с разведками арабских стран. Впрочем, не меньше внимания «Шин Бет» уделяет борьбе с деятельностью советских, а теперь российских спецслужб в Израиле.

Упомянувшийся уже Иссер Харел, возглавлявший как «Моссад», так и «Шабак», в 1994 году поделился с журналистами воспоминаниями о деятельности советских спецслужб в Израиле. Согласно его оценке, сотрудники КГБ и ГРУ действовали весьма успешно. По его словам, это объяснялось тем, что обе разведывательные службы имели определенные идеологические преимущества во всем мире, поскольку существовали значительные группы людей, организаций и партий, рассматривавших Советский Союз как бастион мира, добра и справедливости. Он привел ряд примеров провалов «советских агентов», о которых рассказывают и авторы этой книги. Однако, несмотря на утверждения израильских властей о том, что СССР, а теперь Россия якобы занимались тотальным шпионажем против Израиля, приведенные авторами единичные примеры провалов «советских агентов» — действительных или мнимых — отнюдь не подтверждают этого.

Рассказывая о деятельности израильской контрразведки, авторы книги упомянули о такой специфической стороне выполняемых ею задач, как проникновение в оппозиционные организации с целью контроля изнутри и подрыва их деятельности. Слежка за инакомыслящими ведется в основном за теми партиями и организациями, которые не разделяют воинственный курс Тель-Авива и выступают за мир с арабами. Как свидетельствуют авторы книги, объектами такой слежки являются даже члены правительства, поскольку в Израиле контакты с представителями ООП рассматриваются как государственная измена.

Стоит особо отметить, что книга Дана Равива и Йосси Мелмана раскрывает историю всего разведывательного сообщества страны и тем самым выгодно отличается от вышедшей ранее литературы, посвященной в основном деятельности «Моссада». Выделяется она и тем, что авто-

рам удалось не только нарисовать довольно полную картину возникновения и функционирования израильских спецслужб, подробно рассказать о ставших известными их операциях, но и критически подойти к работе израильских «рыцарей плаща и кинжала». Это делает особо интересным труд на фоне появившейся в последние годы в различных странах мира, включая Россию, литературы на эту тему, которая в основном носит комплиментарный характер.

Авторы книги достаточно объективно подошли к деятельности израильских спецслужб за всю их полувековую историю существования. Справедливо отметив, что к концу 80-х годов «в области (разведывательных) технологий Израиль достиг зенита», Дан Равив и Йосси Мелман одновременно замечают, что на рубеже 90-х годов его разведывательные службы «начали переживать период упадка... Когда проблемы 80-х годов переросли в кризис 90-х, разведсообществу следовало бы бросить критический взгляд в свое прошлое». Они перечисляют целую вереницу провалов и неудач, постигших разведывательное сообщество Израиля в эти годы, среди которых просчеты «Амана» и «Моссада» накануне войны «Судного дня» в Ливане, разглашение израильских ядерных секретов, причастность «Моссада» к афере «Иран-контрас» и другие не очень славные деяния, о которых в Израиле предпочитают не вспоминать.

Так, авторы книги подробно рассказывают о шпионском деле Полларда, воровавшего военные секреты США и получившего значительный срок тюремного заключения. Для того чтобы вызволить провалившегося агента из тюрьмы, израильские спецслужбы первоначально стали доводить до бывшего президента США Джорджа Буша ложную информацию о том, что он якобы работал на советскую разведку, а когда эта версия лопнула, предложили обменять его на... «советских агентов», отбывающих тюремное заключение в самом Израиле.

Нарисовав картину возникновения и функционирования израильского разведывательного сообщества, Д. Равив и Й. Мелман не ограничиваются констатацией их провалов и достижений. Большое внимание в их труде уделено роли и месту спецслужб Израиля в политической жизни страны, их ответственности перед обществом, необходимости установления контроля общественности над их деятельностью. К слову сказать, деятельность спецслужб Из-

раиля могут проверять только генеральный контролер и комиссия кнессета, причем только в финансовой области, не касаясь вопросов оперативной работы. Говоря об этой проблеме, авторы приходят к парадоксальному, на первый взгляд, выводу о том, что «разведка — слишком важное дело, чтобы отдавать ее на откуп самим разведывательным службам и горстке политиков».

Вместе с тем журналисты избегают прямо поставить вопрос о необходимости принятия специального закона о разведке, которым, например, в США, Германии, России и некоторых других странах регулируется деятельность спецслужб. Похоже, что в Израиле не любят принимать какие-то дополнительные законы. Достаточно сказать, что Израиль не имеет конституции, а деятельность его спецслужб регулируется законами, принятыми еще в период британского мандата на Палестину. До недавнего времени даже имя директора «Моссада» держалось израильскими властями в секрете, и только после серии провалов этой спецслужбы в конце 1990-х годов, которые не удалось скрыть от общественности, израильские власти слегка приподняли завесу секретности в этом вопросе.

Так, после того, как в 1998 году директор «Моссада» Дани Ятом был вынужден подать в отставку, израильское руководство впервые объявило, что на этом посту его заменил бывший посол Тель-Авива при Европейском совете Эфраим Халеви. Ранее он уже работал в «Моссаде» и являлся его резидентом в столице Иордании Аммане, а затем был заместителем директора этой секретной службы.

Также сообщалось, что ежемесячная зарплата директора «Моссада» приравнена к жалованью директора «Шабак», начальника генштаба и генерального комиссара полиции. Она составляет около 10 тыс. долларов в месяц. Жалованье руководителей управлений «Моссада» приравнено к жалованью старших армейских офицеров и колеблется от 5 до 8 тыс. долларов в месяц. Сотрудники «Моссада» имеют право выйти на пенсию в возрасте 45 лет, а год их работы за границей засчитывается за полтора.

Пенсии сотрудникам спецслужб несколько выросли по сравнению с теми тысячами долларов, о которых пишут авторы, однако, учитывая дороговизну жизни в Израиле, остаются невысокими. Как справедливо отмечают Д. Равив и Й. Мелман, профессиональные качества сотрудников секретных служб Израиля высоко ценятся в стране и за

рубежом, поэтому вышедший весной 1998 года в отставку директор «Моссада» Дани Ятом не остался без работы и основал в Тель-Авиве частную фирму, специализирующуюся на предоставлении консультаций «стратегического характера».

Впервые в израильской литературе авторы книги поднимают вопрос об уместности сохранения военной цензуры, наличие которой противоречит свободе слова и печати. Разумеется, во всех странах мира существуют ограничения, связанные с вопросами государственной безопасности и освещением деятельности спецслужб. Однако они регулируются соответствующими законами и не зависят от прихоти цензуры, которая под предлогом «государственной тайны» или «угрозы национальной безопасности» имеет право засекретить любые сведения, как зачастую это имеет место в Израиле. Будущее покажет, захотят ли израильские власти найти приемлемое решение этой проблемы в рамках закона и интересах всего общества. Нарисованная в книге картина фактического всевластия цензуры плохо увязывается с представлением об Израиле как о демократическом государстве.

Авторы книги рассказали о многих, но не обо всех спецслужбах, входящих в разведывательное сообщество Израиля. О некоторых из них до последнего времени просто не упоминалось в открытой печати. Ознакомившись с их обширным трудом, читатель сможет получить реалистичное представление о том, что же представляет собой окутанное некоей загадочностью разведывательное сообщество Израиля, а через эту призму впервые узнать или по-новому увидеть многие стороны жизни этой беспокойной страны.

Владимир Карпов,
профессор РАЕН

The Lord spoke to Moses, saying, «Send men that they may spy out the land of Canaan, which I give to the children of Israel; of every tribe of their fathers shall you send a man, every one a prince among them».*

Numbers 13: 1—2

ПРОЛОГ

.....

Когда 2 августа 1990 г. Ирак вторгся в Кувейт, Израиль вместе с Соединенными Штатами Америки и всем мировым сообществом оказались в состоянии кризиса. Разведывательные службы еще не успели разобраться в обстановке, как молниеносный удар был завершен. Через несколько часов Кувейт оказался под игом своего более крупного соседа. Это вторжение еще раз подтвердило известную истину: внезапность порождает кризисы.

Разведка любой страны имеет своей задачей предотвращение подобных неожиданностей. В Вашингтоне бывший директор ЦРУ — президент Джордж Буш попросил разведку объяснить происшедшее и предложить пути восстановления прежнего положения.

Поиск на книжных полках и в памяти компьютеров сведений по Ираку и его лидеру Саддаму Хусейну обнаружил почти полное отсутствие такой информации. Несмотря на свой огромный технический потенциал, разведывательные спутники, оборудованные радарными самолетами, перехват телефонных и радиопереговоров, Соединенные Штаты не имели представления о причинах, побудивших Саддама вторгнуться в Кувейт, или о том, какими могут быть его следующие шаги.

ЦРУ было вынуждено обратиться к местным экспертам, располагающим наиболее мощной базой данных по всем

---

* И сказал Господь Моисею, говоря: Пошли от себя людей, чтобы они высмотрели землю Ханаанскую, которую я даю сынам Израилевым; по одному человеку от колена отцов их пошлите, главных из них. *Числа, Гл. 13: 2—3.*

арабским странам и наибольшим опытом оценки намерений своих противников, с которыми была уже отработана система обмена информацией. Америка обратилась к израильской разведке. С первых дней своего существования Израиль приобрел репутацию государства, добивающегося успеха в области шпионажа и тайных операций.

Премьер-министр Бен-Гурион и его соратники, провозгласившие в мае 1948 года независимость Израиля, с самого начала понимали, что в борьбе за выживание им необходима превосходная разведка. Их страна, одно из самых маленьких государств на земле, должна была создать лучшую в мире разведку.

За 32 столетия до Бен-Гуриона Моисей, повинувшись Божьей воле, отобрал 12 выдающихся израильтян и тайно направил их в Землю обетованную. Бен-Гурион и его команда тоже предъявляли высочайшие требования к своим секретным агентам, этим лучшим из лучших — «принцам» еврейского народа: они должны были руководствоваться патриотизмом, а не стремлением к материальному благополучию; они должны были представлять все лучшее, а не худшее, что было в израильском обществе; они должны были соблюдать уникальный принцип самоограничения, который в израильской армии называют «чистотой оружия», и не проливать кровь ради пролития самой крови; постоянно помнить, что они защищают демократию, а не тоталитарное государство, которое безжалостно сокрушает своих внешних и внутренних врагов. Совершенно очевидно, что не каждый мужчина может быть принцем и не каждая женщина — принцессой. Но они могут пытаться стать ими, и именно этого хотели основатели Израиля.

«Человеческий фактор — это самое главное для нашего общества и для наших служб безопасности», — говорил бывший начальник внешней разведки Израиля Меир Амит.

Задаваясь вопросом о том, удалось ли израильской разведке выдержать этот экзамен, мы можем сравнить ее с соответствующими службами Соединенных Штатов и других демократических государств. В нашей среде, невидимо для нас, постоянно действуют разведки и контрразведчики. Секретная служба, охраняющая американского президента, является очень небольшой организацией по сравнению с теми службами, что окружают всех нас. В Америке, несомненно, есть иностранные шпионы, чья деятельность считается неизбежной и даже приемлемой, если только

они не заходят слишком далеко. Американские службы безопасности работают в США и за рубежом, выявляют советских шпионов, борются с международным терроризмом и, в более широком смысле, защищают американские национальные интересы.

В демократическом обществе каждый должен подчиняться определенным правилам. Центральное разведывательное управление, соответствующие организации Великобритании, Западной Германии и Италии должны обеспечивать безопасность своих стран от врагов, которые придерживаются иных ценностей, но они не должны нарушать права человека и гражданина, которые они призваны защищать.

Есть какое-то врожденное противоречие между демократией и тайными средствами ее защиты. Соединенные Штаты и их наиболее важные союзники доказали, что открытое общество, основанное на принципах свободы и демократии, можно защищать от врагов с помощью тайной субкультуры — разведывательного сообщества. Но это сосуществование было далеко не безоблачным. Когда в Соединенных Штатах были выявлены серьезные нарушения гражданских прав со стороны ЦРУ и ФБР, разоблачены уотергейтские взломщики и другие «тайные слуги», американский конгресс, суды и средства массовой информации сумели справиться с этой ситуацией и восстановить контроль. Тайные операции, проводимые ради защиты наиболее мощной демократии, продолжают вызывать споры, и их масштаб существенно сокращен под неусыпным надзором со стороны конгресса и в свете недоверия, которое общество в целом испытывает по отношению к ЦРУ.

У американской и английской разведок даже возникли проблемы с набором кадров. Мало кому хочется работать в правительственном учреждении, которое далеко не все понимают и все не любят. В Соединенных Штатах и в других странах с трудом преодолеваются последствия прошлых скандалов. Во всяком случае, люди, привыкшие работать в тени и в обстановке секретности, редко проявляют склонность к диалогу с общественностью.

Израиль во многих отношениях уникальная страна. Одна из таких особенностей — широкая поддержка гражданами секретных служб своей страны, о которых они так мало знают. Несмотря на постоянное состояние войны, израильтяне в целом спокойно спят по ночам, зная, что их

надежно защищают армия и службы безопасности, считающиеся лучшими в мире.

В секретном докладе ЦРУ, найденном исламскими экстремистами, которые захватили в 1979 году американское посольство в Тегеране, содержится следующий вывод: «Израильская разведка и службы безопасности принадлежат к числу лучших в мире. Опытные кадры и мощная техническая база обеспечивают высокую эффективность их работы; они демонстрируют выдающуюся способность собирать и анализировать информацию, поступающую от агентуры, еврейских общин и других источников по всему миру».

Апогей успеха был достигнут в 1967 году в ходе ошеломляющего триумфа Израиля в Шестидневной войне, явившегося результатом блестящей работы разведки. Неспособность той же разведки предвидеть начало войны Йом киппур 1973 года с Египтом и Сирией, застигшей Израиль врасплох, была воспринята отклонением от нормы. Секретные службы Израиля восстановили свою почти мистическую репутацию в 1976 году, спланировав и осуществив операцию армейского спецназа по освобождению заложников захваченного террористами пассажирского авиалайнера в столичном аэропорту далекой Уганды Энтеббе.

В 1980-е годы многое изменилось как в плане мнений, так и в плане фактов. Новые израильские лидеры стали отдавать разведслужбам смелые приказы, не сопровождая их усилением контроля за деятельностью этих служб. В разведсообществе возникли острые конфликты между амбициозными руководителями, а также среди тех, кто покинул это тайное братство в погоне за наживой.

В это десятилетие Израилю был брошен вызов, и разведка была призвана обеспечить выживание и процветание страны. Вторжение в Ливан в 1982 году обеспечило изгнание оттуда палестинских партизан, но потом этот частный успех обернулся поражением. Стало известно, что работники служб безопасности, прославившихся своей борьбой с терроризмом, во время допроса убили двух захваченных террористов и, чтобы скрыть свое преступление, лгали об этом. Соединенные Штаты и Иран втянулись в сделку по освобождению заложников в обмен на поставки оружия, которая вроде должна была принести пользу Израилю, но «Моссад» был отстранен от обеспечения этой сделки и вынужден был бессильно наблюдать, как она окончилась

полным фиаско. Техник на сверхсекретном заводе ядерного оружия в Димоне, нарушив все требования безопасности, сфотографировал секретный объект и продал эти материалы иностранной прессе, и разведка не нашла ничего лучше, как захватить и похитить его из Европы.

В конце 1980-х годов один отставной израильский разведчик признался: «Мы заболели болезнью ЦРУ. Больше уже никто не любит «Моссад», «Шин Бет», а мы всегда чувствовали себя уверенно именно потому, что за нами стояла вся страна». В отличие от ЦРУ израильские спецслужбы окружили себя такой завесой секретности, что у них даже нет официального представителя, который мог бы поддерживать связи с общественностью.

Политики и представители прессы, следуя модели, сложившейся в США после уотергейтского скандала в предшествующее десятилетие, стали требовать от спецслужб своей страны большей открытости и публичного обсуждения проблем их деятельности. Многие представители так называемого оборонного истеблишмента выступали против всякой огласки, но другие считали, что ответы на некоторые вопросы помогут восстановить доверие общества к его тайным защитникам.

Лишь недавно особая группа специалистов «Моссада» подготовила официальную многотомную историю израильской разведки, но она имеет гриф «совершенно секретно» и хранится в архиве «Моссада». Она доступна только молодым сотрудникам, проходящим двухлетний курс подготовки, и ветеранам, когда те собираются, чтобы морально поддержать друг друга. Эта история не предназначена для печати.

Поэтому задача создания неофициальной истории израильской разведки ложится на плечи гражданских лиц, не связанных с разведкой. Полная история, в которой многие эпизоды впервые становятся достоянием гласности, а другие никогда в деталях не обсуждались, доказывает только одно: израильским шпионам не чуждо ничто человеческое.

Это звучит довольно банально, но чрезвычайно широкая реклама, которую получили некоторые успехи израильской разведки, породила миф о ее непобедимости и абсолютной осведомленности. Израильское разведывательное сообщество, которое включает «Моссад», занимающийся разведкой за рубежом, «Шин Бет», обеспечивающий внутреннюю безопасность, и армейскую разведку

«Аман», допускало ошибки, но все делалось для того, чтобы об этих ошибках не стало известно общественности. Были даже отдельные службы, названия которых и даже сам факт их существования держались в секрете.

Признавая, что израильские разведчики являются такими же людьми, и узнавая больше об их жизни и деятельности, мы можем задаться таким «черно-белым» вопросом: кто же они на самом деле — герои или злодеи? В условиях такого грубого выбора между этими двумя ярлыками мы должны признать, что большинство были героями.

Однако это еще не вся правда. Игнорирование отдельных исключений — безнравственного и неэффективного поведения — вряд ли будет способствовать пониманию того, в результате каких ошибок люди, проявившие себя подобным образом, попали на работу в разведку и как они себя вели, когда об их поступках стало известно. Руководители израильских спецслужб испытывали глубокое разочарование, когда они искали смелых и способных, а на их месте оказывались продажные и лживые.

Работники, нарушавшие высокие стандарты поведения, установленные основателями спецслужб, подвергались суровому наказанию. Эти стандарты были установлены в 1948 году после того, как через несколько дней после основания Израиля выяснилось, что первый руководитель военной разведки не соответствует своей должности. Он был снят Бен-Гурионом, решительно осудившим пытки и внесудебные расправы, в которых обвинялся этот человек.

Практическая деятельность агентов разведки, которая часто протекает за рубежом, очень трудно поддается контролю. Руководителю разведки — «королю» — и его аппарату — «придворным» — очень трудно добиться, чтобы все агенты вели себя как «принцы». Хуже того, очень трудно найти виновного в совершении какого-то нарушения, того, кто отдал приказ. В истории израильской разведки звучит постоянный рефрен — «не я».

Никто не хотел признавать свою ответственность за провал агентурной сети в Ираке в 1951 году. Все стали показывать друг на друга пальцами после краха в 1954 году диверсионной кампании в Египте, которую подцензурная израильская пресса назвала «езек биш», что на иврите означает «грязное дело». За пределами Израиля этот инцидент стал известен как «дело Лавона», потому что арест в Египте подготовленных израильянами диверсантов при-

вел к отставке Пинхаса Лавона с поста министра обороны. Лавон никогда не признавал своей ответственности, и взаимные обвинения с разных сторон продолжали еще долго дискредитировать израильское разведсообщество.

В 1965 году было совершено убийство известного марокканского оппозиционера, но опять никто из «принцев» или других членов «королевской семьи» израильского оборонного комплекса не пожелал взять на себя ответственность за причастность «Моссада» к этой акции. Само убийство было совершено агентами марокканской спецслужбы во Франции, но Израиль оказывал им помощь. Сейчас об этом не любят говорить, но этот инцидент оставил горький осадок в отношениях между ведущими израильскими политиками и руководителями разведслужб.

Вопрос об ответственности вновь встал с особой остротой после того, как в 1973 году выяснилось, что разведка оказалась неспособной предсказать приближение войны Йом киппур. Захваченные врасплох арабами и вынужденные отступить, израильские силы обороны впервые в своей истории чуть не проиграли эту войну. После прекращения военных действий эта война еще долго продолжалась в различных комитетах кнессета в Иерусалиме. Комиссия, расследовавшая этот провал, постаралась обелить премьер-министра Голду Меир и других политиков, свалив всю вину на «Аман». Израильская общественность, однако, не могла удовлетвориться тем, что ее гнев направили на невидимое разведсообщество. Голда Меир и министр обороны Моше Даян вынуждены были подать в отставку.

В 1980-х годах этот кризис ответственности обострился еще больше. Контроль за деятельностью разведслужб вроде бы усилился, но новые скандалы следовали один за другим. Вместо укрепления механизма контроля со стороны общества, который обычно свойствен демократии, усилия направлялись на то, чтобы оставить без ответа вопросы об ответственности.

Только после того, как работники «Шин Бет» убили во время допроса двух захваченных террористов, обществу открылась картина систематического лжесвидетельства и жестокости, характерных для этой организации. Попытка скрыть это преступление была детально зафиксирована в материалах следственной комиссии, но никто так и не взял на себя ответственность за отданный приказ. Руководитель «Шин Бет» ушел в отставку, но политикам все сошло с рук.

Разведывательная служба «Лакам», сам факт существования которой был большим секретом, привлекла внимание общественности после ареста американца Джонатана Полларда, который шпионил для Израиля в американском разведсообществе. После этого провала «Лакам» был распущен. История этого агентства, которое с 1950-х годов занималось главным образом охраной израильских атомных секретов, все это время оставалась покрытой тайной. Вплоть до настоящего времени.

И снова никто не взял на себя ответственность за вербовку американца. Полларду тоже хотелось быть одним из «принцев» среди израильтян, но он своими действиями разрушил доверительные отношения, существовавшие между американскими евреями и еврейским государством, а также между разведывательными братствами двух стран.

Когда в 1986 году разразился «ирангейтский» скандал, со стороны представителей администрации Рейгана были явные попытки взвалить всю вину на Израиль. Утверждалось, что секретные службы Израиля манипулировали в своих интересах как американцами, так и иранцами. Правда, до сих пор покрытая тайной, заключается в том, что «Моссад» с самого начала не одобрял сделку «заложники в обмен на оружие», но именно в тот момент бюрократический престиж шефа этого шпионского ведомства, отвечавшего за все зарубежные разведывательные операции, был так низок, что он не мог предотвратить участия Израиля в этом скандальном предприятии.

К концу десятилетия исключительно скрытое и прежде вполне уважаемое разведывательное сообщество стало более известным, но менее уважаемым. Война Йом киппур стала первым публичным унижением израильской разведки, но за ним последовало так много, что израильские граждане в конце концов потеряли веру в секретные службы своей страны. Вместо того, чтобы спать спокойно, считая, что «Моссад», «Шин Бет» и «Аман» защитят их, израильтяне метались и ворочались, снедаемые сомнениями в эффективности своего разведывательного сообщества.

Их совсем не успокаивало признание руководителей разведки и оборонного ведомства, что по сравнению с «добрыми старыми временами» сегодняшние шпионы вовсе не «принцы». «Стало меньше профессионализма как на аналитическом, так и на оперативном уровне, — говорит бывший начальник военной разведки генерал Шломо Га-

зит. — Меньше осмотрительности и меньше вдумчивости в процессе принятия решений. Несомненно, что-то случилось с израильской разведкой».

История израильской разведки, как и история самого Израиля, может быть разделена на четыре основных периода.

С 1948 по 1962 год в разведке, как и во всем израильском обществе, господствовал дух пионерства, и человек, несомненно, был самым важным фактором нарождающегося разведывательного сообщества. После первого скандала, который привел к отставке первого руководителя военной разведки Иссера Беери, шеф службы внутренней безопасности Иссер Харел стал на целое десятилетие центральной фигурой тайного сообщества. Он был первым и единственным обладателем титула «мемунех», означающего человека, который «руководит всем», в том числе «Шин Бет» и «Моссадом». Как и его шеф Бен-Гурион, «мемунех», вне всякого сомнения, хотел, чтобы все его шпионы были «пришцами».

Харел, которого многие считали «монахом», исходил из того, что руководитель разведки должен быть примером, а все сотрудники «Моссада» и «Шин Бет», мужчины и женщины, должны быть такими же бескорыстными патриотами, такими же горячими энтузиастами Израиля, как и он сам. В ранний период существования Израиля вообще все казалось новым и вызывало энтузиазм.

Первые израильские шпионы не знали, как делать некоторые вещи, поскольку у них не было опыта и устоявшихся традиций секретных служб, как в других странах, но они находили пути к достижению цели. «Если вас выкинули за дверь, влезайте в окно». Никто не соглашался принять «нет» в качестве ответа. Все было возможно, и «принц»-шпион всегда мог найти способ достижения цели.

Почти все они происходили от одних корней: евреи европейского происхождения, говорившие на многих иностранных языках и гордившиеся своими предками и культурным наследием. Они создали подобие английской системы «старых приятелей», превращая некую социальную близость в эффективное единство целенаправленных действий. Они считали, что были не на мили, а на целые световые годы впереди своих арабских противников. Некоторых израильских оперативников отличала слабость к дорогим отелям и ресторанам. Это входило в противоречие

с пуританскими взглядами и аскетизмом Харела, но последнее слово всегда оставалось за «мемунехом».

Некоторая часть критики, раздающейся сегодня в адрес разведсообщества, содержит обвинения в коррупции или как минимум в мотовстве. Здесь, видимо, сказывается сохранившееся со времен Харела стремление достичь максимума при минимальных затратах. Еще одной характерной чертой разведки времен Харела была абсолютная преданность своему делу агентов «Моссада» и «Шин Бет». «Мемунех» старался внушить им, что они были самыми умными и самыми лучшими израильянами, что за каждым из них стояло разведсообщество, пользующееся полной поддержкой израильского общества. Израиль всегда старался выручать своих провалившихся шпионов путем проведения специальных акций либо путем обмена на захваченных арабов. С этой же целью Израиль обращался за помощью к международным лидерам — от папы римского до президента США. Однако, как везде, были исключения и здесь, в частности, арестованные в Египте израильские шпионы в течение нескольких лет чувствовали себя покинутыми.

После Харела наступил переходный период с 1963 по 1967 год, когда главенствующую роль в разведсообществе играл Меир Амит, сначала как начальник военной разведки «Аман», а затем как руководитель «Моссада». Он внес больше профессионализма в вопросы подбора и подготовки кадров, сделал несколько меньший акцент на использование агентуры. При нем стали широко использоваться компьютеры и другая современная техника, хотя сам Амит постоянно подчеркивал необходимость поиска талантливых людей.

«Разведка, — говорит Амит, — это война умов, и роль техники заключается в том, чтобы увеличить интеллектуальный потенциал человека, объединить возможности человека и машины, но в этой связке фактор человека всегда будет оставаться решающим, особенно в такой сфере, как разведка».

Амит стремился уменьшить значение «старых друзей», которые вместе боролись в рядах «Хаганы» и других подпольных формирований. В отличие от Харела, который подбирал людей, полагаясь на свои инстинкты, новый шеф «Моссада» подбирал кадры по принципу американского большого бизнеса. Он вел эту работу более систематично,

обращая особое внимание на элитные военные подразделения, искал людей, которые проявляли «агрессивность, хитрость, инициативу, решительность и готовность к схватке с противником».

Стремясь управлять внешней разведкой как крупной корпорацией, Амит перевел штаб-квартиру «Моссада» из служебного комплекса министерства обороны в современное здание в Тель-Авиве. Аскетическим ветеранам новая штаб-квартира казалась слишком шикарной, и это дало повод для первых обвинений в коррупции и транжирстве.

Третий период, с 1967 по 1977 год, начавшийся с Шестидневной войны и огромных изменений, которые вызвала эта молниеносная победа, оказал влияние на многие стороны жизни израильского общества. «Принцы»-шпионы решили, что они уже непобедимы. Амит, который в 1969 году был руководителем «Моссада», признает: «После войны мы все заболели высокомерием. Мы знаем все лучше всех, мы самые лучшие, мы выше всех остальных. Это привело к утрате ценностей и неуважению к принципам демократии».

Захват Синая, Западного берега реки Иордан, Голанских высот и сектора Газа создал для разведсообщества большую дополнительную нагрузку. Вместо того, чтобы защищать демократию и поддерживать внутренний порядок в пределах границ Израиля, «Шин Бет» внезапно оказалась перед необходимостью защищать свою страну от потенциальных врагов на оккупированных территориях. Работники «Шин Бет» каждый день соприкасались с арабами, которые не имели в Израиле никаких прав. Разведке пришлось взять на себя роль тайной полиции. «Принцы» перестали быть принцами, но они не стали рыцарями, а превратились в феодалов в княжестве «Шин Бет» на Западном берегу и в секторе Газа.

В это же время было ослаблено внимание к вопросам наблюдения за обстановкой и возможными военными приготовлениями в соседних арабских странах. Бригадный генерал Иоель Бен-Порат, командир подразделения радиоразведки «Аман», вспоминает: «Все исходило из природной неполноценности арабов. Считалось, что израильский танковый взвод может сокрушить арабский танковый батальон. Конечно, это был нонсенс. «Аман» был довольно невежествен в отношении арабов, их истории, культуры, религии и литературы. Работники «Амана» не владели

арабским языком и не стремились его изучать. Но если вы хотите быть разведчиком, то вы должны иметь возможность «потрогать» и понять все на языке тех, кем вы занимаетесь как разведчик».

Это высокомерие было жестоко наказано в ходе внезапного нападения Египта и Сирии на Израиль во время войны Йом киппур 1973 года. Израильское разведсообщество разрывалось на части противоположными оценками того, кто был виноват в неспособности разведки предвидеть внезапное нападение, и это, в свою очередь, еще больше подорвало авторитет разведки в израильском обществе. Израильские шпионы из «принцев» превратились в обычных крестьян.

Четвертый период развития израильской разведки начался в 1977 году с избрания Менахема Бегина, первого израильского премьера, не принадлежавшего к лейбористской партии. Тайные операции разведки всегда вызывали у него огромный интерес, и он вдохнул новую жизнь в разведку, требуя от нее проведения смелых операций, которые могли бы переписать историю в пользу Израиля.

После бесславного вторжения Израиля в Ливан в 1982 году стремление Бегина к решительным действиям сменилось откровенным авантюризмом. Аналитические доклады «Амана» и «Моссада» игнорировались премьер-министром и другими высшими руководителями. Агентов разведки стали ценить не за ум, а за грубую силу.

Некоторые из шпионов, думавшие, что они, действуя смело и патриотично, могут стать «принцами», пришли к выводу, что в сложившейся обстановке им надо приобрести собственные «княжества». Стремление к наживе вызвало отток разведчиков в сферу частного бизнеса. Довольно большая группа бывших работников разведки превратилась в независимых консультантов, советников и торговцев оружием, готовых служить тому, кто больше заплатит. Они серьезно портили имидж Израиля в мире.

Ответственность за все, что делали эти частные предприниматели по всему миру, возлагали на правительство Израиля и чаще всего на «Моссад». Когда в 1989 году появились сообщения, что израильские наемники помогали наркобаронам в Колумбии и Панаме, единственное, что власти в Иерусалиме могли сделать, чтобы показать свою непричастность к этому, — назначить расследование.

Израильские шпионы были не единственными, кого связывали с теневым зарубежным бизнесом. Такую же активность проявляли в отдельных уголках земного шара ветераны британских вооруженных сил. Комментируя сообщения о том, что ЦРУ помогало наркоторговцам, которые соглашались переправлять оружие антикоммунистическим силам в Латинской Америке, сенатор от штата Нью-Йорк Альфонс д'Амато заявил: «Наша разведка должна пресекать торговлю наркотиками, а не сотрудничать, как она делала, с этими отбросами общества».

Но даже сотрудничая с отбросами общества, израильские торговцы оружием и так называемые «бывшие» из числа сотрудников разведки нередко оказывались в весьма интересных и стратегически важных точках. Это в ряде случаев создавало уникальные возможности, которыми не располагала официальная разведка.

Какая-либо система контроля за деятельностью этих израильских «агентов» практически отсутствовала. Многие вообще не состояли на официальной службе и не стали бы выполнять приказы, даже если бы такие приказы последовали. Даже те, кто систематически использовался израильскими спецслужбами, как, например, Джонатан Поллард в США или двойной агент-палестинец в Великобритании, были после ареста самым бессовестным образом брошены Израилем на произвол судьбы. Вопреки прежней традиции не было предпринято никаких шагов для того, чтобы добиться их освобождения в этих двух дружественных странах.

В самом Израиле достоянием общественности стала информация о довольно сомнительных действиях «Шин Бет» и других спецслужб. Престиж разведки снова упал, так же как и уровень ее руководителей. Один из самых скандальных случаев был связан с шикарной вечеринкой по поводу дня рождения директора «Шин Бет», которую устроила его подружка. Это нескромное торжество дало обильный материал для скандальных репортажей прессы, а «принцы» израильской разведки стали предметом многочисленных сплетен.

Ответственный работник «Шин Бет», говоря о скандале, связанном с убийством двух захваченных террористов и покровительстве этого преступления, использовал «язвительную еврейскую поговорку, которая в переводе с иврита звучит примерно так: «Нам моча ударила в голову».

Другими словами, они проявили самонадеянность. Привыкнув использовать обман и предательство в отношении арабских террористов, падшие «принцы» «Шин Бет» начали обманывать и израильскую правовую систему. Они забыли о своем королевском наследии и попались.

Израильское разведывательное сообщество, как и аналогичные структуры других государств, является зеркальным отражением общества, которому оно служит и которое является источником его силы и вдохновения. Каждая страна создает разведывательную структуру по своему подобию. Помимо собственно тайных операций, проводимых спецслужбами, вокруг них образуется некий фольклорный ореол, отражающий национальный характер народа и его культуру.

Британцы считают разведку, как и многие другие сферы деятельности, игрой. Акцент делается на состязательности, которая понимается больше как борьба умов, а не мускулов и пистолетов. Британская разведка хочет, чтобы ее воспринимали как элегантную, умную, изощренную и способную на очень тонкие комбинации организацию. Она строит свою работу на лучших человеческих качествах: понимании и интеллекте. Ее можно характеризовать как воплощение британской породистости с некоторой добавкой романтизма и авантюризма.

Французы тоже видят в этом игру, в которой правительство говорит одно, но имеет в виду совершенно другое. Французским секретным службам не нравится, что они должны подчиняться правительству, и они пытаются обойти решения своих политических лидеров. Для французских шпионов ничто не является окончательным: для них любая сделка еще не сделка, и всегда найдется чиновник, готовый закрыть на это глаза.

Американцы превратили разведку в большой бизнес. Для них важно количество. Американская шпионская организация представляет собой массивный конгломерат, который базируется не столько на индивидуальном искусстве исполнителя, сколько на эффективности и методологии всей системы. Акцент делается на коллективной работе с использованием лучшей в мире техники и последних достижений технологии. Американские тайные агенты временами проявляют жестокость; если считают нужным, могут бомбить мирные поселения, свергать неугодные им режимы и даже разрабатывать схемы ликвидации иност-

ранных лидеров. Американские агенты всегда оправдывают любые свои поступки тем, что они действуют в интересах свободного мира и демократии, а не ради эгоистических интересов США.

Советские лидеры до наступления эпохи гласности считали разведку инструментом защиты своего режима и сохранения коммунистической системы в целом. В этой системе отдельный человек был всего лишь винтиком большого коллектива, послушным слугой жесткой иерархической бюрократии.

В израильской разведке можно заметить влияние всех этих четырех моделей. Опыт британских, американских, французских и советских спецслужб вольно или невольно с самого начала оставил свой след на израильской разведке.

Израильское разведсообщество представляет собой синтез различных традиций, которые были изучены, унаследованы или скопированы у других стран, имевших большой исторический опыт и более укоренившиеся традиции разведывательной деятельности.

Малоизвестный основатель израильского разведсообщества Рувен Шилой был одним из патрициев в британском духе; один из отцов израильской разведки, он любил тайные схемы, дипломатические интриги и далеко идущие стратегические концепции. Он романтизировал профессию шпиона и не обращал особого внимания на эффективность.

Иссер Харел повысил эффективность разведки, в основном по советской модели. Русское влияние, возможно, неосознанно, но довольно заметно сказалось на облике израильской разведки. Это было наследие большевистского духа, который принесли с собой из России и Восточной Европы отцы-основатели Израиля. Русское влияние включало социалистические идеи, дух первопроходчества, централизацию и представление о том, что интересы государства должны ставиться выше интересов индивидуума. Харел находился под влиянием этих идей, хотя его собственные инстинкты и природный ум перевешивали русское наследие.

Меир Амит тоже оставил свой отпечаток на израильской разведке, внедрив в ее работу элементы американского менеджмента. Много было сделано для обеспечения эффективной работы людей и техники. Важным инструментом в руках Амита были компьютеры и другие технические новинки.

Основные политические соперники 1980-х годов, Шимон Перес и Ицхак Рабин, имели между собой много общего в том, как они делили сферы ответственности в правительстве и в разведсообществе. Оба получили первый опыт тайных операций от французов. Перес с 1956 по 1963 год почти непрерывно курсировал между Иерусалимом и Парижем, где Шамир представлял «Моссад». Они многое переняли у французских спецслужб и внедрили это в Израиле. Стало почти традицией вместо четкого разрешения на проведение той или иной операции просто подмигнуть глазом. Для израильтян это означает, что они могут делать все что угодно, и им это сойдет с рук.

В целом израильское разведсообщество складывалось под сильным влиянием еврейского характера. Несмотря на все ракеты, находящиеся на орбитах, и самую совершенную электронную технику подслушивания и другие новшества космической эры, Израиль всегда полагался на свою агентуру. Именно этот человеческий потенциал — агентурные источники — давали израильской разведке решающее преимущество.

Одним из основополагающих принципов израильской разведки является гуманизм. Проблема еврейской иммиграции отличает разведку Израиля от разведок всех других стран мира. С самого своего зарождения это была «еврейская разведка», которая занималась тайными операциями, направленными на защиту интересов еврейских общин за рубежом и стимулирование эмиграции евреев на их библейскую родину — в Израиль. Цви Замир, преемник Амита на посту директора «Моссада», вспоминает: «Из всех операций и вообще всей разведывательной деятельности, за которую я отвечал, наиболее важными и волнующими были операции по спасению наших еврейских братьев в тех странах, где они подвергались угнетению, и вывоз их в Израиль. Это было большое и гуманное дело».

Кто может представить себе ЦРУ, защищающее каждого владельца американского паспорта в любой стране мира? Или британскую «МИ-6», использующую все свои ресурсы для собирания англичан на родных островах? Двоякая миссия «Моссада» по защите Государства Израиль и всего «израильского народа» делает эту службу действительно уникальной.

Израиль по-прежнему, как и в первые дни своего существования, направляет большие людские и материальные

ресурсы на обеспечение «еврейской разведки», но современная ситуация требует отвлечения все больших ресурсов на борьбу с арабским терроризмом. В дополнение к этому в конце 1980-х годов перед аналитиками и оперативными работниками «Шин Бет» неожиданно встала никем не предвиденная проблема палестинского восстания. В 1990-х годах израильская разведка может встретиться с совершенно новыми проблемами, но они, несомненно, требуют укрепления морального духа разведки и повышения уровня кадров.

Трудно оценить, насколько разведсообщество Израиля готово к вступлению в XXI век. Уходящие в отставку израильские разведчики неизменно заявляют, что теперь разведка уже «не та». Эти «бывшие» утверждают, что все, что было хорошего, идет прахом и профессиональные стандарты падают.

Правда, однако, заключается в том, что эти ностальгические жалобы вызваны трудностями приспособления отставников к гражданской жизни. Чтобы убедить себя в том, что в свое время они делали чудеса, они позволяют себе публично высказываться — часто впервые в жизни — и критикуют то, как это делается теперь.

Ветеран «Моссада» Дэвид Кимче утверждает, что секретная служба переживает период упадка и сегодняшние работники мало чем напоминают тех оперативников, которых он встретил, когда в 1953 году пришел в разведку. «Главное различие — в мотивации, — говорит Кимче. — У нас было ощущение выполняемой миссии и готовность работать днем и ночью с полной самоотдачей».

Как известно, кладбища полны могилами тех, кто считал себя незаменимым. На смену ушедшим «бывшим» постоянно приходят новые люди, которые при надлежащем руководстве и контроле смогут преодолеть последствия громких скандалов и провалов 1980-х годов.

В секретном докладе ЦРУ, посвященном израильской разведке, с явной завистью отмечается, что большинство израильских разведчиков «понимает, что существование Израиля как нации зависит от эффективной и слаженной работы разведки и служб безопасности». Аналитик ЦРУ добавляет, что «все старшие офицеры израильской разведки очень давно знают друг друга. Их отношения прошли проверку в сложной обстановке, которой не знала почти ни одна страна; они составляют основу, на которой стро-

ится согласованная работа различных служб, входящих в разведсообщество».

По сравнению с их иностранными соперниками в сфере шпионажа израильские агенты имеют уникальные преимущества, но на их пути есть и серьезные препятствия. Общее национальное прошлое побуждает ветеранов и молодое поколение работать бок о бок днем и ночью, закреплять прошлые достижения и вести разведсообщество в будущее.

Когда избранные Моисеем «принцы» возвратились после завершения своей шпионской миссии в Земле обетованной, их наблюдения были противоречивы, и они долго спорили об увиденном. Предлагаемая читателю история является попыткой представить сбалансированную картину того, что происходило в периоды войны и мира, за кулисами политик, и увидеть это через личный опыт и восприятие современных шпионов.

Они не всегда бывают правы, и избранные законным путем лидеры не всегда к ним прислушиваются. Но большинство из них действительно стремится быть «принцами и принцессами», действуя в соответствии с целями и требованиями, выработанными в момент рождения Израиля.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Типичным тель-авивским летним днем 30 июня 1948 г. 6 мужчин, в костюмах цвета хаки, предусмотрительно разделившись на мелкие группы, кто на машине, кто на такси подъехали к дому под номером 85 по улице Бен-Иегуда и поодиночке нырнули в здание, ничем не отличавшееся от других домов в этом жилом квартале, за исключением того, что на втором этаже этого дома за одной из дверей под вывеской «Консультационные услуги» располагалась штаб-квартира организации, известной под названием «Шай».

«Шай» — сокращение от слов «Шерут Едиот» — на иврите означало «Информационная служба». Это была служба разведки подпольной армии палестинских евреев, которая до получения независимости Израилем была известна как «Хагана» («Оборона»). Через 6 недель после официального провозглашения (15 мая 1948 г.) Государства Израиль «Хагана» вошла в состав вооруженных сил страны, что ознаменовало конец организации «Шай» и рождение израильского разведсообщества.

Это было уникальное объединение в уникальной ситуации. В разгар первой войны только что появившийся на свет Израиль, создавая основы демократического общества, должен был обеспечивать безопасность и оборону своей страны. Люди, собравшиеся в тот день в Тель-Авиве, были основателями секретных служб, которые и составили израильское разведывательное сообщество.

Эти люди обладали огромным опытом проведения тайных операций: шпионаж, контрабанда, сбор информации любыми, даже сверхжесткими методами — все во имя до-

стижения независимости и идеалов сионизма. Однако в том, что касалось демократии, они всегда оставались на позициях наблюдателей и никогда не принимали полноценного участия в этом процессе. Перед их глазами стоял пример англичан: с одной стороны, сотрудников английских спецслужб, которые вели борьбу с подпольным движением евреев в Палестине, а с другой стороны, — политиков родины современной демократии в Лондоне. Им нравились и те и другие.

И теперь им предстояло повторить то, что они видели на примере англичан. Не существовало рецепта, как защитить страну во время войны, не подавив одновременно демократию, особенно на Ближнем Востоке, где западные представления и ценности не имеют приверженцев.

На последнем совещании «Шай» председательствовал 47-летний руководитель этой высокоэффективной организации подполковник Иссер Беери. Его маленькие глаза быстро скользили по лицам участников совещания, расположившихся за круглым деревянным столом, наблюдая, как эти ветераны подполья обменивались репликами и просматривали заголовки газет, заполненных, как обычно, сообщениями с различных фронтов борьбы за независимость Израиля. Борьба страны за право на существование началась уже в день создания израильского государства, когда на территорию Израиля вторглись армии соседних с ним арабских государств.

Беери обладал примечательной внешностью: черные брови, подбородок с глубокой ямочкой и венчик седых волос вокруг большой лысины. К тому же он был высок ростом, чем заслужил прозвище «Большой Иссер». Иссер Биренцвейг родился в 1901 году в семье первых израильских переселенцев. Он выбрал себе имя на иврите как символ разрыва со своими европейскими корнями, где его еврейские предки подвергались преследованиям и дискриминации. В рядах «Хагана» и «Шай» он показал себя фанатиком борьбы с коррупцией, которую просто не переносил. В его глазах Израиль мог и должен был стать идеальным обществом.

Беери откашлялся, привлекая внимание собравшихся:

— Я только что виделся со «Стариком». (Так называли Давида Бен-Гуриона, популярного премьер-министра Израиля, который одновременно занимал пост министра обороны и руководил вооруженными силами страны.)

Офицеры «Шай» непроизвольно подтянулись, ожидая сообщение от седовласого оракула Израиля. В свои 62 года Бен-Гурион был непререкаемым авторитетом и путеводной звездой Израиля.

Беери выдержал многозначительную паузу.

— Прежде чем мы перейдем к повестке дня, из-за чего мы здесь и собрались сегодня, — сказал он, — я хочу проинформировать вас о положении на фронтах.

Он сообщил коллегам, что израильской армии удалось остановить продвижение превосходящих сил противника, но египтяне продолжают наращивать свои группировки всего в 20 милях от Тель-Авива, в то время как сирийцы угрожают kibbutzам в районе моря Галилеи. В Иерусалиме, осажденном арабским легионом Трансиордании, положение было тоже не блестящим.

— Однако, — заметил Беери, — премьер-министр смотрит гораздо дальше нынешней ситуации.

По существу Бен-Гурион заявил нынешнему шефу «Шай», что разведка должна стать важнейшей частью обороны Израиля. Причем она должна быть не просто хорошей, а превосходной.

Актуальный вопрос повестки дня, как заявил Беери, заключался в том, как выполнить указание премьер-министра: распустить «Шай» и использовать кадры этой организации как основу нового разведсообщества.

Дело было не в том, чтобы дать «Шай» новое название. Вместо этого разведслужба «Хаганы» и другие сионистские организации должны были стать основой для создания следующих четырех самостоятельных специальных служб.

Военная разведка. Беери объявил, что отныне он будет возглавлять ведущую службу в разведсообществе, которая в то время называлась Разведывательным отделом армии. Позже она стала называться короче: «Аман», что означало «разведывательное крыло». Перед этой службой стоял широкий круг задач: сбор информации о вооруженных силах арабских стран, цензура израильских газет, безопасность вооруженных сил и контрразведка.

Служба внутренней безопасности. Беери объявил ветерану «Шай» Иссеру Харелу, что тот назначается руководителем агентства, известного в настоящее время как «Шин Бет», то есть Службы общей безопасности. Харел как раз в то время проходил юридическую процедуру изме-

нения своего имени Иссер Гальперин, которое ему было дано при рождении в России в 1912 году. В организации «Шай» он занимался наблюдением за правым крылом еврейских организаций, которые отвергали авторитет Бен-Гуриона и «Хаганы». Предложенный пост был по душе Харелу, так как он был убежден, что внутренние враги Израиля могут быть так же опасны, как и внешние; он был убежден, что истинные защитники Израиля должны строго придерживаться определенного кодекса поведения. Внешностью Харел напоминал Беери, но был ниже ростом, более смуглым, темноволосым, с большими ушами, что оправдывало его прозвище «Маленький Иссер».

Служба внешней разведки. Беери сообщил Борису Гуриелю, что в качестве нового начальника политического департамента министерства иностранных дел он будет входить в состав разведсообщества и отвечать за сбор информации за пределами Израиля. 50-летний уроженец Латвии Борис Гурвич, уже имел большой опыт работы с иностранцами; во время второй мировой войны он служил в английской армии и был взят в плен немцами, но уцелел. В «Шай» он отвечал за ведение разведки за представителями английских властей в подмандатной Палестине.

Институт «Алия-Бет». Беери добавил, что «Институт Алия-Бет» продолжит свою тайную деятельность под руководством Шауля Авигура, хотя его первоначальная миссия — тайная доставка в Палестину еврейских эмигрантов — будет скорректирована, так как эмиграция в Израиль стала вполне легальной. Когда «Хагана» в 1937 году создавала эту организацию, ей дали название «Алия-Бет», чтобы отличить ее от легальной иммиграционной британской службы — «алии», — которая позволяла въехать в Палестину лишь немногим евреям-счастливицам.

Руководитель «Алии-Бет» Сауль Мейеров родился в 1899 году в Латвии. В 1934 году он помогал создавать «Шай» и в 1948 году был заместителем Бен-Гуриона как министра обороны. Его главная задача заключалась в закупке оружия за рубежом. В Израиле он принял имя Авигур — «отец Гура» — в память своего сына Гура, погибшего в первой израильской войне.

Авигур не присутствовал в Тель-Авиве в момент рождения израильского разведсообщества, так же как не присутствовал там и другой основатель организации «Шай» —

Рувен Шилой. Однако именно Шилой как специальный советник премьер-министра по внешней политике и стратегическим вопросам задумал реорганизацию разведслужб. Это имя не приобрело национальную известность и не вошло в сонм героев, которых боготворят евреи всего мира. Мужчины и женщины, работающие в теневой сфере шпионажа, редко получают признание, которое они заслуживают. Имя Шилой, тем не менее, следует запомнить как олицетворение разведки Израиля.

Невысокого роста, с голубыми глазами, поблескивающими за стеклами профессорских очков, Шилой обладал способностью фокусировать свой пронизывающий взгляд на том, с кем он разговаривал, и создавать у человека ощущение того, что тот подвергался допросу. От него исходило какое-то ощущение силы и таинственности. Он отличался ненасытной любознательностью и всегда вникал в мельчайшие детали вопросов, которыми занимался.

Разговаривавшие с ним коллеги всегда обращали внимание на шрам на его правой щеке. Это была отметина от взрыва бомбы в арабском автомобиле, начиненном взрывчаткой, в марте 1947 года неподалеку от иерусалимского представительства Еврейского агентства, которое было неофициальным еврейским правительством в период, предшествовавший достижению независимости.

Шилой умел задавать вопросы, но сам редко сообщал какую-то информацию. Это был одинокий волк, который занимался своим делом, предпочитая оставаться за кулисами, пунктуальный и методичный аналитик, представлявший свои рекомендации без какой-либо эмоциональной окраски. Все его начинания базировались на реальной основе, но в личной жизни он предпочитал оставаться загадочным.

«Шилой любил в своих интервью и при заполнении всякого рода анкет сообщать о себе противоречивые сведения, даже когда эти детали не имели особого значения, как если бы он хотел создать вокруг себя обстановку тотальной секретности» — отмечал его биограф Хагай Эшред.

«Когда Рувен Шилой садился в такси, — вспоминает его друг, выдающийся израильский дипломат Абба Эбан, — он никогда не называл водителю адрес. Только лаконичный приказ: «Поехали». И когда вышедший из себя водитель спрашивал: «Куда?», Шилой смотрел на него таким пронизывающим и недоверчивым взглядом, будто тот был опасным шпионом».

Шилой был прирожденным секретным агентом, хотя об этом никто не подозревал в тот момент, когда он пришел в этот мир под именем Рувена Засланского. Его семья жила в ортодоксальном еврейском районе Иерусалима, который в то время управлялся Оттоманской империей. Отец Рувена, Ицхак Засланский, был раввином, который передал своим детям — двум сыновьям и двум дочерям — стремление к знаниям, далеко выходящее за рамки традиционного религиозного образования, характерного для его общины.

Учителя Рувена отмечали, что он был серьезным и талантливым студентом. Он обладал чувством юмора, хотя редко его выказывал, преуспевал в любительском театре, обнаружив талант, который впоследствии будет использовать в разведывательной работе. Он также был независим в своих суждениях и к моменту окончания средней школы отказался от еврейских обычаев употребления кошерной пищи и вообще отошел от религиозных традиций своей семьи.

Рувен мог быть обаятельным, если ему хотелось таким казаться. Когда он преподавал иврит новым иммигрантам из Америки, то стал ухаживать за активисткой социального обеспечения Бетти Борден из Нью-Йорка. В 1936 году они поженились.

Его другой большой любовью была «Хагана», где Бен-Гурион и другие лидеры, быстро заметив его таланты, продвигали Рувена вверх по командной лестнице, и он отвечал им беспредельной преданностью.

В момент своего вхождения в руководящие круги сионистского движения он сократил свое имя с Засланского до Заслани, а впоследствии взял в качестве имени свой подпольный псевдоним «Шилой». Трудно было придумать более подходящее для него имя, ибо оно происходило от слова «шаллия», что на иврите означает «эмиссар», и Рувен действительно неоднократно выступал в этом качестве, выполняя ответственные тайные поручения Бен-Гуриона.

Это еще не была настоящая разведывательная работа, но его тайные миссии содержали первые элементы того, что впоследствии позволит ему сформировать свое представление о разведке: четкое определение противников, сбор полной информации о них и вечный поиск союзников. Перед лицом превосходящих сил противника на Ближнем Востоке евреи должны были уметь быстро и уверенно отличать друзей от врагов.

Свое первое задание Шилой получил в августе 1931 года, когда ему еще не исполнилось 22 лет. Еврейское агентство глубоко внедрило его в арабский мир, в столицу Ирака Багдад. Он использовал прикрытия, работая школьным учителем. Шилой также подрабатывал как журналист, что, естественно, позволяло ему совершать поездки по стране. За три года такой «журналистской» работы Шилой сумел создать внушительную информационную сеть. Самые полезные уроки он извлек из вылазок в горный Курдистан, на севере Ирака, где ему удалось установить контакты с представителями нацменьшинств, обитавшими в горах и не имевшими своего государственного образования. Шилой никогда не забывал курдов и потом, формируя свое представление о будущем израильском разведсообществе, уделял особое внимание заключению тайных союзов с неарабскими меньшинствами на Ближнем Востоке. Он считал, что евреи могут найти себе друзей на периферии арабского мира. Его «периферийная философия» стала одним из важных догматов израильской разведки.

Когда в 1934 году Шилой возвратился в Иерусалим, «Хагана» поручила ему создание профессиональной разведывательной службы для защиты долгосрочных интересов еврейской общины в Палестине. Эту работу он выполнял вместе с Мейеровым и Авигуром, и вскоре они создали «Шай». Официальной работой Шилоя всегда считалось поддержание связи между Еврейским агентством Бен-Гуриона и британской администрацией в Палестине.

Когда в Европе началась вторая мировая война, Шилой воспользовался этой возможностью для углубления таких отношений. Нацистская Германия была общим врагом как евреев, так и англичан. Шилой помог создать еврейскую бригаду в составе британских вооруженных сил. Это был дальновидный шаг: впоследствии бригада явилась одной из основ израильской армии.

Война стала тяжким испытанием для палестинских евреев, которым удалось спасти очень немногих своих братьев от гибели в нацистских лагерях смерти, но для Шилоя и соратников это явилось большим и полезным опытом. Ведя борьбу всеми доступными способами, они приобретали бесценную практику проникновения во вражескую среду, иногда с применением прямо-таки маскарадных средств ведения разведки. Людей с арийской внешностью направляли в оккупированные немцами европейские страны, а те,

кто был похож на арабов и владели арабским языком, проникали в Сирию и Ливан, находившиеся под контролем пронацистского вишистского режима Франции.

26 завербованных Шилом еврейских парашютистов были заброшены в немецкий тыл на Балканы. Некоторые из них, как например Ханна Сенеш и Энзико Серени, были арестованы и как шпионы расстреляны — их имена причислены к сонму героев Израиля. Другие, как Ешайяху (Шайке) Трахтенберг-Дан, выжили и впоследствии сделали немало полезного в израильской разведке.

Во время войны Шилой не только учился, но и приобретал влиятельных друзей, которые впоследствии будут помогать евреям в их борьбе с арабами за контроль над Палестиной. Он также установил тесные отношения с представителями английской военной разведки в Иерусалиме и Каире. Что было еще более важно, во время второй мировой войны были установлены первые контакты между сионистским движением и американской разведкой. Шилой обменивался мыслями и угощал коктейлями представителей Управления стратегической службы, которые в 1947 году составили ядро Центрального разведывательного управления.

После войны эти связи укрепились и стали основой для жизненно важных отношений между ЦРУ и разведкой Израиля. Деятельность Шилоя во время войны является наглядным примером его мудрости и дальновидности, умения видеть стратегические перспективы разведки в современных условиях.

Наставляя основателей еврейского государства, которые учились управлять современным государством на древней земле своих предков, Шилой называл разведку «наиболее важным политическим инструментом». В этой сфере, где намерения редко провозглашаются открыто, Шилой так определял тайные цели израильской внешней политики и задачи дипломатии:

«Арабы являются врагом номер один еврейской общины, и в арабскую среду надо внедрять профессиональных агентов.

Израильская разведка не должна ограничиваться рамками Палестины. Она должна выполнять роль еврейско-сионистского гаранта безопасности евреев по всему миру.

Тайная деятельность должна основываться на современной технологии, использовать новейшие достижения в

области шпионажа, поддерживая связи с дружественными службами США и европейских стран».

Шилой не участвовал во встрече в особняке на улице Бен-Иегуда, на которой была распущена «Шай» и созданы основы разведки нового государства — он считал эту встречу чисто формальным актом — и как ангел-хранитель издала наблюдал за рождением новой израильской разведки. Но у него были и основания для серьезного беспокойства в лице Иссера Беери.

30 июня 1948 г., всего через несколько часов после вступления на пост руководителя военной разведки, Беери проявил такое экстремальное чувство долга, какого с тех пор не было в истории Израиля. Он собрал так называемый «суд кенгуру», по существу самосуд, который вынес смертный приговор одному офицеру израильской армии, и этот приговор был немедленно приведен в исполнение.

Обвиняемый, капитан Меир Тубянски, служил в организации «Хагана» и после получения Израилем независимости занимался созданием постоянной военной базы в Иерусалиме. Одновременно он служил в Иерусалимской электрической компании, и отношения Тубянски с британским руководством компании вызвали подозрение его израильских коллег.

В начальный период войны 1948 года иорданская артиллерия наносила поразительно точные удары по израильским базам. Командир иерусалимского подразделения «Шай» майор Биньямин Джибли пришел к выводу, что в рядах израильтян был шпион, и казалось вполне логичным, что этим шпионом может быть Тубянски, передающий информацию своим британским хозяевам. Они в свою очередь сообщали эти данные английским офицерам, которые командовали Трансиорданским арабским легионом. К тому же Тубянски во время войны служил в Британском королевском инженерном корпусе и считался англофилом.

Косвенные доказательства сочли достаточными для того, чтобы приговорить его к смерти. Суд проходил в каком-то полуразрушенном здании около дороги, ведущей из Иерусалима в Тель-Авив. В качестве судей выступали Беери, Джибли и еще два офицера «Шай». Протокол судебного заседания не велся. Все члены суда, кроме Беери, впоследствии утверждали, что они просто допрашивали подозреваемого и не знали, что выносят приговор, который будет приведен в исполнение. Однако в тот же день

Тубьянски был расстрелян на глазах других израильских солдат, которые с трудом верили, что израильтяне убивают своего.

Один из свидетелей вспоминает: «“Предатель! Они собираются расстрелять предателя!” — воскликнул мой сослуживец. Мы присели на каменистом склоне и стали смотреть. Шесть или семь солдат вывели молодого человека в защитной форме. Это были всего-навсего небрежно одетые мальчишки. Молодого человека усадили на стул. Его лицо даже не закрыли платком. Потом они отошли на несколько шагов. Мы услышали лязганье затворов чешских винтовок. Все затихло. Сияло солнце. Короткий залп разорвал тишину. Человек упал со стула».

Через несколько часов Беери информировал премьер-министра, что военно-полевой суд приговорил к смерти предателя. Однако Бен-Гурион, получив эмоциональное обращение от вдовы казненного, пересмотрел это дело. Официальная комиссия оправдала капитана, и его вдове была выплачена компенсация.

В тот же день, 30 июня 1948 г., люди Беери в Хайфе, северном портовом городе со смешанным арабско-еврейским населением, подвергли пыткам друга мэра — еврея, которого считали слишком либеральным. Агенты «Шай» добивались от него показаний о том, что мэр Абба Коуши был не только «мягок» по отношению к арабам, но что он предал дело сионизма.

Жертвой был Жюль (Иегуда) Амстер, владелец такси и, неофициально, правая рука мэра Коуши. Беери приказал арестовать его 15 мая 1948 г., в день провозглашения независимости Израиля. Амстера поместили в секретный лагерь и обвинили в шпионаже. Этот кошмар продолжался два с половиной месяца. Его имущество было конфисковано, и допрашивавшие его лица, сначала из «Шай», потом из вновь созданной службы военной разведки Беери, подвергли его страшным пыткам. Ему приставляли пистолет к виску, били, капали воду на голову, вырывали зубы, поджаривали пятки, вкалывали медицинские препараты. В конце концов, 1 августа его выпустили без официального предъявления каких-либо обвинений.

Этот незаконный арест и пытки в течение многих лет хранились в секрете. Только в 1964 году министерство обороны согласилось выплатить Амстеру финансовую ком-

пенсацию. С самого начала было ясно, что Беери пытался выбить из Амстера признание, которое бы скомпрометировало его друга Коуши. Беери даже сфабриковал доказательства того, что Коуши якобы занимался шпионажем против «Хаганы» в пользу англичан. Бен-Гурион узнал об этой фабрикации и решил, что Беери должен быть отстранен.

Последней соломинкой, переломившей хребет верблюду, стало убийство богатого араба летом 1948 года. Жертвой стал Али Касем, двойной агент, которого военная разведка использовала для проникновения в арабскую милицию Палестины. В результате нескольких провалов Касем был заподозрен в том, что он все-таки работал на арабов, и Беери поручил своим агентам убить Касема.

Бен-Гурион как премьер-министр и как министр обороны приказал провести расследование дела Касема. Беери был отстранен от должности, и в ноябре того же года военный суд признал его виновным в убийстве. Его разжаловали в рядовые и снова предали суду за убийство Тубьянски и за применение пыток к Амстеру. Беери отрицал все обвинения, но был признан виновным и приговорен к символическому одному дню тюремного заключения.

Человек, который был первым руководителем израильской военной разведки и наиболее активной фигурой в новом израильском разведывательном сообществе, продержался на своем посту только 6 месяцев. Он потерпел фиаско из-за ограниченности его подхода к проблемам национальной безопасности. У него не было времени задумываться о каких-то политических тонкостях и тем более о правах человека. Для Беери все было просто — нужно было защищать государство.

Ему было горько сознавать, что он оказался не прав. Образ действий, который был бы вполне приемлем в тоталитарном государстве, не мог найти поддержку в Израиле — в обществе, которое с самого начала решило идти по пути демократии. Беери до самой своей смерти от сердечного приступа в январе 1958 года продолжал утверждать, что он был ни в чем не виновен. Его сын, Итай Беери, спустя много лет утверждал, что «Большой Иссер» выполнял приказы Бен-Гуриона.

Падение Беери было шоком, который мог на долгие годы парализовать разведывательное сообщество. Однако Бен-Гурион принял мудрое решение и назначил новым начальником военной разведки полковника Хайма Герцо-

га, а тот факт, что он был заместителем Беери, обеспечил преемственность в руководстве службой. Кроме того, дружба Герцога с Рувеном Шилоем, умевшим держаться в стороне от внутренних дряг и сосредоточивать свои усилия на вопросах стратегического планирования и внешней политики, помог залечить раны, которые могли бы нанести большой ущерб молодой разведслужбе.

Герцог пробыл на посту руководителя военной разведки недолго, но успел оснастить свою службу компьютерами. Точнее, это были не компьютеры, а большие счетно-вычислительные машины. Но они работали вполне прилично и позволили израильтянам легко раскрыть простые коды, использовавшиеся вооруженными силами Египта, Сирии и других арабских государств. Герцог и его молодые энтузиасты сделали Израиль одним из первых государств, которое стало использовать преимущества современной технологии в сфере шпионажа. Впереди Герцога ждала большая и достойная карьера, которая в конце концов привела его в 1983 году на пост президента Израиля.

Стремясь осуществлять более предметное руководство разведывательным сообществом, Шилой создал специальный координационный орган и стал его председателем. Он назывался комитетом руководителей служб. Впервые он собрался в апреле 1949 года, после первой победы Израиля над арабами. Вместе с Шилоем и Герцогом в работе этого комитета принимали участие Иссер Харел из «Шин Бет» и Борис Гуриель из политического отдела министерства иностранных дел. Руководители израильских спецслужб называли этот комитет по его сокращенному наименованию на иврите «Вараш», хотя это название никогда открыто не упоминалось.

Повестка дня «Вараша», место и время его заседаний являются большим секретом. Однако его главная цель ясна: обеспечение эффективной координации деятельности различных спецслужб, сведение к минимуму возможности ошибок, вызванных недопониманием или дублированием.

Когда комитет собрался в первый раз, Шилой назвал его просто «координационным комитетом». На заседание был также приглашен начальник национальной полиции Ехезкель Сахар. Полицию не посвящали в важные секреты, но она была самой многочисленной спецслужбой Израиля.

Шауль Авигур из «Алии-Бет», которого интересовала не столько разведывательная информация, сколько иммиграция, не принимал участия в этом заседании. Руководители спецслужб, объединенные в рамках «Вараша», вскоре столкнулись с тем, что сейчас вспоминают как «бунт шпионов».

Бунт возглавил Ашер Бен-Натан, известный также по своему псевдониму в еврейском подполье как «Артур». Своей привлекательной внешностью и успехом, которым пользовался у женщин, он заслужил прозвище «Красавчик Артур». В тесном кругу руководителей израильских спецслужб Бен-Натан имел репутацию жизнелюба.

Бен-Натан родился в Австрии в 1921 году. В 1938 году ему удалось бежать от нацистов. Он вступил в «Алию-Бет» и занимался переправкой евреев на историческую родину. Потом он, выступая под именем журналиста Артура Пьера, был координатором по линии разведки в послевоенной Вене, а позже возглавил оперативный отдел в политическом департаменте Гуриеля.

Этот департамент, несмотря на его безобидное название, выполнял функции внешней разведки. Оперативные работники Гуриеля внедряли своих агентов в арабские страны и устанавливали связи с иностранными разведывательными службами. Некоторое представление о работе Бен-Натана во Франции, Италии и других странах дает выдержка из отчета, направленного на имя Бен-Гуриона:

«Мы собираем информацию о собственности арабских стран и экономических связях между арабами и Европой».

Это было началом пути, когда каждая информация представлялась первым израильским шпионам повой и важной.

Оперативные работники политического департамента использовали прикрытие посольств и консульств Израиля в Лондоне, Риме, Париже, Вене, Бонне, Женеве. Это давало определенные преимущества в плане безопасности, но ограничивало оперативные возможности, поскольку сотрудник посольства или консульства был открыто связан со своим правительством, а власти многих стран исходят из посылки, что иностранные дипломаты являются шпионами.

До 1950 года израильские агенты в Европе замыкались на парижский офис Бен-Натана, который действовал довольно независимо от Гуриеля. Позже Бен-Натан стал про-

водить большую часть своего времени в Тель-Авиве, получая информацию от агентов и отдавая приказы. Резидентуры в различных европейских странах имели свою агентурную сеть — в основном состоявшую не из граждан Израиля, которая за деньги поставляла необходимую информацию. Некоторые сведения, поступавшие от этих агентов, позволяли проводить операции по срыву поставок вооружения в арабские страны.

Кроме того, эта служба «в свободное от работы время» занималась контрабандой — не корысти ради, а для финансирования различных тайных операций после того, как министерство иностранных дел отказалось оплачивать счета, представляемые людьми Бен-Натана.

Наиболее значительным достижением политического департамента стало получение через агента в Дамаске военных планов сирийской армии. Эта информация была жизненно важной для Израиля, безопасности которого угрожали его соседи.

В целом, однако, информация, добываемая Бен-Натаном и его работниками, получала невысокую оценку политического руководства. Это могло быть связано с самим стилем работы Бен-Натана.

Он сам и его старшие оперативные работники, включая Герсона Переса, брата будущего премьер-министра, вели себя так, как, по их представлениям, должны были вести себя шпионы. Они ужинали в престижных ресторанах Парижа и Женевы, посещали самые модные бары и встречались со своими связными в вестибюлях самых фешенебельных отелей Европы. Их экстравагантность была прямой противоположностью духу пуританства и социализма, господствовавшему в тот период в Израиле. Это вызывало недовольство, особенно Авигура и Шилоя, двух основателей израильской разведки.

Гуриеля это, однако, не беспокоило, и он отметал все утверждения о том, что его люди в Европе прикарманивали деньги, фальсифицировали финансовые отчеты. Были слухи о том, что работники политического департамента сумели добраться до счетов в швейцарских банках, принадлежавших евреям, погибшим в газовых камерах Холокоста.

Наряду с жалобами по поводу стиля и финансовой стороны деятельности политического департамента остальная часть разведсообщества испытывала неудовлетворенность

от деятельности этой службы. Ее соперники в Аммане — «Шин Бет» и «Алия-Бет» — считали работников Гуриеля дилетантами, которые старались выдать себя за профессионалов и редко добывали что-либо, что было бы существенным вкладом в оборону Израиля.

Шилой как председатель комитета «Вараш» испытывал большое давление со стороны Бен-Гуриона и военного командования, требовавших точных данных о возможностях армий арабских стран. Росла тревога по поводу того, что в обстановке холодной войны между СССР и США и на фоне горячего конфликта в Корее арабские страны могут решиться на новый тур военных действий против Израиля, чтобы расквитаться за поражение, которое они потерпели в 1948—1949 годах. Гораздо меньше лидеров еврейского государства интересовало то, в чем специализировались Гурпел и Бен-Натан: политические планы арабских государств, экономические проекты и то, что происходило в спальнях лидеров этих государств.

Наиболее рьяным противником политического департамента был Биньямин Джибли, получивший звание генерал-лейтенанта. Этот молодой и энергичный офицер разведки был заместителем у Хайма Герцога, а потом стал его преемником на посту директора военной разведки «Аман», когда Герцог в апреле 1950 года был назначен военным атташе Израиля в Вашингтоне.

Против Джибли было то, что он являлся одним из «судей», приговоривших Меира Тубьянски к смерти. Бен-Гурион назначил Джибли руководителем военной разведки после отставки Беери только для того, чтобы обеспечить преемственность руководства. Однако этим решением премьер-министр давал понять, что он был готов принести этические соображения на алтарь эффективности управления.

Результатом стала беспрецедентная неэффективность. Джибли решил начать полномасштабное наступление на политический департамент и в этом нашел себе союзника в лице аскетичного профессионала из «Шин Бет» Иссера Харела. Иссер Харел недолюбливал политический департамент за мотовство и слабую отдачу.

В ходе последовавшей неразберихи Джибли и Харел стали направлять своих собственных сотрудников за рубеж. Гуриель буквально засучил рукава и ринулся в драку. Его политический департамент вторгся на территорию

«Шин Бет» — специалистам этой службы было поручено осуществить негласное проникновение в посольства стран советского блока в Тель-Авиве. Харел был в ярости.

Европейские оперативники Гуриеля считали себя членами эксклюзивного клуба разведчиков, направленных за рубеж, и презирали неотесанность военных разведчиков Джибли и полицейских Харела. Бен-Натан саркастически замечал, что представители этих служб никогда не смогут войти в культурное и утонченное европейское общество.

Службы безопасности Италии и Франции, особенно дружелюбно настроенные по отношению к Израилю, не верили своим глазам. Они были в замешательстве от огромного количества противоречивших друг другу запросов от израильских офицеров связи. Это была типичная борьба за власть, и друзья Израиля не знали, как на это реагировать. Они хорошо понимали, что окруженный врагами Израиль не мог позволить себе междоусобную борьбу.

Бен-Гурион был в бешенстве и приказал Рувену Шилою положить этому конец. «Господин Разведка», как иногда звали Шилоя, получил возможность столкнуть лбами некоторых соперников и реорганизовать разведсообщество. Шилой объявил, что политический департамент будет распущен, и отправил Бориса Гуриеля в отставку. Европейской сети Гуриеля сообщили, что она должна ждать приказов нового руководства.

Однако Бен-Натан отказывался капитулировать. Несколько дней спустя после заявления Шилоя он 2 марта 1951 г. собрал на берегу Женевского озера совещание своих оперативных сотрудников. «Красавчик Артур» и его коллеги, знатоки хороших вин и европейской кухни, оскорбились и подали в отставку. Они никогда не будут работать на другую разведслужбу. Они соберут свои вещи и отправятся домой.

Бен-Натан начал изучать в Швейцарии международные отношения, а его люди отказались передавать свои документы Шилою и сообщать информацию о текущих операциях. В некоторых европейских загранточках они даже уничтожили кое-какие секретные документы. Шпионы Израиля в Европе просто объявили забастовку.

Этот бунт не имел никаких шансов на успех. Шилой при полной поддержке премьер-министра провел реорганизацию через головы руководителей спецслужб, которые

отказывались играть по правилам. Вся ответственность за проведение специальных операций была передана «Аману» — военной разведке, которой руководил Джибли. Тот быстро создал специальное «подразделение 131» с задачей вывода агентов в арабские страны.

На руинах политического департамента возник «Институт по разведке и специальным задачам», более известный под названием «Моссад». Некоторое время эта служба называлась «Центральный институт по координации», потом — «Центральный институт разведки и безопасности». Тем не менее, день реорганизации, проведенной Шилоем 1 апреля 1951 г., считается днем рождения «Моссада».

Директором «Моссада» Бен-Гурион назначил Шилоя и определил, что эта служба должна подчиняться непосредственно премьер-министру. Это было первым проявлением американского влияния в израильском разведсообществе. Прежняя британская система, где руководитель зарубежной разведки подчинялся министру иностранных дел, была отменена. Если в Соединенных Штатах Америки ЦРУ подчиняется непосредственно Белому дому, то в Израиле «Моссад» подчиняется непосредственно премьер-министру.

Было, однако, одно значительное отличие. В ЦРУ всегда существовало оперативное управление. Однако при создании «Моссада» в его структуре не было предусмотрено такого подразделения. Этой службе приходилось довольствоваться участием в совместном с «Аманом» комитете, который контролировал деятельность «подразделения 131». В целом функция «Моссада» заключалась в том, чтобы собирать факты, но предпринимать какие-либо действия эта служба не могла.

Шилой пробыл на посту директора недолго, но успел внедрить принципы, которыми «Моссад» руководствовался на протяжении последующих десятилетий. Основываясь на своем собственном докладе лидерам сионистского движения непосредственно после окончания второй мировой войны, Шилой позаботился об установлении рабочих отношений с иностранными спецслужбами, особенно с ЦРУ. Он создал подразделение экономической разведки, которое искало способы обхода эмбарго, введенного в отношении Израиля арабскими странами. Он также постоянно подчеркивал необходимость поддержания тесных отношений Израиля с евреями по всему миру.

Шилой также провел тщательный анализ работы зарубежной израильской агентуры, поскольку секретные агенты продолжали работать, несмотря на «забастовку» оперативных работников, которые должны были поддерживать с ними связь. В течение года ему удалось выявить предателя в своей среде. Шпиона, которого ни в коем случае нельзя было брать на работу в разведку, звали Давид Маген.

Давид Маген родился в начале 1920-х годов в Венгрии, где его звали Теодором Гроссом. Семья Гроссов эмигрировала в Южную Африку, и Теодор отправился в Италию учиться музыке. Превосходный певец, он выступал в опере в Италии и в Мексике. Вторая мировая война привела его в английскую армию. Он стал офицером разведки и, сменив свое имя на Тед Кросс, выполнял опасные задания в Италии и Германии.

Когда в 1948 году в Палестине началась война, Гросс-Кросс возвратился в Израиль и поступил в армию. С учетом его опыта, а также того, что он владел английским, немецким, итальянским, испанским и французским языками, его направили в политический департамент Бен-Натана. В Израиле этот шпион-доброволец взял себе имя Маген, что в переводе с иврита означает «щит». Под именем Теда Кросса его направили в Италию для руководства агентурной сетью из числа арабов, которые собирали политическую и военную информацию для Израиля.

В 1950 году Маген-Кросс был направлен в Египет, где он также руководил работой местной агентуры. Шилой и вновь созданный «Моссад» некоторое время получали сообщения от своего каирского резидента, но в 1952 году он был отозван и через Рим возвратился в Тель-Авив.

По прибытии Давид Маген был немедленно арестован, предан суду, признан виновным и приговорен к 15 годам лишения свободы. Обвинение было ошеломляющим: шпионаж в пользу Египта. Без разрешения и согласования со штаб-квартирой Маген-Кросс установил контакт с египетской разведкой. В свое оправдание он утверждал, что установил контакт с египтянами в целях их дезинформации — он хотел предложить себя в качестве двойного агента, сохраняя лояльность к Израилю.

Аргументы Магена были отвергнуты обвинением и судом, в частности, в силу того, что в период нахождения в Италии он занимался торговлей наркотиками и даже был

арестован за это. Многие работники распущенного политического департамента не верили, что Маген-Кросс предал Израиль. Выступая на суде, Борис Гуриель заявил, что дело Магена было сфальсифицировано «Моссадом» для того, чтобы скомпрометировать политический департамент. В результате предпринятых усилий в 1959 году после 7 лет тюремного заключения Маген был освобожден. В очередной раз сменив имя, он женился, завел семью и до самой смерти в 1973 году жил в Израиле с постоянным сознанием допущенной в отношении него несправедливости. Мало кто из соотечественников знал его подлинное имя или его подлинную историю.

В тот период было трудно оценить долгосрочные отрицательные последствия бунта Бен-Натана или дела Магена, но это посеяло семена недоверия между руководителями различных израильских спецслужб и оперативными работниками за рубежом, что сильно затрудняло деятельность разведсообщества. Шилой, официальный шеф «Моссада» и одновременно председатель комитета «Вараш», был так занят внутренними вопросами и бюрократическими процедурами, что не уделял достаточного внимания событиям за рубежом.

Рано или поздно должен был случиться громкий провал, что было очевидно, но этого не ждали. И это случилось в Ираке как раз в период, когда произошла реорганизация и был создан «Моссад».

Однажды два загадочных человека, одетые в почти одинаковые рубашки с короткими рукавами и без галстуков, посетили тель-авивскую фабрику компании «Техно-Кфитц», производившую пружины. Правительственные чиновники — их внешность и поведение не позволяли предположить ничего другого — попросили встречи с одним из менеджеров компании Яковом Франком.

«С тобой хочет поговорить Рувен Шилой», — заявили они крепко сложенному 30-летнему Франку. Это было в январе 1951 года. Со времени создания «Моссада» прошло всего десять недель, и мало кто имел четкое представление о том, какую роль в правительстве играл Шилой. Тем более, что израильской общественности не было известно о деятельности комитета «Вараш». Однако Франк слышал о Шилое и без колебаний согласился встретиться с легендарным шпионом.

Франк был активистом «Хаганы» и в свое время, спасаясь от британских властей, бежал из Палестины в Нью-Йорк, где работал по линии «Алии-Бет». Во время второй мировой войны он в составе американской армии воевал на Тихоокеанском театре с японцами и в 1944 году был тяжело ранен на Филиппинах. В 1948 году после получения независимости он с американским паспортом в кармане и с ежемесячной пенсией от Пентагона возвратился в Израиль.

Его здоровье почти полностью восстановилось, что позволило ему принять участие в войне с арабами на стороне Израиля. И вот теперь, в 1951 году, Франка без всякого предупреждения опять собирались призвать на действительную службу. Два таинственных чиновника отвезли его прямо с пружинной фабрики в Кирию, в так называемый «Городской центр» — правительственный и военный комплекс столь обширный, что он образовывал отдельный городской район в восточном секторе центральной части Тель-Авива. Чиновники провели Франка в одно из зданий, где не было ни одной вывески с упоминанием разведки, и он оказался в кабинете Шилоя.

Шеф израильской разведки изучал досье на Франка.

— Послушай, Франк, я вижу, что ты помогал «Алии-Бет» возвращать евреев в Израиль, а потом получил звание майора. Ты как раз такой человек, который нам нужен.

— Что я должен буду делать? — спросил рыжеволосый Франк, всегда готовый выполнить любую миссию для Израиля.

— Я хочу направить тебя в Ирак, — ответил Шилой. — Наш человек в Багдаде завершает свою работу там, и мы хотим, чтобы ты возглавил нашу резидентуру.

— Я согласен при одном условии, — ответил Франк. — Я получу все необходимые полномочия.

— Разумеется, — согласился Шилой. — Ты будешь отвечать за эмиграцию евреев оттуда, а также за сбор информации.

— А разве не «Алия-Бет» занимается проблемой эмиграции евреев? — Будучи ветераном этой службы, Франк хотел точно знать, на кого он теперь будет работать.

— Не беспокойся, — заверил его Шилой. — Все координируется.

После получения инструкций в аппарате Шилоя Франк был приглашен на беседу к министру иностранных дел

Моше Шаретту, который подчеркнул важность багдадской операции и заверил Франка, что за ним будет Государство Израиль. Через несколько дней новый разведчик отправился в Ирак со своей первой миссией по линии «Моссада».

Спустя три недели после первого контакта с представителями «Моссада» Яков Франк уже летел из Тель-Авива в Тегеран с фальшивым израильским паспортом на имя Ицхака Штейна. В столице Ирана он встретился с местным резидентом «Али-Бет» Сионом Коэном.

— Скажи, Сион, — спросил Франк, — на кого я работаю? На Шилоя? Тогда какая это служба? На «Алию-Бет»? На политический департамент Гуриеля? На военную разведку Джибли?

— Не имею представления, — ответил Коэн. — Я сам теряюсь в догадках. Мне кажется, что Тель-Авив занят чем-то другим.

Франк провел в Тегеране два месяца в полном бездействии. Но когда Коэн, желая ему помочь, достал Франку другой паспорт как основу для новой легенды, это привело его в ярость. По этому паспорту ему пришлось стать Исмаилом Ташбакашом, торговцем коврами из Бахрейна. Он думал, что будет работать как канадский бизнесмен, поскольку хорошо владел английским, неоднократно бывал в Канаде и был уверен, что годы, прожитые в США, помогли бы ему выдержать эту легенду.

А теперь он должен был стать арабом из Персидского залива.

«У меня европейская, а не арабская внешность. Правда, я немного говорю по-арабски, но с палестинским акцентом, — вспоминал позже Франк, — вряд ли я смог бы работать в таких условиях. Я кипел от бешенства. Как они могли так со мной поступить? Разве так должны работать разведчики?»

Ему некому было пожаловаться. Он уже стал думать о возвращении в Израиль, но чувство патриотизма не позволило ему отказаться от этой миссии. Даже не имея точных инструкций, он все же решил попробовать. Прежде всего он сжег все документы, которые как-то связывали его с Израилем. 20 апреля 1951 г. Ташбакаш договорился с контрабандистами о нелегальной переправке из Ирана в Ирак — задача сама по себе не простая из-за многочисленных полицейских постов на границе. Но его настоящие муки были еще впереди.

Франк ожидал, что Тель-Авив, как ему обещали, направит в Багдад шифровку о его прибытии. Когда наконец его долгое и изнурительное путешествие закончилось и он постучал в дом одной еврейской семьи, то выяснилось, что там его никто не ждал.

По иронии судьбы это был первый день Пасхи, основного весеннего еврейского праздника, и семья, которая отмечала этот день традиционным ужином, отказалась оставить пришельца на ночлег. Хозяева, естественно, опасались, что он может быть агентом иракской полиции. Патетические призывы Франка остались без ответа, и даже один из гостей — Мордехай Бен-Порат, который был в курсе дела, отказался его слушать.

Бен-Порат был главным агентом «Алии-Бет» в Багдаде. Еврей, родившийся в Ираке и эмигрировавший в Палестину, он служил в израильской армии и потом осенью 1949 года снова был направлен в Ирак для организации нелегальной эмиграции. Он пользовался именами двух евреев, которые уже выехали в Израиль: Заки Хаби и Моше Нассим. Однако он не был полностью на нелегальном положении, так как многим было известно его подлинное имя.

В той неразберихе, которая царила в период реорганизации разведсообщества, Бен-Порат отвечал также и за другие операции разведки. С точки зрения безопасности было бы более оправданным использовать метод, известный как «компартиментализация»*, но вместо этого организатор эмиграции также руководил работой агентурной сети, состоявшей главным образом из евреев, которая добывала политическую и военную информацию. Эта сеть была связана с Тель-Авивом двусторонней коротковолновой радиосвязью. Багдадская радиостанция использовала позывной «Берман».

Франк выпущен был практически в присутствии гостей, сидевших за праздничным столом, объяснить Бен-Порату, что он прибыл ему на замену. Резидент заупрямился, ссылаясь на то, что его агенты и лидеры еврейской общины, знавшие о его тайной деятельности, не согласятся на эту замену.

Смертельно уставший Франк с трудом сдерживал гнев, но когда Бен-Порат отвез его в отель «Семирамида», Франк просто взбесился, поскольку знал, что паспорт

---

* Термин американских спецслужб, означающий порядок ограничения доступа сотрудников к секретной информации.

любого иностранца, остановившегося в этом отеле, попадет в полицию, что могло привести к провалу.

Тем не менее Франк решил остаться и начать работу. Он попытается выполнить свою миссию и останется в Багдаде — по крайней мере до тех пор, пока его жизни не будет угрожать реальная опасность. Неудивительно, что в ближайшие дни он обнаружил за собой слежку иракской службы безопасности. Меняя такси, Франк сумел оторваться от слежки и бросился к людям Бен-Пората с просьбой помочь ему бежать. Но ему было отказано.

Сохраняя хладнокровие, Франк обратился в бюро путешествий, где за взятку служащий организовал для него визу. У него хватило здравого смысла лететь в Бейрут, а не в какую-либо европейскую столицу, так как иракская тайная полиция более строго контролировала авиарейсы в Европу.

Франк-Штейн-Ташбакаш пробыл в Багдаде всего одну неделю, но даже после бегства из страны его бедствия не закончились. Из Бейрута он вылетел в Турцию, надеясь там пересесть на рейс в Тель-Авив. Однако израильский консул в Стамбуле не поверил ему и отказал в визе «бахрейнскому торговцу коврами». Ведь у него был документ только на это имя. Консульству потребовалось три дня на то, чтобы выдать «Ташбакашу» израильскую визу. И даже после этого Франк как патриот разведки пытался уговорить консула не ставить в бахрейнский паспорт штамп израильской визы. Ни один тайный израильский агент не может пользоваться паспортом, который обнаруживает его связь с Израилем. Но бюрократ консул все же проставил штамп.

Перелет в Тель-Авив прошел без осложнений. В аэропорту Лод Франка никто не встречал, и, к его изумлению, когда он на следующий день явился в «Моссад», в офис Шилоя, тот отказался его принять.

Даже сейчас, спустя почти 40 лет, Франк не может без гнева говорить о своих бывших руководителях, обвиняя их в «дилетантизме, который почти стоил ему жизни. Правая рука не знала, что делала левая. Кругом царила дезорганизация. Нам просто повезло, что у иракцев был еще больший хаос».

Однако иракская контрразведка не была столь уж некомпетентной. Месяц спустя после бегства Франка она разгромила подпольную сеть Израиля в Багдаде.

Принимая во внимание плохое прикрытие Бен-Пората и его стремление совместить работу по эмиграции с раз-

ведкой, провал этой сети был неизбежен. Еще за год до конфликта с Франком у Бен-Пората возникли разногласия с одним из руководителей «Алии-Бет», прибывшим в апреле 1950 года из Европы с важным заданием. Это был Шломо Хайлльель, выступавший как английский бизнесмен Ричард Армстронг, представлявший интересы американской компании «Ниэр ист транспортэйшн» на переговорах с иракским правительством.

Эта небольшая американская авиакомпания тщательно маскировала свою связь с правительством. Никто не знал, что в 1948 и 1949 годах в ходе тайной операции «Коверсамолет», проведенной по линии «Алии-Бет», она вывезла в Израиль 50 тыс. евреев из Йсмена.

После двух лет жесткого антисемитизма в марте 1950 года парламент Ирака принял закон, разрешавший евреям покидать страну. Для этого им нужно было отказаться от иракского гражданства. Это выглядело довольно либерально для режима, который объявил войну Израилю и арестовал сотни евреев за связь с сионистским движением. Объяснялось это тем, что у премьер-министра Туфикаль-Савиди, открывшего ворота для эмиграции евреев, были для этого определенные мотивы. Он был президентом туристской компании «Ирак турз», которая совсем не случайно оказалась уполномоченным представителем компании «Ниэр ист транспортэйшн». Другими словами, таким кружным путем премьер-министр Ирака фактически получал взятки от израильской разведки.

В этом премьер-министр был не одинок. Хайлльель-Армстронг и его коллеги из «Алии-Бет» позаботились о том, чтобы оппонент и предшественник Савиди, ветеран политики Нури-ас-Саид, который впоследствии снова займет пост премьер-министра, тоже не остался внакладе. Авиакомпания заключила контракт на техническое обслуживание с компанией «Ирак зируэйз», которой руководил полковник Сабах-ас-Саид, сын Нури.

Теперь из-за Бен-Пората вся эта операция оказалась под угрозой. Его секретные связи едва не привели к ее расшифровке. Пришлось из штаб-квартиры «Алии-Бет» в Тель-Авиве направить ему строгое указание держаться в стороне, и с мая 1950 года по январь 1951 года по этому каналу в Израиль выехало около 150 тыс. евреев. Эти прямые рейсы были известны как «Операция Эзра—Нехемия», по имени двух евреев, которые 23 столетия

назад вывели свой народ в Землю обетованную из Ирака, тогда называвшегося Месопотамией. Воздушный мост имени Эзры и Нехемии существенно дополнил мелкомасштабные операции самого Бен-Пората, который нелегально вывозил евреев из Ирака в Иран и далее в Израиль.

Однако самому Бен-Порату не везло. Иракская служба безопасности неоднократно арестовывала его и подвергала пыткам. В конце концов он бежал на одном из рейсов, организованных Хайлелем.

Другой арестованный вместе с Бен-Поратом израильтянин при всем желании не мог выдать себя за иранского торговца коврами, так как даже не говорил на фарси. Он признался иракцам, что его настоящее имя было Иегуда Таджар. Ветеран «Палмах», элитной штурмовой группы, входившей в состав «Хаганы», он был направлен в Ирак политическим департаментом — еще до роспуска этой службы — в качестве руководителя группы молодых иракских евреев и их арабских наемников, добывавших стратегическую информацию для Израиля.

Бен-Порат и Таджар должны были работать параллельно, но не вместе. Нарушая правила конспирации, они часто встречались, говорили между собой на иврите и даже, путешествуя в автомашинах, пели израильские песни. В результате этих ошибок еврейская агентурная сеть посыпалась как домино.

Иракцы арестовали одного за другим около 100 евреев и захватили большое количество оружия. В ноябре 1951 года 20 иракских евреев были преданы суду и 2 из них повешены. Таджар был приговорен к пожизненному тюремному заключению. Однако спустя 9 лет, когда агенты «Моссада» сумели установить контакт с новым правителем Ирака, полковником Абделем Каримом Касемом, Таджара удалось освободить в обмен на предоставленную Касему информацию о заговорах против него иракской оппозиции.

Среди прочего арестованные обвинялись в проведении четырех актов саботажа. В ходе одного из таких актов был причинен небольшой ущерб информационному центру американского посольства. Наиболее крупным и дерзким актом был взрыв гранаты в багдадской синагоге Масуда Шемтова, где молились сотни евреев. Четверо из молящихся, включая 12-летнего мальчика, были убиты, около 20 человек получили ранения.

Сенсационное обвинение израильских агентов в осуществлении взрыва в синагоге потрясло иракских евреев.

Среди евреев, иммигрировавших в Израиль из Ирака, распространились слухи, что их выезд был инспирирован террористическими актами израильской агентуры. Выходцы из Ирака и так проявляли недовольство своим положением и чувствовали себя людьми второго сорта, обвиняя израильских лидеров, выходцев из Европы, в том, что им было уготовано примитивное существование в палаточных лагерях без надежды получить сколько-нибудь приличное жилье. Шепарды, или восточные евреи, чувствовали себя оскорбленными, когда их обрабатывали дезинфицирующими средствами и лишали свободы выбора. Ашкенази, или европейские евреи, были слишком заняты, поздравляя друг друга с тем, что им удалось сделать для иракских евреев, чтобы облегчить их бедственное положение.

Обеспокоенный тем, что слухи об этой операции могут вызвать раскол в израильском обществе, Бен-Гурион в 1960 году поручил Харелу провести внутреннее расследование. Комиссия из трех человек представила совершенно секретный доклад, в котором говорилось: «Мы не нашли никаких фактических доказательств того, что Израиль или евреи были причастны к взрывам».

Члены разведсообщества категорически отрицали использование террористических методов, но они гордились тем, что им постоянно удавалось находить новые и оригинальные методы вывоза евреев в Израиль. Разброд в центре часто требовал импровизаций от действующих агентов. В конце концов они боролись за выживание своего нового государства. Еврейская эмиграция была особенно важна в первые годы существования Израиля, этой крохотной еврейской нации, окруженной со всех сторон морем арабов. Это был не столько вопрос географии, сколько демографии. Благодаря тайным операциям агентов «Алии-Бет» за первые четыре года независимого существования население Израиля удвоилось и достигло одного миллиона.

Получила ли «Алия-Бет» за это какую-нибудь благодарность? В марте 1952 года эта служба была распущена. Рувен Шилой решил, что она больше не нужна. Сотрудники «Алии-Бет» возражали против такого решения так же, как за год до этого Артур Бен-Натан и сотрудники его политического департамента. Они утверждали, что Шилой и его «Моссад» стремились прибрать к рукам их солидные активы.

«Алия-Бет» была внушительной империей и шедевром организации. Еврейское государство до сих пор не имело

ничего подобного: огромная организация, которая в глобальном масштабе занималась перемещением самого ценного, что было у евреев, — людей. Это было гигантское тайное агентство путешествий, располагавшее более чем шестью десятками судов и самолетов, бесчисленным количеством автомобилей и грузовиков. Движение этих средств тесно координировалось полулегальной глобальной системой радиосвязи.

Агентство помогло сотням тысяч евреев найти дорогу в Землю обетованную. «Алия-Бет» с самого начала взяла на вооружение методы подкупа и тайной дипломатии. Её агенты устанавливали прямые контакты с политическими лидерами, нередко во враждебных странах: с иракскими премьер-министрами Савиди и Нури-ас-Саидом, с венгерскими лидерами, с шахом Ирана и королем Трансиордании Абдуллой — все это делалось для того, чтобы обеспечивать безопасный выезд иракских евреев в Израиль.

Бюджет «Алии-Бет» измерялся десятками миллионов долларов — сумма настолько значительная, что она оказала существенное влияние на развитие некоторых европейских портов в послевоенной Европе — столь масштабной была система взяток, выплачивавшихся полицейским и портовым чиновникам, правительственным служащим и судовладельцам. Израильские тайные агенты особенно отличались на черных рынках Франции, Греции, Италии, Австрии и других стран.

«Масштабы операции «Алии-Бет» не знали себе равных в истории нашего государства, и с тех пор никто не смог сравниться с нашими достижениями», — вспоминал один из ветеранов «Алии-Бет».

Некоторые из авиалайнеров, принадлежавших этой службе, стали первыми самолетами государственной израильской авиакомпании «Эль-Аль». Её суда стали основой государственной пароходной компании «Зим». Опыт крупномасштабных морских операций оказался полезен в становлении военно-морского флота Израиля. В «Алии-Бет» также выросли весьма способные агенты и мастера по изготовлению фальшивых документов, которые впоследствии использовались «Моссадом».

Чтобы бюрократически зафиксировать смену власти, Шилой и его помощник Акива Левинский позаботились подписать специальный меморандум, закреплявший ответственность «Моссада» за эмиграцию евреев из арабских стран — особенно за проведение «тайных операций по установлению контактов с евреями и их переселению в

Израиль». Еврейское агентство обещало брать на себя все расходы, что стало образцом операций на будущее.

Распустив «Алию-Бет» и политический департамент, Шилой сосредоточил в своих руках огромную власть и создал более мощную разведывательную организацию. Но и у Шилоя не все обстояло благополучно. В результате травм головы, полученных в автомобильной катастрофе, его здоровье ухудшилось. Он также чувствовал, что ему на пятки наступают амбициозный Иссер Харел. В самом деле, премьер-министр Бен-Гурион отмечал в своем дневнике 24 мая 1952 г.: «Ко мне зашел Иссер. Он считает, Рувен не справился со своими задачами». Общее мнение свелось к тому, что Шилой был выдающимся человеком, но ему не удалось наладить эффективную работу разведки.

20 сентября 1952 г., после полутора лет пребывания на посту руководителя «Моссада», первый директор в истории этой службы ушел в отставку. На вопрос о возможных преемниках он назвал вполне очевидных кандидатов: Левинского, Джибли и Харела.

Бен-Гурион остановил свой выбор на кандидатуре Харела. Прошло 4 года с начала реорганизации израильского разведсообщества, 4 года лихорадочной работы в своей стране и за рубежом, но молодое разведсообщество все еще не сумело найти правильные ориентиры. Постоянная суета не позволяла осмотреться вокруг. Каждая тайная миссия казалась жизненно важной для существования Израиля. Нужно было обеспечивать приток евреев из-за рубежа, отправлять шпионов в тыл врага и бороться с подрывными элементами в своей стране. Все это делалось как-то лихорадочно, в обстановке постоянных импровизаций.

Первые руководители израильских разведслужб все еще искали систему координат, которая позволила бы добиться надежной безопасности в условиях подлинной демократии. Они ждали указаний от политического лидера, но даже Бен-Гурион, который сумел найти ответы на многие животрепещущие вопросы, не знал, как подступиться к этой проблеме.

Настойчивость и моральная чистота Харела произвели на премьер-министра большое впечатление. Бен-Гурион считал, что этому человеку можно поручить задачу, которую еще не все толком понимали. Возглавив службу внутренней безопасности «Шин Бет» и внешнюю разведку «Моссад», Харел стал верховным главнокомандующим израильской разведки.

2

ДЕТСТВО

— Иссер, мне нужно пять тысяч долларов, — с такой просьбой в первый же день пребывания Харела на посту директора «Моссада» обратился к нему редактор лейбористской газеты «Давар» Дан Пайнз.

— Зачем тебе эти деньги? — спросил Харел.

— Как, ты не знаешь? — изобразил изумление Пайнз, слегка наклонив голову набок. И он стал пространно рассказывать запутанную историю о шпионской сети, которая у него якобы была в Советском Союзе.

Харел терпеливо слушал посетителя, но у него зародились подозрения.

— Дан, дай мне несколько дней на акклиматизацию, и я тебе отвечу.

Шеф «Моссада» чувствовал, что тут пахнет мошенничеством. За время работы в «Шин Бет» у него появилось какое-то шестое чувство. Вместо того чтобы дать Пайнзу деньги, Харел создал комиссию по расследованию того, что сильно походило на жульническую операцию.

Расследование, однако, в любом случае не приведет к скандалу, потому что в первые годы существования Израиля подобные комиссии формировались не на межпартийной парламентской основе, а состояли исключительно из представителей правящей партии «Мапай». Такой подход гарантировал, что ничего скандального, особенно если это касалось вопросов разведки, не выйдет за пределы «семьи».

Комиссии довольно быстро удалось установить истину: Пайнз лгал и получал от «Моссада», которым так неэффективно руководил Рувен Шилой, легкие деньги. Наи-

вный основатель «Моссада» был виноват только в том, что плохо руководил. Еще в декабре 1951 года Пайнз сумел убедить Шилоя и министра иностранных дел Шаретта в том, что ведет работу по созданию «сионистского подполья» в России.

После роспуска тайной иммиграционной службы «Алия-Бет» Израиль был особенно озабочен тем, чтобы не потерять контакт с советскими евреями. В этом свете связи Пайнза выглядели особенно привлекательными.

Этот вполне уважаемый журналист рассказал об одном советском чиновнике, который был готов тайно помогать Израилю. Он демонстрировал письма, якобы полученные от потенциальных агентов из-за границы, — на самом деле в ходе расследования было установлено, что эти письма отправляли Пайнзу его друзья. В течение девяти месяцев этот шпион-любитель пользовался доверчивостью Шилоя. Он рассказывал о его тайных встречах с русскими, которые якобы имели место в Париже, Нью-Йорке и Копенгагене. Каждый раз, возвращаясь в Тель-Авив, он получал от «Моссада» полную компенсацию расходов. Журналист-любитель путешествий придумал эту историю, потому что его дочь была больна и нуждалась в дорогих лекарствах, которые можно было достать только в Европе. Учитывая извинительные мотивы Пайнза, всю эту историю «замели под ковер» и решили не привлекать его к уголовной ответственности.

Легкость, с которой ему удалось обмануть Шилоя, была результатом разброда, царившего в разведсообществе Израиля. Агентурная сеть в Ираке оказалась проваленной, разведслужбы подвергались реорганизации, на сомнительные проекты уходили тысячи долларов, которые молодое израильское государство с трудом могло выделить.

Разоблачением Пайнза Харел уже в первый день своего пребывания на посту директора показал свои способности. В конце концов, Бен-Гурион назначил его на этот пост не в последнюю очередь именно из-за его подозрительности. Премьер-министр хорошо узнал Харела еще в период его пребывания на посту директора «Шин Бет», и оба они обнаружили, что их взгляды во многом совпадают. Одержав в 1948 году победу в войне за независимость, Бен-Гурион сосредоточил свое внимание на внутренних проблемах: абсорбции сотен тысяч новых иммигрантов, введении суровых мер экономии и жесткой фракционной борьбе.

С учетом смещения акцентов в сторону от внешнеполитических проблем Бен-Гурион, естественно, стал уделять больше внимания «Шин Бет», чем «Моссаду». Как руководитель «Шин Бет» Харел видел, что дверь кабинета премьер-министра была открыта для него гораздо шире, чем для Шилоя и его помощников.

Харел так же, как Бен-Гурион и другие основатели Израиля, был выходцем из Восточной Европы. Иссер Гальперин родился в 1912 году в Витебске, на территории Воложинского района царской России. Он был младшим из четырех сыновей богатого еврейского коммерсанта, который также был знатоком Талмуда. Повзрослев, Харел сохранил свои детские черты: он был маленьким и гипер-активным.

Россия переживала сложный и захватывающий период своей истории, и Харел запомнил приезд в Витебск Льва Троцкого. Позже Иссер вполне мог увлечься коммунизмом, если бы не серьезное еврейское воспитание. Его отец читал своим детям иудейские книги и воспитывал их в духе сионизма, а не марксизма.

Тем не менее, в юношеском возрасте Иссер вступил в левую организацию сионистской ориентации под названием «Ха-Шомер» («Молодая гвардия»), которая впоследствии преобразовалась в партию «Мапам». Позже, уже взрослым человеком, он изменил свое отношение к этой партии. В январе 1930 года Гальперин оказался в числе нескольких счастливых, которых «Ха-Шомер» направила в кибутц в Палестину. Он был среди пионеров социализма, но быстро утратил интерес к нему. Проработав пять лет в еврейском колхозе, Иссер вместе со своей женой Ривкой вышел из кибутца и открыл свое дело по упаковке апельсинов.

С началом второй мировой войны он вступил в «Хагану» и с 1944 года работал в разведывательной службе этой организации. Восемь лет подполья оказались отличной школой. В разгар войны 1948 года Бен-Гурион заметил разведывательный талант Харела. В 36 лет он стал первым директором «Шин Бет». Это назначение состоялось на июньской встрече в доме на улице Бен-Иегуда, когда и произошла реорганизация израильской разведки.

Спустя четыре года, когда Шилой впал в немилость, Бен-Гурион назначил Харела одновременно директором «Моссада». Ему было всего 40 лет, хотя он выглядел на

все 50. Однако его усталость была обманчивой: Харел обладал неутомимой юношеской энергией.

Он быстро создал свою собственную разведывательную империю. Сотни оперативных работников в обеих службах подчинялись ему непосредственно, а он сам подчинялся только премьер-министру. В «Шин Бет» появился новый, чисто номинальный руководитель Исидор Рот, еврей польского происхождения, который был заместителем Харела. Побыв некоторое время помощником у Шилоя в «Моссаде», он изменил свое имя на еврейский манер — Иззи Дорот — и перешел в «Шин Бет». В первые два десятилетия существования Израиля переход сотрудников из «Шин Бет» в «Моссад» и обратно был довольно частым явлением.

Дорот пробыл на этом посту только один год и оставил о себе впечатление весьма посредственного руководителя. В сентябре 1953 года его отправили в отставку, и он жил в Израиле в полной безвестности вплоть до своей смерти в 1979 году. Вряд ли кто в израильском разведсообществе помнит о нем.

Следующим шефом «Шин Бет» стал Амос Манор. Он родился в октябре 1918 года в Трансильвании, входившей в Австро-Венгерскую монархию. В то время его звали Артур Менделевич. В 1939 году, когда началась вторая мировая война, Менделевич служил в венгерской армии. Он и другие солдаты еврейского происхождения продолжали службу и при пронацистском режиме, даже когда их заставили носить на своей форме желтую звезду. Только в 1943 году евреев изгнали из армии и Менделевич оказался в одном из первых эшелонов, направлявшихся в Освенцим — лагерь смерти в Польше.

В Освенциме погибли миллионы евреев, но Менделевич выжил и возвратился в Трансильванию, которая к этому времени стала частью Румынии. Вскоре после окончания войны он понял, что для него как еврея не было будущего в Восточной Европе, и обратился к сионистским активистам с просьбой помочь ему уехать в Палестину.

Но работники «Алии-Бет» решили, что этот твердый человек, прошедший войну, может быть им ползцен на месте. Они убедили Менделевича вступить в «Алию-Бет», и он в течение трех лет работал в будапештском подполье над различными проектами, в результате которых тысячи евреев, переживших Холокост, были отправлены на свою библейскую родину.

Менделевич продолжал работать на Израиль и после получения им в 1948 году независимости, хотя никогда прежде не бывал в этой стране. Он воспользовался своим шансом в 1949 году, когда коммунистическое правительство Румынии запретило все сионистские организации. С фальшивыми паспортами, опасаясь, что в случае ареста их обвинят в шпионаже, Менделевич и его жена бежали в Израиль.

Через три дня после прибытия в Израиль Менделевич встретился с министром иностранных дел Шареттом, который и предложил ему сменить свое европейское еврейское имя на более современное. Артур Менделевич стал Амосом Манором.

Он также распрощался с «Алией-Бет». Проработав столько времени на этом поприще и пройдя через нелегальную эмиграцию, Манор сделал вывод, к которому Бен-Гурион и Шилой придут лишь спустя три года: легально существующее государство не нуждается в организации, занимающейся нелегальной деятельностью.

Шеф «Алии-Бет» Шауль Авигур видел, что Манор еще многое может сделать на поприще разведки и жизнь в Израиле нисколько не уменьшила его патриотизма. Авигур направил его в «Шин Бет» к Харелу. На Харела он произвел хорошее впечатление и был принят на работу. Начав с самой низшей ступеньки, Манор быстро продвигался по службе и вырос до начальника контрразведки.

Манор с самого начала считал, что наибольшая угроза шпионажа исходила от стран коммунистического блока, а не от соседних с Израилем арабских стран. Арабам не удалось задушить новорожденный Израиль, и не было никаких оснований полагать, что арабские шпионы окажутся лучше арабских армий в 1948—1949 годах.

Когда Харел заменил Шилоя на посту директора «Моссада», Манор стал заместителем нового руководителя «Шин Бет» Иззи Дорота. Когда в 1953 году Дорот ушел в отставку, Манор возглавил службу внутренней безопасности.

Карьера Манора была феноменальной, учитывая, что ему было всего 36 лет и он только 4 года назад приехал в Израиль. Кроме того, он не входил в узкую клику «стариков», которые сражались бок о бок в рядах «Хаганы» или в ее штурмовых отрядах «Пальмах». Он не служил в британской армии или в ее знаменитом Еврейском легионе.

Он не сражался за независимость Израиля в войне 1948—1949 годов. На иврите он говорил с неистребимым венгерским акцентом и вел себя скорее как европеец, чем как представитель «новых израильтян» — надо признать, новой и трудно поддающейся описанию национальности, но реально складывающейся из представителей элиты, в которую Манор стремился войти.

Сначала формальная иерархия подсказывала, что Манор достиг уровня, равного Харелу. Оба возглавляли самостоятельные службы, Манор — «Шин Бет», а Харел — «Моссад». Но скоро стало ясно, что Харел был первым среди равных. Он никогда не выпускал из рук рычаги управления внутренней безопасностью и с согласия премьера Бен-Гуриона управлял колесницей израильской разведки, в которую были впряжены две лошади: «Шин Бет» и «Моссад».

Харел во всем задавал тон, и в 1957 году Бен-Гурион даже создал для него специальный титул. В кнессете, парламенте Израиля, Бен-Гурион называл его «мемунех», то есть руководитель такой секретных служб. Ни парламент, ни кабинет никогда формально не утверждали такой титул, но это не смущало Бен-Гуриона. В стране, где им восхищались и почти молились как на отца-основателя, он считал себя вправе действовать, руководствуясь своим инстинктом, никогда не утруждая себя соблюдением демократических процедур. В то время как Соединенные Штаты и другие западные страны устанавливали специальные процедуры описания круга обязанностей бюрократов и определения их официального статуса, «Старик» управлял молодым Израилем в своем личном стиле. К тому же Харел продолжал оставаться председателем «Вареша», в который входили руководители всех специальных служб Израиля.

Харел сосредоточил в своих руках огромную власть, гораздо большую, чем у кого-либо из руководителей западных спецслужб. Один человек обладал властью, которую можно было сравнить с объединенной властью директора ФБР США Эдгара Гувера и директора ЦРУ Аллена Даллеса. «Маленький Иссер» действительно обладал такой мощью и пользовался неограниченной поддержкой и доверием Бен-Гуриона.

За это «мемунех» платил безоговорочной лояльностью и был готов выполнить почти любое поручение правительства. По желанию Бен-Гуриона Харел охотно превращал

спецслужбы в политический инструмент правящей партии «Мапай». Основатели Израиля верили в демократию, но у них была непреодолимая привычка отождествлять свои собственные интересы с интересами государства.

Лояльность к партии Бен-Гуриона была совершенно естественной. В Израиле еще не проявился весь спектр политических мнений и течений. Никто не обладал опытом управления современным демократическим обществом, и было очень мало норм и традиций, которые могли бы помочь найти здесь верный путь. Нация делала свои первые шаги на долгом пути от принципов еврейского подполья, борющегося за независимость своей страны. Для большинства израильтян партия «Мапай» была синонимом борьбы за независимость. «Мапай», естественно, контролировала большинство правительственных учреждений: промышленных предприятий, профсоюзов, военную иерархию и разведсообщество.

Харел использовал своих агентов зачастую против их воли, для решения чисто полицейских задач, для борьбы со спекулянтами черного рынка, для массовой перлюстрации международной корреспонденции в поисках подрывных элементов и валютных контрабандистов.

В работе по «подрывным элементам» Бен-Гурион и партия «Мапай» руководствовались простым принципом — кто не с нами, тот против нас. Соответственно и Харел приказал «Шин Бет» проникнуть в оппозиционные партии Израиля.

В первую очередь внимание было уделено правым партиям. Агенты Харела установили наблюдение за заклятым врагом Бен-Гуриона, бывшим лидером подпольной группировки «Иргун», а ныне лидером партии «Херут» Менахемом Бегиним. Харел докладывал, что «Херут» намеревалась создать миниподполье в вооруженных силах. Эти подозрения были абсолютно беспочвенны, так как к этому времени Менахем Бегин стал настоящим парламентским демократом. Но, в духе одной еврейской поговорки, Харел даже тень горы принимал за гору.

Уже в первые месяцы «Шин Бет» удалось разгромить несколько мелких оппозиционных организаций, связанных с религиозными фундаменталистами и правыми кругами. Одна из таких организаций, называвшая себя «Союзом энтузиастов», объявила о своем намерении воссоздать древнее еврейское царство в строгом соответствии с религиоз-

ными догматами. Бородатые, одетые в традиционную черную одежду ортодоксальных евреев, они поджигали автомобили, рестораны и мясные лавки, в которых продавалось не кошерное мясо.

«Шин Бет» проникла в эту группу «энтузиастов» и арестовала их. Было ясно, что в данном случае речь шла о наивных дилетантах, но Харел доложил Бен-Гуриону, что они представляли смертельную угрозу для демократии. «Мемунех» хотел, чтобы работники «Шин Бет» приобрели репутацию эффективных и изоциренных борцов с подрывными элементами.

Харел также поставил себе в заслугу срыв покушения на жизнь министра транспорта Давида Цви Пинкуса. По обвинению в подготовке насильственных антирелигиозных выступлений были арестованы лидер подпольной группировки «Лехи» Шаалтиель Бен-Яир и два его помощника. Арестованные обвинялись в том, что они якобы намеревались заложить бомбу около дома министра в знак протеста против введения ограничений на движение транспорта по субботам. В этот еврейский день отдыха, в порядке компромисса между партией «Мапай» и религиозными политическими деятелями, было запрещено движение автобусов. Бен-Яир был предан суду, но оправдан за недоказанностью обвинения. По иронии судьбы, позже он стал работником разведки.

В процессе ликвидации правых группировок «мемунех» стал обращать все большее внимание на левый фланг политического спектра. «Шин Бет» установила интенсивную слежку за малочисленной коммунистической партией Израиля, и это казалось в порядке вещей, потому что в глазах общественного мнения коммунисты в силу их антисионистских взглядов считались изгоями в обществе, где преобладали взгляды сионистско-патриотического толка.

Харел, однако, превзошел ожидания большинства израильтян, когда в поисках подрывных элементов «направил свой прожектор» на партию «Мапам», социалистическую партию с безупречной сионистской репутацией. Несмотря на свою левизну, «Мапам» не отличалась политической «бледностью» и выступала за независимость еврейского государства. Партия не имела равных в своей активности по созданию еврейских поселений и кибуццев. Члены этой партии охотно служили в армии, и некоторые из них достигли высокого положения в вооруженных силах.

С другой стороны, когда лидеры «Мапам» пришли к выводу, что Бен-Гурион намерен вести Израиль в сторону от социализма, они в гневе прекратили с ним всякое сотрудничество и даже пошли дальше, выразив восхищение советским диктатором Иосифом Сталиным. Для Харела не могло быть более тяжкого обвинения в их адрес.

«Мемунех» израильского разведсообщества пришел к выводу, что партия «Мапам» действовала как агент советского блока. Он даже подозревал, что поскольку партия имела немало членов среди офицерского корпуса армии, она могла готовить военный переворот с целью захвата власти в стране.

Сведения о тайной войне «Шин Бет» с воображаемой оппозицией стали достоянием общественности 29 января 1953 г., когда секретарь партии «Мапам» Натан Пелед продемонстрировал во время пресс-конференции миниатюрный радиопередатчик. Он заявил журналистам, что этот «жучок» был обнаружен под столом лидера «Мапам» Меира Яари.

Пелед заявил о давних подозрениях партии, что ее закрытые дискуссии каким-то образом становились известны Бен-Гуриону. После обнаружения радиопередатчика и микрофона членами партии были задержаны два взломщика, пытавшиеся проникнуть в штаб-квартиру «Мапам». Они были переданы полиции. Пелед отметил, что судья проявил к ним необычайную снисходительность — минимальное наказание в виде двух недель лишения свободы — и не стал углубляться в расследование этого загадочного инцидента.

Пелед предложил следующее объяснение этой ситуации. Он заявил, что задержанные были работниками «Шин Бет», посланными Харелом по приказу Бен-Гуриона и «Мапай». Правящая партия все отрицала, но у «Мапам» была своя внутренняя информация. Партия имела своих агентов, работников партийной службы безопасности, в штаб-квартире «Шин Бет», других партиях и разведсообществе.

В январе 1951 года Харелу удалось выявить одного шпиона, следившего за его агентами. Довольно высокопоставленный работник «Шин Бет», Гершон Рабинович, был уволен из-за его явных симпатий к «Мапам». Однако остальная агентура «Мапам» уцелела и продолжала снабжать партию информацией, имеющей отношение к ее безопасности.

Харел также разоблачил одного осведомителя, работавшего в арабской секции исследовательского отдела министерства иностранных дел. К счастью для безопасности Израиля, этот осведомитель не был арабом и не работал на арабов. Это был Яков Барьям, израильтянин, занимавший очень выгодное положение с точки зрения доступа к секретным докладам «Моссада» и военной разведки. В мае 1955 года он был пойман в момент передачи секретов представителю службы безопасности партии «Мапам», которая, очевидно, заботилась о том, чтобы иметь свою собственную картину того, что происходило в Израиле. Харел не стал добиваться привлечения Барьяма к уголовной ответственности, чтобы не обострять конфликт между «Мапай» и «Мапам».

Пристальное внимание, проявленное Харелом в отношении министерства иностранных дел, принесло еще более значительные дивиденды — был пойман шпион, который работал на иностранную разведку еще до приезда в Израиль. Вольф Гольдштейн родился в 1912 году в еврейской семье, которая вскоре эмигрировала из Восточной Европы в Швейцарию. В юности Вольф увлекался марксизмом-ленинизмом. Потом он был завербован советской разведкой и выезжал в Москву для специального обучения. Его с самого начала готовили для внедрения в израильские правительственные учреждения. Сам Гольдштейн признавался, что его привлекала жизнь в еврейском кибутце.

Он приехал в Израиль в разгар войны 1948 года и с необычайной легкостью поступил на работу в министерство иностранных дел — экономическому департаменту министерства срочно требовались специалисты. По израильскому обычаю он сменил свое имя и стал Зеевом Авни.

Несмотря на то что Зеев Авни был мелким служащим, ему удавалось получать важные назначения за рубежом. В начале 1950-х годов он уже был экономическим советником посольства Израиля в Брюсселе. Как раз в то время это посольство вело секретные переговоры с Западной Германией о выплате репараций израильским евреям — жертвам Холокоста. Авни регулярно информировал КГБ о ходе этих переговоров.

Позже он получил назначение в Белград, где ему удалось нанести наибольший ущерб национальной безопасности Израиля. Он отвечал за экономические отношения

Израиля с Югославией, но из-за нехватки персонала по совместительству выполнял обязанности шифровальщика. Он научился работать на специальной машине, использовавшейся для шифровки и расшифровки всей телеграфной переписки между посольством и министерством иностранных дел. Все с благодарностью отмечали готовность Авни работать сверхурочно или подменить заболевшего шифровальщика. Вскоре этому шпиону удалось получить израильские коды, с помощью которых КГБ начал читать всю секретную переписку министерства иностранных дел со своими дипломатами, а также разведчиками, работавшими под дипломатическим прикрытием.

Внимательно изучая списки израильских дипломатов, Харел, с его врожденным контрразведывательным инстинктом, обратил внимание на Авни и его энтузиазм. Он связал несколько странное поведение этого дипломата в Белграде с провалами израильской разведки. Харел придумал предлог для того, чтобы в апреле 1956 года отозвать Авни в Тель-Авив. Ничего не подозревавший Авни вылетел в Израиль и по прибытии был арестован «Шин Бет». В ходе допросов Авни во всем признался, и контрразведка получила от него очень важные сведения. Он выражал такое раскаяние и так искренне осуждал коммунизм, что даже подружился с некоторыми следователями.

Авни вышел на свободу через 10 лет и отправился в Швейцарию, где прошло его детство, но вскоре вернулся в Израиль. По согласованию с комитетом «Вараш» он еще раз сменил имя и фамилию, поселился в сельскохозяйственной общине к северу от Тель-Авива и стал работать в израильской армии в качестве психолога.

Харелу часто приходилось работать, больше полагаясь на свои инстинкты, чем на компьютеры или жирный бюджет. На протяжении первых 20 лет своего существования «Шин Бет» была очень маленькой организацией, насчитывавшей всего несколько сотен сотрудников и имевшей очень скромный бюджет. Тем не менее перед ней стояло очень много задач.

Эта служба состояла из оперативного и вспомогательного управлений. В оперативном управлении «Шин Бет» было три департамента:

— департамент защиты, в задачу которого входило обеспечение безопасности вооруженных сил, защита по-

сольств Израиля и других зарубежных объектов, а также охрана премьер-министра и других официальных лиц;

— арабский департамент, отвечавший главным образом за разработку арабских меньшинств в приграничных районах Израиля, которые с 1965 года жили в условиях военного положения;

— департамент неарабских дел — самый крупный и важный департамент, который отвечал за контрразведку, наблюдение за иностранными дипломатами и иностранными делегациями, разработку коммунистов и других политических экстремистов.

В административном управлении имелись департаменты допросов, оперативной техники, администрации, координации, планирования и материально-технического обеспечения операций.

Израиль давно привык обходиться малым. Большинство служб безопасности исходит из того, что для круглосуточного наблюдения за одним объектом необходимо около трех десятков оперативных работников, работающих посменно. В израильских спецслужбах из-за хронической нехватки кадров эту работу выполняют 10 человек, которым приходится работать сверхурочно и с предельным напряжением сил. К такой работе часто привлекаются курсанты специальных школ, для которых это является полезной практикой.

Обычно считается, что если человек, за которым ведется слежка, начинает применять профессиональные приемы для ее выявления и отрыва, то он, скорее всего, является агентом иностранной разведки. Однако «Шин Бет» довольно быстро установила, что многие представители коммунистических стран, направляемые за границу, обладают высокой квалификацией в плане выявления слежки. «Чистые» дипломаты и члены различных делегаций обнаруживали такое умение. Это вызывало подозрение контрразведки, она была вынуждена вести наблюдение за этими ложными объектами, что приводило к распылению сил и отвлечению внимания от действительных шпионов.

С момента своего создания в 1948 году «Шин Бет» вела наблюдение не только за дипломатами стран Восточного блока, но и за представителями дружественных стран Запада. Уже через несколько месяцев после создания Государства Израиль военный атташе посольства США в Тель-Авиве полковник Е.П. Арчибальд обнаружил, что его телефон прослушивается.

Спустя год израильские агенты пытались путем шантажа завербовать сотрудника американского консульства в Иерусалиме и получить от него секретные документы. У этого сотрудника была любовная связь с израильянкой, которую израильская контрразведка хотела использовать для получения информации от американца. С этой целью израильяне даже придумали легенду о том, что эта молодая израильянка нуждалась в аборте.

В 1954 году работники безопасности посольства США в Тель-Авиве обнаружили тайные микрофоны в кабинете американского посла. В 1956 году еще два подслушивающих устройства были обнаружены в телефонных аппаратах американского военного атташе. Задолго до КГБ «Шин Бет» стала с помощью денег и женщин соблазнять морских пехотинцев, которые несли охрану посольства США в Тель-Авиве.

Большая часть этих усилий не принесла никаких результатов, но Харел продолжал давать волю своему воображению и отказывался признавать этикет и традиции. Однако свои основные усилия он сосредоточил на подборе кадров. Он приказал всем членам разведсообщества вести целенаправленный поиск израильян, обладающих способностями и перспективами для работы в разведке.

В 1955 году Харел убедил Бен-Гуриона в целесообразности привлечения на работу в разведку наиболее способных членов бывшей подпольной организации «Лехи», известной еще как «банда «Штерн»». Несмотря на свою неприязнь к ним, Бен-Гурион согласился. В обстановке политической напряженности и подозрительности, которая в тот период существовала в Израиле, это был беспрецедентно смелый шаг. Члены этой правой террористической группировки не принимались на правительственную службу как лица, представляющие угрозу безопасности. Харел долго присматривался к ним и пришел к выводу, что они уже не представляли реальной угрозы и поэтому их конспиративный опыт может быть использован.

В числе таких новобранцев, пришедших в «Шин Бет» и «Моссад» из рядов «Лехи», был один из бывших ее руководителей — Ицхак Ерениcki. Позже он сменил свое имя на Ицхак Шамир и в конечном счете стал премьер-министром Израиля.

Некоторые члены «Лехи» вошли в состав других разведслужб Израиля. Яаков Элиав был направлен в Испа-

нию. Ехошуа Коэн, принимавший участие в убийстве в 1948 году посредника ООН, шведского графа Фолька Бернадотта, стал начальником личной охраны Бен-Гуриона. Шаалтиель Бен-Яир, которого еще 4 года назад подозревали в том, что он пытался подложить бомбу одному из министров, под чужим именем отправился в Египет и вообще стал одним из самых удачливых разведчиков Израиля. Давид Шомрон был направлен в парижскую резидентуру «Моссада», а Элияху Бен-Элиссар работал в Европе с агентурой в арабских странах. Эти правые экстремисты были вечно благодарны Харелу за то, что он помог им выйти из карантина и дал возможность доказать свою полезность для Израиля.

Харел всеми силами старался воспитать у своих сотрудников чувство гордости от принадлежности к эксклюзивному братству. «Вы редкие существа в заповеднике», — говорил он своим подчиненным. Такую похвалу было очень приятно слышать. Все они, конечно, пришли в разведку не ради денег. Зарплата сотрудников «Шин Бет» и «Моссада» ничем не отличалась от зарплаты сотрудников других гражданских служащих — по западным стандартам очень мало, — правда, зарплата сотрудников, находившихся за рубежом, была примерно в два раза выше. Работа была сложной и опасной, рабочий день — бесконечным. Единственное, что Харел мог сделать, — это создать у своих сотрудников ощущение, что они находились под защитой.

Агенты Харела знали, что одной из привилегий их службы были поездки за рубеж, в то время почти недоступные для простых израильтян. Это распространялось также и на сотрудников административного управления, техников, секретарей, механиков, которых периодически направляли за рубеж в качестве курьеров или охранников.

За это Харел требовал абсолютной лояльности и полной преданности делу и сам подавал пример. Даже во время своих частых зарубежных поездок в Европу, США и Южную Америку он никогда не позволял себе останавливаться в дорогих отелях или обедать в дорогих ресторанах.

Когда в 1950-х годах в Израиле были введены жесткие ограничения на вывоз валюты за рубеж, сотрудникам разведывательных служб разрешалось вывозить немногим больше 100 долларов, разрешенных обычным гражданам. Все понимали, что эти деньги использовались главным образом в оперативных целях, например для подкупа нуж-

ных людей. Сам Харел, возвращаясь из-за рубежа, немедленно сдавал оставшиеся деньги в банк тель-авивского аэропорта Лод.

От оперативных работников не требовалось представления каких-либо документов, подтверждающих расходы. Кто же согласится дать расписку в получении взятки? Для подтверждения расходов достаточно было письменного отчета самого оперативного работника. За этой системой доверия, однако, была сильная рука. Самым страшным грехом в разведке считалась ложь. Один старший сотрудник «Моссада» вспоминает: «Нас учили лгать, воровать и строить козни против наших врагов, но мы не могли допустить в своих рядах коррупции. Мы должны были следить за тем, чтобы наши моральные стандарты оставались высокими».

Если работника разведки уличали во лжи, даже по поводу каких-то нескольких долларов, или если он не мог дать удовлетворительного объяснения по поводу своих расходов, его случай становился предметом дисциплинарного разбирательства на заседании специального внутреннего суда разведки. Суд проходил под председательством профессионального гражданского судьи, который давал клятву о неразглашении секретов. Любой работник, признанный виновным в использовании своего служебного положения в целях контрабандного ввоза в Израиль предметов бытовой техники, подвергался штрафу и строго предупреждался. В особо тяжких случаях коррупции работники увольнялись.

Именно такой случай произошел с работником «Моссада», который поддерживал связь в Европе с двумя агентами-арабами, приехавшими к нему из арабской страны. На протяжении нескольких дней он угощал их в дорогих ресторанах и даже ходил с ними в бордель. По возвращении в Израиль оперативный работник представил подробный отчет о расходах, в том числе на проституток. Это не понравилось его руководителю: «Я понимаю, что агентам надо платить, но с какой стати Израиль должен оплачивать вам проституток?»

Оперативному работнику объявили выговор, и финансисты «Моссада» решили повнимательнее изучить его прошлые финансовые отчеты. Там тоже были выявлены сомнительные расходы. Работник был уволен без выходного пособия.

Несмотря на то, что Харелу одновременно подчинялись «Шин Бет» и «Моссад», он не смог предотвратить колоссального и до сих пор не вполне ясного провала военной разведки, произошедшего в Египте в середине 1950-х годов. До сих пор официально замалчиваемый, но тем не менее самый громкий шпионский скандал в истории Израиля — целая серия провалов и попыток скрыть их — стал известен как «дело Лавона», по имени министра обороны Пинхаса Лавона, которому этот скандал стоил должности.

Египет являл собой весьма плодотворное поле деятельности для «Моссада» и военной разведки «Амана». По традиционному распределению сфер интересов «Аман» сосредоточивался на сборе разведывательной информации о вооруженных силах граничивших с Израилем арабских стран, в то время как «Моссад» вел разведку по всем странам.

Египет как самая крупная арабская страна представлял первостепенный интерес и заслуживал внимания обеих разведок. Однако подразделение «Амана», известное как «подразделение 131», оказалось в очень сложном положении в результате плохо спланированной операции, которая началась с отправки в Каир в мае 1951 года Аврахама Дара.

Работа у Дара шла на удивление хорошо, учитывая, что у него был серьезный недостаток. Внук еврея, родившегося в Адене, он был довольно смуглым, что не совсем вязалось с его английским паспортом. Но он в совершенстве владел английским языком и имел опыт оперативной работы в «Алии-Бет». Во время войны 1948 года он был в отряде «Палмах». Дар был вполне надежным человеком, но не выделялся аналитическими способностями и не обладал качествами лидера. В Египте он выступал под именем Джона Дарлинга, представителя английской электронной компании. «Имя Дарлинга, — вспоминал впоследствии Дар, — было выбрано не случайно. В Египте был английский офицер с такой фамилией, и мои «семейные связи» могли оказаться полезными».

После того как Дар обосновался в Египте под своей новой фамилией — даже настоящий Дарлинг поверил в то, что они являются родственниками, — он начал заниматься тем, ради чего его сюда направили: создавать агентурную сеть, которая в нужный момент будет выполнять секретные задания. Дару удалось создать две агентурные группы

из молодых евреев, которые поддерживали Израиль. В 1952 году их даже тайно вывозили в Израиль для специальной подготовки.

Почти все египетские сионисты были дилетантами, и инструкторам «подразделения 131» с большим трудом удалось обучить их элементарным вещам вроде тайнописи, приему шифрованных радиопередач, которые были для этих второстепенных агентов чем-то вроде ядерной физики. Однако никто в израильском разведсообществе не протестовал. Были, правда, и исключения, и среди них Эли Коэн, который спустя десятилетие стал «лучшим шпионом» Израиля.

Один из агентов, молодая женщина по имени Марсель Ницио, на полученные от Израиля деньги открыла туристское агентство. Обладавшая привлекательной внешностью, Ницио была связником между двумя агентурными группами.

В начале 1952 года группа националистически настроенных египетских офицеров, поддерживавших тайные контакты с двумя высокопоставленными сотрудниками ЦРУ на Ближнем Востоке — Кермитом (Кимом) Рузвельтом и Майлзом Коуплендом, стала готовить государственный переворот с целью свержения короля Фарука. В июле того же года заговор увенчался успехом. Руководители заговора провозгласили республику и пригласили сотрудников ЦРУ в качестве своих наставников. В конечном счете из этой среды в 1954 году вышел подлинный лидер, подполковник Гамаль Абдель Насер. ЦРУ помогало обеспечивать личную охрану Насера. Израильская разведка знала о таких особых отношениях, и это ей совсем не нравилось.

Агентурные группы находились в состоянии «спячки» в течение трех лет, и вот в 1954 году по радио был подан условный сигнал к началу операции «Сусанна». Целью операции была дискредитация националистического арабского руководства. Но агентурными группами «подразделения 131» теперь уже руководил не Дар, его сменил Аврахам Зайденверг.

Зайденверг был сыном австрийского политика-еврея. Его отец погиб в нацистском концлагере. Молодой Зайденверг переехал в Израиль и сменил имя на Аври Эль-Ад. Во время войны 1948 года он отличился в отряде «Палмах». В 22 года он уже имел звание майора, но его армейская карьера была перечеркнута, когда он в одной из ок-

купированных арабских деревень опустошил холодильник в доме, за что был отдан под суд.

В конце 1952 года Эль-Ад, опозоренный, разведенный и безработный, познакомился с работниками «подразделения 131» Аврахамом Даром и Мордехаем Бен-Зуром, которые увидели в нем превосходный материал для опасной миссии в тылу врага — ему нечего было терять и он будет благодарен за предоставленную возможность реабилитировать себя.

Военная разведка позаимствовала имя одного кибутчника немецкого происхождения, Пауля Франка, и нарекла этим именем своего нового рекрута. Франк на 9 месяцев отправился в Германию, чтобы освежить свои знания и «обкатать» свою легенду, и даже прошел очень болезненную операцию по ликвидации следов обрезания, чтобы и в обнаженном виде никто не мог бы опознать в нем сврея. Немецкому хирургу Франк объяснил свое желание сделать операцию тем, что он не является евреем, но ему не нравится, когда его сексуальные партнеры принимают его за еврея. Доктор ему посочувствовал.

В декабре 1953 года Пауль Франк под видом богатого немецкого предпринимателя выехал в Египет. Его хорошо приняли в растущей немецкой колонии Египта, где скрывались многие нацисты, желавшие уйти подальше от своего прошлого.

Как руководитель разведсети в Каире Франк совершил все возможные ошибки, зафиксированные в учебниках по разведке. Вместо того чтобы ограничиться поддержанием контакта с руководителями групп, он знал всех своих агентов и даже посещал их дома. В случае провала эти агенты и члены их семей могли опознать его, хотя они знали его под именем «Роберт».

30 июня 1954 г. он отправился в Александрию с долгожданным кодовым сигналом. Операция «Сусанна» означала диверсию. Однако взрывать должны были не египетские военные объекты. Это были кинотеатры, почтовые отделения, американские и английские учреждения. Цель этих акций заключалась в том, чтобы вызвать недовольство Вашингтона и Лондона и создать впечатление, что новое правительство Египта было ненадежным и нестабильным.

Эта довольно нелепая операция началась со взрыва почты в Александрии. Молодые сионисты Филип Натансон и Виктор Леви закамуфлировали небольшие взрывные

устройства в футляры от очков. Причиненный ущерб был незначительным, а египетская цензура запретила печатать об этом в газетах. В результате имидж Египта несколько не пострадал.

Неделю спустя через одну из израильских радиостанций были переданы инструкции и поставлены новые и более амбициозные задачи. Франк приказал своим людям заложить бомбы в александрийской и каирской библиотеках Американского информационного центра. На этот раз местная и международная пресса сообщила о взрывах. В Тель-Авиве «подразделение 131» было довольным.

22 июля в Каире взорвались еще две бомбы, одна из них — в кармане Натансона. Полицейский помог потушить горящие брюки Натансона и арестовал его. Так окончилась операция «Сусанна», призрак которой еще несколько лет будет преследовать Израиль.

Натансон был первым из тех, кто во всем признался. Как и в Ираке, египетской службе безопасности не составило большого труда арестовать всю группу шпионов-любителей, состоявшую главным образом из местных евреев, знавших друг друга. Вскоре была арестована и связник Ницио.

Взяли также и израильского разведчика, находившегося в Египте на нелегальном положении. Это был Меир (Макс) Беннет, 36-летний уроженец Венгрии. В 1935 году его семья эмигрировала в Палестину. Беннет начал работать в «Алии-Бет», но вскоре его завербовали в «Аман». Знание шести иностранных языков позволило ему выполнять задания в различных странах. В 1951 году, когда Беннет попал в Египет, он имел уже звание майора.

Так же как и Зайденверг, Беннет получил немецкий паспорт. Немецкий флаг был очень удобен для Израиля, поскольку многие в Израиле владеют немецким языком, а немца трудно заподозрить в том, что он работает на еврейское государство. Но была еще одна более глубокая причина: западногерманская разведка помогала израильтянам, снабжала их паспортами и другими документами. У истоков этих особых отношений между еврейским государством и «новой» Германией по иронии судьбы стоял бывший сторонник нацистов. Во время второй мировой войны генерал Рейнгард Гелен возглавлял разведку на советском фронте. После поражения Третьего рейха он был арестован американцами, но вместо того, чтобы предать суду как

военного преступника, его вместе со штабом отпустили на свободу. Американской и английской разведкам понравился «план» Гелена по налаживанию американо-германского сотрудничества против Советской России. Гелена поставили во главе западногерманской разведки, и бывший гитлеровский генерал быстро установил глубокие профессиональные связи с Израилем — новым домом тех, кто пережил преследования нацистов.

Некоторые израильские разведчики считали, что им удастся удачно использовать комплекс вины немцев за уничтожение шести миллионов евреев. Однако ЦРУ, например, смотрело на отношения Гелена с израильтянами более цинично. Американцы считали, что разведка требует не смешивать эмоции и национальные интересы.

По мнению американцев, израильская разведка могла получать от сотрудничества с немцами вполне ощутимую выгоду, хотя это и сопровождалось бы некоторыми отрицательными моментами. В данном случае «пряником» был значительный поток разведывательной информации, который израильтяне получали от тысяч переселенцев из Советского Союза и стран Восточной Европы. Израильские разведслужбы умели использовать самую разрозненную информацию, даже если на первый взгляд она не имела отношения к ближневосточному конфликту. Если эта информация представляла интерес для Западной Германии — например, если она касалась военной или дипломатической активности советского блока — израильтяне могли передавать ее немцам.

Американцы также подозревали, что помимо «пряника» имелся еще и «кнут»: израильская разведка имела сведения о нацистском прошлом многих руководителей Западной Германии. ЦРУ считало, что израильтяне дали понять немцам, что если те не будут с ними сотрудничать, эти сведения будут преданы огласке. Американцы полагали, что такой шантаж мог быть эффективным особенно в отношении западных немцев, которые панически боялись обвинений в связях с нацистами, даже если в этом не было ничего компрометирующего. Эта угроза постоянно присутствовала.

Трудно сказать, знал или не знал Беннет об этих отношениях и сложных мотивах, которые стояли за ними, но он лично получил от этого выгоду.

По имевшейся у него легенде, он являлся бывшим нацистом и представлял германскую компанию, изготавливавшую

протезы. Позже он стал главным инженером на египетском автомобильном заводе компании «Форд». Беннет был отличным разведчиком. Самым крупным клиентом «Форда» была американская армия, и это давало ему широкий доступ в военные круги и на военные базы Египта.

Жена Беннета, оставшаяся в Израиле, не должна была знать, где он находится, и свои письма к ней он направлял на конспиративный адрес в Лондоне. Однажды один из его кураторов забыл отклеить египетские марки. Так Джин Беннет неожиданно узнала о том, где находится ее Макс. Теперь вдова Беннета считает, что во всей операции вообще было много дилетантизма.

Однако Беннет скрупулезно выполнял поступавшие ему задания. Одно из них стоило ему жизни. «Это была идиотская ошибка его кураторов, — вспоминал впоследствии Аврахам Дар. — Оборвалась связь с группой Франка, и они выбрали самый легкий путь передачи ему денег. Правила конспирации запрещают контакты между различными разведгруппами, особенно если они выполняют разные задания. Но кураторы действовали глупо. И Беннет встречался с Марсель Нинио и Франком и передавал им деньги».

На допросах Нинио рассказала все, что ей было известно о Беннете. Египтяне ворвались к нему в квартиру, раздели догола и, убедившись в том, что он еврей, жестоко избили его. 21 декабря 1954 г. Макс Беннет в своей камере вскрыл себе вены и умер за день до того, как должен был предстать перед судом. Он понимал, что, как важный израильский шпион, был обречен. Беннет предпочел избежать унижения.

Израиль упрямо отрицал свою причастность. Тело Беннета было отправлено в Италию для похорон, и только в 1959 году он был тайно перезахоронен в Израиле. Его жена узнала о перезахоронении за день до того, как оно состоялось. На все требования семьи объяснить обстоятельства его смерти разведка отвечала отказом. Только в 1988 году Израиль официально признал Беннета своим агентом и на специальной церемонии в министерстве обороны в Тель-Авиве ему было посмертно присвоено звание подполковника.

Израильские власти проявили такую же черствость в отношении других агентов, арестованных по «делу Лавона». В 1955 году 2 египетских еврея были повешены, а еще 4 приговорены к длительным срокам лишения свободы.

Израиль даже отверг предложение Египта обменять арестованных агентов на египтян, находящихся в плену после Суэцкой кампании 1956 года. Начальник штаба Даян выступал против обмена, считая, что это скомпрометирует Израиль. Только в 1968 году, после Шестидневной войны, Марсель Нинио, Филипа Натансона, Роберта Дасса и Виктора Леви обменяли на несколько тысяч египетских военнопленных. Спустя 20 лет все четверо продолжали жаловаться на то, что их бросили, и по этому поводу в израильской прессе шла острая дискуссия с противоречивыми обвинениями и заявлениями.

Единственным, кому удалось избежать ареста, был Пауль Франк. После провала он даже оставался в Египте еще в течение двух недель, а по возвращении в Тель-Авив Франк снова превратился в Аври Эль-Ада, и «Аман» снова стал направлять его в различные европейские страны с заданиями военной разведки. Против этого возражал один Харел, обладавший каким-то особым нюхом на предательство. Удачный побег Эль-Ада из Египта казался подозрительным, и Харел опасался, что Эль-Ад стал двойником — как за несколько лет до него Давид Маген.

В результате «дела Лавона» шеф «Амана» Джибли ушел в отставку, но сменивший его на этом посту генерал-майор Ехошафат Харкаби продолжал верить Эль-Аду. Тем не менее Харел твердо полагался на свою интуицию. Тайно от Харкаби он направил агентов «Шин Бет» в Европу для слежки за Эль-Адом.

Агентам «Шин Бет» удалось установить, что в Бонне Эль-Ад встретился с офицером аппарата египетского военного атташе и передал ему секретные документы израильской разведки. Харел пришел к выводу, что агент «Амана» оказался предателем. Эль-Ада немедленно отозвали в Израиль и арестовали. Следствие продолжалось 9 месяцев, и в июле 1959 года он был предан суду за шпионаж в пользу Египта.

Спасая свою шкуру, Эль-Ад решил глубже копнуть историю военной разведки. Он признался в том, что помогал офицерам «подразделения 131» скрывать правду о «деле Лавона», он также рассказал, что офицеры этого подразделения вступили в сговор, чтобы свалить вину за провал операции «Сусанна» на Лавона.

Но это не помогло Эль-Аду, и после суда, который проходил в условиях необычной даже для Израйля секрет-

ности, он получил 10 лет тюрьмы. Военная цензура запретила публиковать детали этого процесса и имена всех, кто был связан с этим делом. Газеты упоминали о нем как о «езек биш», то есть «гнилом деле». В этих публикациях Джибли назывался «старшим офицером», Бен-Зур был «офицером запаса», а Эль-Ад — «третьим человеком».

«Шин Бет» так и не удалось сломать Эль-Ада и добиться от него признания в том, что он сотрудничал с разведкой Египта, или в том, что он предал своих товарищей в Каире и Александрии. После выхода из тюрьмы Эль-Ад уехал в Калифорнию и там издал книгу о том, как Харел сфабриковал против него дело.

«Дело Лавона» имело гораздо более глубокие последствия, чем провал одной разведывательной операции или арест нескольких усердных шпионов. Израильские политики впервые поняли, что возведение разведки в число высших государственных приоритетов таит в себе опасность. Предоставив безопасности и демократии самим найти состояние устойчивого равновесия, они увидели, что само по себе, без их позитивного участия этого не произойдет. Как лидеры демократического общества они должны были найти решение, прежде чем чаша весов окончательно не склонится в пользу безопасности.

Это дело прозвучало резким сигналом о том, что в руках молодых и энергичных руководителей спецслужб сосредоточилась слишком большая и бесконтрольная власть. Спустя десятилетия «гнилое дело» все еще служит напоминанием об этом.

Израильской общественности никто не объяснил, что же конкретно «сгнило» в разведывательном сообществе, но пока правительство и само общество трясло как в лихорадке, Иссер Харел не только уцелел, но и преуспел. Он был надежен и тверд в искоренении подрывных элементов внутри страны и защите интересов Израиля за рубежом.

В это время Израиль уже приобретал статус внушительной региональной державы. Из слабой нации, которая с трудом добилась независимости от Великобритании, еврейское государство превратилось в активного и важного участника международной политики.

Получившая огласку попытка использовать нелепые и провокационные методы, особенно против Египта, для того, чтобы настроить западные державы против арабов,

принесла Израилю только вред. Факты реальной политики говорили сами за себя: Израиль быстро приобретал статус лидера на Ближнем Востоке в плане военной силы и той самой стабильности, которую хотелось видеть Западу. Соединенные Штаты Америки, Великобритания и особенно Франция решили дружить с Израилем.

Несмотря на унижение, которое военная разведка претерпела в «деле Лавона», отношения Израиля с Францией были столь важны в военном плане, что Бен-Гурион возложил ответственность за это на «Аман» и министерство обороны.

Харел пытался доказать, что все тайные связи с иностранными государствами должны быть сосредоточены в руках «Моссада», но премьер-министр оставил французское направление за военной разведкой. Бен-Гурион обратился к генералу Даяну, своему главному советнику по военным вопросам Шимону Пересу и даже к человеку, который 5 лет назад организовал «бунт шпионов», — Ашеру Бен-Натану.

3

ЯДЕРНАЯ ЗРЕЛОСТЬ И «ЛАКАМ»

В сентябре 1956 года штаб-квартира в Тель-Авиве радировала: «Немедленно собирайся». Это сообщение предназначалось израильскому агенту Ашеру Бен-Натану, который теперь занимал должность управляющего одной из израильских государственных компаний в Африке.

Фирма под названием «Ред си инкода» находилась в Джибути, крохотной французской колонии на Африканском Роге, которую отделял от Йемена узкий Баб-эль-Мандебский пролив. Расположенный рядом с Аравийским полуостровом Джибути являлся идеальным наблюдательным постом для израильской разведки, но официальная работа Бен-Натана заключалась в закупке мяса в Эфиопии и отправке его морским путем по Красному морю в Элиат, самый южный порт Израиля. Фирма держала своих мясников и раввинов, которые наблюдали за тем, чтобы забой скота происходил в соответствии с предписанным ритуалом и отправляемое в Израиль мясо было кошерным.

Тайная миссия Бен-Натана, прибывшего в Джибути в 1953 году после того, как Бен-Гурион простил ему прежний бунт, заключалась в наблюдении за морскими перевозками на стратегически важном Африканском Роге и в соседних арабских странах. Французские власти смотрели сквозь пальцы на шпионаж, которым занималась мясная компания.

Полученная Бен-Натаном радиограмма была сигналом дальнейшего углубления французо-израильских отношений. По прибытии в Тель-Авив Бен-Натана отвезли прямо в министерство обороны. Его встретил молодой генеральный директор министерства Шимон Перес и дал Бен-На-

тану новое задание: «“Старик” хочет, чтобы ты немедленно отправился в Париж, возобновил свои контакты, оставшиеся со времен политического департамента, и стал специальным представителем министерства обороны по всей Европе. И лучше не задавай сейчас много вопросов. Вскоре все прояснится».

Примерно через месяц, 22 октября, Бен-Натан почувствовал, что туман рассеивается. Вскоре он действительно узнает, для чего его направили во Францию. На частной вилле в парижском пригороде Севр он оказался за массивным деревянным столом с такими разными людьми, что ему надо было ущипнуть себя, дабы убедиться, что это не сон.

За столом сидело около полутора десятка человек, включая двух знаменитых израильтян: Давид Бен-Гурион в своем двойном качестве премьер-министра и министра обороны и начальник штаба израильской армии Моше Даян с его знаменитой повязкой на левом глазу, который он потерял в 1942 году во время выполнения задания английской разведки по пронацистским силам правительства Виши в Сирии.

Бен-Натан, однако, сосредоточил свое внимание на других людях, которых он знал только по кадрам кинохроники. Тут был премьер-министр Франции Ги Молле, министр обороны Морис Бурже-Манори, министр иностранных дел Кристиан Пинье, помощники и консультанты, некоторые из них в военной форме. Тут же был министр иностранных дел Великобритании Селвин Ллойд со своими советниками.

Совещание в Севре было не простой светской беседой. Эти люди планировали войну, которая получит в Израиле название Суэцкой кампании, а в мире — просто «Суэц».

29 октября 1956 г. израильские парашютисты и сухопутные войска начали движение по Синаю в сторону Суэцкого канала. Затем в соответствии с разработанным в Севре планом Франция и Великобритания предъявили Египту и Израилю ультиматум с требованием остановить движение войск в нескольких милях от канала. Как и было предусмотрено планом, Израиль согласился, но Египет отверг ультиматум. 5 ноября англичане и французы использовали это как предлог для высадки воздушного десанта и захвата важного стратегического морского пути.

Тем временем израильская армия за четыре дня оккупировала весь Синай. Было похоже, что поставленные на

севрской конференции задачи были решены и многие месяцы скрупулезного планирования военными и разведчиками принесли свои плоды. Израиль ставил своей целью уничтожение вооруженной советским оружием египетской армии и прорыв блокады порта Элиат. Была также объявлена цель прекращения террористических налетов с территории сектора Газа.

Британский премьер Энтони Иден, люто ненавидевший Насера, надеялся восстановить британский контроль над каналом, который египетский лидер национализировал. Иден ожидал, что унижительное поражение приведет к свержению Насера, который олицетворял ближневосточный радикализм, направленный против интересов Запада. Франция была заинтересована положить конец «насеризму», вдохновлявшему Алжирский фронт национального освобождения, который вел борьбу с французскими оккупационными силами.

Еще до встречи в Севре Франция стала вооружать Израиль для новой войны. Начиная с апреля 1956 года под покровом темноты в Израиль стали прибывать самолеты и суда с оружием: танками, истребителями, пушками и боеприпасами.

Для обеспечения этой операции требовалось тесное взаимодействие разведок, и шеф «Амана» генерал Харкаби часто бывал в Париже и вел переговоры со своими коллегами во французских разведслужбах. Для большей оперативности в Париж был направлен специальный представитель «Амана». Несмотря на попытки Харела сохранить за «Моссадом» функцию поддержания связи хотя бы с гражданскими разведслужбами, ему пришлось уступить тем, кто готовил планы этой войны.

Израиль и его партнеры также распространяли дезинформацию. За несколько дней до вторжения на Синай израильские спецслужбы распустили слух, что Израиль готовится провести карательную акцию в отношении Иордании, откуда совершали налеты на Израиль палестинские партизаны.

В чисто военном плане — особенно в том, что касалось Израиля, — синайская операция была осуществлена блестяще. В политическом плане это была катастрофа. Израильские, французские и английские разведслужбы считали, что Насер уступит международному нажиму, особенно с учетом того, что к этому «тройственному союзу», есте-

ственно, должны будут присоединиться Соединенные Штаты. Вместо этого Соединенные Штаты выразили полное пренебрежение успехом Израиля на Синае и заставили трех агрессоров отступить, раз и навсегда доказав, что Соединенные Штаты являются сверхдержавой, а Англия и Франция утратили право даже на свой старый титул «великих держав».

Израиль, отмечая свой военный успех, уже в ноябре начал отступление и в марте 1957 года оставил последние захваченные им Шарм-аш-Шейх и сектор Газа. Престижу Израиля как прогрессивного и миролюбивого государства социалистической ориентации был нанесен огромный ущерб. Мировое сообщество пришло к выводу, что Израиль стал участником неумного империалистического заговора.

Но израильтяне совершенно четко осознавали, что делали. Они стали участником трехстороннего суэцкого заговора прежде всего из-за жгучего желания Бен-Гуриона приобрести ядерное оружие. С точки зрения авторитета страны результат оказался нулевым, но была достигнута важная стратегическая цель, которую ставил израильский премьер, — создан прочный военный союз с Францией, который стали называть «мостом через Средиземное море». По этому мосту в Израиль пришло почти все, что нужно было для создания ядерного оружия.

Сделать Израиль ядерной державой — об этом Бен-Гурион мечтал с момента получения независимости. В современном мире это будет означать подлинную независимость. Производство электроэнергии без импортного угля или нефти будет весьма ценным, но еще важнее приобретение ядерного оружия. Это поставило бы Израиль вне конкуренции на Ближнем Востоке и стало бы самой важной гарантией существования еврейского государства.

Через семь месяцев после обретения независимости Бен-Гурион вызвал из Парижа эксперта, которого он называет в своем дневнике 20 декабря 1948 г. «создателем французской ядерной печки». Этим экспертом был Морис Сурдин, еврей, родившийся в 1913 году в Крыму. После выезда в Палестину он взял себе имя Моше Сурдин, затем выехал во Францию, где изучал физику. После окончания второй мировой войны работал в Париже в Комиссии по атомной энергии, которая занималась проблемой создания французского ядерного оружия.

«Бен-Гурион проявлял большой интерес к атомной энергии, его очень интересовали детали», — вспоминает Сурдин. Эта встреча ни к чему не привела, но группа молодых советников премьера отказывалась забыть об этой идее. Они были убеждены, что освоение атомной энергии позволит Израилю компенсировать свои скудные природные и людские ресурсы.

Что же касается ядерного оружия, то особый энтузиазм в этом вопросе проявлял генерал Даян. В ядерном оружии он видел мощное средство сдерживания арабов, избавляющее Израиль от необходимости иметь танк в каждом дворе. Содержание такой большой армии привело бы Израиль к банкротству.

«Нам нужна небольшая профессиональная армия, эффективная и недорогая, способная обеспечить текущие проблемы безопасности и ведение ограниченных кампаний и обладающая ядерным оружием на случай полной конфронтации. В противном случае мы скатимся в экономическую стагнацию», — говорил Даян.

Израильский кабинет министров принял решение о создании комиссии по атомной энергии, которую возглавил Эрнст Давид Бергман, блестящий ученый-химик, родившийся в 1903 году в Германии и в 1930-х годах переселившийся в Палестину. В Израиле он основал исследовательскую службу вооруженных сил. Работая в области исследования проблем борьбы с раком, он одновременно возглавлял научный отдел министерства обороны и был рьяным сторонником ядерного оружия.

Бен-Гурион и его советники пытались использовать любую возможность для приобретения атомного реактора. Такой случай представился в 1955 году, когда иниципрованная президентом США Дуайтом Эйзенхауэром программа «Атом для мира» принесла Израилу небольшой атомный реактор мощностью 5 мегаватт, который был установлен в Нахаль Сорек, в десяти милях к югу от Тель-Авива. Этот объект регулярно инспектировался американцами, а сам по себе реактор был слишком мал, чтобы на нем можно было создать что-то имеющее военное значение.

В том же году Шимон Перес увидел возможность получить кое-что еще от Франции, где в апреле 1955 года к власти пришло правительство социалиста Ги Молле. Он

занял жесткую линию в отношении Алжира, что перекликалось с антинасеровской политикой Израиля. Делу помог тот факт, что в Израиле также было социалистическое правительство.

Каждый раз, когда Перес бывал во Франции, а это случалось часто, он поднимал вопрос о покупке реактора. Он действовал одновременно как дипломат, разведчик и торговец оружием. Такая сверхактивность не нравилась министру иностранных дел Голде Меир, которая жаловалась, что он превращает министерство обороны в параллельное министерство иностранных дел. Но были и более серьезные основания для протеста: Меир и «старая гвардия» правящей партии «Мапай» не хотели ядерного оружия для Израиля.

Перес, однако, пользовался полной поддержкой Бен-Гуриона и мог продолжать свои усилия. С апреля 1956 года и до начала Синайской кампании в октябре запросы Переса о ядерном реакторе стали постоянной темой в секретном сговоре двух стран.

Поворотный момент настал 21 сентября 1956 г. На живописной вилле в сотне миль к югу от Парижа Перес встретился с министром обороны Бурже-Манори, который планировал войну с Египтом. Французы рассчитывали на участие Израиля в этой войне и надеялись, что израильская армия сделает за них «грязную» работу — вытеснит египетскую армию с Синайского полуострова.

В этот осенний день Бурже-Манори добился согласия Израиля, уступив настойчивым требованиям Переса в ядерном вопросе. От имени французского правительства министр обороны предложил Израилю «пряник» в виде атомного реактора. Впервые в истории одно государство предложило поставить другому государству ядерный реактор, не ставя никаких условий безопасности и не требуя инспекций.

Только теперь Бен-Натан понял, почему его так срочно вызвали из Африки и назначили представителем министерства обороны в Европе. Его послали в Париж не для того, чтобы готовить вторжение в Суэц, а для того, чтобы помочь Израилю получить второй ядерный реактор. Поддерживая аргументы Переса, Бен-Натан развил активную лоббистскую деятельность с целью получения большого реактора, а не маленького устройства, которое французы имели в виду.

Но даже тесное сотрудничество во время Суэцкой кампании не решило проблему реактора. К осени 1957 года время еврейских лоббистов истекало, так как сама Четвертая республика была на грани коллапса. Общество устало от политической нестабильности, Суэцкая кампания окончилась провалом, и все громче стали раздаваться призывы к возвращению во власть героя второй мировой войны, генерала Шарля де Голля. Получив принципиальное согласие социалистического правительства, Перес опасался, что последующие нестабильные правительства откажут Израилю в его просьбе о продаже реактора.

К счастью для Израиля, Бурже-Манори стал премьер-министром и был преисполнен решимости выполнить свое обещание до того, как он покинет политическую арену. Однако это все еще была непростая задача для Переса, который метался между различными французскими министерствами и пытался преодолеть сопротивление многих французских бюрократов, не желавших продавать реактор Израилю. Министр иностранных дел Пиню писал Пересу, что его требования не имели прецедента в истории и если об этом станет известно американцам, они прекратят помощь Франции в ядерной сфере, а русские могут в ответ поставить ядерное оружие Египту.

Песок в политических часах социалистов был уже на исходе, и Перес использовал все свое красноречие, доказывая, что Израиль нуждался в помощи для отражения непредвиденных угроз в будущем. Пиню просил, чтобы Израиль накануне запуска реактора по крайней мере провел консультации с Францией. Перес согласился, и это убедило министра иностранных дел.

Перес продолжал свой бег с препятствиями по французской бюрократии. Следующим на очереди был министр энергетики Пьер Гильом, который утверждал, что предлагаемое соглашение будет иметь далеко идущие дипломатические последствия. В конечном счете все решила позиция премьера Бурже-Манори, который решил этот вопрос путем голосования на заседании кабинета 2 октября 1957 г. Это был последний день его пребывания у власти, и за несколько часов до того, как Национальное собрание вынесло его правительству вотум недоверия, он удовлетворил просьбу Израиля. 3 октября Бурже-Манори и Пиню подписали два совершенно секретных документа с Пересом и Бен-Натаном. Это были политический пакт о сотрудниче-

стве в научной сфере и техническое соглашение о поставке в Израиль атомного реактора мощностью 24 мегаватта вместе с персоналом и необходимой технической документацией.

Об этом Перес немедленно сообщил шифровкой из посольства Бен-Гуриону. Премьер ответил Парижу: «Поздравляю с этим важным достижением».

Получение мощного атомного реактора вызвало рост озабоченности израильских ученых и некоторых политиков по поводу возможности возникновения гонки ядерных вооружений. Когда кабинет Бен-Гуриона обсуждал этот вопрос, многие министры обнаружили явное отсутствие энтузиазма, считая, что проект может оказаться слишком дорогим и дипломатически рискованным. Семь из восьми членов Комиссии по ядерной энергии Израиля в конце 1957 года в знак протеста подали в отставку. Они заявили, что израильские ядерные исследования приняли слишком явный военный характер и создали Комитет за «деатомизацию» ближневосточного конфликта. За закрытыми дверями шли жаркие дебаты, но режим секретности был таким жестким, что этот конфликт никогда не вышел наружу.

Это не беспокоило Переса и Бен-Гуриона. У них оставался профессор Бергман, который один мог заменить всю ядерную комиссию, и его поставили во главе ядерной программы. Их даже радовало то, что теперь круг лиц, осведомленных о действиях Израиля, сузился. Это считалось самым важным секретом еврейского государства, и ядерная программа осуществлялась в столь беспрецедентном режиме безопасности, какого Израиль, с его традициями секретности, никогда еще не знал.

Перес, понимавший, что знание есть сила, старался не допускать в эту сферу посторонних. Это был его любимый проект. Вопреки ожиданиям, он не стал обращаться к разведсообществу Израиля за помощью в обеспечении безопасности ядерной программы. Он считал, что ядерная мощь Израиля должна иметь свою ядерную разведывательную службу.

До сих пор ответственность за добывание за рубежом научной и технологической информации лежала на «Амане» и «Моссаде». Перес, однако, в 1957 году создал независимую секретную службу, во главе которой он поставил человека по имени Биньямин Бламберг.

Бламберг был опытным офицером, который покинул кибутц ради участия в подпольной армии «Хаганы». После окончания войны 1948—1949 годов он поступил в «Шин Бет», которая назначила его офицером безопасности министерства обороны. В 1953 году директор «Шин Бет» Амос Манор предложил, чтобы ради «административной чистоты» Бламберг получал зарплату в министерстве обороны. Но Бламберг отказался, очевидно, предпочитая романтическую связь со специальными службами заурядной жизни простого министерского чиновника.

В его обязанности входило поддержание режима безопасности в министерстве обороны и на предприятиях, выполнявших оборонные заказы. Большой новый реактор был не чем иным, как оборонным объектом, а Бламберг — как раз тем человеком, который мог гарантировать, что работы на этом объекте будут проходить в обстановке секретности и все его сотрудники будут отвечать требованиям надежности. Бламберг всегда боролся с болтунами и не нуждался в наставлениях о том, как обеспечить режим молчания. Он сам был высшим жрецом секретности.

Заняв по приглашению Переса этот пост, он переехал в скромный кабинет в министерстве обороны. Чтобы зашифровать характер своей работы, Бламберг назвал свой офис «Бюро специальных задач».

Через несколько лет это название было изменено на «Бюро научных связей», и те немногие, знавшие о существовании этой организации, использовали ее аббревиатуру на иврите — «Лакам». Вскоре после своего создания «Лакам» был выведен из здания министерства обороны и конспиративно размещен в центральной части Тель-Авива на улице Карлбах.

При полной поддержке Переса Бламберг старался скрыть существование «Лакам» даже от других израильских спецслужб, даже от самого «мемунеха», Иссера Харела. «Лакам» был создан за моей спиной и без моего ведома, — вспоминал позже Харел. — Я подозревал, что какие-то люди в министерстве обороны занимались какими-то делами, но когда они видели представителей «Моссада», то старались перейти на другую сторону улицы. Это была тайная организация, построенная на конспиративных началах, созданная обманным путем. Даже Бен-Гурион не знал о создании экспериментального бюро, из которого выросла эта организация».

Перес считал, что он не нуждался в разрешении Харела на создание органа безопасности ядерной программы, даже если тот и был особо доверенным лицом Бен-Гуриона в вопросах безопасности. В конце концов, новый французский реактор был самым секретным из того, что имелось в Израиле. Во всяком случае трудно поверить, что премьер-министр не знал о существовании «Лакама», поскольку Бен-Гурион был главной движущей силой в вопросах обороны и проявлял живой интерес ко всей оборонной промышленности. В итоге «Лакам» будет помогать и им.

Бламберга несколько не заботили зависть или жалобы других. Его единственной заботой стало защитить вопрос о реакторе от информационных утечек. Учитывая, что вместе с реактором в Израиль прибыли сотни специалистов и строительных рабочих, это была непростая задача.

Для реактора было выбрано место в самом центре пустыни Негев — между Мертвым морем и Беершебой, «столицей» пустыни, которая упоминается в Библии как оазис, в котором отдыхал Авраам.

В контрактах, которые заключались с французами, говорилось о «теплом климате и пустынной обстановке», что само по себе довольно слабо маскировало местонахождение реактора. Проблема безопасности беспокоила не только Бламберга, но и французскую разведку. Французы, зная болтливость евреев, не очень им доверяли и направили на обеспечение безопасности и пресечение «утечек» своих агентов.

Один из французских шпионов, выступавший под личиной священника, попытался расспросить мэра Беершебы о том, что происходило в пустыне Негев. Не в силах сдержать гордость от бурного развития своего региона, мэр рассказал о строящемся по соседству французском реакторе. Священник-шпион направил весьма критическое сообщение в свою штаб-квартиру. Чтобы скрыть широкомасштабное строительство неподалеку от иммигрантского городка Димона, Израиль, с подачи Бламберга, распространял легенду о том, что там строится крупный текстильный комбинат.

В то время как шеф «Лакама» защищал реактор на земле, опасность нависла с воздуха. В 1960 году самолет-разведчик U-2 сфотографировал объект, и аналитики американской разведки без труда определили его предназначение. С этого момента американские шпионы начали шнырять вокруг Димоны, а американские политики стали выражать обеспокоенность.

По наводке из Вашингтона американская и британская пресса сообщила, что Израиль работает над созданием атомной бомбы. Американское правительство потребовало от Израиля правду.

Было также оказано давление со стороны де Голля. Сразу после его прихода к власти в 1958 году позиция Франции на Ближнем Востоке стала меняться. Де Голль стремился к примирению с арабским миром и даже предложил предоставить Алжиру независимость — все эти перемены были не в пользу Израиля. Более того, он подозревал, что реактор в Димоне используется для военных целей, и это его раздражало.

В мае 1960 года де Голль приказал своему министру иностранных дел информировать посла Израиля в Париже, что Франция прекращает поставки урана в Димону. Президент не хотел, чтобы Израиль производил плутоний, так как это было бы шагом в направлении создания атомной бомбы. Франкофил Перес еще несколько недель продолжал сохранять оптимизм, отказываясь верить в то, что «мост через Средиземноморье» зашатался.

Угроза самому важному оборонному проекту Израиля в конце концов стала очевидной, и 13 июня 1960 г. Бен-Гурион вылетел в Париж для встречи с де Голлем. В Елисейском дворце президент Франции напрямую спросил: «Для чего Израилю нужен атомный реактор?»

Бен-Гурион заверил, что реактор будет использоваться исключительно в мирных целях и не будет развиваться в направлении производства оружейного плутония. По возвращении в Израиль, хорошо сознавая нарастающее давление со стороны Франции, Соединенных Штатов и мировой прессы, премьер-министр подготовил свое первое официальное подтверждение того, что Израиль вступил в ядерную эру. 21 декабря 1960 г. он с трибуны кнессета объявил, что Израиль строит второй исследовательский ядерный реактор, но заверил парламент, что реактор будет использован исключительно в мирных целях.

Это было именно то заявление, которого ждал де Голль. Израиль был унижен, и теперь французы могли поставить последнюю партию оборудования, необходимого для завершения строительства реактора.

Для сохранения отношений с Францией израильтяне вынуждены были пойти на то, что разведывательные службы делают редко: они «сожгли» свой разведывательный ис-

точник. 16 марта 1961 г. военный атташе посольства Изра-
иля в Париже полковник Узи Наркисс узнал о подготовке
покушения на президента де Голля. Источником этой ин-
формации был Клод Арно, иезуит и бывший полковник
антинацистского Сопротивления. После войны он служил
во французской разведке, но был разочарован алжирской
политикой де Голля. Арно подал в отставку и вступил в
какую-то тайную католическую секту, которая снабжала
секретной информацией Ватикан. Известный как «человек
с тысячью лиц», Арно подружился с полковником Наркис-
сом и стал обмениваться информацией с Израилем.

Израилю до конца не были понятны мотивы, которыми
руководствовался Арно, передавая Израилю информацию
о заговоре против де Голля. Он совершил предательство
своей тайной секты, сообщив, что она собиралась нанять
убийцу из числа арабов. Арно, как и его коллеги, придер-
живавшиеся правых взглядов, несомненно, не одобрял вы-
вод французских войск из Алжира, но считал идею убий-
ства президента совершенно неприемлемой. Возможно, он
надеялся на то, что поимка террориста скомпрометирует
Алжир, и этого ему было вполне достаточно.

Заговор, однако, был пресечен на ранней стадии, и
Арно не смог избежать расшифровки. Наркисс немедлен-
но направил шифровку с этой информацией в министр-
ство обороны в Тель-Авив, где анализом подобных сооб-
щений занимался «Аман». Разведчики и политики долго
спорили, что делать. Иссер Харел вспоминает, что Шимон
Перес и начальник штаба генерал Цви Зур были согласны
с Наркиссом, считавшим, что об этом не следует информир-
овать де Голля, потому что не было уверенности в досто-
верности этой информации. По иронии судьбы Наркисс
послал еще одно сообщение своим коллегам, призывая их
не уподобляться Иуде Искарриоту, предавшему Иисуса.
Странная мысль, принимая во внимание, что потенциаль-
ный убийца не был другом Израиля.

Харел уже давно испытывал раздражение по поводу
того, что «Аман» монополизировал отношения с Франци-
ей и в силу этого выступил против военных. Он настаивал
на том, чтобы сообщить французам эту информацию. Бен-
Гурион поддержал его.

Через две недели де Голлю сообщили о заговоре, и он
потребовал раскрыть ему источник этой информации. Ради
сохранения хороших отношений Израиль согласился.

Французы арестовали Арно и подвергли его допросу, но не получили никаких доказательств, и его пришлось отпустить. Арно обозлился на «Аман», и израильтяне потеряли ценный источник.

Тайные отношения между двумя странами были гораздо важнее. Для Израиля самое главное было получить материалы, необходимые для завершения строительства реактора. Сотрудничество на ядерном фронте продолжалось в прежнем режиме, или почти в прежнем, поскольку стало еще более секретным.

Реактор на тяжелой воде в Димоне мощностью 24 мегаватта мог производить плутоний в количестве, достаточном для изготовления одной атомной бомбы мощностью 20 килотонн, того типа, что уничтожила Хиросиму. Но главный вопрос заключался в том, поставили ли французы Израилю оборудование для обогащения урана. Сын лауреата Нобелевской премии и руководитель научных исследований французской комиссии по атомной энергии Франсуа Перрин давал понять, что процесс обогащения был с самого начала частью сделки. Возглавлявшаяся им комиссия в русле новой политики де Голля отказывалась поставлять оборудование для обогащения урана, но она не мешала попыткам Израиля приобрести это оборудование из других источников. Комиссия Перрина разрешила частной французской компании «Сен-Гобэн», которая поставляла подобное оборудование французской военной промышленности, продать такую же техническую документацию и необходимое оборудование Израилю.

В целом с приходом к власти президента де Голля Израиль стал испытывать определенные сложности в получении необходимого оборудования для развития своей ядерной программы. На это «Лакам» Бламберга ответил наращиванием своей активности. Более не ограничивая себя рамками обеспечения безопасности и секретности ядерной программы, «Лакам» занялся поиском и приобретением компонентов для Димоны. Необходимость обеспечения секретности этих операций потребовала усиления координации с другими израильскими спецслужбами. Старые раны в израильском разведсообществе стали затягиваться.

Бламберг также привнес в работу «Лакама» традиционные методы спецслужб: компартиментализацию и использование в оперативной работе прикрытий. Бламберг не был

членом комитета «Вараш», но его «Лакам», несомненно, был частью разведсообщества.

«Лакам» не проявил особой изобретательности в выборе прикрытий. Сотрудники агентства направлялись за рубеж под прикрытием атташе по вопросам науки посольств Израиля в крупных странах Европы и Америки. Сотрудники Бламберга подчинялись непосредственно штаб-квартире «Лакама» в Тель-Авиве, а не министерству иностранных дел, как обычные дипломаты. Советники по науке должны были закупать за рубежом все научные публикации и поддерживать светские и профессиональные контакты в научных кругах стран аккредитации.

Израильские ученые, находившиеся в научных командировках и на стажировках за рубежом, также были обязаны оказывать услуги «Лакаму», хотя они не всегда отдавали себе отчет в том, чьи просьбы они выполняли. Однако они понимали, что ради правительства своей страны должны были держать глаза и уши открытыми, следить за новинками в своей области, получать научную и техническую документацию. Чтобы убедить их в важности этой задачи, на них не надо было оказывать давление, поскольку большинство израильских ученых, воспитанных в духе патриотизма, были связаны с правительственными учреждениями, а многие университеты — с оборонным комплексом, получая финансирование из правительственных фондов.

В некоторых случаях израильским ученым за рубежом прямо предлагалось похищать нужные материалы. Зачастую это делалось на дилетантском уровне, что подвергало риску как самих ученых, так и тех, кто ими руководил, — обычно это были все те же атташе по науке, которые пользовались дипломатическим иммунитетом.

Один из маститых израильских ученых, который стажировался в престижном западноевропейском институте, рассказывал, что он регулярно тайно фотографировал различные документы. Он хранил копии у себя дома, а раз в неделю за ними приходил атташе по науке. Атташе — несомненно сотрудник «Лакама» — был довольно безответственным человеком. Он часто опаздывал, а иногда и вовсе срывал встречи. Обоим израильтянам просто повезло, что власти страны пребывания ни о чем не подозревали. В то время было очень важно не обнаружить широких масштабов этой шпионской кампании, так как Израиль делал ставку на приобретение друзей.

Синайская кампания 1956 года уже привела к тому, что Израиль одновременно боялись и уважали. Даже с помощью обычных вооружений Израиль мог подавить Египет, который обладал самой большой армией в арабском мире.

Слухи о ядерном потенциале и вторжение в зону Суэца подорвали престиж Израиля среди развивающихся стран, но тот факт, что Израиль быстро становился региональной сверхдержавой, сделал его силой, с которой надо было считаться, желательным партнером и другом в этом стратегически важном и чрезвычайно нестабильном регионе.

Израиль стремился к установлению открытых дружеских отношений, но вскоре ему стало ясно, что иностранные партнеры предпочитали тайные связи. Большая часть дипломатии считалась столь деликатной, что ее просто нельзя было отдавать на откуп министерству иностранных дел. Задача формирования союзов и обеспечения национальной безопасности была возложена на разведывательное сообщество.

4

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ СОЮЗЫ

«Мы заинтересованы в том, чтобы заключить с вами соглашение о сотрудничестве», — заявил Бен-Гурион директору ЦРУ. Этот разговор произошел в Вашингтоне в мае 1951 года в помещении старого комплекса ЦРУ недалеко от памятника Линкольну. Израильский премьер находился в США с частным визитом впервые после достижения Израилем независимости. Бен-Гурион занимался сбором средств для Израиля и продвижением первого выпуска государственных облигаций Израиля. Он также использовал этот визит в дипломатических целях.

«Старик» встретился с президентом Гарри Трумэном, ему также была организована тайная встреча с директором ЦРУ генералом Уолтером Смитом и его помощником Алленом Даллесом. Еще до отъезда Бен-Гуриона из Израиля Рувен Шилой, в то время еще занимавший пост директора «Моссада», посоветовал премьеру предложить США сотрудничество между двумя странами в области разведки.

Это было далеко идущее предложение. В Израиле у власти были левые партии, и он считался социалистическим государством. Кибутцы, уникальные еврейские сельскохозяйственные кооперативы, построенные на принципах коллективной собственности, считались воплощением коммунистической мечты. Израильская экономика в целом основывалась на принципах коллективизма и общественной собственности на большинство средств производства. «Капитализм» и «свободный рынок» в лексиконе Израиля считались грязными словами. Но особенную тревогу у американцев вызывали симпатии Израиля к Советскому Союзу в связи со значительной помощью, которая была

оказана Восточным блоком Израилю в первые дни после получения независимости.

Если бы не речь Андрея Громыко — в то время советского представителя при ООН — в поддержку идеи создания Государства Израиль, может быть, и не было бы резолюции 181, определившей раздел Палестины на два государства — еврейское и арабское. По подсказке Москвы Чехословакия и Югославия направили в Израиль вооружение и стали обучать израильских пилотов. Более того, готовность Румынии, Венгрии и Польши разрешить эмиграцию евреев способствовала их массовому притоку в Израиль.

Шилой выступал против распространенных в Израиле просоветских настроений и призывал переориентировать внешнюю политику на Сосдиненные Штаты. Конечной целью всех этих усилий он считал заключение договора об обороне с США и вступление Израиля в НАТО. В качестве первого шага в этом направлении он предложил установить тайное сотрудничество между «Моссадом» и ЦРУ.

Бен-Гурион и другие ведущие политики Израиля не особенно верили, что это предложение может быть принято, но считали, что попробовать все-таки стоит. Бен-Гурион был удивлен, когда генерал Смит и Аллен Даллес охотно поддержали эту идею.

Это была не первая встреча Бен-Гуриона с американским генералом. Они встречались сразу после окончания второй мировой войны, когда Смит посещал лагеря, в которых содержались те, кто пережил Холокост. В то время Смит был начальником штаба у командующего вооруженными силами союзников в Европе Дуайта Эйзенхауэра и сопровождал сионистского лидера в поездке по лагерям.

Уничтожение шести миллионов евреев в Освенциме, Трешлинке, Дахау и других нацистских лагерях смерти и вид сотен тысяч уцелевших беженцев произвели глубокое впечатление на многих американских солдат, воевавших в Европе. Израиль, со своей стороны, знал, как использовать память о жертвах Холокоста тогда, когда нужно было воздействовать на эмоции. Симпатии и чувство вины некоторых политических лидеров могли быть использованы именно тогда, когда Израиль нуждался в политической или военной помощи.

Израильские дипломаты не уставали подчеркивать, что их страна должна быть сильной, чтобы не допустить ново-

го Холокоста. Это была в известном смысле игра на кошмарных страданиях, которые принесла война, страданиях, которые навечно останутся в истории. И это приносило результаты. Среди тех, кого удалось убедить, были Смит и Даллес. В Вашингтоне Бен-Гуриону удалось договориться с руководителями ЦРУ о незамедлительном начале переговоров с целью установления сотрудничества.

Спустя месяц, в июне 1951 года, в Вашингтон отправился Шилой, который окончательно согласовал детали официального, хотя и секретного соглашения. У него были обстоятельные встречи с генералом Смитом, а также с Джеймсом Джизусом Энглтоном.

На Энглтона Холокост произвел тоже очень глубокое впечатление, а он принадлежал к числу людей, упорно работающих в том направлении, которое вызывает у них интерес. После несчастливого детства, проведенного в Аризоне, климат которой должен был помочь лечению открывшегося у него туберкулеза, Энглтон в 1933 году в 16-летнем возрасте переехал в Италию, где его отец получил работу в Милане. После нескольких лет, проведенных за границей, Энглтон возвратился в США и поступил учиться в Йельский университет, где со временем стал издавать литературный журнал в компании довольно колоритных личностей, включая Эзру Паунда и Арчибалда Маклейша.

В 1943 году один из его преподавателей в Йеле завербовал Энглтона для работы в Управлении стратегических служб США, в организации, где было достаточно много эксцентриков и интеллектуалов. Эта организация была просто создана для Энглтона. Он отличался подозрительностью и всегда искал скрытый смысл вещей и событий.

Энглтон служил в аппарате УСС в Великобритании и Италии, где он занимался вербовкой агентуры и выявлением нацистских подпольных групп. В числе его лучших источников в Италии были агенты «Алии-Бет», занимавшиеся контрабандным ввозом евреев в Палестину.

Возможности еврейского подполья и его представителей в Европе произвели на Энглтона большое впечатление. Позже один из них, Тедди Коллек, вспоминал: «Джим видел в Израиле верного союзника, когда верность идее стала редкостью». Он знал, что ранние попытки сионистского подполья установить контакт с американской разведкой срывались англичанами, которые все еще управ-

ляли Палестиной. Энглтон был удовлетворен, когда в 1951 году ЦРУ удалось заключить с Шилоем соглашение о сотрудничестве.

Соглашение заложило основы сотрудничества в области обмена стратегической информацией между ЦРУ и «Моссадом» и обязывало их информировать друг друга по вопросам, представляющим взаимный интерес. Стороны обязались не вести разведку друг против друга и обменялись офицерами связи, которые должны были действовать под прикрытием посольств в Вашингтоне и Тель-Авиве.

Однако для реализации этого соглашения оставалось преодолеть одно серьезное препятствие. Энглтон, назначенный начальником контрразведки ЦРУ, был одержимым противником коммунизма. Несмотря на его восхищение еврейской агентурой в Европе, он считал, что Израиль — с его социалистическими целями и связями с советским блоком — представлял довольно серьезную угрозу безопасности.

Энглтон опасался, что эмиграция евреев из Восточной Европы позволит советским шпионам проникнуть в Израиль и использовать его как трамплин для работы против Запада. Коммунистические власти могли легко шантажировать этих эмигрантов, угрожая их родственникам, оставшимся в своих странах.

«Сложившаяся в Палестине смесь представителей всех стран Европы создает Советскому Союзу уникальные возможности для проникновения в стратегические районы, — отмечалось в одном из меморандумов Госдепартамента США. В этой связи американские военные атташе в Израиле должны хорошо знать советскую тактику и наблюдать за активностью Советского Союза в этом районе».

Вашингтон также считал, что русские целенаправленно проникали в вооруженные силы Израиля.

Шилой понимал эту озабоченность американцев и заверял их в том, что израильские службы безопасности будут проявлять бдительность. «Алия-Бет» и «Шин Бет» Иссера Харела уже и так пристально следили за евреями, прибывающими из-за «железного занавеса».

В конечном счете Энглтону и ЦРУ убедили аргументы Израиля о том, что, говоря словами Библии, «из горечи может истечь сладость», то есть новых иммигрантов не надо бояться, их надо использовать. Эти евреи представляли самые различные слои советского общества и были

осведомлены по многим вопросам науки, советского оборонного строительства, политики и экономики. Поддержание связей с ЦРУ было поручено руководящему работнику «Шин Бет» Амосу Манору, который сам был эмигрантом из Восточной Европы. С бюрократической точки зрения был достигнут странный компромисс, когда оставшийся в штате «Шин Бет» Амос Манор стал поддерживать контакт с иностранной шпионской службой.

Обе его функции удачно сочетались, когда «Шин Бет» удалось установить, что страны советского блока пытаются использовать и израильские компании в качестве прикрытия для преодоления западного эмбарго на экспорт в Советский Союз некоторых видов оборудования и технологий. Об этом Манор постоянно информировал ЦРУ и министерство торговли США.

В начале 1952 года, однако, ФБР установило, что два дипломата посольства Израиля в Вашингтоне занимаются шпионажем. Израиль заверил, что дипломаты занимались слежкой только за арабскими представителями, и скомпрометированным израильским шпионам без какой-либо скандальной огласки позволили покинуть страну.

У ФБР были серьезные подозрения в отношении Манора, который так быстро после эмиграции из Румынии сделал головокружительную карьеру в спецслужбах Израиля, и в 1952 году Бюро пыталось не допустить его в США. Однако Манора поддерживал Энглтон, и через пять недель в США для обучения на специальных курсах прибыли оперативные работники «Моссада» и «Амана».

И все же Энглтон не мог полностью избавиться от сомнений. Он направил экспертов своей контрразведки в Израиль для того, чтобы они могли на месте оценить опасность советского проникновения, и каждая такая миссия создавала проблемы, особенно для резидента ЦРУ в Тель-Авиве. Резидент, считавший себя специалистом по местным проблемам и знавший всех основных действующих лиц, видел, что эти визиты вызывали сумятицу, подозрения и нежелательные слухи. Однажды гость из ЦРУ хотел выразить озабоченность в отношении конкретного сотрудника израильской разведки, но, спутав «Моссад» и «Шин Бет», выложил эту информацию не тому агентству. Этот случай не только поставил в неловкое положение резидента ЦРУ, но разозлил многих в израильском разведсообществе — особенно гордого Иссера Харела. Какие-то амери-

канцы вторгались в его сферу, ставили под сомнение эффективность его работы и в конце концов могли предъявить какие-то претензии к нему самому.

Во всяком случае Харел считал, что американцы по-настоящему не были заинтересованы в равноправном двустороннем сотрудничестве. Они хотели в одностороннем порядке получать информацию, которой располагала израильская разведка. Харел даже подозревал, что ЦРУ может организовать заговор по типу того, что был осуществлен в 1953 году в Гватемале.

Шилой, как обычно, придерживался иной точки зрения. Даже после ухода из «Моссада» он оставался советником Бен-Гуриона по вопросам международной и региональной стратегии. Он убедил премьера, что ради упрочения союза с Соединенными Штатами стоило заплатить большую цену — допрашивать всех иммигрантов и передавать информацию американцам, пока не удастся полностью завоевать их доверие.

Американцы, со своей стороны, снабжали израильтян специальной техникой, включая подслушивающие устройства, и средства дешифрования. Израильские офицеры направлялись в США для обучения работе с этой техникой. Для наблюдения за таким сотрудничеством в Вашингтон были направлены два превосходных разведчика — оба союзники Шилоя: полковник Хайм Герцог, бывший шеф «Амана», который стал «военным атташе», и близкий друг Шилоя Тедди Коллек, занявший пост советника израильского посольства. Коллек уже обладал определенным опытом в этой сфере, до 1948 года он закупал оружие для сионистов и создавал в США группы сторонников Израиля.

Наряду с работой по укреплению союзнических отношений с Америкой израильская разведка создавала стратегические союзы ближе к своему дому. В первые же годы независимости Израиля Шилой убедился в возможности поддержания тайных контактов с соседними государствами, которые официально считались враждебными.

Как главный неофициальный дипломат Бен-Гуриона Шилой принимал участие во встрече с королем Трансиордании Абдуллой, его премьер-министром, высшими чиновниками и военачальниками. Они даже достигли молчаливого согласия о том, что палестинское государство,

создание которого предусматривалось резолюцией ООН 1947 года, будет мертворожденным. Израиль захватил арабские территории, а армия Абдуллы захватила Западный берег реки Иордан. Со стороны Трансиордании, в отличие от Египта и других арабских стран, никогда не предпринималось серьезных попыток уничтожить Израиль. Король Абдулла стал не только израильским «агентом влияния» в арабских странах — термин, означающий иностранного политического деятеля, цели которого совпадают с целями вашей страны, — но и платным агентом. Его еврейские хозяева заплатили 10 тыс. долларов США за его услуги. Только гибель Абдуллы в июле 1951 года от руки убийцы не позволила ему подписать мирный договор с Израилем.

В марте 1949 года в Сирии произошел военный переворот, и власть захватил начальник штаба вооруженных сил полковник Хосни Займ, предложивший мир Израилю. Однако события стали развиваться столь стремительно, что это щедрое предложение так и не было реализовано. Только спустя несколько десятилетий стало известно, что Хосни Займ был платным агентом американской, французской и даже израильской разведок. Осуществленный им переворот произошел при содействии агентов ЦРУ. У Израиля также были подобные, основанные на подкупе, контакты в египетском и иракском руководстве.

Шилой, однако, понимал, что способность израильских агентов получать доступ к арабским лидерам не могут изменить основных политических и стратегических реалий на Ближнем Востоке, что наиболее последовательные арабские страны будут продолжать ненавидеть Израиль и поддерживать постоянно состояние войны.

Шилой также знал, что на Ближнем Востоке существовали еще и другие этнические и географические факторы. Внутреннее ядро арабских стран было окружено более рыхлой периферией неарабских стран, а в самих арабских странах были религиозные и национальные меньшинства. Можно было установить дружеские отношения с этими периферийными странами, а также с представителями меньшинств, которые так же, как Израиль и западные страны, были недовольны ростом арабского национализма и радикализма. В целом эту концепцию можно было свести к изречению: «Враги моих врагов — мои друзья».

Любой, кто выступал против или боролся с арабским национализмом, считался потенциальным союзником Израиля: маронитская община в Ливане, друзы в Сирии, курды в Ираке, христиане Южного Судана — все, кто страдал от угнетения со стороны исламского большинства. Жители Ирана, исповедовавшие ислам, тем не менее всегда с гордостью подчеркивали, что они не арабы, а персы. Концепция поддержания контакта со всеми этими периферийными силами была известна израильским лидерам как система «периферийных союзов», и первую скрипку в этой тайной дипломатии играло разведсообщество Израиля.

Поддерживая контакт с представителями курдского меньшинства в Южном Ираке, работники израильских спецслужб шли по стопам самого Шилоя, который еще в 1930-х годах работал с курдами как журналист. Эти обитатели гор вели непрерывную борьбу с центральной властью за автономии, и их наиболее прямые контакты с «Моссадом» имели место в 1960-х годах, когда «Моссад» обучал курдских боевиков. Член израильского кабинета министров Аръех (Лова) Элиав, бывший оперативный работник «Алии-Бет», в 1966 году проехал на осле через горные перевалы, чтобы доставить полевой госпиталь курдским друзьям. Они помогли трем тысячам евреев бежать из Ирака.

К востоку от границы, в Иране, представитель «Алии-Бет» Сион Коэн рассматривался властями как фактический представитель израильского правительства. Шах Ирана как лидер исламской нации никогда не устанавливал дипломатические отношения с Израилем, но он с уважением относился к борьбе Израиля с более крупными арабскими странами и разрешил прямые полеты из Тегерана в Тель-Авив для вывоза евреев из Ирака на историческую родину.

Главной целью контактов Израиля с Ираном было стимулирование произраильских и антиарабских настроений в местных правительственных кругах. Эти отношения были достаточно глубокими и многогранными. «Моссад» и «Шин Бет» помогали в подготовке иранских военнослужащих и агентов «Савак» — государственной службы разведки и безопасности Ирана. Представители «Савак» были частыми гостями в Израиле и помогали переправлять помощь, предоставлявшуюся Израилем, в мятежные районы Курдистана.

«Моссад» довольно часто получал помощь от американского ЦРУ и «МИ-6», службы внешней разведки Великобритании. К этому времени американцы разочаровались в Насере и после Суэцкой кампании 1956 года отказались от тайного сотрудничества с режимом.

Англо-американские усилия по втягиванию Израиля в прозападный союз стали особенно заметными после 1958 года, когда антизападный, пронассеровский национализм стал добиваться заметных успехов. Сторонникам Насера почти удалось взять под контроль Ливан. В Ираке полковник Абдель Карим Кассем захватил власть после убийства Нури-ас-Саида и членов королевского хашимитского двора. Такая же угроза подстерегала хашимитских правителей в Иордании.

Вашингтон и Лондон старались склонить Израиль к участию в двух региональных группировках: «северном ярусе», связывающем Израиль, Турцию и Иран, и в «южном ярусе», связывающем Израиль с Эфиопией. Все эти страны были втянуты в пограничные конфликты с арабскими государствами и опасались «подрывной» деятельности со стороны Советского Союза. Особенно это относилось к Турции.

В декабре 1957 года премьер-министр Турции принял специального посланника Израиля Элиаху Сассуна и договорился с ним о последующей встрече представителей разведок двух стран. Израильскую делегацию возглавлял Шилой, хотя в то время он уже несколько лет как не занимал в «Моссаде» никакого официального положения. Премьер-министр Бен-Гурион и министр иностранных дел Голда Меир считали, что Шилой был наиболее подходящим человеком для такого рода тайных дипломатических миссий.

28 августа 1957 г. сам Бен-Гурион в сопровождении Шилоя и начальника штаба вооруженных сил вылетел в Анкару для встречи с Мендересом. Появление Бен-Гуриона в Анкаре объяснялось «вынужденной посадкой» в связи с тем, что у его самолета якобы возникли проблемы с двигателем. Конкретным результатом этих переговоров явилось совершенно секретное соглашение о всестороннем сотрудничестве между «Моссадом» и Турецкой службой национальной безопасности. Примерно в это же время «Моссад» заключил аналогичный пакт с иранским «Саваком».

В конце 1958 года три спецслужбы создали трехстороннюю организацию под названием «Трайидент», которая предусматривала регулярные, раз в полгода, встречи руководителей спецслужб своих стран. Среди проблем, которыми занималась эта организация, была деятельность советской разведки на Ближнем Востоке. Турция делилась с «Моссадом» информацией о намерениях радикальных арабских режимов в отношении Израиля, которую ей удавалось получать в Сирии. «Моссад» оказывал содействие в подготовке кадров для иранской и турецкой спецслужб в области контрразведки и специальной техники.

Тайная альтернативная дипломатия Израиля стремилась к достижению аналогичных успехов и на «южном ярусе». Особый интерес для Израиля представлял Судан, расположенный к югу от его основного противника — Египта. В 1954 году, когда к власти в Каире пришел Насер, Судан находился в процессе обретения независимости. Хартумские политики были обеспокоены вмешательством Насера во внутреннюю избирательную кампанию с его призывами к «единению долины Нила». Они опасались, что Египет может просто «проглотить» Судан.

Члены популистской партии «Умма» и националистического движения «Махдия» ринулись в Лондон, надеясь получить гарантии Великобритании от вмешательства Египта. Планы Насера по национализации Суэцкого канала и изгнания британских войск давали основание надеяться, что симпатии англичан будут на стороне Судана. Посланцы также делали ставку на то, что Энтони Иден ненавидел Насера.

Однако суданская делегация осталась неудовлетворена реакцией англичан. Представители «МИ-6» выражали симпатии, но министерства иностранных дел и по делам содружества были склонны искать пути умиротворения Насера. В ходе переговоров с «МИ-6» суданцы заявили, что они готовы «пойти на союз с дьяволом» ради того, чтобы поставить заслон экспансионизму Египта, чем побудили англичан предложить им пойти на контакт с «шайтаном» арабского мира — Израилем. Британцы свели суданцев с израильским дипломатом Мордехаем Газитом.

Газит, занимавший в то время пост первого секретаря израильского посольства в Лондоне, ранее был сотрудником политического департамента министерства иностран-

ных дел. Он не подал в отставку в ходе «бунта шпионов» и продолжал работать даже после роспуска департамента. Газит охотно встретился в фешенебельном отеле «Савой» с суданским посланцем Сидки эль-Махди и обсудил несколько вариантов совместных действий против Насера. В качестве вознаграждения суданцам обещали оказать содействие в развитии хлопководства, в чем Израилю удалось накопить большой опыт.

В Хартум зачастили представители различных израильских партий и группировок, но вместе с этим продолжались тайные контакты. Своего апогея эти тайные переговоры достигли в августе 1957 года на встрече в Париже министра иностранных дел Израиля Голды Меир и премьер-министра Судана Абдуллы Халиля. Однако вскоре Халиль был свергнут и этот контакт прервался.

К востоку от Судана внимание израильтян, американцев и англичан привлекала Эфиопия которая в 1950-х годах была достаточно стабильной и проводила прозападный курс. Кроме того, Эфиопия занимала ключевое положение с выходом к Красному морю, что позволило ей контролировать подходы к Суэцкому каналу и израильскому порту Эйлат. Император Хайле Селассие, считавший себя потомком древнего еврейского племени Иуды и использовавший в качестве символа своей династии королевского льва, находился у власти уже более 20 лет и был поклонником израильского государства.

После открытия в Эфиопии израильского консульства за дипломатами последовали советники по сельскому хозяйству, потом преподаватели, которые помогли открыть университет в Аддис-Абебе, и, наконец, неизбежные советники по военным вопросам и разведчики. Израильтяне помогли императору в подготовке кадров для его служб безопасности, в ответ Израилю было позволено создать мощный центр радиоперехвата для контроля линий связи соседних арабских стран. «Моссад» также имел в Эфиопии крупную оперативную резидентуру. Эта резидентура продолжала работу, начатую Ашером Бен-Натаном в Джибути, только в значительно более крупном масштабе.

Сосдиненные Штаты и Великобритания очень ценили достижения Израиля в создании периферийных союзов, но подлинный прорыв Израиля в высший эшелон западного разведсообщества был достигнут в Европе. Израильтяне

сумели опередить ЦРУ, «МИ-6», французских, голландских, бельгийских и других западных шпионов, которые рыскали по всей Восточной Европе в поисках секретного доклада. Это был секретный доклад Никиты Хрущева на специальном съезде Коммунистической партии в феврале 1956 года.

Это выступление положило конец сталинской эре, впервые раскрыв все ее ужасы: тюрьмы и лагеря, показательные процессы и убийства. Надо было лучше понять Хрущева, который к этому времени выдвинулся из рядов коллективного руководства. Нужно было тщательно оценить ущерб, нанесенный Советскому Союзу покойным диктатором. Слова нового советского лидера могли быть использованы в западной пропаганде для ослабления веры Востока в сталинизм и коммунизм.

В поисках текста выступления западные разведки пытались подкупить коммунистов из стран восточного блока, которые присутствовали на съезде в качестве гостей. Большинство иностранных гостей, однако, не были допущены на закрытое заседание 23 февраля, на котором Хрущев провел свое историческое развенчание Сталина. В зале заседаний присутствовало только по одному лидеру от каждой делегации, а это были люди, фанатично преданные Кремлю, которые никогда бы не выдали своих секретов капиталистическим шпионам.

Неудивительно, что впоследствии Аллен Даллес будет вспоминать 17 апреля как день, связанный с одним из его самых выдающихся достижений на посту директора ЦРУ. В этот день он получил текст секретной речи Хрущева от шефа своей контрразведки Джеймса Энглтона, который сообщил, что текст добыт израильянами. Заключенное несколько лет назад соглашение о сотрудничестве между «Моссадом» и ЦРУ принесло свои плоды. И одно это уже создало «Моссаду» репутацию.

Человек, персонифицирующий «Моссад», — Иссер Харел — до сих пор остается единственным официальным лицом, настоящим или бывшим, кто подтвердил, что крошечный молодой Израиль сумел оказать ЦРУ такую огромную услугу. В своих изданных на иврите мемуарах он пишет: «Мы передали нашим американским партнерам документ: полный текст секретного доклада Первого секретаря советской Коммунистической партии. Этот факт — одно из самых значительных достижений в

истории разведки». Подтверждая роль Израиля в получении этого доклада и называя это огромным успехом, Харел, тем не менее, не раскрывает, кто и как получил этот доклад.

Трудно поверить, но имеющаяся информация указывает на то, что Харел, оказывается, сам не знал этого. Спустя несколько десятилетий трудно было проследить весь путь, но все же следы привели в Польшу к Стефану Стажевскому. В 1950-х годах он был партийным руководителем в Варшаве и в 1980-х годах сам признался, что именно он снял покров секретности с речи Хрущева.

Как рассказал Стажевский, советские партийные власти разослали текст речи нескольким избранным коммунистическим лидерам в Восточной Европе. Один экземпляр речи — 58 страниц на русском языке — курьер доставил Эдуарду Очабу, первому секретарю правящей польской партии. Тот не присутствовал на съезде и был шокирован прочитанным — полным подтверждением всего худшего, что когда-либо говорилось о Сталине.

Очаб осторожно и тайно поделился этим «святотатством», а скорее — новым «евангелием», с некоторыми польскими лидерами. Сначала им приходилось всем читать единственный экземпляр, который Очаб держал в своем сейфе. Потом он приказал перевести доклад на польский язык и отпечатать строго ограниченное число экземпляров, которые были разосланы местным партийным руководителям, в том числе и Стажевскому.

Руководитель варшавской партийной организации решил, что речь заслуживает более широкой огласки, и приказал размножить ее в тысячах экземплярах. Он же передал текст этой речи трем западным корреспондентам, в том числе журналисту по имени Филип Бен.

Уроженец Лодзи, польский еврей Норберт Нижевский уже в юношеские годы занимался журналистикой. В 1939 году с началом второй мировой войны он в возрасте 26 лет был призван в польскую армию. После разгрома Польши вместе с остатками польской армии бежал в Советский Союз, а затем южным путем с армией генерала Андерса оказался на Ближнем Востоке. Нижевский должен был воевать в составе английских вооруженных сил, но в нем заговорила еврейская кровь, и в 1943 году он осел в Палестине и вновь занялся журналистикой. Он даже сменил свое прежнее польское имя на то, что более соот-

встествовало еврейской культуре: Норберт Нижевский стал Филипом Беном — «бен» на иврите означает «сын», а отца Норберта звали Филипом.

В период борьбы Израиля за независимость и в последующие годы Бен больше писал о международных событиях, чем о внутренних проблемах и ближневосточном кризисе. Он был одаренным международным обозревателем и в 1952 году стал работать корреспондентом французской газеты «Монд», особо специализируясь на проблемах Восточной Европы.

Бен обладал широким кругом источников, и его репутации мог позавидовать любой журналист. Бывший посол Израиля в Польше Моше Авидан вспоминает, что иностранные дипломаты часто обращались в израильское посольство за информацией, ссылаясь на то, что «ваш молодой журналист все знает». Они имели в виду Бена.

Его сообщения о рабочей забастовке в Познани в октябре 1956 года, опубликованные в «Монд» и израильской «Маарив», произвели такую сенсацию, что польские власти выдворили Бена из страны. Для этого была еще одна причина: его любовная связь с польской красавицей по имени Франка Торончик. Бен, в то время уже женатый человек, сумел нелегально вывезти свою любовницу за рубеж. После выдворения Бена польские власти заклеили его как «агента израильской и американской разведок».

Сестра Бена, Ханна Тикичинская, вспоминает: «Он всегда был окружен ореолом таинственности». С этим согласна Франка Торончик, связавшая с Беном свою последующую жизнь. «Он умел хранить секреты и почти никогда мне ничего не рассказывал». Бен много лет был корреспондентом при ООН в Нью-Йорке и умер в 1978 году. Для публики он написал много, но еще больше нерассказанного унес с собой в могилу.

Одна из таких нерассказанных историй, по словам бывшего партийного лидера Варшавы Стажевского, касалась его роли в публикации секретной речи Хрущева. Один из давних коллег Бена по газете «Маарив» считает «вполне возможным и даже естественным», что Бен делился со службами безопасности своей страны информацией, которую он собирал во время посещения различных городов. Если бы Стажевский дал Бену речь Хрущева, она вполне могла попасть в израильскую разведку и оттуда в ЦРУ, но не в газету «Маарив» и к ее читателям.

Однако Стажевский утверждает, что он также передал текст речи корреспондентке «Нью-Йорк таймс» Флоре Льюис и ее мужу Сиднею Грасону. Флора Льюис с ее безупречной памятью вспоминает, что в 1956 году она с мужем слышали слухи о каком-то важном и секретном докладе Хрущева, но, несмотря на все усилия, они не смогли получить его текст. Стажевский утверждает, что он лично передал текст речи Филипу Бену.

Так был ли Бен секретным агентом, который добыл эту речь для Израиля и тем самым вывел еврейское государство в высшую лигу международного разведсообщества? Только один человек знает всю правду. Это руководитель израильской разведки, который большую часть своей профессиональной карьеры оставался за кулисами: Амос Манор, официальный глава «Шин Бет» во времена, когда «мемунех» Харел был верховным правителем израильского разведсообщества.

Пройдя все ступени служебной лестницы, Манор в течение 11 лет возглавлял «Шин Бет» вплоть до своей отставки в 1964 году. После этого он на протяжении четверти века занимался бизнесом, был членом совета директоров различных компаний, но очень редко говорил с журналистами. «Я никогда не обсуждал свою работу и не вижу причин отступить от этого правила», — заявлял Манор.

И одним из его выдающихся достижений было получение секретного доклада Хрущева. Аналитики разведки будут удивлены, но именно «Шин Бет» — служба внутренней безопасности Израиля — получила этот материал, а не знаменитый «Моссад» с его разветвленной сетью агентов по всему миру. Но у Манора были отличные источники в Восточной Европе, в задачу которых входило осуществление контроля за соблюдением американского эмбарго и выявление попыток внедрения агентуры советского блока в Израиль.

Один из агентов Манора в Варшаве сумел получить оригинальный русский текст доклада Хрущева и во второй половине апреля 1956 года направил его в штаб-квартиру «Шин Бет», располагавшуюся в окрестностях Тель-Авива, в Яффе. Основные задачи этого агента лежали в области контрразведки, но он (или она) получил доступ к этому докладу и направил его просто для ознакомления.

Манор не знал русского языка и поручил одному из своих близких помощников, эмигранту из Советского Со-

юза, перевести брошюру с текстом доклада на иврит. Манор также поручил ведущим экспертам «Шин Бет» по Советскому Союзу внимательно изучить текст и дать заключение о его подлинности. К этому времени КГБ уже приобрел репутацию службы, фабриковавшей дезинформационные документы.

13 апреля, в пятницу, укороченный рабочий день, предшествовавший еврейской праздничной субботе, шеф израильской контрразведки, сидя за своим столом в Яффе, прочел речь Хрущева. Он уже несколько недель слышал о том, что это было важное выступление и за ним гонялись американцы. Это было действительно сильное выступление, раскрывавшее глаза на многое, что было скрыто непроницаемой завесой в Советском Союзе.

Заключив чтение, Манор взял текст на иврите и вместе с единогласным заключением своих экспертов о подлинности этого документа отправился прямо домой к Бен-Гуриону, дал ему речь и анализ «Шин Бет».

В субботу Бен-Гурион и Манор встретились снова, и когда премьер окончательно убедился в подлинности документа, он приказал немедленно передать его американцам. Только после этого Манор отправился домой к Харелу и, не раскрывая источник, ознакомил его с полученным документом.

Израильцы всегда стремились использовать каждый шанс для того, чтобы произвести впечатление на американцев, и уже через два дня после того, как Бен-Гурион принял решение, в Вашингтон к Джеймсу Энглтону вылетел курьер израильской разведки с докладом Хрущева. Премьер инстинктивно почувствовал, что это может стать прорывом, который сделает Израиль уважаемым стратегическим союзником Соединенных Штатов. Бен-Гурион также полагал, что если Израиль предаст огласке текст доклада, то это еще больше осложнит и так уже достаточно напряженные отношения между Израилем и ранее поддерживавшим его Советским Союзом.

Доклад Хрущева не только прочли с интересом в ЦРУ. Американцы дали утечку в «Нью-Йорк таймс», а затем полный текст доклада был передан по радио на всех языках через радиостанцию «Радио “Свободная Европа”» и «Радио “Свобода”». Брошюры с текстом даже забрасывались с помощью воздушных шаров в страны за «железным занавесом». Именно таким способом в Польшу попали

тысячи экземпляров. Возможно, именно это массовое распространение брошюры вспоминает бывший партийный босс Стажевский. С другой стороны, Филип Бен мог быть агентом Манора в Восточной Европе: глазами и ушами «Шин Бет» в самом сердце коммунистического блока.

Даже в 1970-е годы Манор не собирался раскрывать имя героя, стоявшего на другом конце информационного канала. Известно, что Манор был недоволен попытками Харела присвоить эту заслугу «Моссаду». Секретный доклад Хрущева добыл не «Моссад», а «Шин Бет», но кто направил «Шин Бет» этот доклад из Европы? В мире шпионажа ответы всегда порождают новые вопросы.

Американцев не информировали, как был добыт этот доклад. Что же касается директора ЦРУ Аллена Даллеса, то он был убежден, что это «Моссад» продемонстрировал свой класс. Он отблагодарил «Моссад» и Энглтона, поручив ему работу по «израильскому счету», как конспиративно называют в ЦРУ двусторонние отношения. В дополнение к своим обязанностям шефа внешней контрразведки Энглтон стал самым рьяным сторонником Израиля в американском разведсообществе. Принимая во внимание проарабские настроения в Госдепартаменте и Пентагоне, а также среди некоторой части работников ЦРУ, это был для израильтян оазис дружбы в американской пустыне.

Энглтон блокировал и даже искажал информацию, поступавшую из других источников, которая могла навредить Израилю. Когда военный атташе США в Тель-Авиве в октябре 1956 года направил в Вашингтон информацию о том, что Израиль планирует напасть на Египет, Энглтон заявил, что эта информация не соответствует действительности. Намеренно или нет, но лучший друг Израиля в Вашингтоне помогал поддерживать там дымовую завесу, под прикрытием которой Израиль готовил захват Суэца.

Восхищение еврейским государством превратилось у Энглтона в одержимость, и он был просто околдован израильской разведкой. Он ревностно добивался того, чтобы все контакты с израильскими службами шли через него. «Помимо контрразведки Энглтон имел еще одну важную обязанность — Израиль, работу с которым он вел в традициях особой секретности, характерной для его службы», — вспоминал директор ЦРУ Уильям Колби.

Энглтон приходил в ярость, когда кто-либо в ЦРУ пытался установить контакт с Израилем, минуя его. Эта рев-

ность достигла своего апогея в 1971 году, когда его коллега из британской контрразведки «МИ-5», Питер Райт посетил Вашингтон. Энглтон заявил официальный протест директору «МИ-5» сэру Мартину Фэрнивалю Джоунзу по поводу того, что Питер Райт за его спиной вел тайные переговоры по Израилю с другими представителями ЦРУ. Англичане оставили этот протест без внимания.

Энглтон не скрывал своих подозрений и в отношении лорда Виктора Ротшильда, главы известной еврейской банковской династии, который во время Второй мировой войны служил в английской разведке, поддерживал тесные контакты со своими бывшими коллегами в Лондоне и одновременно развивал дружеские отношения с руководителями израильских спецслужб. Энглтону не нравились эти контакты.

Работавшие с Энглтоном израильтяне признают, что он был необычной и даже «свихнувшейся» личностью, но они благодарны ему за то, что он разрушил стену недоверия в отношении Израиля и проложил путь к жизненно важному стратегическому сотрудничеству двух стран. В ноябре 1987 года, через год после смерти Энглтона, израильтяне открыли «мемориальный уголок» в честь своего бесценного американского друга. Напротив фешенебельного отеля «Кинг Давид» в Иерусалиме, где Энглтон останавливался во время своих многочисленных поездок в Израиль, был установлен большой камень с надписью на иврите, английском и арабском языках: «В память дорогого друга, Джеймса (Джима) Энглтона». Этот мемориал был открыт в присутствии бывших и действующих руководителей израильского разведсообщества.

Вспоминая об этой церемонии, Тедди Коллек, занимающий в настоящее время пост мэра Иерусалима, рассказал о своей первой встрече с Энглтоном во время посещения штаб-квартиры ЦРУ в сентябре 1950 года. Тогда через несколько минут он в коридоре ЦРУ натолкнулся на англичанина, которого он знал как Гарольда (Кима) Филби. В изумлении он вернулся в кабинет Энглтона и спросил:

— А что здесь делает этот Филби?

— Ким наш хороший друг, и он представляет здесь британскую «МИ-6» — ответил Энглтон.

Коллек всегда недолюбливал Филби, возможно, в связи с тем, что отец Филби принял ислам и стал советником

саудовского королевского двора. Коллек также рассказал Энглтон, что он встречал Филби в 1930-х годах в Австрии и в тот период Филби явно придерживался левых взглядов. Коллек был даже приглашен на его бракосочетание с молодой еврейской коммунисткой. Эту часть своей жизни Филби скрыл, поступая на службу в английскую разведку.

Энглтон выслушал рассказ своего израильского коллеги, но ничего не предпринял до тех пор, пока в 1951 году в Москву не сбежали два высокопоставленных английских дипломата — Гай Берджесс и Дональд Маклин. ЦРУ сформировало «МИ-6» о том, что поведение Филби вызывает подозрение и его дальнейшее пребывание на посту офицера связи между «МИ-6» и ЦРУ нежелательно. Энглтон был одержим патологическим антикоммунизмом и начал поиск других предателей в западных спецслужбах. Он всегда сожалел, что не придавал серьезного значения тому, что ему рассказал о Филби Коллек.

Еще одна наводка, которой не было придано должного значения, поступила в 1961 году от англичанки, которая побывала в Израиле в этом году. Флора Соломон была дочерью богатого еврейского банкира из России, который эмигрировал в Англию. Она работала в торговой фирме «Маркс и Спенсер» и, как и ее хозяйка, была ревностной сионисткой. На светском приеме в Тель-Авиве она встретила своего старого знакомого — лорда Виктора Ротшильда. Флора Соломон очень резко высказалась о Филби, который в то время был корреспондентом в Бейруте, осудив его антиизраильские и проарабские статьи. Внимание Ротшильда привлекла ее реплика: «Он как всегда делает то, что приказывают ему хозяева в России».

Ротшильд выразил удивление, и Флора Соломон рассказала ему, как в 1940 году Филби пытался завербовать ее для работы на советскую разведку. Филби говорил ей о своей работе как «секретной и опасной» и, когда она отказалась, попросил ее никому об этом не рассказывать. Эта информация дошла до «Моссада» и до английских спецслужб, но «МИ-6» действовала недостаточно оперативно. В Ливане Филби узнал, что он попал под подозрение, и в январе 1962 года просто исчез. Объявился он в Москве уже в конце года в качестве увешанного орденами генерала КГБ.

Потерпевшие столь унижительное фиаско англичане не могли не отметить, что Израиль располагал этой информацией. По примеру Энглтона высокопоставленные представители английских спецслужб, включая заместителя директора «МИ-6» Мориса Олдфилда и заместителя директора «МИ-5» Питера Райта, поспешили признать заслуги «Моссада». Секретные службы Великобритании начали понимать, что Израиль был не просто страной «третьего мира», а сверхдержавой в мире разведки. Представители «Моссада» в Лондоне подписали официальное соглашение о сотрудничестве с «МИ-6», подобное тому, которое уже было у них с ЦРУ.

С израильской точки зрения Олдфилд стал английским вариантом Энглтона. Старший из 11 детей бедной фермерской семьи, Олдфилд проявил способности к разведке во время второй мировой войны, когда он находился в зоне Суэца. Он знал Ближний Восток и знал Тедди Коллека. Они познакомились в конце 1940-х годов и подружились. Олдфилд признался Коллеку, что всегда восхищался сионизмом. Олдфилд также произвел на Коллека большое впечатление, и их дружба принесла серьезные плоды, когда в 1970-х годах Олдфилд был назначен директором «МИ-6» и стал известен под кодовым обозначением «Си». Авторы детективных романов Ян Флеминг и Джон Ле Карре тоже находились под впечатлением личности Олдфилда. Прототипом их героев — «М» — у Флеминга и Джорджа Смайли — у Ле Карре — является реальный шеф «МИ-6».

Олдфилд всегда заботился о защите интересов Израиля в британском истеблишменте, где чиновники и дипломаты придерживались проарабских взглядов. Шеф разведки мог указать на конкретную выгоду, которую Великобритания получала от тайных связей с еврейским государством.

Израильтяне обнаружили свои способности в проведении контрразведывательных расследований в деле сотрудника Канадской королевской конной полиции (РСМП) Роя Гуиндона. Несмотря на свое кавалерийское название, РСМП выполняет те же функции, что «Шин Бет» или американское ФБР. Некоторые работники РСМП, или, как их любовно называют, «маунтиз», направляются за границу в качестве оперативных работников, и в 1959 году Рой Гуиндон был направлен в Москву. В московском дипкорпусе Гуиндон скоро приобрел репутацию ловеласа. Когда сотрудницы его собственного посольства отвергли его до-

могательства, об этом стало известно КГБ. Русская тайная полиция, известная своей эффективностью, устроила ему классическую ловушку. В качестве наживки была использована молодая и красивая агентесса Лариса Федоровна Дубанова.

По преднамеренной случайности Гуиндон оказался рядом с Дубановой на балете в Большом театре. По счастливому совпадению она превосходно говорила по-английски. Роман продолжался несколько месяцев, пока, наконец, очаровательная дама не объявила, что она беременна. Офицеры КГБ организовали им тайное бракосочетание, и теперь Гуиндон был в их власти. Под угрозой того, что он никогда больше не увидит свою возлюбленную, Гуиндон передал советской контрразведке канадские дипломатические коды и даже установил подслушивающие устройства в канадском посольстве.

Позже Гуиндон был переведен в Вашингтон и продолжал сотрудничество с КГБ. Его жена так и не родила ребенка, сказав, что сделала аборт. Чтобы поддерживать заинтересованность Гуиндона в сотрудничестве с советской разведкой, советские власти разрешали ей посещать его в Вашингтоне.

Предательство Гуиндона было разоблачено только в начале 1960-х годов, когда он был переведен в канадское посольство в Тель-Авиве. Его телефон, как и телефоны всех иностранных дипломатов, был взят под контроль. Вскоре «Шин Бет» зафиксировала его неосторожный телефонный разговор с советским представителем. Израильская разведка информировала «МИ-6». Англичане информировали РСМП, и канадцы под благовидным предлогом вызвали его в Лондон. Представители канадской контрразведки забрали его с собой в Оттаву, где он быстро во всем признался. Учитывая его полное признание и сотрудничество со следствием, Гуиндон к уголовной ответственности не привлекался.

Установление прочных связей с иностранными спецслужбами было одним из серьезных достижений израильской разведки на начальном этапе развития израильского разведсообщества, так же как и установление технологического и стратегического сотрудничества в рамках периферийных союзов.

Это были главные достижения разведсообщества под руководством Шилоя. Однако когда в мае 1959 года Ши-

лой внезапно умер от сердечного приступа как раз в тот момент, когда он готовился совершить новую секретную поездку в Турцию и Иран, о нем быстро забыли. У него было мало политических союзников и много врагов; он предпочитал работать в одиночку и не любил рекламы. В любом случае Шилой с его грандиозными планами был пережитком прошлого.

Израильской разведке было 11 лет, но во многих отношениях она уже достигла зрелости. Иссер Харел считал, что пришло время для его возвращения на сцену и переориентации работы разведки на решение повседневных задач обеспечения безопасности страны.

Несмотря на то, что «мемунех» постоянно искал предателей, таковых не было выявлено ни в дипломатической службе, ни в израильском разведсообществе. «Это неудивительно, — считает бывший директор ЦРУ Уильям Колби, — страна постоянно находилась в состоянии войны. Трудно ожидать, например, что на американском Диком Западе ковбои будут переходить на сторону индейцев».

Тем не менее, постоянная бдительность и подозрительность должны быть поставлены в заслугу Харелу, который сумел обеспечить высокую надежность своих служб. На протяжении десятилетия, полностью контролируя «Моссад» и в известной степени опекая «Шин Бет», он сумел выработать глубоко индивидуальный стиль обеспечения безопасности Израиля. Руководствуясь своими внутренними убеждениями, Харел большую часть своего времени провел в «крестовых походах».

5

ХАРЕЛ-КРЕСТОНОСЕЦ

В дополнение ко всем своим качествам Харел имел одно достоинство, которое делало его уникальной фигурой, когда-либо занимавшей место на троне израильской разведки. Он мог игнорировать всякого рода нападки и наветы и убеждать себя в том, что обладает уникальными способностями для защиты интересов Израиля.

Мелкие разочарования вроде тех, которые он испытал, когда его отстранили от разработки плана Суэцкой кампании 1956 года, или когда у него за спиной создали научно-техническую разведку «Лакам», или когда он остался в стороне от работы по созданию периферийных союзов, не могли остановить Харела. Вместо того чтобы оглядываться в гневе назад, он предпочитал с надеждой смотреть вперед.

Харел целиком отдавался служению интересам Израиля и консолидации власти Бен-Гуриона. Оглядывая политический горизонт, «мемунех» пришел к выводу, что издававшийся на иврите популярный журнал «Этот мир» представлял явную угрозу премьер-министру, партии «Мапай» и всей системе. Харел объявил этому еженедельнику войну.

Публикуя пеструю смесь сплетен, сексуальных скандалов и детективов, этот журнал выступал за примирение с палестинскими арабами и в целом давал довольно нетрадиционную картину жизни современного Израиля. Его главный редактор Ури Авнери открыто призывал Бен-Гуриона проявить благородство и согласиться на создание палестинского государства сразу после победы в войне за независимость. В начале 1950-х годов это звучало как настоящая ересь.

Сам Бен-Гурион и его авторитарные методы руководства были естественной мишенью для отравленных перьев журналистов. В порядке взаимности правящая партия откровенно ненавидела Авнери. Руководимый «Мапай» политический истеблишмент организовал бойкот журнала, но изданию удалось сохранить своих верных читателей. Тираж резко возрос, когда в 1956 году на обложку журнала была выплеснута информация о коррумпированности шефа полиции Тель-Авива. Как верный слуга премьер-министра Харел не мог вынести эти скандальные заголовки. К тому же шеф полиции был не кем иным, как сыном Бен-Гуриона, Амосом Бен-Гурионом.

Авнери также позволял себе прямые нападки на «Шин Бет», чем приводил Харела в ярость, так как в то время вообще никто не смел писать о спецслужбах. Саму «Шин Бет» он называл не иначе как «орудием тьмы».

Журнал преподносил агентство как какого-то монстра, беспардонно нарушавшего права граждан, и вообще возлагал на «Шин Бет» вину за все плохое, что было в Израиле. Дерзость Авнери раздражала не только Харела, но и официального главу «Шин Бет» Амоса Манора. Обвиняя журнал в «провокационной лжи», Манор установил за сотрудниками журнала наблюдение, надеясь получить какие-то компрометирующие их сведения. Еженедельник ответил в жанре детективной журналистики, что было довольно рискованно, так как по закону в то время было запрещено упоминать в печати имена сотрудников спецслужб.

Иссер Харел решил применить нестандартное оружие — соперничающее издание. Пытаясь подорвать тираж журнала Авнери, «Шин Бет» 1 августа 1956 г. начала издавать свой собственный журнал под названием «Гранат». Харел напрасно пытался зашифровать связь этого журнала со спецслужбами. Это было просто зеркальное отражение «Этого мира». Вместо критического подхода журнала Авнери к освещению текущих событий «Гранат» стал проводить официальную линию вперемешку со сплетнями, рассчитанными на то, чтобы поднять тираж. Однако эта имитация не могла сравниться с уровнем оригинала.

«Гранат» развязал яростную словесную войну против «Этого мира», но это не привело к росту тиража. Манор никогда не одобрял журнального проекта Харела, но никто не мог переубедить «мемунеха», пока наконец красноречивое падение продаж не сказало само за себя. После

яростной кампании обливания друг друга грязью спецслужбы проиграли войну тиражей. Три года убытков заставили «Шин Бет» прекратить публикацию «Граната».

Харел мог позволить себе фиаско в издательской сфере, поскольку в своей профессиональной области он уже приобрел репутацию серьезного охотника за шпионами. Ему удалось нейтрализовать попытки коммунистов и агентуры арабских стран проникнуть в правящие круги Израиля. В это же время Харел и Манор разоблачили советского агента Авин в министерстве иностранных дел и журналистку Мари Фрэнсис Хаген.

Хаген была американской журналисткой в нью-йоркской штаб-квартире ООН. У нее было много друзей среди арабских делегатов, и по просьбе своего жениха, сирийского дипломата Галаба аль-Хейли, она согласилась заниматься шпионажем против Израиля.

В 1956 году она приехала как журналистка в Израиль и стала направлять свои отчеты сирийской разведке. Она проявляла явно необычный интерес к границам Израиля, и «Шин Бет» установила за ней круглосуточное наблюдение, а затем и арестовала Хаген. Она была предана суду на закрытом заседании, на которое ее коллеги-журналисты не были допущены. 27 августа 1956 г. она была признана виновной в шпионаже и провела 8 месяцев в израильской тюрьме. Наивная Хаген вернулась в Нью-Йорк, но, к ее удивлению, ее «жених» Хейли отказался с ней встретиться.

Усилия арабских стран по проникновению в Израиль отличались примитивизмом. Специалисты ЦРУ и «Шин Бет» отмечали, что у арабов не хватало ни знаний, ни терпения, которые были необходимы для осуществления долгосрочных разведывательных операций. Для успеха нужны внимание к деталям, выносливость, умение контролировать эмоции и руководствоваться холодной логикой, а всего этого арабским разведчикам недоставало.

Советский Союз, с другой стороны, имел колоссальные разведывательные ресурсы: тут умели выжидать, складывать вместе мелкие детали головоломок и действовать без эмоций. Короче говоря, русские были отличными шахматистами и их фигуры представляли наибольшую угрозу на международной шахматной доске.

Харел, сам будучи выходцем из России, умел оценить достоинства своих противников и был уверен, что они имеют своих шпионов в Израиле. Американцы, вне всяко-

го сомнения, были правы, предупреждая о том, что среди прибывающих в Израиль иммигрантов из Восточной Европы будет советская агентура. Он, естественно, ничего не мог сделать с теми, кто, занимаясь неквалифицированным трудом в промышленности и сельском хозяйстве, отправлял по почте своим хозяевам в КГБ сообщения о жизни в Израиле. Стремясь к совершенству, Харел, конечно, хотел бы переловить их всех, но ему приходилось сосредоточиваться на тех, кто мог достичь важного положения в Израиле.

Его инстинкт охотника за шпионами в израильском обществе и отрицательное отношение к партии «Мапам» приобрели новые масштабы, когда Харелу удалось установить, что два члена этой левой партии являются советскими агентами.

В одном случае контрразведывательный отдел «Шин Бет» установил, что эксперт партии «Мапам» по Ближнему Востоку Аарон Коэн регулярно встречается в Тель-Авиве с советским дипломатом, который был известен как работник КГБ. В 1958 году Коэн был арестован, но возмущенные члены партии «Мапам» встали на его защиту и обвинили Харела в фабрикации дела. В суде обвиняемый признал встречи с советским дипломатом, но отрицал передачу ему секретной информации. Тем не менее он был признан виновным и осужден на пять лет лишения свободы, но Верховный суд Израиля сократил этот срок наполовину.

Второй видный член партии «Мапам», арестованный по обвинению в шпионаже, находился в опасной близости к премьер-министру. Подполковник Израиль Беер, пользовавшийся неограниченным доверием Бен-Гуриона, оказался предателем.

Беер родился в 1912 году в Вене и с юных лет был социалистом. Он рассказывал, что в 1938 году дрался на баррикадах с фашистами, пока Гитлер не оккупировал Австрию. Беер также говорил, что он учился в австрийской военной академии и был добровольцем в интернациональных бригадах в Испании. В 1938 году он выехал в Палестину и с его военным опытом был охотно принят в ряды «Хаганы». Социалистические взгляды, хорошее образование и опыт в военной области позволили ему стать своим человеком в руководящих кругах еврейской общины.

После завоевания независимости он был близок к тому, чтобы стать заместителем начальника штаба вооруженных сил. Потерпев неудачу, он, судя по всему, разочаровался и,

выйдя в отставку, стал военным обозревателем одной из израильских газет. В это же время он отошел от партии «Мапам», где возглавлял партийную службу безопасности, и примкнул к более центристской партии Бен-Гуриона — «Мапай». У него сложились дружеские отношения с видными военными руководителями Израиля, включая Шауля Авигура, Шимона Переса и даже самого премьера.

Вскоре Бен-Гурион передал Бееру свой дневник и поручил ему написать официальную историю войны за независимость. Эта работа давала ему прекрасную возможность знакомиться с самыми секретными документами, касавшимися обороны Израиля.

Подозрения возникли в 1956 году. Генерал Моше Даян шутил только наполовину, когда, указывая на военного историка, спрашивал: «А что этот шпион здесь делает?». Это было как раз перед тем, как Бен-Гурион и Моше Даян отправились в Севр для секретных переговоров, которые открыли путь для вторжения английских, французских и израильских войск в зону Суэца. Даян был удивлен, увидев Беера на секретном сборном пункте, хотя сам Беер в Париж не летел.

Вечером 31 марта 1961 г. во время рутинной слежки за установленными иностранными разведчиками в Тель-Авиве бригада «Шин Бет» зафиксировала необычную встречу. Неизвестный человек передал папку с документами установленному сотруднику КГБ Виктору Соколову, работавшему под дипломатическим прикрытием. Бригада «Шин Бет» взяла неизвестного под наблюдение, и он привел ее прямо к дому Беера. Через несколько часов друг премьера был арестован. В папке, которую он передал Соколову, находились выдержки из дневника Бен-Гуриона и секретный доклад об одной израильской военной корпорации.

Беер уже раньше попадал в поле зрения Харела, когда он установил несанкционированный контакт с шефом западногерманской разведки генералом Рейнгардом Геленом.

В оборонительных планах НАТО Рейнгарду Гелену и его организации отводилось особое место. Во время второй мировой войны Гелен руководил подразделением германской военной разведки Абвера на Восточном фронте и засылал шпионов в Советский Союз. Теперь, работая на ЦРУ и «МИ-6», Гелен активизировал свою старую агентуру, оставшуюся в России. Советы хорошо понимали эту

угрозу и хотели, чтобы кто-то помог им разобраться в том, чем занимался Гелен. Беер как высокопоставленный представитель Израиля, пользовавшийся доверием в Бонне, мог получить что-то интересующее его хозяев из КГБ.

Западные немцы, стремившиеся использовать любой повод для налаживания отношений с Израилем, предоставили Бееру на удивление широкий доступ к объектам НАТО, а также германским и американским военным базам в Европе. Бееру удалось получить для своих советских хозяев подробности контрактов на строительство ракетных баз для американского ядерного оружия. В качестве побочного продукта своей шпионской экспедиции он передал Советам информацию о закупке Израилем вооружений, поездках израильских военных по странам Европы и состоянии морального духа в израильской армии.

Харел подозревал, что Беер с самого начала был вывезен в Израиль коммунистами и начал активно работать как агент в 1956 году после получения условного сигнала от корреспондента ТАСС в Тель-Авиве. Русские платили Бееру наличными, которые он тут же тратил в барах, ресторанах и на женщин.

История его жизни удивительно напоминала историю другого предателя, англичанина Кима Филби. Оба симпатизировали коммунизму, оба были завербованы во время гражданской войны в Испании как перспективные агенты. Беер, как и Филби, еще даже не завершив своей карьеры успешного журналиста, сумел проникнуть в самый центр системы безопасности своей страны и стал ценным источником советской разведки.

Однако в отличие от Беера Филби поймать не удалось. В суде Беер признал, что выдумал свое прошлое. Он никогда не получал ученой степени в области истории и никогда не бывал в Испании. Туман еще болес сгустился, когда в тюрьме он вдруг отказался от своих показаний, данных во время судебного заседания, и объявил, что его первоначальные показания о фактах биографии соответствуют действительности.

Даже не установив его подлинного имени и прошлого, израильские судьи пришли к выводу, что доказательства шпионской деятельности Беера были неопровержимыми, и суд приговорил его к 15 годам лишения свободы. До самой смерти в тюрьме в 1966 году Беер продолжал утверждать, что он был не шпионом, а настоящим патриотом, мечтавшим видеть Израиль не прозападным, а нейтральным.

Если бы даже Беер никогда не существовал, у американцев все равно было достаточно оснований сомневаться в способности Израиля не допустить проникновения иностранной агентуры в свои службы безопасности. С первого дня существования маленький Израиль был большой целью для советской разведки и огромным ситом, через которое утекали секреты. Советский Союз интересовали стратегическое положение Израиля и его обширные связи с Западом. Агенты разведок коммунистических стран проникали в Израиль под видом восточноевропейских дипломатов, журналистов, членов коммерческих и научных делегаций.

Для реализации этих целей требовалась обширная агентурная сеть. Советы имели в своем посольстве в Тель-Авиве около 60 сотрудников, примерно половина из них были работниками ГРУ и КГБ. Они вербовали агентов из числа израильтян, но, поскольку местные коммунисты находились под подозрением и наблюдением «Шин Бет», советская разведка предпочитала тех, кто не был связан с коммунистами.

Среди объектов, представлявших интерес в плане вербовки, были супруги дипломатов. Летом 1955 года жена одного израильского дипломата, находившегося в Восточной Европе, выехала в отпуск на родину. И тут она — кто бы мог подумать — влюбилась в советского дипломата. Этот дипломат находился под наблюдением «Шин Бет», и израильская контрразведка сразу же узнала об этом романе. Люди Харела вызвали израильтянку в контрразведку и предложили ей прекратить всякую связь с любовником.

В это же время, чтобы оградить израильского дипломата от возможного шантажа, его без всякого предупреждения вызвали в Австрию. Он был ошеломлен, когда узнал, что в отеле его уже поджидали люди Харела. Без особых предисловий Харел раскрыл глаза обманутому мужу: его жена спит с советским дипломатом и ему нельзя возвращаться в коммунистическую страну. Дипломат все понял, но он был до крайности шокирован как супружеской изменой, так и неожиданной переменой в его карьере.

Израильских дипломатов, направлявшихся в страны восточного блока, специально предостерегали от вступления в любовные связи с местными гражданами. Министерство иностранных дел вообще отказывалось направлять в эти страны одиноких сотрудников, и в каждом посольстве

были офицеры «Шин Бет», предотвращавшие случаи шантажа. Однако даже такие предосторожности никогда не дают стопроцентной гарантии, когда речь идет о человеческой страсти и глупости.

В феврале 1959 года один высокопоставленный дипломат в восточноевропейской стране получил письмо следующего содержания:

«Уважаемый сэр,

Некоторое время тому назад в моем распоряжении оказались весьма деликатные фотографии, которые свидетельствуют о Вашей интимной связи с мадемуазель Дагмар Новотной. Если я использую эти фотографии для того, чтобы шантажировать Вас или мадемуазель Дагмар Новотну, это, несомненно, причинит Вам неприятности. Я думал над этим и пришел к следующему выводу. Это дело может быть урегулировано, если Вы согласитесь встретиться в Вене с моим помощником. Он заслуживает полного доверия. Вы должны приехать в Вену до конца февраля. Предлагаю Вам остановиться в отеле «Закер». Буду ждать Вашего ответа в течение двух недель с момента получения этого письма».

Дипломат, несмотря на риск скандала, сообщил о попытке шантажа в министерство иностранных дел. Руководство приняло решение срочно перевести его в другое место.

Неустанная деятельность Харела по поиску израильских предателей мотивировалась его искренней заботой о безопасности Израиля в сочетании с личной ненавистью к коммунизму. Кроме того, Харел, как и до него Шилой, стремился доказать Соединенным Штатам, что Израиль является надежным партнером. Бескомпромиссный по своей природе, как истинный крестоносец в поисках идеала Харел доказал, что он может быть святее самого папы. Если Аллен Даллес в ЦРУ и его брат Джон Фостер Даллес в Госдепартаменте видели красного «под каждой кроватью», Харел старался доказать, что в израильской спальне не должно быть даже розовых оттенков.

Харел, естественно, был озадачен, когда узнал, что в израильскую научную общину проник профессор Курт Ситта. Ситта получил образование в Праге, где его считали гением математики. Его арестовало гестапо и в силу того, что он был женат на еврейке, отправило в Бухенвальд. Ситта разделил трагическую судьбу многих руководителей компартии, оказавшихся в концлагерях; некото-

рые из них после войны стали работать в разведке и, естественно, привлекли к этому делу своего друга Ситту.

Он изучал ядерную физику в Великобритании, а затем преподавал этот же предмет в университете штата Нью-Йорк, в Сиракузах. ФБР, подозревая в нем коммунистического агента, подвергло его допросу и попыталось завербовать в качестве двойного агента. Именно в таких довольно двусмысленных обстоятельствах в 1953 году Ситта выехал в Бразилию. Спустя два года его пригласили прочесть курс лекций в «Технионе» в Хайфе, израильском эквиваленте американского Массачусетского технологического института. Эму нравилась страна, нравились люди, нравилась работа. По крайней мере, так он говорил, когда принял пост директора департамента физики.

Значительные успехи, которых нееврей Ситта сумел достичь в Израиле, открывали большие возможности для чехов и их советских хозяев. В период 1955—1960-х годов сотрудник разведки, работавший под прикрытием посольства Чехословакии в Тель-Авиве, регулярно встречался с Ситтой и получал от него большое количество информации. Харелу потребовалось 5 лет, чтобы выйти на эту секретную операцию.

Ясным и прохладным вечером 16 июня 1960 г. два человека постучали в дверь виллы Ситты на улице Хорев в фешенебельном пригороде Хайфы, выходящей на Средиземноморье, сильно напоминавшем сан-францисский пейзаж. Один из мужчин был оперативным работником «Шин Бет», другой — представителем специального отдела национальной полиции. Они предъявили Ситте обвинение в шпионаже.

Этот арест явился шоком для его друзей, коллег и студентов в «Технионе», а также в политических кругах Израиля. Сначала обвинения представлялись им фантастическими, но в ходе судебного заседания они были шокированы тем, что им пришлось услышать, а также тем ущербом, который Ситта нанес Израилю. Основное внимание Ситта уделял возглавляемой профессором Бергманом израильской комиссии по атомной энергии. Случайно или нет, но Ситта был арестован за два дня до того, как израильский экспериментальный реактор в Нахаль Сорек был запущен на полную мощность. Израильские аналитики сравнивают его деятельность с тем, что делали Юлиус и Этель Розенберги в США и Клаус Фукс в Великобритании, вы-

давшие атомные секреты странам советского блока. Ситта был приговорен к пяти годам лишения свободы, но вскоре вышел на волю и начал новую научную карьеру в Западной Германии.

Харел и в целом израильские спецслужбы постарались свести к минимуму выявленный ущерб и спасти свой имидж, который до ареста Ситты был вполне пристойным. Они попытались представить дело так, что Ситта был всего лишь мелкой сошкой, человеком, который занялся шпионажем под влиянием шантажа спецслужб Чехословакии, угрожавших его престарелому отцу. По версии Харела, Ситта снабжал коммунистов второстепенной информацией, не имевшей отношения к ядерной тематике. Он также обвинял ФБР в том, что оно не сообщило израильтянам всех данных, которые имелись на Ситту. Если бы «Шин Бет» располагала этой информацией, она могла бы разоблачить Ситту гораздо раньше.

Харел испытывал удовлетворение от своей неустанной деятельности по привлечению в Израиль новых иммигрантов. Наряду с одержимостью поиском агентов иностранных разведок и преследованием шпионов еврейская иммиграция была для Харела одной из важнейших проблем, которой он постоянно занимался. Первый шеф «Моссада» Рувен Шилой вовлек разведывательные службы в решение задач иммиграции, но Харел довел это до уровня высокого искусства.

После нескольких лет относительного затишья на «фронте» иммиграции в 1953 году наступило пробуждение этнического самосознания в двух крупнейших еврейских общинах, которые были резервуарами будущих граждан Израиля: в странах советского блока и в арабском мире.

В 1953 году после ликвидации «Алии-Бет» ее ветеран и многолетний руководитель Шауль Авигур оказался безработным. После 20 лет службы своему народу он с тяжелым сердцем вернулся в свой родной кибуц Киннерет на берегу Галилейского моря. Кое в чем ему помог его двоюродный брат, министр иностранных дел Моше Шаретт, который в 1953 году после ухода Бен-Гуриона стал премьер-министром. Шаретт позвонил Иссеру Харелу и попросил его взять Авигура обратно на службу.

У Харела эта просьба не вызвала особого энтузиазма, но он был заинтересован в хороших отношениях с Шарет-

том и создал новую организацию с расплывчатым названием «Бюро связи». Авигур стал руководителем этой организации, но было неясно, кому она подчинялась. Авигур имел столь же расплывчатый титул «специального помощника министра обороны». Однако сама организация располагалась в министерстве иностранных дел и считалась частью аппарата премьер-министра.

Первоначальной задачей «Бюро связи» была организация борьбы в самом Израиле и за его пределами за разрешение советским евреям на выезд из страны. Бюро должно было объединить все усилия, направленные на достижение этой цели.

Рождение нового агентства не сопровождалось какими-либо распрями или соперничеством в разведывательном сообществе. Все были едины в вопросе вывоза советских евреев на сионистскую родину.

Время, выбранное для создания этого агентства, вовсе не связывалось с необходимостью оказать помощь родственнику Шаретта, но было результатом холодного расчета. До тех пор пока у Израиля существовали хорошие отношения с Москвой, Иерусалим не хотел раздражать советский блок и старался приглушать еврейский вопрос. Однако после Корейской войны израильские лидеры, считая, что им уже нечего терять, решили взять откровенно прозападный курс. Это стало особенно актуальным после того, как иммиграция из Польши, Венгрии и Румынии прекратилась, а в Советском Союзе появились тревожные признаки антисемитизма.

Для выполнения своей миссии — поддержания связи с еврейскими общинами — «Бюро связи» стало направлять своих сотрудников под видом дипломатов в Советский Союз, где была вторая по величине еврейская община — 3 млн. евреев, которая по своей численности уступала только 6-миллионной общине в США.

Своих представителей Авигур подбирал очень тщательно. Прежде всего они должны быть добровольцами, которые продемонстрировали высокую приверженность идеалам сионизма. Они должны были хорошо знать еврейские традиции и обычаи, поскольку большую часть своей работы им пришлось бы проводить в еврейских синагогах. Израиль не мог уронить свое достоинство, направляя представителей, которые не сумели бы принять участия в ортодоксальном иудейском богослужении.

Дипломаты «Бюро связи» должны быть достаточно молодыми, чтобы хорошо переносить физические и моральные нагрузки, связанные с выполнением задания. Жизнь в Москве была не очень комфортной, но им еще надо было совершать длительные и утомительные поездки в разные уголки Советского Союза. Предпочтение отдавалось женатым парам с детьми. Израиль не хотел направлять в посольства одиноких людей, которые могли стать объектами сексуального искушения и шантажа. Кандидаты должны были владеть разговорным русским языком.

Одним из посланцев Авигура в Москве стал Арье (Лова) Элиав, имевший большой опыт работы в качестве нелегального эмиссара «Алии-Бет». Летом 1958 года его направили в Москву в качестве второго секретаря посольства. В дополнение к своим обязанностям консульского работника, занимавшегося вопросами двусторонних отношений. Позже в своих мемуарах Элиав раскрыл, что в его задачу входило распространение карманных еврейских календарей и миниатюрных словарей иврита, которые он незаметно опускал в карманы молящихся в синагоге. Израильские дипломаты также распространяли молитвенные книги, Библию, израильские газеты, книги на иврите, хотя они отлично понимали, что советские власти считали это «антигосударственной пропагандой».

КГБ более или менее представлял, чем занимался Элиав, и наконец решил совратить его. Однажды, когда он отправился в Ленинград, его внимание привлекла на перроне необычайно красивая молодая женщина. Она выглядела настолько по-европейски и так нетипично для Москвы, что ее просто нельзя было не заметить. В тот же вечер он увидел эту женщину в ленинградской гостинице. Почти уверенный в том, что молодая женщина специально была подослана к нему с целью компрометации, Элиав решил, что небольшой флирт не может повредить ему, а от большего искушения он удержится.

Элиав пригласил таинственную незнакомку танцевать, и она охотно согласилась. Израильтянину еще никогда не приходилось танцевать такое танго, как в тот вечер. Он чувствовал теплоту ее тела, а жаркие поцелуи приглашали к еще большему блаженству.

В этот момент Элиав решил, что зашел слишком далеко и игра становится опасной. Он вырвался из объятий женщины, закрылся в своем номере и не выходил до утра. Он

знал, что если его застанут с этой женщиной, то будет разыгран целый спектакль с участием «обманутого мужа», который будет угрожать ему убийством, с заступничеством «служащих гостиницы» и, наконец, счастливым «урегулированием» конфликта, которое потребует, чтобы Элиав стал агентом КГБ в своем посольстве.

Другим излюбленным советским методом было снимать скрытой камерой свои жертвы во время полового акта и использовать это для шантажа. Согласно слухам, циркулировавшим среди израильских и других дипломатов, президент Индонезии Сукарно имел любовную связь с подставленным ему агентом КГБ, но когда советские агенты показали такую пленку Сукарно, тот и бровью не повел. По словам свидетелей, он только сказал: «Отпечатайте мне 6 этих фотографий и 12 — тех».

Особое внимание, которое советская разведка уделяла сотрудникам «Бюро связи», объяснялось убежденностью КГБ в том, что все эти израильтяне были шпионами и Советы пытались получить информацию о них еще до их въезда в страну.

В марте 1958 года израильские власти информировали советское посольство в Тель-Авиве о своем намерении направить в Москву в качестве второго секретаря посольства Израиля подполковника Моше Гата и запросило на него визу. Советский дипломат, который сам был сотрудником разведки, попросил одного из своих израильских источников собрать на него сведения. К несчастью для КГБ, этот израильтянин был двойным агентом и немедленно сообщил об этой просьбе работнику «Шин Бет», у которого он находился на связи.

В Москве сотрудники «Бюро связи» были вынуждены подчиняться многочисленным ограничениям, которые имели своей целью затруднить их общение с евреями. «КГБ наблюдало за нами круглосуточно, даже в наших собственных квартирах, — вспоминает Элиав. — Открытое наблюдение, скрытое наблюдение, электронная слежка, оптическая слежка. Мы были постоянно в поле зрения КГБ. В довершение к этому почти все сотрудники нашего аппарата становились объектами более решительных действий: инсценированные «скандалы», которые затевали «возмущенные граждане», угрозы ареста и т.п.» Советские власти хорошо понимали, что при отсутствии каких-либо еврей-

ских организаций в стране синагоги были не просто модельными домами, и старались не допускать израильских дипломатов на субботние и праздничные богослужения.

В другом случае КГБ обратило особое внимание на Элиаху Хазана, еще одного второго секретаря посольства. Со временем израильтянин понял, что горничная в его доме работала на КГБ. В этом не было ничего особенного, но неожиданное пищевое отравление у его жены выглядело подозрительным. Острый желудочный приступ случился сразу после того, как в сентябре 1955 года Элиаху и Руфь Хазан приехали в Одессу для встречи со своими еврейскими контактами. Руфь отправили в госпиталь, как только ее муж ушел на встречу.

По возвращении в гостиницу Хазан был остановлен работниками КГБ. Он сказал, что обладает дипломатическим иммунитетом, и заявил протест, но работники тайной полиции не обратили на это никакого внимания и обвинили его в антисоветской деятельности. Ему сказали, что он раздавал советским евреям запрещенные книги. Хазана допрашивали несколько часов, главным образом о его встречах с советскими евреями.

Советские представители потребовали от Хазана, чтобы он стал на них работать. Ему заявили, что его горничная беременна от него — с точки зрения израильтянина это было просто психологически невозможно, — и угрожали ему скандалом, если он не подпишет обязательство о своем «добровольном» согласии стать советским шпионом. Они многозначительно добавили: «Ваша жена никогда не излечит свой желудок». Ему окончательно стало ясно, что его жену отравили.

Хазан дрогнул и согласился стать советским агентом. КГБ три дня его инструктировало и выдало ему полторы тысячи рублей «на расходы». Руфь поправилась, и они вернулись в Москву. Два дня Элиаху мучался угрызениями совести. Это заметили его коллеги. Посол Йозеф Авидар пригласил его для беседы, и нервничавший Хазан во всем признался.

В сопровождении дипломата Хазана посадили на первый же вылетающий в Израиль самолет и по прибытии в Тель-Авив уволили из министерства иностранных дел. Каких-то других дисциплинарных мер против него не принималось. В конце 1955 года министр иностранных дел Моше Шаретт отметил в своем дневнике: «Это позор, что один из наших людей не выдержал угроз и сломался. Это пятно на всех нас».

На другом тайном фронте борьбы за иммиграцию на Ближнем Востоке альтернативная израильская дипломатия искала пути повторения операций, которые вызвали исход евреев из Ирака и Йемена. Следующая человеческая волна из «шепардской» части мира должна была появиться в ноябре 1956 года из Египта.

С началом Суэцкой кампании Шауль Авигур направил в Египет группу своих оперативных работников. Они должны были под прикрытием совместных военных операций с Францией и Англией установить контакт с египетскими евреями и подтолкнуть их к тайному выезду в Израиль. 9 ноября 1951 г. в Египет отправились Лова Элиав и Аврахам Дар, с 1951 года руководивший работой агентурной сети в Египте. Оба были одеты во французскую военную форму и военным французским самолетом вылетели в Порт-Саид, ворота Суэцкого канала.

Операция «Тушия», что означает «хитрость», началась в надежде на то, что израильским разведчикам удастся установить контакт с египетскими евреями и убедить большинство из них уехать в Израиль. Планом предусматривалось, что Элиав, Дар и сопровождавший их радист «Амана» вместе с англо-французскими войсками войдут в Каир и Александрию, где были достаточно многочисленные еврейские общины, насчитывавшие по несколько тысяч человек. Однако когда англо-французское наступление застопорилось, три израильтянина застряли в Порт-Саиде, где было не более 200 престарелых евреев.

Но надо было действовать. Элиав и Дар отправились в местную синагогу и, дав понять, кто они есть на самом деле, призвали евреев отправляться в Израиль. Порт-саидские евреи поняли, что «французы» на самом деле были израильскими агентами, и 65 человек решили последовать их призыву. Их отвезли в порт и погрузили на 2 французских десантных судна.

Оба судна вышли в море и встретились с двумя израильскими судами, «Афродитой» и «Кастелло дель Маре», которые маскировались под итальянским флагом. Французские моряки перенесли стариков и старушек на эти «итальянские» суда, где их приветствовал ветеран «Алии-Бет», участник операций по вывозу евреев из Ирака Шломо Хайлльель. Через день они уже были в Хайфе. Элиав, Дар и радист через два дня тем же путем, то есть на самолете, с помощью французской разведки возвратились в Египет.

Мини-исход евреев из Порт-Саида был небольшой операцией, которая благодаря помощи французов прошла успешно. Тайные операции такого рода в других странах затрагивали десятки тысяч человек. Наглядным примером было Марокко.

2 марта 1956 г. колониальное правление Франции в Марокко закончилось. До этого в течение 8 лет ворота эмиграции уже были широко раскрыты, и за это время в Израиль выехало около 100 тыс. марокканских евреев. Однако уже в первые дни независимости новое правительство, уступая давлению соседних арабских стран, запретило эмиграцию. Президент Египта Насер заявил, что еврейские эмигранты немедленно становятся солдатами и начинают убивать арабов.

Судьба 100 тыс. оставшихся в Марокко евреев, естественно, стала предметом особой заботы Израиля. Иссер Харел, «мемунех» израильского разведсообщества, предсказывал это 2 года назад, когда Марокко было еще французской колонией. Готовясь к возможному осложнению обстановки, он создал в Марокко тайную сионистскую инфраструктуру. «Моссад» завербовал группу кибутцников марокканского происхождения, свободно говоривших по-арабски и по-французски. Все они имели опыт военной службы и сионистского подполья.

Руководство агентурной сетью Израиля в Марокко было поручено Шмуелю Толедано. В кругу своих коллег он был известен как «Амнон» — по своему псевдониму, полученному в 1954 году, когда он пришел на службу в «Моссад». Толедано работал под дипломатическим прикрытием в посольстве Израиля в Париже и занимался защитой интересов евреев по всему миру — работа, совершенно не похожая на то, чем обычно приходится заниматься офицерам разведки.

Первоначальной задачей сети Толедано в Марокко, которой было присвоено кодовое наименование «Фреймуорк», была организация боевых групп из молодых евреев, которые должны были защитить общину от возможных погромов. С введением запрета на эмиграцию евреев перед «Фреймуорком» была поставлена задача возобновить эмиграцию, но уже по нелегальным каналам.

Для Харела все это было совершенно естественно и повторяло ту схему, которая работала в Ираке вплоть до провала имевшейся там агентурной сети. На этот раз аген-

ты «Моссада», которые извлекли уроки из прошлых ошибок, были лучше подготовлены к предстоящей миссии. По традиции, заложенной Шилоем еще в 1952 году, работой «Фреймуорка» руководили одновременно «Моссад» и «Еврейское агентство». Харел жестко пресекал любую критику своих операций. В феврале 1960 года он уволил «директора» Шломо Хавило, заместителя Толедано, и поставил во главе «Фреймуорка» Алекса Гатмона.

К этому времени Марокко уже покинули около 5 тыс. евреев. Агенты «Моссада» создали подпольные эмиграционные центры в нескольких марокканских городах и снабжали евреев, желавших выехать в Землю обетованную, фальшивыми паспортами. Для набожных марокканских евреев молодые агенты «Моссада» казались посланцами самого Мессии. Евреи собирались в условном месте, и оттуда на грузовиках их отвозили к границе. Для того чтобы облегчить переход границы, агенты «Моссада» заплатили марокканским чиновникам около полумиллиона долларов. Наиболее популярный маршрут пролегал через Танжер, который в то время был международным городом, и оттуда в Израиль. Позже к этому добавились еще два перевалочных пункта в Испании, где генералиссимус Франко хотел реабилитировать себя за связи с Гитлером и Муссолини, а также за изгнание испанских евреев в 1942 году.

«Моссад» также приобрел старый армейский лагерь на южном побережье Испании, а фактически в британской колонии Гибралтар. Бараки и другие помещения лагеря служили перевалочным пунктом для направлявшихся в Израиль евреев. Англичане, естественно, знали, что происходило на бывшей военной базе, но закрывали на это глаза. С момента прибытия переселенцев в лагерь и до посадки их на суда в Марселе все вопросы решались представителями «Еврейского агентства».

Трагедия случилась 10 января 1961 г. Небольшое судно «Рыбы», перегруженное беженцами, попало в шторм на переходе из Марокко в Гибралтар и затонуло. Погибли 43 человека, в том числе радиооператор «Моссада». Эта катастрофа вызвала не только всеобщее сочувствие в мире, но и резкую реакцию со стороны марокканских властей. Последовали разоблачения и аресты нескольких десятков сионистских активистов, поставивших под угрозу всю операцию.

Израиль обратился к Франции, Соединенным Штатам и международным благотворительным организациям с призывом оказать давление на Марокко. К счастью, вступивший в начале марта того же года на престол король Хасан II был заинтересован в получении международной поддержки и ему совсем не хотелось выглядеть в глазах мировой общественности преследователем еврейского меньшинства, поэтому король пошел навстречу просьбам Израиля. По иронии судьбы, гибель 43 евреев оказала положительный эффект и способствовала лучшей организации еврейской эмиграции из Марокко.

Возобновленная операция получила новое кодовое название «Якхин», по имени одной из центральных колонн в Святом храме, построенном в Иерусалиме царем Соломоном. Этим подчеркивалось, что иммиграция является одним из столпов существования еврейского государства.

Операция «Якхин» стала совместной операцией Марокко, Израиля и Франции. Агенты «Моссада» проникли практически во все еврейские общины. Они призывали евреев вернуться на их историческую родину, и повсюду это предложение встречалось с энтузиазмом. Агенты «Моссада» сообщали эмигрантам координаты сборных пунктов, откуда их отправляли грузовиками в порты и далее на судах в Израиль. Франция помогала транспортом.

В рамках операции «Якхин» из Марокко было вывезено более 80 тыс. евреев. Израильско-марокканское сотрудничество дало неожиданной побочный результат в другой арабской стране — соседнем Тунисе, расположенном примерно в тысяче миль к востоку. Летом 1961 года правительство Туниса потребовало от Франции закрытия военной базы в Бизерте. В ходе разразившегося кризиса тунисские власти арестовали несколько французских граждан и несколько десятков евреев. Агенты «Моссада», обеспокоенные судьбой тунисских евреев, сумели направить в Тунис французские военные корабли, которые подобрали несколько тысяч тунисских евреев и вывезли их сначала во Францию, а потом в Израиль.

Марокканская операция набирала обороты, а у Харела появились другие проблемы, в том числе он должен был арестовать и наказать того, кто вошел в историю как самый беспардонный нарушитель высоких моральных стандартов израильской разведки. Его звали Мордехай (Мотке) Кедар.

Израильская военная разведка завербовала Кедара с прицелом на его использование в Египте. Полковник Ювал Нееман, отвечавший в «Амане» за оперативную технику, дал Кедару последние инструкции в тель-авивском кафе «Таам тов» («Хороший вкус»). Начинающий разведчик должен был сперва отправиться в Аргентину, обжить там свою легенду и только потом проникнуть в Египет.

Кедар родился в 1930 году в Польше. Тогда его звали Мордехай Кравицки. Мать бросила его в младенческом возрасте, и он вырос у деда, который привез его в Израиль. Кедар жил в Хадере, сельскохозяйственном городке, неподалеку от автострады, связывавшей Тель-Авив с Хайфой. В юности он проявил себя как умный и способный парень, физически развитый и обладавший качествами лидера. В это же время у него проявились явные криминальные наклонности.

Во время войны 1948 года Кедар служил в военно-морском флоте Израиля, но у него были проблемы с дисциплиной, и в конце концов он дезертировал. В начале 1950-х годов он возглавлял небольшую банду в Хадере, городке, расположенном к югу от Тель-Авива. Его банда похищала автомобили и сбывала краденое. Полиция также связывала с этой бандой несколько тяжких преступлений, включая вооруженные ограбления и убийства. Кедар подвергался аресту, но каждый раз было недостаточно доказательств для привлечения его к ответственности. Жители Хадеры боялись банды Кедара больше, чем местной полиции, и никто не хотел давать против него показаний.

Потом он переехал в Тель-Авив, где стал завсегдатаем кафе, в которых собиралась богема, проводил время в компании женщин и вообще вел праздную жизнь, причем никто не знал, откуда Кедар брал деньги. Он стал настолько раздражителен, что вынужден был обратиться к психиатру, доктору Давиду Руди.

Он не знал, что доктор Руди состоял в штате разведки и был известен своей способностью задавать кандидатам на работу в разведку довольно оригинальные вопросы. Сжимая зубами трубку, он мог спросить: «Сколько раз в месяц вы занимаетесь сексом?». Или: «Как часто вы занимались онанизмом, прежде чем потеряли девственность?». Он фиксировал реакцию потенциального агента на этот шокирующий вопрос и уже потом спрашивал: «Почему вы хотите отправиться туда, откуда вы можете не вернуться?».

Руди очень быстро пришел к выводу, что Кедар может стать вполне нормальным членом общества, и представил его генералу Исхошафату Харкаби, который завербовал его для «подразделения 131». Для своей семьи и друзей Кедар исчез после Суэцкой кампании 1956 года. Его жена и маленький сын, которых он просто бросил, периодически получали от него открытки из разных концов света.

В ноябре 1957 года Кедара вызвали в Израиль. Он прилетел первым классом из Парижа и тут же в аэропорту Лод его отвели в небольшую комнату и предложили написать подробный доклад о своей работе. Вскоре, однако, в эту же комнату вошли трое вооруженных полицейских и арестовали его.

Полтора года, вплоть до мая 1959 года, почти никто, в том числе в разведсообществе, не знал, что стало с Мотке Кедаром. Он снова исчез, на этот раз без почтовых открыток, его будто поглотила земля.

Даже охранники в тюрьме Рамле не знали, кем был этот новый заключенный и почему он содержался в полной изоляции. Только после 6 месяцев содержания в одиночке ему разрешили получасовые прогулки во дворе, и тоже в одиночестве. Позже его перевели в большую камеру, но по-прежнему он никого не мог видеть. В тюрьме и за ее пределами поползли слухи о каком-то загадочном узнике «Икс».

Аври Эль-Ад, бывший офицер «подразделения 131» в Египте, который содержался в этой же тюрьме, рассказывает, что сам он был известен там как «Х-4». В соседней с ним камере в кандалах находился Мотке Кедар. Они перестукивались и с помощью азбуки Морзе играли в шахматы. «Отказывайся от лекарств, — однажды отстучал Кедар. — Если они деморализуют тебя — ты сломан».

После того как в израильской печати стали проскальзывать отрывочные намеки об этом таинственном узнике, который, по данным печати, был связан с разведкой, правительственные источники, не называя имени арестованного, подтвердили, что это опасный преступник, приговоренный в секретном порядке к 20 годам тюрьмы.

Кедар отказывался признавать себя виновным. И он не сломался. В тюрьме ему удавалось поддерживать себя в хорошей форме. Он стал также приверженцем Аюн Ранд и ее философии. После 17 лет заключения, 7 из которых он провел в одиночной камере, в 1974 году Кедар вышел на свободу и потребовал пересмотра своего дела. Полиция,

прокуратура и спецслужбы наотрез отказались. Израильское правительство продолжало хранить молчание. Дело Кедара стало одним из самых больших секретов. В реальности израильское правительство пыталось скрыть тот факт, что Кедар был осужден не за простое уголовное преступление, а за убийство, совершенное им за рубежом в то время, когда он был агентом израильской разведки.

В ноябре 1957 года в Аргентине он убил сврейского коммерсанта и присвоил его деньги. Жертве было нанесено 80 ножевых ран. Это был контакт Кедара, который должен был помочь ему в закреплении легенды-биографии для предстоящей работы в Египте. Часть денег убитого была обнаружена у Кедара, когда он прилетел в Тель-Авив.

Из-за окружающей это дело секретности мотив убийства или повод для ссоры до сих пор не установлены. Вербовка Кедара была явной ошибкой военной разведки, но тот, кто подобрал его, профессор Харкаби, в настоящее время — активный борец за мир, говорит, что «агенты разведки — всегда нестандартные люди, за каждым стоит какая-то история».

Иссер Харел, принявший решение об отзыве Кедара и предании его суду, признался, что некоторое время обсуждался вопрос о ликвидации Кедара с целью сокрытия его преступления. Считалось, что это позволит замести следы и избежать осложнений с Аргентиной. «Я с самого начала стоял на том, что мы не можем брать правосудие в свои руки, — писал Харел. — Для этого есть суды и судьи. Англичане могут убирать людей, но мы — нет». Харел с гордостью заключает: «В период, когда израильскими спецслужбами руководил я, мы не уничтожили ни одного предателя».

С точки зрения Харела, дело Кедара явилось еще одним подтверждением того, что разведка — слишком серьезное дело, чтобы ее можно было доверить «Аману». Он хотел, чтобы все было сосредоточено в «Моссаде». В конечном счете был достигнут компромисс. Ответственность за операции в арабских странах осталась в руках военной разведки, но Харел получил возможность расширить небольшой оперативный департамент «Шин Бет» и ориентировать его на проведение разведопераций в остальной части мира.

Харел со свойственной ему энергией принялся комплектовать департамент лучшими кадрами разведки. Поскольку Харел фактически возглавлял «Шин Бет» и «Моссад», он постарался сделать так, чтобы расширенный оперативный департамент решал задачи по линии того и другого агентства и вобрал в себя лучших представителей обеих служб. Во главе департамента были поставлены Рафи Эйтан и Аврахам Шалом, раньше носивший имя Бендор. Оба эти руководителя впоследствии станут известны как своими блестящими операциями, так и скандалами.

В последующие годы Харел просто наслаждался своей новой «игрушкой». Он принимал непосредственное участие в планировании и осуществлении операций: высзжал на место, изучал карты и планы, в последнюю минуту вносил какие-то изменения и получал от этого явное удовольствие. Его агенты действовали по всему миру: Лондон, Париж, Женева, Рим, Антверпен, Йоханнесбург, Нью-Йорк.

Теперь, когда в распоряжении Харела были Эйтан, Шалом и другие опытные разведчики, он мог поставить себе цель, которая раньше была для него недосыгаемой. Как педант, всегда стремившийся к совершенству, Харел не мог примириться с тем, что самые заклятые враги евреев все еще были на свободе. Главные немецкие военные преступники предстали в 1946 году перед международным трибуналом в Нюрнберге, но тысячи избежали правосудия. Некоторые из них оказывали западным разведкам помощь в борьбе с коммунизмом, но Харел считал, что возмездие Израиля должно их настичь.

Было известно, что двум наиболее известным преступникам удалось скрыться: Адольфу Эйхману, нацистскому администратору, осуществлявшему «окончательное решение» еврейского вопроса, который позаботился о том, чтобы 6 млн. евреев были уничтожены наиболее эффективным способом, и доктору Джозеф Менгеле, который проводил жестокие медицинские эксперименты на узниках Освенцима. Харел дал понять своим партнерам в немецких спецслужбах, что будет признателен за любую информацию о местонахождении Эйхмана и Менгеле. В конце 1957 года генеральный прокурор земли Гессе еврей Фриц Бауэр предоставил достаточно убедительную информацию о том, что Эйхман живет в Аргентине.

Харел направил своих агентов в Аргентину, и они начали скрупулезный поиск организатора массовых убийств.

Это была самая «отдаленная» и довольно дорогостоящая операция израильской разведки, но Харел не жалел денег.

В начале 1960 года полученная от Бауэра дополнительная информация позволила установить местонахождение Эйхмана. Бывший нацист жил в Буэнос-Айресе под именем Рикардо Клемента со своей женой и четырьмя сыновьями. Харел информировал Бен-Гуриона, вновь ставшего премьером, и немедленно получил санкцию на похищение Эйхмана и его вывоз в Израиль для предания суду.

Для похищения Эйхмана была сформирована оперативная группа, в которую вошли два десятка работников «Моссада» и «Шин Бет», в том числе одна женщина. Все они были добровольцами, почти все потеряли родственников в Холокосте и ненавидели Эйхмана. Харел специально предупредил их о необходимости сдерживать эмоции. Учитывая исключительную оперативную и политическую остроту операции, «мемунех» сам вылетел в Париж, где был организован передовой командный пост, а затем и в Аргентину, где он лично руководил операцией и нес за нее персональную ответственность.

«Моссад» направил в Европу своего лучшего специалиста по изготовлению фальшивых документов, где он должен был изготовить паспорта и другие документы для всех членов опергруппы, отправлявшихся в Аргентину различными рейсами под именами, которые больше никогда не будут использоваться. Этот «художник» вместе со своими бланками, перьями и печатями сам отправился в Аргентину, чтобы на месте обеспечивать группу, а при удачном исходе операции — и самого Эйхмана необходимыми документами.

В Буэнос-Айресе опергруппа сняла около полудюжины конспиративных квартир, арендовала автомобили для бригады наружного наблюдения. Женщина-оперативник выполняла роль домохозяйки и повара в квартире, где намечалось после похищения укрыть Эйхмана. Честь физического задержания Эйхмана выпала Эйтану, Шалому и их коллеге Петеру (Цви) Малкину. 11 мая 1960 г. они подкараулили Эйхмана у его дома и втолкнули в поджидавшую автомашину. Рикардо Клемент не сопротивлялся и сразу же признался, что является Эйхманом.

Операция была приурочена к официальному визиту в Аргентину израильской делегации, куда на празднование 150-летия республики съехалось много иностранных гос-

тей. Авиалайнер израильской компании «Эль-Аль» прилетел в столицу Аргентины 19 мая и на следующий день должен был возвращаться в Израиль. Позже сам Харел и его соратники признавались, что самым трудным оказалось содержать Эйхмана в ожидании самолета в течение девяти дней на конспиративной квартире, кормить и ухаживать за ним. Израильцы не допрашивали Эйхмана и иногда просто глядели на него с изумлением, как на персонификацию абсолютного зла. Лысый и тщедушный, пользующийся очками для чтения, Эйхман подписал заявление с согласием предстать перед израильским судом.

У оперативных работников мороз прошел по коже, когда Эйхман перешел с немецкой молитвы на иврит и прочел молитву «Шева», с которой в концентрационных лагерях евреи шли в нацистские газовые камеры: «Услышь, о, Израиль, наш Бог, единый Бог».

Харел рассказывает, что Эйхман пытался доказать, что он является «большим другом» евреев, чем привел их в бешенство. Некоторые члены опергруппы уже были готовы забыть приказ и прикончить палача на месте. Эйхман также заявил, что если ему сохранят жизнь, то он раскроет все секреты Гитлера. В ответ Харел пообещал, что в суде у него будет самый лучший адвокат, которого только удастся найти.

Харел проводил немного времени в квартире, где к кровати был прикован Эйхман. Для руководства операцией он организовал то, что можно было назвать «блуждающим штабом». Харел постоянно перемещался из одного кафе в другое, и старшие оперативные работники знали, где его можно найти в данный момент. Так он добился того, что ни в одном кафе его не запомнили.

20 мая, жертвуя безопасностью ради оперативности, он развернул свой штаб прямо в кафетерии аэропорта Эзейза. Рядом с ним за столиком сидел его «писарь», который заполнял и выдавал фальшивые документы, необходимые для безопасного выезда опергруппы из страны.

Тем временем на конспиративной квартире Эйхман и те, кто должен был сопровождать его к самолету, переоделись в форму экипажа компании «Эль-Аль». Врач «Мосссада» сделал Эйхману инъекцию транквилизатора, и сонный член «резервного экипажа» не вызвал ни у кого подозрений, когда его провели на борт самолета вместе с почетными гостями во главе с министром образования Израиля Аббой Эбаном, участвовавшими в юбилейных торжествах.

Командир авиалайнера только после взлета узнал о необычном пассажире. В целях безопасности Харел избрал пункт дозаправки самолета в стороне от крупных городов. Но в Дакаре, куда самолет долетел на последних каплях горючего, никто не проявил интереса к пропавшему аргентинцу германского происхождения. Дозаправка прошла нормально, и в 7 часов утра 22 мая самолет доставил самого известного нацистского преступника в Израиль на встречу с еврейским правосудием.

На следующий день Бен-Гурион проявил редкую открытость и признание заслуг израильских спецслужб, когда заявил в кнессете, что «службы безопасности Израиля нашли Адольфа Эйхмана и вскоре он предстанет перед израильским судом». Это заявление было встречено единодушными аплодисментами.

Судебный процесс над Эйхманом начался спустя год, 11 апреля 1962 г. Внимание мировой прессы было приковано к «человеку в стеклянной будке», который слушал душевраздирающие показания свидетелей о его преступлениях и о преступлениях нацистской машины в целом. Эйхман утверждал, что всего лишь выполнял приказы, но его признали виновным в совершении преступлений против человечества. 31 мая 1962 г. он был повешен в тюрьме Рамле — единственный человек, который был казнен в Израиле, если не считать капитана Тубянского, который был расстрелян по приказу начальника военной разведки Иссера Беери в 1948 году.

Похищение Эйхмана и связанный с этим взлет престижа израильского разведсообщества был, несомненно, звездным часом Иссера Харела. В течение последующих 30 лет, где бы он ни появлялся, его всегда приветствовали как человека, который похитил Эйхмана. Эта самая яркая операция израильской разведки, проведенная без каких-либо современных технологий и технических средств, была также превосходным примером классической агентурной разведки, которой всегда славился Израиль.

Только спустя несколько десятилетий Харел рассказал, насколько близки были израильтяне к захвату вместе с Эйхманом Джозефа Менгеле. Петер Малкин, который много говорил с Эйхманом в Аргентине, вспоминает, что он добивался от него информации, которая могла бы привести к Менгеле. «Скажите, где живет ваш друг Менгеле, — требовал он, — вы должны знать». Но Эйхман утверждал, что это ему неизвестно.

Харел подозревал, что Эйхман, живший в бедном районе, получал помощь от богатого Менгеле. Во всяком случае израильтянам удалось узнать его адрес в Буэнос-Айресе. Проведенная израильтянами проверка показала, что Менгеле съехал с этой квартиры за две недели до похищения Эйхмана. Врач-преступник уехал в Парагвай, а потом в Бразилию.

Розыск Менгеле продолжался. Одна из немногих высокопоставленных сотрудниц израильской разведки Ехудит Нисияху, возглавлявшая подразделение по розыску нацистских преступников, собрала большой объем данных на Менгеле и других нацистов. Когда в 1985 году бразильские власти сообщили о смерти Менгеле, «Моссад» тайно направил в Бразилию своего судебно-медицинского эксперта, который обследовал труп и подтвердил, что человек, долгое время возглавлявший список разыскиваемых преступников, может быть вычеркнут из этого списка.

До сих пор еще считается большим секретом, что оперативные группы «Моссада» уничтожили трех восточноевропейцев, которые сотрудничали с нацистами во время второй мировой войны. Один из них, поляк, был охранником в концентрационном лагере. «Моссад» позаботился о том, чтобы родственники «объектов» узнали подлинную причину их гибели и распространили эту устрашающую информацию в среде военных преступников.

Для Харела наказание военных преступников было священной миссией — это был его долг перед шестью миллионами погибших евреев. Эта миссия делала израильтян совершенно особыми членами западного разведсообщества.

Секретные службы других государств предпринимают похищение противников лишь тогда, когда они представляют реальную угрозу интересам государства, которые они призваны защищать. Харел, однако, был готов использовать агентов «Моссада» для организации глобальной охоты на преступников, которые совершили свои злодеяния на территории других стран, и даже не против Израиля, который тогда еще не существовал, а против еврейского народа.

В мире, который уже стал забывать о войне и военных преступниках, Харел пошел своим путем. Израильтяне должны найти их. Харел создал специальное подразделение с задачей поиска нацистов, которые пытали и убивали

евреев. Возглавил это подразделение Шмуель Толедано, отличившийся при организации вывоза евреев из Марокко в середине 1950-х годов.

Западногерманские представители помогли израильтянам составить список 10 наиболее важных разыскиваемых нацистов. В этот список Толедано включил доктора Менгеле, заместителя Гитлера Мартина Бормана, шефа гестапо Генриха Мюллера и бельгийца Леона де Греля, который служил в штурмовых отрядах «СС».

Охота на де Греля привела к странному инциденту. Бывший оперативный работник «Шин Бет» Цви Алдуби еще в 1961 году узнал, что ведется розыск бельгийского нациста, и мечтал о том, что именно ему удастся найти этого преступника. Алдуби вышел на известного израильского писателя, бывшего капитана полиции Игала Моссенсона, и завербовал его для участия в операции по похищению де Греля. Алдуби создал впечатление, что он действовал по заданию правительственных служб.

Сам Алдуби в то время подрабатывал журналистикой и использовал свои контакты для вербовки старых знакомых во французских службах безопасности, включая личного охранника президента де Голля. Надеясь в дальнейшем написать на основе этой самодеятельной операции киносценарий — и даже получив аванс от нескольких крупных журналов, — эта «сборная» отправилась в Испанию. Они отыскивали де Греля на его вилле в Севилье и намеревались похитить его по примеру Эйхмана, а затем передать бельгийским властям, которые уже заочно приговорили его к смертной казни. Они даже надеялись, что де Грель может вывести их на Бормана, так как им удалось перехватить переписку между этими нацистами.

После нескольких рекогносцировочных поездок Алдуби и его французский напарник Жак Финстон 14 июля 1961 г. были арестованы в момент пересечения франко-испанской границы, как раз накануне запланированного похищения де Греля. Через несколько дней испанские детективы арестовали и Моссенсона, поджидавшего своих сообщников на борту яхты, на которой предполагалось вывезти де Греля. Моссенсон вспоминает: «За нами, видимо, с самого начала следили, потому что Алдуби был большим трепачом. Он мог обсуждать эту операцию по телефону. Все его подружки, а их у него было великое множество, знали о его планах».

В испанской тюрьме Алдуби и Финстон были подвергнуты пыткам и приговорены к семи годам лишения свободы. Моссенсону повезло — через несколько часов его освободили. Даже спустя 20 лет он не может понять, почему он оказался на свободе. Один из агентов «Моссада» сказал, что своим освобождением он был обязан вмешательству израильского премьера. Ему сказали, что «Старик», которому нравилось творчество Моссенсона, позвонил Франко и попросил освободить его.

Это странное происшествие, несомненно, отрицательно сказалось на положении израильского разведсообщества. После провала «операции» по похищению де Грея некоторые западноевропейские страны стали выражать беспокойство деятельностью израильских агентов.

Харел продолжал направлять за рубеж агентов «Моссада» и «Шин Бет», лично включая себя в состав оперативных групп, когда дело выглядело особенно интересным. Очередная большая охота за человеком была фактически охотой за ребенком. Израильская разведка обшаривала мир в поисках 10-летнего мальчика по прозвищу Йосселс.

Йозефу Шумахеру было только 8 лет, когда в конце 1959 года его похитил его собственный дед, ультраортодоксальный еврей, обеспокоенный тем, что родители ребенка давали ему слишком светское образование. Старику помогали члены секты «Нетурей карта», яростные противники сионизма, считавшие, что еврейское государство может быть создано только после пришествия Мессии.

Йосселе под видом маленькой девочки вывезли за границу и постоянно перевозили с одной конспиративной квартиры на другую в Европе и Нью-Йорке. Это дело не сходило со страниц израильских газет, но никто не знал, где находился ребенок. Появилась даже популярная песня с припевом: «Где Йосселе?», в ход пошли шутки и анекдоты с критикой правительства за его неспособность найти похищенного ребенка.

После успешного розыска Эйхмана Харел был буквально одержим идеей поиска еще одной человеческой иголки в стоге сена. У него вызывали раздражение нападки прессы на Бен-Гуриона и его кабинет за неспособность найти мальчика. Вопреки предупреждениям своих заместителей в «Шин Бет» и «Моссаде» Харел начал операцию «Тигр» по поиску Йозефа Шумахера. Израильским агентам за ру-

бежом было приказано приостановить все другие операции, в том числе поиск Менгеле, пока не будет найден Йосселе. Приказ был выполнен.

В качестве первого шага Харел выехал в Париж и опросил там еврейских фундаменталистов, которые могли быть причастны к похищению Йозефа. Он призывал их подумать о страданиях родителей ребенка. Эти аргументы в конце концов подействовали на активистку «Нетурей карта» по имени Руфь Бен-Давид, которая и вывезла Йосселе из Израиля, падев на него парик девочки. Она сообщила агентам «Моссада» адрес в Нью-Йорке, где укрывали мальчика.

Йосселе был найден в июле 1962 года в Нью-Йорке, в бруклинской квартире, снятой еврейскими фундаменталистами. Информация была передана ФБР, и мальчика с триумфом возвратили родителям в Израиле. Это дело выглядело не очень серьезно, но израильские спецслужбы были осыпаны благодарностями, и какое-то время тайные защитники Израиля снова купались в лучах славы.

Примерно в это же время ветеран марокканской операции Шмуель Толедано получил от Харела новое задание — снова в Южной Америке, но уже другого свойства. Похищение в Аргентине Эйхмана подняло в мире престиж «Моссада», но одновременно вызвало в Аргентине волну антисемитизма, что создало угрозу полумиллионному еврейскому населению в этой стране. Участились сообщения о насильственных действиях против евреев со стороны организации «Такуара», группы фашистского толка, которая включала сыновей и дочерей многих видных полицейских и военных чиновников.

1 июля 1962 г. была похищена еврейская студентка Гарсия Сирота, на груди которой неофашисты вытатуировали знак свастики. Этот инцидент явился шоком для аргентинской еврейской общины. Израильские газеты опубликовали редакционные статьи с призывом к правительству Израиля «помочь нашим еврейским братьям» в Южной Америке. Харела не нужно было подстегивать. Толедано получил приказ вывезти из Аргентины в Израиль молодых еврейских активистов для интенсивной подготовки в области самообороны. Руководил этой тайной программой «Моссад».

Этот новый упор на борьбу с нацистами и антисемитизмом — как и его предыдущая охота на коммунистических

агентов — стал еще одной навязчивой идеей Харела и в конечном счете привела его к краху. В начале 1960-х годов он сфокусировался на немецких ученых-ракетчиках, которые стали прибывать в Египет.

Президент Насер хотел, чтобы немецкие ученые помогли ему в создании ракет класса «земля—земля», которые могли быть использованы в будущей войне с Израилем. Харел искренне верил, что это было частью нового плана немцев по уничтожению евреев. Он ответил операцией «Дамокл», и это уже был меч, который он повесил над головой каждого немецкого ученого в Египте.

Израильские агенты направляли немецким ученым письма со взрывными устройствами. Против немецких ученых в Европе проводились аналогичные акции, похожие на операции в 1956 году, когда по приказу шефа «Амана» Харкаби письма-бомбы направлялись египетским офицерам, связанным с выводом террористических групп из сектора Газа в Израиль. В результате этих первых антитеррористических акций Израиля были убиты два старших египетских офицера.

В ходе кампании против немецких ученых было больше страха, чем жертв. Харел был убежден, что проводимая им кампания принесет успех, но у него возникли трения с Бен-Гурионом, не желавшим портить отношения с Западной Германией. Бен-Гурион по существу приказывал: «Руки прочь от немцев».

Для изгнания немцев из Египта Харел был готов на экстраординарные меры. Он даже пошел на то, что шокировало многих его коллег: направил группу своих сотрудников в Испанию для встречи с бывшим нацистским офицером Отто Скорцени, который поддерживал дружеские отношения с некоторыми немцами в Каире. Выступая под «чужим флагом» как представители разведки одной из стран НАТО, израильтяне попытались убедить его помочь в выдворении из Египта немецких специалистов ради интересов Запада. Трудно было поверить в то, что спустя всего два года после похищения Эйхмана израильская разведка вела переговоры с другим известным нацистом. Но Харел разделял вывод послевоенного трибунала о том, что Скорцени был солдатом, а не военным преступником.

Использование другого необычного агента привело к катастрофическому финалу операции «Дамокл». Это был австриец, доктор Отто Йоклик. Вербовка Йоклика была немалым достижением Харела, поскольку — и об этом

теперь уже можно говорить — он был одним из ракетчиков, которые работали у Насера в Египте. Скорее авантюрист, чем эксперт в области баллистики, он сумел убедить египтян, что может создать для них сверхмощную «кобальтовую бомбу». Он получал большую зарплату и работал над проектом, не имевшим никаких шансов на успех.

Харелу удалось убедить Йоклика работать на Израиль из материальных соображений — так говорят знакомые с делом люди, чтобы к куче денег, получаемых от египтян, добавить такую же кучу от израильтян. Из Египта Йоклик приехал в Израиль, где подробно информировал «Моссад» о состоянии секретной египетской ракетной программы. Йоклик предупредил, что Египет полным ходом идет в направлении создания ударной силы под кодовым названием «АВС». Сокращение имело довольно зловещий смысл и означало «атомное, биологическое и химическое оружие». Боеголовками такого типа предполагалось оснастить создаваемые при участии немецких специалистов ракеты. Эта информация отвечала обеспокоенности Харела.

Благодаря привычке к конспирации — похвальному качеству профессионала разведки — Харел не стал информировать других представителей разведсообщества о приезде в Израиль Йоклика. Однако заместитель министра обороны Шимон Перес узнал по своим каналам, что Харел скрывает «австрийского ученого», и потребовал, чтобы экспертам министерства обороны была предоставлена возможность встречи с ним.

Харел заупрямился, ссылаясь на традицию, согласно которой члены разведсообщества сохраняли полный контроль над своими источниками. Они могли делиться получаемой информацией, но не источниками. Чем меньше людей знает эти источники, тем лучше для их безопасности.

Перес, однако, пожаловался Бен-Гуриону и угрожал уйти в отставку. «Старик» как премьер-министр приказал Харелу предоставить министерству обороны возможность встречи с Йокликом, а как министр обороны Бен-Гурион поручил допрос Йоклика Биньямину Бламбергу, шефу сверхсекретного агентства «Лакам».

В штате «Лакама» были ученые, и Бламберг мог дать оценку утверждениям Харела о том, что Египет был близок к созданию оружия массового поражения, угрожавшего самому существованию Израиля. Это, естественно, только усилило неприязнь Харела к Бламбергу и Пересу.

Эксперты Бламберга, не раскрывая своей связи с агентством «Лакам», отвергли утверждения Йоклика и его оценку степени опасности, которую этот проект представлял для Израиля. Они также отметили, что научная квалификация Йоклика представляется весьма сомнительной.

Харел, однако, по-прежнему был убежден в том, что Насер готовится уничтожить Израиль. Он все еще верил Йоклику. Вместе с израильтянином по имени Йозеф Бен-Гал он тайно отправил Йоклика в Швейцарию. Им было поручено запугать дочь Пауля Гёрка, одного из немецких специалистов, связанных с египетской ракетной программой. Они заявили Хейди Гёрк, что если ее отец не покинет Египет, то им не поздоровится. Хейди немедленно сообщила об этом швейцарским властям, и 15 марта 1963 г. оба агента «Моссада» были арестованы в базельской гостинице.

За несколько недель до этого в Западной Германии около дома одного из специалистов-ракетчиков были арестованы еще два агента «Моссада». Израильтянам благодаря их тесным отношениям с западногерманской разведкой, БНД, удалось быстро добиться освобождения своих агентов и их отправки в Израиль.

Йоклику и Бен-Галу повезло меньше: публичный суд над ними нанес серьезный ущерб Израилю, а сами они оказались в тюрьме, правда, ненадолго. Говорят, плохие новости приходят по три. Это была только первая.

Харел, опасаясь, что таким образом ему не удастся остановить египтян, решил прибегнуть к гласности. Он надеялся убедить мировое или, по крайней мере, израильское общественное мнение в том, что последователи нацистов используют Египет в качестве базы, представляющей смертельную угрозу государству, созданному людьми, пережившими Холокост.

Агенты «Моссада» начали давать интервью западным журналистам, а три ведущих израильских журналиста — по просьбе Харела — взялись выполнить специальное задание, отчасти шпионское, но в какой-то мере и журналистское, чтобы узнать побольше о немецких ученых.

Это был один из тех редких случаев, когда «Моссад» решил использовать журналистов в качестве своих агентов, что стало второй серьезной ошибкой Харела. Статьи, появившиеся в результате этой операции, проводившейся под эгидой «Моссада», вызвали в Израиле настоящую панику по поводу ракетной угрозы со стороны Египта. Бен-

Гурион был в ярости и резко критиковал Харела за несанкционированную утечку информации, обвинив его в том, что он осложнил отношения Израиля с ФРГ.

Эти отношения были особенно важны для Бен-Гуриона, Переса и всей группировки, поскольку Западная Германия рассматривалась в качестве потенциальной замены Франции в случае дальнейшего охлаждения де Голля к Израилю.

Аргументы о роли Западной Германии в новой израильской дипломатии не произвели на Харела особого впечатления. Он продолжал свою кампанию, но теперь «Старик» не мог допустить, чтобы кто-то помешал ему в установлении более тесных связей с Бонном. Это была третья крупная ошибка Харела.

Бен-Гурион потребовал от Харела немедленного прекращения личного крестового похода. Харел отказался и попытался заручиться поддержкой влиятельных членов правящей партии «Мапай». Он попытался привлечь на свою сторону министра иностранных дел Голду Меир и министра финансов Леви Эшкола. К этому моменту страсти вокруг «дела Лавона» — попытки скрыть провал в операциях по саботажу в Египте — достигли точки кипения.

Впервые с 1958 года Харел выступил против Бен-Гуриона вместе с его оппонентами, все еще надеясь преодолеть вето своего наставника и возобновить «священную войну» нацистских ученых. В глазах Бен-Гуриона это было равносильно предательству.

Но были и другие причины для растущего недоверия между Бен-Гурионом и Харелом. Бен-Гуриону не нравилось то рвение, с которым Харел преследовал Израиля Беера, работавшего в аппарате премьер-министра. Его арест в 1961 году нанес ущерб самому премьеру. С другой стороны, Харел был недоволен тем, что Бен-Гурион поставил Шимона Переса во главе секретного атомного проекта и «Лакама».

Премьер-министра также беспокоило, что Харел сосредоточил в своих руках большую власть. Теперь из-за конфликта вокруг немецких ученых в отношениях этих двух старых друзей появились трещины и в них хлынули воды, которые быстро стали размывать их когда-то прочные связи.

25 марта 1963 г., через 9 дней после ареста в Швейцарии Йоклика и Бен-Гала, Харел подал заявление об от-

ставке. Он надеялся, что Бен-Гурион отклонит эту просьбу и оставит его на посту «мемунеха». Харел сам уверовал в созданный им миф: маленький еврейский мальчик из Витебска стал одним из главных действующих лиц на мировой шахматной доске. Он встречался с такими влиятельными деятелями, как Аллен Даллес, доверенным лицом президента Эйзенхауэра и с генералом Бахтияром, который был руководителем «Савак» и одновременно премьер-министром Ирана. Харел думал, что он тоже может приобрести такое же влияние и даже стать членом кабинета, полагая, что как «мемунех» он незаменим. Бен-Гурион придерживался другого мнения.

Это был конец эпохи. Великий крестоносец поразил себя своим же мечом.

6

АМИТ ПЕРЕСТРАИВАЕТ «МОССАД»

26 марта 1963 г. военный курьер вручил генерал-майору Меиру Амиту, проводившему инспекторскую проверку частей в районе Мертвого моря, листок бумаги с лаконичным сообщением: «Немедленно свяжитесь с премьер-министром в Тель-Авиве». Генерал прочел сообщение, аккуратно сложил листок бумаги и, положив его в карман своей формы, поспешил к ближайшему телефону и позвонил в приемную Бен-Гуриона. «“Старик” хочет немедленно вас видеть и посылает за вами самолет», — сообщил ему главный военный советник премьера.

Спустя три часа Амит уже был в приемной премьера в Тель-Авиве. Тель-авивское отделение основного иерусалимского офиса премьера располагалось в трехэтажном каменном здании, крытом черепицей. Амит хорошо знал этот район. Помимо аппарата Бен-Гуриона здесь же, на тенистой улице Кирия, располагался генеральный штаб вооруженных сил и целый ряд объектов разведсообщества.

Бен-Гурион поздоровался с ним за руку и показал копию письма, которое он за несколько часов до этого отправил Иссеру Харелу. Это было согласие принять отставку «мемунеха». Не спросив Амита, хочет ли он занять освободившийся пост, Бен-Гурион заявил: «Ты будешь новым руководителем “Моссада”». Это был приказ, и Амит подчинился.

Генерал Амит был удивлен новым назначением, хотя сам считал, что Иссеру Харелу, прослужившему на этом посту 12 лет и сосредоточившему в своих руках все рычаги управления разведсообществом, пора было найти замену. Но еще одним сюрпризом стало решение Бен-Гуриона о

том, что Амит уже не будет иметь тех полномочий, которыми обладал Харел. В Израиле больше не будет «мемунеха», отвечающего одновременно за внешнюю разведку и внутреннюю безопасность. «Шин Бет» получит самостоятельного руководителя.

Однако на первых порах Амит занимал фактически два поста. За год до этого он был назначен руководителем «Амана», это было достойным завершением его службы в вооруженных силах. Он родился в 1926 году в Тиберии и в молодости носил имя Меир Слуцки. Будучи приверженцем социализма, он вступил в кибутц Алоним, находящийся в Нижней Галилее, а позже — в подпольную группу «Хаганы». Во время войны за независимость 1948 года он командовал ротой, а по окончании войны долгое время колебался, какой выбрать путь: возвратиться в кибутц или защищать Израиль в вооруженных силах. Подумав, он остался в армии.

В 1950-х годах Амит командовал пехотными и танковыми подразделениями и был одним из тех, кто внедрил в израильской армии принцип: «Делай, как я». Израильские офицеры не отсиживаются в тылу, а ведут своих людей в бой, подавая личный пример. Амит подружился с генералом Моше Даяном и во время Суэцкой кампании 1956 года был его адъютантом. Он также нашел время для продолжения своего образования и получил ученую степень по экономике в Колумбийском университете Нью-Йорка.

В 1962 году Амиту следовало бы дважды подумать, прежде чем принимать предложение стать новым директором «Амана». Работа в разведке никогда не приносила ее руководителям ничего, кроме неприятностей. Трое из четырех руководителей «Амана» были вынуждены уйти в отставку: в 1949 году это был Иссер Беери, которого обвинили в нарушении гражданских прав; в 1955 году — Биньямин Джибли, который провалил программу саботажа в Египте; в 1958 году — Исхошафат Харкаби за провал учения по мобилизации резервистов.

Харкаби, однако, сменил человек, который был чистым воплощением успеха, — генерал Хайм Герцог. Ранее он пришел на смену Беери, а в 1958 году вернулся на службу, чтобы придать новый имидж «Аману». Ему удалось восстановить уважение к этой службе, но даже Герцог не мог вывести это агентство из гигантской тени, которую отбрасывал «Моссад» во время царствования «мемунеха».

Когда в 1962 году Герцог в очередной раз собрался в отставку, пост начальника «Амана», несмотря на возражения Харела, был предложен Амиту. Харел считал ошибкой назначать на этот пост человека, не имевшего опыта работы в разведке, но он, возможно, чувствовал в этом генерале потенциального соперника, причем имевшего свою собственную команду. Но влияние Харела на Бен-Гуриона уже пошло на убыль, и Амит получил назначение.

Вскоре после переезда в штаб-квартиру «Амана» на улице Кирия Амит попытался снять напряженность в отношениях с «Моссадом». Считая, что интересы защиты Израиля были выше мелкой ревности и соперничества, он предложил установить тесное взаимодействие между всеми разведывательными службами.

После попыток примирения, длившихся несколько недель, напряженность и враждебность между спецслужбами только усилилась. Их раздирали не просто разногласия, у них была противоположная ментальность. Харел был оперативным виртуозом, а Амит — военным стратегом. Харел месяцами самозабвенно носился по Европе в поисках маленького Йоселе Шумахера или какой-то другой добычи, спал на раскладушках, уходил от слежки. Военные разведчики находили эти методы и результаты такой работы смехотворными, поскольку в конечном счете агентура «Моссада» не могла сделать ничего существенного в отношении военной мощи арабских стран.

Высшее армейское командование, естественно, ожидало, что назначение Амита на пост директора «Моссада» положительно скажется на практической разведывательной отдаче этого агентства. Он был выходцем из армейской элиты, и можно было ожидать, что совмещение постов начальника «Моссада» и «Амана» пойдет на пользу военной разведке. До сих пор никто не совмещал этих постов.

Новое назначение Амит не рассматривал как подарок судьбы. Он был первым «варягом», ставшим директором «Моссада», и оказался в довольно невыгодном положении по сравнению со своим предшественником, который на протяжении 12 лет формировал «Моссад» и «Шин Бет» в соответствии со своими собственными представлениями. Большинство работников не хотели и не могли забыть Харела. Они считали «мемунеха» легендой своего времени и патриархом тайного сообщества.

Когда Амит первый раз появился в штаб-квартире «Моссада», недалеко от прежнего места службы, его встретили очень холодно. В отличие от своих новых подчиненных Амит был в военной форме, причем в генеральской. Первым его встретил Харел, «кислый, как лимон». Уходящий шеф «Моссада» произнес несколько дежурных слов, затем поднялся и ушел, а его три секретарши горько зарыдали.

На следующий день, 27 марта 1963 г., на стол нового начальника «Моссада» легла только что полученная шифровка. В ней выражалась обеспокоенность по поводу ухода Харела и содержался призыв «принять все возможные меры для его возвращения». Шифровка была подписана главными представителями «Моссада» в Европе, но под ней стояли не имена, а псевдонимы, и Амиту пришлось выяснять у своих помощников, что ее подписали ветеран марокканской операции Шмуель Толедано, резидент в Париже Ицхак Шамир, а также Мордехай Алмог и Йозеф (Джо) Раанан.

Толедано и его коллеги взвешивали возможность коллективного ухода в отставку, но ограничились резкой телеграммой. Этот протест был гораздо мягче «бунта шпионов», который имел место 22 года назад, когда проводилась реорганизация политического департамента министерства иностранных дел. И все же Меир Амит пошел на этот трудный старт в атмосфере всеобщей озлобленности.

Амит не испытывал симпатий к авторам коллективных петиций. Он происходил из другой среды, где строгое соблюдение военной дисциплины было законом. Если командир выбывает из строя или покидает поле боя, его можно и нужно заменить.

Новый шеф «Моссада» сразу обозначил свое кредо: «Мне не нравится ваше поведение, — писал он, — я не привык к коллективным протестам».

Накопившаяся напряженность и даже враждебность между спецслужбами подтолкнула Амита к проведению расследования операций Харела против немецких ученых в Египте. Кабинет министров создал специальную комиссию, и перед выступлением на комиссии Харел получил доступ к досье «Моссада». Этот конфликт стилей и личностей так никогда и не получил своего разрешения. Даже спустя несколько десятилетий Амит и Шамир, ставший к тому времени премьер-министром, не могли сказать ни

одного доброго слова друг о друге. Амит и Джо Раанан не скрывали своей враждебности еще с 1970-х годов, когда оба возглавляли экономические конгломераты. Однако самая сильная неприязнь существовала между Амитом и Харелом, которая с годами, как старое вино, только набирала силу.

В 1963 году Амит, однако, съездил в Париж для примирения со своими европейскими оперативниками. Он также сделал одного из протеже Харела, Якова Кароза, своим заместителем. Кароз, возглавлявший политическое направление и отвечавший за связи с иностранными партнерами, служил в агентстве с самого его основания как один из «альтернативных дипломатов». Он принял предложение Амита, чем немного успокоил рьяных приверженцев Харела.

Перемены в израильском правительстве также способствовали снижению напряженности. В июне 1963 года, спустя всего три месяца после того, как Бен-Гурион отправил Харела в отставку, сам «Старик» оставил пост премьера. Он устал от внутренней борьбы в партии «Мапай» вокруг «дела Лавона». Провалы израильской разведки в Египте подтачивали его политическую базу и в конце концов спустя 9 лет после провала самой шпионской сети опрокинули его.

Бен-Гурион ушел в отставку, чтобы основать новую центристскую партию под названием «Рафи», которую поддержали Моше Даян и Шимон Перес. Партия «Мапай», все еще обладавшая большинством в кнессете, избрала своим лидером Леви Эшкола.

Эшкол проявлял большой интерес к разведке. Он был буквально заворожен работой «Моссада». Время от времени он высказывал благодарность агентам Амита. В свою очередь Амит позаботился о том, чтобы Эшкол, бывший в то время министром финансов и знавший все финансовые пружины, увеличил бюджет «Моссада». Это позволило Амиту принять на работу некоторых своих прежних соратников и ускорить реформу секретной службы.

Амит продолжал занимать две должности и вплоть до декабря 1963 года попеременно работал в штаб-квартирах «Моссада» и «Амана». Этот переходный период он использовал для структурной реорганизации «Моссада». Высокопрофессиональное, но скомпрометированное «делом Лавона» «подразделение 131» было передано в состав «Моссада» для усиления существовавших там двух неболь-

ших оперативных подразделений. Эти подразделения выполняли двойную миссию: они обеспечивали зарубежные поездки Харела и добывали через своих агентов разведывательную информацию в арабских странах. Ицхак Шамир, возглавлявший европейский отдел «Моссада», был не согласен с этим слиянием и подал в отставку.

Фактически через два года после того, как четверо европейских высокопоставленных представителей «Моссада» направили телеграмму протеста Амиту, все они ушли из разведки. Они знали, что им не простят этого шага и шансов на дальнейшее продвижение по службе у них нет. Толедано после ухода из «Моссада» признался, что у него была мечта возглавить эту службу, однако ему пришлось довольствоваться постом советника Эшкола по арабским проблемам. Для Толедано, свободно владевшего арабским языком, это была вполне подходящая работа, но она уже не имела ничего общего с разведкой.

Что же касается Шамира, то ему очень трудно давался переход от подпольной работы, которой он занимался еще до создания израильского государства, к мирной жизни. Еще в то время, когда он возглавлял «банду “Штерн”», которая вела борьбу с англичанами и арабами, а также в период своих продолжительных командировок по линии «Моссада» в Европе, Шамир привык относиться ко всему с подозрением, вести аскетический образ жизни и работать с большим напряжением.

«Шамир был интровертом, исключительно преданным своему делу и очень трудолюбивым», — вспоминал один из его коллег в «Моссаде». Он самостоятельно выучил французский язык. На него всегда можно было положиться, но он никогда не высказывал каких-то блестящих идей. Целый день Шамир проводил на работе и поздно вечером возвращался к своей семье — жене Шуламит и двоим детям. Дочь Шамира Гилада тоже работала в разведке, а сын Яир был полковником ВВС.

После ухода из «Моссада» Шамир открыл собственное дело, но его фабрика прогорела. Ему не оставалось ничего, как в довольно почтенном возрасте 52 лет пойти в политику. Этот невзрачный человек, всегда привыкший держаться в тени, должен был стать публичным деятелем. Даже освоив искусство политика и став премьер-министром, Шамир всегда с теплотой вспоминал напряженную и полную драматизма работу в разведке. «Мои дни в “Моссаде”

были счастливейшим периодом жизни. Никакая политика и даже пост премьер-министра не могут с этим сравниться», — вспоминал Шамир.

На замену ушедшим оперативникам Амит привел своих людей. Многие пришли из «Амана», включая руководителя информационного отдела военной разведки Рехавья Варди. Амит также добился повышения в воинских званиях израильских военных атташе, некоторые из них стали одновременно резидентами «Моссада».

Новый шеф «Моссада» хотел превратить эту организацию в мощную и современную разведывательную службу, которая должна была фокусироваться на том, что Амир считал главным: сбор военной и политической информации по арабским странам. Он считал, что «Моссад» не должен втягиваться в проведение операций, не имевших отношения к этому процессу. Под влиянием полученного им в США образования в области экономики и менеджмента он стремился внедрять в «Моссад» стиль работы, характерный для американских корпораций.

Амит перенес штаб-квартиру «Моссада» в современное здание в центре Тель-Авива, где у него был шикарный кабинет в американском стиле, отделанный деревом и обставленный модной мебелью.

Некоторых ветеранов «Моссада» эта роскошь, которой всегда избегал Харел, приводила в ярость. Им больше нравился старый скромный кабинет директора разведки. Диссиденты в среде «Моссада» стали распространять слухи, подобные тем, которые привели к отставке Ашера Бен-Нагана и роспуску политического департамента. Они намекали на то, что Амит транжирит деньги и даже подкармливал некоторых своих коррумпированных подчиненных. Рассказывали, что высокопоставленные чиновники «Моссада» останавливались в лучших отелях и питались в самых дорогих ресторанах мира.

Эти слухи раздражали Амита, и он пытался пресекать их, но не отказывался от своего устланного коврами шикарного офиса. Он был преисполнен решимости модернизировать «Моссад», и новая штаб-квартира была частью этого плана.

Амит также изменил подход «Моссада» к подбору кадров. Раньше основная ставка, по примеру англичан, делалась на рекомендации друзей, но Амит решил использовать более современные методы, не полагаясь на то, что

какой-то старый знакомый сотрудника разведки, учившийся в «хорошей» школе или служивший в «хорошем» полку, станет хорошим шпионом.

Новый шеф разведки стал искать потенциальных кандидатов не только в армии, но и в университетах, а также в деловых кругах и среди новых иммигрантов. Особый акцент делался на подборе кандидатов с европейской внешностью и умением одеваться по-европейски, что всегда вызывало в Израиле презрительные усмешки.

Одним из таких кандидатов оказался Чарли Майоркас. Отец Майоркаса вырос в Швейцарии, мать была австрийкой, сам Чарли родился в Стамбуле и, чтобы избежать военной службы, в 17-летнем возрасте покинул Турцию. Во Франции он начал изучать медицину, но потом переключился на коммерцию. В 1965 году этот турецкий еврей переехал в Израиль, но не по идеологическим мотивам, а потому, что «Еврейское агентство» готово было финансировать его обучение в еврейском университете.

В университете он привлек внимание кадровиков «Моссада» и с энтузиазмом принял сделанное ему предложение. После трех лет обучения основам разведывательного искусства выяснилось, что он гомосексуалист, и его немедленно уволили из «Моссада».

«Я хотел служить своей стране, — говорил Майоркас, — а мне навесили это. Кто из израильтян может сравниться со мной: мое происхождение, знание Европы, свободное владение восемью иностранными языками?»

Многие сотрудники «Моссада» симпатизировали Майоркасу, но никто не хотел идти на риск и брать на работу человека, уязвимого для шантажа в сексуальном плане.

Непростая ситуация была в «Моссаде» и с женщинами. «Женщина не может заниматься сбором информации в арабском мире», — утверждал один из высокопоставленных чиновников «Моссада». И действительно, с учетом того отношения к женщинам, которое существует в арабском мире, в принципе исключается возможность их использования там в качестве оперативных работников. Ни один араб с этим не согласится. Увидев женщину-разведчицу, он выбросится из окна.

Большинство женщин в «Моссаде» работали на административных должностях и в технических подразделениях. «Моссад» всегда с большой неохотой направлял женщин за рубеж, даже на относительно безопасную работу,

например в качестве офицеров связи с иностранными спецслужбами.

Дискриминация при направлении за рубеж отрицательно сказывалась на карьерном продвижении женщин, поскольку опыт зарубежной работы всегда считался большим плюсом для занятия ответственных постов. Женщины «Моссада» попадали в порочный круг: начинавшие в должности секретарей могли стать администраторами, но только в административных, а не в оперативных подразделениях.

Однако из каждого правила бывают исключения. Таким исключением была Лили Кастель — живая легенда. Она пришла в разведку в 1954 году, уже имея за плечами опыт работы в «Шае» до создания израильского государства. Даже после смерти Лили в 1970 году ветераны «Моссада» вспоминали о ее талантах.

Кастель одинаково хорошо говорила на иврите, английском, французском, немецком и русском языках, неплохо владела итальянским и арабским. Ее помнят как весьма привлекательную женщину, умного и надежного работника. Харел считал, что она с успехом использовала как свой интеллект, так и внешность для выполнения различных заданий в Европе, характер которых никогда не раскрывался.

Перемены, которые произошли в «Моссаде» при Амите, улучшили перспективы женщин. Высокие требования нового шефа к профессионализму оперативных работников уравнивали женщин в правах, и некоторые из них стали начальниками функциональных или территориальных отделов. Это были карьерные работники, прошедшие все ступени служебной лестницы, пока наконец не стали во главе отдельных подразделений.

Начальник отдела — ключевая фигура в разведке. Именно он обеспечивает связь оперативных работников зарубежных резидентур с центром в Тель-Авиве, снабжает зарубежные аппараты всем необходимым для их нормальной деятельности. Он передаст приказы и получает добытую за рубежом информацию. Например, восточно-африканский отдел руководит работой крупной резидентуры в Найроби и иностранных агентов в соседних с Нигерией странах.

И все же за рубежом с оперативными заданиями женщин посылают только в случае крайней необходимости, когда исчерпаны все другие возможности. В израильской развед-

ке, как и в армии, стремятся не подвергать женщин риску, но вместе с тем признают, что женщины обладают тем преимуществом, что вызывают меньше подозрений. Если женщина работает в паре с мужчиной, то их можно принять за супругов, что особенно важно в операциях по наружному наблюдению.

«Моссад» с большой неохотой, но все-таки использует женщин для сексуальной компрометации объектов разработки. Для этой роли шефы израильской разведки предпочитают одиноких женщин и берут их на такого рода операции только однократно. «Моссад» редко разрешает своим работникам, мужчинам и женщинам, вступать в сексуальные связи даже в интересах дела. Возможно, в этом сказывается пуританское наследие Харела, который однажды наказал женатого работника, замеченного в том, что тот обнимал секретаршу.

Сейчас отношение к сексу меняется, и хотя никто не заставляет женщин использовать свои чары в интересах разведки, считается, что это — одно из средств в арсенале разведки. Если шантаж на сексуальной почве является составным элементом какой-то разведывательной операции, то «Моссад» чаще всего использует настоящих проституток. Некоторые израильские проститутки проявляют завидный патриотизм, хотя перед ними не раскрываются детали операций, а иногда даже и личность человека, с которым они ложатся в постель.

«Моссад» широко практикует нелегальный вывоз в Израиль агентов-арабов из соседних стран для подробного опроса. Такой опрос проводится в каком-нибудь маленьком городе, и за свои услуги агент награждается проституткой. Временами его развлечения снимаются на пленку для возможного шантажа в будущем.

Гораздо свободнее «Моссад» эксплуатирует в сексуальном плане своих сотрудников мужского пола. Сотрудники с привлекательной внешностью используются для установления интимных связей с секретаршами иностранных посольств и стюардессами, которые могут сообщать полезную информацию о дипломатах, аэропортах и различных арабских городах.

Иногда эта система дает сбой. Один израильский разведчик завел бурный роман со своим агентом, молодой европейской женщиной. Она давала ему информацию и все остальное. Прошло несколько лет, и женщину-агента

передали на связь новому разведчику. Его куратор в центре с удивлением прочел в первом же отчете о встрече с агентом, что та была крайне удивлена, что новый оперативный работник не захотел лечь с ней в постель. Штаб-квартира «Моссада» установила, что уже два поколения оперативных работников использовали эту женщину подобным образом, и агентесса считала, что секс является неотъемлемой частью ее работы на израильскую разведку. «Моссад» решил не наказывать двух оперработников, полагая, что это уже ничего не даст.

Под руководством Меира Амита не только использование секса, но и многое другое в практике «Моссада» было поднято на более высокий уровень. В этот же период определились принципы работы с кадрами и организационная структура «Моссада», которые многие годы будут характеризовать эту секретную службу.

Из восьми имеющихся в «Моссаде» департаментов наиболее важными являются: информационный, оперативного планирования и координации, исследовательский, политических акций и связи с иностранными разведслужбами. Остальные департаменты — учебный, финансов и кадров и оперативно-технический — играют вспомогательную роль и обеспечивают работу основных подразделений. В информационном и политическом департаментах имеются как географические, так и функциональные отделы. «Моссад» по существу монополизировал всю зарубежную разведку, за исключением работы по некоторым военным объектам в соседних арабских странах, что является прерогативой «Амана».

Время и новые руководители постепенно изменяли концепцию работы «Моссада». Харел свято верил в силу человеческих инстинктов. Сам он, несомненно, обладал превосходно развитыми инстинктами и отдавал предпочтение трудно поддающемуся объяснению вдохновению по сравнению с холодным расчетом и чистой технологией. Он с нескрываемым презрением относился ко всякой электронной технике, хотя в Израиле жили многие самые талантливые изобретатели-электронщики с мировыми именами.

Харел всегда гордился тем, что «Моссад» в отличие от других западных разведывательных служб полагался на агентурные источники. Специалисты признавали, что разведка Израиля обладает лучшим в мире агентурным аппаратом.

При Амите «Моссад» продолжал отдавать приоритет агентурным источникам, но не забывал и о других возможностях. Вслед за Герцогом и его преемником, полковником Аароном Яривом, оснастившим военную разведку компьютерами, Амит начал внедрять компьютеры и в «Моссаде». Он был убежден, что интуиция должна уступить место трезвому анализу фактов. Кроме того, нужно было радикально улучшить информационное освещение обстановки в соседних арабских странах, с которыми Израиль находился в постоянной конфронтации. Анализ состояния дел показывал, что единичные источники, приобретенные Харелом после того, как «подразделение 131» потерпело фиаско в Египте, не решали проблем.

Наиболее успешным шпионом «Моссада» был Шаалтиель Бен-Яир, который нелегально работал в Египте с 1958 по 1962 год. Родившийся в еврейской семье в Ливане на границе с Палестиной, Бен-Яир уже с детства привык выдавать себя за араба. В конце 1930-х годов, еще в юношеском возрасте, он вступил в подпольную экстремистскую организацию «Иргун», возглавлявшуюся Бегиним, и выполнял ее задания, выдавая себя за торговца скотом.

Однако отец Шаалтиеля, обеспокоенный риском, которому подвергался его сын, отправил его в морскую школу во Францию, полагая, что в Европе тот будет в безопасности. Но Шаалтиель вскоре бросил школу и сошелся с женщиной значительно старше его. С легкостью он овладел превосходным французским. По возвращении в Палестину Шаалтиель поступил в шотландскую школу и научился говорить по-английски, как настоящий шотландец.

Во время второй мировой войны он воевал в Египте в составе британского отряда «коммандос», а после войны был в «банде “Штерн”» Ицхака Шамира, которая боролась против англичан. В 1948 году принимал участие в войне за независимость. После войны он долго был безработным и в 1955 году в одном из тель-авивских баров случайно узнал, что Шамир и другие его друзья по подполью работают в «Моссаде». Бен-Яир охотно последовал их примеру и вскоре стал «Франсуа Ренанкуром», бельгийским «экспертом» по торговле скотом. Он ухитрился получить от египетского правительства приглашение на работу в Египет в качестве эксперта по животноводству.

Как-то в конце 1950-х годов в парижской квартире писателя Амоса Кенана зазвонил телефон: «Это говорит

Шарль», произнес голос, который он не слышал уже несколько лет. Это был один из псевдонимов Бен-Яира. Кенан слушал несколько секунд и выскочил на улицу встречать своего старого друга по «банде “Штерн”», который поджидал его на туристском пароходике на Сене. К его удивлению, Бен-Яир был без усов и упорно говорил только по-французски.

«Теперь я эксперт по скотоводству и ты должен называть меня Франсуа, — объявил он Кенану. — Раз в месяц я на один день приезжаю в Париж, затем отправляюсь в Брюссель и оттуда возвращаюсь в Каир. Я очень одинок, мне даже не с кем поговорить, и у меня очень трудная работа. Я прошел специальную подготовку, и если даже среди ночи ты окликнешь меня на иврите, я никак не отреагирую. В Египте никто не подозревает, что я понимаю по-арабски, а в Бельгии меня считают бельгийцем. Мой южно-французский акцент совпадает с бельгийским. На всякий случай я говорю, что во время войны я жил на юге Франции».

В Египте Бен-Яир был одним из самых дерзких израильских агентов. В его задачу входила разведка египетских аэродромов и других военных объектов. Это была очень опасная миссия, но он оказался одним из тех, кто выполнил свое задание и благополучно возвратился в Израиль. Его главным достоинством было то, что по природе он был «одиноким волком» и представлял собой резидентуру в составе одного человека. Но даже он не выдержал полного одиночества и в нарушение всех правил безопасности раскрылся перед Кенаном.

По возвращении в Израиль в 1962 году Бен-Яир нашел обычную гражданскую жизнь невыносимо скучной — довольно частый случай среди разведчиков, которым не хватает напряженности и интриг. Он сменил имя и уехал в Канаду. Послужив своей родине, он покинул ее.

История другого шпиона, Джека Леона Томаса, имеет менее счастливый конец. Это был армянин, уроженец Египта, выросший в Каире, симпатичный и образованный молодой человек, в совершенстве владевший арабским, французским, английским и немецким языками, который, сам того не подозревая, начал работать на израильскую разведку. В 1956 году он переехал в Бейрут, а затем в Западную Германию, где пытался заняться коммерцией.

В 1958 году в Германии он подружился с молодым ливанцем по имени Эмиль. Эмиль был обеспечен и всегда оплачивал их счета в ресторанах и барах. Они говорили о женщинах, бизнесе и, наконец, о политике. Томас не скрывал своей ненависти к президенту Египта Насеру.

Однажды вечером Эмиль предложил Томасу крупную сумму денег и попросил его вернуться в Египет для того, чтобы помочь в свержении египетского диктатора. Томасу было сказано, что он будет работать на одну из стран НАТО. Этот прием называется «вербовкой под чужим флагом» и часто используется «Моссадом». Израиль вообще не упоминался, и Томас, который был настроен прозападно, охотно проглотил наживку.

На конспиративной квартире в Кёльне незнакомые ему специалисты обучили его основам шпионского искусства: фотографированию документов, проявлению фотопленки, маскировке негативов в тюбиках зубной пасты, корешках книг или коробках от ботинок, способам тайнописи, зашифровке сообщений и передаче их через тайники.

Полный энтузиазма Томас в 1958 году возвратился в Каир и начал вербовать единомышленников. Периодически он выезжал в Европу для встреч со своими руководителями, которые выступали перед ним как высокопоставленные чиновники НАТО. Он передавал им военную информацию, а взамен получал деньги и новые задания.

Во время одной из таких поездок он познакомился с молодой немкой по имени Кати Бендхоф. Вскоре они поженились. Кати переехала в Каир, и Томас включил ее в свою агентурную сеть — она стала его курьером.

В конце концов Томасу раскрыли, что он работает на израильскую разведку, но это не удивило его, что, в свою очередь, не удивило его израильских хозяев. Они знали, что имеют дело с умным человеком, к тому же Томас уже и сам догадывался, что работает на Израиль. То, что он узнал правду, несколько его не беспокоило. Он по-прежнему ненавидел Насера и возвратился в Каир с еще большим энтузиазмом.

Постепенно его сеть расширилась. Томас завербовал двух армян и одну еврейскую танцовщицу в ночном клубе. В числе его информаторов был один из его друзей детства, который стал артиллерийским офицером. Кати отправилась в Амстердам, где ее обучили работе на радиостанции. В качестве кодовой книги использовался роман американ-

ской писательницы Пёрл Бак «Добрая земля». Израильская разведка немедленно повысила этой паре денежное содержание, деньги направлялись им через бельгийский банк под видом помощи от родственников из Германии.

Разведгруппа обзавелась собственной оперативной техникой: пятью фотоаппаратами, чемоданом с двойным дном, электробритвой с тайником для хранения документов, зажигалкой с тайником для хранения фотопленки, современной радиостанцией, которая была замаскирована в ванной комнате. Все это хранилось в их квартире в Гарден-сити, откуда Кати каждые несколько дней связывалась с Тель-Авивом, передавая информацию и получая задания.

В мае 1960 года пара получила новое ответственное задание: им предстояло завербовать египетского офицера. Это задание было предварительным, и они должны были ожидать детальных инструкций, но к этому времени их уже поразил недуг, который часто наступает успешно работающих шпионов, — излишняя самоуверенность. Они решили сделать вербовочный подход к молодому египетскому офицеру, христианину коптского происхождения Адиву Хана Карлосу.

Им показалось, что Карлос понял намек, но тот немедленно информировал о сделанном ему предложении свое командование. Египетская контрразведка стала снабжать Томаса дезинформацией. Вскоре, однако, Томас почувствовал, что земля стала гореть у него под ногами, и он начал готовить свою сеть к консервации. Для себя и жены он добыл фальшивые паспорта. Ей вместе с еврейской танцовщицей удалось бежать, но сам Томас 6 января 1961 г. был арестован вместе с другими агентами.

На суде Томас заявил, что он шпионил для Израиля из авантюристических побуждений, ради денег и из чувства ненависти к Насеру. «Я не предатель, — заявил он, — я никогда не считал себя египтянином. Армяне в Египте составляют меньшинство, подвергающееся дискриминации». Военный трибунал приговорил Томаса и троих его сообщников к смерти, и они были повешены 20 декабря 1962 г.

В ходе судебного заседания было установлено, что группа Томаса намеревалась предложить египетским пилотам миллион долларов за угон в Израиль или на Кипр советского «Мига».

Провал группы Томаса не остановил израильскую разведку. Подстегиваемая гиперактивным генералом ВВС Эзером Вайцманом, она продолжала искать пути получения советского «Мига». Рассматривалось несколько возможных решений: перехват самолета в воздухе и принуждение его к посадке в Израиле; внедрение своего агента в качестве пилота ВВС одной из арабских стран или подкуп арабского летчика. Но как можно было подкупить пилота-араба, который и так пользовался всеми благами, которые предоставлялись военнослужащим в арабских странах?

Несмотря на очевидные трудности, последний вариант все же представлялся наиболее перспективным. «Аман» и «Моссад» уже накопили огромную массу информации по военно-воздушным силам Египта, Иордании, Сирии и Ирака. Израильская разведка фиксировала и анализировала мельчайшие детали, имевшие отношение к пилотам этих стран, и все это хранилось и обрабатывалось на новых компьютерах, которыми Амит вооружил «Аман». Информация была столь подробной, что у тех, кто работал с этими данными, было ощущение, что они лично знакомы с сотнями арабских летчиков.

И можно представить разочарование этих людей, когда, наконец, в 1964 году один египетский пилот перелетел в Израиль. Капитан Аббас Хилми действительно был пилотом египетских ВВС, и самолет его был советского производства, но это оказался тренировочный «Як», который не представлял интереса для тех, кто хотел заполучить боевой самолет.

Несмотря на разочарование израильской разведки, капитану Хилми устроили в Израиле теплый прием. Сообщенная им информация существенно пополнила досье «Амана» по военно-воздушным силам арабских стран. Он также оказался полезным и в некоторых других отношениях, поскольку публично осудил вмешательство Египта в Йемене и то, что армия Насера пыталась загнать эту страну в сферу влияния радикального арабского социализма. Хилми также рассказал, что египтяне использовали против сторонников йеменского королевского режима боевые отравляющие вещества.

Египетский перебежчик получил щедрое материальное вознаграждение и хорошую работу, но он не смог приспособиться к жизни в еврейском государстве. Вопреки настоятельным предостережениям его опекунов из израиль-

ской разведки, он решил переселиться в Южную Америку, и «Моссад» снабдил его новыми документами и большой суммой денег.

Оказавшись в Буэнос-Айресе, Хилми, нарушив данные ему инструкции, совершил несколько ошибок, приведших его к гибели. Прежде всего он отправил открытку своей матери в Египет. Открытка, разумеется, была перехвачена египетской контрразведкой, которая таким образом узнала, где скрывается перебежчик. Потом он сблизился с одной египтянкой, с которой познакомился в ночном клубе. Увлечшись ею, он согласился пойти к ней домой. Это был египетский вариант типичной западни, которую используют все разведки мира. На квартире обольстительницы Хилми ждали агенты египетской разведки. Они скрутили его и в большом ящике доставили в египетское посольство, а затем пароходом отправили в Египет. Он был отдан под суд, признан виновным в измене и расстрелян.

Несмотря на то что израильская разведка не была виновата в трагическом исходе эпизода с Хилми, ее репутации были нанесен ущерб. «Аман» и «Моссад» были готовы отказаться от планов «сворачивания» еще одного арабского пилота, но Вайцман продолжал стоять на своем — изучение «Мига» может быть ключом к победе в очередной войне. Попытки заманить в ловушку очередного арабского пилота продолжались.

Спустя год появилась новая подходящая цель. На этот раз это был иракский пилот. Мунир Редфа происходил из зажиточной семьи христиан-маронитов. Представители подобных меньшинств в арабских странах обычно подвергались дискриминации, но Редфа прошел обучение в Советском Союзе и был пилотом самолета «Миг-21» — наиболее совершенного советского истребителя.

Израильтяне за счет обработки иракской прессы, материалов радиоперехвата и сообщений агентуры из Ирака знали о происхождении Редфа. Было также известно, что он осуждал бомбардировки курдских деревень на севере Ирака.

Тщательно отобранные специально для этой миссии израильские агенты были направлены в Ирак через Европу с заданием установить контакт с Редфа и его семьей. Из всех агентов, участвовавших в этой операции, наибольшего успеха добилась женщина-израильянка, родившаяся в Америке и снабженная американским паспортом.

Выдавая себя за богатую американскую туристку, она сумела проникнуть в высший свет Багдада и на одном из приемов заинтересовать собой Редфа, несмотря на то что он был женат и имел двоих детей. Следуя хорошо отработанной тактике израильской разведки, она отказалась вступать с ним в интимную связь в Ираке. Он должен был поехать в Европу, и только там ему было обещано щедрое вознаграждение. Редфа согласился отравиться с ней в Париж, где они будут принадлежать друг другу.

Проведя два дня в Париже, Редфа согласился слетать со своей обольстительницей в Израиль, где, по ее словам, у нее были «очень интересные друзья». У иракского пилота были некоторые подозрения, но он уже не мог остановиться, и через 24 часа с фальшивым паспортом, которым его снабдила парижская резидентура «Моссада», он рейсом «Эль-Аль» вылетел в Тель-Авив.

В Израиле Редфа встретили как особо важного гостя и показали ему израильскую авиабазу. На этой базе он встретился с офицерами «Амана» и «Моссада», которые предложили ему миллион долларов и убежище для всех членов его семьи за угон «Мига».

Для того чтобы убедить Редфа в серьезности этого предложения, ему устроили встречу с командующим израильскими ВВС генералом Мордехаем Ходом, недавно сменившим Эзера Вайцмана. Редфа был ошеломлен осведомленностью израильтян о военно-воздушных силах Ирака. Они знали имена иракских пилотов и их советских инструкторов. Израильтяне в деталях описывали ему аэродромы, командные посты и жилые помещения иракских летчиков.

С Редфа была согласована дата его побега. Генерал Ход помог отработать маршрут и условия связи. На счет Редфа в швейцарском банке была положена крупная сумма.

Через несколько дней иракский летчик вместе со своей подружкой, которую он продолжал считать американкой, вернулся через Париж в Багдад. Сначала из Ирака была вывезена его семья. В этом плане «Моссаду» очень помог старый слуга-еврей, который много лет жил в семье Редфа.

Тем временем Амит вылетел в Вашингтон и проинформировал Ричарда Хелмса, что в скором времени Соединенные Штаты получат доступ к самолету «Миг-21». Американцы уже давно стремились поближе познакомиться с этой машиной, чтобы соответствующим образом усовер-

шенствовать свои истребители и получить более реалистичное представление о возможностях «Мига» в воздушном бою.

Операция была спланирована идеально. 15 августа 1966 г. Редфа пролетел по согласованному маршруту через Иорданию и посадил свой «Миг» на одной из авиабаз на юге Израиля. Это был первый случай, когда столь современный советский самолет оказался на Западе. Даже спустя несколько десятилетий представители ВВС США и НАТО вспоминают об этом эпизоде как о выдающемся достижении израильской разведки. В военных кругах Запада получение «Мига» — самой современной советской боевой машины того периода — стало ключевым фактором, поднявшим репутацию израильской разведки на недостижимую, мифологическую высоту. Израильцы показали свое мастерство в агентурной работе.

Бегство Редфа, известное в кругах разведки под кодовым названием «Операция 007», доставило Меиру Амиту огромное удовлетворение. В отличие от дела Хилми, этот случай имел благополучный финал. Мунир Редфа и члены его семьи обзавелись новыми именами, а деньги, полученные в качестве вознаграждения, позволили им вести обеспеченную жизнь в Израиле. Израильская «американка» также благополучно покинула Ирак.

Американцы и их союзники по НАТО рассыпались в благодарностях Израилю. Всем было интересно познакомиться с новым «Мигом».

Планируя «Операцию 007», Амит должен был одновременно принимать меры в связи с серьезными провалами израильской разведки в Сирии и Египте. В 1965 году в течение полутора месяцев в самых важных арабских столицах провалились два наиболее ценных агента: Эли Коэн в Дамаске и Вольфганг Лотц в Каире.

До самого провала Коэн и Лотц снабжали израильскую разведку первоклассной информацией, так как оба находились в самом центре политической и военной жизни арабских стран. Это были исключительно способные и храбрые люди, которым удалось проникнуть в высший эшелон военно-политического руководства своих стран. Коэн стал доверенным лицом президента Сирии, а Лотц сумел установить дружеские отношения со старшими офицерами египетской армии.

Элиаху (Эли) Коэн родился в 1924 году в Александрии. Он принимал участие в операциях по вывозу египетских евреев в Израиль и был членом подпольной диверсионной организации, которая была разгромлена египетской контрразведкой в 1954 году. По чистой случайности Коэн избежал ареста. После Суэцкой кампании 1956 года ему удалось выехать из Египта, и, оказавшись в Израиле, он немедленно предложил свои услуги израильской разведке. В то время шпионажем в соседних с Израилем арабских странах занималось «подразделение 131», которое после фиаско 1954 года работало под более строгим контролем.

Коэн всегда производил хорошее впечатление на окружающих, но психологи «Амана», которые подвергли его стандартным тестам, выявили тревожные признаки. Они отметили высокий интеллектуальный уровень Коэна, феноменальную память и способность хранить секреты, но тесты также показали, что, несмотря на «скромные внешние данные, у него завышенная самооценка» и какое-то «внутреннее напряжение». Тесты также показали, что Коэн не всегда адекватно оценивает опасность и в силу этого может идти на неоправданный риск.

Израильская разведка некоторое время не давала окончательного ответа Коэну, но когда в мае 1960 года напряженность на границе с Сирией достигла критической точки и в Дамаске понадобился шпион, она вспомнила о Коэне.

Несмотря на форсированный режим, подготовка Коэна в Израиле заняла более полугода и еще год ушел на закрепление легенды в Аргентине, которая к этому времени стала излюбленным местом документации израильских агентов. Коэн покинул Израиль 3 февраля 1961 г. и прибыл в Буэнос-Айрес как сирийский бизнесмен Камель Амин Таабет. Он должен был войти в среду южноамериканских предпринимателей арабского происхождения, и ему удалось блестяще выполнить эту задачу.

К моменту приезда в Дамаск 10 января 1962 г. Коэн уже имел целую пачку рекомендательных писем. Казалось, что все влиятельные сирийцы Аргентины были его друзьями. Действительно, вскоре один из его аргентинских друзей, майор Амин аль-Хафез, стал президентом Сирии, и Коэн-Таабет имел шанс стать членом кабинета и в конечном счете — министром обороны.

Занимаясь коммерцией, Коэн одновременно поддерживал обширные контакты в политических кругах Сирии. Его часто приглашали на военные базы и однажды устроили ознакомительную поездку вдоль сирийских укреплений на Голанских высотах.

Информация, которую он передавал по радио в Тель-Авив, освещала все стороны жизни в Сирии. Израильская разведка получила довольно полную картину обстановки во враждебной стране, которая до этого считалась недосыгаемой. В штаб-квартире «Амана» всегда с нетерпением ждали сообщений Коэна. В них содержались интересные подробности о противоречиях внутри правящей группировки, а также большое количество сведений военного характера, которые пополняли компьютерные массивы военной разведки.

Через Европу Коэн передал документальные материалы, раскрывавшие дислокацию войск вдоль границ Сирии, и схемы противотанковых укреплений, которые должны были затруднить продвижение израильских войск в случае начала войны. Он передал список всех израильских пилотов и довольно точные зарисовки всего вооружения, установленного на самолетах.

Если бы Коэн и его руководители проявили больше осмотрительности, то его шансы выжить были бы значительно выше. В ноябре 1964 года он выехал в отпуск в Израиль, где у него к этому времени должен был родиться третий ребенок. Он очень тосковал по семье и по каналам разведки часто посылал домой открытки, не раскрывавшие, однако, его местопребывания. В это же время Коэн познакомился со своими новыми руководителями, потому что «подразделение 131» вслед за переходом в «Моссад» Меира Амита стало частью этой службы.

Коэн затягивал свой отпуск и намекал работникам «Моссада», что после четырех лет нелегальной работы он хотел бы вернуться домой. Коэн рассказал, что особое беспокойство у него вызывает начальник военной разведки сирийской армии полковник Ахмед Суэдани.

К сожалению, работники «Моссада» не придали значения этим тревожным признакам. Напряжение на границе с Сирией усиливалось, и опасность новой войны росла с каждым днем. Потребность в разведывательной информации была весьма острой, и «Моссад» заставил Коэна вернуться в Дамаск.

В последующие два месяца Коэн допустил серьезные нарушения правил безопасности. Вполне возможно, что невероятная легкость, с которой он вошел в руководящие круги Сирии, притупила его бдительность. Он немедленно возобновил свои радиопередачи, и сирийская контрразведка могла связать этот факт с возвращением Коэна из-за границы.

Передачик Коэна практически не умолкал. За пять недель он отправил в Тель-Авив тридцать пять радиogramм. С какой-то обреченностью Коэн выходил в эфир в одно и то же время, в 8.30 утра, что облегчало сирийской контрразведке поиск радиопередачика. Иногда он выходил в эфир два раза в день. Например, утром Тель-Авив мог запросить: «Что стало с эскадрильей «Миг-21», в которой была объявлена тревога?». В тот же день в четыре часа дня Коэн уже передавал свой ответ: «Один из пилотов погиб в результате столкновения с небольшим самолетом во время тренировочного полета, а другой пилот того же подразделения был отстранен от полетов за неуважительные высказывания в адрес командира».

Коэн потерял всякую бдительность и работал на радиостанции, как будто находился в своей стране. Его руководители в Тель-Авиве должны были предостеречь Коэна, но никто этого не сделал. Информация Коэна была слишком важной.

Радиопередачик Коэна, судя по всему, был запеленгован советской разведкой, и 18 января 1965 г. люди полковника Суэдани ворвались в квартиру Коэна и захватили его с личным во время радиосеанса.

Суэдани пытался использовать Коэна для направления израильтянам дезинформации. После трех радиопередач, не получив никакого ответа из Тель-Авива, сирийцы прекратили свои попытки и направили последнюю телеграмму, адресованную премьеру Леви Эшколу: «Камель и его друзья некоторое время погостят у нас. Мы сообщим вам об их дальнейшей судьбе».

Было арестовано несколько сотен человек, связанных с Коэном. Президент Хафез Асад оказался в крайне неловком положении. Коэн признался, что был израильским шпионом, но несмотря на пытки не сказал больше ничего полезного для сирийцев.

Обращения Израиля к папе римскому и европейским правительствам с ходатайством о помиловании Эли Коэна

не дали результата. Сирийский суд приговорил его к смертной казни, и на рассвете 18 мая 1965 г. Коэн под восторженные крики толпы был публично повешен на площади Мучеников в Дамаске.

Наличие агента такого калибра, как Коэн, занимавшего столь выгодное положение, было уже немалым достижением израильской разведки, но в то же время она имела еще одного агента и в Египте — Вольфганга Лотца.

Лотц родился в 1921 году в Германии, в городе Манхейм. Его мать была еврейской актрисой, а христианин-отец — менеджером берлинского театра. К счастью для Вольфганга, в детстве он не был подвергнут обрезанию.

После прихода к власти Адольфа Гитлера родители Лотца развелись, и мать в поисках лучшей жизни уехала с сыном в Палестину. Там Вольфганг взял себе имя Зеев Гур-Арэй. На иврите «зеев» означает «волк». Обучаясь в сельскохозяйственной школе Бен Шемен, он так полюбил лошадей, что сам получил прозвище «Сус», что на иврите означает «конь».

В 1937 году Лотц вошел в подпольную группу «Хагана», а с началом второй мировой войны вступил в британскую армию и воевал в тылу Африканского корпуса Роммеля. Он свободно владел ивритом, немецким, английским и арабским языками. В 1948—1949 годах Лотц в звании лейтенанта принимал участие в войне за независимость. В 1956 году он уже в звании майора командовал ротой, которая захватила египетские позиции на Суэце.

Только после войны представители «Амана» установили контакт с Лотцем. Кандидат произвел положительное впечатление прежде всего тем, что совсем не был похож на еврея. Позже Лотц вспоминал: «Я был блондином... много пил и был воплощением бывшего немецкого офицера».

Вербовщики «Амана» интересовало, сможет ли Лотц забыть о своем еврействе и убедить всех в том, что он является бывшим нацистом. После очень напряженной подготовки Лотц — как за десять лет до него Макс Беннет — был направлен в Германию для закрепления легенды. Лотц должен был стать немецким бизнесменом, который во время войны служил в гитлеровской армии в Северной Африке, а потом 11 лет занимался разведением скаковых лошадей в Австралии.

В декабре 1960 года Лотц прибыл в Египет. По израильским меркам ему были выделены весьма значительные денежные средства. В Египте он снял ранчо и стал заниматься разведением лошадей. Израильская разведка считала, что египетский «Мухабарат эль-Амма», или управление общей разведки, вряд ли будет глубоко проверять немецкую легенду Лотца. Определенный риск, конечно, существовал, но Лотц позже вспоминал, что он был одним из немногих агентов разведки, кто работал под своим именем и по подлинным документам.

Компанейский и харизматичный, Лотц часто устраивал у себя приемы для старших египетских офицеров и других «нужных» людей из египетского общества. Он курил с ними гашиш и любил поговорить на военные темы. С помощью миниатюрного радиопередатчика, скрытого в каблуке его сапога, он передавал свои подробные сообщения в Тель-Авив.

Лотц также принимал участие в печально известной кампании Харела против немецких ученых в Египте. Именно он сообщил их адреса в тель-авивскую штаб-квартиру «Моссада» и направил немцам несколько анонимных писем с угрозами и требованием прекратить работу по ракетной программе. Лотц также хранил у себя взрывчатые вещества, которые, судя по всему, предназначались для использования против немецких ракетчиков.

Каждые несколько месяцев он выезжал в Европу для встреч со своим куратором из «Амана». В Париже, например, он должен был позвонить с телефона-автомата по известному номеру. «После того как я называл пароль, мне предлагали встречу в кафе «Икс» в три часа дня, что на самом деле означало встречу в кафе «Игрек» в два часа».

В июне 1961 года в ночном экспрессе, шедшем из Парижа, Лотц встретил «восхитительную голубоглазую блондинку с фигурой, какие всегда ему нравились». Через две недели Вольфганг и Вальтрауд поженились. Представляется просто невероятным, чтобы хорошо подготовленный и в целом надежный агент мог действовать так безрассудно, но Лотц говорит, что он не информировал разведку о знакомстве с Вальтрауд. Он просто взял ее с собой в Каир.

По некоторым неподтвержденным сообщениям, фрау Лотц была частью легенды Лотца, и шеф западногерманской БНД генерал Рейцнгард Гелен просто поручил ей работать с Лотцем в рамках сотрудничества с израильской

разведкой. В пользу этой теории свидетельствует то, что Лотц был дважды разведен и на момент встречи с Вальтрауд состоял в третьем браке с израильянкой.

Лотц говорит, что, когда он раскрылся перед своей новой женой как израильский шпион, ей это понравилось и она согласилась ему помогать. Они даже выработали между собой специальный код: «Мы всегда называли Израиль Швейцарией, а израильскую разведку — “дядей Отто”». На своем ранчо, расположенном неподалеку от египетской ракетной базы, они вели наблюдение за бывшими нацистами и немецкими учеными, помогавшими Египту в создании современного оружия.

Однажды они были задержаны за то, что якобы сбились с пути и случайно заехали на военную базу. Лотц добился, чтобы командование базы связалось с его друзьями в египетской полиции и военной разведке. Это произвело очень сильное впечатление на командира, который устроил Лотцу экскурсию по ракетной базе. «Когда-нибудь у нас тоже будет арабский рейх, — высокопарно заявил египетский офицер. — У израильян отличная разведка. И они ничего не должны знать до момента окончательного удара. Пойдемте — я покажу вам базу».

Лотц также заметил, что в некоторых случаях израильская разведка действовала недостаточно профессионально. На одной из вечеринок в Каире он познакомился с Каролайн Болтер, особой голландско-венгерского происхождения, женой немецкого археолога. Она любила говорить с немецкими учеными и осторожно расспрашивала их о египетской ракетной программе. Лотц замечал, что после крепкой выпивки она переходила с немецкого на идиш. Потом кто-то застал ее, когда она фотографировала карты в доме немецкого ученого. Лотц направил в Тель-Авив телеграмму, в которой сообщил, что израильский агент Каролайн Болтер находится на грани провала и ее нужно отозвать. Болтер немедленно исчезла.

В 1963 году ответственность за работу с Лотцем перешла от «Амана» к «Моссаду». Кураторы в штаб-квартире «Моссада» не сразу разобрались, как им быть с многоженством своего самого ценного агента, и долго колебались, прежде чем сообщить его израильской жене, что ее муж в очередной раз женился. Им также не нравились чрезмерное увлечение Лотца алкоголем и слишком вольная трата денег на подарки египтянам. Разведка должна была опла-

чивать его счета, и финансовый департамент «Моссада» дал ему кличку «шпиона в шампанском».

Однако поступавшая от Лотца информация была ценной и незаменимой. «Моссад» получил сокрушительный удар, когда 22 февраля 1965 г. ворвавшиеся в квартиру Лотцев агенты «Мухабарата» арестовали эту пару.

Похоже, что радиопередатчик Лотца, замаскированный в весах для ванной комнаты, был запеленгован точно так же, как у Эли Коэна в Дамаске. Советская военная разведка — ГРУ — помогала египтянам перекрывать каналы утечки секретной информации своих основных союзников — Египта и Сирии.

Однако между делом Коэна и делом Лотца была большая разница. Коэн признал, что он был израильским шпионом, но Лотц упрямо твердил, что он был немцем, который помогал Израилю ради денег. «Моссаду» удалось направить в Египет немецкого адвоката для защиты Лотца и его жены. Адвокат публично заявил, что видел Лотца в компании немецких офицеров. «Поскольку я никогда не служил в немецкой армии, — вспоминал позже Лотц, — я сразу понял, кто послал этого адвоката».

Лотц и его жена были приговорены к пожизненному заключению, но через три года их обменяли на военнопленных, взятых в ходе Шестидневной войны. Меир Амит тяжело переживал, что ему не удалось спасти Эли Коэна, и требовал от Леви Эшкола, чтобы Лотц был включен в число военнопленных, предназначенных к обмену, однако политические лидеры Израиля не хотели публично признавать, что Лотц был израильским шпионом, и Амит грозил уйти в отставку.

Лотц в отличие от Коэна остался жив. Но Коэн стал мучеником и героем, а пресыщенный жизнью «на гражданке» в еврейском государстве Лотц уехал сначала в Западную Германию, а затем в Калифорнию, занимался бизнесом, но не сумел достичь ничего значительного в этой сфере.

В то время «Моссад» имел еще одного крупного агента в арабской стране. Барух Мизрахи работал в Сирии в качестве директора школы иностранных языков, но после ареста Коэна Тель-Авив немедленно отозвал его. «Моссад», однако, не сумел оградить Мизрахи от провала во второй раз.

Семь лет спустя Мизрахи был направлен в Йемен для ведения разведки по египетской армии, которая все еще была втянута в гражданский конфликт в этой стране. Он также должен был собирать информацию по морским перевозкам в Красном море. В мае 1972 года Мизрахи был арестован йеменскими властями, которые выдали его Каиру, где он был предан суду по обвинению в шпионаже в пользу Израиля. Однако ему повезло: в марте 1974 года его обменяли на двух арестованных израильских арабов, которые работали на разведку Египта.

«Моссад» давно интересовался Йеменом, поскольку поблизости проходили морские коммуникации с Египтом. В 1963—1965 годах Израиль вместе с Великобританией и Саудовской Аравией — довольно странный тройственный союз — снабжали деньгами и оружием королевское правительство Йемена, которое вело боевые действия против республиканской оппозиции, поддержанной частями египетской армии. Израильяне хотели продолжения гражданской войны в Йемене, потому что это отвлекало египтян от Израиля. Но израильяне ошибались. Конфликт в далеком Йемене не смог предотвратить войну, которой израильская разведка хотела избежать, но к которой постоянно готовилась.

7.

ДОРОГА К ВОЙНЕ

Несмотря на то что египетская армия вела бои в Йемене, президент Египта Насер избрал политический курс, который в конечном счете привел весь арабский мир в пропасть крупномасштабной войны. Увлеченный своей собственной панарабской риторикой, Насер тем не менее понимал, что Египту в одиночку не одолеть Израиль. В январе 1964 года он созвал в Каире совещание, на которое съехались президенты и короли всех арабских государств. Это совещание в верхах провозгласило создание Организации освобождения Палестины (ООП), которая поставила своей целью построение на месте Израиля еще одного арабского государства.

Насер также понимал, что одной новой организации недостаточно для достижения поставленной цели, и на совещании в верхах было решено перекрыть притоки реки Иордан, жизненно важные для развития сельского хозяйства Израиля. Работы по отводу вод реки Иордан спровоцировали Израиль на нанесение бомбовых ударов по прилегающим территориям Сирии, Иордании и Ливана.

Арабские лидеры поняли, что только превосходящая военная мощь может сокрушить еврейское государство, и приняли решение о создании объединенного военного командования, что было явным признаком подготовки войны. Но были и скрытые признаки.

Египетская и сирийская разведки никогда не считались достаточно сильными, но они тоже предпринимали попытки проникнуть в израильское общество. Им удалось завербовать нескольких израильских арабов — далеко не идеальный выбор, так как все они находились под подо-

зрением, — а также время от времени направлять свою агентуру в Израиль под видом туристов.

Наиболее дерзкие операции арабов были зеркальным отражением действий Израиля. Арабские агенты учились выдавать себя за евреев и направлялись в Израиль под видом иммигрантов, которые в потоке новых переселенцев не привлекали особого внимания.

Кобрук Яковян, армянин, работавший в Египте, сумел освоить эту хитрость. Под именем Ицхака Кошука он в декабре 1961 года въехал в Израиль из Бразилии. Израильское консульство в Рио-де-Жанейро приняло его за настоящего еврея, стремящегося к возвращению на библейскую родину, и выдало ему визу.

В действительности египетская разведка завербовала Кошука, когда он находился в каирской тюрьме за мало-значительное правонарушение. Чтобы замаскировать Кошука под еврея, ему даже сделали обрезание. В Израиле Кошук некоторое время работал в кибуцце под Ашкелоном, а затем поступил в израильскую армию. Ему очень хотелось попасть в танковые части, но до своего ареста в декабре 1963 года он так и не продвинулся дальше небольшого транспортного подразделения. Кошуку повезло, так как в Израиле нет смертной казни за шпионаж. Он провел несколько лет в тюрьме и был выслан в Египет.

Большого успеха египтяне добились в конце 1960-х годов, направив в Израиль, по их словам, одного из своих лучших агентов. Под именем Жак Битон он открыл туристское агентство на улице Брежнева в Тель-Авиве. Он тоже выдавал себя за еврея и также подвергся обрезанию. В отличие от Кошука его поймать не удалось, и настоящее имя осталось неизвестным. Он получил редкую для шпиона возможность спокойно уйти в отставку. Египтяне разрешили ему уехать в Западную Германию, где он жил с семьей до конца своих дней.

В 1988 году египетское телевидение показало боевик, снятый по мотивам истории Битона. Сначала израильтяне заявили, что это арабская выдумка, но после того, как стали известны детали, они вынуждены были признать, что у них под носом действительно работал арабский шпион, которому удалось уйти. Тем не менее израильтяне настаивают, что ущерб, причиненный этим агентом, был минимальным.

Утверждение о том, что Битон был безвреден, базировалось на твердом убеждении израильтян в том, что египтяне

просто неспособны ни на что дельное. Эта убежденность особенно окрепла после Шестидневной войны 1967 года. Молниеносная победа Израиля над Египтом, Иорданией и Сирией была в немалой степени заслугой Меира Амига и его «Моссада». В отличие от своего предшественника Иссера Харела Амит сосредоточился на сборе информации о соседних арабских странах и их вооруженных силах с тем, чтобы максимально подготовить Израиль к войне.

Разведывательная информация может поступать из различных мест, и Амит считал, что важным источником такого рода могут быть спецслужбы дружественных государств. После того как в 1963 году он возглавил «Моссад», Амит позаботился об установлении прочных связей своего агентства с соответствующими службами западных стран.

Департамент политических акций и внешних связей «Моссада» стал по существу вторым министерством иностранных дел, которое выхватывало инициативу из рук основного министерства. В своих мемуарах Майлз Коупленд, считающий себя одним из первых специалистов ЦРУ по «политическим акциям», раскрывает содержание разведывательного термина «политическая акция». Он определяет это как способность «выстроить систему лоббирования в коммерческих и промышленных кругах разведываемой страны таким образом, чтобы она подспудно оказывала нужное давление на правительство», а также направление советников и использование местных деятелей в качестве агентов влияния. Определение принадлежало американцу, но израильтяне вели такую работу по всему миру.

Было немало стран — только в одной Африке около 30, — где Израиль после установления дипломатических отношений открывал посольства и проводил различные программы помощи. Как и в любой другой стране, агенты «Моссада» использовали посольства своей страны в качестве прикрытия для разведки.

Там, где не было официальных отношений или они были прерваны вследствие обострения обстановки, альтернативным израильским дипломатам приходилось выполнять функции, обычно не свойственные спецслужбам. Это было особенно характерно для Африки, где Амит убедил американцев выделить Израилю несколько миллионов долларов на финансирование деятельности израильской разведки. Считалось, что это отвечает интересам Запада. В документах ЦРУ эта операция имела кодовое название «КК Маунтин».

Выдвинутая первым директором «Шин Бет» Рувеном Шилоем концепция «периферийной зоны» нашла горячего приверженца в лице Амита. Укрепились тайные связи Израиля с Эфиопией, Турцией и Ираном. Израиль и Иран помогали мятежным курдским племенам бороться с центральной властью Ирака. В Йемене израильтяне помогали роялистам бороться с египтянами. В Южном Судане сбрасывали с парашютами продовольствие мятежным христианам. В Центральной Африке Израиль помогал Иди Амину свергнуть президента Милтона Оботе.

Совместно с «Шин Бет» «Моссад» установил связи с большим количеством иностранных спецслужб, став членом «Киловатта», секретного объединения представителей различных спецслужб, занимающихся борьбой с международным терроризмом. В этом объединении были представлены шпионские службы Италии, Бельгии, Западной Германии, Великобритании, Голландии, Швейцарии, Дании, Франции, Канады, Ирландии, Норвегии и, конечно, Израиля. «Моссад» также имел связи с некоторыми другими европейскими странами, в частности с Португалией, Испанией и Австрией.

В большинстве из этих стран «Моссад» имел свои зарубежные резидентуры. Обычно такая резидентура действует под прикрытием посольства, но резидент не информирует посла о своей деятельности и подчиняется непосредственно Тель-Авиву. В каждой резидентуре есть представители двух основных направлений деятельности «Моссада»: информационного и внешних связей. Работа каждого представителя «Моссада» за рубежом строго законспирирована, и работники одного направления не знают, чем занимаются их коллеги из другого. В их задачу входит поддержание контактов с представителями секретных служб страны пребывания, но они также руководят работой собственных разведывательных сетей, разумеется, не информируя об этом спецслужбу страны пребывания.

Амит сосредоточил деятельность своих квазидипломатических представителей на двух континентах: в Азии и Африке.

Новые государства в Африке, недавно получившие независимость, смотрели на Израиль широко открытыми глазами — они видели в нем пример для подражания. Соединенные Штаты и Советский Союз считались экспансионистскими сверхдержавами. Великобритания, Франция

и другие европейские государства все еще вызывали неприязнь как колониалисты, но Израиль был молодой нацией, которая нашла путь для быстрого развития в современном мире.

Около дюжины африканских стран пригласили израильских советников по вопросам сельского хозяйства, промышленности, торговли и обороны. Сотни экспертов работали над различными проектами, а вслед за ними шли израильские разъездные политики. По всему континенту ездила министр иностранных дел Голда Меир, премьер-министр Леви Эшкол также был почетным гостем в ряде стран Африканского континента.

Число израильских советников нарастало лавинообразно, и в их числе, естественно, было немало агентов «Моссада». Правительства принимавших стран относились к последнему обстоятельству вполне благосклонно, и вскоре Израиль установил тесное сотрудничество в области разведки с Кенией, Заиром, Либерией и Ганой. В каждой из этих стран Израиль готовил кадры для спецслужб и оказывал помощь в их деятельности.

Ведущей фигурой «Моссада» в Африке был Дэвид (Дэйв) Кимче. Кимче происходил из восточноевропейской семьи, которая через Швейцарию и Англию в 1946 году приехала в Палестину. Но он сохранил свои британские привычки. Этот спокойный и воспитанный человек в очках в толстой роговой оправе, с умным приветливым лицом, обрамленным темными волосами, не был похож на израильтянина, так как безупречно говорил по-английски с акцентом, который мог убедить любого, что перед ним английский джентльмен.

Кимче пришел в «Моссад» в 1953 году после нескольких лет научной работы и быстро приобрел в разведсообществе репутацию пронырливого аналитика и человека, склонного держать свои чувства при себе. Это был подлинно израильский эквивалент созданного Джоном Ле Карре образа английского шпиона Джорджа Смайли. Его главный интерес лежал в сфере отношений с неарабскими и неисламскими меньшинствами Ближнего Востока и особенно Африки.

Он работал по всему Африканскому континенту под различными прикрытиями, в том числе как израильский дипломат Дэвид Шарон. Кимче всегда был доброжелательным и надежным источником информации для иностран-

ных журналистов и всегда снабжал их последними сплетнями об африканских режимах в самых неожиданных уголках этого континента.

Одним из таких мест был небольшой остров Занзибар в Восточной Африке. До 1964 года он управлялся султаном, двор которого состоял из потомков арабских работорговцев. Основное население было темнокожим. В тот год в Занзибаре произошла кровопролитная революция, и темнокожее большинство вырвало власть из рук арабского меньшинства. Султан был убит, а его сторонники бежали.

В Израиле никто не стал проливать слез по поводу свержения султана. Еще один опорный пункт арабов в Африке пал, и еще одно государство открылось для Израиля. Случилось так, что как раз во время переворота Кимче был в Занзибаре. Его присутствие заметно укрепило репутацию «Моссада» среди западных разведывательных и дипломатических служб — для него, похоже, не было ничего невозможного.

Амит также позаботился о том, чтобы влияние «Моссада» распространялось и в восточном направлении, открыв резидентуру в бывшей британской колонии — Сингапуре, который стал частью Малайзии и вскоре превратился в процветающий город-государство. Руководящая верхушка Сингапура, состоявшая из этнических китайцев, опасавшаяся соседней Малайзии, а также собственного малайского меньшинства, приветствовала помощь Израиля в военной области.

«Моссад» создал в Сингапуре постоянную военную миссию, которую возглавил полковник Биньямин (Фуад) Бен-Элизер, очень опытный офицер специальных войск, который впоследствии стал бригадным генералом. Бен-Элизер и его миссия оказывали сингапурцам советническую поддержку, помогали в подготовке кадров, снабжали их оружием. Маленький Сингапур с населением, не превышавшим 2 млн. человек, стал трамплином для распространения альтернативной дипломатии «Моссада» по всей Азии. Первым крупным успехом в этом направлении стала Индонезия с ее 180-миллионным населением, 90 процентов которого исповедовало ислам.

Президент Сукарно, который после второй мировой войны возглавил борьбу с Нидерландами за независимость

своей страны, был одним из лидеров антизападного Движения неприсоединения и был твердым противником Израиля. Однако в 1965 году в результате государственного переворота он был отстранен от власти. Его преемник, генерал Сухарто, уничтожил около 300 тыс. коммунистов и стал президентом. Ради консолидации своей власти он был готов на все. Сокрушительное поражение, которое Израиль в ходе Шестидневной войны нанес превосходящим силам арабов, произвело на Сухарто большое впечатление, и он установил контакт с израильтянами. «Моссад» направил в Джакарту группу советников из Сингапура, где состоялась весьма продуктивная дискуссия о путях возможного сотрудничества двух стран.

Вскоре израильские советники, которые чаще всего выдавали себя за европейцев или американцев, стали обучать индонезийскую армию и спецслужбы. Особые надежды на израильтяна возлагала индонезийская служба внутренней безопасности. В силу твердого антиколониального курса Индонезия не доверяла ЦРУ и другим западным спецслужбам, и для нее «Моссад» был идеальным партнером. Израильской разведке было разрешено иметь в Джакарте крупную резидентуру под «коммерческим прикрытием», как на профессиональном языке разведки называется маскировка разведчика под бизнесмена.

Президент Сухарто и его советники заявляли израильтянам, что как исламская страна Индонезия никогда не пойдет на установление с Израилем дипломатических отношений, но тайные связи стали очень тесными. Индонезийские военные и разведчики проходили подготовку в Израиле, и основной акцент в их подготовке делался на изучении тактики антипартизанских действий, подавления коммунистических вооруженных групп — израильтяне отточили эту тактику в охране собственных границ и борьбе с палестинскими террористами.

К 1970 году при посредничестве «Моссада» Израиль поставил в Индонезию значительное количество вооружений, включая дюжину американских истребителей «Скайхок», в которых Израиль больше не нуждался. Наряду с доходами от продажи оружия Индонезии израильская разведка приобрела прочные оперативные позиции в этой исламской стране, позволявшие ей наблюдать за действиями арабских дипломатов и представителей Организации освобождения Палестины.

Индия стала еще одним полезным партнером «Моссада», хотя индийское правительство не намеревалось раскрывать перед своим 800-миллионным исламским и индуистским населением факта существования конфиденциального сотрудничества с еврейским государством. Тайное сотрудничество всегда базируется на общности интересов и осуществляется в форме обмена информацией. Для Индии и Израиля общим врагом был Пакистан — исламская нация, оказывавшая помощь ближневосточным арабским странам.

«Моссад» был серьезно обеспокоен тем, что ливийский руководитель полковник Муамар Каддафи предложил финансировать строительство в Пакистане ядерного реактора в целях создания «исламской бомбы», которая будет передана Каддафи. Израильская разведка вместе с представителями индийских спецслужб изучала вопрос о возможности уничтожения реактора в Пакистане.

Способность «Моссада» поддерживать внешние контакты в интересах Израиля особенно ярко проявилась в совершенно особых отношениях Израиля с арабской страной Марокко. Как исламская нация и ведущий член Лиги арабских стран Марокко всегда горячо поддерживало дело освобождения Палестины. Однако и король Хасан II с его прозападными настроениями чувствовал угрозу со стороны радикальных режимов в соседнем Алжире и Египте и тайно сохранял взаимовыгодные отношения с еврейским государством.

«Моссад» оказал Хасану II помощь в создании его секретной службы, за что Израиль получил заверения короля в том, что он будет защищать интересы евреев в своей стране и не будет препятствовать тем, кто захочет эмигрировать в Израиль. Отношения между двумя странами были тайными, но очень прочными — просто близкими к идеалу. Амит, однако, вскоре узнал, что за это надо было дорого платить и ценой была голова Межди Бен-Барки.

Видный марокканский оппозиционер Бен-Барка был заочно приговорен к смертной казни. Служба безопасности Марокко, возглавляемая генералом Мухаммадом Уфкиром, решила привести приговор в исполнение независимо от местонахождения Бен-Барки. В проведении этой операции Уфкир попросил помощи у своего друга генерала Амита.

Шеф «Моссада» согласился из опасений, что его отказ отрицательно скажется на положении евреев в Марок-

ко. Амит встретился с Уфкиром во Франции осенью 1965 года и обсудил детали операции. «Моссад» согласился устроить Бен-Барке западню.

29 октября 1965 г. израильские агенты выманили Бен-Барку из Женевы в Париж якобы для встречи с кинорежиссером. Там, около модного кафе на Левом берегу, три офицера французской службы безопасности, сотрудничавшие с марокканцами, «арестовали» Бен-Барку. Когда израильские агенты увидели, как много марокканцев и французов участвует в этой операции, они поспешили ретироваться, но резидент «Моссада» в Рабате вынужден был остаться с Уфкиром, поскольку Амит боялся обидеть своего марокканского коллегу. Израильский резидент, въехавший во Францию по фальшивому британскому паспорту, не знал подлинной цели своей миссии и был ошеломлен, когда Уфкир и его люди застрелили Бен-Барку и закопали тело в саду виллы в пригороде Парижа.

Амит и Уфкир считали, что тайна была похоронена вместе с трупом. Кто обратит внимание на исчезновение или даже на рядовое убийство, которое вполне вписывается в каноны ближневосточной политики? Однако руководители разведок двух стран не приняли во внимание реакцию двух людей очень разных взглядов и темпераментов: Иссера Харела и генерала де Голля.

Французский президент немедленно приказал расследовать все обстоятельства исчезновения Бен-Барки в центре Парижа. Расследование выявило не только израильско-марокканский сговор, но и причастность к этому французского эквивалента «Моссада» — Службы внешней документации и контрразведки (SDECE).

Де Голль, подозревавший, что его собственная спецслужба может плести против него заговор, был в ярости и приказал навести порядок в доме. Он также обратил свой гнев на Израиль. Как может союзник Франции действовать за ее спиной?

После убийства Бен-Барки де Голль приказал закрыть базировавшееся в Париже европейское представительство «Моссада» и полностью прекратил сотрудничество с израильскими спецслужбами. Это решение лишь подлило масла в огонь израильской политики, где уже набирал обороты скандал, связанный с убийством Бен-Барки.

В преддверии парламентских выборов, намеченных на ноябрь 1965 года, в Израиле заметно обострилась внутри-

политическая борьба. Лейбористы, как и в прошлом, имели шансы на победу, но их симпатии были полярно разделены между партией «Рафаи» во главе с Бен-Гурионом и партией «Мапай» во главе с Леви Эшколом и Голдой Меир.

Наученные горьким опытом «дела Лавона» и другими неприятностями, связанными с провалами израильской разведки в Египте, лидеры «Мапай» были преисполнены решимости не дать разгореться новому скандалу вокруг дела Бен-Барки и вообще не допустить огласки этого инцидента. Во Франции дело Бен-Барки вылилось в сенсационную шумиху, но причастность к этому убийству Израиля держалась в секрете.

Когда журнал сексуальной ориентации «Бул» намекнул, что в деле Бен-Барки может быть «израильский след», «Шин Бет» немедленно конфисковала все 30 тыс. экземпляров и лишь 5 номеров достигли газетных киосков. Редакторы журнала Шмуель Мор и Максим Гилан были подвергнуты административному аресту. К ним была применена статья 23 закона о безопасности, которая до сих пор использовалась только в делах о шпионаже против еврейского государства. На момент написания данной книги это дело все еще остается единственным случаем применения этого закона против еврейских журналистов в Израиле.

Как и в «деле Лавона», ключевым был вопрос: «Кто отдал приказ?». Амит заявлял, что он получил его от Леви Эшкола. Премьер утверждал, что ничего подобного не было. Стали раздаваться требования создать специальную комиссию для расследования обстоятельств инцидента, и в этот момент вмешался Иссер Харел. Его голос прозвучал вполне авторитетно не только благодаря славному прошлому, но и в связи с тем, что он недавно получил назначение на пост советника премьера по разведке.

Неожиданное возвращение Харела в сферу публичной политики произошло за месяц до убийства Бен-Барки. Назначая Харела на этот пост, Эшкол, возможно, хотел «утереть нос» своему сопернику Бен-Гуриону. Этим назначением он как бы говорил: «Я, Леви Эшкол, занял место «Старика» и возвращаю израильскую разведку тому, кто был протее Бен-Гуриона, а потом выкинут на свалку».

Эшкол игнорировал протесты Амита по поводу этого назначения, и с самого начала между ним и Харелом разгорелась «грязная война». Разведсообщество тянули в про-

гивоположных направлениях. Амит отказывался сотрудничать с Харелом. Харел находил пути обхода Амита. Используя свои личные связи и знание секретных архивов, Харел сумел заполучить секретные досье «Моссада». Он вызывал руководителей департаментов на совещания к Эшколу, на которых часто поднимался вопрос о деловых качествах Амита и его недостатках.

Выдвигавшиеся Амитом предложения о проведении тайных операций отклонялись Харелом. Такая судьба постигла, например, смелый план, который предусматривал негласную поездку Амита в Каир для встречи с вице-президентом Египта маршалом Хакимом Амером. Это была идея одного из зарубежных еврейских бизнесменов, имевшего хорошие связи в египетском руководстве, и она очень заинтересовала Амита. Харел же утверждал, что это была западня и ни при каких условиях нельзя было допустить поездки шефа «Моссада» в стан врага. В случае ареста и допроса, утверждал Харел, Амита могут заставить выдать все израильские секреты.

В этой схватке гигантов Эшкол встал на сторону Харела. Переговоры с Египтом так и не состоялись. Амит до сих пор с горечью отмечает, что если бы его поездка в Египет состоялась, то она могла бы предотвратить войну 1967 года. Однако у разведсообщества не было времени размышлять над такими тонкостями. Напряженность на границах Израиля с Сирией и Египтом постоянно нарастала, и секретные службы должны были принимать во внимание новую угрозу. Не было также времени спорить о том, кто возглавляет израильскую разведку: Харел или Амит. Компромиссное предложение о назначении на пост руководителя разведки героя войны 1948 года, члена кабинета Игала Аллона не получило того внимания, которого оно заслуживало с учетом приближающейся войны.

Наиболее серьезный провал Амита — убийство Бен-Барки — также «замели под ковер». Этого Харел после его неоднократных призывов к проведению полного расследования уже не мог снести. Он поставил на карту свой престиж, и ему ничего не оставалось, как в июне 1966 года подать в отставку. К вящему облегчению Амита, «второе пришествие» Харела окончилось через 9 месяцев. Крестовый поход бывшего «мемунеха» ни к чему не привел, если

не считать срыва миссии мира в Каир. На этот раз Харел покинул секретную службу навсегда.

Амит цеплялся за свою работу руками и зубами, благодаря судьбу за то, что надвигающаяся война отметала в сторону второстепенные вопросы и требовала от разведки сосредоточиться на главном: на подготовке к войне.

Руководитель «Амана» полковник Ярив, бывший заместитель Амита в военной разведке, добился в 1967 году феноменальных результатов в сборе и анализе всей доступной информации по вооруженным силам арабских стран, готовивших нападение на Израиль. Используя компьютерную систему, созданную полковником Ювалем Нееманом, разведсообщество сумело предоставить военным стратегам Израиля подробнейшие списки целей и заранее выявить узкие места, которые могут возникнуть в ходе боевых действий.

Когда президент Египта Насер в мае 1967 года отдал приказ о блокаде Тиранского пролива, лишаящей Израиль выхода к морю на юге страны, премьер Эшкол в течение трех недель пытался урегулировать этот конфликт дипломатическим путем, прежде чем объявить эту блокаду актом войны. Насер тем временем приказал наблюдателям ООН покинуть Синайский полуостров.

Израиль ответил с воздуха 5 июня 1967 г. Военно-воздушные силы Израиля, вооруженные бомбами и списками целей, составленными израильской разведкой, обеспечили победу в Шестидневной войне менее чем за шесть часов. Египетские ВВС были уничтожены на земле. Сирийские и иорданские вооруженные силы также получили сокрушительные удары.

Первые часы войны проходили в обстановке сумятицы. В то время как арабское радио трубило о победе арабов, резидент ЦРУ в Израиле Джон Хадден сообщил в штаб-квартиру ЦРУ в Вирджинии, что «война окончена». У него были отличные отношения с «Моссадом» — поддерживавшие с ним контакт сотрудники израильской разведки, переименовав его имя на иврите, в шутку звали его Йоханан Ха-Дан и предоставляли ему доступ к самой свежей информации с полей сражений.

Директор ЦРУ Ричард Хелмс, так же как и президент США Линдон Джонсон, прислушивался к мнению Амита. Соединенные Штаты понимали мотивы Израиля и не воз-

ражали против нанесения упреждающего удара. Достижения Амита в области тайной дипломатии основывались на связях с иностранными разведками, которые «Моссад» так старательно культивировал на протяжении нескольких лет. Остальное сделали армия и авиация. Они даже несколько переусердствовали.

В ходе одного из самых таинственных эпизодов этой войны израильская авиация и флот атаковали и потопили американский корабль. Это было разведывательное судно «Либерти», выполнявшее задания Национального агентства безопасности США в Средиземноморье. 8 июня 1965 г. «Либерти» находился у берегов Синайского полуострова и контролировал продвижение наступающих израильских войск. Несмотря на то что судно было под американским флагом, израильские самолеты обстреляли его с воздуха, а потом израильский торпедный катер добил его торпедой. 34 американца погибли, и многие были ранены.

Почти четверть века спустя ни США, ни Израиль так и не представили удовлетворительного объяснения этого инцидента, что продолжает давать почву слухам и домыслам, вызывая вполне понятное недовольство многих американских ветеранов военно-морских сил.

Те, кому удалось спастись, и родственники погибших считают, что это было сделано намеренно. Израильцы знали, что делали. Они хотели лишить американскую разведку электронных глаз и ушей как раз в тот момент, когда перебрасывали свои части с египетского на сирийский фронт.

Разобраться в этом инциденте было поручено резиденту ЦРУ Джону Хаддену и военно-морскому атташе США в Тель-Авиве капитану первого ранга Эрнсту Каслу. Израильцы утверждали, что это была просто ошибка. После тщательного расследования Хадден и Касл согласились с этой точкой зрения. В пылу битвы ВВС и ВМС старались опередить друг друга в уничтожении этого судна, которое согласно боевым картам просто не должно было там находиться. И когда израильцы заметили американский флаг, то решили, что это египетский трюк, и не позаботились о том, чтобы проверить это у американцев. Соединенные Штаты еще долго раздражало то, что Израиль нагло отказывался выплатить компенсацию семьям погибших.

К 11 июня Израиль уже был полным хозяином Западного берега реки Иордан, Синайского полуострова, сектора Газа и сирийских Голанских высот. Захват этих огромных территорий навсегда покончил с мифом о маленьком и беззащитном Израиле, который боролся за свое существование в окружении мощных арабских государств.

Этот триумф стал водоразделом в истории Израиля, и разведывательное сообщество тоже не миновали радикальные перемены, последовавшие за этой победой.

8

ДЕНЬ «ШИН БЕТ»

Кровать была еще теплой, простыни и одеяла разбросаны по комнате, в чайнике кипела вода и чай в чашках был еще горячим, но человека по имени Абу Аммар в доме уже не было. За несколько секунд до того, как израильские солдаты и контрразведчики ворвались в трехэтажную виллу в Рамаллахе на Западном берегу реки Иордан, лидер Организации освобождения Палестины — больше известный внешнему миру как Ясир Арафат — бежал.

Из своего укрытия на втором этаже виллы Арафат слышал, как подъехали израильские солдаты и начали обыск. Он выпрыгнул из окна и спрятался в припаркованном вблизи автомобиле. После того как солдаты ушли, он поспешил на восток и в последний раз пересек реку Иордан. Была середина декабря 1967 года, и спустя 6 месяцев израильцы отторгли этот район от Иордании. С тех пор Арафат больше никогда не бывал на Западном берегу.

Директор «Шин Бет» Йозеф Хармелин был разочарован: сорвалась его седьмая попытка схватить лидера ООП. С момента создания в 1964 году эта партизанская организация стала важным объектом внимания израильской разведки. 1 января этого года Йозеф Хармелин сменил Амоса Манора на посту директора «Шин Бет». Манор был разочарован тем, что в 1963 году ему не удалось занять место Харела, и понимал, что он не может соперничать с шефом «Моссада» за внимание премьера Леви Эшкола.

Несмотря на неудачу с Арафатом, «Шин Бет» могла многим гордиться в 1967 году. Прежде всего, «Шин Бет» удалось сорвать попытку ООП поднять «народное восстание».

Большинство территорий, захваченных Израилем в 1967 году, не представляли особых проблем. Почти все сирийцы с Голанских высот, за исключением нескольких тысяч друзов, бежали. На Синае почти не осталось египтян, только несколько бедуинских племен. Основные проблемы для Израиля как для оккупационной державы сохранялись на Западном берегу и в секторе Газа. Другими словами, проблемы были там, где были люди.

На Западном берегу, на площади примерно 3 тыс. квадратных миль, проживало около 600 тыс. палестинцев, еще 400 тыс. жило в перенаселенном и пораженном нищетой секторе Газа, площадь которого не превышала 100 тыс. квадратных миль.

Напуганные и дезориентированные палестинцы не препятствовали израильтянам в создании военной администрации. Израильские спецслужбы организовали специальную оперативную группу из представителей «Моссада» и «Амана» для анализа местной политической ситуации. Руководителем группы был назначен Дэвид Кимче. Группа предложила предоставить палестинцам автономию, которая в конечном счете должна была привести к образованию независимого государства, но Леви Эшкол и его правительство игнорировали этот совет. Некоторые влиятельные представители арабской общины скромно просили ускорить возвращение к нормальной мирной жизни и восстановлению торговли, но другие, особенно на Западном берегу, предпочитали возвратиться под юрисдикцию короля Иордании Хусейна. Даже обитатели сектора Газа, которым жилось несладко при египтянах, предпочитали арабских правителей израильским.

Надеясь использовать это массовое недовольство населения, ООП и более мелкие группы хотели применить тактику Вьетконга, который успешно противостоял мощным американским вооруженным силам во Вьетнаме, и Фронта национального освобождения, которому удалось изгнать французов из Алжира. Арафат и его товарищи призвали народ Палестины к восстанию против оккупации израильских сионистов.

После поражения в войне 1967 года они стремились сделать оккупированные территории неуправляемыми. ООП будет контролировать повседневную жизнь 5 тыс. населенных пунктов на Западном берегу, в секторе Газа и в конечном счете, как полагали теоретики левого направления, это приведет к власти левое палестинское правительство.

Сразу же после завершения Шестидневной войны на Западном берегу распространялась брошюра ООП, которая в классических терминах коммунистической пропаганды призывала: «Мы должны организовать подпольную борьбу на каждой улице, в каждом квартале, в каждой деревне. Каждый должен бороться с врагом. Сбрасывайте большие камни со склонов гор и блокируйте ими дороги. Поджигайте автомашины противника. Мы должны бойкотировать все экономические и культурные учреждения оккупационных властей». Эта прокламация завершалась инструкцией по изготовлению «молотовского коктейля».

Партизанские теоретики надеялись поднять «национально-освободительную борьбу», которой так гордились Мао Цзэдун и Фидель Кастро. ООП позаимствовало у Кубы, Китая, Вьетнама и Алжира не только общую концепцию, но и тактику. Палестинцам активно помогал полковник Ахмед Суэдани, руководитель сирийской военной разведки, который отличился в Дамаске арестом Эли Коэна. Суэдани был горячим сторонником «народной борьбы» на Ближнем Востоке, но, разумеется, не в самой Сирии.

Экстремистские группировки ООП направляли десятки своих соратников, вооруженных автоматами, гранатами и взрывчатыми веществами, на оккупированные территории для создания боевых ячеек под самым носом у израильских властей. Арафат лично подбирал людей для боевых операций и утверждал их мельчайшие детали. Боевые группы нападали на военные патрули и автомашины, устраивали засады на узких улицах поселений Западного берега.

В самом Израиле палестинцы взрывали бомбы на рынках, автобусных остановках, в кинотеатрах и ресторанах. Для них не имело значения, являлись ли жертвы военными или гражданскими лицами. Арафат и его последователи были убеждены, что ведут честную вооруженную борьбу, в то время как в глазах Израиля и всего внешнего мира тактика ООП имела одно название: терроризм.

«Шин Бет» не могла тратить время на спор о терминах. Премьер-министр Эшкол и министр обороны Даян, возложившие ответственность за повседневное управление оккупированными территориями на вооруженные силы, поручили секретной службе Хармелина подавить сопротивление и восстановить закон и порядок. Однако в прави-

тельстве и армии было немало тех, кто сомневался в способности «Шин Бет» решить эту задачу.

В то время служба внутренней безопасности была довольно небольшой замкнутой организацией, работавшей в обстановке абсолютной секретности. Само название «Шин Бет» было неизвестно широкой публике, цензура не пропускала ни малейшего упоминания об этой организации, и закон запрещал раскрывать имена сотрудников «Шин Бет». Общая численность сотрудников агентства не превышала 500 человек. Внутри организации царил почти родственная атмосфера, все знали друг друга. Семейные секреты никогда не раскрывались посторонним.

Вместе с тем это было довольно тусклое агентство, которое всегда стояло в тени «Моссада» и «Амана». Лишь изредка на долю «Шин Бет» перепадали какие-то крохи признания, главным образом через оперативный департамент, который был общим с «Моссадом». Например, иногда проводились некоторые захватывающие зарубежные операции вроде похищения Адольфа Эйхмана или розыска Йоселе Шумахера.

В целом «Шин Бет» выполняла неблагодарную задачу по наблюдению за иностранными шпионами и внутренними подрывными элементами. Естественно, что арабское меньшинство в Израиле всегда было главным контингентом разработки этой службы.

Всего за год до Шестидневной войны правительство ликвидировало военную администрацию, существовавшую в арабских поселках и деревнях с момента окончания войны за независимость 1948 года. Израильтяне арабского происхождения всегда имели право голосовать на выборах в кнессет, но их повседневная жизнь управлялась совсем не так, как это было в местах, населенных евреями. В районах с преобладающим арабским населением, особенно в Галилее, на севере Израиля, все жители находились под неусыпным наблюдением «Шин Бет».

Рекомендация об отмене военной администрации в конкретных районах Израиля была высказана в 1966 году бывшим работником «Моссада» Шмуэлем Толедано, который в тот период был советником Эшкола по арабским делам. Хармелин поддержал это предложение, но не потому, что «Шин Бет» вдруг воспылала любовью к арабам и их гражданским правам, а потому, что это отвечало интересам национальной безопасности.

Задача «Шин Бет» заключалась в том, чтобы не допустить превращения арабов в пятую колонну, которая будет действовать в интересах своих братьев по ту сторону границы. Отмена военной администрации, по мнению «Шин Бет», способствовала бы интеграции арабов в израильское общество, получению ими образования в израильских университетах, создала бы для них равные возможности в бизнесе, развитии карьеры, повышении своих доходов, ликвидации ощущения дискриминации, разочарования и чувства безысходности, которые способствовали появлению «подрывных» настроений. «Шин Бет» считала, что отмена официальных ограничений в отношении израильских арабов внесет успокоение в этот сектор общества и будет способствовать изоляции экстремистов, недовольных жизнью в Израиле.

Предложение Толедано было принято. Это знаменовало собой внесение существенных коррективов в работу «Шин Бет», с которых, собственно, и началась эра Хармелина. До того времени, когда ему предложили заменить бесцветного и сугубо делового Манора, Хармелин возглавлял в «Шин Бет» службу контрразведки. Теперь он намеревался сделать охоту на шпионов основной функцией «Шин Бет».

Новый шеф любил профессию контрразведчика. Достижение успеха на этом направлении требовало особой изощренности, а допросы подозреваемых — немалого интеллектуального напряжения. Чтобы выявить слабые места у подозреваемого, нужно было вообще хорошо знать человеческие слабости. Следователь «Шин Бет» и вероятный шпион или предатель могли вместе пить кофе, не прибегая к насилию и соревнуясь в интеллектуальном превосходстве.

Йозеф Хармелин привлекал внимание своим высоким ростом, но наиболее запоминающейся чертой было его абсолютно бесстрастное лицо. Умение скрывать свои чувства — очень полезное качество для разведчика, и он, видимо, был наделен им от рождения, когда появился на свет в Вене в 1923 году.

После аншлюса 1938 года, когда Австрия была включена в состав нацистского рейха, родители Хармелина уехали в Мексику и тем самым избежали приближавшегося Холокоста. Однако юный Йозеф, который был более привержен идеям сионизма, чем его родители, отправился в Палестину. Там он учился в сельскохозяйственной школе Бен Шемен, из которой вышли будущий премьер Шимон

Перес и будущий шпион Вольфганг Лотц. Подобно Харелу и Амиту Хармелин работал в кибутце, а потом поступил в британскую армию. После войны он вступил в «Хагану», где познакомился с Харелом, а когда Израиль обрел независимость, стал сотрудником «Шин Бет» и постепенно достиг высшего поста в этой организации.

Его отношения с Леви Эшколом, назначившим его на этот пост, были довольно официальными, но Эшкол стремился к другому. Как премьер-министр, отвечавший за деятельность «Моссада» и «Шин Бет», он желал установления тесных и даже дружеских отношений с Хармелином — в отличие от шефа «Моссада» Меира Амита, который часто доставлял ему неприятности.

Эшкол считал Хармелина безукоризненно честным, искренним человеком, который во всем стремился к совершенству. С другой стороны, Хармелин был слишком скучен для Эшкола, изощренного политика, мастера партийных интриг и любящего шутку человека. Это чувство юмора не находило отклика у Хармелина, несмотря на постоянные попытки Эшкола оживить их беседу юмором и мудростью на его любимом идише.

Однажды «Шин Бет» выявила подготовку к покушению на жизнь премьера и удвоила его охрану. Каждую неделю поступали сигналы о том, что премьер-министр может быть убит, которые в целом игнорировались, так как израильтяне считали, что настоящий убийца никогда не будет писать письма с угрозами. После убийства президента Джона Кеннеди «Шин Бет», однако, стала относиться к этим сигналам более серьезно и избегать ненужного риска.

И сразу после гибели Кеннеди Хармелин, в обязанности которого входила организация охраны премьер-министра, заявил Эшколу, что теперь у него будет два круглосуточных телохранителя вместо одного.

— Но вы можете полностью полагаться на их способность хранить секреты, — добавил шеф «Шин Бет», памятуя о том, что Эшкол был вдов и время от времени мог принимать у себя женщин. — Если у вас будут встречи интимного плана, — пояснил Хармелин, — они не проронят ни слова.

Эшкол с типичным для него юмором ответил:

— Наоборот. Пусть рассказывают.

Но Хармелин даже не улыбнулся этой шутке. Так же бесстрастно он повел себя, когда получил новое задание — поддержание порядка на оккупированных территориях.

Решение возложить на «Шин Бет» ответственность за поддержание порядка на оккупированных территориях, распространив таким образом юрисдикцию службы внутренней безопасности за пределы официальных границ Израиля, было принято 19 июня 1967 г. на заседании «Вараш» — комитета начальников разведслужб Израиля. Прошла всего неделя со времени триумфального окончания Шестидневной войны, и ощущение победы кружило голову. По традиции комитета «Вараш» на заседании председательствовал руководитель «Моссада»; в заседании участвовали руководители «Амана» и «Шин Бет» — соответственно Аарон Ярив и Хармелин, а также начальник национальной полиции и генеральный директор министерства иностранных дел.

Израильское правительство испытывало некоторые трудности в определении статуса захваченных территорий. Была ли это часть «освобожденной» библейской прародины Израиля или это были «оккупированные» земли враждебных государств?

При отсутствии политического решения об оккупированных землях комитет «Вараш» вынужден был принять тактику административного «кнута и пряника», направленную на то, чтобы сохранить «статус-кво» с главным акцентом на поддержание порядка. Надеясь вбить клин между большинством палестинцев и воинствующим меньшинством, руководители разведсообщества решили, что жителям будет позволено вести нормальную жизнь. Это был «пряник».

«Кнут» заключался в том, чтобы неотвратимо и строго наказывать тех, кто будет участвовать в подрывных или насильственных действиях. Палестинцы, помогающие повстанцам, будут наказываться тюремным заключением и уничтожением домов — обычно путем подрыва их динамитом. Эти громкие взрывы должны были служить предостережением всем остальным. Потеря дома была большим несчастьем, но самым суровым наказанием, которое могла применить «Шин Бет», было изгнание. С первых же недель управления тем, что Израиль называл «административными территориями», арабы, подозреваемые в связях с ООП, выдворялись в Иорданию без права возвращения.

Практическая реализация политики «кнута и пряника» была непростой задачей, и агенты «Шин Бет» не были к этому готовы. Для них захваченные Израилем территории

были «terra incognita» — незнакомый и чуждый мир, где агентство не имело ни своих сотрудников, ни агентуры, и все надо было начинать с нуля.

В качестве первого шага оперативники Хармелина с помощью военной разведки, используя методы психологической войны, стали распространять слухи о том, каким строгим будет оккупационный режим. Эти слухи были не столь верны, сколь утрашающи.

После того как «Шин Бет» донесла до населения мысль о том, что Израиль останется на оккупированных территориях, организация перешла ко второй стадии — предотвращению палестинских восстаний и борьбе с терроризмом. Эту задачу Хармелин поручил Аврахаму Ахитуву, возглавлявшему небольшой арабский департамент «Шин Бет». Заполняя пробелы, образовавшиеся в результате отмены в 1966 году в Галилее военной администрации, департамент Ахитува позаботился о том, чтобы израильские арабы не вели подрывной работы и не прибегали к открытому насилию.

Ахитув по образованию был юристом и работал с той методичностью, которой требовала его профессия. Однако его работа имела довольно сомнительную правовую базу, хотя все коллеги по «Шин Бет» отмечали его заслуги в создании на оккупированных землях разветвленной сети осведомителей в среде израильских арабов. Секретный доклад ЦРУ характеризовал Ахитува как «исключительно способного, трудолюбивого и амбициозного», но он также назывался и «упрямым, желчным и даже наглым».

В 1956 году во время кратковременной оккупации Израилем сектора Газа Ахитув отвечал за проведение в этом районе операций «Шин Бет». Там сохранялась палестинская администрация, и это способствовало укреплению его авторитета. В 1967 году ему было предложено использовать свои способности и добиться на всех оккупированных территориях того же результата, какого он достиг в арабском секторе Газа.

Самым ценным помощником Ахитува был Иегуда Арбел, невысокого роста человек с преждевременной седой и гипнотическим взглядом. Его необычайно голубые глаза излучали леденящий холод. Это был романтик и эстет, любивший музыку, искусство, хорошее вино и красивых женщин. Несмотря на яркую индивидуальность, биография Арбела была очень похожа на биографии других сотрудников разведки. Он родился в Трансильвании,

бывшей в то время частью Венгрии, а позже вошедшей в состав Румынии; уехал в Палестину; служил в британской армии; участвовал в войне за независимость 1948 года; служил полицейским и, наконец, в 1955 году пришел в «Шин Бет». К началу войны 1967 года он возглавлял небольшое районное отделение «Шин Бет» в Иерусалиме. Это был спокойный район, не доставлявший особенных хлопот. Поскольку в то время в Западном секторе Иерусалима было очень мало арабов, ему приходилось заниматься главным образом контрразведкой и наблюдением за иностранными дипломатами.

Арбел так скучал, что одно время подумывал о том, чтобы уйти в отставку. Однако после завершения Шестидневной войны он быстро стал одной из ключевых фигур в израильской программе борьбы с терроризмом. Это было как инъекция адреналина. Арбел как бы снова родился. Он находился в постоянном движении, ездил от одной деревни на Западном берегу к другой, вербовал осведомителей, координировал работу по проникновению в ячейки сопротивления.

В кратчайший срок «Шин Бет» удалось справиться с главной проблемой на оккупированных территориях. Палестинцы были лишены возможности поднять восстание, «Шин Бет» стала получать превосходную информацию, а это было главной предпосылкой успешной борьбы с оппозиционным подпольем.

Ахитув и Арбел сумели покрыть весь Западный берег и сектор Газа густой сетью осведомителей и тайных агентов. Большинство из них были арабами, работавшими за деньги или из чувства страха, но среди них также встречались израильтяне, свободно говорившие по-арабски. Информаторы снабжали «Шин Бет» предупреждающей информацией о готовящихся акциях партизан. Именно этот непрерывный поток сведений позволил «Шин Бет» в декабрьскую ночь 1967 года так близко подойти к вилле Арафата в Рамаллахе.

По наводкам информаторов оперативникам «Шин Бет» нередко удавалось арестовывать участников тайных сходов или захватывать палестинских боевиков в момент подготовки ими террористических актов. Эта система работы, получившая название «превентивной разведки», является пределом мечтаний любого сотрудника службы внутренней безопасности, призванного вести борьбу с насилием и терроризмом. В идеале нужно стремиться не к поиску

преступников после совершенного ими акта, а к предотвращению преступления.

К декабрю 1967 года «Шин Бет» имела внушительные достижения: большинство палестинских групп сопротивления было разгромлено, и их штаб-квартира на Западном берегу вынуждена была эвакуироваться в Иорданию. Около 200 палестинцев было убито в стычках с армейскими подразделениями и оперативными группами «Шин Бет», более тысячи — арестовано.

Срыв намечавшегося в 1967 году палестинского восстания нельзя относить целиком на счет эффективной работы секретных служб Израиля. Причина также была в непрофессионализме палестинцев. Они не соблюдали правила конспирации, без которых не может существовать ни одно подпольное движение. Вместо этого они создавали большие группы, члены которых знали друг друга, и полагали, что местные арабы не выдадут их властям. Сам Арафат и его старшие командиры, вопреки требованиям конспирации, знали большинство членов подпольных ячеек. Система связи была примитивной, коды — ненадежными, маршруты отхода не предусматривались. Конспиративные квартиры часто были расшифрованы. Члены подпольных групп также не были готовы к допросам в случае задержания. Сразу же после ареста они во всем признавались «Шин Бет».

Подпольные ячейки сыпались как домино. Их коды раскрывались, оружие и взрывчатые вещества конфисковывались. Самое же главное заключалось в том, что в нарушение постулата Мао Цзэдуна о том, что партизанский боец должен иметь поддержку населения и чувствовать себя «как рыба в воде», палестинцы не могли «плавать» в своем окружении, которое выбрасывало их на берега «Шин Бет». Поставленное перед выбором кнута и пряника местное население предпочитало мир, спокойствие и процветание сотрудничеству с подпольем.

Однако все ставилось в заслугу «Шин Бет». Акции агентства Хармелина в разведсообществе постоянно росли, и оперативники Ахитува стали известны как «короли территорий». Почти как во времена феодализма, каждый оперативник получал свой надел, обычно деревню или группу деревень, и там он должен был стать глазами и ушами Израиля, быть в курсе всего, что происходило в его

владении. Он должен был знать всех жителей «своей» деревни по именам, в то время как они звали его только по псевдониму — обычно фиктивному арабскому имени вроде Абу Муса (отец Моисея).

Если палестинец хотел получить разрешение на строительство дома, военной администрации вменялось в обязанность согласовать этот вопрос с оперработником «Шин Бет». Торговец-араб, пожелавший вывезти свой урожай цитрусовых за пределы сектора Газа или оливковое масло за пределы Западного берега, мог получить экспортную лицензию только с согласия «Шин Бет». Практически вся повседневная жизнь палестинцев находилась под контролем «Шин Бет». Арабы предоставляли информацию и взамен получали безопасность и некоторые блага.

Успех «Шин Бет», однако, имел свою цену. Внешний имидж Израиля в мире стал в значительной степени определяться политикой, проводимой на оккупированных территориях. Оппозиция была раздавлена, но отношение к Израилю в мире изменилось. В прошлом любимец мирового сообщества — Израиль превратился в отвратительное, осуждаемое всеми государство. Все хорошее, чего добился Израиль, было выброшено за борт, перечеркнуто отрицательными заголовками мировой прессы. Вызывавший сочувствие и подвергавшийся угрозам до 1967 года, он вдруг превратился в жестокого оккупанта чужих земель.

Поскольку все разведывательные службы отражают этику, мораль и ценности своего общества, смена внешнего имиджа Израиля нанесла ущерб и «Шин Бет». До Шестидневной войны сотрудники агентства представляли собой большую семью, происходившую от общих корней: все они служили в британской армии, состояли в «Хагане» и были «ашкенази» — выходцами из европейской ветви еврейства.

После 1967 года «Шин Бет» в силу обстоятельств вынуждена была трансформироваться в орган подавления, играющий главную роль в управлении оккупированными территориями. «Шин Бет» стала службой безопасности оккупационной державы, самоуверенной и даже наглой. Значительное расширение масштабов деятельности отрицательно сказалось на профессиональном уровне, безупречность и тщательность в работе уступили место импровизациям.

Для обеспечения нужд значительно расширившейся разведывательной сети нужно было срочно увеличивать

штаты организации. В северной части Иерусалима была построена новая штаб-квартира «Шин Бет» взамен более скромной в Яффе. Снизилась требования к кадрам. Все делалось в спешке, и это привело к падению социального престижа организации. Острая потребность в сотрудниках, владевших арабским языком, заставляла обращаться к «шепардской», то есть восточной и африканской, части еврейского населения. Были, конечно, исключения, но в целом этот сектор еврейского общества был менее образован и продвигался в жизни не за счет своих мозгов, а за счет мускулов.

До сих пор большинство сотрудников проходило через элитные боевые подразделения израильской армии. В отличие от других стран, где солдаты и офицеры специальных подразделений считаются наиболее грубыми и кровожадными представителями вооруженных сил, в Израиле придавалось большое значение воспитанию членов этих подразделений в духе высокой морали. «Шин Бет» в погоне за кадровым пополнением стала больше ориентироваться на вспомогательные подразделения, где не уделялось такого внимания тонкостям этики и морали.

Даже старшие командиры «Шин Бет», которые обычно без труда выявляли неподходящих кандидатов, стали допускать ошибки. Йосси Джиноссар, который спустя два десятилетия станет «героем» двух самых громких скандалов в истории израильского разведсообщества, был одной из таких ошибок. Джиноссар пришел из адъютантов, он был штабным офицером, который всегда отсиживался в тылу и никогда не бывал на фронте.

Новые задачи требовали новых методов работы. В то время когда тысячи арабов были задержаны для допросов, когда на улицах взрывались заминированные автомобили, когда отели и авиалинии становились объектами террористических актов, необходима была срочная информация. Фактор времени становился решающим элементом стратегии «превентивной разведки». Быстрота требовала жесткости и не оставляла времени для размышлений.

Сначала «Шин Бет» с трудом приспособилась к новой реальности. Когда однажды Йозеф Хармелин увидел, как один из молодых следователей ударил допрашиваемого палестинца по лицу, он его немедленно уволил. Хармелин считал, что можно обойтись без физического насилия.

Однако опять же новые условия диктовали свои правила. Оперативники «Шин Бет» стали осознавать, что такое оккупация. Они делали грязную работу ради, как им казалось, благородного дела. Хармелин и его заместитель Ахитув сумели подавить терроризм, но они смогли достичь этого только путем введения метода, который сотрудники ведомства называли «Системой».

Методы работы службы безопасности действительно создавали систему двойного стандарта в отправлении правосудия. Один — демократический по природе — применялся к гражданам Израиля; другой — совершенно отличный от первого — находился в «серой» зоне между разрешенным и запрещенным и применялся к палестинским смутьянам и подозреваемым на оккупированных территориях.

«Система» с ее двойным стандартом создала новую страну «Шин Бет» с ее особыми границами. В стране «Шин Бет» были свои тюрьмы, отличные от тюрем для израильских граждан. Арестованные палестинцы помещались в специальные блоки в местах заключения. Полиция и администрация никогда не заглядывали в эти блоки.

Арабы, обвиненные в терроризме, подвергались жестоким допросам. Банальные избиения были редкостью, но зато применялись другие пытки, не оставившие следов. Когда за арестованным палестинцем захлопывались ворота тюрьмы, ему обычно надевали на голову черный мешок и оставляли на палящем израильском солнце или в леденящую стужу ожидать допроса. Допрос мог продолжаться несколько часов. Арестованным обычно не давали спать и часто обливали холодной водой.

Некоторым сотрудникам «Шин Бет» не нравилось то, что им приходилось делать, но они видели в этом часть борьбы за национальное спасение. Они верили, что защищают Израиль от угрозы терроризма. «Чего ждут от нас террористы, которые убивают женщин и детей? Что мы будем стучаться к ним в дверь и приглашать их на чашку кофе?» — спрашивал ветеран «Шин Бет», который в течение многих лет возглавлял отдел допросов. Он никогда не открывал свое настоящее имя и называл себя Пашошем, что означает «пеночка». Это, видимо, отражало его стремление заставить каждого арестованного «петь».

Был один крайне необычный проект, в котором «Шин Бет» сотрудничала с «Аманом» и «Моссадом», направленный на решение «демографической проблемы». Он от-

ражал обеспокоенность израильских властей тем, что в силу гораздо более высокого уровня рождаемости к концу XX века численность арабов в Израиле и на оккупированных территориях превысит численность евреев. Разведсообщество получило задание поощрять палестинцев к эмиграции. Была создана специальная подставная израильская фирма в Европе, которая покупала землю в Бразилии, Португалии и Ливии для арабов Западного берега и сектора Газа, выразивших желание эмигрировать.

Работа в Ливии давала «Моссаду» отличную возможность наблюдать за развитием внутренних процессов в этой стране. И для руководителя израильской разведки Цви Замира не стало сюрпризом, когда в ноябре 1969 прозападно настроенный король Идрис был свергнут группой молодых офицеров, которые явно действовали по примеру египетского полковника Насера, осуществившего аналогичный переворот в 1952 году. Новым ливийским лидером стал полковник Муамар Каддафи. Когда Замир узнал эту новость из Триполи, он не мог предполагать, что Каддафи станет одним из самых непримиримых врагов Израиля.

Шеф «Моссада» не осознал тогда, что уход короля Идриса с политической арены был плохой новостью. Запад потерял свой стратегический бастион в Северной Африке. «Мы же предупреждали их», — говорил Замир своему коллеге в Тель-Авиве, намекая на то, что израильская разведка предупреждала Идриса и его друзей, американцев, англичан и итальянцев.

Потеря Ливии в качестве потенциального места для переселения арабов еще не означала конец этой программы. Ее конец настал после одного убийства, произошедшего в 1970 году в столице Парагвая Асунсьоне. Днем 4 мая два молодых араба ворвались в израильское посольство и потребовали встречи с послом. Когда сотрудница посольства попыталась успокоить гостей, один из них выхватил пистолет и застрелил ее. Бандиты попытались бежать в Бразилию, но были пойманы.

Представители Израиля поспешили заявить, что это убийство было еще одним палестинским террористическим актом. На самом деле это было совсем другое: акт мести со стороны палестинцев, которых переселили в Южную Америку в рамках секретной программы разведки. Эти два человека были убеждены, что их обманули, и решили расквитаться с Израилем.

Полиция Асунсьона установила одного из убийц: Талала ибн-Димасси, уроженца сектора Газа. Он и его сообщник жили в лагере беженцев в Джабалае, когда этот район был захвачен израильянами в 1967 году, и вскоре решили, что жизнь в оккупации не для них. Они приняли приглашение посетить управление военного губернатора в секторе Газа, расположенное на улице эль-Мухтар, в Газа-сити, и оттуда началось их путешествие в добровольное изгнание.

Сотрудники израильской разведки настойчиво искали недовольных людей вроде Димасси, которые могли бы стать кандидатами на переселение. Сотни семей беженцев приняли это предложение и, сжимая в руках новые паспорта, авиационные билеты и небольшие суммы денег на путевые расходы, отправлялись искать счастья в Северной Африке и Южной Америке.

Димасси и его друг прибыли в Южную Америку, надеясь, что Израиль выполнит свои обещания и поможет им найти работу. Обещания оказались невыполненными, их обращения в посольство Израиля остались без ответа, и два палестинца решили выразить свой протест. Они намеревались убить израильского посла, но у Димасси не выдержали нервы, и он застрелил секретаршу.

Стремясь избежать нежелательной огласки, израильский кабинет министров приказал разведке прекратить работу по программе переселения. Правительство и раньше знало, что переселение миллионов арабов за океан будет связано с огромными расходами, но они все-таки хотели дать этой программе шанс, пока убийство в Парагвае не поставило ее под угрозу срыва. В общей сложности за первые 3 послевоенных года таким образом с Западного берега и из сектора Газа эмигрировало около 20 тыс. жителей. Около 1 тыс. палестинцев получили деньги из секретного переселенческого фонда. Однако подавляющее большинство осталось на своих землях и научилось жить в условиях оккупации. Некоторые остались для того, чтобы бороться, но вскоре они поняли, что противостоять объединенным силам «Шин Бет» и израильской армии невозможно.

Потерпев неудачу в попытке поднять восстание на оккупированных территориях, палестинские боевики перенесли центр тяжести своих усилий в другие точки. В это время Израиль стал получать разрозненные сведения от

различных европейских спецслужб, свидетельствовавшие о стремлении палестинцев привлечь на свою сторону добровольцев из леворадикальных кругов ряда европейских стран. Основным вербовщиком в этом плане выступал Джордж Хабаш, возглавлявший марксистско-ленинское крыло ООП, известное под названием Народный фронт освобождения Палестины (НФОП).

Нетерпеливые эмиссары Арафата, Хабаша и других палестинских лидеров метались по Европе, используя идеологические аргументы и материальные стимулы для привлечения молодых радикалов на Ближний Восток для борьбы с «сионистскими оккупантами» и их «империалистическими союзниками». Десятки молодых идеалистов откликнулись на этот призыв ООП и оказались в тренировочных партизанских лагерях в Иордании и Ливане и в некоторых случаях приняли непосредственное участие в террористических акциях против Израиля.

Пока израильские спецслужбы пытались определить интересы ООП за пределами Ближнего Востока, радикалы Хабаша преподнесли им сюрприз, захватив авиалайнер национальной авиакомпании Израиля. В первом сообщении по этому поводу Хармелин информировал премьера Леви Эшкола: «Самолет компании «Эль-Аль» «Боинг-707», следовавший рейсом из Рима в Тель-Авив, захвачен воздушными пиратами и совершил посадку в Алжире». Захват авиалайнера был осуществлен тремя арабами. Это произошло 23 июля 1968 г. В этот день Народный фронт освобождения Палестины начал широкомасштабную кампанию террора.

В краткосрочном плане «Шин Бет» и другие члены израильского разведсообщества были бессильны и могли только наблюдать за развитием событий. Пассажиры и члены экипажа в течение трех недель были пленниками террористов в Алжире, и только после того, как Израиль согласился выпустить на свободу дюжину раненых палестинских партизан, воздушные пираты отпустили заложников.

Этот случай стал последним успешным случаем захвата израильского воздушного судна. Израильское руководство быстро сделало выводы из унижительной капитуляции перед бандитами. Больше оно никогда не уступит требованиям террористов, но израильские руководители также понимали, что одних решительных заявлений в таких вопросах недостаточно. Слова должны быть подкреплены новым искусством: антитерроризмом.

Казалось, что палестинские боевики захватили инициативу в свои руки. 26 декабря 1968 г. два члена НФОП закидали гранатами и обстреляли израильский авиалайнер в аэропорту Афин, убив одного израильского пассажира и двух стюардесс. Почти идентичное нападение последовало 18 февраля 1969 г. в аэропорту Цюриха, когда четверо боевиков НФОП убили израильского пилота и ранили пятерых пассажиров. Самолеты иностранных авиакомпаний, совершавших рейсы в Израиль, также стали объектами террористических акций, и вся земля, казалось, превратилась в одну большую арену для террористов. Все, что было связано с Израилем или евреями, могло стать их целью.

Когда экстремисты ООП выезжали за границу, «Шин Бет» шла по пятам. Несмотря на межведомственное соперничество, «Моссад» вынужден был согласиться с тем, что «Шин Бет» была обязана расширить сферу своих действий и начать преследование террористов за рубежом. В силу этого агенты «Шин Бет» стали направляться в посольства Израиля за рубежом, прикомандировываться к резидентурам «Моссада» или действовать самостоятельно. Разгорелась настоящая подпольная война между израильскими разведчиками и палестинскими террористами, смертельная игра в «кошки-мышки», в которой было позволено все.

Основным приоритетом «Шин Бет» стало создание обороны против террористов. Вспоминает Хармелин: «Мы были на грани отчаяния. Борьба с терроризмом, особенно воздушным, казалась нам невозможной». Агентству предстояло практически с нуля создавать изоциренную систему защиты израильских интересов за рубежом: посольств, банков, туристских бюро, представительств национальной авиакомпании. Надо было защищать не только самолеты, но и наземные объекты, которые тоже могли стать целями терроризма. Пришлось укрепить пункты регистрации пассажиров и поставить там вооруженную охрану.

Израильтяне продемонстрировали радикально новый подход к охране авиалиний: на каждом рейсе под видом пассажира был вооруженный охранник. Это были молодые люди, прошедшие подготовку в элитных частях и виртуозно владевшие оружием. Официально они были служащими авиалинии, но «Шин Бет» готовила их и определяла тактику действий. Это стоило несколько сотен миллионов долларов, но авиалиния «Эль-Аль» стала самой безопасной в мире.

А мир узнал об этом только в феврале 1969 года, когда один из таких охранников открыл огонь. Вооруженный охранник Мордехай Рахамин выхватил револьвер и застрелил одного из нападавших палестинцев. Рахамин и трое раненых террористов были арестованы швейцарской полицией. Молодой израильтянин провел несколько месяцев в тюрьме, прежде чем вернулся в Израиль в ореоле славы национального героя. Поскольку в результате инцидента он был расшифрован, «Шин Бет» назначила его личным телохранителем премьер-министра Голды Меир — работа, не требовавшая от него анонимности*.

В 1968 году «Моссад» получил нового директора, назначенного, как всегда, в обстановке полной анонимности. Вообще имя Цви Замира и раньше не мелькало в газетных заголовках. Самое удивительное заключалось в том, что Меир Амит не остался во главе «Моссада» после своего, считавшегося «первым», пятилетнего срока пребывания в этой должности. Амит просил Эшкола продлить срок его службы, но премьер-министр отказал. Отчасти потому, что он все еще не забыл историю с Бен-Баркой, но в большей степени потому, что ему не нравилась чрезмерная независимость Амита.

Все, включая Эшкола, признавали, что Амит был талантлив. Может быть, потому его и решили отправить в отставку — он был слишком эффективен. Эшкола, Голду Меир и других ветеранов лейбористской партии беспокоила растущая власть Амита. Точно так же, как в свое время Бен-Гурнион был обеспокоен ростом престижа и власти Иссера Харелá, новые партийные лидеры не хотели пнуть слишком сильного начальника разведки.

Другим поводом для настороженности Эшкола в отношении Амита была его давняя дружба с министром обороны Моше Даяном. В марте 1968 года Даян захотел совершить тайную поездку в Иран для встречи с шахом. Амит отвечал за конфиденциальные связи с Ираном, и Моше Даян обратился к нему с просьбой организовать визит. Когда об этом узнал Эшкол, он пришел в ярость и потребовал от Амита объяснений.

---

* Голда Меир стала премьер-министром в марте 1969 года после смерти Леви Эшкола.

«Что здесь происходит? — вопрошал Эшкол руководителя «Моссада». — Как вы посмели пойти на это? «Моссад» и вы лично подчиняетесь мне, а не министерству обороны или Моше Даяну».

Амит не мог внятно объяснить свою позицию, и это, в целом малозначительное, обстоятельство решило его судьбу. Когда спустя некоторое время Амит попросил Эшкола оставить его на посту директора «Моссада» на следующий пятилетний срок, Эшкол ответил, что он уже принял решение поставить во главе «Моссада» генерал-майора Цви (Звичку) Замира. Замир никогда раньше не служил в разведке, и это назначение было для всех неожиданностью. Даже для самого Эшкола.

Почему же он был назначен на один из самых важных и ответственных постов в Израиле? Потому что лидеры лейбористской партии считали Замира «своим человеком». Как и многие лейбористские лидеры, он родился в Польше в 1925 году и попал в Палестину вместе с родителями в семимесячном возрасте. В то время он носил фамилию Заржевский. В 18 лет Замир вступил в «Палмах», участвовал в боевых действиях в 1948 году и сделал хорошую военную карьеру. Он получил звание генерал-майора и был назначен командующим Южным округом, а в 1966 году стал военным атташе Израиля в Лондоне.

Решение Эшкола было обусловлено еще одним соображением: в известном смысле сила Замира была в его слабости. После двух десятилетий сильных и самоуверенных руководителей разведки премьер-министр хотел видеть на этом посту совсем другую фигуру. Лондонское назначение не позволило Замиру принять участие в Шестидневной войне, и он, в отличие от других израильских генералов, не был окружен ореолом славы победителя. Замир вообще был довольно бесцветной личностью, с типичным, ничего не выражавшим лицом израильского вояки.

Замир, однако, довольно успешно сотрудничал с «Шин Бет» в борьбе с палестинским терроризмом, и эта совместная борьба вывела агентство внутренней безопасности на широкую международную арену.

Когда начались нападения ООП на израильские посольства и израильских дипломатов в Европе и Азии, «Шин Бет» была готова дать адекватный ответ. Посольства и консульства были превращены в настоящие крепости: тол-

стые стальные двери защищали вход, телевизионные камеры осматривали каждого посетителя, сами здания по периметру были оснащены электронными датчиками, сотрудники «Шин Бет» несли круглосуточную охрану. Расширенный департамент защиты «Шин Бет» делал все возможное для охраны зарубежных представительств Израиля, но руководители разведсообщества понимали, что для предотвращения терроризма нужны более действенные меры.

Не ограничиваясь чисто защитными мерами, израильская разведка перешла к активной обороне, или, более точно, к наступательным действиям. Первая акция возмездия против террористов была предпринята после захвата израильского самолета в аэропорту Афин 26 декабря 1968 г. Израильская общественность требовала отмщения, израильтяне боялись, что те, кто призван их защищать, не имеют средств для адекватного ответа на экспорт палестинского терроризма с Ближнего Востока в Европу.

В этой сложной обстановке премьер-министр Эшкол провел специальное совещание руководителей министерства обороны и разведывательных служб. Тон совещанию задал сам Эшкол: «Мы просто не можем оставлять это без ответа». Он решил предпринять военную карательную акцию против Бейрута, откуда террористы выехали в Афины.

28 декабря, в 21.15, подразделение специальных войск Израиля высадилось с вертолета в международном аэропорту к югу от ливанской столицы. Отвечая огнем на огонь охраны аэропорта, израильтяне уничтожили 13 самолетов, принадлежавших гражданской авиакомпании Ливана и авиакомпаниям других арабских стран. Мир был шокирован дерзостью такой акции и осудил Израиль за этот акт государственного терроризма. Выяснилось, что, как и в предыдущих скандалах, связанных с «делом Лавона» и убийством Бен-Барки, премьер-министру не сказали всей правды. Министр обороны Моше Даян обманул премьера, пообещав, что будет уничтожено только 4 самолета.

Осуждая действия Израиля, мир вместе с тем восхищался его решительностью. Бейрутский рейд показал, что Израиль способен наносить точные удары в самое сердце арабских стран. Заслуга в проведении этой операции, которой командовал бригадный генерал парашютно-десантных войск Рафаэль (Рафуль) Эйтан, была отнесена на счет израильских сил специального назначения. Подразделения этих сил известны как «сайерет», что на иврите означает

«рекогносцировка», но солдаты этих подразделений, помимо наблюдения, проходят очень серьезную десантную подготовку, включающую ночной рукопашный бой и использование различных видов огнестрельного оружия.

Почти каждый сектор израильских вооруженных сил имеет свой «сайерет». Такие подразделения есть в десантных войсках, в пехоте и на флоте. Кроме того, есть еще один «сайерет» — элита элит, — известный как «сайерет маткал». «Маткал» на иврите означает «генеральный штаб», и это подразделение непосредственно подчиняется начальнику генерального штаба, высшему должностному лицу вооруженных сил Израиля.

В действительности «сайерет маткал» выполняет задания как начальника генерального штаба, так и руководителя «Амана». Это разведывательно-диверсионное подразделение было создано в 1960 году для проведения специальных акций в тылу противника, то есть практически на территории соседних арабских стран.

Сам факт существования «сайерет маткал» является секретом, и израильская военная цензура запрещает любые упоминания об этом подразделении. В 1960 году только несколько самых старших офицеров знали о существовании этого подразделения, известного как «группа 269».

Эта группа была создана старшим офицером «Амана» генералом Аврахамом Арнаном, который лично отобрал наиболее храбрых и способных солдат и офицеров израильских вооруженных сил. «Аман» довел их тренировку до совершенства. Каждый боец мог драться в одиночку и в любых условиях. Спецназовцы «сайерет маткал» могли в полной темноте пройти многокилометровую дистанцию и в точно назначенное время выйти к цели для нанесения удара.

Обычно они действовали небольшой группой по три-четыре человека: неслышно переходили границу для установления наблюдательного поста, подключения к телефонной сети арабской страны, для похищения или уничтожения какого-то человека или военного объекта.

Во время войны на истощение в 1969—1970 годах, когда в ходе артиллерийских дуэлей с египетской стороны были убиты сотни израильтян и тысячи египтян, израильский спецназ провел дерзкую акцию по нападению на египетскую радиолокационную станцию на Суэце. Взорвать это радар советского производства не составило бы

груда, но израильтяне сделали другое: ночью 26 декабря 1969 г. они на двух вертолетах подняли радар весом 7 тонн и перенесли его на израильскую территорию.

Радар был немедленно переправлен на секретную военную базу, где специалистам «Амана» удалось подробно изучить этот замечательный трофей, который мог сравниться только с самолетом «Миг-21», полученным израильтянами 3 года назад. Израиль поделился информацией об этом радаре с ЦРУ и разведкой ВВС США, что стало началом тесного военного сотрудничества двух стран, которое достигло своего апогея после войны 1973 года.

«Сайерет маткал» стал первым спецназом, который успешно использовал вертолеты для проведения операций на чужой территории. Однако, несмотря на все достижения современной техники, включая приборы ночного видения и портативные радиостанции, самыми надежными средствами спецназовца оставались карта и его собственные ноги. Как ни странно, Израилю ни разу не удалось по-настоящему использовать «сайерет маткал» во время широкомасштабной войны. Они хорошо дрались во время Шестидневной войны и позже в ходе войны 1973 года, но их самые выдающиеся достижения были в период между войнами.

Несмотря на жесткую внутреннюю цензуру, иностранные журналисты писали о боевых акциях, проведенных этим элитным подразделением израильской армии. Однако до сих пор скрытым остается тот факт, что «сайерет маткал» обслуживает не только военную разведку «Аман», но в целом все разведсообщество. По приказу начальника генерального штаба это подразделение может проводить акции в интересах «Моссада» и «Шин Бет». Это довольно редкий пример тесного сотрудничества между вооруженными силами и разведывательными службами.

Ветераны «сайерет» обычно после трех лет напряженной службы часто приходят на работу в «Шин Бет» или «Моссад». Они вообще пользуются большим спросом. В израильских газетах нередко можно встретить анонимные объявления, вполне возможно, исходящие от «Моссада»: «Требуются молодые бывшие десантники для интересной работы за рубежом. Предпочтение отдается тем, кто имеет заграничный паспорт и владеет иностранным языком».

Подразделения «сайерет» вербуют в свои ряды добровольцев из числа 18-летних израильских призывников, для которых эта служба представляется очень заманчивой. В

Израиле нет традиций, согласно которым поколение за поколением из одной семьи служило бы в определенных войсках или училось в академиях вроде американского «Уэст Пойнта» или британского «Сэндхерста». Израильяне, однако, имеют традицию личных и семейных контактов, которые они называют русским словом «протекция». Нередко такие контакты используются для благих целей. Сыновья высокопоставленных чиновников и знаменитостей при наличии соответствующих данных часто идут служить в «сайерет».

Один из таких примеров — племянник генерала Моше Даяна полковник Узи Даян, принимавший участие в рейде на бейрутский аэропорт. Несмотря на полученное еще до службы в армии ранение, он сумел попасть в это элитное подразделение.

Война с терроризмом резко обострилась после того, как 8 мая 1972 г. палестинцы захватили бельгийский авиалайнер. Рейс авиакомпании «Сабена» № 571 направлялся из Брюсселя в Тель-Авив и приземлился по расписанию в аэропорту Лод. Там воздушные пираты, угрожая оружием, задержали пассажиров «Боинга-707» и потребовали освобождения 317 арестованных палестинцев. Начальник «Амана» генерал Аарон Ярив лично вел переговоры с двумя мужчинами и двумя женщинами, захватившими самолет, в то время как израильские спецназовцы готовили свой настоящий ответ.

9 мая, в 16.22, в дело включилось специальное подразделение «сайерет», обученное штурму самолетов и освобождению заложников. Одетые в форму служащих аэродрома, десантники ворвались в самолет одновременно с разных сторон, застрелили двух мужчин-террористов, ранили двух женщин и освободили 97 заложников. В перестрелке был убит один пассажир.

По примеру Израиля другие западные государства стали создавать у себя антитеррористические подразделения. Западная Германия, Великобритания и другие страны стали направлять в Израиль на выучку своих специалистов. Многие создали свои собственные специальные отряды по израильской модели. В Великобритании — это «САС», или «Специальная авиационная служба», в Германии — это «ГСГ-9».

30 мая три вооруженных боевика из японской «Красной армии» убили 27 пассажиров, большинство из них — христианские паломники из Пуэрто-Рико, которые только

что прибыли в аэропорт Лод. После первоначального замешательства охрана аэропорта открыла огонь, убила двух террористов и захватила живым Козо Окамото. На суде Окамото признался, что он и его сообщники предприняли эту акцию из чувства солидарности с Народным фронтом освобождения Палестины. Это массовое убийство было реваншем за неудавшуюся три недели назад попытку захвата самолета компании «Сабена».

Через 5 недель подошла очередь Израиля нанести ответный удар. Бейрутский поэт, член НФОП, Гассан Канафани, спланировавший резню в аэропорту Лод, был убит поступившим по почте взрывным устройством. Спустя два дня такое же устройство взорвалось в руках другого функционера НФОП, Бассама Абу Шерифа, который потерял один глаз и несколько пальцев. Эти акции были в традициях предыдущих посылочных бомб, которые направлялись египетским чиновникам в 1950-х годах, а также немецким ученым в начале 1960-х годов.

Порочный круг насилия и возмездия достиг своего апогея во время Олимпийских игр в Мюнхене 5 сентября 1972 г. Под прикрытием подпольной террористической группы «Черный сентябрь», названной в память сентября 1970 года, когда иорданский король Хусейн разгромил организации палестинцев, 7 арабских террористов захватили в Олимпийской деревне 11 израильских спортсменов. Первоначальной целью организации «Черный сентябрь», которая являлась тайным ответвлением ООП, была месть Хусейну. Вначале она совершала нападения на иорданские объекты, но вскоре перешла к израильским целям.

Как и в ходе всех предыдущих террористических актов, палестинцы потребовали освобождения из израильских тюрем 250 своих товарищей. Израильское правительство, верное своим принципам, ответило отказом.

Телевидение всех стран донесло до миллионов зрителей развернувшуюся в Мюнхене драму, одновременно создавая рекламу «Черному сентябрю» и вызывая сочувствие к израильским заложникам, в то время как Голда Меир возложила ответственность за освобождение заложников на шефа «Моссада» Цви Замира. Он немедленно вылетел в Мюнхен и начал переговоры со своими немецкими коллегами из служб безопасности.

Ссылаясь на приказ Голды Меир и на свой опыт освобождения заложников рейса компании «Сабена», Замир

просил западногерманских чиновников разрешить ему пустить в дело израильских спецназовцев. Канцлер Вилли Брандт, возможно, и согласился бы на это, но по конституции окончательное решение оставалось за местными властями, которые ответили отказом.

Замир был вынужден бессильно наблюдать с контрольной вышки мюнхенского аэропорта, как плохо подготовленные немецкие парашютисты проводили свою акцию освобождения, но не смогли убить всех террористов первым залпом. Трое оставшихся в живых палестинцев открыли огонь по находившимся в вертолетах скованным наручниками спортсменам и забросали их гранатами.

Мир был шокирован этой трагедией, продемонстрировавшей, что терроризм выходит из-под контроля. Специальная комиссия в Израиле, расследовавшая этот инцидент, пришла к выводу, что руководитель департамента, ответственного за охрану олимпийских спортсменов, должен быть уволен. Директор «Моссада» Хармелин твердо встал на защиту своего подчиненного и впервые пригрозил уйти в отставку. Голда Меир разъяснила, что увольнение директора департамента было минимальным наказанием, и Хармелин, скрепя сердце, подчинился.

Спустя пять дней после резни в Мюнхене сотрудника посольства Израиля в Брюсселе Задока Офира срочно вызвали к телефону. Его пригласили в кафе «Принс», где араб с марокканским паспортом в упор расстрелял его. Офир был тяжело ранен, но выжил. Позже выяснилось, что Задок Офир был сотрудником «Моссада», действовавшим под прикрытием должности первого секретаря посольства, а араб был двойным агентом и находился у него на связи. Посольство Израиля в Брюсселе в тот период стало важнейшим центром израильской разведки после того, как за убийство Бен-Барки де Голль выдворил «Моссад» из Парижа.

Выстрелы в Брюсселе должны были вызвать тревогу в штаб-квартирах «Моссада» и «Шин Бет». Впервые действующий израильский разведчик за рубежом стал объектом террористического нападения. Однако под впечатлением мюнхенской трагедии даже Замир не придавал этому должного значения.

Возвратившись из Мюнхена, Замир прямо из аэропорта Лод поехал с докладом к Голде Меир. Премьер-министр, закаленный политик и в то же время типичная «еврейская мама», слушала его со слезами на глазах, в ней боролись

холодный расчет и горячее желание отомстить за смерть «мальчиков». Вскоре они вылились в непреклонную решимость уничтожить убийц.

Меир создала новый пост «советника премьер-министра по вопросам контртерроризма» и назначила на него генерала Аарона Ярива. Только что кончился восьмой год пребывания его на посту директора «Амапа», и его место в истории было обеспечено военными заслугами в ходе Шестидневной войны 1967 года.

Меир, Ярив и Замир были просто одержимы проблемой борьбы с арабским терроризмом, и по их настоянию израильский кабинет создал специальный секретный комитет под председательством Голды Меир и Моше Даяна, который должен был найти ответ за Мюнхен. Секретный комитет фигурировал просто как «Комитет “Икс”», и даже не все члены кабинета министров знали о его существовании. «Комитет “Икс”» принял историческое решение уничтожить всех членов «Черного сентября», прямо или косвенно связанных с подготовкой убийства в Мюнхене.

Задача была поставлена предельно четко: пленных не брать. Это был откровенный акт мести: террор против террора. Исполнение было поручено «Моссаду». Команду израильских убийц возглавил высокопоставленный работник «Моссада» Майк Харари, который лично отобрал в свою группу оперативников, мужчин и женщин, и открыл командный пост в Париже. Он также запасся несколькими фальшивыми паспортами, один из которых был на имя французского бизнесмена Эдуарда Станисласа Ласкье. Вся работа по планированию операции осуществлялась самим Харари и сотрудником «Моссада» Аврахамом Гехмером, работавшим под прикрытием первого секретаря посольства Израиля в Париже.

Прежде всего был составлен список всех арабов, принимавших участие в мюнхенском теракте. Потом опергруппа приступила к розыску террористов, которые осели в разных европейских странах, занимаясь как легальной, так и нелегальной деятельностью. Каждый раз, когда Харари и его люди были готовы нанести удар, запрашивался «Комитет “Икс”», который давал окончательное согласие на убийство. Премьер-министр и ее тайный комитет давали согласие на каждое индивидуальное убийство.

Первым в октябре 1972 года был убит Адель Ваель Звайтер, палестинский интеллектуал, который работал на

«Черный сентябрь» в Риме. За последующие 10 месяцев команда Харари уничтожила 12 палестинцев, причастных к террористическим актам против гражданских лиц. В Риме, Париже и Никосии их убивали из пистолетов с глушителями из проезжающих автомобилей или с мотоциклов и с помощью дистанционно управляемых взрывных устройств.

«Черный сентябрь», видя гибель своих лучших оперативников, пытался ответить тем же. 13 ноября 1972 г. в Париже был застрелен сирийский журналист Хадер Кано, являвшийся израильским агентом. 26 января 1973 г. на пороге своего дома на Гран виа в Мадриде был застрелен израильский бизнесмен Ханан Ишай. После его смерти выяснилось, что его настоящее имя было Барух Коэн и он прибыл в Мадрид из Брюсселя по заданию израильской разведки.

Коэн был «паршивой овцой» в хорошо известном израильском семействе, связанном с правыми партиями. Один из его братьев, Меир Коэн, был членом партии «Ликуд» Менахема Бегина и председателем кнессета. Но Барух пошел другим путем. Он жил в кибутце, верил в социализм и стал сотрудником «Шин Бет». До войны 1967 года он работал в арабском департаменте Аврахама Ахитува, главным образом в качестве оперативника в районе Галилеи.

После войны, учитывая знание арабского языка, его направили на Западный берег. Несмотря на то, что он имел воинское звание сержанта запаса, его сразу сделали капитаном и губернатором Наблуса, самого крупного города на оккупированной территории, где он, естественно, сфокусировался на подавлении терроризма. Сразу же после прибытия в июле 1967 года он едва не поймал Арафата, который бежал, переодевшись в женскую одежду с традиционной арабской чадрой.

В 1972 году ему удалось выявить еврейско-арабскую шпионскую группу сирийской разведки. Потом он был направлен в Европу для работы с агентурной сетью из молодых палестинцев. Один из его агентов оказался двойником, работавшим на «Черный сентябрь», он и застрелил Коэна. Коэн стал первым офицером израильской разведки в Европе, погибшим от рук палестинцев.

Некоторые родственники Коэна утверждали, что его гибель можно было предотвратить. В нарушение всех требований безопасности фотография Коэна в военной форме

была опубликована в юбилейном фотоальбоме части, в которой он служил. Рядом с ним и тоже в военной форме стоял его лучший друг Задок Офир. Арабская разведка тщательно следит за такими публикациями, и поэтому израильские агенты никогда не фотографируются. Даже если Коэн, работая с палестинской агентурой, скрывал свое израильское происхождение, его могли опознать по этой фотографии.

Является установленным фактом, что за несколько месяцев до этого убийства арабские газеты писали, что «Черный сентябрь» приговорил к смерти одного израильского агента. Это должно было насторожить «Шин Бет», и Баруха Коэна не следовало посылать в Мадрид. Еще большую тревогу вызывало то, что подстраховывавшие Коэна агенты, опасаясь собственной расшифровки, не ответили на выстрел террориста.

Члены семьи Коэна были убеждены, что он стал жертвой ошибок своих руководителей, и их не утешало то, что «Моссад» мстил за его гибель. Его вдова Нурит рассказывала: «Время от времени ко мне заходили офицеры, сослуживцы мужа и спрашивали: «Ты читала в газетах о том, что тот или другой араб был застрелен или разорван взрывом на части?». Что я могла сказать? Что это меня утешает?». Прошел слух о том, что все боевики «Черного сентября», причастные к убийству Коэна, были ликвидированы.

Смерть Коэна должна была послужить еще одним предупреждением Израилю. Разведсообществу следовало связать воедино убийство Коэна, покушение на Офира и убийство двойного агента Кано, а «Моссаду» — сделать вывод о том, что палестинцы действовали на высоком профессиональном уровне, проникая в центр израильских разведывательных операций в Европе.

Через 7 месяцев после мюнхенской трагедии израильские убийцы обрушили свою кару на арабский мир. На этот раз их жертвами стали два командира «Черного сентября» — Мухаммад Нажар и Камаль Адван, а также пресс-офицер ООП Камаль Насер. Ночью 10 апреля 1973 г. все трое были застрелены в своих квартирах в Бейруте. Убийцами были израильские спецназовцы, действовавшие под руководством опергруппы «Моссада», которые ночью высадились с вертолета на ливанском пляже. Вся операция была образцом военного планирования.

Еще более впечатляющими стали действия израильской разведки. Спецназовцы имели адреса всех трех жертв, и на берегу их ждали арендованные «мерседесы». Это свидетельствовало о высокой степени координации действий агентов «Амана» и «Моссада» в арабской столице, где не было посольства Израиля, которое могло бы обеспечить дипломатическое прикрытие. В силу состояния войны израильтяне даже не могли легально въехать в Ливан.

Это был второй рейд израильской разведки в Бейрут за последние четыре с половиной года. Он имел кодовое название «Весна молодости». В числе участников этой операции, продемонстрировавшей военную мощь Израиля, были такие молодые офицеры, как Ехуд Барак и Амнон Липкин-Шахак, которые впоследствии займут высокое положение в «Амане».

Удовлетворение от хорошо выполненной работы согревало сердце в течение почти трех месяцев, но все это закончилось в городке Лиллехаммер. В начале июля 1973 года основная часть опергруппы Харари с санкции Голды Меир и «Комитета “Икс”» собралась в этом городке на севере Норвегии. Оперативники съехались сюда из разных концов Европы для того, чтобы свести счеты с «Красным принцем». Под таким кодовым обозначением в делах «Моссада» проходил Али Хассан Саламех.

Саламех был оперативным работником «Черного сентября» в Европе, и именно он спланировал убийство израильских спортсменов в Мюнхене и убийство Коэна в Мадриде. Однако Саламех был известен и за пределами «Черного сентября». Он был сыном крупного командира ООП, погибшего в ходе войны 1948 года, и возглавлял «подразделение 17» — специальную службу ООП, отвечающую за охрану Ясира Арафата. Название происходило от телефонного номера «17», который был установлен в помещении этой службы в штаб-квартире ООП в Бейруте. Учитывая причастность Саламеха к убийству в Мюнхене, «Моссад» решил положить конец его карьере.

Саламех был самоуверенным плейбосом и любителем женщин, но в ловушку загнать его было очень трудно. После нескольких месяцев поисков боевики Харари с энтузиазмом ринулись в Лиллехаммер, поскольку агенты, проводившие предварительную разведку, были уверены, что они нашли Саламеха. Опергруппа Харари установила свою

жертву в Лиллехаммере, следила за ним в течение нескольких дней, чтобы убедиться в том, что это действительно был «Красный принц», и вечером 21 июля расстреляла его. Боевики немедленно покинули Норвегию, а другие израильские агенты укрылись на конспиративных квартирах.

Только на следующий день израильтяне узнали, что они допустили страшную ошибку — убили совсем не того человека, а марокканского официанта по имени Ахмад Бучики, который был женат на норвежке. Его беременная жена стала свидетельницей убийства.

Это могло сойти израильтянам с рук, и никто бы не узнал об этой ошибке, если бы не глупейшее поведение вспомогательных агентов, осуществлявших наблюдение за Бучики и подготовку убийства, которые совершили все мыслимые промахи, как будто хотели, чтобы норвежская полиция их поймала.

Полиции даже не потребовалось больших усилий, чтобы задержать их. Эти агенты «Моссада», которые должны были уметь мгновенно исчезать в случае появления опасности, необъяснимо оставляли следы на каждом шагу. Он ездили по Лиллехаммеру на автомобилях, арендованных на их подлинные имена, вместо того чтобы использовать для этой цели какого-то посредника, который бы не имел представления об истинной цели убийц. Осуществляя наблюдение за Бучики, они вели себя как стадо слонов в посудной лавке, не соблюдая никаких правил конспирации.

Соседи несчастного сообщили полиции номер автомашины, и два израильских оперативника были арестованы в момент, когда возвращали в аэропорту арендованный ими автомобиль. Дан Эрт и Марианна Гладникофф сразу же признались, что работают на израильскую разведку, и сообщили адрес конспиративной квартиры «Моссада». На квартире полиция задержала еще двоих членов опергруппы.

Норвежцы были изумлены дилетантизмом работников разведки, считавшейся лучшей в мире. Израильтяне падали в руки норвежской полиции один за другим, как спелые плоды с дерева. Самому Харари удалось скрыться, но Аврахам Гехмер и еще пятеро оперативников были арестованы.

В ходе допросов были выявлены подробности других послеолимпийских убийств. У одного из агентов «Моссада» оказались с собой ключи от парижской квартиры, в которой французская контрразведка нашла ключи от дру-

гих конспиративных квартир, используемых «Моссадом». Были получены доказательства причастности Израиля еще к нескольким нераскрытым убийствам палестинцев. Западные спецслужбы выявили, каким образом Израиль направлял группы боевиков в европейские страны, как он использовал временно привлеченных лиц для обеспечения наблюдения и обслуживания основной оперативной группы.

В качестве примера, причем наиболее «разговорчивого», можно привести Эрта. Он был не кадровым работником «Моссада», а бизнесменом датского происхождения, который жил под своим настоящим именем Дан Эрбель в местечке Херзлия, к северу от Тель-Авива. Время от времени «Моссад» привлекал его к проведению отдельных мероприятий, но, как только норвежцы поместили его в темную одиночную камеру, он заговорил. Норвежские следователи не могли скрыть изумления, когда узнали, что Эрт страдал клаустрофобией. Эта проблема должна была дисквалифицировать его как тайного агента. В знак благодарности за то, что его перевели в большую камеру, он готов был рассказать все, причем не только об операции в Лиллехаммере, но также о своем участии в таинственной перевозке в 1968 году в Израиль целого судна с урановой рудой.

Эрт рассказал, что по заданию «Моссада» он купил старый пароход под названием «Шеерсберг А», который при выходе из Антверпена имел на борту груз в виде 560 металлических бочек уранового сырья, но в следующем порту уже оказался без этого груза (см. главу 9).

Была арестована также Сильвия Рафаэль, но она оказалась профессионалом более высокого класса, чем Эрт. Она путешествовала как канадский фотограф с фальшивым паспортом на имя Патриции Рохбро. Рафаэль родилась в Южной Африке и была завербована «Моссадом» после того, как поработала в кибутце. В ее случае эта история имела счастливый конец. Она влюбилась в норвежского адвоката и вышла за него замуж. Однако сначала ей и ее четверным напарникам пришлось посидеть в норвежской тюрьме. Несмотря на относительно суровые приговоры — от двух до пяти с половиной лет тюрьмы, сердобольные норвежцы через два года выпустили всех на свободу.

Израильтянам крупно повезло, что норвежцы не стали слишком глубоко копать в ходе расследования и унижать Израиль. Несмотря на явные признаки преступлений,

французы и итальянцы также выразили солидарность с «Моссадом». Они игнорировали требования ООП довести до конца расследования случаев насильственной смерти палестинцев в этих странах.

Западные спецслужбы сочувствовали «Моссаду». Они понимали, что сами могут оказаться в такой же ситуации, и из чувства профессиональной солидарности не хотели усугублять положения. Также присутствовал и достаточно сильный фактор симпатий к Израилю, ведущему борьбу с арабским терроризмом, и западные спецслужбы отдавали ему дань уважения.

Это было слабым утешением для Израиля. «Моссад» не мог успокоиться, пока наконец спустя пять с половиной лет не расквитался с Саламехом. Небольшая оперативная группа израильтян, в которую опять входила женщина, въехала в Ливан с канадскими паспортами. 22 января 1979 г. они запарковали автомашину, начиненную взрывчаткой, на обочине дороги в Бейруте и взорвали ее в тот момент, когда мимо проезжал «Красный принц». Он просто испарился вместе со своим автомобилем.

Эта операция вызвала недовольство ЦРУ, поскольку после смерти Саламеха стало известно, что он помогал американцам, осуществляя секретные связи между ЦРУ и ООП.

Воспоминания о скандальном провале в Норвегии еще долго преследовали Израиль. Многие работники израильских спецслужб вспоминают о Лиллехаммере как о «лейла-ха-мар», то есть как о «горькой ночи». Каждый раз при упоминании об этом израильские агенты морщатся. Они признают: убить не того человека да еще и попасться — трудно представить себе более скандальный провал.

Одержимость мстью стала отрицательно сказываться на способности израильской разведки выполнять другие задачи. Старшие офицеры жаловались на то, что их превратили в какой-то филиал международного концерна убийц. Они утверждали, что значительная часть кадрового и оперативного потенциала «Моссада» и «Шин Бет» была завязана на поиске террористов в ущерб другим задачам разведки, в первую очередь сбору информации о военных приготовлениях соседних арабских стран.

Диссиденты из числа сотрудников спецслужб утверждали, что Израиль сильно преувеличивал опасность пале-

стинского терроризма, поскольку в конечном счете угроза самому существованию Израиля исходила не с этой стороны. В худшем случае это была надоедливая муха, не представлявшая большой опасности. Другие выдвигали тезис, что нет смысла отрывать головы нынешним палестинским лидерам, поскольку нет уверенности в том, что те, кто придет им на смену, будут более умеренными или менее способными. Эти же диссиденты утверждали, что провал в Лиллехаммере замалчивался. Никто не ответил за этот позор. Даже Майк Харари как ни в чем не бывало вернулся к своей работе в Тель-Авиве.

Но это были голоса вопиющих в пустыне. Шеф «Моссада» Цви Замир был на аэродроме в Мюнхене и видел израильских спортсменов, прикованных наручниками в вертолетах. И он видел, как их убивали. Замир был в ярости и полностью поддерживал Голду Меир.

Под ударами израильской разведки «Черный сентябрь» распался, и теперь израильтяне решили разделаться со своим заклятым врагом, лидером НФОП Джорджем Хабашем. 10 августа 1973 г. израильские истребители перехватили ливанский гражданский самолет и заставили его приземлиться на израильской авиабазе. Пассажиров вывели поодиночке и допросили, но террориста среди них не было. Этот инцидент заметно подорвал репутацию «Моссада».

Сигнал о том, что Хабаш будет в числе пассажиров, очевидно, поступил от самого ценного агента в среде палестинских партизан, женщины по имени Амина аль-Муфти. Родившаяся в черкесской семье в Иордании в 1935 году, Муфти была завербована «Моссадом» в Вене в 1972 году, где она якобы влюбилась в израильского пилота. Пилот, похоже, занимался поисками кандидатов на вербовку, и Амина была идеальным выбором. Черкесы, жившие в Израиле, уже хорошо зарекомендовали себя на службе в израильской разведке.

Ее задание, которое она охотно согласилась выполнить, сводилось к тому, чтобы переехать в Бейрут и завести там как можно больше связей в среде палестинцев. Ее главным мотивом была ненависть к ООП и экстремистам, которые, по ее мнению, продляли ближневосточный конфликт. Муфти имела медицинское образование, и израильтяне помогли ей открыть клинику. Клиника Муфти заработала на полную мощность, когда в 1975 году в Ливане вспыхнула гражданская война и к ней стало поступать много ране-

ных палестинцев. По иронии судьбы «Моссад» тайно финансировал медицинскую помощь ООП в Ливане.

Муфти сумела познакомиться с высокопоставленными лидерами ООП и по почтам писала пространные донесения в «Моссад» обо всем, что слышала и видела днем. Она никогда не встречалась с агентами «Моссада» в Ливане и поддерживала связь с разведкой через тайники в вестибюлях отелей и туалетных комнатах ресторанов. Она также передавала срочную информацию с помощью избранного израильского средства — миниатюрного радиопередатчика.

Этот поток информации прекратился в 1975 году с арестом Муфти. Ее пытали и допрашивали палестинцы, а также представители КГБ и восточногерманской разведки. В течение пяти лет Муфти содержалась под стражей в пещере около ливанского порта Сидон. Израильцы через «Красный крест» сумели обменять ее на двух палестинских террористов, приговоренных к пожизненному заключению. Обмен состоялся на Кипре. Муфти получила новые документы и стала работать врачом на севере Израиля.

Все пять с половиной лет, пока Цви Замир стоял во главе «Моссада», основной упор израильская разведка делала на борьбу с терроризмом. В этом вопросе «Моссад» работал в полной гармонии с «Шин Бет» и «Аманом». Но они ставили не на ту карту. Пропикнутые маниакальным желанием мести, охватившим Голду Меир и членов ее кабинета, они видели в палестинцах только банду убийц и считали, что палестинская проблема может быть решена только контртеррором.

Теперь, оглядываясь назад, можно с уверенностью сказать, что Израиль должен был придавать более серьезное значение угрозе со стороны арабских стран, а не заниматься погоней за Саламахом или Хабашем. Но израильские лидеры относились слишком уж благодушно к этой угрозе и не верили, что арабы могут начать войну. А тем временем израильские ученые в обстановке глубокой секретности добились больших успехов в создании оружия абсолютного устрашения — ядерного арсенала.

СЕКРЕТНОЕ ОРУЖИЕ

В 1960-х годах резиденту ЦРУ в Тель-Авиве Джону Хаддену некогда было скучать: нужно было поддерживать взаимовыгодные отношения с израильской разведкой и одновременно следить за тем, что израильские власти старались тщательно скрывать. Естественно, основное внимание Хадден уделял наиболее секретной израильской программе. Он знал, что израильтяне не говорили правды о ядерной программе даже ему — их ближайшему другу, хотя как профессионал-разведчик он и не ожидал от них особой открытости. Разведки, как и нации, не имеют друзей, а только свои реальные, твердые интересы.

Слова «правда» и «атомный» никогда не сходились в Израиле. В 1961 году премьер-министр Бен-Гурион заявил Джону Кеннеди при встрече в Белом доме, что Израиль вел работы в области атомной энергии, но не военного плана. Вашингтон, конечно, в это не поверил.

В апреле 1963 года Шимона Переса вызвали в Овальный кабинет Белого дома, где Кеннеди потребовал от него информации. «Вы знаете, что мы очень внимательно следим за возникновением ядерного потенциала в этом регионе, что может создать очень опасную ситуацию. Именно поэтому мы поддерживаем тесные контакты с вами в сфере ядерных исследований. Что вы можете сказать по этому поводу?».

Перес ответил фразой, которая на протяжении десятилетий станет стандартным ответом мастеров израильской политики: «Мы не будем создавать ядерное оружие. Мы не сделаем этого первыми».

Резидент ЦРУ, конечно, уловил новый тон, когда премьер Леви Эшкол в качестве бывшего министра финансов

почти открыто выразил свое несогласие с финансированием программы создания ядерного оружия. Во время визита в Вашингтон Эшкол договорился с администрацией президента Джонсона о том, что в обмен на расширение поставок в Израиль современного вооружения будет снижен темп работ в ядерной области. Израильцы впервые получили истребители «фантом» и «скайхок», а американцы заняли место французов как основного поставщика вооружений Израилю.

Но Хадден видел, что израильцы не до конца откровенны. Его тревожные сообщения в штаб-квартиру ЦРУ в Лэнгли касались отношения Моше Даяна к так называемому проекту «бомбы в подвале». Даян, по данным американской разведки, пренебрежительно относился к ядерному оружию, считая его просто еще одним видом вооружения. Красные лампочки замигали тогда, когда израильские стратеги говорили о ядерном оружии как о средстве, которое может навсегда покончить с войнами на Ближнем Востоке.

Каждый раз, когда Хадден выезжал в Негев, где он и его коллеги пытались вести наблюдение за реактором в Димоне, «Шин Бет» следовала за ним по пятам. В одном случае американец — официальный сотрудник посольства — проезжал по дороге неподалеку от ядерного реактора, когда на обочине приземлился вертолет и охранники потребовали предъявить документы. Дипломатического паспорта оказалось достаточно, но американец уехал убежденный, что в Димоне происходило гораздо большее, чем Израиль готов был признать.

ЦРУ отмечало признаки того, что израильская ядерная стратегия предусматривала создание разнообразных видов ядерного оружия для максимально гибкого использования в будущем. Помимо ядерных бомб предусматривалось создание водородного оружия и оснащение им ракет. Израильские ученые работали во всех направлениях, и ЦРУ пришло к выводу, что Израиль имел несколько систем доставки такого оружия.

Реактор в Димоне хорошо охранялся и был окружен плотной системой противовоздушной обороны. В июне 1967 года одной из ракетных батарей был даже сбит израильский самолет, возвращавшийся с боевого задания в Иордании и сбившийся с курса.

Но независимо от того, где располагался израильский секретный ядерный арсенал, в Димоне или на авиацион-

ных базах, он не был защищен так, как этого требовал сам характер оружия. Маленький Израиль формулировал свою ядерную стратегию на тех же принципах, что и сверхдержавы: главный акцент делался на сдерживание, но имелась в виду также возможность нанесения ответного удара. ЦРУ отмечало большое желание Израиля расположить часть ядерного арсенала за пределами своей территории на средствах морского базирования.

Основываясь на разведывательной информации, полученной в Израиле и других местах, ЦРУ пришло к выводу, что Израиль стремится к оснащению своих подводных лодок ядерным оружием. С точки зрения стратегии, это было вполне разумное решение, хотя и крайне амбициозное для такой маленькой державы: использовать подводные лодки в качестве платформ для запуска ядерных ракет. Арабам будет крайне сложно следить за этими подлодками, к тому же ядерное оружие, размещенное на лодках, будет в относительной безопасности. Димона и любая авиабаза могут быть подвергнуты бомбардировке, но подводные лодки останутся неуязвимы и готовы к ответному удару.

ЦРУ считало, что в конечном счете Израилю удалось оснастить свои 3 подводные лодки британской постройки компактным, но весьма мощным ядерным оружием. Они почти постоянно патрулировали в Средиземном море, и в какой-то мере это можно было трактовать как выполнение израильского обещания не «привносить ядерное оружие на Ближний Восток первыми».

Вообще-то такие обещания политиков никто из разведчиков или ученых не принимает всерьез. Они просто молча и упорно работают над решением стоящих перед ними задач.

Когда в 1960-х годах де Голль отказал в поддержке Израилю, перед шефом сверхсекретного «Бюро научных связей» возникли серьезные проблемы, но они его не обескуражили. Из своего неприметного кабинета в здании «Лакам» Бенъямин Бламберг, как только начались дипломатические сложности с Францией, бывшей до этого основным поставщиком ядерной технологии и материалов, стал искать альтернативные источники и каналы помощи. Первого успеха ему удалось добиться в Норвегии. Норвежское правительство согласилось секретно поставить Израилю 21 тонну тяжелой воды. Как только поставка была гарантирована, «Лакам» начал поиски урана. Важным источником в поставке этого материала стал Залман Шапиро.

Шапиро родился в 1921 году в американском городе Кантон, штат Огайо, но всегда остро чувствовал свои еврейские корни. Его отец был ортодоксальным раввином литовского происхождения, многие родственники погибли в ходе Холокоста, да и сам он даже в Америке подвергался антисемитским оскорблениям. В 1948 году Шапиро получил степень доктора по химии. Создание в том же году Государства Израиль стало для него вдохновляющим моментом. Он вступил в Сионистскую федерацию и Общество друзей Техниона, самого престижного технического университета в Израиле.

Шапиро работал в корпорации «Вестингауз», помогал создавать первую американскую ядерную подлодку «Наутилус». В середине 1950-х годов он открыл свою собственную корпорацию «Нумек», или «Ядерные материалы и оборудование», располагавшуюся в городе Аполло, штат Пенсильвания.

Корпорация снабжала ураном ядерные реакторы в Соединенных Штатах, но в ней всегда было необычно большое количество иностранных гостей, главным образом из Франции и Израиля. Эти визиты не прошли мимо внимания американской комиссии по атомной энергии, которая в 1962 году сделала корпорации выговор за плохую организацию службы безопасности и небрежное ведение документации. Проведенная в 1965 году рутинная проверка корпорации выявила на одном из складов недостачу 110 фунтов высокообогащенного урана, который используется для производства ядерного оружия.

Эксперты комиссии по атомной энергии не смогли доказать, что этот материал был отправлен за границу или что «Нумек» совершил какое-то преступление. Однако в ходе официальных проверок, которые продолжались 15 лет, была установлена пропажа 587 фунтов урана — количества, достаточного для изготовления 18 атомных бомб.

ФБР также провело расследование связей Шапиро с Израилем, но ничего определенного не обнаружило. Шапиро проверяли и другие федеральные ведомства, которые пришли к выводу, что ограниченные связи Шапиро с Израилем не требуют от него предусмотренной американским законодательством регистрации в качестве агента иностранной державы. И все же подозрение, что пропавший уран был отправлен в Израиль, к 1968 году превратилось в уверенность.

В дело включилось американское разведсообщество, полагавшее, что Израилю удалось получить значительное количество урана. ЦРУ и ФБР начали разработку Шапиро, установили за ним наблюдение и взяли на контроль его телефон. В ходе допросов он рассказал о своих контактах с Аврахамом Хермони, советником по науке израильского посольства в Вашингтоне, другими словами, резидентом «Лакам».

Израиль был обеспокоен новым подходом Америки к ядерной проблеме. В предшествовавший период благодаря влиянию лучшего друга Израиля, бывшего начальника внешней контрразведки ЦРУ Джеймса Энглтона, американские власти практически предоставляли Израилю полную свободу действий. Энглтон фактически защищал ядерные секреты Израиля. К 1968 году влияние Энглтона уменьшилось, а новый директор ЦРУ Ричард Хелмс с большим недоверием и подозрением относился к израильским действиям и мотивам.

Для выяснения обстановки в Вашингтоне 4 израильтянина, среди которых были Хермони, Рафи Эйтан и Аврахам Бендора (позже Шалом) из «Шин Бет», 10 сентября 1968 г. посетили завод корпорации «Нумек». При оформлении допуска со стороны американских властей Эйтан и Бендор выдали себя за «химиков» министерства обороны Израиля. Все они выполняли секретное задание «Лакама», ободряемые успехами, которых Бламбергу удалось достичь в восстановлении отношений с другими израильскими спецслужбами.

По возвращении в Израиль Эйтан и Бендор доложили, что Израиль еще пользуется доверием американских властей и может добывать в США уран. Не было никаких оснований свертывать эту незаконную деятельность.

В ноябре 1968 года в ходе совместной операции «Моссада» и агентов Бламберга Израилю удалось получить 200 тонн уранового сырья, упакованного в 560 железных бочек с надписью «Plumbat». На основании признаний Дана Эрта, сделанных им норвежской полицией в 1973 году, удалось установить, что германская химическая корпорация под названием «Асмара» через свои дочерние предприятия закупила уран у бельгийской компании «Société Générale de Minago». В Антверпене уран был погружен на пароход «Шеерсберг А», который плывал под либерийским флагом. В качестве порта назначения капитан указал Геную.

В Генуе пароход не появился и вообще исчез. Войдя в Средиземное море, судно пошло не на север, а на восток. Где-то между Кипром и Турцией оно встретилось с израильским грузовым судном. Когда через две недели «Шеерсберг А» появился в турецком порту Искандерун, урана на борту уже не было.

На самом деле судно принадлежало «Моссаду», и под этим пестрым одеялом из разных стран и компаний Израилю удалось получить топливо для ядерного реактора в Димоне. Ядерные организации Европейского сообщества были так изумлены этой дерзкой акцией, что просто решили не предавать инцидент огласке.

Еще одна дерзкая акция позволила Израилю получить дополнительное ядерное топливо из огромных резервов фосфатов. Обеспечение всеми этими материалами, а также хорошо известный факт, что Израиль получал уран непосредственно из Южной Африки, говорили о том, что в Димоне происходило что-то грандиозное: создавался арсенал ядерного оружия. Южная Африка стала тайным партнером Израиля в области ядерных исследований и ракетной техники.

К тому времени уже было понятно, что Израиль стал шестым членом ядерного клуба вместе с Соединенными Штатами, Советским Союзом, Францией, Великобританией и Китаем. Израиль об этом не объявлял, но для США все было абсолютно ясно.

С конца 1960-х годов американские спецслужбы следили практически за каждым ученым, приехавшим в США из Израиля. Профессор Ювал Нееман, создавший немало образцов оперативной техники для «Амана», по прибытии в Пасадину, штат Калифорния, для участия в семинаре по физике обнаружил, что его подозревают во всех смертных грехах.

— Профессор, я из департамента, — раздался в телефонной трубке пезнакомый голос, — мы можем встретиться?

Нееман решил, что ему звонил кто-то из научного отдела Калифорнийского университета, и охотно согласился на встречу. К его удивлению, при встрече телефонный собеседник представился как следователь министерства юстиции США.

— Вы полковник Нееман? — спросил американец.

— Да, — с некоторым замешательством ответил Нееман, удивленный тем, что к нему обращаются по его во-

инскому званию, и понимая, что он имеет дело с представителем ФБР. Израильянин объяснил, что в начале 1960-х годов он действительно служил в военной разведке и имел звание полковника, но уже давно оставил военную службу и работает в Тель-Авивском университете.

— Но мы знаем, что вы все еще занимаетесь шпионажем, и предлагаем вам немедленно прекратить это.

Нееман категорически отверг это утверждение, и разговор на этом закончился. Это была явная попытка оказать на него психологическое давление, особенно после того, как он посетил Ливерморскую лабораторию около Сан-Франциско. С учетом тех подозрений в отношении Димоны, которые стали формироваться у Соединенных Штатов, визит в Ливерморскую лабораторию, занимавшуюся ядерными исследованиями, представлялся весьма симптоматичным.

Через несколько недель Нееман приехал в университет штата Техас в Остине и там к нему снова пришел представитель министерства юстиции, который потребовал, чтобы Нееман зарегистрировался как «агент израильского правительства».

Такой шаг просто подорвал бы репутацию Неемана как ученого и свел на нет его возможность общения с американскими коллегами. Если он станет официальным агентом иностранного правительства, возможности его передвижения в США будут ограничены. Нееман призвал на помощь все свои связи, чтобы избежать регистрации. Он обратился к своим старым друзьям, в том числе «к отцу» американской ядерной бомбы Эдварду Теллеру и влиятельному сенатору от штата Техас Джону Тауэру.

Но спасли его в конце концов не эти связи, а сотрудничество США и Израиля в области разведки. Представитель «Моссада» в Вашингтоне напрямую обратился в ЦРУ и попросил оставить Неемана в покое.

Между тем другие израильтяне — некоторые с опытом работы в разведке, другие в качестве любителей — занимались сбором разведывательной информации в США. Если речь шла о научных исследованиях, то за этим, как правило, стоял «Лакам».

Самое поразительное в истории «Лакама» заключается в том, что, несмотря на активную шпионскую деятельность, иностранные разведки долго не подозревали о существовании этой организации. В секретном докладе ЦРУ об израильской разведке, подготовленном в 1966 году, содер-

жится утверждение, что разведка Израиля активно работает в научно-технической сфере, но ни «Лакам», ни «Бюро научных связей» не упоминаются.

Бламберг стремился к тому, чтобы его агентство обеспечивало разведывательно-информационную поддержку не только в ядерной области, но и во всем оборонном комплексе Израиля. Его предложения были приняты, и бюджет «Лакама» значительно увеличился, в том числе за счет взносов от таких клишегов, как «Израильская авиационная промышленность» и «Израильская военная промышленность». Все они либо принадлежали правительству, либо контролировались им, хотя сотрудники далеко не всегда знали, каким путем к ним попадали иностранные чертежи и другая техническая документация. И они, естественно, не подозревали о существовании «Лакама».

Наряду с созданием ядерного оружия важнейшим приоритетом для Израиля было получение технологии и образцов для налаживания собственного производства ракет класса «земля—земля». Ядерное оружие без средства его доставки не имеет смысла. Как заявил однажды на секретном совещании Эзер Вейцман, «любая ракета может нести ядерную боеголовку, она может нести любую боеголовку». Весь собственный израильский арсенал мог быть использован в ядерном или в обычном варианте.

Люди Бламберга добывали информацию по ракетной технике из различных источников и имели довольно полное представление о том, что стоило покупать. Большой шаг вперед был сделан, когда Франция согласилась поставить Израилю ракеты класса «земля—земля». Израиль не копировал слепо чужие образцы, но он приспособливал чужие достижения к своим нуждам и сам добивался прорывов. Вайцман даже заявил, что «Израиль улучшил французские ракеты». Так, например, французская ракета «MD-660» дала начало целому семейству израильских ракет «Луз» и «Иерихон». Помимо этого Вейцман упоминал секретный проект по созданию ракеты морского базирования.

Шестидневная война явилась поворотным пунктом для «Лакама», как и почти для всех израильских институтов. После успехов этого агентства в области ядерной технологии его функции значительно расширились. Как раз в этот момент, после войны 1967 года, президент де Голль ввел эмбарго на поставки оружия в Израиль, в том числе запре-

тил вывоз в Израиль уже закупленных боеприпасов, ракетных катеров и самолетов.

Военно-морской флот Израиля просто не мог спокойно взирать на то, что закупленные им во Франции пять ракетных катеров попали под эмбарго и стояли на приколе в Шербуре. Дипломатические переговоры по поводу этих катеров зашли в тупик, и ситуацию могли разрешить только прямые действия израильской разведки.

По плану, разработанному «Моссадом» и военной разведкой, в конце 1969 года во Францию под видом туристов направились несколько десятков израильских военных моряков, которые предусмотрительно захватили с собой военную форму. К этому времени израильские агенты уже хорошо изучили все слабые места в охране шербурского порта и смогли незаметно провести моряков на катера. Операция была спланирована и осуществлена блестяще: в канун Рождества, когда французская охрана расслабилась, израильтяне овладели своим имуществом.

Моряки и израильские агенты просто вывели катера в море, будучи твердо уверены в том, что эти катера принадлежат Израилю. Документальное обеспечение, включая фальшивые контракты и другие формальности, осуществлялось «Моссадом» через подставную панамскую компанию. Эта латиноамериканская страна, разрезанная стратегическим каналом, соединяющим два океана, стала важным плацдармом для проведения транспортных и финансовых операций израильской разведки.

Угон пяти ракетных катеров из-под носа у французских властей, конечно, не мог долго оставаться в секрете. И уже через несколько часов в адрес Израиля посыпались обвинения.

Израиль не стал делать секрета из того, что он забрал свои катера, за которые уже полностью было уплачено. Когда израильские моряки после трехтысячемильного перехода вошли в порт Хайфа, их встретила восторженная толпа. «Моссад» добился очередного успеха. На этот раз «скромная» и временами «застенчивая» израильская разведка не скрывала своей причастности к этой дерзкой и блестяще осуществленной операции.

Общественное мнение говорило в пользу того, что, если Израилю что-то нужно, но ему мешают, он должен взять это всеми доступными способами. Это, естественно, поднимало акции «Лакама». Взятки, кражи — в ход шло все, что могло дать Израилю то, что ему отказывались продавать.

Выдающегося успеха удалось достичь в Швейцарии, где одна компания производила авиационные двигатели для французских «Миражей». В ходе совместной операции «Лакама», военной разведки и ВВС были использованы человеческие слабости швейцарского инженера Альфреда Фрауенкнехта: его недовольство начальством, потребность в деньгах на содержание любовницы и симпатии к Израилю после Шестидневной войны.

Первый шаг сделал полковник Дов Сион, военный атташе Израиля в Париже и зять Моше Даяна. Он несколько раз встретился с Фрауенкнехтом, угостил ужином и оценил возможность его вербовки. Вскоре «Лакаму» удалось убедить его передать Израилю полный комплект чертежей двигателя для «Миража». Инженер взял деньги, но подчеркнул при этом, что действует из идеологических соображений. Фрауенкнехт, кстати, не был евреем, и в этом плане израильская разведка твердо придерживалась урока, извлеченного из провалов в Ираке и Египте: не использовать местных евреев для шпионажа против своей страны.

Сначала Фрауенкнехт встречался с израильскими разведчиками в отелях и ресторанах и передавал им чертежи. Чтобы ускорить процесс, Фрауенкнехт привлек к фотографированию чертежей своего племянника. В конце концов швейцарские власти засекли инженера и арестовали его. Он тут же во всем сознался.

За чертежи Фрауенкнехту обещали 1 млн. долларов, но он успел получить от израильтян только 200 тыс. 23 апреля 1971 г. швейцарский суд признал инженера виновным в шпионаже, но судьи проявили уважение к его мотивам и приговорили его к одному году лишения свободы.

Уже через год Израиль стал выпускать новый самолет «Нешер», на котором стоял двигатель, созданный с использованием технологии французских «Миражей». 29 апреля 1975 г. Израиль с гордостью продемонстрировал свое последнее достижение — истребитель «Кфир». Он был удивительно похож на «Мираж», и Фрауенкнехт, благодаря которому это стало возможным, присутствовал в Израиле на первом полете «Кфира», с гордостью сознавая, что серебряная стрела, пронзившая ближневосточное небо, была делом и его рук.

Израильская разведка, однако, предпочитает не замечать Фрауенкнехта. Никто не любит напоминаний о провалах, о людях, которые по милости разведки угодили в

тюрьму. Израильское правительство даже не оплатило авиабилет Фрауенкпехта и сделало вид, что ничего о нем не знает. Бывший шпион почувствовал, что его предали.

Тем временем репутация Беньямина Бламберга выросла до мифических масштабов. Мало кто знал, чем он занимался, но все были уверены, что он делал это превосходно. Только самые старшие чиновники знали о связях Бламберга с ядерным проектом, однако практически все аналитики были в курсе, что реактор в Димоне имел военное назначение и что Израиль достиг своей цели — получил ядерное оружие.

В то же время те израильтяне, которые считали, что такой секретный статус ядерной державы гарантирует их безопасность, глубоко заблуждались.

СЮРПРИЗЫ ВОЙНЫ И МИРА

Сирийские солдаты барабанили в стальную дверь бункера, но она не поддавалась, и тогда в ход пошли ручные гранаты. Но дверь была рассчитана и на это. В течение нескольких часов израильские солдаты держались в стальном бункере на горе Хермон в тылу быстро продвигавшихся сирийских войск. Эти солдаты не были бойцами, они работали на «Аман» и из бункера, расположенного на заснеженной вершине Голанских высот, вели разведку Сирии.

Солдаты «Амана» работали даже в Йом киппур, самый священный день в еврейском календаре, когда весь Израиль обычно замирает. Была суббота, 2 часа дня, 6 октября 1973 г.

Командир поста на горе Хермон молодой лейтенант Амос Левинберг только что сообщил в штаб своему вышестоящему начальству о доносящейся артиллерийской стрельбе. Левинберг вспоминает: «Я доложил ему, что нас не беспокоит стрельба, мы контролируем обстановку и, как только огонь прекратится, выйдем наружу и починим разбитые антенны». Но уже через несколько часов Левинберг и уцелевшие солдаты его подразделения были в руках сирийцев, отборных десантников, которые высадились с вертолета. К полуночи они сумели проникнуть в бункер, убили 18 израильтян, многих ранили, 31 человека взяли в плен, захватили большое количество самой совершенной разведывательной аппаратуры, которую сирийцы потом будут изучать в мельчайших деталях.

Потеря поста на горе Хермон, даже на фоне других неприятностей на более широком фронте, была крупной неудачей израильтян. Гора Хермон была самой высокой

точкой Голанских высот, утыканной антеннами, телескопами, биноклями и приборами ночного видения. Это были совершенно секретные «глаза» и «уши» еврейского государства на севере страны и один из многих постов «Амана», который всл радиоперехват сирийских линий связи. К тому же с вершины горы в ясный день можно было наблюдать все передвижения сирийских войск вплоть до Дамаска, расположенного в 25 милях. Это было самое последнее слово Израиля в области радио- и радиотехнической разведки (этими профессиональными терминами обозначают способность перехватывать и анализировать все радиоизлучения, от радиопередач до телефонных разговоров).

Этот пост должен был видеть и слышать все, что происходило у противника, но система дала сбой. Более того, в руки сирийцев попало то, что можно было назвать разведывательным сокровищем. На посту имелся полный комплект израильских кодов, с помощью которых противник смог расшифровывать переговоры израильских летчиков. «Аман» признал, что это была колоссальная ошибка. Рассказ военнопленного Амоса Левинберга — благодушие, потеря бдительности и шок плена — иллюстрирует унижение, которому подверглась вся страна.

Вооруженные силы Египта и Сирии внезапным и совершенно неожиданным нападением застали израильские войска врасплох на тех самых территориях, которые они захватили у Египта и Сирии в ходе Шестидневной войны. Впервые израильская разведка не выполнила свою основную миссию, она не сумела уловить приближение войны. В первую очередь это было задачей «Амана», но вина возлагалась на все специальные службы Израиля.

Члены комитета «Вараш» должны были знать о приближении войны и за пять месяцев до Йом киппур зафиксировать агрессивные приготовления противной стороны.

Однако они просто не могли поверить тому, что видели рядовые оперативные работники и аналитики израильских спецслужб. Мышление руководителей было накрепко приковано к тому, что израильские стратеги называли «Концепцией». Это была неформальная, но пользовавшаяся большим влиянием доктрина, возникшая в обстановке эйфории после ошеломляющей победы Израиля в Шестидневной войне 1967 года. Доктрина утверждала, что арабы

никогда не начнут большой войны, поскольку понимают, что они не смогут ее выиграть. В случае, если такая война все-таки начнется, израильтяне были уверены в том, что разгромят войска противника и войдут в столицы Египта и Сирии — Каир и Дамаск.

Разведывательные службы, как всегда, получали подробную информацию о передвижениях войск в Египте и Сирии, но «Концепция» расценивала все эти передвижения как военные маневры и даже дезинформационные акции, направленные на то, чтобы побуждать Израиль постоянно проводить дорогостоящие мобилизационные мероприятия. «Концепция» успокаивала, вселяла уверенность и охватывала все более широкие круги политического, военного и разведывательного аппарата страны.

«Аман» как часть генерального штаба подчинялся начальнику генштаба и министру обороны. И хотя временами в газетных заголовках «Аман» затмевали более падкие на рекламу «Моссад» и «Шин Бет», он оставался самым большим и самым важным разведывательным агентством с точки зрения обороны еврейского государства. В этом плане «Аман» напоминал — и не только в силу того, что он отвечал за организацию радиотехнической разведки, — американское Агентство национальной безопасности (АНБ). Названное американским автором Джеймсом Бамфордом «Дворцом загадок» в книге с одноименным заголовком, огромное АНБ живет в тени ЦРУ, но в то же время создает основу, на которой базируются все успехи американской разведки.

«Аман» очень хорошо организован, как того и следует ожидать от военной системы. Он состоит из шести департаментов, наиболее важные из которых — департамент «добычи» и «производственный» департамент.

Департамент добычи организует зарубежную агентурную работу, ведет перехват как систем радиосвязи, так и наземных телефонных линий. Успех в Шестидневной войне 1967 года в немалой степени объяснялся оперативным перехватом арабских линий связи, в том числе телефонных переговоров между президентом Египта Насером и иорданским королем Хусейном, и быстрым доведением этой информации до израильских генералов.

«Аман» также очень тесно взаимодействует с ВВС, в первую очередь в вопросах радиотехнической разведки. Причем речь тут идет не только о пассивном перехвате

сигналов, но и об активном воздействии на технические системы противника, например радары, с целью их дезинформации.

Производственный департамент является самым большим. В нем работают 3 тыс. из 7 тыс. сотрудников «Амана». Их главная задача — анализ добываемой информации. Департамент состоит из отделов, которые, как и в «Моссаде», имеют географическую или функциональную структуру: западный отдел обслуживает Египет, Судан и Ливию; восточный — Ирак, Сирию и Ливан; есть специальные отделы для Иордании и стран Аравийского полуострова; палестинский отдел, ведущий наблюдение за палестинскими партизанами; отдел анализа межарабских отношений и отдел ближневосточной экономики. Продукция «производственного» департамента имеет вид аналитических документов или советов политическим деятелям.

«Аман» также отвечает за работу военных атташе в посольствах Израиля за рубежом, за военную цензуру прессы и за обеспечение режима секретности в частях израильской армии. В «Амане» есть также небольшой научно-исследовательский отдел, занимающийся разработкой образцов оперативной техники и программного обеспечения для разведки. Военно-морской флот и военно-воздушные силы также имеют свои собственные небольшие разведывательные подразделения.

Эта структура представляет премьер-министру ежегодную «Национальную разведывательную оценку». «Оценка» подписывается начальником «Амана» и охватывает и прогнозирует исключительно широкий круг вопросов военного, экономического и политического плана, а в конечном счете все это сводится к вопросу войны и мира. В период между войнами 1967 и 1973 годов вышло три «оценки», которые несли на себе явный отпечаток «Концепции».

Предполагаемая истинность «Концепции» была поставлена под вопрос, когда в ноябре 1969 года из Египта были получены сведения, не укладывающиеся в ее рамки. Менее чем через два с половиной года после унижительного поражения Египет восстанавливал свои вооруженные силы гораздо более быстрыми темпами, чем это представлялось Израилю. Зашоренные аналитики разведки не могли проверить эту информацию и, в конце концов, не сделали ничего.

Несмотря на ранние предупреждения, для Израиля явилось полной неожиданностью выявленное в феврале

1970 года наращивание советского военного присутствия в Египте. Впервые русские советники были прикомандированы к боевым частям, и этот факт серьезно изменил соотношение сил, из которого исходил Израиль в планировании обороны западных рубежей оккупированного Синайского полуострова.

«Аман», судя по всему, не сумел заблаговременно получить информацию об этом наиболее серьезном продвижении сверхдержавы в регионе за последние 13 лет. Ведущие политики Израиля требовали создания независимой комиссии для анализа этого просчета, но вместо этого «Аман» создал свою внутреннюю комиссию под руководством бригадного генерала Иоеля Бен-Пората, руководителя подразделения радиоперехвата.

Начальник военной разведки генерал Аарон Ярив чувствовал, что в аналитической ветви его службы творится что-то неладное. Его сослуживцы с удивлением отмечали, что их шеф каждый раз приходил в ярость, как только возникала тема аналитической работы. Обычно деликатный и сдержанный, он вдруг начинал кричать на своих подчиненных. Потрясая перед носом у аналитика досье, содержащим первичную информацию, он орал: «Ради бога! Ваши оценки не вытекают из этих данных!».

Однако эти вопли Ярива были слишком запоздалыми, чтобы что-то изменить. После восьми лет пребывания на посту начальника «Амана» генерал Ярив в ноябре 1972 года ушел в отставку и стал советником премьер-министра Голды Меир по вопросам терроризма. После ухода Ярива сотрудники его агентства стали еще более наглыми и самоуспокоенными.

Новый шеф «Амана» генерал-майор Эли Зейра был самым ревностным приверженцем «Концепции». Как бюрократ он, можно сказать, «держал бога за бороду». В конце концов именно военная разведка обеспечила Израилю триумфальную победу в Шестидневной войне 1967 года. Этот успех политики и военные единогласно ставили в заслугу Яриву, естественно, что часть славы выпадала и на долю Зейры, который был заместителем Ярива, пока не стал его преемником.

Репутация «Амана» была так высока, что, когда в 1973 году Зейра заявил, что Египет слишком дезорганизован и слаб для нападения на Израиль, в Иерусалиме это восприняли как абсолютную истину. Это заявление Зейра

сделал в мае 1973 года, когда египетские части в зоне канала уже были приведены в состояние повышенной боеготовности. Когда же броска не произошло и уровень мобилизационной готовности египетских частей был понижен, это восприняли как доказательство правоты Зейры и истинности «Концепции». В свете этого проведенная мобилизация некоторых израильских частей рассматривалась как напрасная трата денег.

Новые военные приготовления в египетской и сирийской армиях были отмечены в сентябре 1973 года, но всемогущая «Концепция» сочла их безобидными. Даже американское ЦРУ, согласно заявлениям президента Никсона, считало в то время «новую войну на Ближнем Востоке маловероятной», расценив массовые и необычные передвижения арабских войск 5 октября 1973 г. как «ежегодные маневры».

К несчастью, ЦРУ получало основную часть своей информации по Ближнему Востоку от израильской разведки через давно установленный прямой канал связи между штаб-квартирой ЦРУ в Лэнгли и штаб-квартирой «Моссада» в Тель-Авиве. Другими словами, «Концепция» ослепляла и американцев.

В то время как израильтяне тайно собирали информацию, президент Египта Анвар Садат в своих воинственных выступлениях делал довольно прозрачные намеки. В третью годовщину смерти своего предшественника Насера, 28 сентября, он в обращении к нации заявил: «Мы не пожалеем сил и жертв для достижения наших целей. Я не стану раскрывать деталей, но освобождение наших земель есть первая и главная из стоящих перед нами задач».

Зейра и аналитики «Амана» давно уже решили не придавать значения воинственной риторике и свойственным арабам преувеличениям, исходившим от политиков, подобных Садату, даже если другая поступающая информация указывала на подготовку Египта к войне. Руководители «Амана» получили непонятное сообщение одного из офицеров разведки Южного командования, которое охватывало весь оккупированный Синай вплоть до линии Бар-Лева, шедшей вдоль захваченной Израилем стороны Суэцкого канала. 1 октября 1973 г. подполковник Симан-Тов сообщил, что через несколько дней Египет двинет свои войска через Суэц. На Зейру это не произвело впечатления.

«Моссад», с другой стороны, был более насторожен. За два дня до сирийско-египетского нападения агент «Моссада» в Каире сообщил о приближении войны. Шеф «Моссада» Цви Замир воспринял это предостережение серьезно, но не стал отстаивать свою точку зрения в высших эшелонах.

Подробности того, как разведывательная бюрократия Израиля работала — или не работала — с сигналами о надвигающейся войне, до сих пор остаются тайной, в то время как отставные офицеры разведки продолжают яростно защищать свою честь. В соответствии с существовавшей в тот период системой директор «Моссада» был главным советником премьера Голды Меир по разведке. Все сигналы такого рода он был обязан докладывать не только премьер-министру, но и в письменном виде информировать о них «Аман».

Сегодня «Аман» и другие ветераны израильской разведки обвиняют Замира в том, что он, будучи убежден в «неизбежности» близкой войны, просто сообщил об этом Зейре по телефону, а к премьер-министру направил своего помощника. Помощник решил, что от него требовалось всего лишь сообщить эту информацию по телефону в аппарат премьер-министра, но ему не удалось дозвониться до нужного чиновника.

Информация не дошла по назначению, а Замир это не проверил. Он выехал за рубеж для встречи с одним источником «Моссада», который на короткое время был вывезен из Египта. В пятницу 5 октября Голда Меир не могла найти Замира. И только в субботу израильская разведка пришла к выводу, что в этот день начнется война, но было уже поздно.

Правда, Израиль мог использовать свою авиацию для нанесения упреждающего удара, как это было в 1967 году, но Меир и Даян решили не делать этого. Они понимали, что американцы этого не одобряют, и, чтобы сохранить поддержку США, должны были прийти к необходимости принять на себя первый удар. Это стало последним и самым ярким проявлением зависимости Израиля от США в области внешней и оборонной политики. В 1967 году начальнику «Моссада» Меиру Амиту было важно поскорее вернуться из Вашингтона и сообщить, что президент Джонсон дает «зеленый свет» упреждающему удару. В 1973 году Меир и Даян, отталкиваясь от того же американ-

Р. Шилой – первый директор «Моссада»

И. Харел – директор «Моссада» в 1952–1963 годах

Освобождение израильскими командос заложников в Энтеббе

Наум Адмони – директор «Моссада» в 1982–1989 годах. При нем организация потеряла свое могущество

Амос Манор. Возглавлял «Шин Бет» в 1953–1963 годах

◀ Йозеф Хармелин – глава «Шин Бет» в 1964–1974 и 1986–1988 годах. Известен своими жестокими методами в борьбе с терроризмом

Аврахам Ахитув (справа) – директор «Шин Бет» в 1974–1981 годах

Меир Амит – единственный человек, который возглавлял военную разведку (1962–1963) и «Моссад» (1963–1968)

Аарон Ярив – начальник военной разведки Израиля в 1962–1972 годах

Таинственный Израиль Беер. Он имел доступ к самой секретной информации, часть которой получил непосредственно из дневников Бен-Гуриона

◀ Ларон Ярив – шеф военной разведки в период войны Йом кипшур

Эли Зейра – руководитель «Амана» в 1972–1974 годах. Поплатился карьерой во время войны Йом кипшур

Президент Израиля Хайм Герцог (в центре), руководивший «Аманом» в 1949–1950, и Ехуд Барак (справа) – в 1983–1985 годах

Цви Замир – директор «Моссада» в 1968–1974 годах

ского фактора, приняли прямо противоположное решение: поддержка американцев была превыше всего и ради ее сохранения можно было пойти на любые жертвы.

Израильские солдаты на Синае и Голанских высотах должны были своими жизнями расплачиваться за благодушные политических лидеров и ошибки руководителей израильской разведки. В ожесточенных боях сирийцы возвратили себе часть Голанских высот, египтяне пересекли Суэцкий канал и закрепились на Синае, вызвав панику у Даяна, героя войны 1967 года. Он был настолько расстроен, что на третий день войны сумрачно намекнул на возможность разрушения «третьего храма израилева». Еврейская история отмечает, что первый израильский храм был разрушен вавилонянами в 586 году до нашей эры, второй — римлянами в 70 году нашей эры. Третьим храмом был сам Израиль, и Даян оценивал его шансы на выживание очень невысоко.

Среди израильских генералов пошли разговоры о применении «нетрадиционного» оружия. В первую неделю войны впервые серьезно обсуждался вопрос о возможности применения Израилем ядерного оружия в качестве последнего и почти самоубийственного средства обороны. Тайный ядерный арсенал, созданный при участии невидимого «Лакама», еще не был испытан и считался «грязным», то есть не доведенным до нужной «чистоты». Однако по приказу Даяна ракетные батареи «Иерихон» и бомбовые подвески на самолетах «Фантом» были подготовлены для использования ядерных боеприпасов.

Отчаяние министра обороны тяжелым грузом легло на плечи Голды Меир. Ее помощница и доверенное лицо Лу Каддар вспоминает, что Голда Меир, похоже, была готова покончить с собой: «Я никогда не видела ее такой мрачной, как в то утро. Она сказала мне: «Даян хочет, чтобы мы обсудили условия сдачи». Я подумала, что такая женщина, как Меир, никогда не сможет жить в подобных условиях. И тогда я приготовила кое-что для нас обеих. Я пошла к своему доктору, и он согласился дать мне таблетки, чтобы мы вместе — она и я — могли покинуть этот мир».

Меир, однако, мобилизовала свою волю и вместе с начальником штаба генерал-лейтенантом Давидом (Даддо) Элизаром, который был тверд как скала, предприняла контр-

наступление, которое в конечном счете привело к победе. Однако краткосрочное отступление обошлось Израилю очень дорого. Потери Израиля убитыми составили 2700 человек — пропорционально населению США это составило бы 170 тыс. человек. Для страны с населением около 3 млн. это была тяжелая травма.

Еще одним долгосрочным последствием было то, что Государство Израиль в целом утратило веру во всемогущество своей когда-то легендарной разведки. Это было не просто ощущение. Это зафиксировано письменно. Премьер-министр Голда Меир приказала провести официальное расследование «упущений» — таким эвфемизмом называли провал разведки, который привел к внезапному нападению в ходе войны Йом киппур. Комиссию, вошедшую в историю как «Комиссия Аграната», возглавил председатель Верховного суда Израиля Шимон Агранат.

Как всегда, политикам, которые определяли рамки работы комиссии, удалось переложить основную вину на военных и разведсообщество. Комиссия вынесла заключение о том, что Меир и Даян не были виновны в этом провале. Вместо них «козлами отпущения» комиссия сделала начальника штаба Элизара и командующего Южным округом генерала Шмуэля Городиш-Гонена. Итоговый доклад также был беспощаден к генералу Зейре и его трем заместителям. Все они были уволены, и новым начальником «Амана» стал генерал-майор Шломо Газит.

«Комиссия Аграната» рекомендовала провести структурные изменения в израильском разведсообществе, включая создание новой службы. В результате центр планирования и исследований министерства иностранных дел, существовавший с 1951 года только на бумаге, стал реальной службой. Его задача заключалась не в сборе разведывательной информации, а в проведении дальнейшего анализа уже имеющихся данных. Центр расположился в отдельном корпусе служебного комплекса министерства иностранных дел в Иерусалиме. Это было сделано не потому, что надо было защитить его тайных агентов; в этом центре сосредоточивалась важная информация, поступающая из «Амана» и «Моссада».

Другим изменением стало расширение небольшого исследовательского отдела «Моссада», предпринятое для уменьшения зависимости этой службы от аналитического

аппарата «Амана». По предложению «Комиссии Агранта» аналитики «Моссада» стали принимать участие в подготовке для премьер-министра ежегодной «национальной разведывательной оценки».

На политическом уровне огонь критики за почти понесенное Израилем в октябре 1973 года поражение сосредоточился на Меир и Даяне. В апреле 1974 года эта критика стала нестерпимой и оба ушли в отставку.

Новым лидером Израиля стал Ицхак Рабин. Начальник штаба армии в ходе Шестидневной войны, а затем посол Израиля в Вашингтоне, Рабин не был новичком в вопросах разведки.

На посту премьер-министра он требовал докладывать ему первичные материалы разведки, а не только ее аналитические «выжимки», предпочитаемые большинством штатских политиков. Это объяснялось не только военным прошлым Рабина. В составленной на Рабина секретной характеристике ЦРУ отмечалась его склонность к «самоанализу» и «тенденция к постоянному беспокойству». У него была совершенно определенная привычка не полагаться на других, и после полного провала разведки в 1973 году Рабин, естественно, не собирался полагаться на мнение руководителей своих разведслужб. Он начал действовать в условиях, когда в стране возобладали новые настроения.

Мораль «Амана» достигла самой низшей точки. «Моссад» же вышел из катастрофы Йом киппур почти без потерь. Было принято во внимание, что Цви Замир знал о приближении войны, но просто не успел подать сигнал. За это Рабин фактически вознаграждал «Моссад», возложив на него обеспечение его тайных контактов и официальных встреч с королем Иордании Хусейном — вне всякого сомнения, в тот период самый важный и секретный аспект израильской внешней политики.

В конце концов иорданский монарх, чьи земли граничили с Израилем, несмотря на открытые призывы к возвращению Западного берега, в войне не участвовал. За кулисами Хусейн лично встречался с лидерами Израиля начиная с 1963 года, сперва стремясь к заключению мирного договора, но потом довольствуясь прочным, хотя и неформальным миром.

В переписке «Моссада» и ЦРУ эти тайные контакты назывались «Операция “Подъем”». В то же время, возмож-

но, втайне от израильтян, Хусейн был на содержании ЦРУ как секретный источник. Практически «Моссад» шел по следам Рувена Шилоя, основателя «Моссада», который до 1951 года вел секретные переговоры с дедом Хусейна, королем Абдаллахом.

Отношения Рабина и Хусейна развивались столь успешно, что иорданский монарх даже посетил Рабина в Тель-Авиве — секрет, который до сих пор не был предан огласке даже в мемуарах тех немногих официальных лиц, которые знали о тайной дипломатии. После разгрома палестинских отрядов Арафата в 1970 году Хусейн чувствовал себя достаточно уверенно. Израильтяне при содействии США косвенно помогли в этом Хусейну, разместив свои войска так, что они стали препятствием для возможного вмешательства Сирии на стороне ООП.

Важным результатом этих отношений стал совершенно секретный и крайне полезный обмен разведывательной информацией между «Моссадом» и иорданской разведывательной службой «Мухабарат». Их общим врагом были палестинские террористы, и израильтяне с радостью информировали Хусейна о многочисленных заговорах палестинцев против него.

Иорданский «Мухабарат», в свою очередь, приоткрыл «Моссаду» окно в опасный мир арабского радикализма. Они раскрывали друг другу далеко не все, и израильтяне проявляли особую заботу о том, чтобы не поставить под удар свои источники, но руководители двух служб встречались довольно часто — на обоих берегах реки Иордан и на нейтральной почве в Европе.

Хусейн встретился с Рабином в мае 1975 года в пограничной пустыне на Аравийской равнине. Когда в марте 1977 года иорданский король на вертолете «Моссада» был переправлен на гостевую виллу «Моссада» к северу от Тель-Авива, «Моссад» записывал все переговоры скрытыми камерами и на магнитофоны. Пленки и их расшифровки с тех пор хранятся в израильских государственных архивах, и нет никаких шансов, что они когда-либо будут опубликованы.

«Моссад» также организовал тайный визит Рабина в Марокко. Израильский премьер надеялся вывести ближневосточные переговоры из тупика после того, как он узнал, что Иордания не подпишет открытый мирный договор, и пришел к выводу, что на египетском фронте должно быть что-то более постоянное, чем разведение войск.

Рабин вылетел в Рабат через Париж, надев для маскировки парик. Он попросил короля Хасана II попытаться убедить Садата сесть за стол переговоров. Немедленного результата от этой инициативы в отношении Каира не произошло, но тайное сотрудничество Марокко и Израиля укрепилось. «Моссад», как и ЦРУ, получил полную свободу действий в Марокко и мог устанавливать контакты с потенциально интересными арабами, внедрять технику подслушивания и вести широкомасштабную радиоразведку в Северной Африке, а также давать королю и его высшим чиновникам советы по вопросам внутренней безопасности.

Израильские дипломаты совершенно открыто работали с Генри Киссинджером и другими американскими посредниками, добивавшимися соглашения об отводе войск с Сирией и Египтом. Однако совместные американо-израильские действия не ограничивались сферой дипломатии. За кулисами шла еще более многоплановая работа. Киссинджер и в целом администрация Никсона были благодарны Израилю за проявленную им накануне войны 1973 года сдержанность и теперь вознаграждали своего клиента новейшими моделями танков, самолетов и ракет.

Начался «золотой век» военного сотрудничества. Поощряемые администрациями Никсона и позже Форда американские корпорации стали инвестировать крупные средства в израильскую промышленность, создавать совместные предприятия, выпускавшие как гражданскую, так и военную продукцию.

Расширялись контакты между вооруженными силами обеих стран, интенсивные программы обменов приносили пользу обеим сторонам. Израиль снабжал США превосходной информацией о советской военной технике, захваченной в войнах с арабами. Американцы изучали образцы этой техники, вырабатывали соответствующие контрмеры и направляли образцы новых вооружений для испытания в Израиль. В числе таких новинок были противотанковые снаряды, устройства радиоэлектронной борьбы и современные аэронавигационные приборы. Таким образом, американское оружие могло пройти проверку в боевых условиях реально воюющей армии.

Соединенные Штаты становились главным союзником Израиля, его ангелом-хранителем, но за пределами этих отношений Израиль не имел четко выраженного полити-

ческого курса, направленного на формирование отношений с соседними арабскими странами. В период пребывания у власти Рабина эта неспособность добиться подписания мирных договоров заметно контрастировала с довольно скромными достижениями в области ограничения вооруженных сил. В этих условиях назначение нового руководителя «Моссада» не было вопросом жизни или смерти. Смена караула не имела большого значения. Просто один армейский генерал уходил и ему на смену приходил другой.

После пяти лет пребывания на посту директора «Моссада» Цви Замир, так же как и его предшественник Меир Амит, вышел в отставку — таким же бесцветным и неприметным, каким он был в начале своей карьеры. Его «вахта», закончившаяся в 1974 году, была отмечена двумя крупными провалами: скандалом в Лиллехаммере и войной Йом киппур, хотя последняя не компрометировала его лично.

Новым шефом «Моссада» стал старый знакомый Рабина, генерал-майор Ицхак (Хака) Хофи. На этом назначении сказались воспоминания о провале израильской разведки в 1973 году, причем Хофи мог с гордостью вспоминать это время. В то время он как командующий Северным округом оказался единственным генералом, который призывал военную верхушку обратить внимание на передвижение сирийских войск за несколько недель до «Судного дня войны». Он требовал усиления подразделений танками и артиллерией, но его обращения игнорировались. Во время войны Хофи и его солдаты храбро сражались, они сумели захватить гору Хермон, Голанские высоты и даже продвинуться в глубь сирийской территории.

В возрасте 47 лет Хофи стал первым саброй, возглавившим «Моссад». (На иврите «сабра» означает «кактусовый плод». Так в Израиле называют евреев, родившихся в Израиле, поскольку они, как и плод кактуса, снаружи колючие, но внутри сладкие.) Как и большинство представителей его поколения, Хофи вступил в специальный отряд «Палмах», принимал участие в войне 1948 года и — так же как Амит и Замир — решил посвятить себя военной карьере. В качестве командира парашютного подразделения он еще до войны 1956 года принимал участие в нескольких дерзких рейдах Израиля на Синайском полуострове и в секторе Газа, а спустя 10 лет был одним из офицеров,

разрабатывавших планы Шестидневной войны. В июле 1974 года крепко сложенный, круглолицый Хофи покинул армию и просто исчез. Израильские власти отказывались комментировать это исчезновение, но бывший парашютист «приземлился» в штаб-квартире «Моссада» в Тель-Авиве.

Хофи не был гением разведки, но его всегда уважали за трудолюбие и серьезный подход к делу. Его отношения с премьер-министром были окрашены тем, что в юности он входил в то же крыло лейбористской партии, что и Рабин.

Продолжая традиционную линию «Моссада» на окружение арабских государств «периферийными» друзьями, Хофи понимал, что Израилю нужно двигаться дальше и искать урегулирования с самими арабами. Вслед за Иорданией, Марокко и первоначальными контактами с Египтом настала очередь Ливана.

Главным мотивом по-прежнему было установление «периферийных» отношений с христианской маронитской общиной Ливана, но приобретение связей в Бейруте открыло возможности непосредственного выхода на лидеров исламского мира.

Тайная дипломатия «Моссада» отлично согласовывалась с борьбой против терроризма, которая проникала даже в самое сердце Африки. Тайные контакты «альтернативных дипломатов» вроде Дэвида Кимче на Африканском континенте оченьгодились, когда 27 июня 1976 г. в угандийском аэропорту Энтеббе совершил посадку захваченный террористами французский авиалайнер. Для Израиля это выглядело как абсолютно проигрышная ситуация. Рейс авиакомпании «Эр франс» вылетел из Тель-Авива в Париж и был захвачен в воздухе двумя террористами из Народного фронта освобождения Палестины и двумя членами группировки печально известной банды Баадер-Майнхоф.

Французский аэробус имел на борту 250 пассажиров, из которых по крайней мере 82 человека были израильтянами. Вооруженные до зубов налетчики решили взять в заложники только израильских граждан, отпустив всех других иностранцев, и этот циничный расчет вывел из себя обычно невозмутимых аналитиков «Моссада» и «Амана». Это напомнило им «отбор» в нацистских концлагерях, когда из прибывшего эшелона с евреями обреченных направляли в газовые камеры.

Оперативники «Моссада» также были крайне раздражены тем, что один из африканских лидеров, которого они

заботливо выхаживали, теперь кусал кормившую его руку. После войны 1973 года многие африканские лидеры, включая Иди Амина, который три года назад пришел к власти в результате военного переворота, организованного с помощью израильских военных советников, отвернулись от Израиля, предпочтя арабские страны. Теперь этот бывший боксер и сержант английской армии, безумный убийца, бросавший своих политических противников на съедение крокодилам, переориентировал свою политику в сторону арабского мира.

Израиль с самого начала отверг требование воздушных пиратов об освобождении 40 арестованных террористов и принял трудное решение освободить заложников путем силовой операции. В ночь на 3 июля 1976 г. израильские ВВС перебросили несколько групп «сайрет» за 2 тыс. миль в Уганду. Им удалось обмануть бдительность контрольной вышки аэропорта Энтеббе и бесшумно посадить несколько самолетов типа «Геркулес» с десантниками, вооружением и даже полевым госпиталем.

Особая группа десантников в черном «мерседесе», точной копии лимузина Иди Амина, ворвалась в старое здание аэровокзала и в течение нескольких минут уничтожила семерых террористов. Три других члена НФОП, получившие подкрепление от Иди Амина, похоже, были тайно захвачены в плен израильцами. Десантники освободили более сотни заложников, хотя двое из них погибли под их огнем. С израильской стороны была одна-единственная жертва — подполковник Йонатан Нетанияху, командир одной из элитных групп, сраженный снайперским выстрелом с контрольной вышки. Было также убито 45 угандийских солдат.

Этот ошеломляющий успех Израиля — дерзкая операция, проведенная за несколько тысяч миль от своих баз и затмившая предыдущую успешную операцию по освобождению заложников рейса авиакомпании «Сабена» за 4 года до этого, — стал частью государственного фольклора еврейского государства. Даже в Соединенных Штатах это известие почти затмило празднование 200-летия Америки.

Этот успех был обеспечен превосходной закулисной работой безмянных тайных агентов «Моссада», которая началась, как только поступило сообщение о захвате самолета, и израильский кабинет министров отдал приказ разведсообществу готовить ответ.

«Моссад» решил, что ключевую роль в этой операции может сыграть Брюс Макензи, британский фермер и бизнесмен, осевший в Кении. Он был другом кенийского президента Джомо Кениаты и единственным белым членом кенийского кабинета. Макензи помогал кенийцам в организации системы обороны и безопасности и одновременно информировал британскую «МИ-6» о ситуации в Африке. Он также хорошо знал израильтян.

«Моссад» через свою резидентуру в Найроби уже давно поддерживал превосходный контакт со службой безопасности Кении. Столица Кении привлекала Израиль тем, что располагалась неподалеку от Африканского рога и была одной из самых важных столиц Африканского континента, где в аппарате Организации Объединенных Наций и Организации африканского единства были представлены дипломаты и шпионы всех мастей и оттенков. Вместе с Заиром в Центральной Африке и Нигерией на западе Кения была одним из трех стратегических опорных пунктов израильской разведки в Африке.

Такие космополитические зоны, естественно, всегда привлекают и террористов. 18 января 1976 г., за шесть месяцев до драмы в Энтеббе, кенийская полиция арестовала в окрестностях столичного аэропорта трех палестинцев, вооруженных советскими ракетами класса «земля—воздух». Арабы намеревались сбить израильский самолет со 110 пассажирами на борту, который должен был через час зайти на посадку. Полученная в ходе допроса палестинцев информация позволила арестовать западногерманскую пару, Томаса Ройтера и Бригитту Шульц, прибывшую в Найроби за 3 дня до этого инцидента. Все 5 подозреваемых — 3 палестинца и 2 западных немца, наглядный результат сотрудничества арабских террористов и молодых европейских радикалов, — после ареста просто исчезли.

Родственники Шульц пытались разыскать ее, но кенийские власти заявили, что они не удерживают никаких иностранных граждан. В конце концов Израиль подтвердил, что арестованные находятся в Израиле. Именно Макензи добился того, чтобы террористы были переданы «Моссаду». В Израиле они были преданы суду и приговорены к длительному сроку лишения свободы.

Угон самолета с израильскими заложниками в Уганду потребовал срочной помощи со стороны Макензи. Макензи договорился с Кениатой об использовании территории

Кении израильской разведкой. Уже через несколько часов в Найроби прибыли 10 агентов «Моссада» и «Амана», организовавшие штаб по подготовке операции и приему еще нескольких десятков израильских разведчиков. Остальные израильтяне, одни — под прикрытием бизнесменов, другие — нелегально, на лодках переправившись через озеро Виктория, проникли в район аэропорта Энтеббе для рекогносцировки и изучения систем охраны аэропорта, путей подхода и отхода.

Кения также разрешила израильскому самолету, служившему полевым госпиталем, совершить посадку на своей территории после успешного завершения операции. Эти тайные связи «Моссада» полностью себя оправдали и обеспечили молниеносный успех операции, когда Израиль продемонстрировал всему миру свою способность бороться с терроризмом.

Еврейское государство, так же как и в случае с Джеймсом Энглтоном, показало, что умеет ценить своих тайных друзей. Спустя два года после операции в Энтеббе Макензи был убит именно из-за своего сотрудничества с Израилем: работавшие на угандийского диктатора ливийские агенты подложили в самолет Макензи бомбу. Это была месть Амина.

Израиль постарался увековечить память Макензи. Ассоциация ветеранов израильской разведки, возглавляемая бывшим шефом «Моссада» Меиром Амитом, на собранные деньги посадила на склонах нижней Галилеи рощу из 10 тыс. деревьев в память своего британского союзника из Кении.

Успех операции в Энтеббе, проведенной спустя 3 года после войны Йом киппур, естественно, поднял моральный дух в израильском разведсообществе, но одного этого яркого спектакля было недостаточно для того, чтобы Ицхак Рабин мог удержаться у власти. В мае 1977 года израильский электорат неожиданно отвернулся от Рабина и его лейбористской партии. Весь груз скандалов и провалов, начиная с «дела Лавона» и кончая большим провалом разведки накануне войны 1973 года, щедро приправленный скандальными разоблачениями о коррупции, в конце концов, опрокинул правительство лейбористов, которое управляло страной на протяжении 29 лет. На выборах победила правая партия «Ликуд», и новым премьером стал Менахем Бегин.

Руководители разведсообщества, как и все израильтяне, были шокированы победой Бегина. Они уже давно призывали работать с хорошо известными им деятелями лейбористской партии и сами были выходцами из рядов этой партии. Теоретически они должны были стоять вне партийной политики, но верхний эшелон разведсообщества всегда имел весьма тесные связи со своими политическими руководителями.

Теперь в их рядах ощущались неопределенность и даже страх перед стремлением к власти «Ликуда», что было вполне естественно для партии, которая три десятилетия была на политической обочине, и это могло толкнуть ее на путь чисток созданного лейбористами чиновничьего аппарата. Эти страхи имели основания, так как некоторые лидеры «Ликуда» действительно призывали Бегина к проведению такой чистки.

Шеф «Моссада» Хофи и Аврахам Ахитув из «Шин Бет» направили новому премьеру почти идентичные письма, в которых выражали свою готовность уйти в отставку. Оба были гражданскими чиновниками и могли сохранять свою работу, но они признавали право нового премьер-министра назначить на эти ответственные посты своих людей.

Бегин, однако, предложил им оставаться на своих постах, желая избежать ненужных сложностей и недовольства в правительственных учреждениях. Он довольно быстро установил хорошее взаимопонимание с Хофи и Ахитувом. Вскоре оба руководителя, особенно шеф «Моссада», стали частыми гостями в кабинете премьер-министра.

Бегин проявлял живейший интерес к операциям «Моссада», которые, очевидно, напоминали ему его прошлую деятельность во главе организации «Иргун» в 1940-х годах. Почти с юношеской непосредственностью он иногда просил Хофи рассказать ему «все», не опуская никаких деталей. Тот терпеливо рассказывал, поражаясь время от времени невежеству Бегина в вопросах разведки и военной стратегии. Это было результатом его долгого пребывания в оппозиции, когда он был лишен того доступа к информации, которым располагали лейбористские лидеры. Позже Хофи признавал, что лишь неосведомленность Бегина вынуждала шефа «Амана» подробно рассказывать премьеру о своей деятельности.

Бегину нравился ореол, которым была окружена разведка, и он с удовольствием играл свою роль шефа разведсообщества. Но у него для этого были и другие причины чисто практического свойства. Бегин намеревался изменить ход истории и использовать для достижения этой цели разведку, имея свое собственное представление о том, чему следовало посвятить первые годы пребывания на посту премьера. Его политические противники старались представить его демоном, этаким сатанинской личностью, которая «сожрет арабов», поджигателем войны, который ввергнет Израиль в пучину новых конфликтов с арабскими соседями.

Бегин знал, что его старались представить в таком свете, и пытался сделать все возможное, чтобы показать неправоту своих оппонентов: он станет великим миротворцем. В качестве первого шага он назначил Моше Даяна, бывшего до этого одним из столпов лейбористской партии, своим министром иностранных дел. Другим шагом стало направление Хофи в Марокко.

Спустя несколько недель после вступления Бегина в должность шеф «Моссада» в сопровождении Дэвида Кимче прибыл в уединенный дворец короля Марокко Хасана в Ифране. Новый премьер пытался добиться того, что не удалось Рабину во время прошлогодней поездки в Рабат, — достичь мира с Египтом, самым мощным противником Израиля. Хофи заручился согласием Хасана на оказание содействия в проведении необычной встречи. Шеф «Моссада» — фигура, вызывавшая страх и ненависть во всем арабском мире, — должен был встретиться с высокопоставленным представителем Египта и открыть путь для будущих мирных переговоров.

В тот же день в Марокко прибыли два высокопоставленных представителя Египта. Это были генерал Камаль Хасан Али, руководитель египетского эквивалента «Моссада», и Хасан Тохами, заместитель египетского премьера, иногда подвергавшийся насмешкам в связи с его чрезмерной религиозностью, но тем не менее пользовавшийся уважением в силу своей близости к Насеру в 1950-х годах и связей с ЦРУ. Спустя несколько лет генерал Али вспоминал, как без всяких объяснений он получил приказ Садата вылететь с Тохами за границу. На протяжении всего перелета Тохами хранил гробовое молчание. Али знал только, что они летят в Марокко.

Египтяне вошли во дворец Ифран и поздоровались за руку с двумя иностранцами, но они не были представлены Али, и после рукопожатия Тохами предложили изумленному генералу выйти из комнаты. Руководитель египетской разведки не знал, что его собственное правительство делало у него под самым носом. А король Марокко знал.

Когда встреча закончилась, разъяренный Али погрозил Тохами пальцем и сказал, что он ни за что бы не поехал, если бы знал, что его выставят за дверь. Тохами ответил, что его собеседники были французами и речь шла о закупках оружия. Это еще больше оскорбило Али: «Я военный и не вижу причин, почему я не должен был принимать участия в этих переговорах».

По возвращении в Египет Али пожаловался Садату: «Я никогда не видел, чтобы президент так смеялся, — вспоминал позже Али, — а потом он рассказал мне о действительной цели поездки».

Целью Хофи было убедить египтян в серьезности миротворческих намерений Бегина и наличии у него достаточного политического веса для реализации этих планов. Хофи и Тохами договорились о дальнейших тайных контактах. 16 сентября 1977 г. Тохами снова полетел в Марокко, на этот раз для встречи с Моше Даяном — новым министром иностранных дел, но в то же время и старым израильским генералом, являвшимся живым символом военного превосходства Израиля над арабами.

Даян в присутствии Дэвида Кимче сообщил Тохами, что в обмен на заключение мирного договора Израиль готов уйти с Синая, возвратив Египту нефтепромыслы, аэродромы и все поселения. Это было совершенной неожиданностью, так как до сих пор Бегин пользовался репутацией крайне неуступчивого ультранационалиста.

Эта встреча в Марокко открыла путь для исторического визита Садата в Иерусалим, состоявшегося через два месяца.

Несмотря на то, что руководители разведки Израиля с самого начала были причастны к мирному процессу, они были настроены весьма скептически в отношении его шансов на успех. Хофи возвратился из Рабата, отягощенный сомнениями в отношении подлинных намерений непредсказуемого президента Египта.

Что же касается «Амана», то в своей ежегодной «Национальной разведывательной оценке» военная разведка сделала

вывод о том, что Садат пойдет по пути войны, а не мира. Позже аналитики «Амана» ссылались на то, что они не могли предсказать личные решения египетского руководителя. В подобных случаях разведка бывает бессильна. Пытаясь объяснить, почему его служба оказалась застигнутой врасплох — на этот раз не войной, а миром, — генерал Газит заявил: «Садат принял решение, которое ранее не обсуждалось ни на одном уровне правительственной иерархии».

Даже в то время, как президент Египта Садат готовился совершить свой исторический визит в аэропорт Бен-Гуриона, «Аман» информировал генерал-лейтенанта Мордехая Гура из генштаба, что поездка Садата может быть прикрытием для военного удара по Израилю. 19 ноября 1977 г. израильская армия была приведена в состояние повышенной боеготовности.

Генерал Гур даже поставил Бегина в неудобное положение, публично подвергнув сомнению намерения Садата и подчеркнув готовность Израиля к войне. Но самого Садата это ничуть не смутило. Спустившись по трапу своего самолета в аэропорту Бен-Гуриона, он как ни в чем не бывало пожал руку генералу Гуру и с улыбкой сказал ему: «Я приехал ради мира, а не ради войны».

Однако «Аман», все еще переживавший свое фиаско в войне 1973 года, до последнего момента проявлял сверхосторожность. Парализованные горечью поражения и страхом перед возможностью нового провала, руководители военной разведки были на грани паранойи. За каждым углом им мерещилась война. К счастью, этот страх не превратился в новую «Концепцию».

Наоборот, теперь «Концепция» заключалась в том, чтобы не иметь концепции. Место чрезмерной уверенности в успехе заняла новая психология, ориентированная на анализ наихудших из возможных вариантов. Надо признать, однако, что к этому времени, по сравнению с 1973 годом, существенно повысился уровень работы с первичной разведывательной информацией. Основной акцент делался на мониторинге долгосрочных стратегических тенденций с широким применением достижений современной технологии — таких как беспилотные разведывательные средства, способные передавать «живую» телевизионную картинку из расположения войск вероятного противника.

Во всяком случае неспособность израильской разведки в 1977 году предсказать мир была меньшим злом по срав-

нению с ее неспособностью предсказать войну в 1973 году, что привело к потере тысяч жизней израильтян.

Три года спустя, после того как в Кэмп-Дэвиде был подписан мирный договор в ходе очередного визита Садата в Израиль, египетский руководитель совершил поездку в Хайфу, где в его честь был устроен банкет. Заместитель египетского премьера Тохами готовился войти в банкетный зал, в двух метрах от него стоял шеф «Моссада» Хофи с женой. Тохами и Хофи сделали вид, что не знакомы друг с другом — ни рукопожатия, ни даже кивка головой.

Один израильский тележурналист, который знал о тайной встрече этих двух деятелей в Марокко, подковырнул Тохами: «Ну, хватит притворяться. Все это уже в учебниках истории».

ДЛЯ БЛАГА ЕВРЕЕВ

«Ехиель, пригласи, пожалуйста, ко мне Гарри Гурвица», — попросил премьер-министр своего верного политического секретаря Ехиеля Кадишай. Шел июль 1977 года. Менахем Бегин стоял во главе Израиля и был преисполнен решимости стать защитником евреев во всем мире.

Кадишай, оживленный и разговорчивый человек, легко узнаваемый по копне белых волос и очкам в темной оправе, был личным секретарем Бегина еще со времен подпольной работы в «Иргун». Они вместе испытывали чувство разочарования в период затянувшегося на несколько десятилетий пребывания в оппозиции. И теперь Бегин и его команда рвались в бой.

Кадишай снял телефонную трубку внутренней связи, набрал 211 и пригласил Гурвица немедленно зайти к премьер-министру.

Вскоре темноволосый и тучный уроженец Южной Африки уже работал у Бегина в качестве советника по еврейским делам. Бегин редко приглашал его к себе в кабинет, как правило, для того, чтобы тот помог ему в составлении особо деликатных документов на английском языке.

Уроженец Польши Бегин довольно свободно владел английским и каждый день слушал английские радиопередачи — пикантная дань уважения Лондону от человека, который в период английского правления в Палестине разыскивался британскими властями. Бегин был англофилом и хотел, чтобы израильская демократия развивалась по британской модели, а когда ему требовалось написать что-то особенно яркое на английском, он приглашал Гурвица.

Миновав охрану «Шин Бет», Гурвиц вошел в кабинет премьер-министра.

— Гарри, — обратился к нему Бегин, — я хочу, чтобы ты написал одно письмо, которое не только важно само по себе, но и близко моему сердцу.

Письмо было адресовано марксистскому президенту Эфиопии полковнику Менгисту Хайле Мариаму. Выдержанное в особо вежливом тоне письмо содержало просьбу разрешить эфиопским евреям выезд в Израиль. Эта гуманная просьба адресовалась лидеру Временного военно-административного совета, который возглавлял Эфиопию после свержения вооруженными силами старого «периферийного» союзника Израиля императора Хайле Селассие.

Бегин считал, что момент для такой просьбы был подходящим, чтобы начать всемирный поход за освобождение евреев, поскольку Израиль только что получил от полковника Менгисту просьбу о возобновлении поставок оружия в Эфиопию. По конфиденциальным каналам Менгисту намекнул, что надеется на поддержку Израилем просьбы о помощи Соединенных Штатов в войне с соседним Сомали и против повстанцев Эритрейского фронта освобождения.

В ходе своего первого визита в Вашингтон в качестве премьер-министра Израиля в июле 1977 года первый вопрос, который Бегин поставил перед Джимми Картером, касался Эфиопии. Однако речь шла не об оружии и не о локальных войнах. В течение нескольких минут Бегин старался вызвать симпатии сентиментального Картера к эфиопским евреям, которые лелеяли вековую мечту о возвращении на землю своих предков.

Правительство Бегина по-новому подошло к проблеме еврейской диаспоры в Африке и других регионах мира. Премьер вызвал директора «Моссасада» Хофи и Нехемию Леванона, нового руководителя «Бюро связей», координировавшего усилия Израиля, направленные на предоставление советским евреям права на эмиграцию. Бегин сказал им, что считает эмиграцию евреев делом не менее важным, чем достижение мира с Египтом, борьбу с терроризмом или подготовку разведывательных оценок военной ситуации, которые традиционно считались наиболее приоритетными задачами еврейского разведсообщества.

Леванон стал руководителем «Бюро связей» в 1970 году, заполнив несколько великоватые для него сапоги одного из основателей израильской разведки Шауля Авигура.

В 1934 году Авигур был одним из основателей «Шай» — догосударственной разведывательной службы — и вышел в отставку только в 70-летнем возрасте по состоянию здоровья, после 17 лет тайной борьбы за права советских евреев.

Новый глава бюро ранее служил у Авигура в «Алии-Бет». В качестве дипломата работал в Москве, откуда в 1950-х годах был выдворен за тайные контакты с советскими евреями. В числе его акций была доставка письма члена израильского кабинета его сестре, за которое несчастная женщина получила 3 года тюрьмы. В результате аналогичных инцидентов было выдворено еще два израильских дипломата.

По возвращении в Израиль Леванон работал в штаб-квартире «Бюро связей», а затем был направлен в израильское посольство в Вашингтоне для координации работы по еврейской проблеме. Его задача в основном сводилась к лоббированию американских политиков с целью получения их поддержки в вопросах эмиграции советских евреев. После разрыва дипломатических отношений с СССР в 1967 году Израиль лишился там дипломатического прикрытия и контакты с советскими евреями затруднились.

В 1970-х годах, возглавляя «Бюро связей», Леванон предпочитал вести работу без лишнего шума. Однако в этот период в самом Израиле и еврейской диаспоре воинствующие сионистские организации отвергали тихую дипломатию и открыто требовали «освободить советских евреев». Эти группы заставили Израиль скорректировать свою политику в соответствии с требованиями еврейской общественности. В это же время Соединенные Штаты и Советский Союз вступили в «золотой век» догорбачевской «разрядки». Под давлением американцев советский лидер Брежнев разрешил выезд из Советского Союза 250 тыс. евреев. Две трети советских евреев переехали в Израиль.

Увеличивающийся поток эмигрантов потребовал расширения масштабов деятельности Бюро. В ряде городов Европы открылись новые консульства Израиля, во многие страны были направлены эмиссары для поддержания контактов с еврейскими организациями. В Советский Союз стали направляться письма в поддержку евреев, а также литература на иврите, предметы религиозного обихода и т.п.

Выезжавшие в Советский Союз иностранные евреи получали от израильских дипломатов подробный инструктаж

о том, что надо и что не надо делать в СССР. Им говорили, с кем из евреев можно встречаться, а кого стоит избегать, как вести себя в случае задержания властями.

Леванон и Хофи, разумеется, знали, что тайная израильская агентура всегда принимала участие в решении проблем диаспоры, но Бегин хотел еще больше повысить ее роль.

Израиль рассматривал себя в качестве естественного национального дома для всего еврейского народа, убежищем для каждого еврея или еврейки, кем бы они ни являлись. Это была совершенно четкая идеологическая установка, служившая краеугольным камнем сионизма с момента его зарождения.

За этой доктриной стоит немалый момент национального своекорыстия. Окруженный враждебными арабскими государствами Израиль, в силу демографического фактора, нуждался в притоке иммигрантов. Они служили не только в качестве резерва живой силы, но и для оправдания самого существования Израиля. В силу этого Израиль считал себя обязанным оказывать помощь всем евреям и еврейским общинам, которые в этом нуждались. Это чувство ответственности наиболее сильно проявляется в специальных службах. Когда Израиль считает, что существует еврейская проблема, разведывательное сообщество Израиля становится «всееврейской разведывательной службой».

Официальная политика Израиля заключалась в том, что для защиты зарубежных еврейских общин, а также для привлечения иммигрантов в Израиль должны были использоваться все средства. Это предпочтительно было делать открыто и легальными средствами. Там же, где это было невозможно или не давало результата, сионистские организации и само Государство Израиль не останавливались перед применением нелегальных средств и методов. Такая стратегия была положена в основу деятельности «Алии-Бет», и она реализовывалась в массовых акциях по вывозу евреев из Йемена, Ирака и стран советского блока в первые годы существования Израиля.

Бегин полностью поддерживал работу «Бюро связей», но предпочитал более открытую и наступательную линию той, которую до сих пор проводило Бюро. Новому премьеру хотелось массовых митингов и петиций с требованиями свободы для советских евреев. Это был уже тот период 1970-х годов, когда с ухудшением отношений Соеди-

ных Штатов с брежневским Кремлем число еврейских эмигрантов сокращалось.

Были также сложности и в отношениях Бюро с зарубежными еврейскими организациями, работавшими в том же направлении. В 1980 году энергичные молодые еврейские активисты посещали молодежные клубы в северной части Лондона в поисках добровольцев, которые могли бы поехать в Советский Союз. На призывы ответило около сотни молодых британцев в возрасте от 17 до 22 лет. Добровольцев направляли в одно неприметное агентство путешествий, предоставлявшее дешевые авиабилеты в Россию и снабжавшее путешественников книгами на иврите, пластинками и аудиокассетами, которые надо было доставить в Россию.

Родители легкомысленных британских путешественников были совсем не в восторге от того, что их детей превращали в шпионов-любителей. Они заявляли решительные протесты израильскому посольству в Лондоне, которое переадресовывало их Леванону. Ответы Леванона их не удовлетворяли: «Не вмешивайтесь в это. Вас это не касается. Мы знаем, что делаем».

Британские организации, выступавшие в поддержку советского еврейства, также выражали свое раздражение действиями израильтян. Все они работали ради одной цели и понимали, что Израиль накопил огромный объем информации о евреях и их нуждах, однако группы активистов за пределами Израиля были недовольны тем, что от них требовали финансировать поездки, о которых им не сообщали каких-либо подробностей.

После 10 лет пребывания Леванона на посту директора Бюро его сменил Йегуда Лапидот. Бегин, наконец, уступил требованию своих ближайших советников и назначил старого активиста партии «Ликуд» на весьма чувствительный участок тайной иммиграции. Лапидот, в отличие от Леванона и Авигура, не имел опыта работы в «еврейской разведке», но новый шеф Бюро был старым боевиком военной «Иргун», до получения Израилем независимости возглавляемой Бегинот. Лапидот вместе с еще одним человеком нес ответственность за убийство в апреле 1948 года более 200 мирных жителей арабской деревни Деир-Ясин неподалеку от Иерусалима. Мировая общественность клеймила это массовое убийство, но Бегин считал его вполне оправданной военной операцией. Вместо того, чтобы

жить с клеймом преступника, Лапидот стал преуспевающим профессором биохимии Еврейского университета.

В дипломатическом и разведывательном истеблишменте Израиля многие не могли понять, почему не обладавший необходимым опытом Лапидот был назначен руководителем «Бюро связей». Однако между Лапидотом и Бегином было полное взаимопонимание. Работа Бюро активизировалась, и Лапидот с удовольствием выполнял пожелания Бегина о развертывании громкой публичной кампании в поддержку советского еврейства.

Бюро официально объявляло «узником Сиона» каждого советского еврея, который активно выступал с пропагандой идеей сионизма, еврейской культуры и подвергался за это аресту. Израиль проводил четкое разграничение между простыми евреями, выступавшими в защиту прав человека, и активными сионистами, которые расплачивались за свою любовь к Израилю.

В тех случаях, когда официально признанные «узники Сиона» имели родственников за границей, им организовывали поездки по многим странам мира для встреч с видными политическими деятелями и представителями прессы с целью вовлечения их в кампанию за эмиграцию советских евреев. Израильское правительство через «Бюро связей» или Общественный совет по делам советского еврейства оплачивало все расходы.

Даже самый известный советский «узник Сиона» Анатолий (Натан) Щаранский на первых порах не мог претендовать на этот титул. Он был арестован в конце 1970-х годов по обвинению в шпионаже в пользу ЦРУ, и его считали просто активистом в сфере борьбы за права человека. И только потом ему удалось привлечь к себе внимание как к спонисту и стать символом согласованной еврейско-израильской борьбы за право советских евреев на эмиграцию. Сам Щаранский приехал в Израиль в 1986 году после освобождения в обмен на арестованных на Западе советских агентов.

Накал этой борьбы стал спадать к 1985 году, с появлением на политической арене Михаила Горбачева с его политикой гласности. По некоторым оценкам, в тот период из Советского Союза желали выехать около 500 тыс. евреев, и Горбачев им не препятствовал.

Давление со стороны арабских стран и угрозы террористов заставляли Израиль держать в секрете точное число

иммигрантов и маршруты, по которым они прибывали. «Бюро связей» через израильских дипломатов в Москве тщательно планировало эмиграцию. Безопасность авиарейсов, перевозивших эмигрантов, обеспечивала «Шин Бет».

Эта новая волна эмигрантов вновь привлекла внимание к старой проблеме, которая беспокоила «Шин Бет» в 1950-х годах: боязнь того, что Советский Союз использует канал эмиграции для вывода в Израиль и другие страны Запада своей агентуры.

Использование этого канала было подтверждено старшим офицером КГБ Джирквеловым, который бежал на Запад. В 1981 году он рассказал допрашивавшим его англичанам, что советская тайная полиция внимательно изучала списки потенциальных эмигрантов в поисках кандидатов на роль шпионов. Некоторых вербовали сразу и приказывали тотчас же по прибытии в Израиль выходить на связь с советской разведкой. Другим позволяли обжиться, и лишь через несколько лет с ними могли вступить в контакт их советские хозяева. Для работы на этом направлении КГБ даже создал специальный департамент, который занимался вербовкой агентов, их подготовкой и практическим использованием. Однако вскоре Кремль понял, что, оказавшись в Израиле, многие агенты отказывались работать на КГБ и вообще прекращали связь.

Еще одно подтверждение широкомасштабных советских усилий, направленных на проникновение в Израиль, было получено в 1982 году в Лондоне во время суда над канадским профессором экономики Хью Джорджем Хэмблтоном, который был связан с КГБ.

Это дело привлекло внимание прессы как история человека, который официально работал в аппарате НАТО, а тайно был агентом Кремля. Оно не имело никакого отношения к Израилю, и такая связь обнаружилась случайно.

За несколько минут до того, как Хэмблтон был доставлен в Судебное присутствие № 1 исторического здания лондонского суда в Олд Бейли, там был вынесен обвинительный приговор сотруднице британской дипломатической службы Роне Ричи. Карьера этой высокой, привлекательной женщины-дипломата была погублена, когда она получила назначение в Тель-Авив.

Ричи поступила на дипломатическую службу в августе 1979 года, решив, что это место идеально подходит для молодой шотландки, владевшей несколькими иностранны-

ми языками. После соответствующей профессиональной подготовки она в июле 1981 года получила свое первое назначение на пост пресс-атташе британского посольства в Тель-Авиве. Через три недели получила приглашение на коктейль в египетское посольство, которое открылось в 1979 году после заключения мирного договора.

Простое рукопожатие с высоким смуглым молодым мужчиной толкнуло Ричи на скользкий путь к бесчестию. Она с первого взгляда влюбилась во второго секретаря египетского консульства Рифата аль-Ансари. Израильская разведка без труда зафиксировала эту связь. Влюбленные даже не пытались скрывать свои чувства. Они постоянно встречались на дипломатических приемах, их также часто можно было видеть целующимися при свечах в уютном ресторанчике на улице Йирмийаху в северной части Тель-Авива.

Может быть, на британского дипломата подействовал жаркий и влажный климат Средиземноморья, так отличавшийся от сурового климата Шотландии, но она дала волю своим чувствам. Ричи не только уступила всем желаниям своего любовника, но и в ответ на его просьбу об информации стала передавать ему секретные телексы сообщения, которые отправлялись ее посольством.

В конце ноября она передала Ансари совершенно секретный документ, раскрывавший подробности предстоящего визита на Ближний Восток министра иностранных дел Великобритании лорда Питера Каррингтона. Если бы эта информация попала в руки террористов, жизнь Каррингтона могла быть поставлена под угрозу.

«Шин Бет» решила положить конец этой связи, пока она не зашла слишком уж далеко. Израильцы передали англичанам подробную информацию. Ричи была под каким-то предлогом вызвана в Лондон и арестована.

Она признала себя виновной, выразила раскаяние и стала помогать следствию. 28 ноября 1982 г. суд в Олд Бейли вынес ей условный приговор. Обвинитель сэр Майкл Хаверс заявил: «Поведение обвиняемой было скорее глупым, чем злонамеренным. Она так увлеклась своим чувством, что разрешила своему партнеру читать секретные телеграммы».

Мир Ричи обрушился, когда она узнала, что ее любовник имел в Каире жену и детей. По данным израильской разведки, Ансари был кадровым разведчиком и использо-

вал свою привлекательную внешность в интересах египетской разведки. Британская пресса всюду раскрывала этот скандал под хлесткими заголовками типа: «Дипломат-девушка обманута капрским Ромео и нильским Дон Жуаном».

Израильские журналисты в Лондоне, привлекаемые пикантными подробностями этого сексуально-шпионского дела, посещали все заседания по делу Ричи. По случайному совпадению в момент, когда она выходила из здания суда, они увидели, как в зал вводят другого предателя. Репортеры из любопытства задержались и не пожалели об этом. Трудно было предположить, что подряд два дела, рассматривавшиеся высшим британским судом, будут иметь отношение к Израилю, но тут выяснилось, что Хью Хэмблтон тоже занимался шпионажем в Израиле.

Профессор Хэмблтон, имевший британское и канадское гражданство, был завербован КГБ в 1940-х годах. Он приносил особую пользу советской разведке, когда занимал пост экономического советника в НАТО. Британские обвинители утверждали, что он нанес «крупный ущерб» интересам Запада.

В качестве примера того, как высоко русские ценили Хэмблтона, сообщалось, что его в Москве принимал Андропов, который впоследствии стал советским руководителем. Во время праздничного банкета они обсуждали проблемы обороны Запада и специфические задания, которые выполнял Хэмблтон, особенно в Израиле.

Под тяжестью улик Хэмблтон сознался, признал себя виновным и был осужден на 10 лет лишения свободы. Он сообщил, что трижды бывал в Израиле — в 1970, 1975 и 1978 годах. Эти поездки финансировались КГБ. В Израиле он вел вполне легальную научную работу, но одновременно выполнял задания КГБ.

В ходе первой поездки Хэмблтону было поручено его советским куратором в Австрии, который был известен ему как «Поль», выяснить, располагает ли Израиль ядерным оружием, и собрать информацию об отношениях Израиля с Южной Африкой.

Хэмблтон также должен был подготовить по своей линии доклад о экономике Израиля. «Поль» интересовался тем, какие расходы несет Израиль в связи с притоком иммигрантов: прием, образование, здравоохранение, организация рабочих мест, обеспечение жильем. Разоблачен-

ный шпион признал, что эта информация была необходима КГБ для вывода в Израиль своей агентуры.

Трудно сказать, в какой степени информация Хэмблтона помогла КГБ, но 10 января 1988 г. выяснилось, что один советский агент действовал в еврейском государстве с момента своего прибытия в Израиль в качестве эмигранта из России. Это был Шабтай Калманович, история которого во многом напоминала историю Израиля Беера. В тот январский день Шабтай Калманович, арестованный «Шин Бет» за три недели до этого по возвращении из Восточной Европы, был обвинен в шпионаже в пользу России.

Калманович выехал из Советского Союза в 1971 году в возрасте 23 лет, но уже был завербован КГБ. Советские руководители ориентировали его на полную интеграцию в израильское общество, на создание прочных экономических позиций и на установление контактов с политическими и военными лидерами Израиля. На полученные от советской разведки деньги он создал себе репутацию бизнесмена мирового класса. Его финансовые интересы простирались от Монте-Карло до Африки.

Соблазнительный блеск богатства привлекал к нему влиятельных друзей из военных и правительственных кругов. Одним из них был бригадный генерал Дов Томари. Калманович пригласил этого бывшего командира одной из специальных частей — «сайерет» посетить за его счет Сьерра-Леоне под предлогом какой-то консультативной работы в области безопасности.

Калманович также сумел установить связи со многими высокопоставленными политиками. Сначала он являлся советником эксцентричного парламентария Самуэля Флатто-Шарона, нашедшего в Израиле убежище от уголовного преследования, которому тот подвергался во Франции. Это положение обеспечило иммигранту из России очень полезный пропуск в кнессет. Потом он помогал Флатто-Шарону и конгрессмену от штата Нью-Йорк Бенджамину Гилману организовать через восточногерманского адвоката Вольфганга Фогеля довольно замысловатую операцию по обмену американца, арестованного в Восточной Германии, на израильянина, арестованного в Мозамбике, и русского, задержанного в Пенсильвании.

Почувствовав интерес к связям высокого уровня, Калманович стал приглашать членов кабинета министров к себе на шикарные вечеринки и деловые приемы, устраива-

емые на загородной вилле в окрестностях Тель-Авива. Многие из его соседей занимали довольно высокое положение в разведсообществе. Он даже хвастался, что для него открыта дверь дома Голды Меир.

Некоторое время Калманович работал в восточноевропейском отделе лейбористской партии. В его задачу входило обеспечение так называемой «благодарности» Израилю со стороны новых иммигрантов из Советского Союза путем поддержки лейбористской партии.

Разведывательное сообщество в целом старалось держаться вне политики, но в 1970-х годах было несколько весьма примечательных исключений из этого правила. Одно из них касалось «Бюро связей». Еврейское иммиграционное агентство считалось важным политическим бастионом, так как оно привозило в Израиль новых граждан, которых придирчиво изучали представители разных партий, стараясь оценить электоральный потенциал этого контингента. Леванон твердо держал «Бюро связей» в сфере влияния лейбористской партии, пока Бегин не поставил во главе этой организации Лапидота.

До 1977 года, пока лейбористы были у власти, Калманович всегда оказывался в нужный момент в нужном месте. В период 6-летнего правления Бегина влиятельный русский еврей ухитрился порхать вокруг основных центров власти в Израиле, пока наконец «Шин Бет» не зафиксировала, как 1987 году в Европе он передавал секретную информацию одному из установленных коммунистических агентов. 15 декабря 1988 г. после закрытого процесса в Тель-Авиве Калмановича приговорили к девяти годам тюрьмы. Связи Калмановича с высокопоставленными лицами и его умение заводить друзей в высших эшелонах власти оставили много вопросов относительно способности «Шин Бет» выявить этого шпиона гораздо раньше. Однако причиненный им ущерб был не так уж велик. Он не смог получить разрешение на посещение секретных военных объектов, научных учреждений или военных баз и мог рассказать своим советским хозяевам лишь о том, что думали ведущие израильские политики, не имея доступа к секретной информации.

В отличие от Калмановича другой советский шпион, Маркус Клингберг, прибыл в Израиль намного раньше и сумел глубоко проникнуть в военную инфраструктуру Израиля.

Клингберг прибился к берегам только что созданного Израйля в 1948 году из Восточной Европы в возрасте 20 лет. Он изучал естественные науки и в конце 1960-х годов был назначен заместителем директора сверхсекретного Биологического института в городе Нес-Сиона в 10 милях к югу от Тель-Авива. Выглядел он всегда болезненным и часто ездил в Швейцарию «для лечения».

В 1983 году Клингберг внезапно исчез. В институт пришли какие-то таинственные люди и забрали все его бумаги. «Шин Бет» установила, что его поездки в Швейцарию служили прикрытием для встреч с представителями советской разведки. В обстановке полной секретности он был предан суду и осужден на пожизненное заключение.

Клингберг нанес Израилю значительный ущерб, поскольку был одним из руководителей совершенно секретного проекта в Нес-Сиона. С начала 1973 года иностранные источники связывали этот институт с работами в области химического и биологического оружия. Аналитики американской разведки пришли к выводу, что Израиль создавал по крайней мере оборонительный потенциал против химического оружия, имевшегося на вооружении ряда арабских стран. Были еще более тревожные сообщения о том, что в 1980-х годах Ирак работал над созданием бактериологического оружия. Израилю были нужны запасы вакцин и способность контролировать воздушный и водный бассейны в плане подготовки к отражению возможной химической и биологической агрессии.

Проникновение советских шпионов в Израиль наносило реальный ущерб, но Бегин готов был рисковать ради достижения стратегической цели обеспечения блага евреев. Он, например, установил отношения с несколькими довольно «несимпатичными» режимами. В Южной Америке Израиль продавал оружие и военные технологии Чили и Аргентине, где военные хунты едва скрывали свой антисемитизм. В обмен Израиль получил обещания военных диктаторов в Сантьяго и Буэнос-Айресе, что они будут защищать евреев и разрешать им покидать страну со своими накоплениями и собственностью.

Аналогичная политика проводилась в отношении Румынии, единственной страны советского блока, сохранившей дипломатические отношения с Израилем после войны 1967 года. Ключевой фигурой особых тайных отношений с румынским президентом Николае Чаушеску был престаре-

лый седовласый израильтянин по имени Ешайяху (Шайке) Трахтенберг-Дан.

Во время второй мировой войны Шайке Дан поступил добровольцем в английскую армию и вместе с группой палестинских евреев, организованной Рувеном Шилоем, был выброшен с парашютом за линией фронта на Балканах. Он был одним из тех, кто уцелел, возвратился в Израиль и служил в «Бюро связей» при Авигуре и Леваноне.

Тайная деятельность Дана сделала его объектом внимания нескольких восточноевропейских разведок, но расплачиваться за это пришлось американцу по имени Чарльз Джордан.

Джордан был ответственным чиновником американской еврейской благотворительной организации «Джойнт». 14 августа 1967 г. он приехал в Прагу и через 2 дня, выйдя из отеля, просто исчез. Жена сообщила о его исчезновении в полицию, и спустя 4 дня полиция обнаружила его тело в реке Молдау. Коммунистические власти заявили, что Джордан каким-то образом упал в реку и, возможно, даже совершил самоубийство.

Секретные службы советского блока всегда подозревали, что представители «Джойнта» являются работниками ЦРУ, и знали о связях этой организации с правительством Израиля. Джордан сразу привлек к себе внимание тем, что прибыл в Прагу прямо из Иерусалима.

Теперь уже можно утверждать с полной определенностью, что Джордан был убит по ошибке коммунистическими агентами. Они думали, что их жертвой является израильтянин Шайке Дан.

Этот случай не запугал Дана, и он продолжал действовать в Восточной Европе. Ему удалось добиться согласия президента Чаушеску на выезд румынских евреев в Израиль. Взамен израильские специалисты помогали ремонтировать румынские танки и другое вооружение, и еврейское государство стало импортировать гораздо больше румынских товаров, чем ему требовалось, — в конце концов, кто может определить, сколько сливового варенья нужно стране? Через благотворительные еврейские организации на Западе Израиль согласился выплатить по 3 тыс. долларов за каждого еврея, которому румынские власти разрешат выезд в Израиль. Официальные представители говорили, что это просто компенсация за полученное евреями образование, но всем было ясно, что это обыкновенный выкуп.

Дан прилетал в Бухарест с полным чемоданом денег и производил выплаты. Израиль также поддержал просьбу Румынии о предоставлении ей статуса наибольшего благоприятствования в торговле с Соединенными Штатами Америки.

Израиль охотно принял условие Чаушеску хранить эти соглашения в тайне. Это было важно не только ради сохранения его дружбы с братскими коммунистическими странами или арабскими государствами, румынский президент опасался, что другие этнические меньшинства, особенно немцы, будут добиваться такого же права на эмиграцию. К моменту падения режима и казни Чаушеску в 1989 году он и его семья присвоили себе около половины из 60 млн. долларов, выплаченных Израилем.

Эти финансовые договоренности хранились в глубокой тайне, в отличие от шумной кампании, проводившейся Израилем в защиту советских евреев. В отношении румынских евреев Иерусалим хранил полнейшее молчание. Разные обстоятельства требовали разных методов. Все случаи выезда евреев из Румынии официально преподносились как воссоединение семей, а не как эмиграция.

Шайке Дан стал основным каналом связи Запада с Чаушеску. Он выступал советником правительства США. В качестве эксперта разведсообщества по вопросам «семьи» восточноевропейских евреев он был консультантом всех израильских лидеров от Голды Меир до Менахема Бегина.

В глазах Бегина еврейская семья не знала границ и должна была воссоединиться там, где предоставлялась возможность. При нем и в разведсообществе Израиля стал укрепляться «дух семьи».

Эфиопские евреи, считавшиеся в каком-то роде уникальными из-за темного цвета кожи, были столь же сильно привержены иудаизму, как и их единомышленники в Румынии, Марокко, в остальных частях арабского мира и Восточной Европы. Эфиопские евреи никогда не расставались с мечтой о Земле обетованной. Себя они называли «Бета Израель», или «дом Израиля», хотя их ближайшие соседи не иудейского происхождения называли их презрительно «фалаши», что означало «чужаки» в худшем смысле этого слова, что-то вроде «ублюдков».

В далеком прошлом это было воинственное племя со своим королевством в горном регионе на севере Эфиопии.

Постепенно в результате ряда поражений в ходе военных стычек с другими племенами «Бета Израель» потерял свое влияние. К середине XX века он насчитывал около 20 тыс. человек, сосредоточенных главным образом в районе Гондара. Эфиопы христианского вероисповедания, населявшие прилегающие территории, не позволяли «фалашам» приобретать землю, в результате чего последние стали работать ремесленниками и издольщиками в той стране, где обладание землей было единственным способом обеспечить себе пропитание.

В начале 1950-х годов группа энергичных эфиопов сумела достичь Израиля, и эти первопроходцы стали оказывать большое давление на правительство Земли обетованной в плане поддержки еврейской эмиграции. Несмотря на превосходные, хотя и тайные отношения императора Хайле Селассие с Израилем, его правительство отказало в разрешении на эмиграцию евреев. Это был вопрос национального престижа: уважающий себя император просто не мог позволить окружающим видеть, как его подданные покидают страну.

В то же время правительство лейбористов не предпринимало особых усилий для оказания помощи эфиопскому еврейству. Рувен Мерхав, работавший в резидентуре «Моссада» в Аддис-Абебе, вспоминает: «Евреи стучались в двери нашего посольства. Их лидеры просили нас помочь им выехать. Но мы отправляли их прочь, как бы на распятие».

Израильтяне опасались, что постановка еврейского вопроса может нарушить стратегические связи с Эфиопией как с одним из ключевых союзников в периферийной дипломатии, направленной на достижение превосходства над арабами.

Немаловажным было и то, что ортодоксальные еврейские авторитеты в Израиле отказывались признавать «черных евреев», и это оказывало сдерживающее влияние на правительство. Эфиопские евреи продолжали ждать знака от Сиона, но этот знак задерживался. Только после того как Менахем Бегин и его партия «Ликуд» победили на выборах 1977 года, подход Израиля к этой проблеме радикально изменился, и уже через несколько месяцев появились признаки того, что мечта эфиопских евреев может сбыться.

После своего эмоционального выступления в Белом доме по поводу страданий никому доселе не известных

«Бета Израель» Бегин затронул несколько конкретных вопросов, которые представляли интерес для полковника Менгисту. Президент Картер, однако, отказался менять своих союзников на Африканском Роге и снабжать оружием Эфиопию вместо враждебного ей Сомали. С точки зрения американской администрации, режим Менгисту был тиранией марксистского толка, недостойным американской помощи.

Написанное Гурвицем и отправленное в Аддис-Абебу письмо Бегина информировало эфиопского полковника, что Израиль сам поставит Эфиопии оружие. В результате в Северной Африке появились два странных союза, которые прямо иллюстрировали крылатое изречение о том, что политика подчас сводит в одной постели странных партнеров. К этому можно добавить, что международная политика дает еще более странные примеры такого рода. Марксистскую Эфиопию в 1977 году поддерживали Советский Союз, Восточная Германия и Израиль, в то время как Сомали пользовалась поддержкой Соединенных Штатов, Саудовской Аравии и Египта.

В ответ правительство Эфиопии согласилось разрешить выезд из страны небольшого количества евреев. До февраля 1978 года из Эфиопии в Израиль вылетели две группы евреев общей численностью 220 человек. Эмигранты были отправлены тайно на тех же грузовых самолетах, которые привезли в Эфиопию оружие.

Министр обороны Даян обронил одно неосторожное замечание, которое нарушило израильско-эфиопский медовый месяц. На пресс-конференции Даян признал, что Израиль поставлял Эфиопии военные материалы, но быстро поправился, что речь шла о военной форме. Тем не менее всем стало ясно, что поставлялось оружие, и этого было достаточно, чтобы Менгисту прервал отношения с Израилем. Дорога эфиопским евреям в Израиль снова была закрыта.

Бегин был зол на своего министра иностранных дел, но его утешал шеф «Моссада» Хофи, обещавший найти альтернативные маршруты. Пока Хофи разрабатывал планы, Бегин своим молчанием обеспечивал секретность предстоящей операции. Он даже вынужден был сносить оскорбления в свой адрес со стороны международных еврейских организаций. Они жаловались на то, что Израиль не предпринимал никаких мер, а эфиопские евреи в это время

подвергались преследованиям со стороны правительства, повстанческих групп и просто бандитов. Критики намекали, что апатия Израиля объясняется темным цветом кожи «фалашей».

— Господин Бегин, Вам надо ответить, — умолял его Ехиель Кадишай, которому были нестерпимы нападки на столь уважаемого им лидера.

Но Бегин не уступал. Он не хотел преждевременно раскрывать своих планов.

Израильский премьер знал, что в 1979 году операции по спасению евреев уже шли полным ходом. В этом принимали участие молодые эфиопы, ранее прибывшие в Израиль. Так же как и 20 лет назад, марокканские евреи отправлялись со специальными заданиями в свою собственную страну, эфиопские евреи после специальной подготовки направлялись туда, откуда пришли, но уже в качестве тайных агентов Израиля.

Эти неопытные израильские шпионы проникали в еврейские общины и убеждали тех, кто хотел уехать, отправиться в соседний Судан, что было достаточно опасно. В некоторых случаях им удавалось убедить целые деревни. По дороге многих ловили, пытали и отправляли обратно. Тысячи умерли в пути, но те, кому удавалось достичь суданской территории, попадали в лагеря, расположенные в 20 милях от границы. Это были какие-то человеческие отстойники, действовавшие под патронажем Комиссара ООН по делам беженцев. В лагерях не хватало пищи и питьевой воды.

Единственным утешением для эфиопских евреев было то, что в соседних лагерях для беженцев условия были еще хуже. Здесь же находились израильские представители, следившие за тем, чтобы к евреям относились получше.

Следующим шагом было получение со стороны суданских властей. Американское правительство оказывало давление и одновременно предоставляло финансовую помощь президенту Судана Гафару Ньюмейри, входившему в Лигу арабских государств и настроенному враждебно в отношении Израиля. По существу это были взятки, которые шли на личный счет Ньюмейри. Определенное влияние на Ньюмейри оказывал и президент Египта Садат, который поддерживал с ним дружеские отношения. Он убеждал Ньюмейри помогать в вывозе эфиопских евреев, что было еще одним плюсом в мирном договоре Израиля с Египтом.

Генерал Ньюмейри обещал закрыть глаза на вывоз через Судан евреев при условии соблюдения тайны. Для координации этой операции в начале 1980 года в Хартум прибыл представитель «Моссада», который стал работать в тесном контакте с руководителем суданской службы безопасности Абу Таебом.

Самым простым и быстрым способом вывоза беженцев было бы направлять их морем в израильский порт Эйлат, но Ньюмейри не хотел использовать для этого свои порты и вообще требовал, чтобы евреи направлялись из Судана не прямо в Израиль, а через третью страну.

В конце концов «Моссаду» удалось достичь соглашения с суданскими властями о том, чтобы при посредничестве представителей ООН беженцы проходили через южные лагеря и через границу в Кению. Кенийцы были давними союзниками Израиля и охотно помогали им. Этот маршрут, однако, был закрыт после инцидента с небольшим самолетом, на котором одна американская благотворительная организация нелегально вывозила пятерых «фалашей». Этот самолет совершил вынужденную посадку на территории Кении. Евреи были арестованы, и в кенийских газетах появились подробности о сделке кенийских властей с «Моссадом». Не желая рисковать осложнением отношений с арабскими странами, Найроби добилась прекращения переброски «фалашей».

«Моссаду» снова пришлось использовать свои способности к импровизации. На этот раз израильтяне обратились за помощью к Соединенным Штатам. Представитель «Моссада» в Вашингтоне обратился в ЦРУ за содействием в освобождении эфиопских евреев, и американцы откликнулись с необычным энтузиазмом. С приходом в Белый дом новой администрации Рейгана военные и разведывательные связи между двумя странами достигли своего апогея.

«Моссад» и ЦРУ создали подставную корпорацию «Навко», которая арендовала участок земли в Судане на побережье Красного моря. Для прикрытия использовалась легенда о строительстве курорта для подводного плавания. Подводные пловцы действительно здесь скоро появились, но это были не любители, а профессионалы военно-морских сил Израиля.

На базе «Навко» израильские подводные диверсанты встречали евреев, которых им направляли оперативники, действовавшие в глубине суданской территории. Под по-

кровом ночи их на лодках переправляли на израильские суда, которые доставляли их в Шарм-аш-Шейх на южной оконечности все еще оккупированного Израилем Синайского полуострова и оттуда — грузовыми самолетами на авиабазы в Израиле.

«Моссад» запечатлел эту операцию для потомков на видео пленке. Этот материал считался особо секретным и хранился в архивах разведки, но для Бегина и членов его кабинета был устроен закрытый просмотр. Картина человеческих страданий была столь же впечатляющая, как и радость этих евреев, нашедших убежище в Израиле. Министры едва сдерживали слезы, и для них не имело никакого значения, что эти евреи были темнокожими.

Некоторые министры вспоминали другие дерзкие операции, в результате которых евреи из опустошенной нацистами Европы достигали берегов Палестины. Теперь, после создания Государства Израиль, казалось абсурдом, что снова приходилось прибегать к нелегальным методам эмиграции. Но если никто не хотел открыто помогать евреям бежать от ужасов жизни в Эфиопии, то и Израилю приходилось использовать тайные методы. Этим маршрутом, через фиктивный морской курорт на Красном море в Израиль было вывезено около двух тысяч эфиопских евреев.

«Моссад» беспокоила невысокая пропускная способность «курорта». Тысячи беженцев, как и в библейские времена пересекшие пустыню, вынуждены были ждать своей очереди в Землю обетованную. Тем временем президент Судана, знавший о действиях ЦРУ и «Моссада», был обеспокоен возможностью «засветки» этой операции. Ньюмейри никогда бы не смог объяснить своим антисионистским друзьям в арабском мире, почему он помогает Израилю. Он опасался, что радикальные арабские режимы, особенно соседняя и враждебная ему Ливия, узнают об этом и заклеймят его как предателя.

Ньюмейри потребовал сокращения масштабов этой операции. К несчастью, это произошло как раз в то время, когда исход евреев из суданских деревень принял массовый характер. Премьер Бегин и шеф «Моссада» Хофи понимали, что их время на исходе. И они приняли решение о проведении грандиозной операции, которая, по их подсчетам, в короткий период времени должна была дать свободу 20 тыс. евреев. Операции дали кодовое название «Моисей».

В первую очередь была отремонтирована старая взлетно-посадочная полоса около суданского города Шубак. И вот однажды мартовской ночью 1984 года два транспортных самолета «Геркулес» совершили здесь посадку, быстро взяли на борт две сотни евреев, которых подвезли на грузовиках, и снова исчезли в ночи. Эта операция с израильскими самолетами без опознавательных знаков была повторена еще несколько раз в течение месяца. «Моссад» позаботился о том, чтобы на земле не оставалось никаких следов пребывания израильтян на суданской территории — ни пустой сигаретной пачки, ни обожженной спички.

Несколько эфиопских евреев удалось вывезти самолетами прямо из Хартума. «Моссад» стремился активнее использовать канал аэропорта, что было более безопасно, чем ночные посадки в пустыне, но на это требовалось согласие Ньюмейри, чьи войска должны были брать аэропорт под охрану, с тем чтобы никто не мог зафиксировать эти внеплановые полеты.

По просьбе Израиля США пообещали Ньюмейри дополнительную помощь в сумме 200 млн. долларов за его разрешение на прямые рейсы из Хартума. Наиболее delicate переговоры вел Джордж Вебер из американского посольства в Хартуме, выступавший под прикрытием «координатора по беженцам».

Для ускорения решения вопроса «Моссад» поместил 60 млн. долларов на счета в европейских, главным образом швейцарских, а также лондонских банках, открытые на имя самого Ньюмейри и его помощников, включая Абу Таеба. Большая часть этих денег была собрана по всему миру еврейскими организациями, которые знали лишь, что эти средства пойдут на помощь «фалашам».

«Моссад» также сумел привлечь к участию в этой операции бельгийского миллионера, религиозного еврея Джорджа Гутельмана. Гутельман идеально подходил для этой роли, потому что владел небольшой малоизвестной авиакомпанией «Транс-Европа». Более того, пилоты авиакомпании имели достаточный опыт перелета в Хартум, так как часто совершали перелеты из Хартума в Мекку с правоверными суданцами, совершавшими религиозный хадж. Гутельман согласился предоставить свои самолеты в распоряжение Израиля и держать язык за зубами. Он, правда, посоветовался с премьер-министром Бельгии Уилфридом

Мартенсом и министром юстиции евреем Жаном Голом, курировавшим бельгийские спецслужбы. Оба дали согласие.

С 21 ноября 1984 г. и до первой недели 1985 года из Хартума вылетело 35 рейсов, на которых в Брюссель удалось переправить 7 тыс. эфиопских евреев. После двухчасовой стоянки и дозаправки на собственном аэродроме авиакомпании «Транс-Европа» самолеты вылетали в Израиль. Операция действовала с точностью швейцарского хронометра, и рейсы совершались всегда по воскресеньям, так как эфиопские евреи строго соблюдали еврейский «шабат».

Об операции «Моисей» в Израиле и за его пределами знали сотни людей, но никаких утечек не было. Издатели израильских газет согласились не публиковать никаких сообщений о прибытии «фалашей», даже аккредитованные в Израиле иностранные корреспонденты проявили достаточную сдержанность и не направили в свои газеты ни одного сообщения, которое могло бы поставить эту операцию под угрозу срыва.

Проболтался государственный чиновник. Операция «Моисей» закончилась раньше времени из-за высокопоставленного чиновника Еврейского агентства Иегуды Доминица. Это агентство принимало активное участие в переселении и размещении «фалашей» и сборе средств для этой цели. В начале января 1985 года Доминиц дал интервью малоизвестному журналу «Некудах» («Точка»), издававшемуся на иврите для поселенцев Западного берега. Эти поселенцы надеялись, что «фалашаши» будут размещены на Западном берегу, что укрепило бы позиции тех, кто выступал за ускоренную колонизацию оккупированной территории. Доминиц раскрыл ненужные подробности операции по спасению эфиопских евреев, и 400 иностранных журналистов посчитали это знаком на разрешение публикации по этому вопросу.

«Кот был выпущен из мешка», и израильским властям не оставалось ничего другого, как прекратить эту превосходно осуществлявшуюся до сих пор тайную операцию в Африке. Новый премьер Шимон Перес был у власти еще только 3 месяца. Он срочно созвал пресс-конференцию и ответил на все вопросы корреспондентов о том, как Израиль спас 10 тыс. эфиопских евреев. Перес и лидеры лейбористской партии торопились получить лавры

за успешную операцию, начатую Бегиним и его партией «Ликуд».

Эта история вызвала в мире большой резонанс. Как опасался президент Ньюмейри, арабские государства и лидер ООП Арафат заклеили его как «предателя», который помогал «сионистам» укреплять людской потенциал своей армии. 5 января, через два дня после пресс-конференции Переса, правительство Судана информировало Вашингтон о том, что выезд эфиопских евреев через Хартум должен быть немедленно прекращен. Вслед за этим Эфиопия закрыла границу с Суданом, обвинив Ньюмейри и Израиль в «похищении» эфиопских граждан.

В Судане оставалось еще более тысячи «фалашей», в основном молодых, поскольку израильтяне в первую очередь эвакуировали пожилых и женщин. Под давлением Соединенных Штатов и в результате личного вмешательства вице-президента Джорджа Буша Ньюмейри разрешил 28 марта 1985 г. посадку на одном из пустынных аэродромов около лагеря беженцев шести американских «геркулесов». Американцы подобрали остававшихся евреев и доставили их прямо в Израиль.

Дни Ньюмейри были сочтены. Вскоре он был свергнут в результате военного переворота. По иронии судьбы новым премьером Судана стал Сидки эль-Махди, тот самый политик, который в 1954 году инициировал секретные контакты с израильтянами в Лондоне. Ньюмейри и другие правительственные деятели, включая Абу Таеба, были заочно преданы суду. Их обвиняли в коррупции, получении взяток от «Моссада» и ЦРУ, сотрудничестве с израильским врагом. Ньюмейри получил убежище в Каире у Хосни Мубарака, наследника убитого Садата. Но самое худшее заключалось в том, что в Эфиопии оставалось еще около 10 тыс. евреев, которые продолжали подвергаться лишениям вместе со всем населением этой многострадальной земли.

Краткое резюме этой уникальной разведывательной операции, возможно, самой эпической во всей истории «еврейской разведки», с гораздо более масштабными достижениями, чем в Ираке, Йемене или Марокко, может быть дано одним предложением: Бегин — начал, Садат — посредничал, Даян — провалил, Хофи — исправил, Рейган — заплатил, Перес — рассказал и Ньюмейри — потерпел крах.

Неожиданный и трагический финал операции «Моисей» впервые обнаружил тайные связи, которые десятилетиями были скрыты от общественности. Израильтяне были недовольны как оглаской операции, так и тем, что в Африке остались тысячи евреев. Однако были и позитивные моменты. Конкретными достижениями в двух направлениях Бегин обеспечил себе место в истории как миротворец и как человек, сумевший заставить Израиль работать на благо евреев. Но он также открыл новый период в истории израильской разведки: эру авантюризма и крупных провалов.

ВЕК АВАНТЮРИЗМА

2 июня 1980 г. тишина жаркого летнего утра на Западном берегу была разорвана тремя взрывами, которые одновременно крепко встряхнули тела троих палестинских мэров. Яркий и популярный Басам Шака из Наблуса, по-английски элегантный Карим Халапфф из Рамаллы и скромный Мухаммад Тавиль из Эль-Бирех чудом уцелели при взрывах бомб, заложенных в их автомобили.

Весь мир выразил негодование и симпатии к политикам, получившим серьезные ранения, при этом многие не скрывали своей убежденности в том, что за этими взрывами стоял Израиль. Израильская армия начала расследование инцидентов, в то время как Бегин отрицал всякую связь официальных властей с этими актами. Многие израильтяне высказывали предположения, что нападение на мэров было совершено самими палестинцами. Было известно немало случаев, когда радикальные группировки уничтожали арабов, считавшихся слишком умеренными или слишком близкими к Израилю.

Директор «Шин Бет» Аврахам Ахитув, однако, считал, что покушение скорее всего было организовано евреями. Расследование в этом направлении неизбежно должно было привести к спорным территориям на Западном берегу. Ультранационалисты из числа поселенцев имели и средства и мотивы для организации такого покушения. Высокий технический уровень взрывных устройств, а также отсутствие отпечатков пальцев и других материальных следов заставляли достаточно серьезно отнестись к подпольной группировке, организовавшей взрывы, это был вызов системе, независимо от политических мотивов.

Ахитув встретился с Бегинном и попросил разрешения внедрить агентов в среду еврейских поселенцев. В 1950—1970-х годах сеть тайных осведомителей в сочетании с подслушиванием телефонов очень эффективно использовалась против левоэкстремистских еврейских группировок в Израиле. Руководство «Шин Бет» всегда считало, что левацкие группировки были податливы к внешним влияниям как со стороны советской разведки, так и со стороны арабов. Однако после войны 1967 года на первый план в качестве угрозы внутренней безопасности вышли группировки ультраправого толка. У них появился какой-то мессианский комплекс: религиозный фанатизм, крайний национализм, замещенный на непримиримой ненависти к палестинцам.

«Шин Бет» получила полную свободу в проведении слежки за одной из правых организаций, партией «Ках» раввина Меира Кахана. Эта партия была преемницей созданной Кахане в США «Лиги защиты евреев». Политическая платформа «Ках» сводилась к изгнанию всех арабов из Израиля и с оккупированных территорий. Агенты «Шин Бет» проникли в партию Кахана и стали регулярно сообщать обо всех планах. Они могли своевременно предупредить, если какой-то безумец пойдет на экстремистские действия, связанные с убийством политических противников. Время от времени на базе этой агентурной информации члены партии «Ках» подвергались арестам.

В тот же период были арестованы и члены других мелких группировок, нападавших на арабов и даже планировавших взрывы мечетей и других мусульманских святынь в Иерусалиме. Многие ортодоксальные евреи считали, что к приходу Мессии все мусульманские мечети должны быть разрушены, потому что он построит «третий Святой храм» на месте златоглавых мечетей Омар и эль-Акса и только после этого начнет спасать мир.

«Шин Бет» добилась успеха в отношении так называемых «твердолобых», но встретилась с немалыми трудностями, когда дело дошло до поселенцев. Многие из них считались трудолюбивыми патриотами и имели тесные связи с Бегинном и партией «Ликуд».

Как и опасался Ахитув, премьер-министр запретил внедрять агентов в среду поселенцев Западного берега. Профессиональные стандарты безопасности и разведки были принесены в жертву политическим соображениям.

Это уже был совсем не тот Бегин, который пришел к власти в 1977 году. Пойдя на компромисс и заключив мир с Египтом, Бегин обеспечил себе титул миротворца. «Настоящий» Менахем Бегин — ярый националист и демагог — решил сменить свой прежде умеренный имидж. К 1980 году, когда он вместе с харизматическим лидером Египта Анваром Садатом совершил исторический прорыв, он уже находился под сильным влиянием генерала Ариеля Шарона.

Известный среди своих друзей и врагов как «Арик», Шарон обладал большим обаянием. Ариель Шейнерман появился на свет в 1928 году на ферме к северу от Тель-Авива и был воспитан на социалистических догмах. Позже он взял себе имя на иврите Шарон и всю свою жизнь провел в среде лейбористов, где доминировали идеи сионизма.

В период обязательной военной службы он проявил себя смелым и способным человеком и решил стать профессиональным военным. Во время войны 1948 года Шарон был ранен, но вернулся в строй и в 1953 году принял участие в создании наводившего страх подразделения «101», которое стало прообразом элитных подразделений спецназа «сайерет». Созданное как ответ палестинским террористам, подразделение «101» насчитывало всего 45 человек и просуществовало недолго, но, по словам Шарона, «эти пять месяцев оказали решающее воздействие на борьбу Израиля с терроризмом».

«Наша группа всегда была готова нанести ответный удар», — вспоминает Шарон, который водил свою группу на арабские территории с карательными рейдами. Бойцы этого подразделения «101» были грубы, жестоки и обожали Шарона. Самая бесславная страница в истории этого подразделения была связана с рейдом на иорданскую деревню Киббия ночью 14 октября 1953 г. В ответ на убийство еврейской женщины и ее двоих детей подразделение «101» при поддержке регулярных частей вошло в деревню, имея с собой большое количество взрывчатки. Израильцы взорвали 50 домов. Большая часть из 1500 жителей деревни разбежалась, но в результате взрывов погибли 69 человек, включая прятавшихся в домах женщин и детей. Через несколько лет после этого инцидента, вызвавшего сильный международный резонанс, Шарон говорил о нем как о намеренной «трагедии», которая привела к потерям среди гражданского населения.

Осуждение со стороны Организации Объединенных Наций и других авторитетных международных кругов заставило Израиль распустить подразделение «101» и превратить его в обычную парашютную часть. Однако произошедший инцидент не повредил репутации Шарона, он был назначен командующим парашютно-десантными войсками с неплохой перспективой со временем стать начальником штаба армии.

Его парашютисты не только прыгали с самолетов. Шарон называл их «нетрадиционными антитеррористическими силами», которые в 1971 году предприняли попытку ликвидации терроризма на оккупированной территории сектора Газа. Израильцы переодевались в арабскую одежду и иногда с целью проникновения в палестинское подполье выдавали себя за борцов арабского Сопrotивления. За 7 месяцев, по подсчетам самого Шарона, его люди убили 104 и арестовали 172 палестинца.

Шарону, однако, не удалось занять высший армейский пост. У него было много друзей, но еще больше врагов. Разочарованный Шарон вышел в отставку по иронии судьбы за месяц до начала войны Йом кипур 1973 года.

С началом боевых действий он немедленно вернулся на военную службу, помог израильской армии преодолеть неудачи начального периода и глубоко продвинулся на территории Синайского полуострова, где его застало прекращение огня. После этого Шарон решил конвертировать свой военный успех в политический капитал. В лейбористской партии уже было достаточно много генералов, и он решил подобрать себе такую партию, где мог бы играть первую скрипку. Шарон стал членом либеральной партии, бывшей, несмотря на свое название, партией правого толка.

С неукротимой энергией Шарон сумел в короткий срок убедить руководителей нескольких разрозненных правых оппозиционных групп объединиться под одной «крышей», которая получила название «Ликуда», что на иврите означает «объединение» или «единство». Не прошло и четырех лет, как Шарон стал свидетелем прихода к власти созданной им организации.

После победы «Ликуда» на выборах 1977 года Шарон занялся совершенствованием тактики политических баталий в правительственной бюрократии. Со своим опытом военного он отлично понимал важность и необходимость контроля над разведсообществом. Разведка дает информа-

цию, а информация означает власть. Отставному генералу разведка представлялась как государство в государстве, со своей внешней политикой, способное оказывать влияние на внутреннюю и оборонную политику. Поэтому Шарон проявлял особый интерес к достижению такой автономии.

Зная, что Бегин намеревался доверить портфель министра обороны бывшему командующему ВВС генералу Эзеру Вейцману, который был основным стратегом, обеспечившим победу «Ликуда» на выборах, Шарон решил выдвинуть себя на новую должность — министра по разведке. Лет 10 назад такие предложения уже высказывались, когда на аналогичный пост предполагалось назначить генерала Игала Аллона, но решение так и не было принято. Шарон надеялся, что новому министерству будут подчинены все разведывательные службы, в том числе выведенный из состава министерства обороны «Аман».

Бегин отверг предложение Шарона и сделал его министром сельского хозяйства. Герой войны использовал этот пост для перехода в наступление: нашел средства для строительства израильских поселений на оккупированных территориях, которые он называл «фактами на земле», бросая таким образом вызов всему миру, считавшему неизбежным возврат арабам захваченных территорий. В ожидании лучших возможностей Шарон внимательно наблюдал за ссорой между премьером и руководителем «Шин Бет» Ахитувом по поводу взрывов автомашины мэров в 1980 году.

Бегин блокировал требования Ахитува о проведении более тщательного расследования очевидной вспышки еврейского терроризма, и Ахитув уже стал подумывать об уходе в отставку. Вместе с тем шеф «Шин Бет» знал, что его внезапная отставка приведет к серьезной дезорганизации работы службы внутренней безопасности и вызовет политическую бурю, которая никому не принесет пользы. Он решил пожертвовать своей профессиональной гордостью и остаться еще на один год.

Когда Ахитув в 1981 году наконец ушел со своего поста, в разведсообществе открыто стали говорить, что его главная ошибка заключалась в попытке выпросить у Бегина разрешение на ведение агентурной работы в среде поселенцев. Руководители разведсообщества считали, что Ахитув, видя проявление насилия и возникновение экстремистских группировок в израильском обществе, мог и дол-

жен был принять самостоятельное решение о создании осведомительной сети среди еврейских поселенцев на Западном побережье.

Из-за отсутствия достоверной информации об инциденте со взрывами автомобилей арабских мэров «Шин Бет» и вооруженные силы не могли предпринять серьезных шагов по пресечению насильственных действий со стороны «еврейского подполья». В июле 1983 года несколько еврейских поселенцев Западного берега, переодевшись в арабскую одежду, ворвались на территорию Исламского университета в Хеброне и расстреляли троих палестинцев. Это преступление также оставалось нераскрытым до мая 1984 года.

В мае 1984 года ситуация достигла критической точки. Израильская полиция в Иерусалиме обнаружила сразу 12 бомб, подложенных в арабские автобусы в Восточном Иерусалиме, в которых находились женщины и дети. Чудом удалось избежать кровавой бойни, и на этот раз «Шин Бет» смогла нанести ответный удар. Взрывчатка в зарядах была того типа, что применялась в израильской армии, и это указывало на возможную связь террористов с солдатами или резервистами, имеющими доступ к арсеналам.

К этому времени агентура, внедренная в «еврейское подполье», уже начала давать отдачу, и «Шин Бет» знала, кого надо было арестовывать. Бегин в 1983 году ушел в отставку, и новый шеф «Шин Бет» Аврахам Шалом, ранее являвшийся заместителем Ахитува, принял решение довести расследование до логического конца. Было установлено, что террористическая организация насчитывала в своих рядах около двух десятков еврейских поселенцев, ставивших целью уничтожение палестинцев. «Шин Бет» обращалась с арестованными еврейскими террористами несколько мягче, чем с арабскими террористами, но тем не менее все они признались в совершенных преступлениях, были преданы суду и приговорены к тюремному заключению.

Если Бегина можно критиковать за нерешительность в отношении еврейских экстремистов, то в отношении угроз из-за рубежа он действовал беспощадно. Заключение мира с Египтом несколько не смягчило его, и он доказал это в 1981 году. 4 июня этого года израильские самолеты «F-15» и «F-16» уничтожили иракский ядерный реактор в районе Багдада. С военной точки зрения это была безусловно ус-

пешная операция, которая продемонстрировала, что Израиль обладал превосходной разведкой и мог наносить удары на значительном удалении от своей территории.

Предыстория этой операции показывает, сколь велико было влияние разведки на бесстрашную внешнюю политику Бегина. «Моссад» и «Аман» наблюдали за иракским реактором с того момента, как стало известно о намерении Ирака приобрести его у Франции. Мысль о том, что арабское государство — особенно радикальный Ирак — сможет получить ядерное оружие и угрожать еврейскому государству, лишала сна израильских руководителей.

В ноябре 1975 года Франция дала согласие на поставку в Ирак двух реакторов: одного — небольшого для исследований и второго — мощностью 70 мегаватт. Иракцы назвали этот проект «Таммуз» по имени ханаанского бога и арабскому названию месяца, в который партия БААС в 1968 году пришла к власти.

До момента прихода Бегина к власти в 1977 году Израиль пытался дипломатическими средствами затормозить ядерную программу Ирака, отговаривая Францию, Италию и Бразилию от выполнения обещаний по поставкам в Ирак материалов, оборудования и технологической информации, связанной с проектом «Таммуз». Израиль также попросил вмешаться Соединенные Штаты, надеясь, что линия президента Картера на укрепление режима нераспространения ядерного оружия может повлиять на Францию. Однако эта «тихая дипломатия» оказалась бесплодной. Строительство реактора около Багдада продолжалось быстрыми темпами.

Бегин решил радикально изменить свою политику. Он вызвал к себе руководителей разведывательных служб и заявил, что отныне уничтожение реактора в Ираке будет рассматриваться как одна из высших национальных целей Израиля. Бегин приказал не жалеть сил для сбора информации о реакторе «Таммуз»: о темпах его строительства и сотрудничестве Ирака с другими странами в этом вопросе.

Бегина больше чем любого израильского лидера преследовали воспоминания о нацистском Холокосте. Он считал уничтожение шести миллионов евреев не просто фактом истории, но явным предупреждением о существующей опасности. Израильский премьер выдвинул новую доктрину: Израиль не позволит ни одному арабскому государству приобрести наступательный ядерный потенциал.

Тайные батальоны Бегина включились в работу. В начале апреля 1979 года во французский Тулон различными маршрутами прибыла группа израильских агентов. Их объектом был большой склад в приморском городе Ла Сейн-сюр-Мер, где ждали отправки в Ирак два крупных блока для реактора. Французские власти позже заявили, что это была высокопрофессиональная работа: мощные заряды взрывчатки были прикреплены прямо к блокам реактора, взрыватели установлены на 3 часа утра и в момент взрыва — никаких следов организаторов этой диверсии.

Ответственность за взрыв взяла на себя французская экологическая группа, но ее никто не принял всерьез. Французская контрразведка довольно быстро установила, что диверсия была совершена в интересах Израиля и исполнителем, скорее всего, был «Моссад».

Бегин рассчитывал на то, что Франция воспользуется инцидентом для того, чтобы прекратить сотрудничество с Ираком, но его надежды не оправдались. Французское правительство заявило, что оно выполнит свои обязательства перед Ираком и поставит ему новые блоки взамен уничтоженных взрывом.

Бегин решил прибегнуть к крайним мерам: применить против Ирака военную силу. Вместе с начальником генштаба Рафулем Эйтаном Бегин приказал «Моссаду» и «Аману» изучить вопрос о возможности уничтожения реактора под Багдадом силами диверсионных групп «сайсрет». Одновременно Эйтан приказал ВВС на основе имеющейся разведывательной информации построить полномасштабную модель реактора.

В ходе подготовки нападения на реактор между руководителями Израиля стали возникать серьезные разногласия. Рейд на Багдад, самый протяженный из когда-либо проводившихся израильскими ВВС, планировался как раз в период подготовки к парламентским выборам. За несколько недель до выборов, назначенных на 7 июня 1981 г., лидер оппозиции Шимон Перес и бывшие генералы, входившие в лейбористскую партию, от своих коллег в разведке и вооруженных силах узнали о планах нанесения удара по Ираку. Перес потребовал, чтобы Бегин отказался от нападения. В частном порядке лидеры лейбористской партии признавали, что нанесение удара по реактору могло повысить авторитет партии «Ликуд» и шансы ее лидера Бегина на выборах.

Некоторые влиятельные руководители разведсообщества тоже выступали против нанесения удара. Шеф «Моссада» Ицхак Хофи и глава «Амана» Шломо Газит считали, что до пуска реактора и до того времени, когда он станет представлять реальную опасность, оставалось еще очень много времени. Большая часть представителей разведсообщества выступала за продолжение наблюдения за реактором и использование дипломатических каналов, предостерегая, что бомбардировка Багдада может вызвать прекращение ирано-иракской войны и объединение их сил против Израиля как раз в тот момент, когда война в Персидском заливе была на руку Израилю. Кроме того, такого рода военная акция Израиля, несомненно, вызвала бы широкое осуждение в мире.

С другой стороны, сильная коалиция членов «Ликуда» в составе кабинета министров, возглавляемая Ариелем Шароном, выступила в поддержку генерала Эйтана и его варианта воздушной бомбардировки реактора. Премьер-министр сам был горячим сторонником этого плана, и руководитель «Амана», чувствуя его поддержку, с большим энтузиазмом и тщательностью готовил эту операцию. Воздушный налет был осуществлен в полном соответствии с планом за три дня до выборов. Блок «Ликуд» снова победил, и Бегин остался премьером на второй срок.

Оказалось, что оценка Бегинем, Шароном и Эйтаном возможной международной реакции оказалась верной, а тревожные предостережения на этот счет Переса, Газита и Хофи не сбылись. В дипломатическом плане Израиль не потерпел ущерба, отчасти потому, что США и Советский Союз с облегчением встретили весть о разрушении ядерной «вавилонской башни» в Багдаде. Еще более важным было то, что новый президент Франции, социалист Франсуа Миттеран использовал этот факт для свертывания сотрудничества Франции с Ираком в ядерной области. Франция решила не восстанавливать Ираку разрушенный Израилем реактор.

После победы «Ликуда» в 1981 году рейд на Багдад стал критерием нового подхода Бегина к вопросам внешней политики. Премьер-министр стал более авантюрным и агрессивным в вопросах обороны Израиля, и даже некоторые члены его собственного кабинета удивлялись его готовности идти на риск.

Ясным выражением внешнеполитической тональности второго срока премьера стало назначение Шарона министром обороны. Больше года Бегин упрямо держал генерала Шарона на посту министра сельского хозяйства. Не желая предоставлять Шарону этот вожделенный пост, он даже некоторое время сам был министром обороны своего правительства, после того как Эзер Вайцман ушел в отставку в знак протеста против нового, более агрессивного курса. Бегин как-то высказался совсем не в шутиливом тоне, что в тот день, когда Шарон станет министром обороны, он окружит резиденцию премьера танками.

Для Шарона пост министра обороны был заветной мечтой, но не пределом. Он еще не оставлял надежды прибрать к рукам разведсообщество.

Ему уже удалось убедить Бегина назначить своего старшего приятеля Рафи Эйтана на пост советника премьера по антитерроризму. В отличие от начальника штаба армии Рафуля Эйтана, Рафи Эйтан был опытным разведчиком, самым крупным достижением которого было похищение в 1960 году Адольфа Эйхмана.

Рафи Эйтан был известен в кругах разведки как «Вонючий Рафи», но не из-за «грязных» дел разведки, а из-за того, что во время войны 1948 года во время одной миссии по линии организации «Палмах» ему пришлось долго пробираться через канализацию. Эйтан родился в 1926 году в кибуцце «Айн Харод» в долине Джезрил. Однажды, вернувшись из кино, он заявил матери: «Я хочу быть шпионом, как Мата Хари». Спустя несколько десятилетий он мог бы более точно назвать свой идеал для подражания — Джеймс Бонд. Детские фантазии Эйтана стали реальностью, потому что уже с 12 лет он начал участвовать в подпольной деятельности «Хагана».

В день провозглашения независимости Израиля, 15 мая 1948 г., он был ранен и вскоре пришел на службу в армейскую разведку. После войны Иссер Харел привлек его в кадры совместного оперативного подразделения «Моссада» и «Шин Бет». Формально Эйтан служил в «Шин Бет» с 1950 по 1953 год, а затем перешел в «Моссад», где занял пост начальника оперативного департамента. Эйтан принимал участие практически во всех громких операциях израильской разведки. Когда вешали Эйхмана, Эйтан был одним из свидетелей. Последние слова нацистского воен-

ного преступника: «Надеюсь, ты скоро последуешь за мной» — были обращены к Эйтану.

Этот ветеран разведки решил уйти в отставку в 1972 году, когда ему стало ясно, что у него нет шансов сменить директора «Моссада» Цви Замира на этом посту. У Эйтана были острые оперативные и личные конфликты с Замиром, а позже — с его преемником Хофи, когда Эйтан выступал в роли консультанта. Эйтан практически стал разделять взгляды Шарона на то, что «Моссад» нуждается в реформировании, его нужно призвать к порядку и даже ослабить.

В 1972 году в возрасте 46 лет Эйтан решил попробовать себя в бизнесе: от разведения тропических рыбок до сделок в области земельных участков на Западном берегу. Но, как и большинство его предшественников, решивших обменять плащ и кинжал на цивильное платье, Эйтан потерпел фиаско. Шарон успел вступить за своего друга и в 1978 году вернул его на правительственную службу в качестве эксперта по антитерроризму: координационный пост на периферии разведсообщества, не дававший никаких властных полномочий.

Шарону также удалось откопать в министерстве обороны сокровище, известное как «Лакам» или «Бюро научных связей», о существовании которого было известно всего нескольким лицам. Человек аккуратный и систематичный, Шарон тщательно изучил историю «Лакама», отраженную в секретных досье министерства, и отметил, что агентство превратилось из органа по охране реактора в Димоне в более многоплановую службу, активно добывавшую материалы, представлявшие интерес для обороны Израиля.

В министерстве обороны и разведсообществе директор «Лакама» Биньямин Бламберг имел репутацию гения, хотя никто не знал точно круг его обязанностей. Шарон также отметил, что «Лакам» превратился почти в частное предприятие, которое делало то, что считало нужным, и ни перед кем не отчитывалось.

Когда руководители разведсообщества запрашивали у «Лакама» отчет о его деятельности, Бламберг просто игнорировал эти запросы. Министр обороны Моше Даян всегда поддерживал сверхсекретное «Бюро научных связей», но никогда не интересовался, чем конкретно оно занимается. Ответственность за «Лакам» он переложил на своего зам-

стителю генерала Цви Зура. Генерал, занимавший в начале 1960-х годов пост начальника штаба армии, предоставил Бламбергу полную свободу действий. Этот либерализм пошел еще дальше, когда после 11-летнего перерыва в министерство обороны вернулся Шимон Перес, который сменил Моше Даяна после унижительных поражений во время войны Йом киппур.

Некоторые израильтяне, звавшие о существовании «Лакама», жаловались, что Бламберг был слишком благосклонен к своим друзьям, снабжал их информацией и предоставлял им возможности для обогащения. Ходили слухи о том, что и сам Бламберг наживался, хотя многим был известен его аскетический образ жизни. И все-таки руководство министерства обороны считало необходимым провести проверку жалоб в отношении «Лакама».

После прихода к власти правого блока «Ликуда» во главе с Бегиным давление на Бламберга усилилось. Считалось, что он слишком тесно связан со старой лейбористской «гвардией».

Заместитель министра обороны, член «Ликуда» генерал Мордехай Зиппори подозревал, что некоторые операции «Лакама» были связаны с «отмыванием» денег лейбористской партии. В 1979 году он пытался уговорить своего шефа Эзера Вейцмана уволить Бламберга, ссылаясь на то, что тот неуправляем. Вейцман провел совещание и добился обещания Бламберга чаще и полнее информировать Вейцмана о работе «Лакама».

Шарон внимательно изучил историю «Лакама», послушал своих советников и более серьезно, чем его предшественники, отнесся к критике в адрес Бламберга. Это были не просто жалобы недовольных, а серьезные обвинения, исходящие от самих работников «Лакама» и подкрепленные доказательствами того, что «Лакам» «отмывал» для лейбористской партии денежные средства сомнительного происхождения.

Шарон мог бы уволить Бламберга и без какого-то особого предлога. Он уже решил, что во главе этой службы в любом случае должен стоять человек «Ликуда», но теперь у него появился и конкретный повод. Слухи, порочившие репутацию Бламберга, нарастали как снежный ком, и хотя по большей части они были беспочвенными, это облегчало задачу его увольнения. Увольнение Бламбер-

га после 30 лет работы в разведке и 20 лет пребывания на посту директора «Лакама» вызвало бурю в разведсообществе, но в прессу не просочилось ни слова.

На освободившийся пост Шарон тотчас же назначил своего друга Рафи Эйтана. Впервые со времени Рувена Шилоя, если не считать девяти месяцев, в течение которых Меир Амит занимал два поста, один из руководителей израильского разведсообщества не только занял две должности, но и одновременно оказался в подчинении двух различных начальников. Как советник по антитерроризму он подчинялся Бегину, а как руководитель «Лакама» — Шарону.

Установление контроля над «Лакамом» стало важным этапом усилий Шарона по завоеванию им господствующего положения в комплексе разведки и безопасности. Однако на его пути все еще стояли две независимые организации: «Моссад» и «Шин Бет». Шарон понимал, что ни один премьер не откажется от своего права контроля за этими двумя спецслужбами, но надеялся, что ему удастся убедить Бегина заменить их руководителей. Особенно ему хотелось добиться снятия главы «Моссада» Ицхака Хофи.

Враждебное отношение Шарона к Хофи вытекало не только из различий в подходе к проблемам политики, обороны и разведки. За этим стояла долгая история взаимной личной неприязни. После Суэцкой кампании 1956 года командиры четырех батальонов парашютной бригады подняли «бунт» против комбрига, полковника Арнеля Шарона. Лидером «бунтовщиков» был его заместитель, подполковник Ицхак Хофи. Против комбрига было выдвинуто обвинение в трусости и в том, что он только разглагольствовал о роли командира, но никогда не водил своих людей в атаку, а предпочитал отсиживаться в тылу.

Шарон и «бунтари» выпесли свой конфликт на рассмотрение двух нейтральных офицеров, но те не смогли прийти к единому мнению. Этот странный эпизод много лет держался в секрете, но Шарон обладал хорошей памятью и не забыл мятеж Хофи.

Шарон решил воспользоваться уникальной возможностью и расквитаться с Хофи. Уничтожение иракского ректора создавало хороший повод. Хофи выступал против проведения этой операции и тем самым вызвал недовольство Бегина.

Однако шеф «Моссада» не стал пассивно ждать атаки Шарона. Хофи исходил из того, что через год завершится

8-летний период его пребывания на посту директора «Моссада», самый продолжительный срок пребывания в этой должности одного человека со времен Иссера Харела. Время отставки приближалось, и Хофи, вместо того чтобы занять бюрократическую оборону, сам яростно ринулся в беспрецедентное нападение.

18 июня 1981 г. Хофи, не спросив разрешения Бегина, впервые в истории израильской разведки дал интервью израильской газете «Гаарец» как анонимный шеф «Моссада».

Хофи заявил, что политикам пора прекратить извлекать дивиденды из рейда на Ирак. Он особо отметил, что многочисленные утечки информации, связанной с этой акцией, приносят огромный вред и создают угрозу потери источников информации и могут отрицательно сказаться на внешних связях Израиля.

Естественно, что это вызвало вопрос, кого конкретно шеф «Моссада» имел в виду. Некоторые близкие к Хофи журналисты получили ответ: по их словам, он имел в виду самого Шарона и его ближайшего друга журналиста Ури Дана.

Как и следовало ожидать, Шарон ответил Хофи тем же. Дан сам опубликовал в газете статью с яростными нападениями на анонимного шефа «Моссада» и утверждениями, что интервью он дал по заказу лейбористов, назначивших его на этот пост.

Дан также заявил, что Хофи поддерживал постоянный контакт с лидерами лейбористской партии, снабжал их секретной информацией и в то же время вводил в заблуждение премьера Бегина, докладывая ему неверную информацию об иракском реакторе. Журналист из «Маарив» прямо призвал Бегина уволить директора «Моссада».

Премьер-министр оставил без внимания призыв журналиста, хотя многим было известно, что за этой статьей стоял Шарон и сам Бегин был недоволен несанкционированным интервью Хофи. Статью Дана сочли слишком злой, тенденциозной и вносящей политический раскол. Издатели «Маарив» высказали недовольство, и Дан ушел из газеты на новую работу: он стал советником Шарона и пресс-атташе министерства обороны.

Но Хофи по-прежнему возглавлял «Моссад». Как опытный военный тактик Шарон видел, что фронтальная атака не дает результата, и изменил свой подход. Он стал орга-

низовывать различные «форумы», главным образом неофициальные аналитические группы, в которые входили как государственные чиновники, так и частные граждане. Политические противники называли эти встречи в министерстве обороны «двором Арика».

Участники этих быстро набиравших политический вес групп включали Рафи Эйтана; бывшего ответственного сотрудника «Моссада» Рехавью Варди, которого Шарон назначил «координатором» на оккупированных территориях; генерал-майора Аврахама Тамира, помощника министра по вопросам планирования и стратегии; торговца оружием и ветерана «Амана» Яакова Нимроди; и время от времени — Кимче, ветерана африканских операций «Моссада», занимавшего второй по старшинству пост в «Моссаде» до своего перехода на должность генерального директора министерства иностранных дел.

Кимче четверть века прослужил в «Моссаде» и всегда мечтал возглавить это агентство. В конце 1970-х годов Кимче решил, что у него появился отличный шанс, поскольку Бегин, судя по всему, рассматривал его как естественного преемника Хофи. Однако Хофи не был настроен на такое развитие событий. Он был крайне недоволен чрезмерной независимостью Кимче, который часто действовал так, будто вся организация состояла только из него одного. Он часто отпраивался в какие-то таинственные зарубежные поездки, о которых не было известно даже директору. В «Моссаде» Кимче имел кличку «человек с чемоданом». Хофи также обвинил Кимче в том, что он понапрасну тратит деньги, но Кимче отвергал все обвинения, правда, в конце концов у него пропало желание оставаться там, где никто не хотел его видеть, и в 1980 году он ушел в отставку.

Кимче принял предложение своего бывшего коллеги по службе в «Моссаде» Ицхака Шамира и стал генеральным директором МИД Израиля, не оставляя, однако, своей мечты когда-нибудь занять пост директора «Моссада». Он сохранял связи со своими старыми коллегами и был в курсе того, что происходило в агентстве.

Тем временем Рафи Эйтан, другой ветеран «Моссада» с аналогичными амбициями, начал расширять сферу деятельности «Лакама». Круг интересов этого таинственного агентства не ограничивался «научными связями», и Эйтану удалось добиться 10-кратного увеличения того, что про-

фессионалы разведки зовут «разведывательной отдачей». Если во времена Биньямина Бламберга «Лакам» выпускал около двух сотен документов в год, то при Эйтане эта цифра выросла до двух тысяч.

За рубежом «Лакам» начал действовать в «серой зоне», которая в принципе была исключительной сферой деятельности «Моссада». Эйтан также постоянно оказывался в состоянии конфронтации с «Моссадом», когда начинал выступать в своей второй роли — советника премьер-министра по антитерроризму.

Хофф, со своей стороны, выражал крайнее недовольство независимостью Эйтана, жаловался на него самому премьеру и коллегам в комитете «Вараш».

Другой хорошей новостью для Шарона, пришедшей из разведсообщества, стало известие о смене руководства в «Шин Бет». Аврахама Ахитува отправили в отставку, и его место занял Аврахам Шалом. Это был старый друг Рафьи Эйтана, который вместе с ним участвовал во многих операциях, включая похищение Эйхмана. Шарон и Шалом были настроены на одну волну по многим вопросам.

Шарона также радовала вероятность того, что еще один его союзник может возглавить «Моссад». Генерал-майор Екутиель (Кути) Адам, кадровый военный, который принимал участие в ряде совместных проектов с разведкой, был твердым кандидатом Бегина на пост директора «Моссада». В 1950-х годах Шарон и Адам служили вместе в парашютных войсках.

Чувствуя уверенность в своих силах, Шарон проявлял заинтересованность в разработке новых формулировок в области внешней и оборонной политики. В декабре 1981 года новый министр обороны выступил с программной речью, в которой провозгласил, что оборонительные интересы Израиля выходят за пределы зоны непосредственной конфронтации с соседними арабскими странами и включают Пакистан, Северную Африку и даже более отдаленные районы Африканского континента.

Шарон не ограничился словами. Он пытался реализовать свои взгляды через различные военные и внешнеполитические проекты.

Вскоре «Моссад» столкнулся с независимыми действиями друзей Шарона: бывшего агента «Моссада» Нимроди и его делового партнера Ала Швиммера, ранее возглавлявшего израильскую корпорацию «Израэль эйркрафт инда-

стриз». Их деловая активность часто сводила их с арабскими коммерсантами и политиками, а главным советником и каналом в высшие эшелоны власти Израиля был Шарон.

Нимроди, потерявший миллионы долларов в Иране, когда исламские легионы аятоллы Хомейни свергли шаха Ирана, продолжал лоббировать западные интересы в Тегеране. Как признанный эксперт по этому региону он надеялся вернуть Западу рынок Ирана с его 45-миллионным населением, попусту намереваясь возратить свои капиталы. Он считал себя образцовым патриотом, но границы, разделявшие личные интересы Нимроди и интересы государства Израиль, часто были размыты.

Нимроди и Швиммер познакомились с саудовским миллиардером Аднаном Кашоги, сотрудничали с ним в ряде коммерческих сделок и с удовольствием обменивались идеями о путях ближневосточного урегулирования. Все трое верили в сосуществование через капиталистическое сотрудничество. Связь с Кашоги помогла Нимроди получить секретный документ политического характера, подготовленный наследным принцем Фахдом. Для Нимроди это было крупным достижением, что, естественно, не обрадовало «Моссад», который обвинил его в том, что он «путается под ногами» и «мешает работать».

Документ, известный под названием «План Фахда», впервые поднимал вопрос о возможности саудовского признания Израиля как государства. Нимроди привез этот документ в Израиль еще до того, как он был опубликован в Рияде. Его агитация по этому поводу была вполне понятна, поскольку он постоянно подчеркивал, что саудовцы в обмен на мир и взаимное признание арабов и израильтян добивались лишь права поднимать саудовский государственный флаг над святыми местами в Восточном Иерусалиме как символ ответственности Саудовской Аравии за охрану святых мест, как это делалось в Мекке и Медине.

Премьер Бегин, однако, был разгневан. Ему не понравилось, что Нимроди попытался представить этот документ как программу умеренного толка. Бегин отвергал малейшие намеки на то, что Израиль может пойти на какое-то ограничение своего суверенитета в отношении всего Иерусалима, и просто отказался вникать в детали этого документа. По мнению Бегина, Фахд излагал старую позицию арабского экстремизма, добивавшегося от Израиля отказа от тех земель, которые Бегин считал исконной еврейской родиной.

Однако история с саудовским документом была пустяком по сравнению с головокружительным планом, который возник в ходе зарубежных поездок означенных лиц в 1981—1982 годах. Эта была целая сеть тайных контактов иранско-суданского плана, связывавшая Израиль с Саудовской Аравией и их многосторонними интересами в Северной Африке.

Нимроди вместе с Швиммером и Кашоги на шикарном частном авиалайнере саудовского миллиардера вылетели через Европу в Марокко для встреч и дискуссий со старшими офицерами иранской армии, нашедшими убежище в этой стране после падения шахского режима. Они также встретились с сыном покойного шаха, принцем Резой Пехлеви, известным в кругах, близких к семье шаха, как «беби-шах». Он был слаб характером, и западные разведслужбы проявляли к нему интерес как к человеку, которым можно управлять. ЦРУ оказывало ему помощь в организации радиопередач на Иран, где его слова, правда, не вызывали никакого отклика.

«Беби-шах» поселился в Марокко с большой свитой слуг и воинов, проводивших время в разработке почти несбыточных планов его возвращения к власти в Тегеране. Они говорили Нимроди, Швиммеру и Кашоги, что для реализации этих планов им были нужны только деньги на покупку оружия и оплату наемников, которые свергнут аятоллу.

Оба израильтянина пришли к выводу, что заговор может иметь успех, и поспешили информировать об этом Шарона. Мечты «беби-шаха» очень удачно вписывались в более масштабные геостратегические планы Шарона, и друзья министра обороны были в приподнятом настроении. После серии почти непрерывных международных телефонных переговоров и встреч в Африке собралась более широкая и представительная группа заговорщиков.

Это было просто невероятное сборище. 13 мая 1982 г. недалеко от границы с Танзанией на изумрудных газонах фешенебельного «Маунт Кения сафари клуб», в уединенной обстановке принадлежавшего Кашоги эксклюзивного охотничьего курорта, который от Найроби отделяло около 600 миль пастбищ, заполненных всевозможной живностью, среди цветов и увешанных плодами деревьев встретились и пожали друг другу руки 6 израильтян, 2 суданца и 1 саудовец.

Эта встреча навсегда должна была остаться тайной, но она была настолько непринужденной, что один из ее участников даже сфотографировал всех на память. Тут был Арик Шарон со своей женой Лили, которую он почти всегда брал во все свои тайные поездки, и теперь она обменивалась любезностями с иностранцами, которые официально были врагами ее супруга.

Однако вопросы, которые они обсуждали, были более чем серьезными. Суданскую сторону представляли президент Ньюмейри и начальник его разведки Абу Таеб. «Я был удивлен мягкостью и вежливостью президента Судана», — вспоминал впоследствии Шарон.

Ньюмейри также был «хорошо информирован и проницателен» и согласился с Шароном в том, что их общим врагом является Ливия. Суданский лидер был готов не просто к сотрудничеству с Израилем, которое фактически уже началось в рамках израильской программы спасения эфиопских евреев. Теперь Израиль в лице Шарона и его «двора» развернул более широкий план в отношении Ньюмейри и его территории.

Шарон прибыл в Марокко вместе с Нимроди, Швиммером, Кашоги, Кимче и Тамиром для реализации далеко идущего плана превращения Судана в гигантский арсенал для «специальных проектов». Саудовская Аравия обеспечивает финансирование: Кашоги информировал своих гостей, что король Фахд готов выделить для этого 800 млн. долларов, и «если потребуется, — добавил он с улыбкой, — может быть, даже один миллиард долларов». Израиль поставит оружие, как произведенное в Израиле, так и трофейное. В арсенале будут не только винтовки и минометы, но также танки, самолеты и ракеты.

Ньюмейри в этой сделке привлекали деньги, которые должны были потечь в его страну и его собственные карманы, а Нимроди, Швиммер и Кашоги как посредники в закупке и продаже оружия получали солидные комиссионные.

Шарон был заинтересован в крупных контрактах на экспорт оружия. По этому каналу можно было удобно реализовать трофейное вооружение, захваченное за многие годы у партизан ООП и соседних с Израилем арабских стран. В плане превращения Судана в огромный арсенал содержалась ирония: Судан будет платить Израилю за оружие и боеприпасы, которые первоначально приобретались ООП и арабскими странами при финансовой помощи Саудовской Аравии.

Для кого предназначалась вся эта огневая мощь? Среди наиболее перспективных клиентов были Иран. Отсюда «беби-шах» и его генералы могли получить оружие для свержения режима аятоллы. Из малозначительной оппозиции Реза и его последователи могли стать реальной угрозой для Исламской республики и вернуть Иран в лоно Запада.

Это оружие также можно было поставлять всякого рода повстанческим группировкам в Африке, боровшимся с режимами, недружественными Израилю, Судану и в целом Западу. Эти гражданские войны могли иметь место в Африке, Азии и даже в арабском мире. Возможности такого проекта были беспредельны. Ньюмейри и израильтяне договорились встретиться снова в июле того же года в Египте, в Александрии, для более детального разговора.

Представителей «Моссада» не допустили к участию во встрече в «Маунт Кения». Тогда они потребовали подробную информацию о ней. Кимче после возвращения в свой офис в министерстве иностранных дел сообщил в «Моссад», что Ньюмейри согласился на открытие в Хартуме постоянной резидентуры израильской разведки, а также на продолжение операции по вывозу эфиопских евреев.

Ицхак Хофи, естественно, был рад возможности открыть еще одну резидентуру в арабской стране, но ему не нравилось, что его отстранили от встречи с Ньюмейри. Израильтяне, установившие тесные связи с Аднаном Кашоги, по существу начали крупномасштабную тайную операцию, причем без участия «Моссада», который всегда с недоверием относился к саудовскому магнату. Похоже, «двор Арика» вторгнулся на территорию Хофи.

Помимо чисто внутренних политических и бюрократических обид, аналогички «Моссада» были искренне обеспокоены ирано-суданским проектом. Применительно к Ирану «Моссад» считал, что в политическом плане время «беби-шаха» и его генералов прошло. Операция вторжения в Иран небольшими силами, предпринятая в то время, когда он успешно противостоял огромной армии Ирака, имела очень мало шансов на успех и могла привести только к конфузу и, возможно, к разоблачению заговорщиков.

Что же касается более широких геостратегических аспектов предполагаемого суданского арсенала, то «Моссад» считал, что Шарон переоценивал интересы и возможности Государства Израиль. Было еще одно существенное возра-

женше со стороны «Моссада», полагавшего, что арабам вообще нельзя доверять ни жизни израильтян, ни деньги и ни престиж Израиля, связывая его с сотрудничеством и доброй волей таких государств, как Саудовская Аравия и Судан.

Ветеран «Моссада» министр иностранных дел Шамир тоже не был склонен доверять арабам. В оценке перспектив суданского проекта он стал на сторону «Моссада», и даже Кимче не смог его переубедить. Премьер Бегин не занял четкой позиции, заявив Шарону и его друзьям, что ему нужны более серьезные доказательства того, что переворот в Иране — как первый этап осуществления амбициозного плана — может увенчаться успехом.

«Моссад» был преисполнен решимости сорвать этот план. Полагая, что от него будет только вред и Израилю и «Моссаду», Хофи тайно отправил одного из своих заместителей в Марокко для встречи с «беби-шахом». Высокопоставленный израильский разведчик раскрылся перед шахом, хотя и не назвал своего подлинного имени, и заявил молодому принцу: «Я уполномочен высшим руководством Израиля сообщить вам, что израильтяне, с которыми вы встречались, не являются нашими официальными представителями. От них у вас будут одни неприятности. Пожалуйста, в будущем поддерживайте прямой контакт с нами, хотя сам по себе суданский проект нас не интересует».

Завершив свою миссию и тщательно заметая следы, представитель «Моссада» возвратился через Европу в Тель-Авив. Колоссальный проект Шарона, Нимроди, Кимче и их арабских партнеров приказал долго жить. Это был довольно любопытный способ решения государственных дел, что применительно к Америке выглядело бы так: Пентагон предпринимает какие-то внешнеполитические инициативы за спиной Госдепартамента, а ЦРУ вмешивается и срывает их. Так израильская разведка втягивалась во внутриполитические склоки.

Суданско-иранский план был началом конца грандиозной стратегии, выдвинутой Шароном в период его пребывания на посту министра обороны. Включавший множество сложных комбинаций, он имел своей главной стратегической целью создание не севере Израиля нового Ливана и предусматривал уничтожение военной инфраструктуры ООП на юге Ливана, по словам израильских

политиков, «террористического государства в государстве». После серии партизанских рейдов и ракетных обстрелов израильской территории в Северной Галилее и ответных израильских рейдов и артобстрелов Бегин в июле 1981 года скрепя сердце принял выработанные американцами условия прекращения огня. Однако с самого начала было ясно, что это непрочное и временное соглашение. Отдельные палестинские группировки продолжали свои атаки, и у израильской авиации буквально чесались руки дать адекватный ответ.

Бегин и Шарон испытывали животную ненависть к ООП, которую они считали бандой убийц, ставящих своей целью уничтожение Израиля. Премьер-министр открыто сравнивал Ясира Арафата с Адольфом Гитлером. Было ясно, что нападение Израиля на опорные пункты ООП в Ливане — это всего лишь вопрос времени. Неизвестно было только то, где израильтяне нанесут удар и насколько масштабными будут эти операции.

Для прояснения обстановки Шарон и его помощник генерал Тамир в январе 1982 года тайно встретились в Женеве с сирийским генералом Рифатом Ассадом, братом президента Сирии. Эта встреча доказала, что в мире тайной ближневосточной дипломатии нет ничего невозможного. Ведь по существу самый воинственный израильский министр встретился для вполне цивилизованной беседы с высокопоставленным представителем самого заклятого и воинственного врага Израиля.

Рифат Ассад был колоритной фигурой: жестокий и неоднозначный военный руководитель, жуир, знавший толк в женщинах и не чуждавшийся материального благополучия. Но главное — реалист, который мог отказываться официально признавать Израиль, но тем не менее уважал его мощь. Он знал, что Сирия и Израиль, несмотря на взаимную враждебность, имели по крайней мере два общих интереса: ослабление ООП и стабилизация положения в Ливане путем его раздела.

Встреча в Женеве уже сама по себе была достижением, но она не дала конкретных результатов, не было достигнуто даже ограниченного взаимопонимания. Было не ясно, имел ли Рифат Ассад санкцию на встречу с заклятыми врагами Сирии, но это было вполне вероятно.

Усилия Израиля по защите своих интересов в Ливане предпринимались преимущественно в рамках тайной дип-

ломатии. «Моссад» и «Аман» уже в течение восьми лет поддерживали тесные контакты с фалангистами — формированиями христианской милиции Ливана. Первые контакты были установлены в 1974 году, когда христианские лидеры почувствовали, что теряют свое доминирующее положение в стране. Их мусульманские соперники сформировали коалицию, в которую вошли многие палестинцы, нашедшие убежище в Ливане, что существенно увеличило их влияние и разогрело политические амбиции. Христианские политики, однако, упорно отказывались реформировать систему, которая устраивала их во всех отношениях.

Король Иордании Хусейн, сам глубоко вовлеченный в тайную дипломатию с Израилем, убедил руководителей христианской милиции Камилля Шамуна и Пьера Джемаеля вступить в контакт с Израилем. Бывший президент Ливана Шамун и бывший министр Джемаель имели продолжительную беседу с премьер-министром Рабином. Была достигнута договоренность о том, что Израиль окажет помощь фалангистской милиции, которая, по иронии судьбы, создавалась как подражание европейским нацистам и фашистам 1930-х годов.

С израильской стороны контакт поддерживал «Моссад», а со стороны фалангистов особый интерес проявлял сын Пьера Джемаеля Башир. Молодой Джемаель, юрист, в обстановке царившего в стране беззакония был смел, коварен и убийственно беспощаден. Он не остановился перед уничтожением своих «союзников-христиан», представителей семейств Шамуна и Франжье, стремясь стать единоличным руководителем милиции.

В 1970-х годах Башир Джемаель работал в адвокатской фирме в Вашингтоне, и там с ним установило контакт ЦРУ. Сын руководителя христианской милиции согласился стать платным агентом разведки США. Американцы заплатили Джемаелю тысячи долларов и не ошиблись в своем выборе: несмотря на то что он был самым младшим из шести сыновей Пьера, Башир сумел обогнать своих старших братьев и в 1976 году стал руководителем самого крупного контингента христианской милиции.

Обеспечив выживание фалангистов в ходе гражданской войны в Ливане 1975—1976 годов, «Моссад» получил разрешение на открытие еще одной своей резидентуры, оснащенной мощным радиопередатчиком, расположенным в порту Джуней. В остальной части Ливана враждебные хри-

стипанам мусульмане и палестинцы оказывали на них сильное давление, но клан Джемаеля полностью контролировал территорию порта к северу от Бейрута. В дополнение к разведчикам «Моссада» в Джуней были направлены офицеры израильской армии, которые установили официальную систему взаимодействия с фалангистами Джемаеля, гораздо более мощную, чем все то, что Израилю до сих пор удавалось сделать в других арабских странах.

Одновременно израильтяне создали свою собственную милицию на юге Ливана, которая должна была противостоять растущему влиянию ООП в этом регионе и защищать северную границу Израиля. Это формирование, в котором господствовали христиане из района Марджауна, получило название Армии Южного Ливана. Ее бойцы были одеты в израильскую военную форму, но без израильских знаков отличия. А на автомашинах и танках этой армии даже не были удалены надписи, сделанные на иврите.

За финансирование, экипировку и боевую подготовку этой армии отвечал «Аман». В подготовке боевиков-фалангистов из Северного Ливана принимали участие инструкторы израильской армии, а также «Моссада» и «Шин Бет». Фалангисты также создали с помощью Израиля свои собственные службы безопасности и разведки, которые возглавил Эли Хобейка.

«Аман» и «Моссад» с большим энтузиазмом относились к контактам с фалангистами, полагая, что это дает Израилю больше преимущества. При помощи таких контактов израильтянам удалось создать разветвленную сеть осведомителей, снабжавших их актуальной информацией о палестинских партизанских группах, о сирийских вооруженных силах и политических процессах в этой части арабского мира. Тайные связи с Ливаном полностью вписывались в израильскую доктрину «периферийных» союзов. Ливанские христиане были естественными союзниками Израиля в силу того, что они враждовали с мусульманами.

До 1981 года израильтяне в своих отношениях с фалангистами не шли дальше того, «что помогали им помогать себе». Дэвид Кимче, руководивший в то время деятельностью «Моссада» в Ливане, говорит, что израильские офицеры связи в Джунее всегда недвусмысленно давали понять

христианам, что Израиль не будет воевать за них. После своего переизбрания на второй срок Бегин приказал расширить и углубить контакты с фалангистами. Шарон пошел еще дальше.

Христианские лидеры, понимавшие уязвимость Бегина, стали оказывать на него давление с целью добиться увеличения израильской помощи. Они заявляли, что им угрожало уничтожение со стороны Сирии, и, чтобы доказать это, сами провоцировали различные инциденты, а для подкрепления своей версии событий передавали израильтянам тенденциозную информацию. Бегин, испытывавший симпатии к угнетаемым меньшинствам, — особенно когда в роли угнетателей выступали арабы — был склонен верить фалангистам.

Шарон знал правду и не боялся, что ливанские христиане могут быть уничтожены. Но он считал, что Башир Джемаль был тем человеком, который готов и вполне способен реализовать стратегические замыслы Шарона в плане создания на Ближнем Востоке «нового порядка».

Вечером 12 января 1982 г. на одной из авиабаз в окрестностях Тель-Авива собралась группа влиятельных израильских военных. В их числе были Ариель Шарон, генерал Тамир, представители «Моссада», глава «Амана» генерал Иехошуа Сагуй и другие высокопоставленные военные чины. Им были даны краткие инструкции о том, как вести себя, если что-то случится, и как им в случае необходимости надо выходить с территории, занятой враждебными силами. Затем все собравшиеся сели в военный вертолет.

Это был странный полет в неизвестность людей, которым была доверена безопасность Израиля. Они всматривались в темное пространство Средиземноморья и линию берегового освещения Ливана, пытаясь определить свое местонахождение, пока наконец не увидели огни Бейрута. Вертолет приземлился на аэродроме в Джунее, где Шарона и его коллег встретил местный резидент «Моссада».

Баширу Джемалю было лишь сказано, что предполагается прибытие «ответственного израильского представителя», но он угадал, кто это будет. Идя навстречу грузному Шарону, молодой фалангистский лидер с улыбкой произнес: «Я знал, что Вы приедете. Я ждал Вас».

В ходе целой череды роскошных обедов, перемежавшихся экскурсиями в различные районы Бейрута, обе сто-

роны интенсивно работали над достижением принципиальных соглашений по широкому кругу вопросов. По возвращении в Израиль Шарон сказал: «Я окончательно отработал план с христианами. Теперь мы можем выполнять его. Я связал им руки».

Через пять недель достигнутые договоренности были подтверждены в ходе визита Джемалея в Иерусалим для встречи с премьер-министром Бегиним. Шарон хотел, чтобы Бегин лично убедился в этом.

Заявления министра обороны о всеобъемлющем союзе с фалангистами вызвали бурю дебатов в разведсообществе Израиля. «Аман» с яростью утверждал, что Израиль не может доверяться христианам настолько, чтобы планировать передвижение своих войск в зависимости от их поддержки. Военная разведка располагала информацией о том, что Джемаль имел связи с сирийским руководством и даже с ООП.

Аналитики «Амана» недоумевали, как можно верить фалангистам, если полученное ими от Израиля оружие нередко оказывалось у палестинцев. Некоторые христианские лидеры вели подпольную торговлю оружием и наркотиками. «Аман» также выступал против военных операций, которые могли привести израильскую армию в прямое соприкосновение с сирийскими силами в Ливане.

Шарон был непреклонен, он считал, что пришло время реализовать его план, который изменит ход истории. К удивлению многих, он нашел союзника в лице «Моссада» — организации, к которой он относился с большим подозрением.

Хофи фактически поддержал план Шарона. «Моссад» вел себя так, будто забыл одно из самых священных правил разведки: никогда чрезмерно не сближайся со своими источниками. Все эти роскошные обеды, которыми угощали в Бейруте представителей «Моссада», а также тайные ответные визиты фалангистов в Израиль фактически закрепили этот союз и не оставили места для вопросов и сомнений. Джемаль и его люди всегда подчеркнуто соглашались со всем, что говорили представители Израиля, и постоянно подчеркивали свою ненависть к ООП.

Проиграв бюрократическую схватку, руководитель «Амана» генерал Сагуй согласился стать основным источником информации для ближайших союзников Израиля, американцев. В январе 1982 года шеф военной разведки

посетил Вашингтон и заявил госсекретарю Александру Хейгу, что если палестинские провокации будут продолжаться, то Израилю ничего не останется, как оккупировать Ливан вплоть до окрестностей Бейрута. Через несколько месяцев в Вашингтоне побывал Шарон и подтвердил эту позицию.

В период 2—4 июня министр обороны находился с тайным визитом в Румынии. Поездку организовал «Моссад». Под прикрытием частной семейной поездки Шарон предлагал «технологическое сотрудничество» единственной коммунистической стране, сохранявшей дипломатические отношения с Израилем. Шарона сопровождали эксперты из военного министерства Израиля и корпорации «Израэль эйркрафт индастриз».

3 июня посол Израиля в Лондоне Шломо Аргов был тяжело ранен палестинскими террористами, которые подстерегли его в момент, когда он покидал дипломатический прием. Боевики принадлежали к отколовшейся от ООП палестинской группировке Абу Нидаля, но Шарон посчитал это «спичкой, которая поджигает детонатор». Теперь Израиль определенно должен оккупировать Ливан и с помощью христианских фалангистов разгромить ООП.

6 июня израильские войска пересекли границу Ливана. Это была вторая война, начатая по инициативе Израиля, — первой была Суэцкая кампания 1956 года, — и она превратилась в Ватерлоо Шарона. Как «Аман» и предупреждал Шарона, христианские формирования не выполнили своих обещаний. Они не оказали никакой помощи в борьбе с ООП, и позже Джемаель даже отказался подписать с Израилем полномасштабный мирный договор. Шарон глубоко залез в ливанскую трясиину.

Объявленной целью вторжения было уничтожение артиллерийских и ракетных позиций палестинцев, угрожавших гражданскому населению Израиля. Официально операция называлась «Мир для Галилеи». Израильские руководители, однако, надеялись, что сокрушительное поражение палестинцев подорвет доверие к этой организации на Западном берегу и в секторе Газа. Бегин стремился к укреплению позиций Израиля на захваченных территориях путем предложения арабам некой «автономии», обещанной в мирном договоре с Египтом. ООП категорически отвергла автономию и заявляла о своем намерении создать независимое государство. Бегин же хотел поддержать палестинских лидеров, готовых сотрудничать с Израилем.

Цели, которые преследовал Шарон, были еще более амбициозными. Он приказал израильским танкам дойти до пригородов Бейрута. Там они должны были соединиться с силами христианской милиции и навязать Ливану свой собственный «закон и порядок». Этот план предусматривал избрание Башира Джемаеля президентом Ливана. Затем он должен был изгнать из Ливана сирийцев, и заключить с Израилем официальный мирный договор. Джемаель, несомненно, изгнал бы всех палестинских боевиков за пределы Ливана либо морским путем в другие ближневосточные порты, либо по суше в Сирию.

На пятый день войны планам Шарона в отношении разведсообщества Израиля был нанесен страшный удар. 10 июня в бою был убит его близкий друг генерал «Кути» Адам. Самый главный кандидат на пост директора «Моссада» был мертв, но после восьми лет кто-то все-таки должен был сменить Хофи. Бегин спросил мнение самого Хофи, и 27 июня премьер-министр рекомендовал своему кабинету утвердить на посту директора «Моссада» заместителя Хофи — Наума Адмони.

Это был первый случай, когда агентство возглавил кадровый разведчик, сделавший карьеру в рядах «Моссада». Публично имя Адмони не называлось. В кругах разведки его считали «бессцветным середнячком», «менеджером» и бюрократом, человеком тусклым, но стабильным и целеустремленным. Ему было 53 года, он получил образование в Америке, 28 лет провел на оперативной работе в различных странах и прошел все ступени служебной лестницы.

Адмони родился в 1929 году в Иерусалиме в семье польских эмигрантов, которые, оказавшись в Палестине, сменили свое имя с Ротбаум на Адмони. Его отец был архитектором Иерусалимского парка, и семья жила в фешенебельном квартале Рехавия, недалеко от шикарного отеля «Кинг Давид». Значительное число израильских лидеров, появившихся на политической арене после 1948 года, были выходцами из района Рехавия: в их числе правительственные чиновники, министры, университетские профессора, военные и разведчики.

В юности Адмони входил в «Шай», разведывательное подразделение организации «Хагана». Вскоре после войны 1948 года он поехал учиться в университет Беркли в Калифорнии. Там Адмони подрабатывал в еврейской воскресной школе, в синагоге, а также на фабрике, выпус-

кавшей военной обмундирование для вооруженных сил США. В Калифорнии он женился и позже вспоминал, что время, проведенное им на Западном побережье, было лучшим в его жизни. Это был единственный период, когда он не находился в постоянном напряжении, связанном с двойной жизнью и борьбой разведчика против врагов Израиля.

Адмони надеялся стать дипломатом, но по возвращении в Израиль стал инструктором в специальной академии разведки в Иерусалиме. Он провел около 30 лет в различных резидентурах от Вашингтона до Эфиопии в качестве оперативного работника или офицера связи, принимал участие во всех совместных с ЦРУ проектах и был экспертом в области альтернативной дипломатии «Моссада». Однако в том, что касалось тайных акций против настоящих врагов Израиля, его практический оперативный опыт был невелик. Он не был авантюристом и убийцей, но его уважали за солидность и прилежание.

Ливанская война разворачивалась по непредусмотренному и все более кровавому сценарию, обещанный Шароном блицкриг вскоре уступил место реалиям оккупированных территорий, простиравшихся от северной границы Израиля до Бейрута. Это была зона, заполненная беженцами, находившимися в состоянии смятения, и ею надо было управлять.

Директор «Шин Бет» Аврахам Шалом получил неблагодарное задание: отправиться в Ливан, найти там друзей и разгромить врагов. Шиитские деревни, население которых первоначально приветствовало израильские войска, изгонявшие ненавистную ООП, теперь, подстрекаемые агентами аятоллы Хомейни, превратились в центры антиизраильского терроризма. Соотечественники водителей-самоубийц, машины которых были загружены взрывчаткой, в 1983 году убили более 250 морских пехотинцев США и французских солдат в Бейруте, начали совершать нападения на израильские части на юге страны. Фанатичные шииты охотно взрывали эти грузовики и, оттесняя Израиль в его границы, обеспечивали себе место на небесах.

«Шин Бет» не была готова к конфронтации такого рода. Шалом и его оперативники имели определенный опыт борьбы с палестинцами на Западном берегу и в секторе Газа, которым не нравилась израильская оккупация, но они никогда не подрывали себя, чтобы доказать свою правоту.

Летом 1982 года израильская армия занимала позиции вокруг Бейрута. Израильские ВВС обеспечивали господство в воздухе и исключали возможные попытки вмешательства со стороны сирийцев. «Шин Бет» начала создавать систему поддержания порядка в Южном Ливане. Тем временем открылся новый бюрократический фронт, когда соперник «Шин Бет» Рафи Эйтан попытался в качестве советника премьер-министра по антитерроризму проверить работу ее агентств. Эйтан оказался в Ливане, потому что Шарон надеялся, что его верный друг поможет ему держать «Шин Бет» под контролем.

Его менее надежный друг Башир Джемаель сумел выполнить часть плана Шарона и 23 августа обеспечил свое избрание на пост президента Ливана. За несколько дней до фактического вступления в должность вновь избранный президент посетил Нахарию в Израиле и встретился с премьером Бегинном; 12 сентября Шарон навестил Джемаеля в его доме под Бейрутом. Они договорились о том, что 15 сентября Шарон вернется сюда вместе с министром иностранных дел Ицхаком Шамиром.

Однако 14 сентября планы Шарона в отношении Ливана были сорваны. По радио в автомашину министра обороны было передано сообщение с просьбой немедленно связаться с главой «Моссада». Поскольку Шарон ехал на свою ферму на юге Израиля, он с ближайшей военной базы позвонил в Тель-Авив.

Хофи, все еще передававший дела Адмони, хладнокровно информировал Шарона, что в Бейруте мощным взрывом в штаб-квартире своей партии был убит Джемаель. По первым признакам это могло быть делом рук сирийцев. Хофи находился в сложном и дискомфортном положении — он уходил в отставку не с победой, а в обстановке неопределенности, но для Шарона эта новость была просто ошеломляющей. Министр обороны рассчитывал, что установление нормальных отношений между Ливаном и Израилем оправдывает любые издержки, но теперь все провалилось. Джемаель был убит всего за несколько дней до вступления в должность.

На следующий день Шарон на вертолете вылетел в Ливан. Вместе с ним для участия в траурной церемонии и выражения соболезнований семье погибшего отправились звезды израильской разведки первой величины: начальник «Амана» генерал Сагуй, руководитель «Шин Бет» Авра-

хам Шалом и заместитель директора «Моссада» Менахем (Навик) Навот. И в этот день они все едва не погибли.

Человеком, который поставил под угрозу жизни руководителей израильского разведсообщества, был полковник «Амана», который встретил вертолет и должен был доставить визитеров в родовое поместье Джемаеля. Полковник, занимавший в Бейруте пост офицера связи с фалангистами, заблудился. Он привез Шарона, Сагуя, Шалома и Навота прямо на позиции ООП в контролируемой мусульманами западной части Бейрута. Им просто повезло, что полицейский-христианин завернул машину и предложил им поскорее убираться из этого района. «Я не знаю, кто был этот полицейский, — вспоминал впоследствии Шарон, — но я не сомневаюсь, что он спас жизнь мне и нескольким высокопоставленным израильским разведчикам, включая того самого полковника, который решил поехать “коротким путем”».

Кое-как добравшись до резиденции Джемаеля, Шарон выразил свои соболезнования отцу Башира ветерану христианской милиции Пьеру Джемаелю. Навот выступал в качестве записывающего беседу, которая неожиданно получилась довольно официальной. Эта встреча имела жизненно важное значение для следующего этапа развития событий, и рукописные записи Навота осели в архивах «Моссада». Эти записи впоследствии стали ключевым фактором в ходе грандиозного судебного процесса в Нью-Йорке, когда Шарон предъявил иск по поводу клеветы журналу «Тайм», который лживо утверждал, что он якобы предложил Джемаелям отомстить палестинцам. Шарон выиграл это дело.

Во всяком случае на следующий день, 16 сентября, лидеры фалангистов проявили большую активность. Было принято решение, что брат Башира — Амин Джемаель станет следующим кандидатом в президенты, и они отправили своих боевиков в лагерь палестинских беженцев Сабра и Шатила в южном пригороде Ливана. Подразделениями фалангистов командовал хорошо известный израильтянам Эли Хобейка. Вооруженные до зубов фалангисты свободно прошли в лагерь мимо охранников-израильтян. Цель Хобейки — очистить территорию от палестинских партизан.

Вместо этого христианская милиция развязала в лагерьх продолжавшуюся целые сутки кровавую оргию, убивая

детей, женщин и стариков. Боевые отряды ООП уже давно покинули эти лагеря. В истерическом припадке, вызванном смертью их обожаемого лидера Башира, фалангисты расстреляли и зарезали около 700 человек. Все это произошло на глазах солдат и офицеров регулярной израильской армии, которые спокойно оставались на своих постах по периметру лагерей и делали вид, что происходящее их не касается.

Телевидение разнесло ужасающие картины гор трупов по всему миру. Небольшая деталь, что убийцами были фалангисты, а не израильтяне, не дошла до большей части иностранной аудитории. Мир увидел массовое убийство в Сабре и Шатиле как логическое завершение израильского вторжения в Ливан. Это была катастрофа.

Бегин пытался убедить всех, что тут одни арабы убивали других арабов и Израиль не имел к этому никакого отношения. Иностранцы в это не поверили, так же как не поверили и тысячи израильтян, выразивших протест против действий своего правительства в Ливане. Бегин согласился назначить специальную комиссию во главе с бывшим членом Верховного суда Ицхаком Каханом для изучения вопроса о возможной причастности Израиля к зверствам в Сабре и Шатиле.

В ожидании заключения комиссии Кахана Шарон продолжал попытки реализации своего стратегического плана на других направлениях. Он увидел возможность нанести удар в Северной Африке самозванному борцу с сионизмом ливийскому полковнику Каддафи. В это время ливийцы были активно вовлечены в гражданскую войну на территории своего юго-восточного соседа в республике Чад. Каддафи поддерживал антиправительственных повстанцев. К востоку от Чада опасавшийся Ливии президент Судана Ньюмейри из всех сил помогал прозападному президенту Чада Хасану Хабре. Соединенные Штаты и Франция, владевшая ранее этой колонией, также были на стороне Хабре.

Каддафи особенно раздражал израильтян тем, что блокировал их настойчивые усилия восстановить свое влияние в Африке. Этот ливийский революционер шантажировал и подкупал африканских лидеров, препятствуя восстановлению этими странами дипломатических отношений с еврейским государством. Тот факт, что он поддерживал наиболее радикальные и фанатичные группировки в Европе и арабском мире, только подчеркивал важность общей

цели США и Израиля: всемерно ослаблять влияние ливийского лидера с прицелом на его свержение.

Шарон поручил своему помощнику генералу Тампру лично изучить возможности для антиливийских акций. В ноябре 1982 года Тампр, как он это часто делал в качестве тайного эмиссара Шарона, исчез из Израиля. Он вылетел в Париж для встречи с высокопоставленным представителем Чада и обсуждения конфликта в Северной Африке и угрозы прямой интервенции ливийской армии. Чадский представитель был настроен оптимистически в отношении шансов Хабре на победу, но он опасался полномасштабного вмешательства ливийской армии. Чад добивался от Франции обещания прислать свои войска, если с севера в страну вторгнутся ливийцы.

По итогам этой встречи Тампр пришел к выводу, что Израиль мог бы направить в Чад небольшой контингент войск. Он старался извлечь максимальную пользу из складывавшейся ситуации: основная ответственность за спасение режима Хабре ляжет на плечи Франции, а Израиль наберет политический капитал за «укрощение» Каддафи. Тампр и чадский посланник пришли к общему выводу, что израильский представитель должен посетить столицу Чада Нджамену и окончательно согласовать детали тайного соглашения Чада с Израилем.

Спустя две недели из Чада был получен условный сигнал, и Тампр в гражданской одежде через Париж вылетел в Нджамену город с полумиллионным населением, практически опустошенный гражданской войной. Многие дома были разрушены, дороги искорежены, и весь город стоял в развалинах.

Слово «нджамена» на одном из местных диалектов означает «город для отдыха», но израильскому генералу отдыхать было некогда. Сразу по прибытии его доставили в президентский дворец для встречи с Хабре. Переговоры продолжались всю ночь, и под угро генерала отвезли на позиции в северной пустыне. Стороны договорились, что Израиль пришлет своих военных экспертов для оказания помощи вооруженным силам Чада в гражданской войне и противостоянии с Ливией. Тампр через Париж возвратился в Израиль и доложил о результатах переговоров Шарону.

Потом пришла очередь путешествовать Шарону. В январе-феврале он посетил несколько стран Африки, где предлагал военную помощь в обмен на восстановле-

ние дипломатических отношений. Десятки стран в конце 1973 года, выполняя решение Организации африканского единства, разорвали дипломатические отношения с Израилем в качестве реакции на войну Йом киппур и последующего нефтяного эмбарго, что резко повысило значение арабских нефтедолларов. Во время посещения Заира Шарон встретился не только с президентом Мобуту, но и с президентом Чада Хабре. Они достигли взаимопонимания в вопросе необходимости противодействия подрывной деятельности Ливии. Для подкрепления своих слов Шарон передал Чаду груз стрелкового оружия, доставленного самолетом из Израиля. Вскоре израильская армия направила в Нджамену 15 советников из уже находящегося в Заире израильского контингента.

Когда в «Моссаде» стало известно о тайных миссиях Тамира и личной дипломатии Шарона, Наум Адмони пришел в ярость. Африка традиционно была сферой деятельности «Моссада», а не министерства обороны. Однако вся операция была проведена за спиной «Моссада», и Шарон, судя по всему, не собирался информировать «Моссад» о ее результатах. Адмони пожаловался премьеру, подчеркнув огромный риск, связанный с направлением израильского военного персонала в страны с неустойчивыми режимами, где в любой момент повстанцы могут одержать верх. Положение усугублялось тем, что израильские военные советники в Чаде могли попасть в плен к ливийцам.

Шарон и Тамир всячески оправдывали свою дипломатическую вылазку, указывая Бегину на преимущества, которые могут быть получены в связи с объединением умеренных африканских сил с умеренными арабскими странами в едином фронте против Каддафи. Однако премьер-министр пришел к выводу, что Адмони был прав как в части оценки риска, так и в плане необходимости соблюдения бюрократического этикета и включения «Моссада» в решение вопросов тайной дипломатии. Полтора десяткам израильских военных советников было приказано вернуться домой.

Для Израиля приближался момент истины. Комиссия Кахана опубликовала свой доклад об убийствах в лагерях Сабра и Шатила. 8 февраля 1983 г. отставной судья Кахан вынес решение о том, что Израиль должен принять на себя «косвенную ответственность» за массовое убийство. В докладе специально было отмечено, что Шарон должен быть

снят с поста министра обороны. 14 февраля Шарон с большой неохотой подал в отставку.

Вторжение в Ливан, начатое в июне 1982 года и с тех пор удерживавшее израильские войска на враждебной территории, рассматривалось многими израильтянами по крайней мере как страшная ошибка. Развязанная Израилем война в стране, которая и так раздиралась насилием, привела к гибели тысяч ливанцев и палестинцев — как мирных жителей, так и военных. Израильские потери также оказались значительнее, чем предполагали военные: более 600 погибших и тысячи раненых.

Операция «Мир для Галилеи» не достигла своих целей: сирийцы продолжали оставаться в Ливане; Ливан не заключил мирного договора с Израилем; ООП удалось вытеснить из Бейрута и Южного Ливана, но она все еще была весьма активна. Вопреки надеждам премьер-министра Бегина палестинцы Западного берега и сектора Газа сохраняли верность Ясиру Арафату, в то время как Израиль безуспешно пытался культивировать альтернативных арабских лидеров на оккупированных территориях.

В оборонном истеблишменте Израиля считали, что разведка сработала очень плохо. «Моссад» потерпел фиаско в своей главной функции, допустив ошибку в оценке вероятных союзников и поставив на флангистов, которых теперь во всем мире считали бандой кровавых убийц.

Появились также утечки информации о том, что «Моссад» и «Аман», несмотря на неоднократные требования Бегина и Шарона, не смогли обеспечить подробную информацию о перемещениях Арафата. Несколько попыток организовать покушение на Арафата не дали результата и привели лишь к многочисленным невинным жертвам. Заминированные автомобили и точечные воздушные удары не причиняли вреда человеку, которого Бегин называл «двуногим зверем».

Когда наконец израильскому снайперу представился шанс подстрелить палестинского лидера во время церемонии эвакуации из Бейрута его партизан, это было сочтено политически нецелесообразным, поскольку Арафат и так был унижен понесенным поражением. Во всяком случае убийство лидера ООП на глазах американских и других дипломатов, наблюдавших за выводом палестинцев, и перед объективами телекамер всего мира было бы невероятной глупостью. Снайпер не нажал на спусковой крючок.

В октябре 1983 года, 8 месяцев спустя после отставки Шарона, Бегин ошеломил свой кабинет заявлением о том, что у него «не осталось сил», и подал в отставку. Смерть его жены Ализы и непрерывные пикеты антивоенных активистов у его резиденции вызвали у него депрессию.

Новым премьером стал министр иностранных дел Шамир, а Бегин стал фактически затворником в своем доме на улице Земах в Иерусалиме. Бегин был одной из крупных исторических фигур Израиля, но он отказывался объяснять свои взгляды на войну или мир. Ближние к нему люди отмечали, что он страшно мучился сознанием того, что Шарон и начальник штаба Рафуль Эйтан поставили его на ложный путь и вместо обещанной торжественной победы на его совести оказалась смерть в Ливане сотен молодых израильтян.

Спустя 9 месяцев после драматического ухода Бегина в отставку и «инчийного» результата очередных выборов в Израиле было сформировано новое правительство. После нескольких месяцев изнурительных переговоров между «Ликудом» и лейбористской партией летом 1984 года лидеры двух партий Шамир и Перес решили разделить власть в уникальном коалиционном правительстве. Кабинет был составлен из представителей обоих блоков с пониманием того, что Перес, пробыв на посту премьера первые 25 месяцев, передаст затем этот пост Шамиру в рамках беспрецедентной «ротации» на вторую половину правительственного срока.

Все ожидали больших перемен во многих сферах жизни Израиля. Коалиция сумела согласовать экономический план, который должен был обуздать трехзначную инфляцию. Израильские силы почти полностью были выведены из Ливана, сохранив за собой только патрулирование «пояса безопасности» в пограничной зоне рядом со своими ненадежными союзниками в южноливанской армии.

В коалиционном правительстве Шарон занял мало заметный пост министра промышленности и торговли, но он продолжал оказывать влияние на стратегическое мышление страны. Тем временем его друзья внутри и вокруг разведывательного сообщества — Шалом, Эйтан и Нимроди — готовились к новым и неожиданным конфликтам, которыми будут отмечены предстоящие несколько лет.

УБИЙСТВА И ПОКРЫВАТЕЛЬСТВО

«Господин премьер-министр, — прошептал один из охранников Ицхаку Шамиру, — вас срочно просят позвонить директору «Шин Бет»».

«Только не это», — подумал Шамир, ускоряя шаг и направляясь в сопровождении охраны в один из кабинетов Международного центра в северной части Тель-Авива. Невысокий, коренастый, с густыми бровями, он мимоходом взглянул на часы.

Было 19.30 вечера 13 апреля 1984 г., через несколько часов станут известны результаты внутренних выборов в блоке «Ликуд». Шамир уже несколько месяцев был занят битвой титанов, бушевавшей в этом блоке за первые места в списке кандидатов на парламентские выборы. Прошло более полугодя после того, как в результате драматической отставки Бегина Шамир унаследовал пост премьера, но его соперники по партии Давид Леви и Арик Шарон отказывались признавать в нем лидера «Ликуда». Шамир понимал, что результаты внутренних выборов решат исход борьбы.

Премьер-министр знал наиболее вероятную причину звонка Аврахама Шалом. «Шин Бет» был на грани достижения прорыва в расследовании одного из самых загадочных дел в современной истории Израиля: разоблачения еврейской террористической организации, совершившей убийство нескольких еврейских студентов и организовавшей покушение на жизнь троих мэров Западного берега. В отличие от своего предшественника, Шамир разрешил «Шин Бет» внедрять агентов в среду еврейских поселен-

цев на оккупированных территориях, и в ходе последнего доклада по этому вопросу Шалом сообщил, что в ближайшем будущем будет арестовано около 20 подозреваемых из среды поселенцев.

Шамир не пытался вмешаться в ход расследования, но в глубине души боялся его результатов. Он надеялся, что результаты расследования будут объявлены после внутренних выборов «Ликуда», а еще лучше — после всеобщих выборов, которые должны были состояться через один месяц. Аресты еврейских поселенцев дадут правой оппозиции предлог для оказания огромного давления на Шамира и его партию. «Ликуд» будут обвинять в антипатриотизме, что приведет к потере партией некоторых ее традиционных сторонников.

При появлении в комнате Шарона ему навстречу поднялся его адъютант полковник Азриель Нево. «Господин премьер-министр, я уже говорил с директором: «Шин Бет». Он сообщил, что арабскими террористами захвачен рейсовый автобус маршрута № 300. Это произошло в момент отхода автобуса с центрального автовокзала Тель-Авива в направлении Ашкелона. Есть опасения, что террористы попытаются прорваться в Египет и увезти с собой пассажиров в качестве заложников. Другой информации пока нет. Даже в отношении жертв.

Несмотря на серьезность инцидента и естественное беспокойство за пассажиров автобуса, Шамир почувствовал некоторое облегчение. Он был уверен, что силы безопасности — «Шин Бет» и армия — сумеют обезвредить террористов и в политическом плане исход этого инцидента будет в пользу «Ликуда». Инцидент лишь укрепит позицию Шамира в том, что Израиль не должен идти на уступки своим арабским соседям, особенно ООП, поскольку это только поощрит террористов. По результатам большинства опросов общественного мнения Лейбористская партия Шимона Переса была впереди, но Шамир сможет представить Переса как человека, проявляющего мягкость к арабам.

Военная цензура запретила все публикации о ситуации с заложниками, но сам факт захвата автобуса нельзя было долго хранить в секрете. Среди нескольких тысяч делегатов съезда «Ликуда» стали распространяться слухи, и вскоре об этом узнали десятки репортеров и фотографов, освещавших работу съезда. Большинство репортеров бро-

сились к своим машинам и ринулись в южном направлении в поисках информации еще более горячей, чем соперничество Шарона и Леви за влияние в «Ликуде».

Тем временем солдаты на одном из пикетов сумели прострелить шины автобуса, и он остановился в секторе Газа в шести милях от границы с Египтом. Автобус был окружен большим количеством солдат и сотрудников «Шин Бет». На место прибыл сам Аврахам Шалом.

Шалом поступил в «Шин Бет» после работы в кибутце и службы в армии. Он всегда хотел принадлежать к элите израильского общества, к поколению пионеров, чьи жизни были так переплетены с политикой и властью, что они полностью отождествляли себя с Государством Израиль и его борьбой. Они не могли жить без своей родины, и было похоже, что Израиль также не мог существовать без них.

Аврахам Шалом родился в 1929 году в семье Бендор, переехавшей в Палестину из Германии после прихода Гитлера к власти. В Тель-Авиве, как и в Берлине, его родители старались дать ему респектабельное буржуазное образование, приличествующее процветающему бизнесмену германо-еврейского происхождения. Но Аврахам Бендор предпочитал социалистические ценности и вступил в кибутц.

В 1948 году он оказался в армии, где его заметил Иссер Харел и завербовал в «Шин Бет». Шалом был до глубины души солдат и вкладывал ее без остатка во все, что делал, даже в учебные мероприятия. Он говорил по-английски и по-немецки. Он также был сдержан, аскетичен и хладнокровен.

За 35 лет работы в «Шин Бет» Шалом принимал участие во всех крупных операциях, в том числе в совместной с «Моссадом» операции по похищению в Аргентине Эйхмана. Шалом всегда оставался оперативным работником. Он установил тесные деловые и дружеские отношения с Иегудой Арбелем, и вместе они провели немало операций против палестинских террористов. Это направление было главным приоритетом Шалома с момента его назначения на пост директора «Шин Бет», где он сменил Аврахама Ахитува.

Наблюдая за неподвижным автобусом, стоявшим на дороге недалеко от сектора Газа, Шалом знал, что армия и контрразведка могут взять штурмом любое транспортное

средство и освободить заложников. Потом «Шин Бет» должна будет допросить арабских террористов, выявить их сообщников, источники финансирования и получения оружия.

Песчаная местность вдоль дороги в сектор Газа гудела как улей. Огромные прожекторы превратили ночь в день, и в их лучах причудливо мелькали вооруженные солдаты в форме вперемешку с контрразведчиками в гражданском. Без умолку работали переговорные устройства, а десятки фотографов добавляли света вспышками своих фотоаппаратов. Автобус стоял в некотором отдалении под контролем четырех вооруженных палестинских террористов.

На месте происшествия находились, помимо Шаломы, несколько старших армейских офицеров и министр обороны Моше Аренс, но в эти предутренние часы они не могли развеять ощущение, что обстановку практически никто не контролировал. Это была типичная для Израиля ситуация: слишком много людей, пытающихся включиться в работу, обстановка уверенности и даже бравады, при отсутствии четкого плана действий.

Среди толпы любопытных, на все лады обсуждавшей сложившуюся ситуацию, сповали оперативники «Шин Бет», пытавшиеся собрать как можно более точную информацию в отношении террористов, их вооружения и возможного местонахождения в автобусе зарядов взрывчатки.

Ни на одно мгновение не возникало вопроса об уступке террористам. Они требовали освобождения из тюрем своих сообщников, но на это никто бы не пошел. Как только с помощью приборов ночного видения и подслушивающих устройств были собраны полные данные о террористах, стало ясно, что у них не было ничего, кроме пистолетов, не было даже ни одного автомата. Это были дилетанты.

Израильский спецназ был готов к действиям, и с получением сигнала началась штурмовая операция. Солдаты элитного подразделения «сайерет», которые сотни раз проделывали подобное на учениях, разбили окна и в считанные секунды проникли в автобус. Они открыли огонь и мгновенно убили двух террористов и ранили двух других. Заложники были освобождены, хотя в ходе операции одна 20-летняя женщина была убита и еще один пассажир легко ранен.

Члены «сайерет» немедленно возвратились на свою базу, они сразу как бы испарились, как это и предусматривалось их тактикой, передав двух раненых террористов представителям армии и следователям «Шин Бет». Изра-

ильские силы специального назначения завершили еще одну блестящую операцию по освобождению заложников — после двух дюжин подобных операций, проведенных начиная с 1967 года, — внешне легкую и элегантную, но почти неосуществимую для других стран.

— Этого не может быть, — сказал фотограф таблоидной газеты «Хадашот» Алекс Либак, когда через несколько часов он услышал по радио заявление армейской пресс-службы. В первоначальном официальном заявлении говорилось, что 2 террориста были убиты и 2 ранены. Спустя час это заявление было исправлено, и теперь говорилось, что все 4 террориста были убиты.

Либак был в недоумении, так как он лично наблюдал перестрелку и четко помнил обуглившиеся тела двух террористов — в результате перестрелки автобус загорелся, — но он также видел, как солдаты и люди в гражданской одежде били кулаками и прикладами двух раненых террористов. Он даже запомнил полные ужаса глаза палестинцев, когда торопился в лабораторию своей газеты для проявления фотопленки. Либак без труда нашел нужную фотографию. На ней совершенно четко было видно, как два человека из службы безопасности уводили одного из террористов на допрос.

— Ты уверен? — спросил Либак молодой редактор газеты Йосси Кляйн.

— Да, на тысячу процентов, — ответил Либак.

Было странно, что армия сама не имела четкого представления о том, что произошло в ночь с 13 на 14 апреля, и Аренс назначил расследование, поручив его комиссии во главе с генерал-майором запаса Меиром Зореа, достойным человеком с безупречным послужным списком.

Пресс-секретарь Аренса Нахман Шай позвонил в военную цензуру и попросил не пропускать ни одного сообщения о возникшем противоречии. Вместе с цензорами Шай стал звонить во все газеты и всем иностранным корреспондентам, предупреждая их о том, что любая статья о захвате автобуса маршрута № 300 должна пройти цензуру. Каждому стало понятно: любая статья, радио- или телевизионная передача на эту тему будет запрещена. В качестве причины такого запрета цензура ссылалась на то, что любой намек на то, что двое террористов были захвачены живыми, а потом убиты представителями военных или следственных органов, может повлечь смерть израильтян, находящихся в плену у палестинцев.

Кляйн подозревал, что помимо этой причины было еще и стремление скрыть правду от израильской общественности. Вопреки прямому запрету военной цензуры он опубликовал на первой полосе «Хадашот» фотоснимки Либакка с короткой сопроводительной подписью о том, что министерство обороны создало специальную комиссию для расследования этого инцидента.

Следуя примеру «Хадашот», которая, публикуя этот снимок, в известной степени руководствовалась погоней за сенсацией и высокими тиражами, другие газеты также стали раскрывать детали этого инцидента. Реакция министра обороны была быстрой и суровой. Пользуясь предоставленными ему полномочиями, он закрыл «Хадашот» на 4 дня. Если не считать подобных акций в отношении арабских газет в Восточном Иерусалиме и на Западном берегу, это был первый случай закрытия газеты, издававшейся на иврите, со времени закрытия в 1952 году газеты коммунистической партии «Коль Хаам». Суровое наказание «Хадашот» усилило подозрения в том, что публикация в газете соответствовала действительности.

Через полтора месяца, 24 мая 1984 г., комиссия Зореа представила министру обороны доклад, в котором четко заявила, что двое террористов были взяты живыми. Нужно было установить, как они потом были убиты и кто это сделал. Доклад комиссии был секретным и не попал в прессу, но он был разослан в управление криминальной полиции, министру юстиции генералу Ицхаку Замиру, в прокуратуру и военную полицию.

Тем временем политические баталии шли своим чередом, и Шамир сохранил бразды правления «Ликуда» в своих руках. Состоявшиеся в июне 1984 года всеобщие выборы снова не дали определенного результата, снова глухая ничья между «Ликудом» и лейбористами, когда никто из них не мог привлечь на свою сторону мелкие партии для создания коалиции. Два политических «бегемота» породили странное дитя: правительство национального единства с «ротацией» премьер-министров.

Первая возможность возглавить неоднородную коалицию выпала на долю Шимона Переса. Коалиция с самого начала раздиралась противоречиями по поводу планов Переса остановить галопирующую инфляцию, которая уже преодолела барьер в 600%, а также его намерений вывести израильские войска из Ливана и завершить эту окончив-

шуюся катастрофой авантюру. Об инциденте с захватом в апреле автобуса ничего не говорилось.

По правде говоря, очень небольшое число израильтян интересовалось смертью двух палестинцев, которые к тому же были террористами. Инцидент с автобусом рейса № 300 ушел в историю, споры вокруг него велись за кулисами.

Сотрудники «Шин Бет» заявили следователям комиссии Зореа, что они получили двух террористов от представителей армии так жестоко избитыми, что даже не могли допросить их. По этой версии «Шин Бет», террористы вскоре скончались от побоев, и таким образом вина за убийство возлагалась на армию.

Работавшая параллельно группа следователей прокурора Ионы Блатмана была склонна поддерживать версию «Шин Бет». В июле 1986 года Блатман обвинил бригадного генерала Ицхака Мордехая, возглавлявшего армейскую оперативную группу, в убийстве двух террористов.

Генерал Мордехай был предан суду военного трибунала и не отрицал, что бил террористов рукоятью своего пистолета, но он утверждал, что это было вызвано «необходимостью получения оперативной информации», для того чтобы установить, был ли автобус заминирован. Во всяком случае, заявил он, «когда я их получил, они уже были в очень плохом состоянии». Военный трибунал согласился с его утверждением о том, что к моменту, когда террористы были силой изъяты из автобуса, они практически уже умирали от полученных ран. Генерал был оправдан по всем пунктам обвинения.

Основываясь на всей доступной информации, прокурор Блатман и министр юстиции генерал Замир рекомендовали отдать под суд двух сотрудников «Шин Бет», избивших террористов. Эти два израильтянина тоже были оправданы, но они предстали только перед специальным внутренним судом «Шин Бет». Это агентство всегда имело свой дисциплинарный суд, состоявший из трех человек: одного представителя «Шин Бет», одного из «Моссада» и окружного судьи, который председательствовал в этом трибунале. Суд рассматривал дела по обвинению сотрудников «Шин Бет» в нарушении внутренних правил поведения.

Этот внутренний суд был известен своей суровостью, с которой он подходил даже к самым мелким нарушениям. Сотрудники «Шин Бет», уличенные в использовании своего служебного положения в личных целях, подлежали

увольнению. Например, оперативные работники, использовавшие свои зарубежные поездки для приобретения телевизоров или видеомэгнитофонов, подвергались суду и увольнению без пенсии и даже выходного пособия. Те, кто был уличен во лжи или неполной отчетности, также подлежали увольнению. Только в исключительных случаях нарушителю предоставлялась возможность подать апелляцию на решение этого суда.

Такой жесткий дисциплинарный режим имел своей целью создание внутренней атмосферы, основанной на взаимном доверии и достоверной отчетности. И эта цель была достигнута. Каждый сотрудник «Шин Бет» знал, что его отчет может кому-то не понравиться, что агентству подчас приходится выполнять сомнительные и грязные задачи. Как еще можно было обеспечить безопасность государства в обстановке враждебного окружения на Ближнем Востоке? Но руководители «Шин Бет» всегда объясняли своим подчиненным, что независимо от обстоятельств их отчеты в штаб-квартиру должны быть полными и правдивыми. «Шин Бет» считал священным принципом постулат о том, что, несмотря на то что сама природа работы разведчика и контрразведчика требует лжи внешнему миру, своим руководителям оперативные работники должны говорить только правду.

Инцидент с автобусом показал, что ожидать этого было невозможно. Рано или поздно человек, которому разрешили солгать в одних условиях, станет лгать и в других. Именно это и произошло с тремя старшими руководителями «Шин Бет»: заместителем Шалом Рувеном Хазак, руководителем службы безопасности Пелегом Радаи и Рафи Малкой. Несмотря на то, что всем им было за сорок, в то время как Шалом уже разменял шестой десяток, всех их считали «ребятами Арбела», которые в операциях против террористов действовали в духе Йегуды Арбела. После многочисленных акций арабских террористов и большого числа успешно проведенных операций эти «ребята» неожиданно пошли «вразнос» из-за захвата террористами одного автобуса.

Хазак, Радаи и Малка обменялись мнениями и обнаружили, что Шалом приказал им всем дать дисциплинарному суду «Шин Бет» ложные показания и представить фальсифицированные меморандумы. Как сотрудники «Шин Бет» они были готовы на все, включая ложь, сокрытие доказа-

гельств и фабрикацию документов, но намеренно обманывать свой собственный дисциплинарный трибунал — это было уже слишком. Да, они были виновны, но не хотели пятнать свою честь.

Эта тройца пришла к Шалому и потребовала объяснений, почему они должны были выполнять его указания. Когда Шалом не смог дать удовлетворительных объяснений, они предложили ему уйти в отставку.

Шалом отказался, но разрешил Рувену Хазаку встретиться с премьер-министром Пересом. Встреча была короткой и напряженной. Перес не хотел верить тому, что он услышал от Хзака. Раньше до Переса уже доходили слухи, что Хазак метил на место Шалом.

Перес также был обеспокоен политическими последствиями этого дела. В конце концов этот инцидент произошел тогда, когда премьером был Ицхак Шамир, а министром обороны Моше Аренс. Теперь все они были вместе в правительстве национального единства и решение Переса принять сторону Хзака могло бы взорвать эту коалицию. Не исключено, что Шалом с самого начала действовал по согласованию с Шамиром. В Израиле политические скандалы, замешанные на разведке, как, например, «дело Лавона», всегда только вредили вовлеченным в них политическим деятелям. Скандал в Египте три десятилетия назад не принес пользы ни одному из политиков. Такие вещи лучше держать в секрете.

В силу различных причин Перес согласился с мнением Шалом, что Хазак руководствовался корыстными мотивами — хотел осуществить в «Шин Бет» внутренний переворот. Ободренный поддержкой премьер-министра, Шалом почувствовал себя достаточно сильным, чтобы отстранить от работы всех троих своих обвинителей. Он выставил за дверь бывших протезе.

Однако если Шалом надеялся, что таким путем он закрывает ящик Пандоры, то он глубоко ошибался. Три офицера «Шин Бет» продолжали борьбу. Вопреки запрету директора агентства, они в конце 1985 года обратились к министру юстиции генералу Замиру и сообщили ему новые сногшибательные подробности лжесвидетельства и попыток замазать этот скандал.

«Шин Бет» оказался расколот на два лагеря: на тех, кто поддерживал Шалом, и на сторонников трех бунтовщиков. Оставаться в стороне от этого конфликта, который

затрагивал каждого сотрудника, было просто невозможно. На поверхности оказались конфликты между моралью и необходимостью, между эмоциями и логикой, между ведомственной лояльностью и высшим патриотизмом.

Рафи Малка обратился с иском в Верховный суд, обвинив Шалома в том, что тот неправомерно отстранил его от должности, и потребовал восстановления. В тель-авивской штаб-квартире «Шин Бет» теперь все говорили только об этом: секретари, печатавшие отчеты; техники, создававшие специальные приборы; механики, обслуживавшие контр-террористические системы; оперативники; работавшие на оккупированных территориях, и даже руководители департаментов. Для них это стало главным «делом», как будто у них не было никакой другой работы.

Кругом циркулировали самые дикие слухи и обвинения. Наружу вышли старые обиды и претензии, все это обсуждалось в своей собственной среде и даже с журналистами, несмотря на то что те в силу цензурных ограничений не могли об этом писать.

Среди прочего утверждалось, что за этим вышедшим за все разумные рамки скандалом стояла женщина. Намекали, что один из троих бунтовщиков имел интимные отношения с высокопоставленной женщиной-прокурором и она побудила его обратиться с жалобой к министру юстиции. Речь шла не просто о том, как надо обращаться с захваченными террористами. Это был вопрос об ответственности руководства, о морали и доверии. «Шин Бет» никогда не знала столь яростного внутреннего конфликта.

Ицхак Замир, который до назначения в 1981 году на пост министра юстиции и «юридического советника правительства» являлся деканом юридического факультета Еврейского университета в Иерусалиме, был шокирован серьезностью выдвинутых обвинений. Он пришел к премьер-министру Пересу и рассказал ему обо всем, что слышал. Замир заявил, что намерен передать все материалы, включая документы и свидетельские показания, в полицию для официального расследования.

Перес был потрясен, но не самой информацией, а намерениями министра юстиции разобраться со всеми обвинениями в лжесвидетельстве и укрывательстве. Премьер-министр пытался объяснить своему министру, что полицейское расследование «Шин Бет» причинит ущерб интересам национальной безопасности. В качестве комп-

ромисса Замир предложил, чтобы Шалом немедленно ушел в отставку. Шалом и Перес категорически отвергли это предложение. Перес срочно встретился с Шамиром, формально являвшимся вице-премьером, и министром обороны Ицхаком Рабином. Эта тройца, известная как «клуб премьеров», в силу того, что все входившие в нее имели опыт работы на этом посту, решила сделать все возможное, чтобы остановить Замира.

Ни «Ликуд», ни лейбористы, ни одна из более мелких партий не хотели углубления раскола в рядах «Шин Бет». В конфликте между демократией и национальной безопасностью лидеры Израиля решили защищать свою службу внутренней безопасности, а не демократические ценности.

«Клуб премьеров» уже знал, что несколько месяцев назад министр юстиции без всякой связи с инцидентом вокруг автобуса рейса № 300 и скандалом вокруг «Шин Бет» просил освободить его от занимаемой должности. Перес, Шамир и Рабин пришли к выводу, что Замира надо как можно скорее и с минимальным шумом отправить в отставку. Потом они могут найти себе более сговорчивого министра юстиции и советника по правовым вопросам.

«Клуб», привыкший действовать как правительство внутри правительства и самостоятельно принимать все самые острые решения, на этот раз встретился со значительными трудностями в связи с тем, что скандал принял такие масштабы, что загасить его уже было невозможно.

Замир, со своей стороны, решил отложить уход в отставку и закончить расследование дела «Шин Бет». Он не видел никаких противоречий между принципами демократической законности и интересами национальной безопасности. Наоборот, по его мнению, попытка замять скандал и замутить дело принесла бы Израилю только вред.

18 мая 1986 г. Замир официально передал материалы в полицию с поручением провести расследование обвинений и контробвинений в отношении «Шин Бет». К этому времени в частных разговорах и даже в прошедших цензуру публикациях «дело рейса № 300» постепенно превратилось в «дело “Шин Бет”».

Через несколько дней после начала следствия государственное израильское телевидение передало краткое сообщение о расследовании, затрагивающем «Шин Бет». Поскольку цензура была подконтрольна «Аману», телевидение не могло назвать имена конкретных сотрудников

спецслужб. Делались ссылки на «старших офицеров» и на «дело», что довольно сильно напоминало «дело Лавона» 1950-х годов. Как и в тот раз, только израильтяне, уже знавшие о скандале, могли понять, о чем шла речь. Ответственность в целом оставалась в неведении.

Пробка наконец вылетела из бутылки, когда система цензуры показала свою неэффективность. Американское телевидение, пренебрегая запретом, сообщило, что «старшим офицером» был Аврахам Шалом. Компания «Эй-Би-Си» отмечала, что его подозревают в том, что он отдал приказ об убийстве двух террористов и что правительство пытается спустить это дело на тормозах, несмотря на протесты собственного министра юстиции. После того как американская публика узнала подробности, израильский цензор был вынужден разрешить перепечатку в израильской прессе сообщений из Америки. Теперь имя Шалома называлось открыто. Шеф «Шин Бет» оказался засвечен.

Расследование шло крайне медленно и нутужно. Полиция неохотно допрашивала сотрудников «Шин Бет», включая Шалома, а также министров Шамира и Аренса.

Шалом намскал, что он действовал «с одобрения» премьер-министра Шамира. Однако когда он увидел, что улики против него нарастают и есть реальная возможность, что ему будет предъявлено обвинение в умышленном или неосторожном убийстве, Шалом 23 июня инициировал тайное ночное заседание всего кабинета министров. По рекомендации «клуба премьер-министров» правительство приняло беспрецедентное решение: глава «Шин Бет» и 3 бунтовщика будут отправлены в отставку, а 11 сотрудников «Шин Бет», в той или иной мере связанных с этим делом, будут прощены, и им не надо будет представлять перед судом. Кабинет также создал правительственную комиссию из трех прокуроров для расследования дела «Шин Бет». Эту комиссию возглавила Иегудит Карп.

Шалом и другие участники скандала имели иммунитет от судебного преследования, что было для них весьма кстати, так как в ходе расследования комиссия Карп выявила множество незаконных. В конце декабря 1986 года комиссия опубликовала свой заключительный доклад, в котором высоко оценила свидетельские показания Хазака, Радаи и Малки, выразив твердое убеждение в том, что три бунтовщика говорили правду. Комиссия установила, что глава

«Шин Бет» лгал, приказывал лгать своим подчиненным и водил за нос тех, кто проводил предыдущие расследования: Зореа, Блатмана и дисциплинарный суд «Шин Бет».

Карп и ее коллеги также пришли к выводу, что Хазак, Радаи и Малка знали о том, что Шалом намеревался дать ложные показания комиссиям Зореа и Блатмана. В качестве одного из элементов заговора по сокрытию истины шеф «Шин Бет» сумел внедрить своего человека в комиссию Зореа. Только после публикации доклада комиссии Карп стали в полном объеме понятны намерения Шалома.

В докладе Карп отмечалось, что представитель «Шин Бет» в комиссии Зореа, Йосси Джиноссар, был «тройным конем» Шалома, информировавшим своего босса о направлениях расследования и оказывающим влияние на заключение комиссии в пользу шефа «Шин Бет».

Джиноссар выполнял свое задание, исходя из полной лояльности к Шалому. Он изменял некоторые показания, скрывал свидетельства и документы и делал все возможное для покровительства. Перед каждым заседанием комиссии он встречался с сотрудниками «Шин Бет», которые должны были выступить перед комиссией. Джиноссар инструктировал их так, чтобы их показания не противоречили друг другу. Он надеялся, что Шалом поможет ему стать следующим шефом «Шин Бет».

Твердо, но осторожно управляемая Джиноссаром комиссия Зореа «навесила» ответственность за убийство двух арабов на генерала Мордехая, полностью обелив Шалома и очернив репутацию весьма достойного офицера. Глава «Шин Бет» был готов спокойно взирать на то, как Мордехай будет признан виновным, в то время как приказ об убийстве террористов отдал не кто иной, как сам Шалом.

Комиссия Карп установила, что два раненых террориста были отправлены в штаб-квартиру «Шин Бет» для допроса и потом убиты. Адвокаты «Шин Бет», которые также занимались покровительством, объясняли свои действия стремлением защитить то, что они называли «одним из самых больших секретов» «Шин Бет». Комиссия Карп осудила этих адвокатов.

Шалом, выступая в свою защиту, утверждал, что он просто действовал в рамках властных полномочий, предоставленных ему премьер-министром. По утверждениям Шалома, за пять месяцев до инцидента с автобусом, в ноябре 1983 года, у него была встреча с премьер-мини-

стром Шамиром, на которой в общем виде, без всякой связи с конкретными ситуациями обсуждался вопрос о том, как надо обращаться с захваченными террористами. Более конкретно Шарон заявил, что министр обороны Аренс по существу санкционировал убийство двух террористов. Аренс это отрицал. Шамир признал факт разговора с Шаломом, но отрицал приписываемое ему указание «не брать пленных».

Комиссия Карп предпочла поверить премьер-министру и министру обороны, а не директору «Шин Бет», зафиксировав, что в ночь инцидента шеф «Шин Бет» не получал от премьера никаких указаний относительно обращения с террористами.

В результате доклада комиссии была возрождена действовавшая во времена Голды Менр и Ицхака Рабина практика стенографирования всех встреч премьер-министра с главами спецслужб. Встреча Шамира и Шаломы проходила без свидетелей и не оставила никаких меморандумов или записей.

Доклад Карп потряс израильскую общественность и пошатнул веру в разведсообщество. После многих лет апонимности «Шин Бет» и слепой веры граждан в то, что агентство ведет себя должным образом, многие граждане почувствовали, что глава службы безопасности демократической страны руководил этой службой в худших традициях диктаторских режимов. По сообщениям прессы, он действовал так, будто был выше закона. В глазах многих израильтян Шаломы можно было оправдать, если бы речь шла «голько» об убийстве двух палестинских террористов, но попытка скрыть это преступление выходила за рамки того, с чем они могли согласиться.

Так же как в «деле Лавона» и американском «уотергейте», настоящий динамит был не в самом нарушении, а в последующих попытках скрыть преступление. Общее впечатление израильской общественности сводилось к тому, что верхушка «Шин Бет» — самого чувствительного компонента разведсообщества, деятельность которого могла задеть интересы каждого израильского гражданина, — вступила в сговор против политического руководства страны и общества, которому она должна была служить.

Если бы на каком-то этапе любой из вовлеченных в эту историю руководителей встал и сказал: «Я отдал приказ»,

можно было бы спустить это дело на тормозах. Однако все в «Шин Бет» стремились переложить вину на других.

Руководитель агентства Аврахам Шалом вынужден был начать новую жизнь как частное лицо. Премьер-министр Перес помог ему получить работу у Шауля Айзенберга в израильской компании, торгующей самолетами и другими видами вооружений. Шалом отправили в Нью-Йорк, но, чтобы избежать ненужной огласки, он проехал туда под своим старым именем Аврахам Бендор.

В Соединенных Штатах Шалом с успехом использовал свой профессиональный опыт для получения выгодных оборонных заказов для Айзенберга. Он всегда оставлял впечатление не вполне счастливого человека, но теперь это было особенно заметно. Для него Нью-Йорк стал местом ссылки, и работа была далека от его подлинных интересов. Ему приходилось заниматься такими мелочами, которые в «Шин Бет» он всегда поручал своим подчиненным.

У него не было выбора. Совершенные «Шин Бет» убийства и попытка скрыть их были еще слишком свежи, скандальны и болезненны, чтобы кто-то мог предложить ему какую-то приличную работу в Израиле. Родина отвернулась от Шалома-Бендора.

Он также встретился с определенными трудностями и в Нью-Йорке. Портовая администрация Нью-Йорка и Нью-Джерси, узнав, с кем имеет дело, аннулировала контракт с ним на сумму 75 тыс. долларов. Она просто сослалась на то, что ее больше не устраивают условия контракта на предоставление услуг по обеспечению безопасности аэропортов в зоне Нью-Йорка, который ранее был заключен с фирмой Айзенберга.

В отсутствие объяснений самого Шалома относительно обстоятельств убийства двух террористов его друзья в «Шин Бет» и вокруг этой организации дали свои объяснения. Один из них утверждал, что это был хладнокровный профессиональный ход — вполне приемлемый для войны с террористами. Террористы, захватившие автобус, были дилетантами, действовавшими по своей собственной инициативе, и не могли сообщить никаких сведений об организациях противника. Не обладая информацией, они не представляли никакого интереса для «Шин Бет». Их даже не стоило предавать суду.

Другие пытались объяснить это решение отрицательным влиянием ливанской авантюры 1982—1985 годов на «Шин Бет», пока наконец Правительство национального единства не вывело израильские войска из этой страны. Ливан был для «Шин Бет» «диким Западом». Пресса сообщала, что Йосси Джиноссар разъезжал там как шериф. Были случаи контрабанды и другие нарушения установленных правил поведения военных и сотрудников спецслужб, но штаб-квартира «Шин Бет» далеко не всегда получала правдивую информацию. Оперативные работники агентства знали, что если на Западном берегу и в секторе Газа существовали определенные нормы поведения, то в Ливане царил настоящая анархия. Приобретенные там привычки распространились потом и на оккупированные земли.

Все, что писалось и печаталось о «Шин Бет» и ее проблемах в 1987 году, читалось с огромным интересом, особенно в одной из камер военной тюрьмы в Центральном Израиле. Обитатель этой камеры Изат Нафсу, погруженный в собственные мысли и тревоги о своей семье, оставшейся в Кафр Кама, как и все предыдущие 7 лет, с нетерпением встречал послеобеденные газеты.

Неожиданно он побледнел и задрожал. С одной из страниц на него глядел Йосси Джиноссар — один из офицеров «Шин Бет», который только что был прощен президентом Хаймом Герцогом, что было частью усилий кабинета по прекращению скандала.

«Это человек, который меня допрашивал и оклеветал меня», — воскликнул Нафсу и поспешно написал письмо своему адвокату. «Я сказал себе, что даже через 100 лет я не забуду усмешку Джиноссара, как он приказал мне раздеться и плевал на меня, а потом, когда меня свалили на пол, он топтал меня ногами и таскал меня за волосы».

Это стало началом нового дела, не менее острого, чем дело о террористах, захвативших автобус. Это дело имело отношение к Ливану.

Никто не ожидал, что из чистенького и процветающего городка Кафр Кама в горах около моря Галилеи может вырасти скандал, связанный с деятельностью служб безопасности. Там проживало большинство членов самого маленького израильского национального меньшинства: несколько тысяч черкесов, неарабских мусульман, выходцев с советского Кавказа.

Как и большинство молодых людей своей общины, Нафсу записался добровольцем в израильскую армию и был горд тем, что дослужился до звания лейтенанта. В 1976 году, задолго до вторжения Израиля в Ливан в 1978 и 1982 годах, его направили служить на юг Ливана — примерно в 30 милях от Кафр Кама, но через израильскую границу.

«У меня не было какого-то конкретного задания, — писал Нафсу в своем дневнике. — Это были первые дни израильского присутствия в том регионе. Я выполнял различные поручения по линии разведки, не получая каких-то особых инструкций. У меня не было специальной подготовки или инструкций о поведении в случае осложнения обстановки. Моя миссия сводилась к тому, чтобы жить среди ливанцев, многие из которых были осведомителями».

Нафсу использует слово «штинкер», что является заимствованием из английского «стинкер» — этим словом означают третьестепенных коллаборационистов и осведомителей, которых израильские спецслужбы имели среди арабов, проживавших в Израиле и за границей. Молодой лейтенант писал, что в его задачу входило снабжение оружием, боеприпасами и медикаментами христиан и мусульман-шиитов, которые выступали против палестинцев.

Проявляя несомненную чуткость и глубокое понимание исторических и религиозных распрей в Ливане, Нафсу называл это «местом, которое разрушает души». Он писал: «Здесь мне легче ликвидировать человека, чем мафии в Нью-Йорке. Меня окружают джунгли беззакония и жестокости. Везде мы видели то, что, по нашим понятиям, было совершенно немыслимым: убийства и месть. Человеческая жизнь стоила очень дешево».

Дневник содержит немало записей о том, что израильские солдаты наживались на контрабанде в Израиль сигарет, часов, телевизоров и даже наркотиков. «Для меня, — писал Нафсу, — символом этого был Абу Касем. — Он был «штинкером», работавшим на все стороны. Это был Зорба Южного Ливана, скользкий, как змея, мастер интриги. Он-то и решил мою судьбу».

Дождливой ночью 4 января 1980 г., согласно дневнику Нафсу, его разбудил стук в дверь. Нафсу уже почти спал и окликнул по-черкесски: «Кто там?». Никто не ответил. Только когда он повторил свой вопрос на иврите, то получил ответ и открыл дверь. На пороге стоял Данни Снир, офицер его подразделения. Снир предложил Нафсу немедленно

следовать за ним для выполнения секретного задания в Ливане, пообещав, что через день-два он возвратится домой.

Нафсу без колебаний согласился. Он поднялся на второй этаж, схватил связку одежды, которую всегда держал наготове, поцеловал свою жену Сахм, на которой женился всего три недели назад, и пошел за Сниром. Нафсу увидел свой дом только через семь с половиной лет.

Вместо своего подразделения Нафсу оказался в гостинице в Хайфе, где впервые познакомился с Йосси Джиноссаром. В то время Нафсу не знал его настоящего имени, но, поскольку с ним обращались очень хорошо, Нафсу сперва решил, что «Шин Бет» хочет его завербовать.

Однако по мере продолжения разговора он понял, что является объектом расследования. Незнакомец из «Шин Бет» расспрашивал его о некоем представителе ООП, с которым, по данным «Шин Бет», Нафсу поддерживал контакт. И тут черкесскому офицеру впервые стало страшно.

— Признавайся, что ты был двойным агентом ООП, — заявил представитель «Шин Бет». — С нами не шутят. Мы знаем все. Мы следили за тобой несколько месяцев.

Нафсу все отрицал и продолжал все отрицать, даже после того, как его перевели в тюрьму Кишон в Хайфе, где «Шин Бет» имел свои камеры.

«Начались допросы — днем и ночью, угрозы, унижения», — писал Нафсу в своем дневнике, отмечая, что у анонимного в то время Джиноссара был начальник, который называл себя «Пашош».

«Однажды «Пашош» зашел в камеру и заявил, что является заместителем директора «Шин Бет» и начальником следственного департамента. Он пообещал отправить меня туда, где допрашивали террористов, и там мне сделают укол, который превратит меня в импотента. Эта угроза повторялась постоянно на протяжении всех допросов. Иногда на моих глазах открывали стол, как бы собираясь достать оттуда шприц».

Нафсу писал в своем дневнике, что допрашивавшие его лица угрожали арестовать его жену и раздеть ее догола. «Иногда они приносили с собой журнал «Плейбой» с изображением обнаженных женщин, чтобы я понял, о чем идет речь. Они также угрожали привести мою жену и сказать ей, что у меня были гомосексуальные отношения с Абу Касемом и что они распространят в моем городе слух, что я был “гомиком”».

Нафсу понимал, что все данные против него были получены от Абу Касема и якобы он стал работать на ООП в результате сексуального шантажа. Джиноссар утверждал, что у него были свидетели, включая Абу Касема, которые видели, как он ложился в постель с палестинцем из ООП и ливанским христианином. После этих угроз Джиноссара в камеру Нафсу приходили другие работники «Шин Бет», которые выступали в роли «добрых следователей». Они обещали, что если он будет сотрудничать и все расскажет, то ему дадут увольнительную и он сможет повидаться с женой.

Каждая разведывательная служба — а израильский «Шин Бет» особенно талантлив в этой сфере — должна уметь выявлять слабости людей, с которыми она вступает в контакт. В случае с Нафсу его слабостями были жена и мужское достоинство. Как представитель черкесской общины, для которой характерен четко определенный статус мужчины, он страшился унижения, которому подвергнется, если допрашивавшие его лица распространят эту клевету.

После 40 дней непрерывных допросов он сломался. Он признался во всем, в чем его обвиняли, включая измену, шпионаж против Израиля в контакте с ООП.

На суде военного трибунала он отказался от своих показаний, заявив, что его «признания» были получены с применением угроз. Сотрудники «Шин Бет», естественно, это опровергали, и судья, как это обычно бывало в случаях, затрагивающих национальную безопасность, поверил им.

Суд проходил за закрытыми дверями, в зал заседания не были допущены даже члены семьи обвиняемого. После судебных проволочек, которые продолжались два года, Нафсу был признан виновным. В конце 1982 года он был разжалован в рядовые и приговорен к 18 годам тюрьмы.

Кроме Нафсу только члены его семьи и адвокат, который раньше был главным военным прокурором Израиля, продолжали верить в его невиновность. Даже после того, как были исчерпаны все возможности обжалования приговора, Нафсу упрямо игнорировал советы, в том числе исходившие от «Шин Бет», просить помилования. «Я хотел оправдания, а не помилования», — объяснял он.

Нафсу добился своего, но только ценой больших страданий. 24 мая 1987 г. Верховный суд Израиля снял с него обвинения в шпионаже и измене и отменил приговор. Нафсу получил звание сержанта и денежное содержание с

момента ареста. Судьи, однако, приговорили его к двум годам тюрьмы, уже отбытым им, за то, что он не сообщил о своих встречах в Ливане с представителями ООП. В фокусе решения суда была жесткая критика «Шин Бет», ее следователей и методов, которые они применяли для получения признаний.

Действия этой секретной службы были только частью более широкой и жестокой обстановки. «Шин Бет» была пугалом, которым родители стращали непослушных детей. Именно так получилось с делом Даниеля Шошана. Он служил рядовым в израильской армии, и в октябре 1986 года его приговорили к 10 годам тюрьмы за «передачу информации врагу». Шошан был армейским курьером и якобы передавал документы арабу на Западном берегу, который поддерживал контакт с ООП. Допрашивавшие Шошана военные полицейские угрожали, что если он не признается, то его передадут в «Шин Бет», а это, несомненно, будет для него намного хуже. Наслышанный о методах «Шин Бет», он сдался и признался в преступлениях, которых не совершал.

Через два года после нового судебного разбирательства Шошан был полностью оправдан. Судьи надзорной инстанции установили, что военная полиция использовала психологическое давление, чтобы получить признание от молодого солдата, и скрывала от суда доказательства.

Израильская общественность стала привыкать к новой негативной реальности. Еще 10 лет назад было практически запрещено произносить название «Шин Бет» и абсолютно невозможно вообще критиковать секретные службы. И вот в течение одного года завеса секретности над «Шин Бет» поднималась дважды, открывая взору общества секретное агентство, репутация которого была подмочена двумя крупными скандалами: убийством террористов и незаконным преследованием Нафсу. Теперь способность агентства верно оценивать обстановку, его цели и методы — все это стало вызывать подозрение. Население Израиля впервые увидело свою службу внутренней безопасности, и зрелище оказалось неприглядным.

Президент Герцог, который «благословил» сделку по реабилитации старших офицеров «Шин Бет», узнав о деле Нафсу, заявил, что испытывает чувство стыда. Новый министр юстиции Йозеф Гариш вопреки протестам членов «клуба премьеров» и «Шин Бет» приказал провести рас-

следование обстоятельств допросов Нафсу. Просматривалось официальное намерение привлечь виновных к уголовной ответственности, хотя было ясно, что в отношении Джиноссара, получившего прощение, ничего не удастся сделать.

Под давлением общественного мнения, публикаций в газетах и журналах правительство 31 мая 1987 г., через неделю после освобождения по решению Верховного суда Нафсу, назначило специальную комиссию для расследования деятельности «Шин Бет». Новое расследование разведсообщества и его методов было поручено возглавить вышедшему в отставку судье Верховного суда Моше Ландау. Двумя другими членами комиссии стали бывший директор «Моссада» Ицхак Хофи и государственный инспектор Яков Мальтц. В течение шести месяцев комиссия Ландау допрашивала в качестве свидетелей премьер-министров, руководителей, оперативных работников и юристов, включая тех, кто уже подвергался допросам, а также представителей израильской ассоциации гражданских прав и даже иностранных адвокатов из Международной амнистии.

Тем временем на свет всплыло еще одно неприглядное дело. 19 июля 1987 г. был арестован 23-летний житель небольшой деревушки, расположенной на Западном берегу около Тулкарема, Авад Хамдан. Его подозревали в том, что он является членом палестинской террористической организации. Через два дня он умер в камере. Следователи утверждали, что арестованный скончался от сердечного приступа, но родственники покойного обнаружили на его теле следы жестокого обращения.

Возникло подозрение, что Хамдана подвергали пыткам, и это подозрение бросило тень даже на репутацию правительственного института патологической медицины, где судебно-медицинские эксперты выносили заключения по всем случаям смерти граждан Израиля при невыясненных обстоятельствах.

До публикации доклада Комиссии Ландау в конце ноября 1987 года этот институт считался вполне уважаемым, надежным и высоко профессиональным учреждением. Теперь же стало ясно, что в интересах «безопасности» некоторые врачи были готовы исказить правду. Они услужливо подтвердили удобную для «Шин Бет» причину смерти двух автобусных террористов и согласились дать заключение о том, что Хамдан умер от сердечного приступа.

Доклад Ландау был разгромным и документально доказывал, насколько глубоко прогнила «Шин Бет». Было установлено, что еще в 1971 году тогдашний руководитель «Шин Бет» Йозеф Хармелин согласился с тем, что его люди могут давать в суде лживые показания. В докладе отмечалось, что Хармелин не приказывал своим работникам лгать, но просто принимал это как факт жизни.

Ландау, Хофи и Мальтц единогласно подтвердили, что оперативные работники «Шин Бет» привычно лгали в судах несмотря на то, что по израильским законам лжесвидетельство наказывается тюремным заключением на срок до семи лет. Сотрудники «Шин Бет» ставили себя выше закона.

Решение прибегнуть ко лжи вытекало из роста террористической активности, последовавшей за оккупацией Израилем Западного берега и сектора Газа. С ростом терроризма следователи «Шин Бет» сочли необходимым для получения признаний арестованных использовать психологическое давление и так называемое «физическое давление», то есть пытки.

На «Шин Бет» возлагалась задача получения упреждающей информации о намерениях террористов, но методы, к которым она прибегала, стояли вне рамок израильских законов. Сотни процессов над террористами были нечем иным, как военно-полевыми судами, на которых обвинитель просто зачитывал полученные «Шин Бет» признания. Когда обвиняемые возражали, что эти признания были вырваны у них под пытками или в результате другого принуждения, военные судьи в отсутствие присяжных заседателей принимали сторону «Шин Бет».

Этот конвейер лжи действовал в течение 16 лет, в тот период, когда агентство возглавляли Аврахам Ахитув и Аврахам Шалом. В докладе Ландау отмечалось, что Шалом «сделал лжесвидетельство нормой и это передавалось из поколения в поколение».

— Когда я думаю о войне с терроризмом, — заявил Шалом комиссии, — я не рассматриваю эту проблему в контексте израильских судов.

«Он даже не понимал, — отмечалось в докладе комиссии, — что такой подход недопустим. Комиссия считает его одним из тех, кто несет ответственность за укоренение этого порочного метода».

Доклад подверг критике все руководство «Шин Бет», отметив, что «никакие соображения безопасности, сколь ни были бы они важны, не могут быть выше закона. Руко-

водство агентства не понимало, что ему была доверена важная миссия, которая может оправдать применение некоторых средств, но не любых методов и уж, конечно, не лжесвидетельство».

Заключение Комиссии Ландау было написано с такой кристальной четкостью, какая редко встречается в правительственных документах; особенно это касалось категорического заявления о том, что оперативным работникам «Шин Бет» всегда предписывалось говорить правду. «Если выяснялось, что оперативный работник не представлял полного и правдивого отчета о своей работе, он мог быть подвергнут суровому наказанию; были даже случаи увольнения. Такой подход создавал «двойной стандарт» — требование абсолютной правдивости внутри службы и возможность лгать в суде. Похоже, что в течение 16 лет это противоречие никого не беспокоило».

Вместе с тем, учитывая сложность задач, стоящих перед «Шин Бет» в борьбе с терроризмом, комиссия недвусмысленно подчеркнула, что следователи «Шин Бет» имеют право оказывать некоторое «давление» на людей — имелось в виду арабов — во время допросов. Комиссия не установила пределов этого давления. Доклад предостерегал сотрудников «Шин Бет» от попыток «устанавливать для себя какие-то свои правила в части, касающейся оказания давления на допрашиваемых».

Далее в докладе говорилось:

«В подобных случаях имиджу Израиля как законопослушного государства, соблюдающего права человека, может быть нанесен непоправимый ущерб и он может начать походить на режимы, которые предоставляют своим службам безопасности неограниченные полномочия. Для предотвращения такой опасности следует воздерживаться от оказания чрезмерного давления на допрашиваемых лиц. Это давление не должно достигать такой стадии, когда причиняются физические страдания, когда в отношении человека проявляется жестокость, когда страдает его честь и достоинство как личности».

В качестве некоторых ориентиров в этом плане Ландау писал: «Степень применения этих мер должна соотноситься со степенью предполагаемой опасности. Это означает, что степень психологического и физического давления должна быть определена заранее. Руководители должны решительно и остро реагировать на любые отступления от этого правила».

Таким образом, комиссия заняла компромиссную позицию между верховенством закона, независимо от масштабов террористической угрозы, и мнением, что необходимость борьбы с терроризмом оправдывает отступление от строгого соблюдения законов. Но даже в то время, как судья Ландау и его коллеги выразили свою обеспокоенность бесконтрольностью действий «Шин Бет», они не пытались в одночасье искоренить незаконные методы, к которым привыкло прибегать агентство.

Не успели еще высохнуть чернила на докладе Ландау, как выяснилось, что три следователя «Шин Бет» лгали комиссии. Как только «Шин Бет» стало известно об этом лжесвидетельстве, все трое были отстранены от работы. Горькая ирония заключалась в том, что в это время директором «Шин Бет» стал не кто иной, как Йозеф Хармелин, отозванный из отставки 12 лет спустя после ухода с этого поста и 7 лет после того, как в 1979 году он, спасаясь от исламской революции, на американском самолете эвакуировался из Тегерана, где был неофициальным послом Израиля.

Именно в период первого срока пребывания Хармелина на посту директора «Шин Бет» вошло в привычку лгать в суде. Тем не менее Хармелин был уважаемым ветераном, и все приветствовали его возвращение на этот пост в период острого кризиса. Ему было поручено восстановить порядок, доверие и надежду в рядах сотрудников агентства, которое раздиралось скандалами и расследованиями.

Высказывались серьезные опасения, что расследования ослабят «Шин Бет». Моральное состояние работников было ужасным. После докладов комиссий Карп и Ландау многие другие чувствовали, что их бросили политики, которые, как обычно, ожидали, что секретные службы будут вести за них грязную работу и жестокую войну с терроризмом.

Признаки недовольства в «Шин Бет» нарастали. Оперативные работники не скрывали своего презрения к комиссиям и журналистам, которые, похоже, ждали от них абсолютно «чистой» работы по террористам. Сотрудники «Шин Бет» обвиняли политиков в том, что те не могли принять долгосрочных решений в отношении статуса оккупированного Западного берега и сектора Газа и установить там определенный правовой режим. «Мы — козлы

отпущения оккупации» — именно таким было ощущение многих в «Шин Бет». Через 35 с лишним лет после первоначального «бунта шпионов», выступавших против создания «Моссада», было похоже, что в рядах израильского разведсообщества может произойти новый «мини-бунт».

Хармелин в свойственной ему мягкой манере сумел навести порядок в рядах сотрудников «Шин Бет» и успокоить их. Он, однако, не смог исправить вред, нанесенный репутации «Шин Бет» и разведсообществу в целом. Впервые в истории Израиля секретные службы перестали быть «священными коровами», которым нельзя задавать вопросы о методах их работы.

Примерно те же проблемы, которые сотрясали ЦРУ в 1970-х годах, встали перед разведсообществом Израиля в 1980-х годах, породив беспрецедентные сомнения и открыв горькую правду. Утратив в значительной мере доверие собственных граждан в Израиле, руководители израильской разведки одновременно оказались перед лицом острейшего кризиса в отношениях со своими лучшими друзьями за рубежом.

ШПИОН В АМЕРИКЕ

Когда Джонатан Джей Поллард 21 ноября 1985 г. ворвался в израильское посольство в Вашингтоне, это было последним актом шпионской операции, которая поставила под угрозу давние отношения еврейского государства со своим самым важным союзником — Соединенными Штатами Америки — одним из источников силы Израиля.

В это утро Джей Поллард сидел в своем старом «мустанге», обливаясь потом. Он был за рулем, рядом его жена Энн Хендерсон-Поллард, у них на руках были свидетельства о рождении, свидетельство о браке, семейные фотографии, свидетельство о прививках кошке и сама кошка. Полларды были готовы бежать из Америки. Они, не выключая двигателя, стояли у ворот посольства Израиля на пересечении Коннектикут-авеню и Ван Несс-стрит в северо-западной части Вашингтона.

Массивные металлические ворота распахнулись, чтобы впустить другую автомашину. Поллард резко нажал на газ, обошел другой автомобиль и въехал на стоянку прямо перед зданием посольства со стрельчатыми окнами, построенным из древнего иерусалимского камня. Израильский охранник уже был готов выхватить пистолет из подмышечной кобуры, как 30-летний полнеющий и лысеющий Поллард пробормотал что-то о том, что он является евреем и хочет получить убежище.

— Меня преследует ФБР, мне нужна помощь, — заявил он озадаченным охранникам.

В это же время агенты ФБР, которые следовали за Поллардом, через переговорное устройство на воротах стали объяснять охранникам, что им нужно допросить чело-

века, который только что въехал за ограду посольства на «мустанге». Израильяне могли, ссылаясь на дипломатический иммунитет, проигнорировать это требование, хотя предоставление убежища разыскиваемому лицу, несомненно, вызвало бы дипломатические осложнения. Дежурная служба на воротах стала звать в зону безопасности посольства, где располагались представители израильских спецслужб.

Руководитель службы безопасности посольства накануне сам разговаривал по телефону с Поллардом, который назвал Рафи Эйтана и других работавших с ним израильян и просил помощи. В ходе второго телефонного разговора офицер безопасности предложил американцу приехать в посольство, если он сумеет оторваться от слежки ФБР. Но сейчас ФБР было на «хвосте» у Полларда и ожидало его на внешней парковке, окруженной израильскими охранниками в штатском.

— Очень сожалеем, — сказали израильяне, провожая к воротам американскую пару, просившую убежища. ФБР немедленно арестовало Полларда, а его жену отвезли домой на 20-ю стрит в северо-западной части города. Джонатан Джей Поллард сделал свой первый шаг по пути пожизненного тюремного заключения.

Поллард в течение шести лет работал в качестве гражданского специалиста в различных разведывательных и контртеррористических подразделениях военно-морского флота США. Он был обычным клерком, но его компьютер имел доступ почти ко всем секретам разветвленного американского разведсообщества. Считая себя вполне лояльным американцем, он в то же время был горячим сторонником Израиля.

Поллард родился 7 августа 1954 г. в еврейской семье, проживавшей в Галвстоуне, штат Техас, но большую часть своего детства провел в городе Саус Бенд в штате Индиана. Этот город не был сколько-нибудь заметным центром еврейской культуры или произраильской активности. Поллард пришел к сионизму самостоятельно.

Он обучался в престижном Стэнфордском университете, одном из лучших американских учебных заведений, где преподаватели отмечали его чрезмерно богатое воображение. То он утверждал, что является полковником, то капитаном, а иногда говорил, что «Моссад» готовит его на роль

шпиона в американском правительственном аппарате. Теперь Поллард говорит, что это были шутки, и отрицает, что показывал соседям по общежитию револьвер. По его словам, все считали его «немного чокнутым», когда он рассказывал, как, будучи в охране кибуца, якобы убил араба. Некоторые студенты говорили, что, по их впечатлениям, учеба Полларда в университете оплачивалась «Моссадом». Но он утверждает, что все это придумали федеральные власти, чтобы создать вокруг него ореол нестабильности и дискредитировать его. Тем не менее обвинение настаивает, что он всегда был склонен выдумывать неправдоподобные истории.

В 1976 году, получив степень бакалавра в Стэнфорде, Поллард пересек Американский континент и поступил во Флетчеровскую школу права и дипломатии Университета Тафта в окрестностях Бостона. Учеба в школе не дала ему ученой степени, но осенью 1979 года ВМС США приняли его на работу в разведку в качестве аналитика. Он работал в Вашингтоне в организациях с такими интригующими названиями, как Оперативный центр наблюдения и разведки ВМС (Naval Operational and Surveillance Center — NOSC), Всюмогательный центр разведки ВМС (Naval Intelligence Support Center — NISC) и Военно-морская служба расследований (Naval Investigative Service — NIS).

Он был одним из немногих избранных, кто попал в новый Антитеррористический оперативный центр Военно-морской службы расследований в Сьютланде, штат Мэриленд (Anti-Terrorism Alert Center — АТАС), когда американские вооруженные силы значительно активизировали свои усилия, направленные на раннее выявление угрозы терроризма. Это произошло в июне 1984 года как реакция на подрыв в октябре прошлого года террористами-самоубийцами американской казармы морских пехотинцев в Бейруте, когда погибли 241 человек. Серьезная работа по обобщению всех имеющихся фактов, наводок и слухов в этой таинственной сфере требует постоянного доступа к широкому кругу источников и сообщений: о вероятных целях, потенциальных террористах, лицах и группах, могущих оказывать содействие террористам, намерениях других стран в этом плане.

В этот век терроризма вряд ли есть какая-то другая сфера правительственной деятельности, особенно в облас-

ти обороны, столь же комплексная и междисциплинарная. Поллард не только имел компьютер, который мог обращаться к различным банкам данных в рамках федеральной разведывательной системы; он не только имел допуск к совершенно секретным (Top Secret) документам; он имел степень допуска, известную как SCI (Special Compartmented Intelligence). И у Полларда был самый ценный «пропуск», который только можно было себе представить в Федеральном округе Колумбия, — «курьерский пропуск», позволявший ему посещать особо режимные объекты и брать с собой документы для анализа.

Мучительные кошмары по поводу того, почему его работодатели не смогли разобраться в странностях поведения этого человека начиная со школьных лет, в его непомерной хвастливости и откровенной лживости, еще долго будут преследовать руководителей вашингтонских служб безопасности. В 1977 году Поллард хотел поступить в ЦРУ, но его кандидатура была отклонена. Когда Служба расследований Пентагона (Defense Investigative Service — DIS) занималась его рутинной проверкой, были проведены беседы с его отцом и однокашниками-студентами. Однако ЦРУ, видимо, не сообщило DIS свою негативную оценку Полларда. В 1981 году ВМС лишили его допуска к секретам, но он обжаловал это решение и оно было отменено.

Поллард говорит, что в 1982 году он принимал участие в работе над межведомственным мобилизационным планом, разрабатывавшимся по инициативе министра обороны Каспара Уайнбергера и просчитывавшим реакцию США на случай израильского вторжения в Ливан. Документ, предусматривавший оказание сильного давления на Израиль с целью вывода войск и даже ограниченные передвижения американских сил, абсолютно «нокаутировал» Полларда, когда он изучил его в полном объеме. В этот момент он принял решение помочь Израилю. «Я был просто до смерти напуган тем, что собирался сделать Уайнбергер, — говорил Поллард уже в тюремной камере. — Я понял, что он установил неофициальное эмбарго на разведку».

Американский аналитик разведки, который в своих фантазиях мечтал стать шпионом Израиля, начал претворять свои мечты в жизнь. Свои первые шаги не стезе шпионажа он сделал в мае 1984 года, когда нью-йоркский бизнесмен Стивен Штерн, вполне возможно, хорошо пред-

ставлявший, что именно он делает, познакомил его с полковником израильских ВВС Авьесом Селлой.

Это был заговор «с первого взгляда». Поллард заявил полковнику, что у него есть доказательства того, что Соединенные Штаты не делятся с Израилем всей разведывательной информацией, которой они должны делиться, и ему, Полларду, это не нравится. Селла, один из лучших израильских пилотов, который принимал участие в рейде на иракский ядерный реактор, слушал с большим интересом, а потом, как и требовалось, сообщил об этом разговоре по команде, и его сообщение попало в штаб-квартиру ВВС в Тель-Авиве. Оттуда сообщение о недовольном американском аналитике разведки, горевшем желанием помочь Израилю, попало в руки Рафи Эйтана, недовольного офицера израильской разведки, который в тот период был связан с министерством обороны в качестве главы научно-технического шпионского агентства «Лакам».

В тот момент Израиль получал ценную технологическую информацию по крайней мере от одного источника в Соединенных Штатах. Среди посредников на этом канале был израильский антрепренер в Голливуде, который познакомил представителей министерства обороны Израиля с представителем корпорации «Милко» в Калифорнии, принадлежавшей Ричарду Смиту. Американский еврей Смит в мае 1985 года был официально обвинен федеральным судом присяжных в том, что он контрабандным образом вывез в Израиль 810 критронов — электронных устройств, которые могут быть использованы в качестве детонаторов ядерных бомб. Для экспорта этих приборов требовалась специальная лицензия, но если бы Смит обратился за ней, он получил бы отказ на основании того, что Израиль не подписал международный договор о нераспространении ядерного оружия.

Расследование ФБР установило, что начиная с 1973 года 80% бизнеса «Милко» вела с Израилем. Смит был освобожден под залог в 100 тыс. долларов, но через 3 месяца в суде не появился. Он просто исчез, хотя позже его видели в Великобритании и Израиле.

Израиль извинился перед Соединенными Штатами после того, как это дело выплеснулось в заголовки газет, объяснив, что критроны использовались для медицинских целей, а не для ядерного оружия. По требованию американцев все неиспользованные детонаторы были возвращены.

В 1985 году был отмечен еще ряд инцидентов, когда израильские государственные корпорации вроде «Израиль милитари индастриз» были вовлечены в сомнительные сделки с американскими корпорациями. Некоторые американцы даже попали под суд. Правительственные чиновники, особенно представители американской и таможенной службы и ФБР, не скрывали своего возмущения поведением Израиля.

Однако после того, как президентом США в 1981 году стал Рональд Рейган, Израилю был дан совершенно четкий сигнал, что его больше ни за что не будут наказывать. Наступил «золотой век» необъявленного, но очень энергичного американско-израильского военного сотрудничества.

В данном случае не имелось формального обязательства, как, например, в соглашении с НАТО и в других пактах, что нападение на одну из стран считается нападением на обе страны. Но Израиль имел все основания полагать, что он пользуется большей степенью защиты со стороны Вашингтона, чем его западные союзники, например Великобритания.

Рейган пошел дальше, чем любой из американских президентов, в плане создания чувства безопасности у Израиля. Вторжение Израиля в Ливан в 1982 году не вызвало реального американского протеста. Госдепартамент выступал против еврейских поселений на Западном берегу, но ничего конкретного не предпринимал. И, что было самым важным, в 1983 году Белый дом подписал меморандум о стратегическом сотрудничестве с Израилем.

Большая часть меморандума оставалась секретной, но явные его последствия включали регулярные визиты в порт Хайфа кораблей американского Шестого флота. В Израиле стали размещаться склады американского вооружения и медикаментов, участились совместные маневры. Невидимая сторона сотрудничества включала активизацию взаимодействия разведок, особенно борьбу с терроризмом, в которой США практически зависели от Израиля и его информации об арабских террористических группах.

Ветераны ЦРУ с многолетним опытом работы на Ближнем Востоке пришли к выводу, что в этих условиях израильтяне могли позволить себе все что угодно, и они это знали. Один американский шпион как-то в разговоре со своим коллегой из «Моссада» пошутил, что Израилю повезло, что он не стал 51-м штатом Америки.

— А в чем это везение? — удивился израильтянин.

— В этом случае, — ответил американец, — за вас было бы только 2 сенатора, а теперь по крайней мере 60.

Администрация Рейгана при поддержке конгресса предоставляла еврейскому государству помощь в размере трех миллиардов долларов в год, две трети которой имело военный характер. Этот щедрый колодец казался почти бездонным, так же как никогда не иссякал и фонтан прощения за некоторые «безобразия», допускаемые Израилем.

Вместе с тем разведывательные сообщества обеих стран знали достаточно много друг о друге, чтобы проявлять подозрительность. ФБР было особенно обеспокоено масштабами израильской деятельности в США, полагая, что большая часть этой активности была так или иначе связана со шпионажем, и стремилось выявлять факты нарушения Израилем американского законодательства в процессе постоянной погони за американской технологией.

Имевшие место случаи привлечения к уголовной ответственности, а также многочисленные утечки в прессу от возмущенных американских чиновников должны были служить предостережением Эйтану и остальной части израильского военно-промышленного комплекса о том, что секретные операции всегда таят в себе риск провала. Для Эйтана, удачливого профессионала, который на протяжении десятилетий работал с агентурой в «Моссаде» и «Шин Бет», это не было новостью. Когда он прочел отчет полковника Селлы из Нью-Йорка о Полларде, который, похоже, был готов сам предложить свои услуги израильской разведке, он был заинтригован и одновременно обеспокоен. Это могла быть «подстава» американцев, имеющая своей целью заманить израильтян в ловушку. Профессионалы с опытом Эйтана всегда проявляют осторожность в отношении тех, кто демонстрирует слишком явный энтузиазм.

Вместе с тем Эйтан понимал, что молодой американец может быть очень ценным. Несмотря на существование официальных соглашений, израильская разведка всегда исходила из того, что американцы не делились с ней всем, что у них было. Поллард может заполнить эти пробелы. Только внедрив своего агента, израильтяне смогут узнать, чего им не дают.

Поллард также давал Эйтану шанс «перемоссадить» «Моссад» и осуществить план, направленный на расшире-

ние сферы деятельности «Лакама», показать, что он один может получить в Вашингтоне больше, чем поступало от ЦРУ и Пентагона.

Шеф «Моссада» Адмони с учетом имевшегося секретного соглашения 1951 года с ЦРУ отказался официально работать с агентом в самом сердце американского разведсообщества. Обе разведки поддерживали между собой повседневные контакты, в том числе по компьютерным каналам связи; дважды в год проходили официальные рабочие встречи, на которых проводился анализ обстановки в мире и уточнялись планы дальнейшего сотрудничества, исследовались возможности проведения совместных операций. Будет крайне неудобно — и это весьма отрицательно скажется на двусторонних отношениях, — если «Моссад» внедрит своего агента в разведку друзей, и будет еще хуже, если он провалится.

Тайный, беспардонный и прямой шпионаж двух разведок друг за другом официально считался недопустимым, но прожженные профессионалы с той и другой стороны знали, что это можно делать только очень осторожно и с соблюдением всех правил шпионского искусства. Те из американцев и израильтян, кто явно имел отношение к подобным операциям, считают, что главным приоритетом должно быть сокрытие истинных хозяев операции. Теоретически, если ЦРУ находит перспективного кандидата для вербовки в израильском разведсообществе, идеальный вариант заключался бы в том, чтобы этот агент вообще не знал, что он работает на американцев. Это должна быть вербовка «под чужим флагом», то есть агент будет верить, что он работает, например, на Швейцарию или Западную Германию, или еще на кого-то, кто платит деньги за его информацию.

Если же агент знает, на кого он работает, или соглашается работать только на Соединенные Штаты, то с ним, по крайней мере, не может иметь контактов резидентура ЦРУ в Тель-Авиве. Не должно быть никаких следов американской причастности, и все встречи должны проводиться в третьих странах. Работу с агентом обычно ведут какие-то другие резидентуры ЦРУ.

Более того, целесообразно использовать возможности других спецслужб. ЦРУ формально не должно иметь отношения к работе с американской агентурой внутри израильского разведсообщества, и ответственность за это должна

быть передана другим членам американского разведсообщества. Соответственно, когда перед Израилем открываются возможности для шпионажа в США, «Моссад» может уступить эти возможности другому агентству, например «Лакаму».

Американская космическая и радиоразведка постоянно держала в поле зрения оборонные структуры Израиля. Соединенные Штаты также направляли в Израиль своих шпионов с конкретными заданиями по сбору информации об израильских военных, экономических и научных программах, включая ядерные проекты. Сразу же после ареста Полларда министр обороны Ицхак Рабин заявил, что в конце 1970-х и начале 1980-х годов Израиль выявил 5 американских шпионов в чувствительных областях промышленности, в частности в ядерной сфере. Один из них был занят сбором информации в принадлежавшей государству компании «Рафаэль» в районе Хайфы. Другим был американский ученый, работавший по программе научного обмена на ядерном исследовательском реакторе в Нахал Сорек, который был передан Израилю администрацией Эйзенхауэра. Выявленные шпионы были подвергнуты допросу, но достаточно гибкая правовая система Израиля дала возможность правительству выдворить их из страны, избегая конфликта и конфуза в отношениях с Соединенными Штатами.

В этих операциях, которые в силу их большой секретности никогда не признавались Вашингтоном, вышеописанный рецепт скрупулезно соблюдался. Американские оперативники приезжали в Израиль из третьих стран. И если израильскому агенту нужно было платить за информацию или за его «консультации», предпочитали создавать у него впечатление, что вручаемые ему американские доллары не являются американскими в буквальном смысле слова. Когда дело Полларда получило огласку, член сенатского комитета по разведке сенатор Дэвид Дюренбергер, проговорился, что по крайней мере в одном случае, во время израильского вторжения в Ливан в 1982 году, американцы использовали на агентурной основе израильского солдата.

Штаб-квартира ЦРУ в Лэнгли всегда рассматривала сотни тысяч переехавших в Израиль американских евреев как потенциальный резерв агентов. Однако их сдерживало то, что эти евреи переселились в Израиль по религиозным

соображениям либо в силу приверженности сионизму и их лояльность к Израилю в конечном счете может одержать верх над их прошлыми связями с Америкой. Израильские спецслужбы всегда исходили из того, что в потоке иммигрантов из Советского Союза должна быть советская агентура, но они никогда всерьез не подозревали, что ЦРУ может делать то же самое. Сотрудники «Шин Бет» считали, что в жизни все возможно, но они не верили, что среди американцев могут быть какие-то американские «кроты», вывезенные в Израиль.

С другой стороны, американцы принимали как факт то, что среди израильтян, приезжавших в США на учебу или с деловыми целями, были израильские шпионы. И действительно, как могла страна, считающая себя находящейся в состоянии войны, не посылать шпионов туда, где можно было найти ценную информацию?

Деятельность израильской разведки в США действительно была широкомасштабной, но она не была такой уж четко организованной и такой зловецей, как это могло представляться ФБР и другим ксенофобам. Израильтян, выезжавших за границу, иногда просили проявлять внимание к какой-то проблеме, особенно если они были учеными, работавшими по проектам, имевшим значение для обороны Израиля. Но они формально не вербовались «Моссадом» или «Аманом», и им не выплачивалось вознаграждение. Многие из этих «путешественников» видели свой патриотический долг в том, чтобы посылать домой информацию, которая может помочь Израилю. Большинство израильтян в Америке, конечно, не занимались ничем подобным, к тому же им на глаза не попадалось ничего, что могло бы представить интерес для шпиона. Но от тех немногих, кто помогал, израильская разведка — иногда через институты и компании, имевшие представительства за границей, — получала пользу.

Во всяком случае в тайных операциях на территории США «Моссад» избегал использовать сотрудников своей резидентуры в Вашингтоне — точно так же, как американцы поступали в Израиле. Когда израильский агент направлялся с заданием в Америку, вашингтонская резидентура «Моссада» об этом не информировалась. Если израильская разведка должна была платить агенту за информацию, следуя американскому рецепту, она старалась использовать «флаг» какой-то другой страны или, что еще лучше, пред-

ставлять дело так, что речь будто бы едет о каком-то безобидном промышленном шпионаже другой американской компании.

Случай Джонатана Полларда был необычен. Это был доброволец, он служил в военно-морской разведке, имел доступ к документам, был евреем и хотел работать только на дорогой его сердцу Израиль. Эйтан знал, что использование евреев в качестве агентов в их собственных странах, как это показали события 50-х годов в Ираке и Египте, было связано с повышенным риском. Но сопротивляться искушению получить ту информацию, которую мог дать Поллард, было просто невозможно.

С согласия начальника генштаба и командующего ВМС Эйтан получил разрешение использовать полковника Селлу для уникальной миссии. Даже высшие израильские военачальники — генерал Моше Леви и генерал Амос Лапидот не должны были знать деталей того, что ветеран ВВС Селла, изучающий компьютерные науки в Нью-Йоркском университете, будет делать для своей страны.

Эйтан поручил Селле дать понять Полларду, что еврейское государство было готово его испытать. Селла несколько раз осторожно говорил с Поллардом из телефонов-автоматов, чтобы свести к минимуму риск подслушивания ФБР.

Летом 1984 года Селла несколько раз летал самолетом из Нью-Йорка в Вашингтон для встреч с Поллардом и получения документов. Селле помогали атташе «Лакама» в обоих американских городах, но в отличие от них Селла не был защищен дипломатическим иммунитетом. В случае ареста и предания суду за получение секретных документов сам Селла, израильские военно-воздушные силы и Государство Израиль в целом были бы сильно скомпрометированы. Молодой полковник являлся опытным летчиком, но в сфере шпионажа был дилетантом, тем не менее он готов был рискнуть.

Первые полученные Селлой документы касались военных проектов арабов, которые, по мнению Полларда, могли угрожать Израилю. Их срочно отправили в Тель-Авив дипломатической почтой, и они превзошли все ожидания Эйтана.

Поллард только недавно пришел в Антитеррористический оперативный центр (АТОЦ) в Мэриленде, но он уже давал Селле информацию, выходящую далеко за пределы

сферы деятельности этого центра. Там были интригующие детали — не полная информация, но важные фрагменты, заполняющие пробелы в той картине, которую имел Израиль, — о создании в Сирии химического оружия и возрождении иракской ядерной программы.

Там же была информация о некоторых новейших системах оружия, полученных арабскими соседями Израиля. Были также получены списки и описания вооружений, имеющихся в Египте, Иордании и Саудовской Аравии. Данные материалы представляли интерес в силу того, что, рассматривая эти умеренные арабские страны в качестве своих ближайших союзников, Соединенные Штаты отказывались делиться с Израилем разведывательной информацией о них. Теперь для Эйтана открылась лазейка в секреты этих стран.

Энтузиазм Полларда просто ошеломлял, особенно после того, как в октябре 1984 года он получил в АТОЦ повышение. Уровень его допуска к секретам стал выше, и, как он сказал израильтянам, ему будет доступен практически любой документ американского разведсообщества. Он даже мог получать снимки с американских разведывательных спутников, но, поскольку он не мог распечатать их на своем компьютере, ему приходилось брать фотокопии с собой на день-два.

Селла был в восторге. Он знал, какую ценность представляли эти фотографии. Три года назад, перед тем как повести свою эскадрилью бомбардировщиков-истребителей на реактор в Багдаде, он изучал американские фотографии этой цели. Однако такая возможность представлялась довольно редко. Директор ЦРУ Уильям Кейси лишь в отдельных случаях делился этими сокровищами с израильтянами в рамках стратегического сотрудничества. Наконец Селла закончил свое обучение в университете и возвратился в Израиль. Поллард стал ждать нового связника.

Эйтан был в таком восторге от полученных результатов, что решил перейти к следующей фазе операции. В ноябре 1984 года Поллард и его невеста Энн Хендерсон за счет «Лакама» вылетели в Париж. Там их ожидал небольшой сюрприз. На арене снова появился Авьем Селла, который угощал их в шикарных ресторанах «города света». Поллард недоумевал, почему им надо было выезжать во Францию для этой приятной встречи. Тайна прояснилась, когда Селла представил его Йосси Ягуру, новому оперработнику.

Ягур занимал должность консула по науке в израильском консульстве в Нью-Йорке. Его довольно расплывчатое официальное резюме говорит о каких-то должностях, которые он ранее занимал в оборонной промышленности, но на самый худший случай Ягур был защищен дипломатическим иммунитетом.

В качестве консула, которым он являлся с 1980 года, Ягур регулярно посещал научные конференции, устанавливал контакты с американскими учеными, представителями оборонных и других отраслей промышленности и отправлял в «Лакам» пухлые пачки вырезок из различных специализированных газет и журналов.

В качестве еще одного сюрприза Джонатану Полларду устроили встречу с легендарным Эйтаном, о чьих подвигах, в частности об его участии в похищении Эйхмана, Полларду специально рассказали для того, чтобы произвести на него должное впечатление. Эйтан был представлен в качестве руководителя всей операции, и он вместе с Ягуром и Поллардом обсудил следующие шаги, включая получение американских документов, представлявших первостепенный интерес для обороны Израиля.

В моменты отдыха Селла пригласил Джея и Энн полюбоваться витринами самых элегантных ювелирных магазинов французской столицы. Селла отправил их в один конкретный магазин, где продавец уговорил Энн взять кольцо с крупными сапфирами и бриллиантами. Селла сказал, что он оплатит покупку, если кольцо будет обручальным.

Кольцо стоило около семи тысяч долларов и явилось материальным свидетельством «обручения» Полларда с Израилем. Селла даже снабдил Энн рукописным письмом, в котором говорилось, что этот подарок якобы исходил от какого-то «дядюшки Джо» в Вашингтоне. Это было сделано на случай, если кто-то спросит, как они могли позволить себе такую дорогую вещь. На следующий год в августе Джей и Энн поженились и провели свой трехнедельный медовый месяц в Венеции, который не только был оплачен израильянами, но и включал краткосрочную поездку в Тель-Авив для новой встречи с Эйтаном.

В качестве компенсации расходов и в знак признательности израильяне пообещали платить Полларду полторы тысячи долларов в месяц. В дополнение к кольцу Поллард получил 10 тыс. долларов наличными, а Эйтан сказал ему, что в Швейцарии на его имя открыт счет. Его вознаграж-

дение будет переводиться на этот счет, которым Поллард сможет воспользоваться через 10 лет. К этому времени, ответил американец, он надеется переехать на жительство в Израиль. В ответ Ягур показал ему израильский паспорт с его фотографией на имя Дэнни Коэна. Опергруппа «Ла-кама» в этом случае не просто выбрала старое еврейское имя. Американский агент уже выражал свое восхищение выдающимся израильским агентом, который был повешен в Дамаске, Эли Коэном. Чтобы усилить эффект, Эйтан и Ягур выбрали именно это имя для фальшивого паспорта Полларда. Теперь он в любое время мог приехать в Израиль как анонимный, но реальный герой.

Эйтан, конечно, не сказал Полларду, что кольцо с бриллиантом и выдача 10 тыс. долларов на карманные расходы были частью классической методики закрепления агента. Шпион, который говорит своим хозяевам, что работает добровольно из идеологических соображений, желая помочь стране, которую он любит, или из ненависти к стране, которую он предает, может под влиянием страха изменить свое решение. Считая себя добровольцем, он думает, что в любой момент может прекратить эти отношения.

Совсем другое дело — платный агент. Он чувствует себя обязанным дать то, за что ему платят, к тому же за этим всегда маячит угроза шантажа. Вербовщик всегда может оказать нажим на агента, демонстрируя ему документальные доказательства того, что он брал деньги. Такого рода контракт создает у нанимателя уверенность в том, что он приобрел лояльного агента.

Мотивация Полларда определялась сочетанием его сионистских взглядов и склонности к авантюризму. Ему приятно было ощущать себя тайным агентом, и это ощущение подкреплялось конспиративными встречами и тайными поездками за рубеж. Но как человек, фанатично преданный сионистской идее, он, несомненно, получал наибольшее удовлетворение от сознания того, что помогает Израилю защищать себя.

Сразу же по возвращении из Европы Поллард принялся за работу. Он принес целый чемодан секретных документов, включая заветные спутниковые фотографии, в загородный дом в Мэрилсиде, где его встретил Ягур. Оперативник дал Полларду некоторые условные знаки для использования в случае необходимости отмены или переноса очередной

встречи. Ягур также сказал Полларду, что его будут ждать каждую пятницу на специальной конспиративной квартире, оборудованной копировальной техникой. В квартире проживала Ирит Эрб, сотрудница израильского посольства, секретарь вашингтонского представителя «Лакама».

Квартира-фотолаборатория была куплена на имя Гарольда Катца, американского еврея, занимавшегося в Израиле адвокатской практикой. Катц, по видимости, не знал, что его вашингтонская квартира будет использоваться министерством обороны. В квартире было так много высокоскоростной и высококачественной копировальной техники, что пришлось установить специальную систему электронной защиты, чтобы подавить электромагнитные помехи, которые могли быть замечены на экранах телевизоров соседей.

Израильтяне знали, как стимулировать работу Полларда, они льстили его самолюбию. Ягур часто говорил Полларду, что его информация представляет исключительный интерес и используется различными службами израильского разведсообщества. Однако Поллард, будучи аналитиком, не хотел довольствоваться такой общей оценкой и просил Ягура установить, кто именно и как использовал его документы в Израиле.

Руководители различных израильских спецслужб в Тель-Авиве догадывались, что первоклассная информация Эйтана поступала из Вашингтона. Только американский источник мог дать спутниковые фотографии. Никто не спрашивал Эйтана, кто был этим агентом. Военный? Еврей? Израильтянин, внедренный в американские вооруженные силы или разведывательные службы? Так могли думать Наум Адмони из «Моссада» или новый шеф «Амана» Ехуд Барак. Качество «продукта» было столь высоким, что не могло не возникать вопроса о риске, связанном с этой операцией.

Однако в этой системе никогда не задают таких вопросов в отношении операций, проводимых другой службой. Раскрытие любых деталей нарушает принцип «компартаментализации». Внутреннее соперничество тоже является препятствием для того, чтобы коллеги раскрывали перед ними свои операции.

Каждые две недели Поллард приносил в квартиру Ирит Эрб огромные кипы документов. Сначала он сам отбирал их, но потом Ягур стал заказывать — как из меню — кон-

кретные бумаги в данном случае, судя по всему, из каталога документов, составленных разведывательным управлением министерства обороны США. Как этот секретный каталог мог попасть в руки иностранцев? Американские следователи видели в этом прямое доказательство существования еще одного израильского шпиона, может быть, более важного, чем Поллард.

Теоретически Израиль мог получить этот каталог через агента или от какого-то другого источника в стране НАТО, куда он попал из Соединенных Штатов. С другой стороны, израильское посольство имело огромное число друзей в Пентагоне, даже когда сам министр обороны, в данном случае Каспар Уайнбергер, был настроен к Израилю недоброжелательно.

Используя свой «курьерский пропуск» — самый ценный «читательский билет» в районе Вашингтона, — Поллард мог получать секретные документы из нескольких архивов в столице, включая РУМО, его собственную Службу расследований ВМС и даже Национального агентства безопасности при всей жесткости его режима. Если материал хоть частично касался Ближнего Востока, Поллард считал, что Израиль должен о нем знать. Он полагал, что Каспар Уайнбергер и американское разведсообщество нарушали двусторонние соглашения, утаивая от Израиля то, что им было известно об угрозах еврейскому государству.

Благодаря этому эксцентричному, но исключительно эффективному агенту, израильтяне получали копии аналитических документов ЦРУ, копии сообщений между американскими объектами в этом регионе, подробности о поставках советского вооружения в Сирию и другим его союзникам, как это выглядело по донесениям американских секретных агентов или «шпионов в небе» и подлинным фотографиям с разведывательных спутников.

Вашингтон и Тель-Авив обменивались большим количеством как первичных данных разведки, так и аналитических материалов, но спутниковые фотографии всегда являлись проблемой. Опасаясь утечки сведений о методах и технических возможностях американской космической разведки, американцы обычно отклоняли израильские запросы о предоставлении спутниковых фотографий или же рассматривали эти запросы так долго, что вопрос утрачивал актуальность. Соединенные Штаты отложили на неопределенное время рассмотрение просьбы Израиля о том,

чтобы ему была предоставлена наземная приемная станция, позволяющая принимать и расшифровывать сигналы с американских спутников.

Фотографии и аналитические материалы, поступавшие от Полларда в течение года, пока он не был пойман, позволяли израильтянам детально отслеживать передвижение кораблей в Средиземноморье. Среди полученных материалов было также досье об усилиях Пакистана по созданию ядерного оружия — «исламской бомбы». После уничтожения в 1981 году ядерного реактора в Ираке Пакистан вышел на первый план как потенциальная ядерная угроза Израилю. Были гут и подробности о химических арсеналах Ирака и Сирии, двух непримиримых врагов Израиля. Получать информацию по этой тематике из указанных стран было исключительно трудно.

Собственные размышления Полларда в тюрьме, которыми он поделился с американским журналистом Вольфом Блитцером, очень важны для понимания того, почему Эйтан так ценил его. Поллард говорил, что понял, что разведка Израиля ни в коем случае не была «гигантом, оседлавшим Ближний Восток». Израильтяне направляли свои основные технические и людские ресурсы в Сирию, которая представляла наибольшую угрозу их существованию. Поллард отмечал, что он сосредоточивался на «внешнем кольце врагов: Ливии, Алжире, Ираке и Пакистане».

Наиболее ценной информацией, которая позволила Израилю провести конкретные операции, явились аэрофотоснимки штаб-квартиры ООП в Тунисе. В этом же плане пригодились материалы о системе противовоздушной обороны североафриканских государств на пути в Тунис, включая силы ливийского полковника Каддафи. 1 октября 1985 г. израильские ВВС провели самый дальний в своей истории бомбовый рейд на комплекс ООП в Тунисе. Большая часть основной базы Ясира Арафата была разрушена, и Поллард испытывал огромное удовлетворение от того, что он помог это сделать.

В Вашингтоне Поллард работал с предельным напряжением сил. Его энтузиазм сменился усталостью, и в Антитеррористическом центре ВМС заметили, что качество его работы заметно ухудшилось. Он полный день занимался компьютерной обработкой и анализом разведывательной информации по линии ВМС и одновременно выполнял свою вторую работу, добывая документы для израильской разведки.

Поллард передавал тысячи листов документов и материалов радиоперехвата по проблемам терроризма, системам вооружений арабских стран и советских поставок оружия в регион. Эйтан и несколько аналитиков, имевшихся в «Лакаме», едва справлялись с этим потоком. Один из преподавателей Полларда в Стэнфордском университете вспоминал, что Поллард «всегда проявлял чрезмерный энтузиазм, и если ему поручалось написать какую-то работу, она получалась у него вполне доброкачественной, но необычайно большой». Поллард и сейчас оставался верен себе, только теперь не как студент, а скорее как наставник израильтян.

Американские спецслужбы должны были знать о том, что Поллард в силу некоторых «странностей» в его поведении был ненадежным человеком. Его начальник в Анти-террористическом центре капитан второго ранга Джерри Эйджи начал сомневаться в надежности Полларда после того, как дважды уличил его во лжи по каким-то пустяковым поводам. Эйджи стал наблюдать и вскоре обратил внимание, что на столе Полларда было огромное количество совершенно секретных документов, не имевших отношения к его работе. 25 октября, в пятницу, один из его сослуживцев сообщил, что Поллард ушел с работы с большим пакетом компьютерного центра. Удалось установить, что он только что получил материалы телеграфной переписки по Ближнему Востоку. Эйджи повторил проверку 1 и 8 ноября и заметил, что Поллард снова собирал дополнительные совершенно секретные материалы. Однажды после бессонной ночи Эйджи в 4.30 утра пришел в свой центр и обнаружил на столе у Полларда новые материалы по Ближнему Востоку. «Черт побери, — сказал себе капитан, — у меня завелся шпион!»

Эйджи не смог убедить ФБР взять Полларда под наблюдение. Бюро было перегружено работой по другим шпионским делам. Однако контрразведка ВМС установила скрытые телевизионные камеры около рабочего места Полларда. Наблюдатели пришли к выводу, что он создавал свою личную библиотеку разведывательных материалов. 18 ноября он был задержан.

Военно-морская контрразведка допрашивала Полларда в течение трех дней, но ему разрешалось поддерживать связь с внешним миром. Стараясь сбить ее с толку и замести следы, ведущие к Израилю, он заявил, что располагает

информацией, которая поможет разоблачить международную шпионскую сеть.

Контрразведчики отнеслись к первому допросу довольно легкомысленно и даже позволили Полларду позвонить своей жене. Объясняя, что вернется домой поздно, он попросил Энн «отнести кактус к друзьям». Эта был заранее обусловленный сигнал, который означал, что у него неприятности и нужно немедленно убрать из дома все секретные документы.

По иронии судьбы в день ареста в шесть часов вечера Полларды должны были ужинать с Авьемом Селлой, приехавшим в Соединенные Штаты. Селла сказал, что его повысили до бригадного генерала и они должны отпраздновать это событие. Но когда Энн отправилась на этот ужин, у нее было далеко не праздничное настроение. Она была в состоянии паники.

По дороге она попыталась избавиться от чемодана, который для Поллардов был равносителен динамиту. В нем была почти полуметровая стопка секретных документов. Это был тот самый «кактус», о котором говорил Джей. В отчаянии Энн обратилась за помощью к соседям, семье Эсфандиари. Она попросила Кристину Эсфандиари взять чемодан, в котором, как она сказала, находились документы с работы Джея и передать его ей в вашингтонском отеле «Фор сизонс». Энн также передала г-же Эсфандиари свой свадебный фотоальбом.

Полларды были в очень хороших отношениях с семьей Эсфандиари и даже давали им во временное пользование свой «мустанг», но просьба вынести тайком чемодан из дома показалась Кристине слишком странной. Она была дочерью кадрового морского офицера и на следующее утро позвонила в военно-морскую контрразведку, сказав: «У меня есть кое-какая секретная информация, которая может быть вам полезна».

Позже г-жа Эсфандиари вспоминала: «Это было очень тяжело сделать, потому что мы так хорошо к ним относились, положила руку на сердце, но мы не могли позволить ничего подобного. Я не могла поверить, что это делали наши Энн и Джей. Я чувствовала себя обманутой и преданной».

Обращение с просьбой к соседям, конечно, не было профессиональным приемом для избавления от улики. Помимо всего прочего, на чемодане было имя Полларда. Даже

если бы этот чемодан оказался на вашингтонской свалке, он все равно подвел бы Полларда.

Ужин Энн с Селлой в загородном ресторане прошел очень нервно. «Джей попал в беду», — твердила она. Селла тоже почувствовал опасность и потребовал, чтобы Энн никогда не признавалась в том, что они встречались. Больше они друг друга никогда не видели.

Дома Энн Хендерсон-Поллард встретила с Джем, вернувшимся после первых допросов. Оба были очень взволнованы, и Поллард решил позвонить своему куратору. Он связался с Ягуром и потребовал от него предоставления убежища и вывоза в Израиль.

Ягур решил немного успокоить Полларда: «За тобой, наверное, наблюдают. Если тебе удастся уйти от слежки, приходи к нам и мы поможем». Поллард, полагая, что его телефон мог подслушиваться, звонил из телефона-автомата, но самое главное заключалось в том, что у «Лакама» не было никакого плана бегства Полларда.

Поллард и Израиль дорого заплатят за отсутствие профессионализма в этой исключительно острой и опасной операции. Среди израильтян шло невидимое соревнование за то, кто сбежит первым. Через три дня Селла и Ягур через Нью-Йорк вылетели в Израиль; Ирит Эрб и ее босс, заместитель атташе от «Лакама» Илан Равид, вылетели в Израиль из Вашингтона. В прессе уже прошла информация о том, что какой-то американец был арестован за шпионаж, но она не имела большого резонанса.

Когда израильские боссы Полларда возвратились в Тель-Авив, руководители разведки и израильские политики уже знали из сообщений прессы, что ФБР задержало Полларда у ворот израильского посольства и это, несомненно, отрицательно повлияет на израильско-американские отношения, в первую очередь в сфере оборонного и разведывательного сотрудничества.

Когда Израиль — через три дня после ареста Полларда — впервые осторожно высказался о возможности своей связи с ним, общество было в состоянии шока от того, что израильская разведка может быть столь глупа, чтобы допустить арест агента на пороге своего посольства. Поскольку зарубежная разведывательная работа всегда входила в компетенцию «Моссада», общественность была удивлена, что «Моссад» может проявлять такой дилетантизм и такую глупость.

Через несколько дней стало известно, что работу с Поллардом вел «Лакам». Так впервые прозвучало название этой разведывательной службы.

Американская сторона тоже недоумевала. Рональд Рейган узнал об аресте Полларда в то время, когда он возвращался со встречи с советским лидером Горбачевым в Женеве. Об Израиле, который он щедро подкармливал финансовой и военной помощью, превратив его в главного союзника Соединенных Штатов, Рейган сказал: «Я просто не понимаю, почему они это делают».

Однако американцы должны были лучше понимать ситуацию. ЦРУ всегда считало, что израильская агентура активно работала в Америке. В одном из его закрытых докладов говорилось, что после главного приоритета — сбора информации в арабских странах — вторым и третьим приоритетами израильской разведки были «сбор информации о секретных аспектах американской политики в отношении Израиля» и «получение научно-технической информации в Соединенных Штатах и других развитых странах».

Они также должны были лучше знать Полларда. Вызывает изумление тот факт, что его вообще могли приять на работу в разведку, зная о странностях в его поведении.

Эни Хендерсон-Поллард тоже была арестована, поскольку знала о шпионской деятельности мужа и оказывала ему помощь. Она также не удержалась от искушения и использовала часть секретных материалов для своей работы по связям с общественностью.

Федеральные власти были твердо настроены привлечь к ответственности Хендерсон-Поллард, но особенно жестко готовилось дело против ее мужа. Представитель обвинения заявил окружному судье Обри Робинсону: «Обвиняемый признал, что продал Израилю такое количество секретных документов, что, если их собрать вместе, получится «стопка» размером метр на метр и высотой три метра». Поллард отрицает, что он когда-либо говорил что-то подобное.

Министр обороны Уайнбергер в своем письме судье Робинсону отмечал: «Мне трудно представить больший ущерб интересам национальной безопасности, чем причиненный обвиняемым». В частных беседах Уайнбергер говорил, что Поллард заслуживал расстрела или виселицы, добавляя, что ликвидация причиненного ущерба обойдется США в 1 млрд. долларов.

4 марта 1987 г. в результате сделки с правосудием, которая предполагала, что ему не придется провести остаток своей жизни в тюрьме, Поллард признал себя виновным. Тем не менее Поллард был приговорен к пожизненному тюремному заключению. Решающее влияние на суд оказало письмо Уайнбергера.

К моменту вынесения приговора Полларду исполнилось 32 года. Его 26-летняя жена также признала себя виновной и получила 5 лет тюрьмы. Услышав приговор, Энн с криками «Нет! Нет!» рухнула на пол. В отчаянии и бешенстве она бросалась на отделанные дубовыми панелями стены зала судебных заседаний. Позже, немного придя в себя, она заявила: «Я каждый день буду молиться за то, чтобы мы вновь были вместе с мужем. Ради этого я буду жить». Энн провела в тюрьме почти 3 года, страдала заболеванием желудочно-кишечного тракта и много потеряла в весе.

Поллард допустил серьезную ошибку, сделав хвастливое заявление о том, что он «буквально был глазами и ушами Израиля в огромном географическом районе от Атлантики до Индийского океана». В своем письменном обращении к судье он также отметил, что его информация была «уникальна» и что «политическое руководство страны [Израиля] должно было знать о существовании агента в американском разведсообществе». Он также отметил, что, судя по тому, как его израильские руководители ставили ему задания, можно представить, насколько была высока степень координации между израильской армией, военно-морским флотом и военно-морскими силами.

Все это могло соответствовать действительности, но едва ли усиливало позицию защиты Полларда. Этого шпиона бросили хозяева, и его откровенность была понятна.

Американские следователи отправились в Израиль, чтобы проверить утверждения израильских представителей, что это была какая-то «шальная» операция и что еврейские руководители не знали о наличии своего шпиона в американской разведке.

Демонстрируя добрую волю, израильтяне создали специальную группу связи для оказания максимального содействия американским следователям. Руководство этой работой было поручено директору «Шин Бет» Аврахаму Шалому главным образом потому, что американцы считали его порядочным человеком. Однако и израильская общественность скоро убедилась в том, что Шалом был ма-

стером заметать следы, когда его обвинили в том, что он лгал собственному правительству в ходе расследования убийства двух автобусных террористов в 1984 году.

Получив полную поддержку со стороны Шаломы, американский обвинитель Джозеф Дидженова и адвокат госдепартамента Абрахам Софаер, похоже, пришли к выводу, что им удалось допросить всех израильтян, имевших отношение к работе с Поллардом. Однако им ничего не сказали об Авьеме Селле. Израиль просто уклонился от ответа на вопрос, кто именно завербовал Полларда в Вашингтоне.

В довершение ко всему американцам сказали, что им возвращают все полученные от Полларда документы. Однако по возвращении в Вашингтон они обнаружили только 163 страницы из обещанной тысячи. Это жульничество привело в ярость американских следователей, хотя возвращенные документов имело чисто символическое значение — израильтяне могли оставить у себя копии, к тому же Поллард никогда и не передавал им оригиналы.

Директор ФБР Уильям Уэбстер открыто критиковал Израиль за «избирательное сотрудничество». Эти настроения Уэбстера, настроения борца с преступностью, которому вставляли палки в колеса, еще долго будут оказывать влияние на состояние американо-израильских отношений, потому что спустя всего год Уэбстер как директор ЦРУ возглавит американское разведсообщество.

Подражая приверженности американцев создавать всякого рода комиссии, израильтяне скрепя сердце тоже создали две комиссии. Одну комиссию создал комитет кнессета по обороне и иностранным делам, возглавляемый Аббой Эбаном. Другой орган расследования должен был возглавляться двумя сопредседателями, назначенными кабинетом министров, но это начинание забуксовало, когда бывший член Верховного суда Моше Ландау отказался участвовать в работе этого органа. Ландау уже было 74 года, и после достойной судейской карьеры он не хотел, чтобы его использовали в качестве ширмы. Он потребовал, чтобы ему было предоставлено право допроса свидетелей под присягой и чтобы выводы его комиссии имели обязательную силу. Пройдет еще полтора года, прежде чем удастся убедить Ландау возглавить расследование другого скандала, связанного с «Шин Бет».

Израильское правительство тем не менее нашло двух человек с достаточно серьезными связями в истэблишменте, которые согласились заняться расследованием того, как

«Лакам» использовал своего американского шпиона: адвоката Иегуду Ротенштейна, который выступал в качестве юрисконсульта разведсообщества, и бывшего начальника штаба Цви Зура, который 20 лет некоторым образом наблюдал за работой «Лакама», когда во главе этой службы стоял Биньямин Бламберг.

Израильское правительство национального единства согласилось, что две параллельные комиссии должны исследовать все аспекты дела Полларда, включая роль высших политических руководителей.

Ведущий правительственный триумвират проводил согласованную линию. Премьер-министр, Шимон Перес, министр иностранных дел Ицхак Шамир и министр обороны Ицхак Рабин — все обещали сотрудничать с парламентской комиссией Аббы Эбана.

Пока расследование касалось чисто оперативной стороны дела — как велась работа с Поллардом, а некто стоял за этим событием, — все шло достаточно гладко. Обе комиссии пришли к идентичному выводу о том, что Поллард работал на «Лакам» Рафи Эйтана и Авьем Селла с согласия его военных руководителей и играл роль посредника и разработчика. Имя Селлы всплыло только потому, что Поллард на допросах назвал его как своего вербовщика.

Комиссии, однако, разошлись в вопросе оценки политической ответственности. Назначенная кабинетом комиссия не нашла — или во всяком случае не упомянула — каких-либо связей с израильскими политиками. Она рассматривала дело Полларда просто как изолированную разведывательную операцию. Парламентская комиссия, однако, прежде чем она распалась из-за политических разногласий между «Ликудом» и лейбористской партией, несколько раз намекнула, что часть вины за произошедшее лежит на политических лидерах.

Поллард был завербован в период, когда министром обороны был Моше Аренс, которому подчинялся «Лакам», а Шамир был премьер-министром. Американский шпион продолжал передавать информацию и после того, как Рабин сменил Аренса, а Перес — Шамира. Четверо названных политиков признали, что они получали данные, поступавшие от Полларда, но в соответствии со сложившейся практикой никогда не спрашивали об источнике. По их утверждению, если бы они знали его, то немедленно прекратили бы операцию.

С другой стороны, Рафи Эйтан заявил комиссии, что его совесть была абсолютно чиста: «Все, что я предприни-

мал, в том числе и по делу Полларда, совершалось с веденя моих руководителей. Я не позволю использовать себя в качестве козла отпущения и не намерен покрывать осведомленность и ответственность других лиц».

Ветеран разведки, похоже, хотел сказать, что политические лидеры знали гораздо больше, чем готовы были признать. Можно было поверить в то, что им не было известно имя Джонатана Джея Полларда, но политики с большим опытом в военной области и в сфере разведки — Рабин как бывший начальник генштаба, Шамир как бывший высокопоставленный работник «Моссада», Перес как заместитель министра обороны, который создал «Лакам», и даже Аренс с его опытом работы в сфере военной авиации — должны были понимать, откуда идет такая разведывательная информация.

Если представители американской администрации и американская общественность были изумлены обнаружившимся отсутствием ответственности в демократическом Израиле, то они были еще больше озадачены, когда виновные не только не понесли наказания, но были поощрены и получили повышение.

Вскоре после возвращения в Израиль бригадный генерал Селла стал командиром самой крупной израильской авиабазы Тель Ноф. На этой базе, расположенной к югу от Тель-Авива, часто бывали американские военно-воздушные атташе, опрашивавшие израильских пилотов об их полетах на американских самолетах в рамках двустороннего военного и разведывательного сотрудничества.

Бомба разорвалась тогда, когда Селла был назван в приговоре сообщником Поллардов. Впервые высокопоставленный военный или гражданский представитель страны—союзницы США был официально обвинен в шпионаже против Соединенных Штатов.

Когда американцы узнали, что командующий авиабазы был тем человеком, который завербовал Полларда, Вашингтон предписал, что, до тех пор пока Селла будет оставаться командующим базой, на нее не ступит нога американского офицера. Когда в 1986 году в Израиле находился вице-президент Джордж Буш, он отказался посетить базу Тель Ноф. Это давление в конце концов возымело свое действие. Политические лидеры Израиля решили принести молодого генерала в качестве жертвы на алтарь американо-израильских отношений. Селла подал в отставку с этого поста.

Те же самые израильские политики обнаружили, что снять Эйтана оказалось гораздо сложнее. Министр торговли и промышленности Ариель Шарон бросился на выручку своего старого протеже. Подобно другим ветеранам разведки, которые пользовались покровительством Шарона, Эйтан стал президентом «Израиль кемикал», самой крупной государственной компании Израиля.

В целом дела в Израиле шли своим чередом. Национальный военно-промышленный комплекс не мог вывернуться наизнанку из-за провала Полларда. Потребность в шпионах в научно-технической сфере сохранялась. В конце концов это было как раз то, на чем всегда специализировалась разведка Израиля.

Вскоре после ареста Полларда израильское правительство публично обещало распустить подразделение, которое осуществляло эту «шалую» операцию. Израильская разведка в целом, однако, продолжала работать в обычном режиме и добывать информацию, необходимую для обеспечения национальной безопасности. Разведсообщество перераспределило обязанности и продолжало работать без «Лакама». Представители американских властей тоже не испытывали по этому поводу особого беспокойства и исходили из того, что так или иначе Израиль должен обеспечивать свои потребности в технологической информации, имеющей отношение к национальной безопасности. Однако Соединенные Штаты потребовали от Израиля твердых заверений, что в будущем израильтяне никогда не станут использовать агентов в американском разведсообществе.

Что же касается самого Полларда, то он чувствовал себя брошенным израильтянами и обреченным отбывать свое пожизненное тюремное заключение. Он был озлоблен, но тем не менее оставался горячим сторонником еврейского государства. Однако Израиль не предпринял никаких шагов в его защиту. Сотрудничество Израиля с американскими властями в этом деле было далеко не полным, но те меры противодействия, которые предпринимала израильская сторона, были направлены на выгораживание Селлы и других израильтян, которые работали с Поллардом, но не его самого.

Была, правда, небольшая тайная поддержка со стороны разведывательного сообщества: неофициальная группа адвокатов и специалистов в области поддержания отношений с общественностью собрала деньги на оплату защитников Полларда. Со стороны адвокатов и родственников были также

некоторые неофициальные попытки исследовать возможность обмена шпионов и делались намеки на то, что Израиль готов выпустить на свободу советских агентов Шабтая Калмановича и Маркуса Клингберга в обмен на Полларда. Правда, было не ясно, какую выгоду получают от этого Соединенные Штаты. В начале 1990 года в конфиденциальном порядке сообщалось, что в качестве одного из элементов этого обмена шпионами может стать один западный агент, арестованный в Чехословакии. Вместе с тем многие израильтяне не хотели, чтобы Поллард вышел на свободу и поселился в Израиле как живой укор израильским спецслужбам.

Больше всего пострадали в результате провала Полларда отношения между Израилем и американским еврейством. Разведсообщество Израиля длительное время избегало ставить зарубежное еврейство перед деликатным вопросом о «двойной лояльности». Вербовка Полларда нарушила это хрупкое равновесие. И американская еврейская община была глубоко обеспокоена тем, что кто-то в Америке может подумать, что евреи любят Израиль больше, чем Соединенные Штаты.

Так почему же Израиль, используя Полларда, поставил 6 млн. евреев в столь двусмысленное положение? Глупость? Наглость? Безответственность?

Эти и многие другие вопросы остались без ответа. Бывший директор ЦРУ говорит: «Я никогда не мог понять, почему израильтяне стали работать с Поллардом. Они получали в Америке все, причем бесплатно. Израильтяне, работающие в вашингтонском посольстве, не просто бренчат на своих гитарах. Они активно работают со связями. Но им не надо ничего красть, потому что девяносто процентов всей информации они получают от дружественно настроенных и сотрудничающих с ними американских представителей».

Тень недоверия, возникшая между американской и израильской разведками в результате дела Полларда, вероятно, никогда не исчезнет, но уязвленные чувства всегда уступают место стратегическим реалиям и национальным интересам. Когда в середине 1980-х годов две страны понадобились друг другу в решении достаточно деликатных вопросов, связанных с Ираном и захваченными там американскими заложниками, они нашли новые и нетрадиционные каналы для сотрудничества.

.....
ХАОС «ИРАНГЕЙТА»

Голос премьер-министра Ирана был хорошо слышен в просторном номере швейцарской гостинцы. Мир Хоссейн Мусави из Тегерана кричал по телефону на начальника своей разведки Мохсена Кангарлу. Кангарлу в свою очередь тарашил глаза на израильянина, который был с ним в этой элегантной комнате. Иранцы думали, что «Моссад» только что провернул одну из своих грязных штук.

Кангарлу, важная закулисная фигура в Иране, но почти не известная на Западе, находился в женеvском отеле «Нога Хилтон» вместе с Манучером Горбанифаром, связанным с разведкой торговцем оружием, и неким израильянином, который тоже продавал оружие в надежде на освобождение заложников, удерживаемых проиранскими шиитами в Ливане. Израильянином был Яааков Нимроди, и иранцы были уверены, что он являлся агентом «Моссада». На самом деле Нимроди был только отставным сотрудником разведки, и «Моссад» как раз ничего не знал, что происходило в этот момент в Женеве.

Это было 25 ноября 1985 г., всего 4 дня спустя после ареста Полларда, вызвавшего серьезный кризис доверия в отношениях между США и Израилем. Тем не менее Нимроди имел полномочия от премьер-министра Шимона Переса активно проработать вместе с двумя другими израильянами вопрос о возможности освобождения заложников в обмен на поставки оружия.

Засветка этой операции сведет к нулю шансы на успех сделки и вынудит находящихся в Ливане западников провести в неволе еще несколько лет. Для Израиля, как и для

Соединенных Штатов, было крайне важно, чтобы эти контакты оставались в тайне. Израильяне и американцы, причастные к переговорам, лгали даже ЦРУ и «Моссаду».

В тот день и иранский премьер-министр чувствовал себя обманутым. Он осматривал в тегеранском аэропорту ракеты класса «земля—воздух», только что прибывшие секретным рейсом из Израиля. Мусави связался по телефону с Кангарлу и завопил: «Кто принимает нас за дураков? Рядом со мной стоит эксперт по ракетам «Хок», и он говорит, что это старые и абсолютно бесполезные для нас ракеты!»

Иранский офицер имел перед собой список серийных номеров ракет «Хок» и понимал, что доставленные из Израиля ракеты были выпущены до того, как американцы провели их модернизацию с целью повышения скорости и точности.

Нимроди, несколько десятилетий проработавший в Иране, сначала на «Алию-Бет», а потом на самого себя, сразу почуял неладное. Он не собирался обманывать иранцев. Они уже заплатили ему 24 млн. долларов за 80 ракет «Хок», и американцы помогли организовать эту поставку из Израиля и восполнить израильские арсеналы. Все было в порядке. Это была выгодная сделка для израильских военных экспортеров. Она поможет наладить связи с умеренными силами в радикальной иранской иерархии. И, может быть, еще пять американских заложников обретут свободу как побочный дивиденд этой сделки в дополнение к одному уже освобожденному в обмен на поставку вооружения.

По собственному опыту Нимроди знал, что иранцы были непревзойденными мастерами создавать трудности, но у него было ощущение, что спор о ракетах был вполне серьезным и его источник мог быть только в Израиле.

Нимроди прошел в свой номер и позвонил близкому другу и деловому партнеру Адольфу (Алу) Швиммеру, который в состоянии полного изнеможения находился у себя дома в Тель-Авиве. Он с трудом верил, что ему удалось отправить ракеты из Израиля. И вот теперь Нимроди звонил из Женевы, но не с сообщением о том, что иранцы были в восторге, а американские заложники на свободе. Нимроди сообщал, что иранцы были в ярости, а члены экипажа чартерного рейса теперь стали заложниками в Тегеране.

Накануне вечером Швиммер уже совершил невозможное, найдя пачку денег для командира западногерманского

«Боинга-707», который должен был вылететь из аэропорта Бен-Гуриона с грузом ракет. Швиммер целый день проклинал «этих американских жуликов», из-за того что сотрудник аппарата Совета национальной безопасности подполковник Оливер Норт прислал самолет, но не прислал денег на топливо. У израильтянина в кармане оказалось только пятьсот долларов, и ему пришлось бегать по знакомым, чтобы набрать необходимые для заправки 9 тыс. долларов.

Норт был представителем Белого дома, на которого была возложена задача освобождения полудюжины американских заложников в Ливане. Этот ветеран вьетнамской войны любил сложные секретные операции. Теперь он был главной фигурой в наиболее сложном тайном проекте администрации Рейгана — обмене заложников на оружие, несмотря на то что публично Рейган отвергал возможность каких-либо сделок с террористами.

Почему полковник Норт должен был вступить в сделку с двумя израильскими бизнесменами в этой тайной операции, затрагивающей третьи страны и интересы национальной безопасности? И почему этим занимались — как это можно было ожидать — не «Моссад» и не ЦРУ?

Президент Рейган, как и премьер Персс, пришел к выводу, что эта операция пройдет более гладко, если для нее использовать нетрадиционные каналы. Шимон Перес надеялся, что участие в ней частных лиц не только позволит освободить заложников, но и принесет еврейскому государству коммерческую выгоду от продажи оружия своим традиционным клиентам в Иране. Эта сложная операция также могла помочь восстановить американо-израильские отношения, пострадавшие в результате дела Полларда.

Но кто были эти израильтяне, эти «три мушкетера»?

Первым был Ал Швиммер, 68-летний уроженец Соединенных Штатов. В молодости он решил освоить все, что имело отношение к авиации, и добился своего. Он пилотировал самолеты и продавал авиационные запчасти в малые страны. Он работал инженером в компаниях «Локхид» и «Транс уорлд эйруэйз», служил в военно-воздушных силах США и после второй мировой войны, встретившись в Европе с евреями, пережившими Холокост, Швиммер вдруг ощутил свои еврейские корни. Он стал кем-то вроде секретного агента в Чехословакии, где собрал большое количество оружия, проданного западными дилерами

и советскими представителями. Его собственная грузовая авиакомпания перевозила это оружие в Израиль до получения им в 1948 году независимости.

Безвестный герой, помогавший новорожденному государству выиграть войну за независимость, Швиммер стал офицером израильских ВВС. В 1949 году он возвратился в Соединенные Штаты, надеясь оттуда помочь своей еврейской родине, но американские власти обвинили его в нелегальном экспорте самолетов и запасных частей в Израиль, Чехословакию, Италию и Панаму. В 1950 году Швиммер и его компания были признаны виновными и по приговору федерального суда в Лос-Анджелесе оштрафованы на 10 тыс. долларов. ФБР подозревало, что в ответ на разрешение использовать чешский аэродром в Затеке Швиммер передал коммунистам учебный самолет и портативный радар.

Его следующим проектом стала компания «Интерконтинентал Эйруэйз», которая занималась не перевозкой пассажиров, а служила в качестве центра ремонта и модернизации самолетов израильских ВВС и гражданской авиакомпании «Эль-Ал». Премьер-министр Бен-Гурион и его молодой помощник по вопросам обороны Перес в 1951 году убедили Швиммера возвратиться в Израиль и создать современную авиастроительную компанию, которая впоследствии стала известна как «Израель Эйркрафт Индастриз». В 1975 году он с гордостью передал ВВС Израиля выпущенный им истребитель «Кфир», построенный на основе чертежей, полученных «Лакамом» от своего агента в Швейцарии Фрауенкнехта.

После ухода в отставку с государственного авиастроительного предприятия Швиммер стал специальным советником Переса и деловым партнером Нимроди. С 1984 по 1987 год Швиммер получал от государства символическую зарплату — один шекель в год — менее одного доллара.

Вторым израильтянином был Яаков Нимроди, 60-летний уроженец Ирака, один из десяти детей в бедной еврейской семье, которая эмигрировала в Иерусалим. Его карьера в разведке началась еще до войны за независимость 1948 года, когда он вступил в «Палмах». После войны он служил рядовым оперработником в «Амане».

В 1956 году израильская разведка направила его в Тегеран, где он работал как на «Моссад», так и на «Аман» в начальный период развития «периферийной» стратегии.

Большую часть 1960-х годов полковник Нимроди провел в Иране в качестве официального военного атташе, делая все возможное, чтобы поставить Иран в зависимость от Израиля.

Он сыграл ключевую роль в достижении соглашения о продаже Ирану израильского оружия на сумму 250 млн. долларов в год. Он организовывал показ этого оружия в Иране и всегда заботился о том, чтобы израильские инструкторы говорили на фарси. Спустя годы прошедшие секретную военную подготовку в Израиле сотни иранских офицеров все еще продолжали служить в вооруженных силах Ирана. Нимроди также мог гордиться тем, что сделал военную разведку Ирана вполне серьезной службой.

Надеясь получить должное признание своих заслуг в деле обороны Израиля, он в 1969 году возвратился домой, надеясь занять пост военного коменданта Западного берега, захваченного у Иордании два года назад. Получив отказ, он вышел в отставку.

Пожив еще некоторое время в Израиле, Нимроди вернулся в Иран и занялся тем, что знал лучше всего, — продажей оружия Ирану. Он торговал оружием и другими израильскими товарами и был известен своей уникальной способностью решать сложные вопросы, связанные с экспортными поставками на емкий иранский рынок. Нимроди со своей женой Ривкой и детьми переселились в Тегеран. Все контакты и каналы, которые он наладил во время своей работы в «Амаше»,годились ему теперь, когда он развернул свой собственный экспортно-импортный бизнес. Комиссионные были огромными и в отдельные годы составляли миллионы долларов.

В той необычной манере, в которой богатые и экстравагантные люди привлекают внимание друг друга, Нимроди познакомился с саудовским магнатом Аднаном Кашоги. Оба с одинаковым удовольствием строили планы как коммерческой деятельности, так и тайных дипломатических операций.

Нимроди, Швиммер и Кашоги инвестировали в Иран миллионы долларов, но Исламская революция 1979 года превратила все это в прах. Вместе с тем Нимроди, который предусмотрительно пользовался услугами европейских банков, сохранил достаточно средств для того, чтобы обосноваться в Лондоне, имея в качестве соседей своих старых иранских друзей, живущих в изгнании.

Третьим израильтянином был Дэвид Кимче. Он был не частным предпринимателем, а генеральным секретарем израильского МИДа. Ветеран тайной дипломатии в Африке, Ливане и других регионах, официально представлял свое правительство в тайных переговорах с Ираном. Соскучившись по настоящему делу, которое он так любил в период своей службы в «Моссаде», Кимче обнаружил, что методы работы — в том числе использование окольных маршрутов для переброски по воздуху специальных грузов — ничуть не изменились.

В эту долгую ночь 24 ноября 1979 г. Нимроди, Швиммер и Кимче должны были триумфально завершить свою сделку по обмену оружия на заложников и изо всех сил старались удержать «Боинг-707» на курсе из Тель-Авива через Кипр в Тегеран. Израильские военные ухитрились втиснуть в самолет 8 из 80 закупленных Ираном ракет «Хок». Через шесть часов после вылета самолета Швиммер был разбужен телефонным звонком из Бразилии. Звонивший сообщил, что он является владельцем «Боинга».

Сонный Швиммер пробормотал:

— Что, снова деньги?

— Нет, — ответил владелец самолета, — просто нашего пилота арестовали на Кипре за неправильное оформление документов.

По счастливой случайности кипрские власти еще не вскрыли ящики для осмотра груза, но в любой момент могли это сделать, и пресса — а на Кипре были представлены журналисты ведущих мировых СМИ — раскроет тайну реактивного лайнера, стоящего в дальнем конце аэропорта Ларнака, и арестованного пилота.

Швиммер позвонил Норту в Вашингтон, где еще был воскресный вечер, и Норту пришлось приподнять завесу секретности над этой операцией, обратившись за помощью в ЦРУ. По просьбе Норта представитель ЦРУ на Кипре стал дергать за какие-то ниточки, и пилота без шума освободили. Дозаправленный «Боинг» в 6 часов утра в понедельник вновь взмыл в небо.

Слишком возбужденный, Норт не лег спать, а спустя несколько часов снова позвонил Швиммеру и сообщил, что самолет совершил посадку в Тегеране. Полностью убежденный в том, что теперь один или несколько американских

заложников будут освобождены друзьями Ирана в Ливане, Норт сказал израильянину: «Да благословит вас Бог».

Когда Швиммер узнал от Нимроди, что в тегеранском аэропорту находится разъяренный премьер-министр, получивший не то, что ему было обещано, Швиммер немедленно позвонил заместителю генерального директора министерства обороны в Тель-Авиве Хайму Кармону, который отвечал за отправку ракет, и тот успокоил его:

— Не беспокойтесь. Скажите им, что ракеты прошли в Израиле модернизацию и стали лучше, чем были.

Это утешительное сообщение было передано из Тель-Авива в Тегеран через Женеву, где скоро вновь зазвонил телефон. На этот раз звонил иранский полковник, сопровождавший премьер-министра Мусави: он хотел знать, какие конкретно модификации были сделаны.

Горбанифар смотрел на Нимроди с выражением такой боли в глазах, как будто израильяне, которые всегда были так серьезны и честны, теперь предали его, перечеркнув все, что создавалось на протяжении семи месяцев. Кангарлу был очень возбужден и требовал, чтобы Нимроди ответил иранскому полковнику «немедленно».

Из Женевы в Тель-Авив пошел срочный запрос: «Какие модификации?» Нимроди спросил у Швиммера, который в свою очередь позвонил своему контакту в министерстве обороны. Кармон сказал, что проверит и перезвонит. Через несколько минут он действительно позвонил Швиммеру и спокойно сказал ему правду:

— Слушай. Эти ракеты не подвергались модернизации.

Швиммер мгновенно понял, что хорошо развивавшаяся до сих пор операция превратилась в абсурд. Он передал эту скверную новость Нимроди:

— Они правы. Это старые «Хоки».

Нимроди сообщил эту информацию Кангарлу в тот момент, когда на линии из Тегерана снова появился премьер-министр Мусави. Заикающийся Кангарлу сообщил Мусави, что Иран действительно получил старые ракеты.

Мусави взревел так, что мгновенно побледневший Кангарлу потерял сознание и рухнул на пол. Его телохранители приняли обморок за сердечный приступ и начали массировать ему сердце.

Нимроди, чувствуя, что вся операция разваливается у него на глазах, схватил телефонную трубку и заговорил с

Мусави на фарси. Нимроди, не раскрывая себя как израильтянина, чтобы не обидеть Мусави, объяснил ему, что Кангарлу потерял сознание и через некоторое время это «недоразумение» разрешится. Мусави продолжал орать, угрожая, что арестует самолет и отдаст экипаж под суд, если ему не будут возвращены деньги, уже уплаченные за ракеты.

Детали этой операции по возврату денег были согласованы через Горбанифара, в то время как швейцарская «скорая помощь» везла Кангарлу в госпиталь, и на следующее утро Нимроди в сопровождении широкоплечих иранских телохранителей отправился в отделение банка «Креди Сюис» и перевел 18 млн. долларов на счет Ирана.

Инцидент с ракетами «Хок» был катастрофой для сделки «оружие—заложники», как она была задумана Нимроди и его израильскими коллегами. Пройдет еще год, прежде чем информация о сложных трехсторонних переговорах станет достоянием общественности. В этот момент американские представители скажут, что они включились в эту сделку в силу того, что доверяли глубокой информированности Израиля об иранских делах.

Окончательный крах и конфуз для Белого дома в связи с «Ирангейтом» произошел в связи с замысловатой связью между Ираном и Центральной Америкой. Подполковник Норт связал иранскую операцию со своей секретной программой оказания помощи антикоммунистическим партизанам в Никарагуа, утаивая эту операцию от конгресса и американской общественности и одновременно получая прибыль от сделок с аятоллами и направляя эти деньги на оплату амуниции, используемой в сфере американских интересов.

Дэвид Кимче не проявлял никакого интереса к никарагуанским «контрас», но его интересовал сосед Израиля Иран. Он был горячим сторонником «периферийной» стратегии как в период своей службы в «Моссаде», так и после того, как он вынырнул из «черной дыры» своей тайной карьеры и перешел в министерство иностранных дел. Он всегда считал, что Израиль должен сотрудничать с Ираном. Несмотря на приход к власти в 1979 году аятолл, он полагал, что в Иране всегда сохранялся довольно широкий слой умеренных политиков — в армии и в других сферах общества, — которые будут готовы сотрудничать с Израилем и в целом с Западом.

Два года спустя, после того как он начал свою вторую карьеру, Дэвид Кимче стал воплощать эти планы в жизнь. Он знал, что Израиль продавал Ирану оружие с целью расширения своего экспорта, оказания поддержки евреям в Иране и сохранения устойчивых связей с Тегераном. В 1982 году вместе с Нимроди и Швиммером он принимал участие в разработке комплексной операции по подготовке в Иране государственного переворота с целью свержения режима аятолл.

Кимче был так уверен в своей правоте, что публично высказался по этому вопросу как британский джентльмен на телевидении ВВС, призвав Израиль и другие страны Запада инициировать в Иране государственный переворот. В этой же передаче совсем не случайно принял участие и Нимроди. Окруженный клубами сигарного дыма, по-английски, но с сильным акцентом он заявил, что переворот необходим и осуществить его будет несложно.

Во многих аспектах предыдущая интрига была репетицией «Ирангейта». Разница заключалась в том, что в 1982 году «Моссад», направив своего эмиссара к «бэбишаху», сумел пейтрализовать этот заговор.

Неудивительно, что в 1985 году ветераны секретной службы Нимроди и Кимче решили проигнорировать предупреждение «Моссада», когда Кашоги выступил с новой инициативой в отношении Ирана. Вместе с тем было необходимо соблюдать какой-то минимальный этикет, принятый в разведывательном сообществе, и «Моссад» получил возможность высказать свое мнение.

В апреле 1985 года Кашоги связался с Нимроди и Швиммером и пригласил их срочно прибыть в Лондон для встречи с некими иранцами, «с которыми стоит встретиться». Кашоги добавил, что план, который он собирался предложить, уже получил одобрение короля Саудовской Аравии Фахда.

Швиммер, официально считавшийся сотрудником администрации Переса, рассказал своему старому другу об этом предложении и получил разрешение премьер-министра на поездку в Лондон. Так начинался «ирангейтский» скандал.

В своем шикарном номере в отеле «Гайд парк», стоившем 600 долларов в сутки, Кашоги познакомил Нимроди и Швиммера с иранцем по имени Сайрус Хашеми. Саудовец подчеркнул, что Хашеми был весьма влиятельным челове-

ком и двоюродным братом спикера иранского парламента Али Акбара Рафсанджани, второго человека после аятоллы Хомейни в иерархии власти. После смерти аятоллы в 1989 году Рафсанджани станет правителем Ирана.

Теперь, сделав неожиданный разворот, вместо призыва к свержению режима Хомейни, как он это делал три года назад в Кении, Кашоги будет рекомендовать израильтянам объединить с ним усилия в установлении дружественных контактов с отдельными представителями нового руководства.

Хашеми заявил, что уполномочен высокопоставленными представителями правительства Ирана изучить возможность возобновления контактов с Западом. Его цель заключалась в том, чтобы восстановить контакты между Вашингтоном и Тегераном, разорванные 6 лет назад после захвата американского посольства иранскими радикалами, но Кашоги посоветовал ему начать с Израиля. Что нужно Ирану? «Возобновления поставок оружия, — сказал Хашеми, — прекращенных Израилем по требованию США; оружия, столь необходимого Ирану для продолжения войны с Ираком».

Вскоре Кашоги таким же образом познакомил Нимроди и Швиммера с Манучером Горбанифаром, которого он представил как живущего в Гамбурге иранского бизнесмена, уполномоченного вести работу в направлении восстановления отношений с Западом, опять-таки через Израиль.

Заинтригованный Швиммер убедил Переса принять в Израиле Хашеми и Горбанифара «для проверки». В апреле оба иранца по фальшивым паспортам раздельно прибыли в Тель-Авив.

«Горба», как его немедленно окрестили израильтяне, путешествовал как гражданин Греции Николас Кралис. Чтобы не привлекать внимание полиции аэропорта Бен-Гуриона, имеющей большой опыт выявления фальшивых паспортов, обоих иранцев израильские агенты провели минуя паспортный контроль, без всяких вопросов, виз и печатей.

Перес был весьма заинтересован возможностью восстановления отношений с Ираном. На этот раз вместо протестов по поводу тайной продажи оружия Ирану американцы могли ее одобрить. Премьер-министр попросил провести с Хашеми и Горбанифаром обстоятельную беседу и представить ему полный отчет. Участие в этом деле «Моссада»

было совершенно естественным, и «три мушкетера» предоставили своим бывшим коллегам такую возможность.

Хашеми был воспринят как болтун, несомненно желавший заработать на продаже оружия Ирану, но, не будучи политически искушенным и в этом плане, не произвел впечатления на израильтян. Проверка по компьютерным файлам «Моссада» также показала, что Хашеми имел репутацию ненадежного человека, который беспринципно продавал себя и свою информацию тому, кто больше заплатит. Все европейские службы безопасности Запада и Востока использовали Хашеми, но Израиль не хотел следовать их примеру.

«Моссад» не был в восторге и от «Горбы», но все встречавшиеся с ним израильтяне согласились, что он мог быть интересен. С ним беседовали представители «Моссада», «Амана» и министерств обороны и иностранных дел. Он рассказал впечатляющую историю о том, как он ездил в Эль-Рияд, столицу Саудовской Аравии, где Кашоги устроил ему аудиенцию у короля Фахда, которого он предупредил о готовящемся нападении иранцев на Святые места в Мекке.

Пока «Моссад» размышлял о том, что делать с Горбанифаром, министерство обороны охотно приняло его относительно простую сделку. Это позволило бы глубже проверить Горбанифара и могло принести Израилю доход в 40 млн. долларов. Горбанифар позвонил в Тегеран и быстро составил перечень необходимого вооружения: пушки, минометы и боеприпасы к ним, которые израильтяне считали «старым хламом».

Уже через несколько дней израильтяне зафрахтовали судно и приготовили его к выходу в иранский порт Бандар Аббас. Оружие было погружено на борт, и Горбанифар снова показал свои возможности, когда из Ирана в Тель-Авив также по фальшивому паспорту прилетел подполковник иранской армии, чтобы сопровождать груз с оружием.

Тем временем Горбанифар, позвонив еще раз в аппарат премьер-министра Мусави, представил совсем другой список. Иранцы отменили предыдущий заказ на 40 млн. долларов и потребовали противотанковые управляемые реактивные снаряды (ПТУРС), способные уничтожить иракские танки в планировавшемся вскоре наступлении. Ирану были нужны ПТУРСы, и больше ничего. Подполковник улетел домой.

Так выглядела в тот момент проблема Горбанифара и тех, кто, возможно, стоял за ним в Иране. Существовал

риск, что обязательства не будут выполнены, Иран постарается вытянуть из Израиля оружие и все, что ему было нужно, не давая ничего взамен, кроме, в лучшем случае, денег. Желание «Моссада» участвовать в сделке уменьшилось, но в принципе агентство пока не отказывалось от использования этого канала.

Новый запрос Горбанифара касался 200 ПТУРСов. Каждый стоил примерно 10 тыс. долларов, что, безусловно, привлекло Израиль. Однако главная проблема заключалась в том, что эти снаряды производились в США и их надо было переправлять в Иран из Америки.

Во время следующего визита в Израиль Горбанифар мог заметить, что его второй заказ, простой и выгодный для израильтян, вызывал у них тем не менее сомнения и колебания. Горбанифар увеличил давление и возможные выгоды для израильской разведки. Остановившись в гостевом доме «Моссада» в Тель-Авиве, он написал обширный доклад о политической обстановке в Иране.

Доклад был датирован 2 мая 1985 г., и Горбанифар сделал на нем пометку: «Сугубо конфиденциально и лично». С точки зрения разведки, это была высокопрофессиональная работа, свидетельствовавшая о замечательном складе ума Горбанифара. Это произвело большое впечатление на «мушкетеров», которые нашли его столь расчетливым и искусственным, что сам разговор с ним был «достаточно серьезным испытанием».

Доклад был написан для «Моссада», но, очевидно, предназначался для передачи в Вашингтон. В то время у Горбанифара не было никаких контактов с американцами. Он несколько раз пытался установить связь с ЦРУ, предлагал им информацию и различные сделки, но американцы проверили его на «детекторе лжи» и пришли к выводу, что он ненадежен.

Подробный анализ обстановки в Иране Горбанифара начинался с очевидного. Профессионалы разведки знают, что не следует опускать «общеизвестные» факты, потому что в итоговых выводах о них могут легко забыть. Поэтому иранский гость написал в Тель-Авиве: «Имам Хомейни является единоличным правителем Ирана», — добавив, что самыми влиятельными политиками и шиитскими муллами были те, кто пользовался поддержкой аятоллы Хомейни.

Секретный доклад Горбанифара ввел в обращение концепцию трех «рядов» политиков и религиозных деятелей, ожидающих своей очереди, соперничающих между собой в борьбе за власть и ожидающих смерти аятоллы. Это был как раз тот анализ, которого недоставало израильтянам и американцам, не имевшим надежных источников в Иране.

Горбанифар писал, что в первом ряду были «правые», опиравшиеся на армию, полицию и парламент, известный как «меджлис», большинство торговцев и даже некоторые «стражи революции». Они выступали за свободную торговлю и были настроены крайне антисоветски. Они не предлагали экспорта исламской революции и стремились к установлению дружественных отношений со странами Запада и другими исламскими странами.

Во втором ряду были «левые», включая премьер-министра Мусави и президента Али Хаменеи. Горбанифар описал эту группу как «сторонников жесткой линии во внутренних и внешних делах», поддерживающих терроризм и вооруженную экспансию исламской революции. Именно на эту группировку Горбанифар возложил ответственность за захват в Тегеране 52 американских заложников.

Третий ряд, по словам Горбанифара, балансировал посередине, имея наиболее прочные позиции в меджлисе и верховном суде, а также определенное количество приверженцев среди революционеров-фундаменталистов.

Он смог назвать десятки иранских политиков, в том числе видных, а также практически неизвестных в 1985 году, которых он четко расположил в этих трех рядах. Также он процитировал Хомейни: «Прекратите эту игру в ряды». Горбанифар предсказал, что после смерти аятоллы Хомейни одна из группировок одержит верх и уничтожит две другие.

Его совет израильтянам и американцам сводился к следующему: «Мы должны поддержать первый ряд, ликвидировать второй и проглотить третий».

Это была политическая лотерея, и Кимче чувствовал, что теперь у него было что сказать американцам. «Три мушкетера» давно хотели вовлечь американцев в свои комбинации, но теперь они были убеждены в том, что у них есть приманка, которая заставит большую рыбу пойти в сеть. Наилучшей приманкой были заложники в Ливане, и израильтяне знали, какие отчаянные усилия Рейган и Бе-

лый дом предпринимали для освобождения своих соотечественников. Команда Кимче тоже хотела бы освободить заложников и дала понять Вашингтону, что есть интересный контакт, который стоит внимательно изучить.

Еще до прочтения доклада Горбанифара помощник президента по национальной безопасности Роберт (Бад) Макфарлейн отреагировал на то, что услышал от своего старого приятеля Кимче. Макфарлейн направил на Ближний Восток консультанта по терроризму Майкла Ледина для обсуждения с Израилем возможностей проведения совместных тайных операций по установлению контактов в Иране. Ледин встретился с премьер-министром Пересом, с которым был знаком по встречам лейбористских лидеров в рамках социалистического интернационала.

Когда Перес осторожно намекнул на возможность продажи оружия умеренным элементам в Иране, Ледин, естественно, воспринял это просто как оправдание более ранних поставок. Он знал, что эти поставки были направлены на обеспечение евреям возможности свободного выезда из Ирана. Оперативники «Моссада» надеялись, что они будут вывозить евреев из Ирана через границы с Пакистаном и Турцией, а иранские власти станут смотреть на это сквозь пальцы.

После доклада Горбанифара возникла более сложная и привлекательная мотивация — оказание помощи одной из политических группировок в Иране, с тем чтобы она оказалась победительницей в неизбежной борьбе за власть.

Перес решил действовать заодно с «тремя мушкетерами». Он решил игнорировать позицию «Моссада», который в решающий момент привлечения американцев дал задний ход. «Моссад» не верил в возможность реализации этой схемы и считал, что в радикальном Иране у Израиля нет особых возможностей.

Ситуация была противоестественной. В прежние времена «Моссаду» достаточно было сказать «нет», и предложение отвергалось. Теперь, после 30 лет доминирующей роли в сфере тайных операций Израиля, «Моссад» был полностью изолирован от проводившейся за рубежом тайной операции.

Трудно объяснить тот факт, что «Моссад» был отстранен от этого дела Пересом, премьер-министром, который не был известен своей склонностью к нарушению устоявшихся оперативных традиций. Это был не Бегин в век авантюризма и не Шарон, стремившийся к коренной реформе «Моссада».

Науму Адмони, однако, не удалось отстоять приоритетную роль своего агентства в подобных вопросах. Он не пользовался таким весом, как шеф «Моссада» Ицхак Хофи, когда в 1982 году тот блокировал предложения Нимроди и Шарона о подготовке переворота в Иране с баз в Судане. В 1985 году Адмони просто высказал свои возражения, но уступил желаниям премьер-министра.

Перес был большим энтузиастом иранского проекта. Когда «Моссад» предложил отказаться от этого плана, он предпочел положиться на бывшего сотрудника «Моссада» и двух бизнесменов, но только не отказываться от проекта, который мог принести ему политические дивиденды и вечную благодарность президента Рейгана.

Премьер-министр не предпринял никаких шагов, чтобы поставить во главе этого «трио» профессионала разведки. Он попросил контролировать деятельность «мушкетеров» бывшего директора «Амана» Шломо Газита, но тот через несколько недель сложил с себя эту обязанность, сославшись на то, что «Моссад» совершенно отсечен от этого дела, и отказался получать приказы от торговцев оружием, которые могут руководствоваться погоней за прибылью.

Премьер-министр направил в Вашингтон Кимче с поручением дополнить информацию, которую Макфарлейн мог получить от своего консультанта Ледина. Американцы, так же как и израильтяне, почти рефлексивно связывали слово «Иран» с мыслью о «заложниках». А Горбанифар привлекал их возможностью освобождения находившегося в заложниках резидента ЦРУ в Бейруте Уильяма Бакли, который был похищен проиранскими ливанскими шиитами и подвергался жестоким пыткам. Операция по обмену заложников на оружие набирала обороты.

«Мушкетеры» провели между собой неофициальное распределение обязанностей. Кимче отвечал за связь с американцами, Нимроди из Лондона и Женевы обеспечивал финансирование, Швиммер обеспечивал проблемы транспортировки.

С американской стороны круг людей, осведомленных об этой операции, расширился. Министру обороны Уайнбергеру эта операция не нравилась, но он оказался втянут в нее в силу того, что Пентагон должен был пополнять израильские арсеналы после отправки ракет Ирапу. Такое условие поставил министр обороны Рабин.

В августе и сентябре 1985 года зафрахтованный Швиммером самолет доставил в Иран 508 ПТУРСов. Сумма сделки — 5 млн. долларов. После 16 месяцев, проведенных в неволе, был освобожден священник Бенджамин Уэйр, и бартер «люди—оружие» взял старт с обнадеживающими результатами.

Кимче окунулся в гущу этой тайной операции, формируя свои собственные «периферийные» альянсы. Нимроди удалось поставить так хорошо знакомый и близкий ему Иран во главе повестки дня Израиля да при этом еще получить приличную выгоду. Швиммер осуществил свою давнюю мечту — служить сионизму за штурвалом самолета. Перес станет ключевой фигурой, совершавшей этот блестящий прорыв. И все они получают благодарность президента Рейгана за возвращение столь милых его сердцу американских граждан.

Все надежды «мушкетеров» были разрушены в один миг в ноябре того же года в результате неудачных полетов ракет «Хок». Иранцы были в ярости, но, что более важно, американцы утратили веру в «трех мушкетеров». Однако сама идея была слишком заманчива, чтобы от нее полностью отказаться. Американцы, так же как и Перес, жаждали продолжения. Рабин, однако, настаивал на смене руководства операцией с израильской стороны, но «Моссад», все еще пневаясь, отказался пошевелить пальцем.

Нужно было найти новый канал. Перес как мастер политической интриги, не моргнув глазом, отказался от услуг «трех мушкетеров» — даже от своего старого друга Швиммера. Теперь вся надежда была на Амирама Нира.

В свои 35 лет Нир выглядел слишком молодым для участия в международных операциях такого масштаба, но его амбиции были безграничны. Как советник президента по проблемам антитерроризма он представлял новое поколение израильских оперативников. Амирам Ни родился в 1950 году, и над ним не довлел традиционный опыт тех, кто начинал борьбу в подполье еще до получения независимости.

К сожалению для Нира, у него не было даже боевого опыта. Он служил в армии в качестве репортера на радио министерства обороны и, к несчастью, в результате автомобильной аварии потерял один глаз. Некоторое время он, как Моше Даян, носил черную повязку, пока ему не сделали протез.

Нир преуспел как журналист и стал хорошо осведомленным обозревателем телевидения по военным вопросам. Этот баловень судьбы женился на дочери Мозеса, одного из газетных магнатов Израиля.

Остро ощущая свою неполноценность в когорте воинов, Нир на год поступил добровольцем в армию и стал подполковником в резервном танковом батальоне. Удовлетворив свои амбиции, он обратил взор в другом направлении и стал помощником лидера оппозиции Шимона Переса.

Все еще работая над своей докторской диссертацией в Центре стратегических исследований университета в Тель-Авиве, он неожиданно оказался сотрудником аппарата премьер-министра, специалистом по проблемам терроризма, когда в 1984 году Перес возглавил правительство национального единства.

Однако разведывательное сообщество не признавало Нира. Это был чужак, не прошедший настоящей школы. Разведчики вообще не особенно жалуют журналистов. Секретные службы также были недовольны тем, что Перес изгнал встерана разведки Рафи Эйтана и приблизил к себе Нира.

Новый советник по контртеррору изю всех сил старался убедить руководителей разведки, что он заслуживает доверия. Сначала Нир надеялся получить еще и должность руководителя «Лакама», не зная, что как раз в это время Рафи Эйтан был по горло занят работой с Поллардом в Америке. Нир также прицеливался на пост директора «Шин Бет», надеясь занять его после того, как истечет срок пребывания там Йозефа Хармелина, а долгосрочные амбиции Нира простирались вплоть до «Моссада». Но сперва он должен был добиться того, чтобы его стали принимать всерьез. И Нир начал осваиваться в причудливом мире той работы, которую он только что получил.

Пост советника премьер-министра по антитерроризму был создан Голдой Меир, которая в период после трагедии в олимпийском Мюнхене хотела иметь своего собственного советника по этой проблеме. Год спустя после провала разведки в Мехдале и войны 1973 года она подтвердила это желание. Советник должен был усовершенствовать процесс принятия решений в войне с терроризмом. Нир с его аналитическим умом рьяно взялся координировать работу служб разведки и безопасности.

В качестве модели, которой нужно было следовать, он указывал на попытку палестинских террористов захватить арабское судно, шедшее из Йемена. Обнаружение и сопровождение судна в водах соседних арабских стран являлось прерогативой «Амана». Как только судно приблизилось к территориальным водам Израиля, ответственность перешла к военно-морским силам. Террористы планировали высадиться на пляже в Тель-Авиве, и это требовало участия полиции. Потом они намеревались прорваться в служебный комплекс зданий Кирия и захватить генеральный штаб. Этому должна была не допустить армия. Рядом со штаб-квартирой армии располагался офис министра обороны Рабина. Охрана министра входила в компетенцию «Шин Бет».

Кто-то в правительственной бюрократии должен был позаботиться, чтобы это нападение было сорвано. В данном случае военно-морской флот встретил террористов на подходе к берегу, торпедировал судно и захватил нескольких террористов в плен. Нир старался убедить разведсообщество в том, что успех был обеспечен его мудрым руководством.

Последним доказательством того, что он может стать руководителем разведсообщества — принцем тайного сообщества — стал отказ Нира от его прежней разговорчивости, свойственной журналисту. Ветеран пера стал игнорировать своих коллег в средствах массовой информации.

Когда Нир смог проявить свои координаторские способности на иранском направлении, он почувствовал, что ему выпала редкая возможность создать на базе своей должности новое подразделение разведки. Он нашел духовного собрата в лице Оливера Норта. Оба — Норт и Нир — были подполковниками, оба любили секретность и четкую организацию. Они познакомились в ходе тайных телефонных переговоров, когда израильтяне помогали Соединенным Штатам следить за движением лайнера «Ахилле Лауро», захваченного террористами в октябре 1985 года.

Именно Нир как координатор по контртерроризму информировал американцев о том, что Израиль перехватывает переговоры палестинцев, захвативших судно, с их лидером Абуль Аббасом в Египте. Шеф «Амана» Ехуд Барак, чье агентство прослушивало и записывало переговоры, в интервью американскому телевидению «проиграл» эти пленки с помощью портативного магнитофона.

Уверенный в том, что он пользуется поддержкой «клуба премьеров», Переса, Шамира и Рабина, Нир почувствовал, что может начать строить совместные планы с Нортом по развертыванию всемирного крестового похода против терроризма. Его первым заданием в декабре 1985 года стало оживление иранской операции.

Нир без особого труда завоевал доверие Белого дома — его главным антрепренером в Вашингтоне был Оливер Норт. Однако для того чтобы войти в доверие к иранцам, было недостаточно одного умения «работать локтями» и выкидывать всякого рода «штучки». Одним из таких его трюков была встреча в лондонском казино, преследовавшая две цели: доказать, что «три мушкетера» были отстранены от дел, и продемонстрировать иранцам, что Нир был человеком Переса.

Первоначально Нир планировал использовать визит своего шефа в Лондон в январе 1986 года для встречи с Маргарет Тэтчер и там представить самого Переса Нарту и Горбанифару. Иранец, однако, поставил в известность об этом плане своего старого приятеля Нимроди, а тот в свою очередь информировал Швиммера, который немедленно прилетел в Лондон и потребовал объяснений, почему их поменяли на Нира. Премьер-министр все отрицал, и встреча с Горбанифаром не состоялась.

Тем не менее, чтобы продемонстрировать свою близость к Пересу, Нир обманом заманил старшего адъютанта Переса полковника Азриеля Нево в казино. Там он привлек внимание Горбанифара к фотографии в газете, на которой Нево был изображен стоящим рядом с Пересом. Если Перес был с Нево, а теперь Нево был с Ниром, можно было сделать вывод, что Нир был личным представителем Переса.

В это же время в Лондоне находился Норт, подтвердивший, что Ледин в результате решения, параллельного израильскому, был отстранен от иранских дел. Теперь Норт будет работать с Ниром напрямую. Если Нимроди и компания попытались «перемоссадить» «Моссад», то Нир «перенимродил» Нимроди.

Нир также сумел убедить Белый дом возобновить поставки оружия в Иран. Он даже вместе с Макфарлейном и группой американских разведчиков — все путешествовали по фальшивым ирландским паспортам — в мае 1986 года совершил тайную поездку в Тегеран, которая оказалась не

только совершенно бесполезной, но просто глупой. Пытаясь освободить заложников, они могли сами стать заложниками стражей революции. Нир и американцы дразнили медведя в его собственной берлоге.

В Ливане сторонники Ирана освободили еще двоих заложников: преподобного Лоренса Дженко и Дэвида Джекобсена. В то время как их принимали в Белом доме с обычной рейгановской помпой, оставленные в Иране семена поражения приносили свои плоды. Иранская оппозиция дала в прессу информацию о тайной поездке Макфарлейна — представителя «Шайтана», как в то время в Иране называли Соединенные Штаты Америки, — и Нира в Тегеран. Это убило всякую надежду на успех переговоров об обмене заложников на оружие в 1986 году.

Скандал развивался по своим законам. Тайные и незаконные действия Макфарлейна, Норта и аппарата Совета национальной безопасности стали достоянием гласности, и следы вели в Овальный кабинет. Американская пресса и общественность хотели знать о степени вовлеченности в это дело президента Рейгана. Он санкционировал обмен заложников на оружие? Он разрешил Норту нарушить запрет конгресса на оказание помощи «контрас» путем направления им прибыли от сделок с Ираном через швейцарские банки? Пресса и общественность узнали только, что Рейган доверил эти вопросы своим помощникам, которые и вынуждены были уйти в отставку.

Лишь один человек пережил все вопросы расследования комиссии сенатора Джона Тауэrsa и слушания в комиссиях конгресса. Это был вице-президент Джордж Буш. Отказавшись раскрыть, что он знал, говорил или делал во время иранской аферы, Буш в ноябре 1988 года был избран президентом.

Единственный человек, который мог бы политически навредить Бушу, погиб в авиационной катастрофе через три недели после выборов. Амирам Нир, незадолго до своего 38-летия разбился на самолете «Сесна Т-210», направлявшемся из Мехико Сити в небольшой аэропорт Уруапан. Он потерпел катастрофу из-за плохих метеоусловий в 110 милях от столицы.

За два с половиной года до этого Нир встретил Буша в фешенебельном иерусалимском отеле «Кинг Давид» и ввел

его в курс переговоров с Ираном. Об этом новый президент не собирался рассказывать.

Хаос «Ирангейта» положил конец многообещающей карьере Нира. Он еще полтора года был в аппарате премьер-министра — но лишь как досадная необходимость — и не имел никаких обязанностей. После отставки весной 1988 года он переехал в Лондон и стал вести там довольно замкнутый образ жизни. Никто не знал точно, чем он занимался, но были намеки, что он мог готовить прикрытия для своей новой шпионской миссии.

Мексиканская полиция, обнаружившая тело Нира, сообщила израильтянам, что он арендовал самолет на имя «Пэта Уэбера». Хотя на самом деле это был Нир, и единственное, что могло объяснить его присутствие в Мексике, — это неожиданный интерес к экспорту плодов авокадо.

Амирам Нир унес с собой в могилу в Израиле оставшиеся секреты «Ирангейта».

БИЗНЕС ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ

«Когда мы демонстрировали филиппинцам наш автомат «Галил», — рассказывал еврейский торговец оружием в конце 1982 года, — мы взяли с собой конструктора. Сначала он опустил его в ванну с водой, потом вывалял в земле, а затем начал стрелять. Это произвело на филиппинцев большое впечатление».

Однако филиппинцы не купили автоматы — стандартное израильское стрелковое оружие, сделанное по образцу советского «калашников». Потенциальные покупатели не могли преодолеть созданного арабами стереотипа восприятия еврейского государства как «парии». «Галил» — один из лучших образцов оружия в мире, но попытки расширения его экспорта постоянно наталкиваются на кирпичную стену предубеждений, как это имело место в случае с филиппинцами. В этой связи Израиль вынужден активно искать рынки сбыта и продавать оружие режимам сомнительной репутации — таким как Южная Африка, Иран и диктатуры Южной Америки.

Экспорт вооружений относится к числу приоритетных национальных целей Израиля. Это не только источник валютных поступлений и удобный канал распространения своего влияния за рубежом. Здесь есть более фундаментальные причины. Развитие собственной военной промышленности, по мнению Израиля, является совершенно необходимым для того, чтобы не зависеть от милости своих друзей. Но для того, чтобы эта промышленность была рентабельной, она должна развиваться в определенных пропорциях. Израильская военная промышленность должна производить больше пушек, танков, снарядов, комплектов

военной формы, ракетных катеров и другой сложной техники, чем требуется национальным вооруженным силам. Экспорт позволяет компенсировать расходы на разработку оружия и адекватно финансировать военную промышленность.

В этой связи неудивительно, что израильское разведсообщество активно способствует защите национальных интересов путем рекламы израильского оружия. Работники «Моссада», находящиеся за рубежом в качестве неофициальных послов, так же как и представители «Шин Бет», выступающие в качестве советников по антитерроризму, постоянно подчеркивают превосходные качества израильского оружия. Оружие и другие военные материалы всегда становятся частью комплексных сделок: добрые советы Израиля постоянно сопровождаются испытанным в боях оружием.

Это было достаточно новым явлением, которое стало заметно после войны 1973 года. Прежде экспортом оружия занимался «Сибат» — сокращение на иврите от слов «Сиюа Битчони», что означает «помощь в области безопасности», — небольшой департамент в министерстве обороны в Тель-Авиве. Переговоры в этой сфере велись в обстановке конфиденциальности, и когда оружие поставлялось в страны, не желавшие афишировать свои связи с Израилем, «Сибат» заботился о том, чтобы источник поступления оружия оставался в тайне.

«Сибат» был создан в середине 1960-х годов, после того как мировая пресса разоблачила первую тайную сделку по продаже оружия между Израилем и Южной Африкой. Быть уличенным в связях с расистским режимом Претории для нового еврейского государства, пользовавшегося репутацией последнего убежища для уцелевших жертв Холокоста, — это крупный скандал. Министерство обороны создало специальное подразделение по экспорту оружия, но не для того, чтобы не допускать подобных сделок в дальнейшем, а для того, чтобы успешно их маскировать.

Под флагом «Сибата» тайные внешние связи в области оборонного сотрудничества расцветали. Израильские советники обучали южноафриканские вооруженные силы, как бороться с Африканским национальным конгрессом и партизанами СВАПО в соответствии с тактикой, отработанной в борьбе с палестинцами. Израиль продавал Юж-

ной Африке стрелковое и другое оружие, но еще более охотно продавал лицензии на производство израильского оружия в ЮАР.

«Армскор» и другие южноафриканские компании создали свою собственную версию израильского ракетного катера «Решеф», который, в свою очередь, сам был модификацией тех судов, которые израильтяне увели из Шербурга. Южноафриканский истребитель «Чита» был близким аналогом израильского «Кфира», который, в свою очередь, был построен по чертежам «Миража», добытым «Лакамом». Ракета морского базирования «Скорпион» была неотличима от израильской ракеты «Габриель».

Это сотрудничество в военно-морской области было неожиданно расшифровано в начале 1982 года после ареста Рут и Дитера Герхардов. Последний служил капитаном на стратегической базе Саймонстаун недалеко от Кейптауна. Южноафриканская контрразведка получила от своих западных партнеров сигнал о том, что Герхарды являлись давними агентами советской разведки.

Судебный процесс был закрытым, но часть обвинительного заключения просочилась в прессу. Стало известно, что среди прочих задач Герхард должен был следить за военным сотрудничеством своей страны с Израилем. Как и Джон Хадден в ЦРУ 15 лет назад, Советы зафиксировали признаки того, что Израиль работал над созданием ядерной ракеты, базируемой на подводной лодке. Перед Герхардом было поставлено задание установить, была ли ракета «Скорпион—Габриель» уже оснащена ядерной боеголовкой или это может быть сделано в будущем и даст Израилю возможность применения ядерного оружия морского базирования в дополнение к ракетам наземного базирования и бомбардировочной авиации.

Именно с базы в Саймонстауне в сентябре 1979 года в юго-западном направлении вышла группа с особо секретным заданием. Через несколько дней спутник «Вела» американского Агентства национальной безопасности зафиксировал в Южной Атлантике яркую вспышку, которая имела все признаки ядерного взрыва. Администрация Картера подозревала, что это было испытание южноафриканской ядерной бомбы, созданной, предположительно, при содействии Израиля. По мнению ученых, это было довольно компактное и на удивление «чистое» устройство, кото-

рое практически не давало радиоактивных осадков и в силу этого его было трудно обнаружить после взрыва.

Спустя 10 лет снова появились сообщения о сотрудничестве Израиля с Южной Африкой в области ядерных исследований и создания ракет «Иерихон» класса «земля—земля». В июле 1989 года южноафриканцы объявили об испытании ускорителя для баллистической ракеты. В это же время официальные представители администрации Буша отметили, что, по данным американской разведки, имевшееся на южноафриканском полигоне испытательное оборудование удивительно напоминало аналогичные израильские образцы. Это было дальнейшим расширением программы секретного сотрудничества, которая разрослась в результате первоначальных закупок вооружения, координировавшихся «Сибатом».

Это агентство непосредственно не занималось разведывательной деятельностью, и директор «Сибат» не являлся членом комитета «Вараш». Обычно «Сибат» возглавлял отставной военный, чьи рекомендации имели большой вес в плане альтернативной дипломатии, которой занималось разведсообщество.

«Сибат» периодически использовал посредников, главным образом для того, чтобы скрыть причастность Израиля, однако в случаях открытых межправительственных сделок соответствующие израильские государственные органы полностью контролировали положение. Израиль никогда не продавал оружие «случайно» или без санкции соответствующих властей. Вместе с тем это были очень тонкие операции, как, например, продажа с согласия Соединенных Штатов Индонезии истребителей «Скайхок» из состава ВВС Израиля, когда эта исламская страна, открыто враждебная еврейскому государству, настаивала на абсолютной секретности сделки.

Вплоть до войны Йом киппур ежегодный экспорт оружия оценивался в 50 млн. долларов. Потом отечественная промышленность Израиля повысила темпы производства и экспорт оружия перешел в следующую фазу. Израильские посредники стали проявлять инициативу, активно ведя поиск покупателей и открывая для «Сибата» и военно-промышленного комплекса новые возможности. За 15 лет израильский экспорт оружия вырос до 1 млрд. долларов в год, хотя эта цифра официально никогда не публиковалась.

Это были «золотые дни» для Яаакова Нимроди, который являлся главным посредником в продаже оружия Ирану. Когда в 1979 году приход к власти аятоллы Хомейни закрыл этот канал, Израиль стал искать новые возможности и при помощи Шауля Айзенберга открыл Китай.

Самый богатый израильский бизнесмен Айзенберг родился в Европе и во время второй мировой войны нашел убежище на Дальнем Востоке. Он обосновался в Японии, женился на японке и сделал свое состояние на торговле металлоломом и военным имуществом.

Айзенберг быстро стал одним из ведущих посредников в регионе, никогда, однако, не забывая о своем еврейском происхождении. Он вел бизнес в Израиле, а потом переехал туда с семьей на жительство. Он сохранял свои интересы на Дальнем Востоке и в конце 1970-х годов сумел проложить дорогу в Пекин израильскому военному экспорту.

Его наиболее действенным инструментом был частный реактивный авиалайнер, на котором он, игнорируя официальную враждебность, существующую между двумя странами, мог привозить в Китай высокопоставленных израильских деятелей. Айзенберг совершил десятки таких перелетов, привозя в Китай чиновников «Сибата», военных советников, финансистов и торговцев оружием для переговоров, которые израильтяне называли самыми трудными из всех, какие им когда-либо приходилось вести.

После установления первоначальных контактов Айзенберг оставлял координацию тайных сделок и поставок «Моссаду», который действовал в своей традиционной роли альтернативного министерства иностранных дел. Ему также доставались увесистые комиссионные — как от «Сибата», так и от правительственных контрагентов, которые осуществляли фактические продажи. По имеющимся оценкам, израильский экспорт оружия в 1980-х годах составил 3 млрд. долларов.

Стремительный рост военной промышленности позволил Израилю перейти к третьей фазе. Израильские посредники стали не только стучаться в двери, но и активно тащить туда свое правительство. Произошло изменение принципиального порядка: посредники попытались диктовать Израилю его внешнюю политику, исходя из их финансовых интересов. Поведение Нимроди в «Ирангейте» уже не было чем-то уникальным.

В Израиле появился целый класс представителей «Моссада», «Шин Бет», старших офицеров и ветеранов вооруженных сил, которые убеждали свою страну продавать, а иностранцев покупать. Эти бывшие военнослужащие и сотрудники разведки образуют определенную сеть в обществе — их так и называют «бывшие». Они так же эгоистичны и так же связаны круговой порукой, как члены любой аристократии. У них может быть разное происхождение и образование, они могут отличаться стилем жизни, но у них есть общее стремление: делать бизнес любой ценой.

Обстановка способствовала тому, что эти люди ставили собственную прибыль превыше всего. На рубеже 1970-х и 1980-х годов израильское общество претерпело серьезные изменения. Отчасти это было вызвано усталостью от многочисленных войн. Эгоизм и материализм пришли на смену идеализму и духу пионеров-первопроходцев первой четверти века, когда люди стеснялись говорить о деньгах и тех, кто был настроен на «делание денег», считали «грубыми». Получение выгоды от каких-то сделок вызывало почти осуждение. Однако в сегодняшнем Израиле возобладали дух «золотого тельца», перед которым большая часть общества — включая сотрудников разведки — преклоняет колени.

«Бывшие» обнаруживают, что их карьеры заканчиваются рано, а пенсия не превышает 12 тыс. долларов в год, полагающихся любому мелкому гражданскому служащему. Они понимают, что у них почти нет никаких способностей, которые они могли бы продать на свободном рынке, а работая с гораздо большей интенсивностью, чем их зарубежные коллеги, они особенно завидуют агентам ЦРУ с их приличной зарплатой и щедрой пенсией. Впрочем, такое же сравнение может быть сделано для профессионалов в любой сфере Израиля, известного своими низкими заработками.

Как только эти люди оставляют службу в армии или разведке, а иногда еще раньше, они начинают искать полезные связи, которые помогут им обеспечить приличное — часто очень приличное — существование в частной жизни.

Некоторые из них — настоящие герои. Другие вызывают у вас желание навести о них справки у их бывших работодателей. Они эксплуатируют репутацию, которую

Израиль создал себе в сфере антитерроризма, военного дела, обеспечения безопасности авиалиний и корпораций и личной охраны.

Такие страны, как Иран, когда был в состоянии войны с Ираком, а также некоторые латиноамериканские хунты были убеждены, что Израиль может поставить им все что угодно. Израиль действительно продавал целые системы оружия в Южную Африку и лицензировал тамошние компании для производства израильских истребителей «Кфир» под названием «Чита» так же, как и ракетные катера «Решев» и противокорабельные ракеты «Габриель», но только под другими названиями.

Частные израильские торговцы оружием нередко использовали правительство для преодоления политических барьеров, даже когда эти барьеры воздвигались основным покровителем Израиля — Соединенными Штатами. Так, вопреки запрету Вашингтона Израиль разрешил бывшему официальному дилеру Норману Школьнику продать дюжину американских истребителей «Скайхок» аргентинскому флоту. Это была весна 1982 года, и Великобритания только что отправила свою эскадру с задачей вернуть Фолклендские острова. Администрация Рейгана наложила эмбарго на поставку оружия Аргентине и потребовала от Израиля аннулировать сделку Школьника. Продажа самолетов не состоялась, но американские власти еще долго с подозрением относились к «Сибату» и «частным» израильским торговцам оружием.

С другой стороны, некоторые частные брокеры, приезжавшие из Израиля, явно блефовали, когда пытались создать впечатление, что они выступают от имени своего правительства. Именно такое впечатление всемогущества пытался произвести отставной бригадный генерал Аврахам Бар-Ам.

Бар-Ам уволился из армии в 1978 году после 30 лет службы. Он подвергался взысканиям за передачу оружия лицам, которые, как утверждалось, были связаны с криминальным миром. Безработный ветеран увидел, как хорошо устроились в частном бизнесе некоторые его старые друзья.

Бывшие старшие офицеры ВВС, включая его командира в войне 1967 года генерал-майора Мордехая Хода, создали торговые фирмы, которые представляли крупных израильских и американских производителей. Офицеры, имевшие дело с этими корпорациями в процессе своей

военной службы, после ухода в отставку продолжали поддерживать с ними отношения, но уже в интересах частного бизнеса. На Бар-Ама произвело особое впечатление то, как Нимроди сумел нажиться на сделках с Ираном, и он решил, что тоже сможет преуспеть на этом поприще.

В числе почти тысячи других офицеров Бар-Ам получил то, что выглядело как вполне рутинный документ министерства обороны, которым его предьявитель уполномочивался искать возможности для экспорта израильского оружия. В «мандате», однако, было специально оговорено, что он не уполномочен вести конкретные переговоры.

В конце апреля 1986 года генерал Бар-Ам, два израильских бизнесмена и еще 14 человек были арестованы американской таможенной службой. Этот арест явился итогом продолжавшейся четыре месяца оперативной разработки, в ходе которой иранский торговец оружием Сайрус Хашеми, в прошлом году посетивший Израиль в первом акте «ирангейтской» драмы, выступал в качестве осведомителя американских властей. Всем 17-ти было предьявлено обвинение в заговоре с целью продажи в Иран истребителей «Фантом», танков, ракет и другого современного оружия.

Список оружия, которое планировалось закупить, давал основание предполагать у покупателей наличие мегаломании. И было просто трудно рассчитывать, что Бар-Ам и его коллеги смогут получить и поставить в Иран такое количество оружия. Хашеми, однако, вместе с Нимроди ездил в Израиль. Он также в 1985 году встречался с директором ЦРУ Уильямом Колби, которому предлагал огромную сделку по схеме «оружие—заложники», и сумел убедить Бар-Ама, что все заинтересованные правительства будут приветствовать эту сделку.

Подлинные мотивы Хашеми были неясны, это стало особенно заметно после того, как американская таможенная служба с его помощью отправила за решетку его товарищей. Даже Белый дом был в недоумении. В разговоре с Рейганом в ноябре 1986 года его советники открыто высказывали предположения, что Израиль мог быть причастен к сделке, которую продвигала группировка Бар-Ама. В ходе этой встречи вице-президент Джордж Буш спросил: «Это частная инициатива или же легальная попытка продать оружие Израилю?»

Один из помощников, имя которого не было указано в стенограмме беседы, заметил, что это, «вероятно, частная инициатива, предпринятая с ведома правительства».

Буш высказал опасение, что аресты могут иметь неблагоприятные последствия и «Израиль попытается оказать на нас нажим».

Израиль энергично отрицал свою причастность к этому инциденту, но Бар-Ам после своего ареста позвонил израильскому военному атташе в Вашингтоне и попросил, чтобы его друзья в «Моссаде» проверили всех участников этой сделки.

К 1988 году на фоне «Ирангейта» и предания гласности сведений о том, что американцы продавали оружие режиму аятолл, уголовное дело против Бар-Ама было прекращено. Он был одним из тех ветеранов вооруженных сил и разведки, которые в период своей официальной службы являлись безусловными патриотами, но были готовы игнорировать официальные интересы Израиля, когда их собственное благополучие зависело от реалий рыночного спроса и предложения. Когда открывалась возможность продать какие-то джипы, винтовки, минометы, боеприпасы, запасные части и всякую дребедень, которая и так не была нужна Израилю, эти частные предприниматели не испытывали никаких колебаний. Они даже не спрашивали Иерусалим, нет ли у него каких-либо возражений.

В 1989 году «Сибат» заявил, что ужесточает контроль за экспортом оружия, требуя от всех, кто этим занимался, получать разрешение на каждую гайку и каждую пулю. Однако многих частных предпринимателей это нисколько не беспокоило. В мире тайных операций эти люди твердо усвоили истину о том, что многие операции не стоит проводить в силу того, что в случае провала последствия будут крайне негативными. Однако став частными бизнесменами, они перестали обращать внимание на такие тонкости. Когда они делали ошибки, вина возлагалась на еврейское государство.

Хуже того, многие ветераны разведки считали, что все, что они делают, отвечает национальным интересам Израиля. Эта самоуверенность порой просто поражала, а «серые зоны», в которых они действовали, всех ослепляли. Они лоббировали в пользу каких-то политических мер, потому что эти меры могли принести пользу Израилю? Или это было просто предлогом, а их главной заботой являлось благополучие их банковских счетов?

Иногда Израиль оказывался втянутым в сделки с самыми омерзительными режимами, существовавшими в мире. Ветеран разведки мог пайти клиента, скажем, в лице африканского диктатора Уганды Иди Амина или Мобуту из

Заира, и вслед за ним там появлялись его коллеги-отставники, которые начинали обучать персонал служб безопасности этих стран.

Министерство обороны в Тель-Авиве в целом это одобряло, хотя по частным каналам сведения о выгодных сделках в сфере экспорта оружия, организованных «бывшими», часто утекали в прессу. Это неизбежно подкрепляло имидж Израиля как государства-парии, имевшего дела с другими «неприкасаемыми».

Одним из отставников разведки, имевшим высокопоставленных покровителей, был Майк Харари, бывший сотрудник «Моссада», участник акции возмездия в отношении арабов, совершивших в 1972 году террористический акт в Олимпийской деревне Мюнхена. Харари родился в 1927 году в Тель-Авиве в семье служащего таможи. Его карьера была типичной для сотрудников разведки того поколения. Он служил в «Палмах» и «Шай», а после создания еврейского государства пришел на работу в разведку.

В 1950-х годах Харари работал в «Шин Бет» в качестве офицера безопасности министерства иностранных дел, а следующие 20 лет провел в анонимных недрах «Моссада». Он всегда был оперработником, выполнял специальные задания и пользовался репутацией исключительно скрупулезного человека. В 1972—1973 годах вплоть до фиаско в Лиллехаммере он возглавлял группы боевиков, которые вели охоту за палестинскими террористами в Западной Европе. Только Харари, его подружке Тамар, которая являлась его помощницей, и двум боевикам удалось бежать из Норвегии. Другие члены этой бригады убийц были арестованы.

Несмотря на причастность к самому скандальному провалу в истории израильской разведки, Харари сумел удержаться в «Моссаде». В 1970-х годах в Израиле даже после скандала в Лиллехаммере никто не смел открыто критиковать спецслужбы, требовать расследования или увольнения виновных.

Ветеран-оперативник получил новое назначение подальше от штаб-квартиры. Он стал резидентом в Мехико, где имелась одна из самых крупных резидентур израильской разведки. В задачу резидентуры входило наблюдение за палестинцами в Западной полушарии и продвижение на рынок израильского оружия. Совершая поездки по странам Латинской Америки, Харари приобрел много богатых и влиятельных друзей. Среди них были панамский диктатор генерал Омар Торрихос и начальник военной разведки гене-

рал Мануэль Нориега. Харари познакомился с Торрихосом в 1978 году во время одной из поездок по делам «Моссада». Их познакомил проживавший в Панаме член большой и процветающей еврейской общины. Харари даже попросили уладить конфликт между диктатором и его еврейским тестем.

Прослужив более 30 лет своей стране, Харари в 1980 году стал частным лицом. Он начал новую карьеру в сфере страховой деятельности, но позже стал делить свое время между Израилем и Центральной Америкой.

В то время «Моссад» был еще достаточно влиятелен, чтобы поделить мир на «княжества» для особо именитых своих «бывших». Даже в тех странах, где Израиль имел свои посольства, многие реальные вопросы решались через бывших оперативных работников разведки. Панама была отда-на Майку Харари. Из разведки никогда не уходят насовсем. Старые кадры всегда остаются в ее распоряжении.

Панамские лидеры, которые всегда были склонны играть «и нашим и вашим», имели прочные связи с Соединенными Штатами, но в то же время поддерживали хорошие отношения с Фиделем Кастро. Кубинский революционер был активным сторонником палестинцев и вообще радикалов по всему миру, что делало его фигурой достаточно интересной для израильской разведки. Через Харари и его панамских друзей Израиль получал сведения о связях кубинцев с палестинцами. Когда Торрихос в 1981 году погиб в загадочной авиакатастрофе, Нориега унаследовал от него страну и дружбу с Харари. Новый панамский диктатор давно сотрудничал с ЦРУ, но в последнее время вызывал гнев американцев своей причастностью к контрабанде наркотиков из Южной Америки в США.

Харари тем временем стал правой рукой Нориеги. Израильтянин убедил генерала освободить магната Шауля Айзенберга от должности почетного консула Панамы в Тель-Авиве. Разумеется, этот пост достался самому Харари.

Он нанял себе израильскую охрану и стал заниматься подготовкой личной охраны Нориеги. Дом генерала в Панама-Сити охранялся по классической израильской схеме: колючая проволока и электронные датчики по всему периметру. Харари помог Нориеге организовать силы обороны Панамы, которые даже копировали аналогичное название вооруженных сил Израиля. Через Харари Израиль также продавал оружие Национальной гвардии Панамы. Вскоре все коммерческие сделки между Израилем и Панамой, а не

только продажа оружия, стали проходить через руки Харари, оставляя ему комиссионные.

Харари никогда не делал публичных заявлений и вообще не любил, когда пресса упоминала его имя. Его фотография только дважды появилась в израильской прессе, когда он в 1985 году сопровождал Нориегу во время официального визита в Израиль. Третья попытка сфотографировать его окончилась неудачей. Это было в июне 1988 года во время большого приема в саду в пригороде Савьона в честь одного профессора по поводу публикации его новой книги.

Заметив Харари среди гостей, одна молодая израильская девушка-фоторепортер нацелила на него фотокамеру. Харари встал со своего места, подошел к фотографу и вежливо потребовал, чтобы она отдала ему экспонированную пленку. Он обещал ей вернуть через день-два проявленную пленку, за исключением тех кадров, на которых изображен он сам.

Когда девушка отказалась, он вырвал у нее камеру, засветил пленку и поджег ее на глазах изумленных гостей. «Никто не смеет фотографировать Майка Харари», заявил он и как ни в чем не бывало продолжал развлекаться с гостями.

Грань между национальными интересами и личной алчностью становилась все более размытой, кругом плавали огромные суммы денег, которые можно было хватать голыми руками. В Соединенных Штатах, после того как в 1988 году Нориега был назван в качестве обвиняемого по делу о контрабанде, пошли слухи о каком-то таинственном израильянине, который помогал генералу. И когда американская армия в декабре 1989 года вторглась в Панаму и свергла Нориегу, газеты задавались вопросом о том, что стало с его фаворитом-израильянином.

Как это характерно для всех разведчиков, действия Харари в период американского вторжения были противоречивы и полны дезинформации. Американский дипломат в Панама-Сити заявил репортерам, что бывший сотрудник «Моссада» пытался бежать и был арестован, но позже эти сведения были опровергнуты со ссылкой на ошибку в опознании. Согласно другому сообщению, Харари был гостем в доме Нориеги, который проводил ночь со своей любовницей, когда в дом пришли два таинственных израильянина и предупредили о предстоящем вторжении американцев. Вся троица вроде бы скрылась на автомобиле за шесть часов до высадки американских парашютистов.

С другой стороны, американские официальные лица указывали, что им нужен был только Нориега и у них не было ордера на арест Харари. В ходе судебного процесса над Нориегой в Майами имя Харари не фигурировало.

Неуловимый Харари вскоре объявился в Израиле, дал свое первое в жизни интервью, но не пролил света на 10 лет, проведенные им в Панаме. Своим на удивление высоким и тонким голосом бывший офицер «Моссада» пожаловался на то, что он может стать жертвой палестинских убийц.

«Они говорят, что я ликвидировал людей, — жаловался Харари. — Разве они не понимают, что это звучит для меня смертным приговором? Что я такого сделал прессе?»

В период своей частной жизни Харари помог Израилю выйти на многих нужных людей. И вряд ли это простое совпадение, что рьяный слуга Рейгана подполковник Оливер Норт сделал ставку на своих иностранных друзей в Израиле, а также на Нориегу, чтобы обойти запрет конгресса на поставку оружия никарагуанским антикоммунистам.

После ухода Рейгана, осуждения Оливера Норта за нарушение целого ряда американских законов в ходе «Ирангейта», а Нориеги — за контрабанду наркотиков в Израиле почувствовали, что старый шпион Харари стал для своей страны чем-то малоприятным.

Наиболее логическое объяснение, однако, заключается в том, что на самом деле Харари не был заодно с Нориегой, по крайней мере в тот момент, когда американцы твердо решили убрать этого диктатора. Вполне вероятно, что «Моссад» придерживался иной точки зрения и упрямо цеплялся за Нориегу. Он был дружественно настроен к Израилю и хорошо относился к еврейской общине в Панаме, но не был так уж ценен. В той сфере, где деловой расчет всегда преобладает над чувствами, ЦРУ имело помощь от «Моссада», который, естественно, использовал своего верного ветерана Харари.

Таким образом, в то время как Нориега сидел в тюрьме Майами по обвинению в контрабанде наркотиков, американцы позволили израильской разведке организовать выезд Харари из Панамы и его возвращение домой так, что пограничные службы обеих стран не зафиксировали ни выезда, ни въезда «г-на Харари».

Пессаха Бен-Ора тоже все будут считать «израильским агентом», хотя он был всего-навсего молодым «бывшим»

израильским сержантом, который старался заработать деньги и представлял собой второй тип израильского торговца оружием. Бен-Ор не обладал сколько-нибудь значительным военным опытом и не имел связей с «бывшими» в политических или военных кругах.

Родившийся в 1948 году в Лоде Пессах Шпиглер был с детских лет весьма амбициозным парнем. После прохождения обязательной военной службы он поступил в корпорацию «Израэль эйркрафт индастриз», где уже работал его отец. Там он познакомился с Маркусом Катцем, еврейским торговцем оружием и посредником из Мехико, где тот представлял интересы «Израэль эйркрафт индастриз» в Латинской Америке.

Шпиглер (Бен-Ор) переехал в Мексику, стал шофером и телохранителем Катца. Молодой израильтянин быстро постиг все хитрости торговли оружием. Бен-Ор ждал своего момента, и он представился в 1980 году, когда Соединенные Штаты наложили эмбарго на поставки оружия в Гватемалу. Гватемальский режим также поссорился с Катцем, и Бен-Ор, энергично работая локтями, оттеснил своего бывшего работодателя в сторону и стал главным поставщиком оружия самой жестокой хунте в регионе. Продавая оружие правительству, грубо нарушавшему права человека, он стал миллионером.

Бен-Ор купил себе роскошный дом в израильском пригороде, который выглядел как крепость, и вложил свои деньги в сеть ресторанов. Его имя упоминалось в связи с некоторыми сделками по продаже оружия в Латинской Америке, в том числе никарагуанским «контрас».

Помимо резидентуры «Моссада» в Мехико, являющейся важным опорным пунктом израильской разведки и базой для всякого рода «бывших», Израиль также имеет крупные резидентуры в Рио-де-Жанейро и Буэнос-Айресе. «Моссад» наблюдает за безопасностью местных еврейских общин и отслеживает сотрудничество этих стран с арабским миром. В 1981 году израильские источники обвиняли Бразилию в том, что она сотрудничает в ядерной области с Ираком, и они сделали все возможное для того, чтобы в 1988 году убедить Аргентину отказаться от участия в совместном иракско-египетском проекте создания новой ракеты «земля—земля» под названием «Кондор».

Израильское разведсообщество чувствует себя в Латинской Америке более свободно, чем в какой-либо другой

части мира, в том что касается предоставления возможностей «бывшим» работать на иностранные правительства и частные группы. Большинство режимов в регионе чувствуют угрозу со стороны своих соседей и внутренней оппозиции. Короче говоря, они хотят вооружаться до зубов. Для израильских торговцев оружием возможности наживы в этом регионе выглядят необычайно привлекательно.

Некоторые правительства использовали израильских консультантов в вопросах безопасности, и эти консультанты, по утверждениям активистов защиты прав человека, давали «грязные» советы о том, как лучше подавлять политических оппонентов. Официальная политика Израиля в отношении гражданских конфликтов в Центральной и Южной Америке чаще всего остается нечеткой, но считается установленным фактом, что «бывшие» в ряде случаев осуществляли подготовку «контрповстанческих» подразделений в этих странах.

Гватемала, Сальвадор и досандинистская Никарагуа — все с энтузиазмом обратились к Израилю за военными «товарами», после того как США в ответ на нарушения прав человека уменьшили свою военную помощь этим странам. Циркулируют постоянные слухи, что США тайно оплачивают часть поставляемой Израилем помощи, поддерживая таким образом антикоммунистические режимы в Латинской Америке сверх пределов, установленных конгрессом. Некоторые лидеры «контрас» заявляли, что они получали оружие от Израиля, в том числе захваченное у ООП.

Среди наиболее «горячих» предметов экспортной номенклатуры Израиля, поставляемой секретным службам наиболее жестоких режимов, были компьютеры. Частные предприниматели с экспортными лицензиями «Сибат» предоставляли этим странам программы для учета и розыска партизан и электронные подслушивающие устройства, созданные на основе образцов «Шин Бет».

Израильские «бывшие» работали инструкторами в полицейских и военных подразделениях Гватемалы, Гондураса, Сальвадора и Колумбии, и «жирные» контракты, которые они там получали, ставили Израиль в неловкое положение. Так, подполковник Яир Кляйн, офицер запаса, командовавший антитеррористическим парашютным подразделением в Израиле, открыл свою собственную фирму по предоставлению услуг в области безопасности под названием «Ход хе-Ханит» («Клин»). В августе 1989 года по

телевидению была показана видеозапись Кляйна и других израильтян, занятых подготовкой вооруженных отрядов колумбийцев, в которых опознали наемных убийц медельинского кокаинового картеля.

44-летний Кляйн бежал из Колумбии, прежде чем израильские власти успели выдать ордер на его арест за деятельность, которая, как он утверждал, была разрешена соответствующими властями. «Клин» имел экспортную лицензию от «Сибат», однако израильские власти утверждали, что лицензия касалась только контрактов с правительствами, а не с криминальными милицейскими группами. Кляйн, со своей стороны, заявлял: «Я тренировал фермеров, которые защищали себя от террористических организаций, в первую очередь от группировки М-19, которая хочет превратить Колумбию в Кубу или Никарагуа».

Огласка этой связи с наркодельцами сильно компрометировала Израиль. Были отданы новые распоряжения «Сибет» усилить контроль за выдачей лицензий на торговлю оружием и предоставлением израильскими гражданами услуг военного характера.

Ситуация выглядела так, что Израиль заключал секретные сделки практически везде. Посетитель, оказавшийся у одного из «бывших», например, в Европе, мог застать у него богатого саудовца или представителя какой-то другой арабской страны, который, удобно расположившись в кресле, с выпивкой и шутками мог вести с израильтянином деловые переговоры. В Африке, Азии или Латинской Америке эти частные предприниматели порочили имя Израиля и создавали плохую репутацию его вооруженным силам и разведывательным службам. Порой это выглядело так, что почти любая неприятность или какое-то непонятное событие в мире относилось прессой и даже министерствами иностранных дел на счет израильских спецслужб.

В судах по всему миру слова «израильская разведка» или «Моссад» часто использовались в оправдание обвиняемых, как будто судьи могли оправдать все, если будет установлено, что преступник работал на Израиль. Репутация израильского разведсообщества была сильно «подмочена» торговцами оружием, наркодельцами и похитителями людей в ряде судебных процессов от островов Карибского бассейна до европейских столиц.

Одно из таких дел возникло в Великобритании, когда служащие гаможни обратили внимание на очень нервни-

чавших служащих нигерийского посольства. В аэропорту Стенстед, к северу от Лондона, нигерийцы готовились погрузить в самолет авиакомпания «Найджириен эйруэйз» два больших деревянных ящика. Британским служащим были хорошо знакомы обычные мешки с нигерийской дипломатической почтой. Эти ящики показались им довольно странными, а от одного исходил запах больницы.

Чиновники спросили, что находится в ящиках, но нигерийцы отказались ответить, ссылаясь на дипломатический иммунитет. Не обращая внимания на протесты, британцы молотками и ломиками вскрыли ящики.

В одном ящике оказались два потных — было 5 июля 1984 г. — белых человека, которые выглядели виноватыми и не оказали никакого сопротивления арестовавшим их полицейским. В другом ящике тоже находился белый мужчина, который немедленно заявил, что он врач, и темнокожий человек в костюме, в руку которого был введен внутривенный зонд с капельницей. Темнокожий мужчина был без сознания и лежал свернувшись на дне ящика.

Так провалился довольно сложный заговор с целью похищения, который стал известен как «дело Дикко». Жертвой оказался Умару Дикко, бывший министр Нигерии, который после произошедшего в стране военного переворота находился в розыске. Новый режим утверждал, что Дикко бежал в Лондон, прихватив с собой миллионы долларов государственных средств. Нигерийцы хотели вернуть его в Лагос и предать суду. Они нашли трех израильтян, которые были готовы сделать эту грязную работу.

Организатор этой акции Александр Барак в тот день находился в ящике вместе со своим сообщником Феликсом Абугублем — оба вышли из израильской криминальной среды. Они покинули Израиль в начале 1980-х годов, и следы их затерялись.

Третьим человеком был доктор Лев Шапира, советский еврей, переехавший в Израиль и получивший репутацию отличного анестезиолога в небольшом госпитале около Тель-Авива. Он делил второй ящик с Дикко и вводил ему снотворное.

После ареста все трое израильтян повторили дежурное объяснение, что они делали это в интересах Израиля. Их английский адвокат заявил, что они исполняли приказ «Моссада». Израильское правительство полностью опровергло эти утверждения.

Даже после того, как израильтяне были осуждены и приговорены к тюремному заключению сроком от 10 до 14 лет, вокруг дела Дикко оставался какой-то ореол таинственности. Было очень мало достоверно установленных фактов. Операцией руководила нигерийская служба безопасности из своего посольства в Лондоне. Нигерийцы наделали уйму дилетантских ошибок, например они представили шайку похитителей своему послу. Однако задержанные израильтяне были опытны и действовали вполне профессионально, так же как и двое других израильтян, захвативших Дикко у собственного дома и увезших его в автофургоне, на котором удалось бежать из страны.

Были выявлены некоторые связи похитителей с еврейскими и израильскими бизнесменами, имевшими хорошие контакты с израильской разведкой и после переворота 1983 года потерявшими в Нигерии крупные капиталы. На кого работала эта пятерка израильских похитителей? На бизнесменов? На нигерийское правительство? На «Моссад»? На израильское министерство иностранных дел? Можно с уверенностью утверждать лишь одно: если бы операция увенчалась успехом и ящик с Дикко не был вскрыт до прибытия в Лагос, нигерийское правительство оказалось бы в большом долгу перед кем-то в Израиле — перед пятью похитителями или перед какой-то более значительной силой, которая за ними стояла.

Помимо ущерба, причиняемого имиджу Израиля, возможно, еще больший вред наносился утечкой за границу его важных секретов, в том числе и к его врагам.

Возможно, Израилю было просто нельзя избежать нарушения режима секретности в деле Ульриха Вегенера, офицера западногерманской полиции, создателя контртеррористического подразделения GSG-9. Вегенер и его люди стали знаменитыми 17 октября 1979 г., когда они в столице Сомали Могадишо штурмом взяли захваченный террористами самолет компании «Люфтганза» и освободили 90 пассажиров и экипаж. В ходе операции с применением шумовых гранат и автоматического оружия трое террористов из смешанной германско-арабской группы были убиты и один ранен. Немецкий спецназ использовал тактику, впервые примененную израильскими «сайерет» в 1972 году при штурме самолета компании «Сабена».

В этом не было ничего удивительного. Вегенер прошел специальную контртеррористическую подготовку в Израиле и многому научился у своих израильских учителей. Однако в июне 1988 года Вегенер вместе со своими профессиональными секретами уехал в Саудовскую Аравию и стал обучать там местный спецназ.

Израиль не мог предотвратить выезд Вегенера в Саудовскую Аравию, все еще официально находившуюся в состоянии войны с еврейским государством. Но что Израиль мог поделаться с сотрудниками своих собственных специальных служб, такими, как, например, Данни Иссакаров и Ицхак Иефет?

Иссакаров был старшим офицером, отвечавшим за безопасность израильской авиакомпании «Эль-Аль». Уволившись с правительственной службы, по примеру многих других «бывших» из числа сотрудников спецслужб он создал свою собственную консультационную фирму, специализирующуюся в области обеспечения безопасности и антитерроризма. Вы хотите обеспечить безопасность своего офиса? Вашего дома? Вашего аэропорта? Вызывайте израильтян. Иссакаров и его коллеги получили несколько весьма прибыльных контрактов, и то, что он раньше делал для «Эль-Аль», теперь стал делать для «Америкэн эйрлайнз».

Иефет тоже был главным офицером безопасности «Эль-Аль», и после ухода в отставку он из своей шикарной квартиры в Нью-Джерси с видом на Манхэттен стал управлять целой международной империей в сфере безопасности. Иссакаров, Иефет и десятки других «бывших» вызывают недовольство их прежних работодателей, но они смеются над этим и превыше всего ценят свой банковский счет.

Когда-то символом молодого Израиля был кибутцник — счастливый работник в шортах и простой шляпе, образ которого был отпечатан на всех экспортировавшихся Израилем товарах. Теперь новым символом Израиля в глазах международного сообщества стали торговцы оружием и другие «бывшие».

Утечка секретов, поток информации и присутствие сотен такого рода израильских свободных предпринимателей на всех пяти континентах стали частью общего падения стандартов и ценностей израильского общества. Самая низкая точка была достигнута с появлением предателя из наиболее секретных сфер еврейского государства.

АТОМНЫЙ ПРЕДАТЕЛЬ

Худощавый и преждевременно лысеющий человек прогуливался по Лестер-сквер в центре Лондона, разглядывая неоновые вывески и анонсы кинотеатров. Была среда, 24 сентября 1986 г., и, несмотря на обуревавший его страх, он надеялся, что следующая неделя будет для него лучше предыдущей.

Мордехай Вануну почти 10 лет проработал в качестве технического специалиста на совершенно секретном ядерном объекте Димона в пустыне Негев. Он знал, что этот центр делал атомные бомбы и Израиль уже накопил большой арсенал ядерного оружия, о чем Вануну рассказал одной из британских газет, и скоро об этом будут знать все. Глядя на гулявших по площади людей, он думал, как изменится их жизнь, после того как они узнают страшную правду, что следующая ближневосточная война может привести к концу света.

Около входа в одну из дискотек он заметил высокую и несколько полноватую девушку с чувственными губами. Их взгляды встретились. Соскучившись по женскому обществу, он проявил к ней интерес и сделал первый шаг.

32-летний холостяк Вануну представился как «Морди». Так, по его словам, его звали друзья в Австралии, но в Израиле он был Мордехаем. Она была американкой, и ее звали Синди. В этот век раскрепощенных женщин она путешествовала одна. В тот вечер Вануну с удовольствием гулял и разговаривал с ней.

Вануну думал, что раз Синди так легко пошла на контакт, она может заинтересоваться и сексом. Но в тот вечер этот вопрос не возникал и они расстались. Вануну дал ей

свой номер телефона в отеле, и они условились вскоре встретиться снова.

Вануну родился в Марокко в 1954 году в еврейской семье, где было семеро детей. В начале 1960-х годов семья выехала из Марракеша в Израиль с тайным потоком эмигрантов, организованным «Моссадом». Семья поселилась в трущобном районе Бесршеба, местечке, история которого восходит к библейским временам Авраама, но теперь превратившемся в пыльный городишко посреди пустыни. Отец Вануну Салумон старался заработать на жизнь, продавая предметы религиозного культа на местном рынке, где торговало и постоянно общалось между собой население, состоявшее из евреев и арабов-бедуинов.

Вануну служил в армии в обычных инженерных частях и дослужился до капрала. Он какое-то время обучался на физическом факультете университета Тель-Авива, но был отчислен за неуспеваемость. В 1975 году он прочел в газете объявление о наборе «учеников техника» в «Камаг», как на иврите сокращенно назывался Центр ядерных исследований в Димоне.

Сначала с ним беседовали офицеры безопасности центра, работавшие в тесном контакте с «Шин Бет». Его спрашивали об отношении к алкоголю и наркотикам, о правонарушениях и политических взглядах. В ноябре 1976 года он был принят на работу и направлен на ускоренные курсы физики, химии, математики и английского языка.

Через два месяца он вместе с 39 слушателями из 45 сдал экзамены и в начале февраля в первый раз на служебном автобусе отправился из Беершебы в Димону. Там он дал подписку о неразглашении секретов, в которой содержалась ссылка на то, что за нарушение этого обязательства, в том числе за разглашение секретов своим коллегам по работе, он может получить до 15 лет тюрьмы.

Последовал новый краткий курс ядерной физики и химии, включавший отдельные лекции по плутонию и урану, с которыми предстояло работать молодым специалистам. Вануну вместе со всеми прошел медицинский осмотр, получил пропуск в режимную зону и 10-дневный срок для ознакомления с объектом и существующими там порядками.

Вануну быстро понял, что он стал особым членом общества, несмотря на то, что никому не мог об этом расска-

зять. Как раз в это время его призвали на месячные военные сборы, но как только в армии узнали, что он работает на каком-то оборонном объекте, его немедленно освободили от службы.

Затем последовал еще один устный тест, который проводила комиссия из трех человек, и наконец 7 августа 1977 г. он впервые официально заступил на смену. Он получил должность «менахель мишмерет», или начальника смены, работавшей с 11.30 ночи до 8 утра.

Вануну мог бы, как все другие работники, навсегда остаться в неизвестности и добросовестно трудиться в секретной зоне Димоны. Но неожиданные изменения настроили его на другой путь. Прежде всего он оторвался от своих религиозных корней. Воспитанный в ортодоксальной еврейской семье, Вануну стал вполне светским человеком и порвал все отношения с семьей.

Вторая серьезная перемена в нем произошла после кровавого вторжения Израиля в Ливан в 1982 году. Когда-то он, как и все марокканские иммигранты, был ярким сионистом, поддерживал Менахема Бегина и «Ликуд» и считал, что к арабам надо подходить жестко, но потом его взгляды обратились в другую сторону.

Он стал активным участником левацких групп, существовавших вокруг университета Беершебы, поступил на философский факультет университета и приобрел друзей из числа арабов. «Но даже среди нас, университетских леваков, он был исключением, — вспоминает доктор Зеев Тзахор, политический активист и преподаватель истории университета Беершебы. — Он производил впечатление человека, перенесшего большую утрату».

Вануну также оказался весьма эксцентричным человеком. Сохранились сделанные его товарищами фотографии Вануну, показывающего стриптиз под музыку. Он также позировал студентам в обнаженном виде. На более серьезном уровне он участвовал вместе с палестинцами в различных акциях протеста. Университетская газета цитировала призыв Вануну: «Прекратить угнетение арабов!».

Вся эта активность Вануну должна была привлечь внимание «Шин Бет», ведущей наблюдение за группировками, которые считаются подрывными. Если бы правая рука израильского агентства внутренней безопасности знала, что делала левая, то Вануну не признали бы подходящим кандидатом для работы в секретном оборонном

проекте. Однако в течение нескольких месяцев Вануну продолжал преспокойно ездить на служебном автобусе в Димону. Работа шла обычным ходом.

В конце 1985 года офицеры безопасности Димоны узнали, что один из работников центра, который должен был помалкивать и вообще вести себя незаметно, допускает публичные антиобщественные высказывания. Вануну предупредили, но когда он продолжал свою активную деятельность на таком нестандартном пути, его решили уволить. Чтобы не привлекать внимание к этому инциденту, Вануну не был квалифицирован как «опасный сотрудник» и в ноябре 1985 года его уволили по соку щению штатов вместе со 180 другими работниками.

Через месяц после увольнения Вануну продал свою небольшую квартиру и автомашину и, как многие молодые израильяне, отправился в длительное путешествие на Дальний Восток. Однако в отличие от многих других евреев, кто после нескольких месяцев приключений на экзотическом Востоке возвращаются назад, Вануну стал «искать себя», что в конечном счете привело к третьей перемене в его жизни.

В мае 1986 года он приехал в Австралию и как-то вечером в пятницу, по иронии судьбы — в еврейский «шабат», — вошел в раскрытые двери англиканской церкви. Настоятель церкви преподобный Джон Макнайт вспоминает: «Морди зашел, осмотрелся, мы разговорились и подружились».

Через два месяца Вануну разорвал последнюю связь со своим детством и происхождением: он принял христианство. Это был его полный развод с еврейским государством.

Почти так же, как некоторые отказываются вернуть обручальное кольцо, Вануну сохранил за пазухой небольшую часть своего прошлого. Он никогда никому о нем не рассказывал, но после того, как познакомился с одним свободным журналистом, колумбийцем Оскаром Герреро секреты потекли из Вануну. Герреро был гиперактивным свободным журналистом, который из-за отсутствия работы отложил в сторону перо и блокнот и взялся за кисть. В момент знакомства с ним Вануну Герреро красил церковную изгородь. После нескольких недель знакомства Вануну раскрыл ему свою тайну.

Он рассказал Герреро, что вывез из Израиля две фото- пленки. но пока не решил, что с ними делать. Герреро едва верил своим ушам, когда Вануну добавил, что эти пленки он тайно отснял в Димоне во время ночных смен.

Журналистский инстинкт предчувствия сенсации и возможности крупно подзаработать настолько захватил Герреро, что он даже не спросил, как Вануну удалось пронести фотоаппарат в Димону и вывезти фотопленки из Израиля. Теперь он смотрел на Вануну как на курицу, готовую снести золотое яйцо.

Герреро убеждал израильтянина, что, продав эту информацию, он обеспечит себя на всю оставшуюся жизнь. Идея понравилась Вануну, и в конце концов он убедил себя в том, что израильский ядерный реактор был вещью аморальной и эту тайну надо раскрыть.

Герреро стал «литературным агентом» Вануну, и вместе они вступили в переговоры с несколькими международными изданиями, предлагая им эту сенсацию. Но никто не хотел верить, что Вануну действительно был бывшим служащим наиболее секретного объекта еврейского государства. Ему отказал журнал «Ньюсуик» и даже местные австралийские газеты, пока наконец британская «Санди таймс» не решилась испытать его.

Богатая газета, принадлежащая уроженцу Австралии газетному магнату Рупперту Мэрдоку, отправила в Сидней для встречи с Вануну своего репортера, специалиста по расследованиям Питера Хаунама, который должен был оценить эту фаггастическую историю. Вануну и Герреро неожиданно обнаружили, что их угощают в самых дорогих ресторанах города, пока они отвечают на бесконечные вопросы Хаунама, который в конце концов сделал свои выводы.

Они произвели впечатление на Хаунама, физика по образованию, тем, что продемонстрировали ему фотоснимки, отпечатанные с пленки, проявленной в обычной фотолаборатории, которая выполняет заказы в течение одного часа. Британский журналист решил, что Вануну стоит привезти в Англию для более детального опроса. Хаунам предложил 50 тыс. долларов за эксклюзивное право на информацию и фотоснимки, в том числе на последующую публикацию книги. Но «Санди таймс», как всякому деловому предприятию, хотелось обойтись без посредников. Герреро не поправился Хаунаму и не вызывал у него доверия. И Герреро исключили.

11 сентября 1986 г. австралийские друзья «Морди» отвезли его в сиднейский аэропорт, и он пообещал им вернуться через три недели. На следующий день Хаунам и Вануну приземлились в Лондоне, не зная, что в состоянии дикого журналистского азарта Герреро вылетел за ними следующим рейсом. Никто не подозревал, что за ними также последовали два агента «Моссада».

За несколько недель до этого «Моссад» получил сообщение от своего партнера — «Австралийского агентства по разведке и безопасности». Это была краткая информация о том, что один израильтянин пытается «соблазнить» местные газеты, предлагая продать им секретную информацию. Австралийцы решили, что это может заинтересовать Израиль. Когда стало известно, что Вануну вылетает в Лондон, эта же информация пошла и в британскую «МИ-5».

Руководители израильской разведки сразу поняли, что у них возникла большая проблема и надо действовать очень быстро. Два агента «Шин Бет» посетили столярную мастерскую брата Вануну Альберта и, не объясняя причин, поинтересовались, имеет ли он какие-нибудь вести от брата. Один из агентов сказал: «Если получите от него письмо, принесите его нам».

Редакторы «Санди таймс» могли не знать, что за ними было установлено наблюдение, но они должны были понимать, что у них в руках была настоящая бомба: израильский предатель с информацией, которую до сих пор никто не раскрывал.

Вануну передал газете более 60 фотографий, сделанных им на территории комплекса Димона и, что было особенно интересно, в одном из зданий, которое он называл «Махон-2». «Махон» означает «институт» или «объект», что дает основание предполагать какой-то учебный центр или производственную базу.

Вануну рассказал, что он был одним из 150 сотрудников из общего числа 2700 занятых в центре, кто имел доступ в «Махон-2», который был подземным заводом по производству ядерного оружия. Он объяснил, что в недрах пустыни израильские ученые и специалисты извлекали плутоний из урановых топливных стержней, которые находились в расположенном на поверхности реакторе. Плутоний, по словам Вануну, использовался для изготовления бомб.

В мире уже давно исходили из того, что покрытый серебристым куполом реактор, который иногда с дальних дистанций фотографировали военные атташе и журналисты, нарушавшие запреты цензуры, тайно использовался для производства нескольких примитивных ядерных бомб. Фотографии Вануну, сделанные им на территории сверхсекретного комплекса, позволили с близкого расстояния рассмотреть знаменитый купол и получить первые свидетельства того, что Израиль производил современное термоядерное оружие, возможно, водородное и нейтронное — компактное, но невероятно мощное.

Вануну сделал детальные рисунки до сего времени неизвестных шести подземных этажей объекта «Махон-2». На поверхности это было ничем не примечательное двухэтажное здание, похожее на какой-то редко используемый второстепенный склад. «На самом деле, — сказал он, — это был ключевой элемент в израильской военной ядерной программе».

Его камера провела зрителей по коридорам, лабораториям, складам и центрам управления. Над одним из пультов была видна четкая надпись на иврите «Подразделение 95». Вануну рассказал английским репортерам, какова была роль различных подразделений в процессе добычи плутония. На фотографиях были надписи на иврите «радиоактивность» и рабочие боксы из толстого стекла с вмонтированными резиновыми перчатками и манипуляторами. На некоторых фотографиях были видны металлические сферы, которые, по словам Вануну, были корпусами бомб.

Вануну рассказал, что единственными «посторонними», которые когда-либо посещали этот объект, были высшие военные руководители, ответственные представители министерства обороны и премьер-министры Израиля. Одна из точек осмотра была известна как «балкон Голды», откуда премьер-министр наблюдала за работой «производственного зала».

Все, что Вануну слышал от своих старших коллег, подтверждало прежние сообщения о том, что Димону построила для израильтян Франция. Французы рыли котлован, который включал большую часть комплекса «Махон-2»; они же устанавливали оборудование для производства бомб.

Цифры и факты, которые он привел, указывали на то, что израильтяне существенно модернизировали поставленный Францией в 1950-х годах 26-мегаваттный реактор,

доведя его мощность до 150 мегаватт. Информация Вануну подтверждала подозрения иностранных правительств и их разведок, а также сообщения прессы о том, что ядерный потенциал Израиля был намного больше того, что он был готов признать. Объект получал необходимый уран от принадлежавшей Залману Шапиро американской компании «Нумск», а также в результате средиземноморской операции с судном «Пламбэт» в 1968 году.

Привлеченные «Санди таймс» физики и эксперты изучили фотографии, побеседовали с Вануну, проанализировали технические и научные сведения, которые он запомнил, и пришли к выводу, что за 10 лет работы завода «Махон-2» Израиль легко мог изготовить по крайней мере сотню ядерных бомб.

Редакция газеты была убеждена, что Вануну говорил правду и его рассказ станет оглушительной сенсацией. Она, однако, не принимала во внимание разрушительные планы Герреро.

Обозленный тем, что Вануну и «Санди таймс» его бросили, он обратился к конкурирующей «Санди миррор» со своими собственными слегка искаженными ядерными откровениями. «Санди миррор» не поверила Герреро, но использовала его и пачку купленных у него за несколько тысяч долларов фотографий, для того чтобы опубликовать двухстраничный репортаж с насмешками над «Санди таймс», «купившуюся» на патентованную чепуху, которую преподнес ей Вануну.

Израильский ядерный потенциал был использован в войне тиражей британских баронов прессы, которая бушевала между владельцем «Таймс» Мэрдоком и его заклятым соперником Робертом Максвеллом.

Вануну разозлился и испугался, увидев свою фотографию на первой полосе «Санди миррор». Он был в ярости на «Санди таймс», которая медлила с публикацией его материала, и теперь был уверен в том, что за ним следили израильские агенты.

Чтобы разрядить обстановку и защитить Вануну, газета каждые несколько дней перемещала его из отеля в загородный дом, из пригорода в лес и обратно в центр города. В день публикации «Санди миррор» он под чужим именем находился в лондонском отеле «Маунтбаттен», расположенном в театральном районе. Только два журналиста зна-

ли о его местонахождении. Журналисты пытались его успокоить, но одновременно заявили ему, что, исходя из высоких стандартов журналистики, они перед публикацией на следующей неделе должны получить официальную реакцию посольства Израиля. Это, заверили они, только сделает его историю более убедительной.

23 сентября «Санди таймс» передала в израильское посольство сокращенную версию материала и попросила прокомментировать его. Посольство выпустило опровержение и попыталось представить Вануну как мелкого техника, который просто не мог ничего знать.

Однако посол Иегуда Авнер был крайне встревожен, как и его руководители в Иерусалиме. Они были в состоянии, близком к панике, впервые оценив масштаб разоблачений атомного предателя.

Премьер-министр Перес, пребывая в состоянии шока и не имея возможности предпринять что-то после того, как информация ушла за границу, созвал специальное совещание комитета редакторов газет и журналов Израиля. Он умолял их минимизировать, а не выпячивать эту историю, после того как англичане опубликуют свою версию. Выбирая между патриотизмом и журналистским долгом, как это уже не раз бывало, редакторы согласились удовлетворить его просьбу.

Это совещание должно было проходить конфиденциально, но информация о нем просочилась в Лондон. Попытка Переса свести огласку к минимуму лишь придала дополнительный импульс этому разоблачению. Редакторы «Санди таймс» решили, что обращение к израильским газетам свидетельствует, что готовящаяся в Лондоне публикация имеет действительно важное значение. Если премьер-министр был так обеспокоен, значит, Вануну раскрыл настоящие секреты, несмотря на опровержения израильского посольства.

Перес тем временем, посоветовавшись с членами клуба премьеров Рабином и Шамиром, решил поручить «Моссаду» арестовать Вануну — где бы тот ни был — и доставить его в Израиль для предания суду. Это будет хороший урок всему населению — измена никогда не останется безнаказанной.

Поскольку Перес хорошо знал об особой чувствительности Маргарет Тэтчер в отношении суверенитета Великобритании, «Моссаду» также было приказано действовать, не нарушая британских законов. Он знал, какой вред

может принести гнев «железной леди» британо-израильским отношениям, которые были так дороги Пересу.

Таким образом, миссия стала еще более трудной, чем это предполагалось с самого начала. Похитить человека в другой стране, особенно когда он настороже, его охраняют и постоянно переводят из одного места в другое, — задача сама по себе очень трудная. Предписание премьер-министра действовать строго в рамках законов практически связало руки похитителям и сделало эту миссию почти невыполнимой.

«Моссад», однако, знал, что он может полагаться на два элемента: готовность британских спецслужб помочь в розыске Вануну — или по крайней мере смотреть на это сквозь пальцы — и уверенность в том, что любой человек имеет какие-то слабости, которые можно использовать.

Бригада работников «Моссада» вылетела в Лондон на поиск Вануну. «Моссад» даже разместил бригаду из двух человек с профессиональной видеокамерой около входа в здание концерна «Таймс ньюспейперз» в Уоппинге, около портовых причалов в Восточном Лондоне. Это была большая удача, так как рассерженный профсоюз британских художников постоянно пикетировал издательскую крепость Мэрдока. Охранники здания уже привыкли к тому, что время от времени та или иная телевизионная компания направляла сюда свои съемочные бригады. Но эта съемочная бригада сама попала на видеопленку. Газета «Санди таймс» сообщила, что ее камеры зафиксировали высокого парня, который, по его словам, снимал пикет для студенческого союза; его небритый партнер молчал.

Израильская группа наружного наблюдения зафиксировала выезд Вануну из Уоппинга на такси. За ним ринулись другие сотрудники «Моссада» на автомашинах и мотоциклах и без особого труда «привели» его в отель. После этого пешим израильским агентам не составило труда следовать за Вануну всюду, куда он направлялся. Когда он 24 сентября гулял по Лестер-сквер, это был превосходный момент для того, чтобы вывести на сцену «Синди» и предоставить ей возможность сыграть свою роль.

Для Вануну она была просто даром небес. Его опекуны из «Санди таймс» видели, что он очень первичал, и это, может быть, объяснялось его сексуальной озабоченностью. Израильянин неоднократно и совершенно бессовестно делал предложения женщинам из числа репортеров.

Надеясь удовлетворить свои желания, он с нетерпением ожидал новой встречи с американской блондинкой. Она позвонила на следующий день, но в этот же день его газета захотела провести с ним еще одно интервью. Когда Вануну пожаловался, что у него в этот день свидание, репортер «Санди таймс» отвез его к месту встречи в «Тейт галлери» на северном берегу Темзы, чтобы он мог встретить свою девушку и договориться о переносе свидания. Репортер заметил, что пухлая крашенная блондинка на высоких каблуках очень неохотно приближалась к машине.

Это был единственный случай, когда кто-то, кроме самого Вануну, видел «Синди». Сам израильтянин говорил о ней с репортерами неохотно, упомянув только, что она была визажисткой и путешествовала по Европе. Явно озабоченный своими сексуальными проблемами, Вануну заметил, что «Синди» отказывалась спать с ним.

Тем не менее на протяжении последующих дней они несколько раз встречались и «Синди», эксплуатируя его сексуальный аппетит, его недовольство репортерами из «Санди таймс» и раздражение по поводу публикации в «Дейли миррор», убила его бросить все и уехать. Он пренебрег советами друзей из газеты: не покидать страну, не летать самолетами и не останавливаться в отелях, где требовалась регистрация с предъявлением паспорта.

«Синди» позаботилась обо всем. Она купила за наличные два авиабилета бизнес-класса до Рима. Забыв о своих опасениях по поводу слежки «Моссада», он вместе с ней 30 сентября поехал в аэропорт Хитроу и рейсом № 504 авиакомпании «Бритиш эйруэйз» вылетел в Рим. Перед вылетом он позвонил в «Санди таймс», сообщил, что он «выезжает из города», и обещал вернуться через три дня. Больше газета о нем ничего не слышала.

Как и в случае соворачения иракского пилота Мунира Редфа, израильская агентесса обещала, что, как только они окажутся в безопасном доме — на этот раз в Риме, — все будет в порядке. Он сможет удовлетворить свои желания. Только этот «безопасный дом» оказался тем, что на профессиональном языке называется «конспиративной квартирой». Здесь «Моссад» мог чувствовать себя в полной безопасности.

На 40 дней и ночей Вануну просто исчез с лица земли. Только 9 ноября секретарь кабинета министров Элиаким Рубинштейн объявил: «Мордехай Вануну находится в Из-

раше под арестом на основании судебного ордера, полученного в ходе процедуры, в которой участвовал избранный арестованным защитник».

Почему после нескольких недель молчания «клуб премьер-министров» решил подтвердить поимку Вануну? Прежде всего, его семья угрожала обратиться в Верховный суд и добиться правды от правительства. Во-вторых, Израиль был обеспокоен появившимися публикациями о том, что Вануну якобы был похищен в Великобритании, а это могло серьезно повредить отношениям с Лондоном. Британские парламентарии задавали вопросы, сама «Санди таймс» писала, что Вануну был похищен в Великобритании и в ящике под видом дипломатического багажа вывезен в Израиль.

Израильское правительство решило пойти на риск и сообщить, что Вануну был арестован на законных основаниях. Заметая следы тайной операции, проведенной в Европе, израильские спецслужбы дали ряд утечек, маскировавших обстоятельства похищения атомного предателя. Все эти целенаправленные утечки были призваны защитить отношения с Великобританией: на территории Великобритании не было совершено никакого похищения и Вануну совершенно легально и добровольно покинул страну.

Чтобы запутать следы и зашифровать методы работы «Моссада», одна из версий представляла дело так, будто бы Вануну был арестован после того, как на юге Франции он вместе с агентессой «Моссада» поднялся на борт яхты, и только после того, как яхта оказалась в международных водах. По другой версии, он вылетел в Париж, где его усыпили и на самолете компании «Эль-Аль» отправили в Израиль.

Правду так и не открыли. Завеса секретности была слегка приподнята самим преступником. Вануну показал, что даже в обстановке допросов и психологического давления он сохранил присугствие духа и силу воли, чтобы пробить барьер секретности, возведенный вокруг него «Шин Бет». Когда его везли в региональный суд Иерусалима для предварительного слушания, он прижал ладонь к окну полицейского автобуса, в котором он находился под усиленной охраной.

Перед глазами и объективами мировой прессы предстало то, что он сумел написать чернилами на руке: «Меня похитили в Риме 30.09.86 в 21.00. Прибыл в Рим рейсом 504».

Ограниченное место на ладони Вануну не позволило ему описать всю свою одиссею. В последующие появления в суде он был в наручниках, а на голову ему надевали мотоциклетный шлем, чтобы представители прессы не могли услышать его выкриков. Даже после того, как «Шин Бет» лишил Вануну письменных принадлежностей, он каким-то таинственным образом нашел другие способы сообщить своей семье подробности своего похищения.

Его брат Меир виделся с ним в тюрьме, а потом поехал за границу, чтобы восстановить некоторые недостающие детали ареста Вануну. Он установил, что как только самолет 504 совершил посадку в аэропорту Фьюмичино в Риме, «Сици» наняла такси и приказала ехать по адресу, где, как предполагалось, они могут заняться любовью.

Как только они вошли в квартиру, Вануну скрутили два израильянина, а «Сици» ввела ему сильное снотворное. Меир Вануну также установил, что закованного в цепи брата отвезли в итальянский порт и оттуда морем переправили в Израиль. После недельного путешествия по Средиземноморью его 7 октября на посылках вынесли на берег, а затем бросили в камеру без света с простым матрасом на полу.

Только в ходе допросов «Шин Бет» Вануну узнал, что «Санди таймс» в конце концов опубликовала его материал. Он плыл, закованный в цепи, когда газета выплеснула на первую полосу огромный заголовок: «Откровение: секреты израильского ядерного арсенала». Далее шел рассказ Вануну с подробными схемами секретного подземного объекта «Махон-2».

В то время как обвиняемый Вануну готовился предстать перед судом по обвинению в государственной измене и шпионаже, а члены его семьи подвергались остракизму, они не могли знать, что «Санди таймс» пыталась искупить свою вину более глубокой разработкой этой темы. Работники редакции чувствовали себя виноватыми в том, что из-за дилетантских усилий не смогли обеспечить безопасность бесценного источника.

На самом деле обеспечить безопасность Вануну было не так сложно. Для полного счастья ему не хватало женского общества. Богатая и могущественная газета, конечно, могла снабдить его проститутками, и работники «Санди таймс» обсуждали такую возможность, но в конечном счете было решено, что соперничающие газеты могут уз-

нать, что источнику грандиозной сенсации оказывались сексуальные услуги, и это скомпрометирует «Санди таймс».

Журналистам, расследовавшим это дело, удалось установить, что в начале октября посольство Израиля в Риме арендовало автофургон и число километров, «накрученных» на спидометре при сдаче автомашины обратно в компанию, точно соответствовало расстоянию до итальянского порта Ла Специя. В это время там находилось специально переадресованное в этот порт израильское судно «Таппуз» («Апельсин»). Были основания полагать, что именно на этом пароходе закованного в цепи пленника вывезли в Израиль.

Британская газета также раскопала другие косвенные данные в ходе поиска неизвестной обольстительницы, заманившей Вануну в ловушку. Журналисты установили, что в самолете рядом с «г-ном Вануну» сидела «С. Чанин» и что в Израиле проживала некая американка Черил Чанин Бен-Тов, бывшая замужем за капитаном израильской военной разведки «Аман». «Санди таймс» сумела получить свадебную фотографию госпожи Бен-Тов, которая очень напоминала описание внешности «Синди». Более того, оказалось, что во Флориде проживала ее двоюродная сестра по имени Синтия (Синди) Чанин.

Из всего, что удалось узнать: аренда автофургона, изменение маршрута судна, использование установочных данных родственницы — складывалось впечатление, что «Моссад» работал довольно грубо и даже непрофессионально. Но для руководителей израильской разведки это не имело значения. Вануну схватили, и это было главным.

«Шин Бет» снова вынуждена была «зализывать раны» — это она допустила Вануну к работе в Димоне, не заметила, как он там фотографировал, как в течение года хранил у себя фотопленку, а потом вывез ее за границу и, даже находясь за решеткой, сумел разгласить новые секретные сведения. «Шин Бет» снова оказалась в тени всемогущего «Моссада», купающегося теперь в лучах славы, окружавшей успешную операцию по розыску и захвату Вануну.

Действуя в условиях большого цейтнота, «Моссад» сумел схватить преступника и не нарушить при этом британских законов. Премьер-министр Перес мог позвонить Тэтчер и заверить ее, что действительно ни один из британских законов не был нарушен.

Разговор был приятным, и оба были счастливы таким исходом дела Вануну, но ни один из двух лидеров еще не знал, что между разведками их стран назревала война.

Неожиданная конфронтация началась в 1986 году после обнаружения в телефонной будке в Западной Германии восьми фальшивых британских паспортов. Их потерял безответственный курьер израильской разведки. В наплечной сумке, забытой в телефонной будке, был обнаружен его настоящий израильский паспорт и другие документы, связывающие его с посольством Израиля в Бонне. Британское правительство заявило решительный протест и получило извинения Израиля — фактически признание того, что «Моссад» снабжал своих шпионов, среди прочих, документами Великобритании.

Год спустя отношения между «Моссадом» и британскими службами безопасности снова осложнились в связи с убийством среди белого дня недалеко от лондонской Слоунсквер на глазах у панков и посетителей модных бутиков на Кингз-роуд. Этот район был излюбленным местом покупок для модной молодежи, туристов и беженцев из арабских стран. Здесь шла охота за палестинцем Али аль-Адхами.

За два года до этого аль-Адхами с женой и пятью детьми ради безопасности своей семьи покинул раздираемый гражданской войной Ливан и переехал в казавшийся ему вполне стабильным Лондон. Адхами работал художником-карикатуристом в издававшейся в Лондоне кувейтской газете «аль-Кабас». Он был известен своими злобными карикатурами на Ясира Арафата; имел репутацию политического интригана; имел любовницу-египтянку и вообще наслаждался жизнью, в то время как его соотечественники голодали в лагерях для беженцев. 22 июля 1987 г. в возрасте 42 лет он был застрелен у входа в помещение газеты.

Шотланд ярд не сумел задержать убийцу, хотя представители британской и арабской прессы с самого начала предполагали, что убийство было совершено по приказу Арафата. Однако 10 месяцев спустя в ходе судебного процесса, казалось, не имевшего ничего общего с этим инцидентом, картина убийства стала проясняться.

Проживавший в городе Гульль на севере Англии 28-летний палестинец Исмаил Сован был обвинен в незаконном хранении оружия и взрывчатых веществ. Он находился в Англии четвертый год в качестве младшего научного сотрудника одного из колледжей. Когда британская полиция,

действуя по анонимной наводке, провела обыск в его квартире, то обнаружила более 30 кг пластиковой взрывчатки огромной разрушительной силы — изготавливаемой в Чехословакии «Семтекса», излюбленного средства террористов, которое, как правило, невозможно обнаружить техническими методами в международных аэропортах.

Сован заявил полиции, что не имел представления о содержимом чемодана, спрятанного в ванной комнате, который он хранил по просьбе своего друга Абделя Рахима Мустафы. Они знали друг друга много лет, встречались в Бейруте, Париже и теперь в Лондоне.

37-летний Мустафа был владельцем бензоколонки в городке Ли-он-Си в восточной части лондонской пригородной зоны. Под прикрытием своего бизнеса он, однако, оставался майором ООП в «Форс-17» — элитном подразделении, созданном Али Хассаном Саламехом для охраны Арафата.

После гибели Саламеха в 1979 году в результате взрыва заминированного автомобиля — кульминации долгой охоты за ним «Моссада» — «Форс-17» расширила свои функции. Из чисто защитного подразделения «Форс-17» превратилась в наступательное спецподразделение, часто действовавшее с моря как прямой аналог израильских «сайерет».

Прошедшего подготовку в охране Арафата Мустафу направили в Лондон для создания подпольной группы. У него уже был некоторый опыт наступательных операций, он принимал участие в нападении на самолет компании «Эль-Аль» в Мюнхене в 1970 году, в ходе которого один израильтянин был убит и другой ранен. Спустя семь месяцев Мустафа и его сообщники были освобождены в ходе обмена на заложников греческого авиалайнера — это было свидетельством того, как высоко Арафат ценил Мустафу.

Мустафа отблагодарил своего любимого лидера, организовав уничтожение ненавистного карикатуриста. Он был очень настойчив: в апреле 1987 года его уже выдворяли из страны как нежелательного иностранца, но в июле он вернулся под чужим именем и организовал убийство Адхамии. Когда в апреле он уезжал, то оставил свой арсенал — чемодан со взрывчаткой — своему близкому другу Совану.

Арестованный в августе Сован под давлением следователей, подозревавших его в причастности к убийству Адхамии, сначала рассказал о Мустафе, а потом ошеломил их, признавшись, что он с самого начала работал на Израиль.

Сован сказал, что вот уже много лет он получает ежемесячное денежное содержание около 1 тыс. долларов от израильской разведки. Уроженец Восточного Иерусалима, в то время находившегося под юрисдикцией Иордании, он в 1967 году вместе со всей частью города оказался под властью израильтян. Как и многие другие палестинцы, не видевшие перспектив на оккупированном Западном берегу, он уехал учиться в Ливан. В Бейруте его завербовала ООП.

Во время визита к родственникам в Нублус на Западном берегу он был задержан «Шин Бет». Однако вместо того чтобы предъявить ему обвинение в поддержании контактов с враждебными элементами, израильтяне его перевербовали. Это был типичный вариант вербовки палестинца, родственники которого, проживавшие на Западном берегу, могли пользоваться какими-то благами, в то время как сам агент мог работать или учиться за границей, да еще и получать деньги в качестве решающего фактора закрепления.

Когда Сован переехал в Англию, израильтяне даже оплачивали его квартиру. Его направляли в Ливан и Францию, где он подружился с Мустафой. Однажды израильтяне дали ему миниатюрный радиомаяк, который он носил в кармане и включал каждый раз, когда встречался с представителем ООП, облегчая тем самым работу израильским бригадам наружного наблюдения. Он был одним из многих осведомителей на Ближнем Востоке и в Европе, работа с которыми велась совместно «Моссадом» и «Шин Бет» в своей нескончаемой войне с палестинскими террористами.

Сован рассказал британской полиции, что он пытался прекратить отношения с израильской разведкой, но это не та работа, с которой можно просто так уволиться. И неудивительно, поскольку он смог проникнуть в круги, близкие к самому Арафату. Сован сумел достичь того, к чему всегда стремилась израильская разведка.

В момент расстрела карикатуриста Адхами Сован был в отпуске в Израиле, встречаясь со своими родственниками и кураторами из израильской разведки. Он представлял такую ценность, что израильтяне не могли удержаться от того, чтобы не отправить его снова в Лондон, несмотря на опасения Сована, что убийство может поставить его под угрозу провала. Он также рассказал своим израильским хозяевам о чемодане, который оставил у него Мустафа, но

израильтяне посоветовали ему проявлять терпение и ждать, когда кто-то придет и избавит его от этого чемодана.

Руководители Сована не проявили достаточной осмотрительности, решив продолжать форсировать операцию, которая развивалась вполне успешно. Убийство Адхами все изменило, но израильтяне действовали так, как будто Сован мог работать в прежнем режиме. Хуже того, они позволили ему сидеть на целом складе оружия, что и привело к провалу. Израильская разведка не сделала никаких выводов из своих недавних ошибок.

Оказавшись в руках британской полиции, Сован, спасая свою шкуру, рассказал все. Он назвал всех израильских оперативных сотрудников, работавших под прикрытием посольства Израиля в Лондоне, у которых был на связи. Сован полагал, что эти признания помогут ему в глазах британского правосудия, но он ошибался. Он получил 11 лет тюрьмы.

Этот приговор суда дал импульс для жестких действий британских властей против израильской разведки. 17 июня 1988 г. правительство Ее Величества приняло беспрецедентные меры в отношении шпионов дружественной страны: был выдворен атташе Арех Регев, виза другого израильского дипломата, Якова Барада, находившегося в то время в отпуске в Израиле, была аннулирована. Британский Форин оффис, обычно не склонный обсуждать проблемы разведки, конкретно назвал Регева и Барада сотрудниками «Моссада». Барад работал еще с одним палестинским агентом, Баширом Самарой, который также входил в состав лондонской группы «Форс-17».

Вскоре Израиль отозвал еще троих агентов, работавших под прикрытием израильского посольства. То ли это было проявление доброй воли Израиля, пытавшегося нормализовать отношения с британской «МИ-5», либо это была реакция на твердое требование британской контрразведки о свертывании деятельности лондонской резидентуры «Моссада».

Британские власти были в ярости. Возможно, они ожидали, что израильтяне предупредят их о готовящемся покушении на карикатуриста. На это, конечно, было трудно рассчитывать, так как израильтянам пришлось бы расшифровать своего агента в составе «Форс-17», но англичане надеялись, что после инцидента израильтяне детально проинформируют своих британских партнеров. Но даже

умолчав об агенте, израильтяне могли бы сообщить британцам о взрывчатке, хранившейся в квартире Сована.

Вместо этого «Моссад» и «Шин Бет» хотели, как говорят англичане, «съесть свое пирожное и в то же время сохранить его». Их мало интересовал карикатурист, который к тому времени был уже мертв, но они вопреки здравому смыслу ждали, что Мустафа или какая-то другая крупная фигура из ООП придет за взрывчаткой. Израильтяне хотели получить «все», но это «все» пошло кувырком.

Руководители разведки в Израиле не хотели взглянуть правде в глаза, проанализировать провал Сована и сделать необходимые выводы. Никто не был признан виновным и никто не был уволен. Это был типичный стиль руководства Адмони, направленный чаще всего на сглаживание внутренних споров в «Моссаде». Как и в случае с запоздалым выявлением предательства Вануны, израильская разведка вела себя так, как будто анализ собственных недостатков был для нее слишком болезненным процессом.

Израиль потерял своего ценного агента, близкого к высшему эшелону ООП. Он потерял свою разведывательную инфраструктуру в Лондоне. Израильтяне разрушили почти все свои давние дружеские связи с британской разведкой, которая уже и так была раздражена подозрительными обстоятельствами похищения Дикко и Вануны.

Помимо всего прочего, эта неуклюжая работа по похищению Вануны окончательно подорвала репутацию «Моссада», которая с таким трудом восстанавливалась после провалов 1980-х годов.

24 марта 1988 г. Вануны были признаны виновными в государственной измене, разглашении секретов и шпионаже. Коллегия судей, состоявшая из трех человек, отвергла его доводы о том, что он действовал из идейных соображений. Но судьи приняли во внимание другое его заявление: «Я не предатель и не хотел причинить ущерб интересам государства Израиль». Он получил относительно мягкий приговор — 18 лет тюрьмы.

Однако обстановка секретности вокруг этого дела отнюдь не развеялась, когда Вануны после предъявления ему фотографии Черил Чанин Бен-Тов заявил: «Это не та женщина, которую я знал как Синди».

Также озадачивали выводы известного итальянского следователя по антитеррору Доменико Сики. Расследовав

утверждения о том, что израильтяне совершили похищение в Риме, он в конце сентября 1988 года опубликовал неожиданный вывод, что Вануну вообще не похищали.

Следователь утверждал, что надпись на руке Вануну на английском языке была слишком грамотной, чтобы ей можно было поверить, а фотографии завода по производству бомб, опубликованные в «Санди таймс», могли быть сделаны только с официального разрешения. «Туристская» презентация Вануну с прогулкой по цехам и лабораториям при полном отсутствии людей показалась очень странной Спике, который полагал, что эти пульта должны были находиться под круглосуточным наблюдением.

Выводы итальянского специалиста убедили некоторые газеты и журналы, что Вануну не был предателем и вся эта история была хорошо организованной дезинформационной операцией израильтян. Его вердикт был столь же спорным, сколь и удобным. Итальянские судебные власти, которые редко действуют без учета политических соображений, решили замять инцидент, так как никакого похищения вроде не было, а значит, и нечего расследовать.

Разведки Италии и Израиля тесно сотрудничали между собой начиная с 1950-х годов. Было ли простым совпадением, что «Моссад» выбрал Рим как место, где можно было похитить Вануну? Премьер-министр Перес был крайне щепетилен в отношении соблюдения британских законов, но в Италии его шпионы чувствовали себя вольготно.

Выводы Сики, однако, были приняты всерьез международной прессой, которая решила, что израильская разведка была невероятно умной — а не непростительно глупой, — допустив предательство Вануну. Но даже пресса не могла поверить в то, что всемогущие израильские спецслужбы могут так опростоволоситься, и продолжала исходить из того, что израильские шпионы использовали Вануну в сложной оперативной комбинации по запугиванию арабов путем утечки информации о том, что Израиль обладает ядерным арсеналом.

Надо иметь прямо-таки заговорщический менталитет, чтобы поверить в то, что любая организация — даже самая лучшая в мире разведка — пойдет на проведение столь долгосрочной и запутанной операции. Для ее осуществления надо было получить согласие всех троих членов «клуба премьеров» и согласовать действия спецслужб и высшего военного командования. Нужно было завербовать

бедного марокканца без технического образования, инсценировать его политическое перерождение и отправить его на другой конец света, где бы он мог перейти в христианскую веру. Надо было устроить встречу израильского премьера с журналистами, организовать исчезновение Вануну, а затем инсценировать судебный процесс, чтобы ввести в заблуждение судей. Сам Вануну должен был на длительный срок оказаться в тюрьме, не говоря уже о страданиях, которые выпали на долю его родственников.

И все это ради чего? Ради того, чтобы Израиль еще раз напомнил всему миру о своем неоспоримом военном превосходстве на Ближнем Востоке, не признавая формально наличие ядерного арсенала? Арабы да и весь остальной мир и так давно уже исходили из того, что у Израиля была «бомба». Напоминание об этом не привело ни к чему хорошему. Наоборот, это известие подстегнуло Сирию, Ирак и Ливию к созданию арсеналов химического и даже ядерного оружия.

По иронии судьбы в результате дела Вануну самый большой секрет Израиля — абсолютно запретная тема, никогда не обсуждавшаяся в присутствии более 10 человек, — неожиданно и во всех деталях оказался на первых полосах мировой прессы и стал предметом дискуссий в момент, который никак не согласовывался с правительством.

Израильская общественность не имела ни времени, ни желания вникать в последствия этого дела. Ее внимание быстро переключилось на вопросы, более тесно связанные с проблемой существования еврейского государства, — вопросы, которые, по утверждениям Вануну, мотивировали его действия: продолжающаяся израильская оккупация захваченных арабских земель и угроза со стороны палестинского национализма.

СМЕРТЬ ОСВЕДОМИТЕЛЕЙ

Мухаммад аль-Аяд держался до последнего и хотел, чтобы все это видели. Перебегая от окна к окну своего старого каменного дома, он поливал огнем из автомата «узи» своих палестинских братьев, находившихся снаружи. Но его уже не интересовало, в кого попадали пули, он хотел вырваться.

— Аяд! Аяд! — кричала его жена по телефону одному из говоривших по-арабски израильтян, который должен был защищать их. Семья Аядов сотрудничала с израильтянами с момента оккупации Западного берега два десятилетия назад.

24 февраля 1988 г. шел 88-й день народного восстания, которое научило большую часть мира арабскому слову «интифада». Интифада, или восстание, стала самым грозным вызовом израильской оккупации за все времена. После победы в Шестидневной войне 1967 года Израиль быстро распространил щупальца «закона и порядка» на Западный берег, Голанские высоты, сектор Газа и Синайский полуостров. Мозгом этого гигантского спрута была организация «Шин Бет» со штаб-квартирой в северном пригороде Тель-Авива.

Как израильский аналог американского ФБР, «Шин Бет» занимается борьбой с врагами государства, иностранными и внутренними, в границах Израиля и иногда за его пределами, включая оккупированные территории. Мухаммад аль-Аяд работал на «Шин Бет».

Его соседи в Кабатии — одном из самых северных городов на Западном берегу, который почитающие Библию евреи предпочитают называть Самарией, говорят, что Аяд

был не столько завербован, сколько принужден работать, когда он был арестован «Шин Бет» в первые месяцы оккупации. Тогда Аяду было всего 20 лет и его обвинили в каком-то правонарушении, хотя никто не помнит, что это было. Но главное, чтобы выйти на свободу и обеспечить благожелательное отношение властей к своему кафе, он согласился снабжать «Шин Бет» информацией.

«В этом нет ничего особенного, — обычно говорит работник «Шин Бет». — Это не противоречит интересам твоего народа. Вы ведь все хотите жить в мире, правда? И если ты увидишь какого-то смутьяна, просто скажи нам, и мы сделаем все остальное. Никто ничего не узнает».

Но в маленьких поселениях, где секреты почти невозможно сохранить, информаторов «Шин Бет» нередко знали. Среди более миллиона палестинцев Западного берега и сектора Газа их были тысячи. Однако теперь судьба Аяда сделает дальнейшие вербовки почти невозможными.

Интифада получила новый импульс в ту февральскую неделю, когда распространяемые тайно листовки Объединенного национального руководства призывали к всеобщей забастовке и проведению маршей протеста, приуроченных к американской дипломатической инициативе. Палестинцы чувствовали, что их слишком долго игнорировали. Восстание уже заставило госсекретаря США Джорджа Шульца прилететь на Ближний Восток с планами открытия мирных переговоров. Теперь протестующие хотели, чтобы Америка прислушалась к ним.

Во многих местах на Западном берегу и в секторе Газа протестующие столкнулись с израильскими войсками, но в Кабатии ситуация вышла из-под контроля. Казалось, что все население города высыпало на плохо замощенные улицы. День за днем, забросив все свои дела, учебу и работу, они маршировали по улицам и, проходя мимо дома Аяда, выкрикивали лозунги. Он уже должен был бы привыкнуть к выкрикам типа: «Своим телом и своей кровью мы уничтожим предателей и освободим нашу землю!». Однако 24 сентября Аяда охватила паника.

Ему было 40 лет, и он только два раза терял самообладание: первый раз — когда уступил давлению израильтян и согласился работать на них; второй раз — в инциденте, свидетелем которого он был не столько о его смелости, сколько о растерянности, когда он открыл огонь из «узи» по арабам, пытавшимся сломать его автомашину. Это было за не-

сколько месяцев до интифады, когда Аяд знал, что может стрелять в палестинцев, не подвергая себя смертельной опасности. Израильцы его защитят. Для этого они и дали ему автомат «узи» — символ безнаказанности, значивший гораздо больше, чем любой официальный знак отличия.

Когда толпа арабов окружила его дом и стала забрасывать камнями, он схватил автомат и угрожающе помахал им, а потом открыл огонь с крыши и из окон. Все накопившееся с момента начала восстания напряжение нашло выход в этой неожиданной, но смертельной конфронтации. Аяд, вероятно, даже не заметил, что среди 13 раненых им палестинцев был 4-летний мальчик, который тут же скончался.

Но демонстранты это узнали сразу. Пролитая кровь была бесспорным доказательством предательства Аяда, которое они всегда подозревали. Более расчетливые люди могли бы отступить перед огнем и телом погибшего ребенка, но толпа продолжала бросать камни и бутылки, с ожесточением штурмуя дом предателя.

Однако он стоял на своем. Стеляя, как на Диком Западе, и мечась, как загнанная в угол крыса, Аяд сказал жене, чтобы она позвонила в военную комендатуру в Дженине — арабском городе, расположенном в нескольких милях, и вызвала оттуда помощь. В тот день военные подразделения были заняты подавлением беспорядков в других местах и не успели вовремя в Кабатию. Да и кто был этот палестинец, просивший о помощи?

Он был всего лишь осведомителем, глазами и ушами «Шин Бет» в этой общине, которую израильцы могли оккупировать, но в которую они не могли проникнуть без помощи арабских коллаборационистов. Но когда арабам была нужна помощь, «Шин Бет» не бралась защитить их.

Справедливости ради надо отметить, что для внутренней разведки это были трудные времена. «Шин Бет» лихорадочно пыталась установить организаторов восстания, но даже после ареста сотен и тысяч палестинцев на Западном берегу и в секторе Газа подпольные листовки продолжали выходить и толпы протестующих продолжали бросать камни и скандировать гневные лозунги.

Директор «Шин Бет» Йозеф Хармелин готовился в конце марта 1988 года оставить свой пост, на котором он проработал только полтора года. Он раньше служил в «Шин Бет» и его вызывали из отставки только для того, чтобы

стабилизировать агентство, раздираемое скандалом в связи с убийством двух автобусных террористов. Следователи, забившие до смерти двух террористов, пытались уйти от ответственности и переложить ее на военных. После этого армия, естественно, не испытывала к «Шин Бет» никаких симпатий. И когда началась интифада, старшие офицеры вооруженных сил в частном порядке, но довольно остро критиковали «Шин Бет».

Внутриизраильские распри, конечно, не помогли Аяду. До того как подоспела подмога, у него кончились патроны. Разъяренная толпа ворвалась в дом, скрутила Аяда, и несколько молодых людей удавили его проволокой. Дом был подожжен, но жене Аяда удалось бежать.

К моменту прибытия армейского подразделения и нескольких агентов «Шин Бет» Аяд уже был выставлен напоказ: его тело со следами жестоких побоев висело на столбе электрического освещения около автобусной остановки. Над трупом, частично закрывая его, висел зелено-черно-красный флаг страны, существовавшей только в мечтах националистов, проигравших все ближневосточные войны.

Труп Аяда был красноречивым символом восстания и предупреждением «Шин Бет», что ее 20-летнему господству на оккупированных территориях пришел конец. Аяд стал 65-м палестинцем, погибшим с момента начала интифады. Мальчик, которого он расстрелял, был 64-м.

За первые три года восстания было убито более 700 палестинцев и 60 израильтян. И около 300 палестинцев были обвинены в сотрудничестве с «Шин Бет» или израильской армией. В отдельные недели больше арабов было убито самими арабами, чем израильтянами. Коллаборационисты стали главным объектом интифады, но насилие выходило из-под контроля, и на этом фоне многие сводили личные счеты с помощью ножа или пули. Банды, выступавшие под лозунгом «очищения Палестины», убивали торговцев наркотиками, обычных преступников и проституток. Объединенное национальное руководство отчаянно пыталось с помощью листовок направить вектор борьбы в сторону завоевания независимости от Израиля, призывая жителей Западного берега и сектора Газа не убивать своих соседей, если только они не были приговорены к смерти «судами интифады».

Восстание привело к большим социальным изменениям. Это был уже не просто социальный протест против

продолжающейся израильской оккупации, но упорная и затяжная кампания, направленная на свержение военного режима правления, установленного Израилем. Протестующие хотели создать альтернативную систему управления во главе с арабами, которая стала бы основой инфраструктуры будущего палестинского государства.

Восстание было как раз тем, чего «Шин Бет» не должна была допускать. Сеть информаторов агентства была обязана предупредить израильтян о сколько-нибудь серьезных попытках организации протеста. В среде палестинцев было несколько тысяч осведомителей во всех слоях, от рабочих до интеллигентов. Получая от «Шин Бет» ежемесячно от 50 до 200 долларов, они должны были информировать израильтян об активистах, которые пытались превратить социальные и профессиональные организации в центры политической силы.

«Шин Бет», однако, сосредоточилась на том, в чем она преуспевала: предотвращении террористических актов со стороны арабов. Информаторы получали особенно большие премии за сведения о деятельности групп, ориентирующихся на применение насильственных методов. Отдельные террористические проявления, вроде нападения на израильского поселенца на Западном берегу, раскрывались «Шин Бет» достаточно быстро благодаря информации, поступавшей от агентов, внедренных в террористические группы, просто купленной «на улице» или полученной в результате физического или психологического принуждения десятков «подозреваемых», которые арестовывались в результате облав в районе совершения преступления.

На оккупированных территориях практически не было серьезных террористических проявлений. Израильская система разведки обеспечила это вскоре после окончания Шестидневной войны 1967 года, но потом она стала самодовольной и неповоротливой. Оперативные работники «Шин Бет» хотели, чтобы их называли по вымышленным арабским именам, вроде Абу Ибрагим, что было наглостью.

Они знали, что их ненавидят. Они также знали, что самое худшее, что могут сделать политическому активисту Западного берега, так это прикинуться его другом. Они могли заходить в его дом и выходить оттуда с улыбкой на лице или приветствовать его на улице из проезжающего автомобиля. Арест мог сделать молодого активиста героем, а намек на дружбу с ним мог означать его конец. Настоя-

щих информаторов израильтяне снабжали специальными пропусками «Шин Бет» для прохода через военные кордоны без обысков и допросов.

Штаб-квартира «Шин Бет» в пригороде Тель-Авива концентрировалась на сборе информации, а не на ее анализе. Сообщения об акциях протеста приводили к арестам и допросам, которые давали новую информацию о поселках, лагерях беженцев и лицах, которые требовали расследования. Но общая картина ускользала.

Вряд ли кто-то в разведсообществе и в целом в Израиле мог поверить в массовое восстание палестинцев. Этого опасались в первые месяцы оккупации 1967 года, но в последующие два десятилетия эти территории управлялись мирно. Большинство жителей было законопослушно и тем самым обеспечивало себе более или менее нормальную жизнь.

За несколько месяцев до начала интифады один из официальных деятелей Израиля, отвечавших за наблюдения за оккупированными территориями, отрицал возможность такого возмущения. Правительственного координатора на оккупированных территориях Шмуэля Горена, спросили:

— Когда на этих территориях начнется восстание?

Это было довольно решительное начало разговора, но израильтяне известны своей бесцеремонностью, к тому же спрашивал военный. Горен сначала растерялся, но потом выпалил:

— Никакого восстания! Никогда!

Офицер настаивал:

— Вы уверены в том, что говорите?

— Хотите пари? — завершил Горен разговор.

Горен до 1984 года был ответственным сотрудником «Моссада» и должен был бы владеть информацией, которой располагало разведсообщество. Словесная перепалка произошла в компании, где было много офицеров разведки. Это была свадьба дочери ветерана «Амана» Якова Нимроди, Смадар, и, определенно, она оказалась самой пышной свадебной церемонией в Израиле в тот год, но, конечно, не явилась главным событием 1987 года на Ближнем Востоке. Этим событием станет восстание, которое, по словам Горена, никогда не должно было произойти.

Интифада началась как разрозненная цепь действий, которые позже стали координироваться таинственным

Объединенным национальным руководством через листовки, подпольные радиопередачи из Сирии и через устные инструкции. Она началась 9 декабря, неделю спустя после того, как лидеры арабских стран на встрече в верхах в Иордании проигнорировали палестинцев и сосредоточились на обсуждении опасности войны Ирана с Ираком. В это же время американский президент Рональд Рейган встречался с советским лидером Михаилом Горбачевым в Вашингтоне, но и они не обсуждали палестинскую проблему.

Почему интифада началась именно в этот момент? Первая искра проскочила в секторе Газа 8 декабря, когда водитель израильского грузовика потерял управление автомашиной. Тяжелый грузовик врезался в толпу палестинцев, убив четверых и ранив семерых человек. Полиция квалифицировала инцидент как дорожно-транспортное происшествие. Но жители сектора Газа восприняли это как убийство, которое стало последней каплей, переполнившей чашу терпения, что и стало сигналом к бунту, который зрел два десятилетия. На следующее утро жители вышли на улицы, движение протеста перекинулось на Западный берег.

Члены израильского разведсообщества, особенно руководители «Шин Бет», всегда играли довольно скромную роль в вопросах выработки оборонной политики Израиля. Они были менее настроены использовать силу, чем многие радикальные политики. Они также выступали против применения смертной казни, считая, что неотвратимость смерти лишь заставит палестинцев драться еще ожесточеннее, причиняя еще большие потери израильтянам, в то время как в иных условиях они могли бы сдаться. Убийство работниками «Шин Бет» автобусных террористов в секторе Газа было исключением, а не отражением политики и в конечном счете, по израильским меркам, было сурово наказано.

Поскольку захваченных террористов не казнили, израильские тюрьмы были ими переполнены. И время от времени многие из них выходили на свободу в результате обмена, проводившегося несмотря на официальную риторику против сделок с террористами. В результате таких сделок с руководимым Ахмедом Джибрилем Народным фронтом освобождения Палестины — Главным командованием (НФОП—ГК) в 1985 году на Западном берегу собралось около 600 закаленных политических активистов и

боевиков. Палестинцы, осужденные за убийства и другие преступления, которые не чувствовали никаких угрызений совести и верили в вооруженную борьбу, после нескольких лет идеологической обработки в тюрьмах теперь оказались на свободе. Они создавали всякого рода группы и кружки, начиная от изучения марксизма и кончая тактикой ведения допросов, изучали тактику противодействия «Шин Бет» под самым носом у этого агентства.

Однако эти факторы играли скорее техническую роль и не объясняли серьезной исторической загадки. Трудно объяснить исторический момент начала крупных социальных потрясений вроде Французской революции или перемен в Восточной Европе. Нет и убедительных объяснений, почему интифада началась в декабре 1987 года, а не раньше. Однако ясно, что восстание произошло в тот момент, когда палестинцы уже были сыты по горло израильской оккупацией.

«Шин Бет» и военные губернаторы оккупированных территорий не видели в палестинцах народа в политическом смысле этого слова. Свою главную цель они находили в том, чтобы контролировать вверенные им территории сочетанием угроз и поощрений, в традиционных колониальных категориях политики кнута и пряника. Службы безопасности были полностью уверены в своих способностях сохранить порядок. Но в то время как десятки тысяч арабов ежедневно выезжали в Израиль, где мирным трудом зарабатывали себе на жизнь, израильтяне не позаботились о том, чтобы создать себе какие-то позиции влияния в секторе Газа и на Западном берегу.

Среди групп, в которые было крайне трудно проникнуть, находились религиозные экстремисты. В отличие от фанатичных иранских шиитов здесь были мусульмане более умеренного суннитского толка, но все же некоторые правоверные жители сектора Газа вдохновлялись примером аятоллы Рухоллы Хомейни и его революционных последователей в далеком Тегеране. По иронии судьбы, «Шин Бет» временами стимулировала фундаменталистские группы, надеясь, что они станут полезной альтернативной Организации освобождения Палестины. Это был еще один классический пример использования доктрины колониализма «разделяй и властвуй», но и он не принес успеха. В конечном счете мечети тоже выступили против «Шин Бет», призывая коллаборационистов «сдаться и по-

каяться». а экстремистская религиозная группа «Хамас» за свои действия была вообще запрещена израильтянами.

В стычках между подразделениями израильской армии и повстанцами, вооруженными в основном камнями и бутылками, в первый год интифады погибло более 300 арабов и примерно столько же в следующем, 1989 году. В истории арабско-израильского конфликта была открыта новая страница, и движение повстанцев стало набирать силу. В первые годы восстания израильтяне арестовали около 20 тыс. арабов, и количество арестованных в отдельные моменты доходило до 6 тыс. И все же число участников акций протеста постоянно росло.

В декабре 1987 года, когда восстание началось, высшие чины армии и разведки не придали этому событию особого значения. Министр обороны Ицхак Рабин не прервал свой визит в Вашингтон. Премьер-министр Шамир и начальник штаба армии генерал Дэн Шомрон на очередном еженедельном заседании кабинета отнеслись к выступлениям на оккупированных территориях как к чему-то малозначительному и пообещали всем 25 министрам, что беспорядки легко могут быть подавлены.

После двух месяцев еженедельных совещаний комитета «Вараш» руководители разведсообщества пришли к выводу, что «Шин Бет» и армии не удастся подавить восстание.

Руководитель «Шин Бет» Хармелин вынужден был сообщить, что осведомительная сеть агентства разваливается, но никто не мог объяснить, почему не удалось предсказать интифаду, если не считать неофициальных высказываний некоторых сотрудников «Шин Бет» в том плане, что в их функции не входит пророчество. Они признавали, что агентство не располагало средствами для своевременного выявления столь крупномасштабного выступления.

«Шин Бет» имела своей задачей предотвращение угроз Государству Израиль и неплохо с этим справлялась. Хармелин не хотел, чтобы его работники стали «козлами отпущения» за ошибки политиков, не сумевших найти долгосрочное решение проблем региона. Тем не менее он создал в «Шин Бет» новый департамент, который должен был заниматься мониторингом и анализом политических течений в палестинской среде.

Члены комитета «Вараш» понимали, что самым серьезным провалом израильских спецслужб в краткосрочном

плане была их неспособность предвидеть, что палестинцы могут изменить свою тактику. Они перешли от изолированных террористических акций с небольшим числом участников к менее насильственным, но более массовым акциям, которые могли успешно противостоять военной мощи Израиля. Вооруженный до зубов «бегемот», даже с его ультрасовременными системами оружия, был слишком неповоротлив, чтобы адекватно реагировать на появившуюся новую угрозу. Израильские лидеры понимали, что демократическое общество, в отличие от диктаторских режимов на Ближнем Востоке, в Китае и других странах, не может двинуть против демонстрантов, кидающих камни и поджигающих автопокрышки, танки и артиллерию.

Директор «Шин Бет» сообщал, что его агентура пытается разобщить повстанцев, отрезать одни горячие точки от других и от внешнего мира. Израильская разведка знала, что интифада была инициирована населением оккупированных территорий. Кроме того, лидеры ООП, находящиеся за пределами этих территорий, тоже пытались извлечь из этого политические дивиденды. Шеф «Моссада» Наум Адмони получил информацию о том, что одним из первых актов солидарности с восставшими будет организация пропагандистской акции в море.

В феврале ООП затратило примерно 75 тыс. долларов на покупку старого греческого парома «Сол Прайн». Его переименовали в «Аль-Авада» («Возвращение»), и он должен был высадить на побережье Израиля 131 палестинца, чтобы подчеркнуть их право на эту землю. Это должно было стать арабской версией знаменитого «Эксодуса» («Исхода»), парохода, на котором евреи, выжившие в нацистских концентрационных лагерях, возвращались в управляемую Великобританией Палестину. Англичане заставили этот пароход возвратиться в Европу, что до сих пор лежало пятном на репутации Великобритании.

Кстати, построенный в 1947 году «Сол Прайн» долго плавал среди греческих островов, а потом специализировался на обслуживании христианских паломников, направлявшихся из Греции в Израиль. В 1982 году он был одним из судов, вывозивших палестинских боевиков из Бейрута после вторжения Израиля в Ливан.

Теперь ООП планировала использовать этот паром для того, чтобы унизить Израиль. Британский мандат на управление Палестиной только на 1 год пережил трагическую

одиссею евреев, после того как «Экзодус» был отправлен обратно в Европу. Спустя 41 год ООП надеялась, что правление Израиля на Западном берегу постигнет такая же судьба. Неизбежная конфронтация в море могла только повредить репутации Израиля, которая и так уже была подмочена жесткими мерами армии по подавлению штифады.

Обсуждение этой потенциальной пропагандистской победы ООП стало в середине февраля одним из главных пунктов повестки дня собравшегося в Тель-Авиве комитета «Вараш». Как всегда, председательствовал директор «Моссада» Адмони, сообщивший, что его агенты тщательно наблюдают за подготовкой рейса парома «Аль-Авада». Пассажиры уже собирались в Афинах, и было известно, что в расположенном неподалеку порту Пирей их будет ждать судно.

Работники израильских спецслужб довели до местных судовладельцев информацию о том, что всякий, кто предоставит судно палестинцам, вскоре его лишится. Израильцы не навели справки и узнали, что «Сол Прайн» недавно был продан палестинцам. Но это судно стояло не в Пирее, а в Лимассоле на Кипре.

Люди «Моссада» составили полный список палестинцев, намеревавшихся отправиться морем в Израиль, среди которых было немало лиц с довольно бурным прошлым. В это же плавание отправились и десятки журналистов и телевизионных репортеров и даже один член кнессета. Это был страховой полис ООП, гарантия того, что израильские ВМС, которые должны были попытаться как-то воспрепятствовать приходу судна в Израиль, не потопят его.

Адмони осенила блестящая идея. Объединенный комитет руководителей разведок обсудил вопрос о потоплении судна еще до того, как на нем появятся пассажиры. Шеф «Моссада» призвал не терять времени, так как палестинский представитель Бассам Абу Шериф на ежедневных пресс-конференциях в Афинах заявлял, что судно может выйти в море «в любой час». Представителю ООП, полуслепому и покрытому шрамами Шерифу, удалось выжить, после того как у него дома в Бейруте в июле 1972 года взорвалась бомба—посылка «Моссада». Он потерял один глаз и несколько пальцев. Позже он утверждал, что порвал с радикализмом и жаждал мира. По имеющейся информа-

ции, Шериф уже давно не был причастен к терроризму и в 1988 году уже не был объектом охоты «Моссада». Разведка Израиля просто хотела пустить ко дну весь этот пропагандистский проект.

Шеф «Моссада» представил план уничтожения судна премьер-министру Шамиру. Собственный опыт Шамира в европейских операциях разведки подсказывал ему, что это было бы очень элегантным решением вопроса. Он не стал уточнять детали оперативного плана, но знал, что дело не обойдется без взрывчатки. Премьер-министру доложили, что операция будет проведена так, чтобы избежать человеческих жертв, а в случае наличия жертв из числа невиновных пассажиров операция будет считаться проваленной, по крайней мере частично.

Шамира также попросили санкционировать убийство. Руководители разведок хотели ликвидировать ответственного представителя ООП, который, по заключению разведки, представлял собой «явную и долгосрочную угрозу». «Моссад» уже давно вел слежку за 35-летним подполковником неофициальной армии ООП Мохаммедом Бассемом Султаном Тамими, активистом организации «Фатх», возглавляемой Ясиром Арафатом. Это был не политический стратег, а человек действия. Он работал в департаменте оккупированных территорий ООП. Тамими лучше знали по его прозвищу «Хамди».

Хамди сам подписал себе смертный приговор, организовав десятки террористических акций за пределами оккупированных территорий. Он же был создателем ответвления ООП под названием «Джихад ислами» (Исламская священная война), которое должно было привлечь на сторону ООП религиозных мусульман.

Одна акция Хамди вызвала особую ярость израильтян: 15 октября 1986 г. во время церемонии приведения к присяге новобранцев у Стены плача в Иерусалиме взорвалось несколько ручных гранат. Один израильтянин был убит и 70 получили ранения. Бросивший гранаты — судя по всему, агент Хамди — сумел скрыться. Ответственность за этот акт взяла на себя «Джихад ислами».

Израильтяне решили расквитаться с Хамди.

Премьер-министр Шамир одобрил оба плана — уничтожение парома и убийство Хамди — просто на основании устного доклада руководителя «Моссада». Не было ничего похожего на американскую систему, предусматривающую

подготовку соответствующего аналитического заключения, которое хранится в досье разведки. Ни один из парламентских комитетов не был информирован об этих тайных операциях. Никаких документов, никаких подписей. В конце концов это была война. Даже в своих публичных заявлениях Шамир заклеивал намеченную акцию ООП как «объявление войны».

Нет сомнений в том, что израильской разведке удалось проникнуть в департамент оккупированных территорий и приобрести агента в близком окружении Хамди. «Моссад» знал, что палестинский подполковник намерен 13 февраля 1988 г. вылететь из Афин на Кипр, и знал, что на Кипре совершить убийство относительно несложно. Расположенный в 150 милях от Израиля и Ливана остров был разделен на греческую и турецкую части, а полиция была просто не в состоянии раскрыть политическое преступление. Там часто случались инциденты, и у кипрских властей и так было слишком много проблем, чтобы ссориться с Израилем или арабами.

Главная сложность заключалась в том, что Хамди был уязвим как раз там, где стоял в ожидании пассажиров «Сол Прайн», пропагандистский корабль ООП. Независимо от того, отправится он в плавание или нет, мировая пресса нагрянет на остров и сделает его не совсем удобным местом для убийства. Адмони еще раз доложил ситуацию Шамиру и убедился, что близость этих двух событий не беспокоит премьера. Согласие было подтверждено.

14 февраля 1988 г. израильцы начали действовать. Они получили точную информацию о том, что подполковник Тамими, известный также как Хамди, поседет на машине по территории Кипра вместе с Марваном Кайяли, еще одним подполковником ООП, постоянно находившимся в Лимассоле. Кайяли занимался тем, что, используя свои превосходные контакты в порту Лимассола, снабжал всем необходимым палестинцев, все еще остававшихся в Ливане. Он также готовил «Сол Прайн» к выходу в море.

С точки зрения «Моссада» цели обеих операций практически совпадали. Израильские агенты без труда заложили мощное взрывное устройство в зеленый «фольксваген» Кайяли. Устройство управлялось по радио, и израильский разведчик, у которого в руках была кнопка взрывателя, наблюдал, как автомобиль подъехал к дому Кайяли в небольшом жилом комплексе в Лимассоле.

Присутствие в автомобиле третьего человека сначала вызывало у израильтян некоторое замешательство. Однако вскоре они установили, что это был Мохаммед Хассан Бухеис, известный также как Абу Хассан, еще один активист департамента оккупированных территорий. Действуя в соответствии со своим пониманием обстановки, израильские разведчики решили, что Абу Хассан также является вполне законной целью. Один из израильтян нажал на кнопку. «Фольксваген» разнесло на куски. Все трое палестинцев погибли.

На следующее утро в порту Лимассол прогремел еще один взрыв. Этот взрыв пробил дыру в корпусе парома «Сол Прайн» и сделал его непригодным для плавания. Палестинцы, естественно, обвинили во всем Израиль, но министр обороны Ицхак Рабин заявил: «Израиль был выпущен помешать им достичь своей цели, и мы сделали это так, как считали целесообразным».

В результате прогремевшего в понедельник взрыва жертв не было. Кипрская полиция определила, что водолазы прикрепили магнитную мину к корпусу «Сол Прайн». Это была чистая работа. Взрыв уничтожил все следы, которые могли бы привести к установлению изготовителя мины. Практически не имелось никаких шансов найти подводных диверсантов.

Сотрудники резидентуры «Моссада» на Кипре в эти дни работали с большим напряжением. Они, несомненно, вели предварительную разведку объектов и осуществляли наблюдение. Они же должны были встретить команду подрывников и подводных диверсантов, прибывших на остров для производства «взрывных работ».

Представитель ООП в Афинах заявил, что в ближайшее время будет найдено новое судно, но пассажиры устали ждать и покинули Грецию. Мировая пресса утратила интерес к происшедшему. «Сол Прайн» отремонтировали, но больше уже никто не предлагал использовать это судно для жалкого подражания «Эксодусу». Шамир и его разведка победили.

ООП вскоре подготовила ответную операцию. Это была почти личная месть Халила эль-Вазира, более известного как Абу Джихад («отец Священной войны»), который был правой рукой Ясира Арафата и его военным советником. Вазир работал в тесном контакте с департаментом оккупированных территорий, занимался стратегическим планиро-

ваннем с учетом интифады. Трое его соратников погибли от рук «Моссада» на Кипре, и он жаждал мести.

В марте 1988 года он направил троих боевиков в Египет, где они взяли из тайников оружие и через Синайскую пустыню, которую Израиль по соглашению в Кэмп-Дэвиде в 1978 году возвратил Египту, перешли в Израиль. Банда «Фатх» на удивление легко в пешем порядке проникла с Синайского полуострова в пустыню Негев. В течение нескольких часов они сумели до основания потрясти израильский оборонный истеблишмент.

Они, возможно, даже точно не представляли, что именно делают. В тот день партизаны захватили в пустыне пассажирский автобус, который оказался рейсовым служебным автобусом, перевозившим служащих совершенно секретных объектов из Беершсбы к сверхсекретному реактору в Димонс. Это было косвенное нападение на самый защищенный израильский объект.

Захваченный автобус был заблокирован на дороге, полиция для прикрытия вступила в переговоры, но затем в ходе молниеносного штурма уничтожила всех троих террористов. Однако вместе с ними погибли трое пассажиров—работников ядерного центра, и ООП объявила, что рейд увенчался успехом. Арафат заявил, что жертвы были связаны с секретной израильской фабрикой по производству ядерных бомб — «самой опасной военной целью на Ближнем Востоке». Эта акция ООП, проведенная за пределами Палестины, была в некотором роде внешней поддержкой интифады.

Все произошло в понедельник. Министр обороны Ицхак Рабин был в ярости и потребовал нанести удар в самое сердце терроризма. Сама по себе интифада уже была достаточной головной болью, но подобные акции были нетерпимы. Рабин предложил шефу «Моссада» Адмони изучить возможность убийства Абу Джихада.

Уже в четверг 10 марта Адмони информировал своих коллег, руководителей других разведслужб, Хармелина из «Шин Бет» и генерала Амнона Липкин-Шахака из «Амана», что за 30 дней «Моссад» при поддержке вооруженных сил сможет провести точечную акцию по уничтожению Абу Джихада. Комитет «Вараш» одобрил идею, и подготовка началась.

План в общих чертах был изложен Липкином-Шахаком на заседании «малого кабинета», состоявшего из 10 мини-

стров большого и плохо управляемого полного кабинета. Премьер-министр информировал министров этой двухпартийной группы, что ООП необходимо послать четкий «сигнал» о том, что она не получит никаких «военных» преимуществ от беспорядков на оккупированных территориях. Ликвидация ближайшего сподвижника Арафата может вселить страх в сердце палестинского лидера как раз в тот момент, когда он считает, что Израиль напуган интифадой.

Некоторые министры понимали, что за этим официальным объяснением скрывались и другие мотивы. Убийство Абу Джихада станет громкой акцией, которая должна поднять моральный дух израильской общественности, достаточно сильно подорванный неспособностью властей подавить восстание палестинцев.

Встреча происходила вскоре после инцидента с захватом самолета, и большинство министров охотно одобрили этот план. Однако заместитель премьера Перес возражал. Похоже, дело было даже не в партийных разногласиях, просто лидер лейбористской партии опасался, что акция против высшего руководства ООП — первая за последние 9 лет — может подорвать дипломатические усилия Израиля по поиску решения палестинской проблемы путем переговоров с Египтом и Сирией.

Лейбористы, входившие в коалиционное правительство, высказывались за оставление оккупированных территорий в обмен на мир. Шамир и его блок «Ликуд» выступали против. Перес постоянно подозревал, что Шамир намеренно глушит любые мирные инициативы. Против убийства были еще два министра, бывший командующий ВВС Эзер Вайцман и бывший президент Израиля, министр образования Ицхак Навон.

Наиболее опытные в военном плане лейбористы, министр обороны Ицхак Рабин и министр полиции Ханн Бар-Лев, оба в прошлом занимавшие должность начальника штаба, поддержали Шамира. Они были убеждены, что разведка вместе с военными должна сделать ООП строгое предупреждение. Одобрение рейда по военной цели — достаточно безликое и относительно несложное дело, но в данном случае Абу Джихад сам был военной целью и удар должен быть нанесен очень точно.

Шамир информировал своих министров, что «Моссад» пуждается в поддержке элитных армейских подразделений. Убийство палестинского лидера должно было произойти в

Тунисе, почти в полутора тысячах миль от Тель-Авива. Детали оперативного плана еще не были отработаны, но в целом эта акция могла напоминать рейд на Авив Неурим в Бейруте в апреле 1973 года. В той операции «Моссад» помог высадиться в Бейруте группе «сайерет» и уничтожить 15 руководителей палестинцев в их собственных домах. В числе убитых был и предшественник Абу Джихада на посту командующего — Мухаммад Нажар.

Малый кабинет дал «Моссаду» и армии «добро» на подготовку операции. Подготовка была поручена двум высшим израильским генералам, начальнику штаба Шомрону и его заместителю Ехуду Бараку. Барак был очень опытным человеком в вопросах разведки и военного дела, 15 лет назад он сам принимал участие в рейде на Бейруг. Теперь ему снова предстояло работать с разведчиками, и задача заключалась в том, чтобы повторить успех 1973 года, хотя на этот раз дистанция была в 15 раз длиннее.

Генерал Барак имел полную поддержку со стороны военной разведки. Командир «Амана» Шахак тоже принимал участие в рейде 1973 года. Шахак был известен как Амнон Липкин. Его выбор нового имени на иврите взамен европейского «Липкин» был тоже не случаен, «шахак» на иврите означает «распылять». Тунисская миссия вызывала у него энтузиазм.

Тщательное планирование операции против Абу Джихада может показаться любому военному стратегу излишним ради убийства всего лишь одного человека. Но можно представить, что англичане или американцы стали бы делать во время второй мировой войны ради устранения высшего германского или японского генерала. Точно так же немцы. Разве не было бы у них оснований считать, что они нанесли сокрушительный удар по морали союзников, если бы им удалось убить генерала Дуайта Эйзенхауэра?

Устранение крупной фигуры в рядах противника, конечно, не разрешило бы арабо-израильский конфликт, но Израиль очень нуждался в какой-то победе за четыре месяца интифады. Кроме того, опыт 1970-х годов подсказывал «Моссаду», что убийство одного из высших лидеров террористов дезорганизует ООП и ее различные ответвления. Они станут бояться Израиля, проявят скованность и начнут допускать ошибки. Помимо того, что им была нужна победа, израильтяне были убеждены, что пришло время нанести удар по Палестинскому сопротивлению.

«Моссад», «Шин Бет» и временами «Аман» в течение нескольких лет следили за Абу Джихадом. Агентура и осведомители в арабских странах регулярно сообщали в Тель-Авив о его передвижениях. В 1983 году «Моссад» поручил ведущему израильскому графологу Ареху Нафтали составить по арабской рукописи психологический портрет автора. Только намного позже Нафтали узнал, что человеком, которого он описал как очень умного, хорошего организатора с аналитическим складом ума, был известный террорист Халил эль-Вазир.

В досье «Моссада» имелась информация о том, что среди палестинских лидеров он пользовался репутацией миротворца. Он был цементующим фактором организации, так как к Абу Джихаду прислушивались и Арафат, и его соперники. Вместе с тем он был убежден, что путь к победе лежит через твердую «вооруженную борьбу». В 1954 году в возрасте 19 лет он уже был задержан египетской армией за установку мины на Синайском полуострове. После создания израильского государства семья Вазиров оставила родную Палестину и поселилась в секторе Газа, которым в то время управлял Египет. В 1955 году молодой Вазир получил боевое крещение в ходе нападения на станцию водоснабжения на израильской стороне. Спустя несколько лет он познакомился с Арафатом, и в 1959 году в Кувейте они создали «Фатх», на первых порах небольшую организацию, которая в конце концов взяла под свой контроль всю ООП. Он всегда был рядом с Арафатом. На начальном этапе существования «Фатха» он в поисках политической поддержки много ездил по арабским и коммунистическим странам. Он взял себе имя Абу Джихад и везде, где ООП находила себе временное пристанище, начинал организовывать партизанскую борьбу, в то время как Арафат культивировал свой имидж дипломата.

В тель-авивской штаб-квартире «Моссада» Адмони и его сотрудники, отвечавшие за планирование операции, внимательно изучали досье с материалами о бейрутском рейде. Глядя на то, как легко израильские агенты в 1973 году проникли в арабский Ливан, можно было предположить, что так же легко они смогут проникнуть и в Тунис в 1988 году. Шесть агентов «Моссада» с фальшивыми британскими и бельгийскими паспортами под видом

туристов и коммерсантов проникли в Бейрут, провели разведку адресов, на которые предполагалось совершить нападение, и арендовали шесть больших автомашин.

В Тунисе цель будет одна. «Моссаду» потребуются только три агента и три автомашины. На этот раз, по иронии судьбы, они использовали ливанские паспорта и совершенно свободно говорили по-арабски с ливанским прозвищем. Двое мужчин и одна женщина прилетели в Тунис разными рейсами под видом туристов и выглядели такими же безмятежными и праздными, как 2 млн. других туристов, ежегодно посещающих Тунис.

Как и в бейрутском рейде, спецназ ВМС Израиля — «сайерет-13» — обеспечил доставку на берег в непосредственной близости от цели группы армейского спецназа. В отличие от короткого «круиза» в Ливане ракетный катер должен был выйти из Израиля 12 апреля одновременно с отъездом «туристов». В ночь на 15 апреля ракетный катер уже был готов высадить на берег Северной Африки десант из 30 человек. Это были члены «Сайерет Маткал» — отборного специального подразделения, обслуживавшего начальника генштаба и разведсообщество.

Повторяя схему, использованную в Бейруте, диверсанты глубокой ночью высадились на туристском пляже с резиновых лодок. Как и в 1973 году, на берегу диверсантов встретили агенты «Моссада». Они арендовали два микроавтобуса — «фольксваген» и «пежо-универсал». От пляжа Руад было совсем недалеко до пригорода Сиди Бусаид, в котором Абу Джихад проживал со своей женой, тоже активистом ООП, и двумя детьми: 14-летней дочерью и 2-летним сыном. Двое других его сыновей и дочь обучались в Соединенных Штатах.

По сравнению с бейрутским рейдом 1973 года израильские диверсанты имели два технологических преимущества, обеспечивавших им более высокую степень безопасности. Первым было использование израильского «Бонига-707» со средствами военной радиосвязи в качестве командного поста над Средиземным морем в 30 милях от побережья Туниса. Поскольку самолет оставался в рамках пассажирского коридора, известного под названием «Блю-21» и проходящего к югу от Сицилии, израильские шлюты, выходя на связь с итальянскими пунктами регулирования воздушного движения, маскировались под чартерный рейс компании «Эль-Аль». Это было несколько не-

обычно, но у воздушных диспетчеров не было ни времени, ни желания задавать вопросы по поводу какого-то височередного рейса из Израиля в Европу.

Присутствие «Боннга» было равносильно тому, как если бы генералы Барак и Шахак находились на месте событий. Они могли принимать оперативные решения без всякой задержки, поскольку были на борту авиалайнера и поддерживали прямую радиотелефонную связь с диспетчерами.

Другой технической новинкой было средство для подавления телефонной связи в районе Сиди Бусаид около виллы Абу Джихада. Около часа ночи 16 апреля в квартале от этой виллы остановился один из микроавтобусов и «пежо-универсал». Израильцы вскрыли заранее выявленный агентом «Моссада» телефонный распределительный ящик и вывели из строя телефонный кабель. В обеих машинах боевики в гражданской одежде, вооруженные автоматами «узи» и пистолетами, напряженно ждали приближения решающего момента. В Бейруте их коллегам для прикрытия своей миссии пришлось вступить в бой с подразделением ООП и ливанскими жандармами. На этот раз, если возникнет необходимость, им придется вступить в бой с подразделениями безопасности ООП или даже тунисской армии.

К дому Вазира подъехал второй микроавтобус с восемью боевиками, за рулем которого сидела женщина. Разделившись на 2 группы по 4 человека, они ринулись на штурм виллы. Боевики долго практиковались в этом на аналогичной вилле в Израиле. Такая тренировка на моделях целей, часто специально построенных, считается в Израиле абсолютно необходимым элементом подготовки сложных операций за рубежом.

Одна группа, отвечавшая за обеспечение безопасности места операции, сразу же убила водителя Вазира, который за полтора часа до этого привез своего шефа домой и все еще сидел в машине. Используя пистолеты с глушителями, израильцы также убили находившегося в подвале палестинского охранника. В их задачу входило уничтожение любого, кто может оказаться между ними и их жертвой.

Другая группа взломала дверь и, проникнув в дом, стала искать самого Абу Джихада. Также из пистолета с глушителем они застрелили тунисского охранника и в этот момент увидели Абу Джихада, стоявшего на лестнице, ведущей со второго этажа.

В руке Абу Джихада был небольшой пистолет. Он схватил его, когда услышал внизу какой-то шум. Он еще не спал и смотрел видеозаписи интифады, которую пытался координировать из-за рубежа. У него не было возможности воспользоваться своим оружием. В одно мгновение 4 израильтянина буквально изрешетили его автоматным огнем, вогнав в него 70 пуль. Они не оставили ему ни малейшего шанса выжить. Его правая рука, в которой он сжимал пистолет, была почти отрезана от туловища. 52-летний Абу Джихад был мертв.

Больше убивать было некого. Жена партизанского лидера, которая называла себя Умм Джихад — «мать Джихада», — позже рассказала, что она ожидала расстрела. Она даже повернулась лицом к стене, ожидая, что ее тело будет растерзано автоматными очередями. Вместо этого один из израильтян приказал ее дочери по-арабски: «Позаботься о своей матери». С этими словами боевики покинули дом, сели в микроавтобус и на большой скорости скрылись. Жена и дочь Вазира не были уверены, но им показалось, что среди нападавших они видели женщину, у которой в руках был не автомат, а видеокамера, и она снимала убийство на пленку.

Израильская разведка вновь показала свои несравненные способности проводить ответственные и трудные операции. И снова комбинация «Моссад»—«Сайерет Маткал» сработала, на первый взгляд, легко и изящно. Тунисские власти обнаружили только 3 покинутые автомашины и следы людей на пляже в 10 милях от дома Вазира.

ООН, естественно, обвинила во всем Израиль, но израильтяне могли бы держать это все в глубокой тайне. Однако официальные израильские источники представили американской телевизионной компании «Эй-Би-Си» и газете «Вашингтон пост» довольно полную информацию о том, что сделали «Моссад» и армия. Министр Эзер Вейцман, наиболее резко возражавший против убийства, покачивая головой, публично заявил журналистам: «Это не будет способствовать успеху борьбы с терроризмом, отдалит мирный процесс и обострит обстановку. Это также делает нас более уязвимыми в мире».

Разведсообщество, однако, считало, что ему нечего стыдиться. Командующий «Аманом» Шахак еще до убийства Абу Джихада заявил в интервью официальному журналу вооруженных сил «Лагерь»: «Каждый, кто прибегает к терроризму, сам является законной целью для уничтожения».

Шахак озвучивал позицию одной из сторон в давнем, и жарком споре, который шел за закрытыми дверями разведсообщества: оправдало ли себя убийство палестинских лидеров? Если да, то следует ли устранять высшее руководство? В 1970-х и начале 1980-х годов этот подход преобладал. Израильцы убивали или пытались убить руководителей ООП. Было предпринято несколько покушений на жизнь Арафата. В ход шли бомбы-посылки, удары с воздуха и взрывы заминированных автомобилей, в том числе летом 1982 года во время израильской осады Бейрута.

Позже возобладала другая точка зрения: лучше иметь дело с известным дьяволом, чем с неизвестными лидерами ООП, которые могут прийти к власти в случае ликвидации Арафата. Новое поколение партизанских лидеров может быть еще более радикальным, кровожадным и непредсказуемым.

Компромисс между двумя точками зрения был выработан бригадным генералом Гидеоном Маханайми, который в 1985 году выработал философию, согласно которой только лидеры мелких террористических групп могли рассматриваться как законные цели. Наиболее ярким примером был Сабри эль-Баина, известный также как Абу Нидаль («отец борьбы»), несший ответственность за две сотни кровавых нападений на израильские, британские и американские гражданские объекты в более 20 странах. Генерал Маханайми утверждал, что в подобных небольших организациях, руководимых одним человеком, устранение лидера приведет к ее распаду. В этих случаях убийство дает какой-то осязаемый результат.

Такая же логика была и в решении Израиля, принятом через год, захватить целый самолет палестинских террористов путем перехвата направлявшегося из Ливии в Дамаск небольшого реактивного лайнера. Израильская разведка получила данные, что 4 февраля 1986 г. в ливийской столице Триполи должна состояться встреча всех террористов — гораздо более радикальных, чем Арафат. В числе участников встречи были Джордж Хабаш, Наеф Хаватма, Ахмед Джибриль и даже Абу Нидаль — буквально «кто есть кто» в терроризме. При поддержке ливийского полковника Каддафи они плели заговор против более умеренного Арафата и поклялись «усилить борьбу против заговоров спонизма и американского империализма».

«Моссад» и «Аман» установили местонахождение террористов и получили вроде бы точную информацию о том, на каком самолете они будут возвращаться в Сирию. В тот момент, когда самолет пролетал вдоль побережья Израиля, 4 израильских истребителя «F-16» принудили его к посадке в военном аэропорту на севере Израиля. Но когда пассажиров с поднятыми вверх руками вывели по одному из самолета, израильские разведчики обнаружили, что среди них не было тех, за кем они охотились: только сирийские официальные лица, включая высокопоставленного члена партии «Баас», близкого к президенту Хафезу эль-Ассаду.

Два месяца спустя сирийцы попытались взять реванш путем подрыва израильского авиалайнера. Бригадный генерал сирийских ВВС Мухаммад эль-Кули завербовал палестинского террориста-одиночку Незара Хиндави и поручил ему найти человека, который мог бы быть использован «втемную» для проноса взрывного устройства на борт авиалайнера. Он нашел в Лондоне одну ирландку, пообещал на ней жениться и, беременную, отправил в качестве живой бомбы на самолет, направлявшийся в Тель-Авив. Только высокая бдительность работников службы безопасности «Эль-Аль», прошедших подготовку в «Шин Бет», позволила обнаружить в ее сумочке исключительно современное взрывное устройство. Наконец-то после неудачной попытки добиться перелома в войне с терроризмом и поймать сразу всех террористов в воздушную сеть что-то удалось сделать правильно.

Можно ли было в 1988 году путем убийства Абу Джихада получить какой-то долгосрочный результат? Большинство израильтян, уставших от интифады, не были склонны размышлять над этим. В целом они одобряли действия разведки и вооруженных сил. Вскоре им снова стало ясно, что армия и «Шин Бет» по-прежнему должны были ежедневно заниматься проблемой насилия, связанного с интифадой. Смерть Абу Джихада ничего не изменила.

Наоборот, протесты и попытки солдат подавить их во время похорон Абу Джихада в Сирии приняли еще более экстремистские формы. Палестинцы отметили это событие грандиозными и неуправляемыми протестами в секторе Газа и на Западном берегу. В тот день израильские солдаты убили 5 человек.

Имена убитых и раненых повторялись в листовках Объединенного национального руководства как имена мучеников и героев, подкрепляя призывы к новым забастовкам и другим формам протеста. Наряду с палками и камнями эти слова вызвали особую ярость «Шин Бет», которая раньше не встречалась с подобным в повседневной жизни на Западном берегу и в секторе Газа.

В это же время на волнах радиостанции «Радио аль-Кудс», что по-арабски означало «святой» — арабское имя Иерусалима, — стали появляться стандартные прокламации. Радиопеленгаторы «Амана» быстро установили, что радиостанция находится на юге Сирии и действует с очевидного одобрения властей Дамаска в интересах радикальной группировки ООП. Возникла мысль, что радиостанция могла так быстро цитировать листовки только при условии, что они составлялись в самой Сирии или Иордании, а также отправлялись по телефаксу на Западный берег или доставлялись туда рабочими, каждый день переходившими реку Иордан.

Контрмеры «Шин Бет» отражали бессилие этой организации, которое иногда толкает людей на принятие крайних мер. Израильская разведка стала печатать свои собственные фальшивые листовки от имени Объединенного национального фронта, призывая на чистом арабском языке к продолжению восстания, но советуя делать это так, чтобы не нарушать нормальной деятельности предприятий. Израильцы пытались бороться с огнем с помощью огня, распространяли дезинформацию относительно времени забастовок и места акций протеста, стараясь внести таким образом раскол в ряды восставших и спровоцировать трения между руководителями фракций.

На улицах палестинских деревень стали появляться листовки двух видов: одни содержали настоящие инструкции организаторов интифады, другие — фальшивые призывы «Шин Бет». Одна из таких фальшивых листовок, появившаяся в начале июня 1988 года, призывала арабов к непрерывной забастовке в течение семи дней. Расчет делался на то, что арабы не захотят терять свои доходы на столь долгий срок и это подорвет их веру в организаторов восстания.

Пытаясь прекратить выпуск листовок, агенты службы безопасности установили наблюдение за всеми типографиями в секторе Газа и на Западном берегу. Во время одной

из облав были задержаны два палестинца, перевозивших на грузовике большое количество пропагандистской литературы.

В обстановке шумной рекламы «Шин Бет» организовала налет на компанию «Артц принтинг компани» в арабском секторе Иерусалима. Был арестован печатный пресс и задержано четверо палестинцев, трое из них тут же были выдворены в Ливан. Служба безопасности заявила, что интифаде был нанесен ощутимый удар.

Вместе с тем многие израильяне считали, что это просто граничило с абсурдом, когда одна из самых современных армий в мире, объединив свои усилия с расхваливаемой на все лады разведкой, захватила обычный печатный станок и объявила об этом как о крупной победе.

Но листовки продолжали появляться, направляя различные аспекты разгорающейся интифады. В ноябре 1988 года они призывали палестинцев выйти на улицы в поддержку решения Национального совета Палестины о создании независимого государства.

Палестинские лидеры надеялись, что эта декларация вызовет такой же спонтанный взрыв радости, который имел место 41 год назад, когда ООН объявила о создании Государства Израиль. Арабы тогда тоже хотели танцевать на улицах.

Руководители израильских служб безопасности решили не допустить никаких публичных празднеств, считая пресечение националистических проявлений своей приоритетной задачей. Израиль пошел на то, чтобы отключить электричество на всей территории сектора Газа и на Западном берегу. Эта акция не была мерой коллективного наказания, лишения арабов возможности иметь горячую воду, готовить пищу, стирать белье и т.п. Это было сделано для того, чтобы они не смогли увидеть выступление по телевидению Арафата и его соратников по ООП, объявлявших о теоретическом создании своего собственного государства на Западном берегу и в секторе Газа.

В эту ночь был введен комендантский час, и израильские солдаты гонялись по улицам за мальчишками, размахивавшими черно-красно-зелеными палестинскими флагами, взрывавшими петарды, пытавшимися танцевать и петь.

Листовки с призывами к бастующим распространялись на удивление регулярно и почти беспрепятственно каждую неделю. Они были очень хорошо написаны и служили

коллективным организатором восставших. Тексты часто передавались по телефаксу из штаб-квартиры ООП в Тунисе или по телефону.

В течение двух десятилетий оккупации израильтяне старались поощрять палестинцев к созданию своего альтернативного руководства, которое можно было бы противопоставить ненавистной ООП. Израильтяне использовали разнообразную тактику, включая создание организаций квислингов под названием «Деревенская лига». Однако эти «лидеры» не смогли повести за собой население Западного берега, и это дало повод израильтянам утверждать, что им «не с кем было вести переговоры».

В ходе интифады палестинцы создали свое собственное Объединенное национальное руководство восстанием, хотя обстановка секретности не позволяла сделать вывод о том, насколько оно было репрезентативным. Оно успешно оставалось в подполье, но, похоже, имело иерархическую структуру, опиравшуюся на местные комитеты в деревнях и поселках. Главной целью руководства было создание альтернативных институтов власти взамен навязанных израильтянами.

Комитеты решали некоторые вопросы управления: уборки улиц, борьбы с проституцией и торговлей наркотиками и даже уничтожения коллаборационистов. «Шин Бет» старалась проникнуть в эти комитеты и в Объединенное национальное руководство, но она не могла подавить их.

В попытке овладеть положением разведсообщество прибегло к новой тактике, в том числе к использованию секретных военных подразделений. Было сформировано два армейских подразделения — «Самсон» и «Вишня», в которые вошли евреи, владевшие арабским языком. В гражданской одежде они направлялись в сектор Газа и на Западный берег, где смешивались с местными палестинцами.

Это было повторением того, что армия делала в 1970-е годы для подавления терроризма в секторе Газа. Однажды летом в 1970 году к берегу сектора Газа пристало небольшое судно под ливанским флагом. С него на берег сошли 6 человек и исчезли. На борту судна были найдены ливанские газеты, продукты и сигареты. Израильтяне немедленно организовали поиск неизвестных с применением армейских подразделений и вертолетов. Это произвело впечатление на местное палестинское руководство, и вопреки своим собственным правилам конспирации они стали искать контакт с этими людьми.

Поиск продолжался трое суток, пока на одной из конспиративных встреч с местными палестинскими руководителями неизвестные не выхватили оружие и не расстреляли их в упор. Это были члены специального армейского подразделения Израиля.

Изучение прошлой тактики израильтян позволило журналистам сделать вывод, что новые армейские подразделения «Самсон» и «Вишня» имели аналогичное назначение. Со ссылкой на палестинские источники иностранные корреспонденты сообщали, что израильские солдаты в гражданской одежде хладнокровно расстреливали активистов нитифады. Власти Израиля это категорически отрицали.

Что бы ни говорили о подобных «эскадронах смерти», нет сомнения в том, что израильская разведка координировала деятельность этих спецподразделений. Компания «Эй-Би-Си» обвинила «Шин Бет» в том, что она, прикрываясь ее именем этой компании, послала своих агентов для ареста подозреваемого Незара Дадука. «Шин Бет», очевидно, опасалась, что подозреваемый может опознать израильские автомашины и сбежать.

Согласно показаниям очевидцев, 2 человека, назвавшиеся корреспондентами «Эй-Би-Си», подошли к Дадуку и сказали, что хотят взять у него интервью. Он сел с ними в машину, на которой была надпись «Эй-Би-Си Ньюз», а позже семье сообщили, что Дадук арестован. В качестве наказания военные бульдозерами разрушили его дом.

Представитель компании «Эй-Би-Си» направил премьер-министру Шамиру телекс следующего содержания: «Я был информирован, что службы безопасности Израиля использовали прикрытие «Эй-Би-Си Ньюз» в ходе ареста палестинского араба. Компания «Эй-Би-Си Ньюз» этим очень обеспокоена и требует проведения немедленного расследования с целью установления лиц, отдавших такое распоряжение».

Действовавшие под прикрытием израильтяне время от времени следили за обстановкой в арабских районах из машин с надписью «Иностранная пресса». На Западном берегу и в секторе Газа иностранные корреспонденты имели практически свободный доступ в арабские деревни, особенно американцы, которым стремились понравиться как израильтяне, так и палестинцы. Каждая из сторон хотела завоевать симпатии Соединенных Штатов.

В августе 1989 года группа израильских солдат, замаскированная под туристов, с фотокамерами и туристскими рюкзаками, открыла огонь по группе арабов, бросавших в них камни. Один араб был убит.

В сентябре солдаты, переодетые в арабскую одежду, под видом активистов интифады и в традиционных палестинских клетчатых платках ворвались в дом разыскиваемого человека по имени Тулкарм. По словам очевидцев, 7 солдат были вооружены ножами и топорами, и, когда Тулкарм понял, что это были израильтяне, он попытался бежать, выпрыгнув из окна третьего этажа. Он получил многочисленные переломы и в состоянии комы был арестован.

Армия выработала новую тактику, но она не смогла заменить разгромленную сеть осведомителей «Шин Бет». Слишком многие были убиты соседями, за которыми они шпионили. Лишь некоторые палестинцы рисковали получать «удостоверение коллаборациониста», разрешавшее им иметь оружие, автомашины и радиостанции. Такое удостоверение одновременно было смертным приговором. В первые годы после войны 1967 года «Шин Бет» сумела убедить местное население в том, что невидимые израильские осведомители были повсюду, но к 1990 году уже не стало видно самих израильтян.

Интифада вызвала новый и глубокий интерес к палестинской проблеме, а израильтяне поняли, что их собственные службы безопасности стали объектом пристального внимания в мире. По мере того, как восстание становилось постоянным фактором ближневосточной политики, на поверхность всплывали многие тайны израильского разведсообщества. Годы действительных успехов и целенаправленных утечек о «славных делах» разведки, правда, иногда омрачались отдельными провалами, проявлением жестокости, самодовольства, дилетантизма, наглости, ошибочной стратегии и соперничества между различными службами. Но только в 1980-х годах все это в концентрированном виде вышло наружу.

Израильская общественность, евреи по всему миру и все остальные, чьи интересы затрагивала проблема безопасности Израиля, начали ставить под сомнение эффективность израильской разведки. Достоянием гласности стали очень тревожные факты, и официальная цензура уже не могла скрывать негативную информацию.

В МИРЕ НЕДОВЕРИЯ

Авторам этой книги недавно удалось побывать в штаб-квартире «Моссада» в Тель-Авиве. Правда, мы не попали в ту часть здания, где находятся самые уважаемые разведслужбы мира. Скажем, мы были рядом с ними.

Мы можем назвать адреса, описать довольно невзрачные помещения. Мы можем сказать, поднимаются там люди по лестницам или на лифтах. Мы даже можем сообщить, что большинство подразделений «Моссада» в 1989 году переехало за город. Однако раскрытие излишних деталей может привести к нарушению израильского закона.

Никто не знает точно, где проходит эта грань, однако работающих в Израиле журналистов чутье не подводит, когда они проскакивают «серую зону» и оказываются за пределами закона. Главный трюк заключается в том, как это хорошо усвоили иностранные и израильские корреспонденты, чтобы двигаться вдоль границы «серой зоны», не пересекая ее. Правила военной цензуры настолько нелепы, что, например, сказать, что штаб-квартира «Моссада» находится в здании «Хадар Офна» на бульваре Короля Сауля можно только потому, что эту информацию уже раскрыл бывший работник «Моссада» Яков Островский. В 1990 году он опубликовал свои мемуары и стал первым сотрудником разведки, нарушившим клятву пожизненного соблюдения секретности.

Многие хорошо информированные израильтяне и так знали имена директоров «Шин Бет» и «Моссада». На вечеринках было модно вступить в разговор с репликой вроде: «Вчера директор «Шин Бет» сказал мне...» или: «Я встречался с директором «Моссада», и он мне рас-

сказал...», а те, кто не знал этих имен, просто не допускались в круг «избранных».

Один израильский журналист захотел произвести впечатление на элиту из числа его читателей и одновременно дать понять «Шин Бет», что он знает то, что известно «Шин Бет». И он решил в 1988 году поиграть в кошки-мышки с именем нового шефа, назначенного, по иронии судьбы, как раз в тот день, когда был вынесен приговор Вахуцу.

Тонкой шуткой оказался заголовок в статье, где речь вроде шла об американском телевизионном персонаже — детективе Перри Мэйсоне: «Чем будет заниматься Перри?». На иврите этот намек звучал еще более смело.

Чего же достиг этот автор? Он намекал на имя, которое должно быть тайной, и в то же время оставался по эту сторону израильского закона о секретах, не давая цензору никаких зацепок. Возможно, новому шефу «Шин Бет» повезло, что этот заголовок появился в газете с небольшим тиражом, тем не менее он на следующий день позвонил редактору и спросил: «Ну почему ты так со мной поступил?». Анонимный шеф контрразведки напрямую позвонил редактору, потому что знал, что может ему доверять. Газетные издатели обычно знают, «кто есть кто», даже если не могут этого опубликовать.

Вся эта суета выглядела явным абсурдом, когда в феврале 1989 года анонимный шеф «Шин Бет» с большой помпой отметил свое 44-летие. Израильские газеты оповестили мир, что этот человек был разведен, что в настоящее время его спутницей является известная светская львица, которая при содействии его секретарей и других работников «Шин Бет» организовала для него грандиозную «вечеринку-сюрприз».

Торжество состоялось в кафетерии иерусалимского Музея Израиля. В числе 150 гостей были министры, члены кнессета и даже журналисты. Газеты сообщали, что работники «Шин Бет» крепко напились, их знаменитый анонимный шеф играл на трубе свои любимые мелодии, а вся вечеринка продолжалась до трех часов утра.

Бывший работник «Шин Бет», аскетический премьер Шамир, пришел в ярость, когда узнал об этом вызывающе публичном празднестве. Шамир знал, что газетные сообщения были просто подарком иностранным спецслужбам, собиравшим досье на нового директора «Шин Бет». Пре-

мьер вызвал его на ковер, а затем сделал так, чтобы сообщения об этой выволочке утекли в прессу.

Это на первый взгляд тривиальное событие стало водоразделом в 40-летней истории агентства внутренней безопасности. Все секреты тайного братства — от пыток и лжесвидетельств до полночных пирушек — стали достоянием гласности. Полушутливо говорили, что предыдущие руководители «Шин Бет», застигнутые врасплох толпой любопытных, реагировали бы по-разному: Иссер Харел отправил бы им по почте бомбы-посылки, Йозеф Хармелин оказался бы в ступоре, Аврахам Ахитув их всех расстрелял бы, а Аврахам Шалом приказал бы забить их на смерть.

Приглашение репортеров на вечеринку по случаю дня рождения шефа «Шин Бет» не было бескорыстным. Любого журналиста, столь близкого к спецслужбам, рано или поздно попросят оказать им одну-две услуги. Работники разведки время от времени прямо выходят на журналистов и предлагают им не углубляться в вопросы, детальное освещение которых может иметь отрицательные последствия для безопасности Израиля. Каждый репортер сам волен решать, как ему поступить, но всем ясно, что в небольшой стране лучше иметь хорошие отношения с источниками в военных и разведывательных кругах. Если личные обращения не возымеют действия, то в распоряжении правительства всегда есть элемент принуждения в лице цензора.

Журналисты и редакторы почти всегда играют по правилам и часто получают неофициальные интервью от премьер-министра, министра обороны и даже от руководителей разведслужб. Власти хотят, чтобы пресса понимала, какие факты стоят за тем или иным официальным решением, но они верят, что сами факты, имеющие отношение к национальной безопасности, не будут преданы огласке. Эта уникальная система сложилась в 1949 году, вскоре после окончания войны за независимость.

Первый премьер Давид Бен-Гурион мог продолжать использовать старые чрезвычайные правила, относящиеся к периоду Британского мандата, для ограничения прессы и других свобод. Он, однако, предпочитал играть в демократии при одновременном сохранении возможности использования чрезвычайных мер, когда считал это необходимым. Бен-Гурион убедился, что редакторы газет могут быть иде-

альными партнерами, готовыми добровольно подчиняться цензуре. Было даже подписано официальное соглашение, не имевшее юридической силы, но очень живучее.

По соглашению 1949 года начальник генерального штаба и министр обороны назначают кадрового бригадного генерала с опытом службы в войсках и разведке на пост военного цензора. Организационно цензура является частью «Амана», и ее аппарат насчитывает 70 человек военных и гражданских служащих, расположенных в двух точках — Тель-Авиве и Иерусалиме.

В соглашении также отмечается, что честь журналиста, радио- или телерепортера, как израильского, так и иностранного, обязывает его представлять свои материалы в цензуру. Для бригадного генерала Ицхака Шани — начальника военной цензуры с 1977 года — это был вопрос чести. «Каждый репортер обязан представлять материал в цензуру. Кто этого не делает — тот преступник!»

Человек, руководящий этой системой, признает, что это уникальный институт среди демократических стран, поскольку Израиль является единственной страной, где постоянно действует узаконенная военная цензура. Он пользуется такими же правами, как и вооруженный ножницами его предшественник — цензор в период Британского мандата на управление Палестиной. Но в наши дни степень добровольного сотрудничества гораздо выше.

Если входящие в «комитет редакторов» издания нарушают установленные цензурой правила, то эти вопросы рассматриваются специальным судом, в состав которого входят цензоры и журналисты. Суд может принять решение о наложении штрафа и даже о временном закрытии издания.

Цензоры могут закрыть газету даже без этой судебной процедуры. Они принимали такого рода решения в 1952 и 1984 годах в связи со скандалами вокруг «Шин Бет». Закрытию чаще подвергались арабские газеты в Иерусалиме и на оккупированных территориях, особенно после начала интифады в 1987 году.

Решения суда можно обжаловать в апелляционной инстанции, состоящей из старшего офицера вооруженных сил, журналиста и видного политика. Кроме того, жалобу можно подать в Верховный суд Израиля.

Суды никогда не ставили под сомнение право цензоров подслушивать телефоны журналистов, особенно междуна-

родные переговоры иностранных корреспондентов. Цензоры также получают копии исходящих телексных сообщений. Использование телефакса и модемной компьютерной связи на первых порах создало цензорам некоторые проблемы, но вскоре были разработаны методы перехвата и этих современных способов связи.

Компетенция цензоров выходила за пределы чисто военных секретов, и, естественно, включала идентификацию конкретных армейских подразделений, всякого рода коды, имена сотрудников разведки, передвижения войск и такие деликатные вопросы, как, например, производство ядерного оружия. Кроме того, в числе вопросов, которые могли подвергаться цензуре, были проблемы эмиграции в Израиль, строительство новых дорог, новые еврейские поселения на оккупированных территориях, проблемы энергетических ресурсов и запасов топлива в Израиле, политические и экономические связи со странами, с которыми Израиль не имел официальных дипломатических отношений; короче говоря, все, что могло иметь отношение к мощи израильского государства в самом широком смысле слова.

Соглашение 1949 года корректировалось в трех случаях, каждый раз в сторону сокращения перечня сведений, которые требовали обязательной цензуры. Но список все еще остается достаточно длинным и включает 69 тем.

Что же пресса получает взамен? Разумный подход к делу. Редакторы и репортеры могут даже вести переговоры с цензором и отрабатывать взаимоприемлемые формулировки конкретных сообщений. Цензор обычно действует достаточно аккуратно, не превышая своих полномочий — если только он не находится под сильным политическим давлением, — только слегка «принюхиваясь» к тому, где могут быть разглашены подлинные военные секреты. Но иногда военного цензора заставляют совать свой нос в политические проблемы и действовать почти в режиме политического цензора. Отставные политики часто обнаруживали, что их мемуары подвергались купюрам, чтобы не поставить в неловкое положение действующих правительственных и военных чиновников.

Были выработаны определенные правила передвижения по этому «минному полю», хорошо известные всем участникам процесса. Есть взаимопонимание в том, что, например, статьи о строительстве шоссежных дорог нет необходимости заблаговременно представлять цензорам, если

только в них не затрагиваются какие-то вопросы, связанные с деятельностью разведки.

Если израильский или иностранный корреспондент хочет упомянуть имя или адрес одного из начальников специальных служб, он должен помнить, что его сообщение сначала попадет на стол военного цензора и секретная информация будет должным образом изъята. Тогда зачем ее включать? Угроза цензуры иногда сама играет роль самоцензуры.

С другой стороны, если репортеры и редакторы чувствуют, что могут обойти цензуру, они идут на риск. Например, в 1981 году израильский журналист, работавший на американскую газету, написал, что руководителем «Шин Бет» является Аврахам Ахитув. Журналист хотел сообщить всему миру, что руководитель спецслужбы вошел в конфликт с премьер-министром по вопросам безопасности на Западном берегу и столкновений израильских поселенцев с палестинцами. Цензор рекомендовал отдать журналиста под суд, но прокурор решил не предъявлять обвинение.

В другом случае цензор проявил большой либерализм, когда американское телевидение «засветило» директора «Шин Бет» Аврахама Шалома в связи с убийством двух автобусных террористов.

Израильская система иногда достигает пика абсурдности, когда запрещает публиковать некоторые факты, хотя в иностранной прессе — за пределами действия израильских цензоров — материал публикуется в полном объеме. Разведывательные скандалы 1980-х годов дают наглядные примеры в этом плане, когда израильской прессе разрешалось только перепечатывать материалы, уже опубликованные в иностранных газетах. Информация в подобных случаях нередко исходила из израильских источников, чьи уста предположительно были запечатаны цензурой.

В марте 1989 года, за несколько недель до отставки Наума Адмони, американские газеты писали, что будет произведена замена директора «Моссада», проработавшего в этой службе 28 лет, в том числе 7 лет на посту директора. По крайней мере в краткосрочном плане тот факт, что преемником Адмони стал его заместитель, так же как и имя этого человека, оставался секретом.

Авторы этой книги не хотят нарушать абсолютный запрет цензора и раскрывать личность Адмони, как это сдела-

ли репортеры «Санди таймс» через несколько дней после его назначения в сентябре 1982 года. Так, один «бывший», не согласный с решением премьер-министра, назвал его имя в телефонном разговоре с Лондоном. Но по счастливой случайности журналист не расслышал и указал имя «Наум Адони».

Цитирование иностранной прессы приняло огромный размах, и один из редакторов даже пошутил, что он может уволить всех своих репортеров и заменить их переводчиками.

Цензура и другие израильские органы власти, вероятно, полагают, что израильские газеты являются своего рода официальным рупором и в этой связи любая публикация может быть воспринята за рубежом как отражающая официальную позицию. Таким образом, считается, что израильские газеты могут нанести существенный ущерб национальным интересам.

Израильский цензор, похоже, ставит под сомнение сам факт независимости израильских газет. Даже если местная газета допустит какую-то ошибку и опубликует недостоверную информацию, власти опасаются, что она все равно будет воспринята как отражающая официальную точку зрения. Им бы хотелось, чтобы израильские газеты поменьше или вообще ничего не писали о военных делах и разведке.

Генерал Шани утверждает, что он вообще не вмешивается до тех пор, пока не возникает угроза разглашения секретов. «С течением времени и исходя из реалий Израиль постепенно ослабляет цензурные ограничения, — говорит Шани. — Цензура стала более рациональной и умеренной; теперь она обращает внимание только на вопросы, имеющие непосредственное отношение к безопасности Государства Израиль. И, — добавляет он, — мне не нравится, когда в своем анализе или комментариях журналисты приходят к ошибочным выводам или что-то преувеличивают, но я не могу вмешиваться».

Конечно в этой системе есть немало противоречий, но она существует в стране, которая с гордостью провозглашает, что является единственной демократией на Ближнем Востоке. В пользу сохранения системы цензуры приводятся два довода: мистический и практический.

В силу унаследованной от англичан привычки, которые никогда не публикуют имен руководителей своих секретных служб «МИ-5» и «МИ-6», израильтяне предпочитают сохранять ту же атмосферу таинственности. Руководители

израильского разведсообщества считают, что израильский народ должен спать спокойно, потому что знает, что его защищают, а не потому, что знает, кто конкретно и как его защищают.

В мире шпионажа действует золотое правило: не говорить ничего, когда можно промолчать, — это традиция. По словам ветерана секретных служб Рафи Эйтана, «лучшее, что может сделать разведчик, — держаться подальше от прессы». Однако когда это отвечало его собственным интересам в деле Полларда и «Лакама», Этан раздавал интервью налево и направо. Исходя из практических соображений, представители министерства обороны справедливо отмечают, что многие мелкие террористические организации — палестинские, марксистские или просто анархические — могут получить из сообщений прессы полезные для себя сведения, которые, на первый взгляд, могут показаться несущественными. Если такие группы будут располагать адресами учреждений и именами сотрудников разведки, они могут стать объектами террористических актов. Официальные представители спецслужб признают, что русские, сирийцы и, возможно, ООП знают все о руководителе «Моссада» и местонахождении штаб-квартиры этой организации, но нет причин давать эту информацию любому мелкому бандиту.

Сакраментальный аргумент — молчание ради молчания — встречается, однако, противодействие. В духе «постуотергейтской» открытости правительства, которая стала распространяться из Соединенных Штатов в другие западные демократические страны, слепая вера граждан своим правительствам, оборонному и разведывательному истеблишменту стала иссякать. Все громче раздаются требования о том, чтобы политики, государственные служащие, военные и даже разведывательные службы отчитывались перед обществом.

Израиль, однако, сильно отличается от США по своей форме правления. Вся исполнительная власть в Израиле принадлежит кабинету, формируемому премьер-министром, чья власть, в свою очередь, зиждется на парламентском большинстве, сложившемся по итогам многопартийных выборов. Система сдержек и противовесов действует здесь совсем не так, как в Вашингтоне.

Завидуя регулярным слушаниям в комитетах конгресса по различным вопросам, от оборонного бюджета до планов

убийств, разрабатываемых ЦРУ, члены кнессета хотели бы иметь право утверждать или отклонять кандидатуры руководителей «Моссада» и «Шин Бет».

Им мало того, что комитеты кнессета по вопросам обороны и по иностранным делам имеют подкомитет из шести человек, который должен контролировать деятельность специальных служб. Руководители этих служб и их заместители регулярно выступают перед этим подкомитетом, но критический настрой его членов обычно улетучивается, как только они слышат пикантные подробности тайных операций. Этот подкомитет, по существу, подкупают «внутренней информацией», и у него нет никакой власти, кроме возможности использовать свои уши. Некоторые члены подкомитета жалуются, что разведывательные службы, которые обязаны их информировать, вместо этого подпитывают информацией израильских и иностранных журналистов, если они считают, что это будет способствовать улучшению имиджа Израиля.

Законодатели так и не смогли улучшить довольно слабую правовую базу разведывательных служб. В лучшем случае руководители спецслужб могут сослаться на статью 29 Основного закона государства Израиль, которая гласит: «Правительство вправе предпринимать, в интересах государства и в соответствии с законами, любые действия, которые в законном порядке не закреплены в компетенции других органов». Другими словами, правительство может через свои агентства делать все, что не запрещено законом. А поскольку все, что не запрещено, считается разрешенным, разведывательные службы могут заниматься своей деятельностью. Более того, эти службы могут делать даже то, что не запрещено в их правовой базе.

Работа «Шин Бет» в сфере внутренней безопасности имеет более серьезную правовую основу в виде нескольких законов о подрывной деятельности и шпионаже против Израиля. До сих пор действует порядок введения чрезвычайного положения, установленный англичанами в 1945 году и использовавшийся для подавления как палестинских арабов, так и евреев. Он позволял английской армии, а потом и Силам обороны Израиля арестовывать и депортировать нежелательных лиц в «закрытые районы», куда не допускались другие лица, в том числе журналисты. В 1966 году эти полномочия были переданы от вооруженных сил полиции, но на практике все решения принима-

ются в «Шин Бет». В 1955 и 1957 годах были приняты дополнительные законы в этой сфере.

Может ли это причинить какой-то вред, если руководителей спецслужб сделать подотчетными парламенту? Сторонники сохранения существующего порядка указывают на то, что парламентарии постоянно дают утечки информации — прямо в традициях второй древнейшей профессии этой библейской земли. Ни один секрет нельзя доверить сколько-нибудь многочисленному комитету кнессета. Сторонники сохранения «статус-кво» указывают также на то, что премьер-министр отвечает за действия всего кабинета. Его можно обвинить, если «Моссад» или «Шин Бет» совершат что-то недопустимое, и в случае необходимости премьер уйдет в отставку.

Однако в Израиле у министров выработалась любопытная привычка: не принимать на себя ответственность.

Остается единственный механизм — практически безвластный гражданский «государственный инспектор». Обычно это мудрый отставной судья, на которого возложена обязанность следить за всеми государственными органами, в том числе и за спецслужбами. При всем разнообразии государственных органов у них есть одна общая черта: они обычно игнорируют доклады инспектора, содержащие красноречивую статистику и суровую реальность, отражающие бесхозяйственность, казнокрадство и коррупцию в этих органах.

Государственный инспектор имеет доступ к бюджетам «Моссада» и «Шин Бет», но не к информации о тайных операциях, которая могла бы объяснить эти расходы. Без этой информации он не может составить своего собственного представления и ему не остается ничего другого, как принять на веру объяснения руководителей спецслужб.

Даже в тех случаях, когда этим службам требуется несколько миллионов долларов сверх бюджета, они могут обратиться в бюджетный комитет кнессета и, сославшись на то, что это нужно «для важной миссии», получить дополнительные ассигнования.

Израиль практически с момента своего создания в 1948 году находится в состоянии войны. Он окружен враждебными государствами, постоянно подвергается угрозе терроризма, и поэтому правила игры, используемые изра-

ильскими спецслужбами, существенно отличаются от тех, какими руководствуются аналогичные американские и западноевропейские службы. Многие секреты здесь нужно хранить гораздо строже, чем в других странах, так как малейший просчет в вопросах безопасности может привести к человеческим жертвам в Израиле.

Цензура оправдана, когда речь идет о битвах, которые еще продолжаются, когда контртеррористические подразделения выполняют свои миссии, о методах работы разведки, именах ее сотрудников и осведомителей, чья жизнь может находиться под угрозой. Но эти аргументы представляются убедительными, только если они не доводятся до крайности.

Когда Израиль отказывается сообщать что-либо о своих разведслужбах, которыми он может гордиться, это выглядит просто глупо. У авторов этой книги ушло несколько дней на то, чтобы получить из аппарата премьер-министра четкий ответ относительно полного названия «Моссада».

Нам хотелось точно знать полное название этой организации на английском языке, так как оно используется в официальной переписке. Мы знаем, что агентство не часто пишет официальные письма, но, принимая во внимание его официальные связи с другими разведками, «Моссад» должен иметь какое-то название, которое можно было бы написать на его официальном бланке.

Чиновники давали нам разные названия. В какой-то момент нам посоветовали почитать доклад «государственного инспектора», но там нет данных о бюджете разведок, к тому же этот доклад на иврите, а названия агентств могут иметь различный перевод.

В конце концов помощник премьер-министра по связям с прессой дал нам ответ и следующее объяснение: «Я потратил на это уйму времени. Наконец, мне пришлось спросить самого директора «Моссада», который отнесся к этому с большим подозрением и никак не мог понять, зачем мне это нужно. Но я все же узнал это для вас». И с триумфальным видом, как бы сообщая нам страшную тайну, он прошептал: «Израильская секретная разведывательная служба (The Israeli Secret Intelligence Service — ISIS)». Это угрюмое сокращение, напоминающее британскую СИС, является бледной копией — только для официальных иностранцев — подлинного и гордого названия «Моссад» — Институт разведки и специальных задач (Institute for Intelligence and Special Tasks).

Ответить на вопрос о том, кто сегодня является директором агентства, значительно проще, и пресс-офицер премьер-министра говорит напрямую: «Этого я вам не могу сказать». И это еще одна очевидная глупость. Имя директора «Моссада» известно всем разведкам мира, и многие бывшие работники «Моссада» и «Шин Бет» считают, что огласка имен руководителей этих служб не принесла бы никакого вреда. Особенно с учетом того, что имя руководителя столь же важной разведслужбы — «Амана» — разрешено публиковать.

Единственный, кого предпочитают держать в неведении, — израильский налогоплательщик, на чьи деньги существуют эти службы. Некоторые ветераны даже предлагали создать пресс-бюро, по крайней мере в «Шин Бет», поскольку это не что иное, как почти обычная полицейская служба, прикрытая завесой особой секретности.

Когда журналисты спрашивают, имеет ли «Моссад» отношение к тем или иным событиям, официальные ответы могут отличаться. Обычно отвечают что-то вроде «без комментариев», но иногда чиновники в Иерусалиме говорят: «Ла-ха-да-м» — вполне произносимый акроним от «Ло хайю ха-дварим ми-олам», что на иврите означает «Этого никогда не было».

Длительный опыт показывает, что эти ответы лишены всякого смысла. Попросту говоря, израильские официальные лица часто лгут. На Ближнем Востоке вообще трудно чему-то верить. Это мир без доверия. Когда речь идет о вопросах жизни и смерти и высокой политике, официальные лица яростно отстаивают свое право на ложь. А журналисты, в свою очередь, указывают на свою обязанность задавать вопросы.

Проблемы возникают в тех случаях, когда официальные представители, злоупотребляя своим положением, дают в прессу благоприятную трактовку потенциально скандальных событий. Когда израильские лидеры захотели дать трактовку дела Полларда и умиротворить разгневанных американцев, они в ноябре 1985 года в частном порядке изложили свою версию событий или во всяком случае ее часть одной крупной американской газете. Они даже передали журналисту через его помощника, что ему не нужно сдавать статью цензору — все и так пройдет.

После того как атомного предателя Мордехая Вануну вывезли из Великобритании, официальные представители

в октябре 1986 года дали в прессу утечку различных версий, которые должны были убедить всех, что он не был похищен на территории Великобритании. Однако конкретные подробности операции «Моссада», в результате которой Вануну оказался в Израиле, были размыты. Это был как раз тот случай, когда, показывая дюйм, скрывают целый ярд. Цензор, зная заказ своих хозяев, пропустил материал, хотя это было явным нарушением правил.

Тот же цензор допустил явную глупость, когда в апреле 1988 года наказал иностранного корреспондента, получившего утечку об убийстве в Тунисе Абу Джихада. Официальные лица, такие как премьер-министр Шамир, который, по его словам, узнал эту новость из радиопередачи, сделали вид, что им ничего не известно. Но другие представители властей, зная, что убийство было совершено с целью оказания психологического давления на ООП, выбрали свои каналы: корреспондента ведущей телевизионной компании и одной крупной американской газеты, которые после опубликования своих материалов были ошеломлены, когда правительственная пресс-служба лишила их аккредитации.

В одном случае одна рука правительства, похоже, не знала, что делала другая. В условиях израильской демократии журналистам приходится мириться с тем, что они не представляют, когда и что им будет разрешено опубликовать. Тот же самое относится к личным мемуарам. Хаотическая система охраны секретов и цензуры дает разным людям различные возможности.

Ветеранам секретных служб приходится считаться с дискриминацией по отношению к ним со стороны цензуры и ждать «погоды», при которой можно будет опубликовать ту или иную информацию. Некоторые из них потратили впустую много времени, написав книги, которые цензура отказалась пропустить. Однако бывший «мемунех» Иссер Харел оказался очень плодовитым автором. Он обладает каким-то шестым чувством, позволяющим ему, не спрашивая никого, точно определить, что можно говорить о таких операциях, как, например, похищение Эйхмана.

Некоторые ветераны, чтобы обойти цензуру, облачают свои воспоминания в форму весьма реалистических произведений, удовлетворяя свой писательский зуд в виде романов, которые в большинстве своем носят явно автобиографический характер.

рафический характер. Отсутствие конкретных фактов позволяет им не нарушать пожизненного обязательства неразглашения секретных сведений и снимает проблему цензуры.

Другие израильтяне, оставившие работу в спецслужбах или подразделениях спецназа, разглашают секреты, не публикуя ни слова. Они действуют по всему миру, передавая свои специальные знания иностранцам, которые платят им за их опыт в области обороны и безопасности. Эти консультанты получили свои знания в период нахождения на израильской правительственной службе. Обучая других, они раскрывают гораздо больше секретов, чем те, кто пишет об этом.

Цензура следит только за публикациями в средствах массовой информации, враги Израиля — разведки арабских и других стран — внимательно используют как открытые, так и тайные источники и даже личные контакты. В современном шпионаже вообще значительная часть информации поступает из открытых источников, но информация из тайных источников все еще очень важна и без нее нельзя обойтись. Израильская цензура, однако, судя про все, исходит из предположения, что человек, потерявший монету на темной улице, будет искать ее там, где горит уличный фонарь.

Израиль пытается перекрыть каналы утечки информации в прессу и в то же время смотрит сквозь пальцы на поток секретов, разглашаемых бывшими работниками спецслужб. Если Израиль так уж обеспокоен проблемой утечки секретов, то почему сосредоточивает внимание цензуры только на прессе? Как быть с наемниками и всякого рода частными «экспертами», которые владеют секретами?

Может быть, так просто удобнее. Гораздо легче следить за газетами, чем шпионить за бывшими шпионами. Надо принять во внимание еще и то, что все, кто вовлечен в эту деятельность, входят либо в разведывательную, либо в военную «семью». А те, кто в Иерусалиме принимает решения, сами являются членами братства «старых ребят». По существу те, кто сегодня входит в правительство, в будущем сами могут оказаться в роли консультантов.

Однако самый большой ущерб часто наносят люди, еще находящиеся на правительственной службе. Заявление министра обороны Даяна о секретных связях с Эфиопией в 1978 году принесло больше вреда, чем море чернил, истраченное небольшой армией трудолюбивых муравьев из

военной цензуры, вычеркивающих строчки из депеш корреспондентов. А когда представитель «Еврейского агентства» сообщил о тайном исходе евреев из Эфиопии в 1985 году, он поломал больше жизней, чем любой журналист за всю историю Израиля.

Газетные репортеры обычно менее опасны и более ответственны. Журналистов можно наказывать различными способами, вплоть до заключения в тюрьму, а политикам безответственная болтовня всегда сходит с рук.

Даже в области правосудия израильские власти ревностно оберегают право по своему усмотрению определять случаи, когда они требуют абсолютной секретности или полной огласки. Судебные процессы по обвинению в шпионаже граждан Израиля или иностранцев почти всегда проходят в обстановке абсолютной секретности. Не разрешается публиковать даже имя обвиняемого. В далеко не единичных случаях в судебном зале Иерусалима или Тель-Авива стоял обвиняемый «мистер Икс».

Мордехай Кедар, Аври Эль-Ад, Зеев Авни и позже Маркус Клингберг — все были преданы суду в закрытом порядке и даже отправлены в тюрьмы как анонимные «иксы». В случаях Мордехая Вануну и Шабтая Калмановича было объявлено, что они обвиняются в тяжких преступлениях, но процессы проходили закрыто.

Это очень изощренная система, в которой официальные власти используют свои полномочия как для защиты секретов, относящихся к национальной безопасности, так и для сокрытия информации о своих промахах, огласка которой может привести к скандалам. Именно такой мотив стоял за исчезновениями шпионов и других узников, как это было в не получившем абсолютно никакой огласки деле Питера Пульмана.

Немецкий еврей, инженер, родители которого погибли во время Холокоста, был завербован разведкой Восточной Германии. Хозяева вывезли его в Западную Германию, где он женился на молодой еврейке и уехал с ней в Тель-Авив. В ноябре 1971 года он как специалист по аэродинамике был принят на работу в компанию «Израэль эйркрафт индастриз». Он производил впечатление способного и трудолюбивого работника, пока спустя 5 месяцев его не арестовала «Шин Бет» за шпионаж.

Восточногерманский шпион Пульман проник в одно из самых чувствительных мест израильского оборонного ком-

плекса. Судебный процесс над Пульманом проходил в обстановке полной секретности, и он получил 15 лет тюрьмы. О его аресте, суде и приговоре в израильской печати не было ни слова. Он вышел на свободу в 1982 году, и лишь одно агентство новостей опубликовало об этом коротенькое сообщение.

Как может демократическое общество со свободной прессой терпеть такую обстановку секретности и замалчивания? Разведывательные службы, военная цензура, правительство и судебная система — все балансируют на канате, натянутом между интересами защиты национальной безопасности и соблюдением законов. Потенциальная опасность велика: если жители Израиля, собственные граждане и иностранцы могут исчезать без следа — и даже их семьи об этом не ставятся в известность, — существует возможность нарушения прав любого человека.

Есть признаки того, что правительственные службы требуют расширения своих прав в ущерб правам граждан. В 1979 году кнессет впервые принял закон о подслушивании и с тех пор внес в него несколько поправок, создав, наконец, систему контроля за действиями правительственных ведомств в этом вопросе. Впервые право устанавливать скрытые микрофоны и перехватывать телефонные разговоры было предоставлено полиции, «Шин Бет» и «Аману». Полиция может пользоваться этим правом для изобличения правонарушителей только с санкции судьи. Лишь одно старшее должностное лицо полиции вправе обращаться за таким судебным ордером.

«Органы безопасности», как две разведывательные службы определяются в законе, работают в более либеральном режиме. Для проведения таких мероприятий им нужно получить письменные санкции министров, курирующих эти ведомства: «Шин Бет» — санкцию премьер-министра, а «Аману» — министра обороны. Однако в законе содержится оговорка, что в неотложных случаях директор «Шин Бет» имеет право санкционировать подслушивание в течение 48 часов без согласования с высшими инстанциями.

«Моссад» тоже хотел получить такие же полномочия, но законодатели отказали, сославшись на то, что «Моссад» не имеет компетенции в вопросах внутренней безопасности и не должен работать на территории своей страны.

В Соединенных Штатах подслушивание даже по делам о шпионаже может осуществляться только по судебному ордеру. ЦРУ и Агентство национальной безопасности также по судебному ордеру могут вести слежку за иностранцами, не пользующимися защитой американской конституции, но не за американскими гражданами.

Израильское разведсообщество не связано такими ограничениями. Объектами подслушивания могут быть как иностранцы, так и граждане Израиля, и даже военная разведка «Аман» может взять «под колпак» любого человека. Закон разрешает разведывательным службам хранить расшифровку записей даже после того, как сами пленки уничтожены.

В 1980-х годах начальник штаба генерал Рафи Эйтан, подозревая своих генералов в том, что они разглашают секреты, приказал «Аману» организовать прослушивание их телефонных разговоров.

Руководитель военной разведки имеет право перехватывать разговоры любого лица, в том числе гражданского, если оно использует военную связь — даже премьер-министра и министра обороны, которым в демократическом обществе он подчиняется.

Граница между демократическими ценностями и требованиями безопасности стала еще более размытой в 1989 году. В декабре премьер-министр Шамир обвинил министра науки Эзера Вейцмана в поддержании тайных контактов с ООП, что было не только нарушением установленного правительством порядка, но и прямым «предательством» Израиля. Бывший командующий ВВС и министр обороны был потрясен — особенно когда Шамир подтвердил свои обвинения секретной информацией.

Премьер-министр, которому подчинялись «Шин Бет» и «Моссад», совершенно правомерно был информирован о том, что один из членов его кабинета поддерживает контакт с представителями ООП. Шамиру, судя по всему, были представлены записи его беседы в Женеве с палестинским дипломатом и его последующие телефонные разговоры из своего дома со штаб-квартирой ООП в Тунисе. Вейцман, в прошлом военный «ястреб», а теперь политический «голубь», открыто выступал за переговоры с ООП и неофициально советовал ООП согласиться на посредничество американцев.

То, что израильская разведка контролировала все звонки в Израиль из арабских стран, особенно исходящие из

штаб-квартиры Арафата, было неудивительно и технологически несложно. Однако когда связь установили с одним из членов кабинета министров, вопрос приобрел политическую остроту. Гораздо более впечатляющим был факт дословной записи разговора в Европе одним из высших представителей ООП. Из этого следовало, что израильская разведка имела ценный источник с доступом в высшие эшелоны ООП.

Мог ли Шамир, сам в прошлом работник разведки, хорошо знакомый с правилами игры и возможными последствиями, предавать огласке материалы, полученные от руководителей своей разведки? Для того чтобы обосновать свой категорический отказ от переговоров с ООП и подкрепить обвинения в адрес Вейцмана, он заявил, что располагает данными разведки. В этом случае Шамир ради достижения политических целей нарушил традиционный запрет и поставил под угрозу расшифровку методов разведки.

Только из чтения израильских газет палестинские службы безопасности могли понять, что в их среде появилась израильская агентура. Еще более серьезным было то, что впервые со времен Бен-Гуриона премьер-министр использовал «Шин Бет» во внутренних политических распрах.

Дело Вейцмана подтвердило впечатление, что система нуждается в реформах, которые положили бы конец использованию разведки в узкопартийных целях.

Как общество может надеяться на то, что политики, генералы и работники разведки, которые лгали своим собственным руководителям, будут строго соблюдать законы о подслушивании?

Ответ прост: такой уверенности быть не может. Есть необходимость более четкого регулирования, которое не оставило бы «серых зон», где можно по-разному толковать закон. Надежда на добрую волю часто открывает дверь злым деяниям.

Равным образом демократия не может полагаться на цензуру, которая ведется без учета таких достижений техники, как телефакс, компьютеры и спутниковая связь. Если даже демократия находится в состоянии войны, цензура должна быть рациональной и последовательной.

Наконец, должна быть повышена степень ответственности специальных служб перед обществом в лице законного парламента. Скандалы 1980-х годов показали, что несмотря на то, что отдельные операции могут завершаться

успехом, сами службы могут терпеть серьезные поражения, если они принимают неправильные решения или злоупотребляют своими полномочиями.

Нельзя противопоставлять необходимость сохранения открытости демократического общества и защиты его ценностей тайными методами. Жизнь в светлом обществе свободной страны не должна омрачаться наличием темного аппарата безопасности в самом его сердце, пока этим аппаратом руководит народ через официально избранное правительство.

Разведка — слишком важное дело, чтобы отдавать ее на откуп самим разведывательным службам и горстке политиков.

Израиль вступил в космическую эру 19 сентября 1988 г., когда с полигона на средиземноморском побережье Израиля, к югу от Тель-Авива вблизи от ядерного центра Нахаль Сорек была запущена ракета.

Это был публичный дебют «Шавита» («Кометы») — баллистического оружия, созданного на базе ракеты «Исрихон» в качестве носителя израильского ядерного оружия. Ракета «Шавит» вывела на орбиту спутник «Офек» («Горизонт»). Руководителем космического агентства, осуществившего запуск, был ветеран «Амана» Ювал Нееман. Он заявил журналистам, что «Офек» является экспериментальным спутником и пробудет на орбите 4 месяца.

Гордые заявления Неемана, премьер-министра Шамира и других израильтян отражали их ощущение того, что еврейское государство совершило новый важный прорыв. Тайно присоединившись к эксклюзивному клубу ядерных держав, Израиль теперь открыто провозгласил себя восьмым государством мира, способным выводить спутники на околоземную орбиту.

Вывод «Офека» на расчетную эллиптическую орбиту с параметрами от 155 до 620 миль созданной в Израиле ракетой «Шавит» продемонстрировал способность наносить точные удары по целям — в данном случае целью были небеса. Теперь не оставалось никаких сомнений, какая страна опережала своих соседей в гонке вооружений на Ближнем Востоке. Не подвергая риску жизни своих пилотов, Израиль мог наносить упреждающие или ответные удары по любому из своих противников, где бы тот ни находился.

Не менее важным был приобретенный потенциал для ведения космической разведки. После запуска первого спутника Израиль запланировал серию новых спутников, снабженных фотокамерами и современным радиоэлектронным оборудованием. Они должны были создать целую систему «глаз» и «ушей» на орбите, пролетающую над территорией Ближнего Востока каждые 90 минут. «Офек-2» был запущен 3 апреля 1990 г. и в течение трех месяцев успешно работал в системе космической связи.

Если Израиль сумеет создать систему космической разведки, он более чем когда-либо будет готов к отражению возможной агрессии со стороны своих арабских соседей. Передвижение войск и другие военные приготовления можно будет наблюдать более четко и заблаговременно. До сих пор Израиль вынужден был полагаться на разведывательные полеты, в том числе с использованием беспилотных средств, которые проникали в тыл противника с телевизионными камерами.

Как и в других областях технологии, Израиль стремится и здесь избежать любой зависимости от милости иностранцев. Он не хочет просить космические фотографии у американцев или красть их у тех же американцев через Полларда. Бывший директор «Моссада» Меир Амит говорит: «Когда тебя кормят крохами с чужого стола — это очень неудобно и унижительно. Если ты приобретаешь самостоятельный потенциал, то поднимаешься на ступеньку выше».

Есть очень много вещей, на которые Израиль может направить свои электронные глаза и уши. Сирия создаст запасы горчичного и других газов, которыми она может оснастить полученные из Советского Союза ракеты. Ливия начала производство химического оружия, а ВВС полковника Каддафи приобрели оборудование для дозаправки самолетов в воздухе, но в начале 1990 года наиболее приоритетным объектом наблюдения стал Ирак.

Вскоре после окончания в 1988 году кровопролитной войны между Ираном и Ираком стало очевидно, что президент Ирака Саддам Хусейн стал наиболее быстро растущей угрозой на Ближнем Востоке. Даже по чистой статистике его военная мощь была весьма внушительной: один миллион человек в самой крупной региональной армии; больше танков и пушек, чем у любого из его соперников;

большой арсенал отравляющих газов, запрещенных Женевской конвенцией; биологическое оружие в форме болезнетворных микроорганизмов, которыми можно оснастить боеголовки или отравить ими системы водоснабжения.

В аналитических материалах «Амана» и «Моссада» также подчеркивалась мегаломания Хусейна. Его идеалом были арабские воители VII века нашей эры, разгромившие Персидскую империю и, более того, Саладин, арабский лидер XII века, одержавший победу над крестоносцами. Саддам Хусейн вполне серьезно рассматривал евреев и поддерживающих их американцев как чужаков, вторгающихся в его сферу, которых нужно раздавить.

В качестве заявки на роль ближневосточной сверхдержавы Саддам использовал ракетное и химическое оружие в войне с Ираном, а также против собственного народа в Курдистане и открыто угрожал использовать это оружие для уничтожения «половины Израиля». Каждое поколение пракских ракет выглядело более внушительно, чем предыдущие, включая ракеты, которые можно было использовать для запуска спутников.

Иракские представители были пойманы при попытке вывезти контрабандным путем из Калифорнии элементы ядерной технологии, включая криптонные электронные выключатели для атомных бомб, которые ранее удалось добыть Израилю. Аналитики «Амана» вместе с партнерами из других разведслужб пришли к выводу, что Ирак, если его не остановить, может в 1990-х годах создать пригодное для доставки ядерное оружие.

Израильским стратегам не оставалось ничего, кроме как прикрывать одновременно два направления. Во-первых, израильская разведка удвоила свои усилия, направленные на сбор информации о военных ядерных, химических и биологических программах Ирака. Особый интерес представляли в плане подготовки упреждающего удара сведения о местонахождении этих объектов и системе их защиты.

Однако вскоре стало ясно, что так называемая «доктрина Бегина», направленная на недопущения появления ядерного оружия в любой арабской стране, не может обеспечить безопасность Израиля в долгосрочном плане. Простое повторение рейда 1981 года, в ходе которого был уничтожен реактор в Багдаде, уже не могло дать такого же результата. Ирак укреплял свои оборонные объекты, рассредоточивая их и часто скрывая под землей. И в отличие от

1981 года, Саддам обладал способностью нанесения ответного удара. После окончания войны с Ираном он искал новых противников и быстро наращивал свой наступательный потенциал.

Второй элемент тайной стратегии Израиля предусматривал возможность нанесения ответного удара, что, по определению, говорило о возможности выживания оборонного потенциала Израиля после первого удара арабов по реактору в Димоне, а также по аэродромам и ракетным площадкам, откуда можно было запускать средства с ядерным оружием. По данным ЦРУ, еще в начале 1960-х годов Израиль достиг ощутимых успехов в создании ракет морского базирования, запускаемых с подводных лодок, а также крылатых ракет, запускаемых из стандартных торпедных аппаратов и могущих преодолеть дистанцию в 600 миль до Багдада.

Три израильские подводные лодки, купленные в 1977 году у Великобритании, приближаются к предельному сроку своей службы. И вот в 1990 году в ходе почти никем не замеченной небольшой сделки Израиль договорился о покупке двух подводных лодок в Германии. Сделку затормозило общее сокращение военных расходов, хотя большая часть из 500 млн. долларов, в которые оценивались 2 лодки, могла быть погашена за счет американской военной помощи. План покупки подводных лодок никто не отменял, и это до сих пор остается большим национальным приоритетом. По словам отставного командующего ВВС Израиля, «подводные лодки будут важным элементом системы сдерживания Израиля в следующие 10—15 лет. Они гарантируют, что другая сторона не решится на безнаказанное нанесение упреждающего удара. Я говорю об оружии сдерживания. Подводная лодка сама может запустить ракету, и это будет означать поражение, которого боятся наши противники».

Тем временем ученые Ирака работали над уникальной артиллерийской системой. Они пригласили к себе канадского специалиста по дальнобойным артиллерийским системам Джеральда Булла, который раньше работал в Америке, Южной Африке, Израиле и других странах. Принадлежавшая Буллу «Спейс рисеч корпорэйшн» передала Ираку чертежи гигантской пушки, которая могла даже выводить объекты на околоземную орбиту. Это был проект

еще более грандиозный, чем совместная американо-канадская программа, известная в 1960-х годах как «высотный исследовательский проект».

Для сооружения этой «сверхпушки» Ираку нужно было 50 м идеально гладких труб диаметром в 1 м. Национальное министерство промышленности разместило заказ в Великобритании, которая была на грани экономического спада и искала подобные заказы. Британским компаниям было сказано, что трубы нужны для нефтепровода.

«Спейс рисеч корпорэйшн» открыла свой офис в Брюсселе, и там 22 марта 1990 г. был убит двумя выстрелами в затылок 62-летний изобретатель Булл. Соседи ничего не слышали, и в карманах убитого остались нетронутыми 1200 долларов. Бельгийская полиция назвала это «очень профессиональным убийством». Европейские дипломаты высказали мнение, что за убийством стоял Израиль. Каких-либо опровержений не последовало. Однако в разведывательных сводках высказывалось предположение, что Булла могли убить иракцы, обнаружившие, что он их предает.

Спустя три недели британские таможенные власти задержали судно, готовившееся отплыть из Тиспорта в Ирак. Арестовав груз стальных труб, они объявили, что это были компоненты самого большого орудия в мире. Потенциальный радиус стрельбы этой пушки оценивался в 1200 миль, хотя точность стрельбы предсказать было невозможно. Британские власти заявили, что они поймали Хусейна с поличным на «ядерной пушке», что логично сочеталось с задержанием месяц назад партии ядерных детонаторов. Правительство Израиля оставило без ответа запрос в кнесете о том, дал ли «Моссад» наводку, которая позволила арестовать трубы.

Весь западный мир также промолчал, когда израильская разведка расценила Саддама Хусейна как наиболее серьезную угрозу миру, но 2 августа 1990 г. международное сообщество было шокировано новостью о вторжении войск иракского диктатора в Кувейт. Всем стало ясно, что Саддам представлял собой угрозу не только для собственного угнетенного населения, не только для арабских стран Персидского залива, чьему богатству он завидовал, и не только для еврейского государства, которое он презрительно называл «сионистским образованием». Вторжение на территорию соседнего государства сделало его угрозой для стабильности всей планеты.

Израиль неоднократно предупреждал Вашингтон в отношении Ирака, но там, похоже, никто не прислушивался к этому. За неделю до вторжения министр обороны Моше Аренс передал представителям Пентагона последние данные израильской разведки, и ее предсказание о неминуемом вторжении в Ирак оказалось пророческим. Правда, Аренс особенно не напирал на этот тезис, отчасти потому, что Израилю была выгодна война между собой двух арабских стран.

В тот момент Соединенные Штаты не испытывали особой потребности в данных израильской разведки, хотя они, по выражению одного американского представителя, были «брошены в общий котел». Базировавшиеся в Саудовской Аравии американские АВАКСы постоянно следили за обстановкой в регионе. Кроме того, располагая мощными средствами космической и радиоразведки, американцы знали об обстановке в регионе и передвижении иракских войск гораздо больше израильтян.

Даже имея идентичную информацию из различных источников, аналитики разведки могут расходиться в оценке фактов. Люди этой профессии называют свое искусство «оценкой», но зачастую она превращается в простое гадание, особенно когда речь идет о выяснении намерений диктатора, который сам принимает все решения. «Аман» и «Моссад» уже привыкли ждать от Саддама самого худшего, и поэтому считали, что он вторгнется в Кувейт. Американцы, которые в течение нескольких лет тайно поддерживали его в войне с Ираном, не могли поверить в наихудший исход в отношении помощи Саддаму.

Американские официальные лица в Вашингтоне отмахивались от предупреждений Израиля, как от кудахтанья перепуганных кур, а через американские розовые очки даже падающие на землю небеса казались розовыми. Пока не стало слишком поздно.

Как только президент Джордж Буш понял, что Саддам проглотил Кувейт, Белый дом решил, что нельзя позволить переварить проглоченное. Соединенные Штаты вместе с Великобританией и при поддержке двух десятков других стран в беспрецедентно короткий срок развернули в Саудовской Аравии экспедиционный корпус быстрого реагирования — прежде всего для защиты Саудовского королевства от возможного нападения со стороны Ирака и использования саудовской территории в качестве плацдар-

ма для начала карательной операции против Саддама. Организация Объединенных Наций действовала с поразительным единодушием, Вашингтон и Москва прошли испытание в первой после окончания холодной войны скоординированной военно-политической акции.

Но американцы попросили своего самого мощного в военном отношении и самого верного союзника на Ближнем Востоке оставаться в стороне от конфликта. Более того, администрация Буша просила Израиль воздержаться от каких-либо заявлений. Если Соединенные Штаты будут восприниматься как действующие в связке с Израилем, некоторые арабские нации, поддержавшие коалицию, как, например, Сирия, могут отойти от нее.

Все это было очень интересно с точки зрения изоциренной политики сверхдержавы, которая осторожно продиралась сквозь дебри противоречивых интересов ближневосточных стран, но для Израиля кризис в Персидском заливе был типичным вопросом жизни или смерти. Саддам Хусейн в любой момент мог пойти на расширение конфликта и нанести ракетный удар по Израилю. Во всех городах жителям раздавали противогазы, и система противовоздушной обороны была приведена в наивысшую готовность.

Аналитики «Амана» работали круглосуточно, пытаясь оценить или угадать следующие шаги Саддама. «Офек» еще не стал полномасштабной системой космического слежения, и Израиль, надеясь иметь бесценную упреждающую информацию, обратился к Соединенным Штатам с просьбой предоставить доступ в реальном масштабе времени к данным американской космической фоторазведки.

В силу каких-то не вполне понятных причин, возможно, связанных с представлениями Пентагона о том, что президент Джордж Буш и госсекретарь Джеймс Бейкер отрицательно относились к политике премьер-министра Шамира в палестинском вопросе, Вашингтон ответил отказом. Американцы передавали только отдельные материалы космической разведки с 8—12-часовым опозданием. Это лишь отчасти помогало Израилю в его усилиях по своевременному выявлению подготовки Ирака к возможному удару по Израилю.

Несмотря на отказ в предоставлении прямого доступа к материалам космической разведки, обмен разведывательной информацией между двумя странами интенсифицировался. Американские и израильские специалисты вместе

оценивали военную обстановку и варианты ее развития, изучали спутниковые фотографии, понимая, что это поможет израильским пилотам лучше ориентироваться в целях для бомбардировки на территории Ирака. Эксперты Пентагона и «Амана» регулярно встречались для обмена информацией о кризисе в Персидском заливе.

Как всегда, отношения между «Моссадом» и ЦРУ были далеко не бескорыстными: чем больше израильтяне могли предложить, тем больше они получали взамен, но при условии, что они об этом будут помалкивать, чтобы не раздражать саудовцев и других арабских союзников США.

Наиболее секретный диалог шел между специалистами по тайным операциям разведок двух стран. В ситуации, когда главным противником была диктатура, устранение диктатора могло стать решением проблемы. В США закон запрещал планировать убийство иностранных лидеров, а «Моссад» имел большой опыт «хирургических убийств», поэтому разговор неизбежно заходил о возможности проведения совместных акций.

Израиль имел опыт нанесения точных ударов по палестинским террористам в различных странах, применения пистолетов с глушителями, отработки маршрутов ухода боевиков, использования радиоуправляемых взрывных устройств — от начиненных взрывчаткой автомобилей до заминированных кроватей. Обе разведки знали, что наиболее простым выходом из кризиса будет устранение диктатора, прекрасно понимая, что это будет очень непростой задачей.

«Аман» и «Моссад» объединили свои усилия для создания психологического портрета Саддама на основе изучения его ежедневных телевизионных выступлений; они даже поручили специалистам провести анализ его почерка. Итоговый доклад, который был направлен в Пентагон и ЦРУ, характеризовал Саддама как одного из самых подозрительных людей в мире. Саддам так боялся быть отравленным, что имел официального дегустатора, который пробовал все приготовленные для него блюда; сам он приступал к трапезе только час спустя, убедившись, что дегустатор жив. У него было несколько вооруженных охранников, которых он регулярно менял, а сам постоянно ходил с пистолетом. С началом кризиса, вызванного его вторжением в Кувейт, он постоянно менял свой режим дня и никогда две ночи подряд не спал в одной и той же постели.

Даже если бы «чистое» убийство было возможно, некоторые израильские разведчики высказывали сомнения в целесообразности участия своей страны в проведении такой акции. «Моссад» и «Аман» никогда не занимались политическими убийствами на высшем уровне. Они убивали палестинцев, но никогда не трогали фигур из первого ряда. Израильские стратеги опасались, что такая акция может привести к нежелательным последствиям. В течение почти 40 лет тайной войны между арабами и израильтянами существовало негласное понимание с арабскими правительствами: вы не убиваете наших премьеров и президентов, а мы не трогаем ваших.

Исключение убийства оставляло в распоряжении разведок широкий арсенал традиционных средств дестабилизации багдадского режима: дезинформация, направленная на внесение смятения в ряды приближенных, другие средства психологической войны, подкуп ключевых фигур, которые могут помочь в формировании альтернативного руководства.

Организация дворцового переворота могла выглядеть как реликт эпохи империй, но такой вариант развития событий был бы вполне естественным на фоне старомодной и беспардонной попытки покорения слабого соседа агрессивным «императором». Эта задача, однако, представлялась особенно сложной применительно к Ираку, где Саддам ликвидировал всех, кто выражал малейшее несогласие с его политикой. Все ключевые позиции в армии и правительстве занимали члены его семьи. В стране не было активной оппозиции, несмотря на наличие на юге страны проирански настроенного шиитского населения и борющихся за автономию курдов на севере страны.

Оппозиционные иракские группы существовали только за границей, но они были слабы и ненадежны. И все же они могли быть полезны в рамках общих усилий по дестабилизации режима, поэтому представители американской и английской разведок установили контакт с рядом диссидентских группировок в европейских странах для проработки возможных решений на будущее.

Курды могли быть полезны в формировании антисадамовской коалиции, но они были слишком обижены на ЦРУ, которое после многолетней поддержки в середине 1970-х годов бросило их на произвол судьбы. После вторжения в Кувейт в ООН возродился интерес к оставшимся

отрядам курдских повстанцев. «Моссад» поддерживал контакт с курдами на протяжении многих лет.

В силу этого израильтяне хорошо понимали, что подготовку свержения Саддама надо начинать с нуля. Не может быть простых и скорых решений этого кризиса. При всем своем пессимизме анализ израильтян произвел сильное впечатление на американцев, которые знали, что от Израиля можно ожидать ценных советов в противостоянии с Багдадом. При планировании воздушных налетов на первом этапе войны с Ираком американские военные представители давали понять, что идея нанесения бомбовых ударов по резиденциям президента и членов его семьи, наряду с ключевыми ядерными и ракетными объектами, была подсказана израильтянами.

Шамир тем временем многозначительно намекал на возможность использования Израилем «секретного оружия», которое может быть пущено в ход в случае прямого нападения Ирака. Это была игра в сдерживание, проходившая с двойной скоростью, в которой все туманные намеки на то, что еврейское государство намного опередило своих арабских соседей в ядерной и других областях военной технологии, повторялись и подчеркивались с нарастающей частотой.

В области технологий Израиль достиг зенита, но, по проницательности судьбы, к этому времени его разведывательные службы переживали период упадка. Смотреть в будущее было гораздо приятнее, чем анализировать прошлое. Когда проблемы 1980-х годов переросли в кризис 1990-х годов, разведсообществу следовало бы бросить критический взгляд на свое прошлое. Сообщество просто не могло отмахнуться от череды провалов и неудач, следовавших один за другим:

- просчеты «Моссада» в Ливане;
- совершенное «Шин Бет» убийство и его покрывательство;
- шпионаж Полларда против лучших друзей Израиля;
- ошибочный перехват ливийского самолета;
- несогласованность в тайных операциях Иран—Америка;
- утрата контроля за деятельностью «бывших»;
- разглашение израильских ядерных секретов;
- выдворение двойных агентов из Великобритании;

- устаревшая и неэффективная система цензуры;
- неспособность предупредить правительство о грядущем крахе оккупационной системы и начале палестинского восстания.

Этот длинный перечень просчетов на протяжении непростого десятилетия в целом характерен и для спецслужб других стран: внутренние распри и соперничество, недостаточный контроль со стороны политического руководства, желание расширить свои права за пределы разумного, слабая координация работы различных служб, ненужное дублирование. В 1950-х и 1960-х годах это можно было рассматривать как болезни роста израильского разведсообщества, и оно успешно их преодолело, но в 1980-х годах они проявились снова.

С этими болезнями можно справиться путем повышения качества управления, большей подотчетностью, улучшением координации, более тщательным подходом к подбору кадров и проведению оперативных мероприятий. Однако корректировка имиджа разведки займет гораздо больше времени. Глубокие трещины разрушили легенду об израильской разведке как четкой, профессиональной и даже непобедимой.

Имидж на удивление важен для этих, на первый взгляд, безликих учреждений. Моральный дух работников разведки очень сильно зависит от того, как их воспринимают друзья и враги. К тому же мнение о разведке серьезно влияет на готовность других стран сотрудничать с ней.

На волне успеха гораздо легче привлекать способные кадры и вербовать осведомителей — каждому хочется быть на стороне победителей. А кто захочет работать на проигравших? Кто будет с риском для жизни работать на разведку, которая не может защитить своих работников?

В операциях, требующих предельной точности, высочайшей подготовки и немалой степени везения, оперативные работники и агенты являются сами кузнецами своего счастья. Безусловно, они чувствуют себя более уверенно, если их сторона побеждает, но это же вселяет страх в сердца их противников, которые не могут по-настоящему драться, если у них нет уверенности в победе над сильными израильтянами.

Любой солдат, действующий открыто или в подполье, всегда воюет лучше, если ощущает поддержку своей стра-

ны. Израильское разведсообщество в мифологический период своего существования могло рассчитывать на добрую волю и поддержку народа Израиля, а также на уважение людей во всем мире.

Призрачный мир шпионажа манит и возбуждает воображение людей, что отражается в средствах массовой информации, в книгах и общественных дискуссиях. Люди восхищаются дерзкими и сложными операциями, интригами, обманом и даже сексуальной привлекательностью шпионов. Израилю всегда удавалось удерживать на себе внимание любопытных. Иностранцы и израильтяне всегда с восхищением говорили о подвигах израильских разведчиков (обычно приписывая все достижения «Моссаду»): поимка Эйхмана в Аргентине, освобождение заложников в Энтеббе. Международные эксперты также считали Израиль лидером в области упреждающей разведки в борьбе с международным терроризмом.

Именно в целях укрепления имиджа разведки и Израиля в целом израильские политики предали огласке некоторые подробности того, как удалось убедить иракского пилота Мунира Редфа бежать в Израиль на самолете «Миг-21». Слезы наворачивались на глаза, когда израильская разведка снова стала общеврейской разведкой и вывела эфиопских евреев в Землю обетованную, как и евреев из Ирака, Марокко и других стран.

У Израиля, однако, хватало ума хранить полное молчание в отношении большинства тайных операций разведки. Иногда предание огласке сведений о каком-то фантастическом достижении может быть полезно, но конкретные формы и методы защиты Израилем своих интересов никого не касаются. Так, например, «Лакам», оставаясь полностью вне поля зрения общества, помог укрепить оборону Израиля, добывая военные и технологические секреты за рубежом. Не было никакой необходимости раскрывать факт существования этого агентства вплоть до ареста в 1985 году Полларда, когда не оставалось другого выхода. Израильская разведка продолжает работу в этом направлении, но в других формах и не используя американских граждан напрямую.

Когда в конце 1988 года в воздухе над Локерби в Шотландии взорвался самолет рейса № 103 компании «Пан-Америкен эйруэйз», Израиль сначала не знал, как публично реагировать на это происшествие, поскольку не хотел,

чтобы его связывали с этим явным провалом разведки. Тем не менее было необходимо, чтобы весь мир узнал, что вина за гибель 259 пассажиров и членов экипажа и еще 11 человек на земле лежит на палестинцах. Израильские источники дали понять нескольким газетам, что главным подозреваемым в этом террористическом акте является Народный фронт освобождения Палестины — Главное командование (НФОП—ГК).

Даже если бы не эти осторожные намеки Израиля, следователи Западной Германии, откуда вылетел самолет рейса № 103, а также Шотландии, несомненно приняли бы во внимание косвенные улики, связывающие эту трагедию с НФОП—ГК. Располагавшаяся в Дамаске группировка, созданная бывшим капитаном сирийской армии Ахмедом Джбрилем, уже имела историю нападений на гражданские авиалайнеры. Более того, в Германии была взята с поличным местная группировка НФОП—ГК, у которой обнаружили взрывное устройство из пластика и барометрические детонаторы, закамуфлированные в магнитофоне фирмы «Тошиба». Такая же бомба взорвала самолет «Пан-Ам».

Израильская разведка, особенно «Аман», располагала довольно подробными сведениями на арестованного руководителя этой ячейки Хафеза Кассема Далкамони. В 1969 году он пересек реку Иордан и проник в Израиль с целью подрыва опоры линии электропередач. Но все, что ему удалось, так это подорвать себе ногу. Он был арестован и 10 лет пробыл в тюрьме в Ашкелоне. Будучи приговорен к пожизненному заключению, он стал исключительно религиозным мусульманином и часто поднимал своих сокамерников на скандирование антисионистских лозунгов.

Далкамони вышел на свободу в 1979 году в возрасте 33 лет в результате обмена группами заключенных с НФОП—ГК. Многие сотрудники разведки высказывались против обмена этого особо опасного преступника, так же как они делали в 1985 году, когда еще большая группа заключенных была выпущена на свободу. Однако израильские политики и военачальники готовы были практически на все, чтобы освободить захваченных палестинцами израильских солдат. Это была одна из традиций израильской армии и разведки.

Игал Кармон, советник премьер-министра Ицхака Шамира по контртерроризму, назвал Далкамони «точной копией его хозяина Джбриля». После возвращения Далка-

мони в ряды НФОП—ГК израильская разведка продолжала наблюдать за ним и вскоре узнала, что он был назначен командиром «западного сектора», что фактически делало его руководителем террористического аппарата. Свои кадры Далкамони готовил на базах в Сирии и Ливане, но его европейские операции проводились с нескольких конспиративных квартир в Западной Германии.

Израильской разведке, похоже, удалось внедрить своих агентов в окружение Далкамони в Германии, поскольку офицер связи «Моссада» в Бонне смог предупредить западногерманскую разведку о намеченном на октябрь террористическом акте. Объектами нападения должны были стать члены израильской команды по ручному мячу.

Западногерманские коллеги «Шин Бет» установили наблюдение за членами местной ячейки НФОП—ГК, был также установлен контроль за их телефонами. Было зафиксировано, как один из членов этой группировки позвонил в Сирию и с применением условных фраз проинформировал, что приготовленное «лекарство» на этот раз «гораздо сильнее, чем прежде», а 23 октября дополнительно сообщил, что «все почти готово». Немцы посоветовались с представителем «Моссада» и захлопнули капкан.

26 октября было арестовано 16 человек. При обыске была обнаружена бомба в виде кассетного магнитофона и большое количество другого оружия, а также записи, из которых следовало, что бомба предназначалась для испанского авиалайнера компании «Иберия», который должен был 29 октября совершать рейс № 888 по маршруту Мадрид—Тель-Авив. Полученная израильской разведкой информация и решительные действия германского спецназа позволили спасти жизни более сотни пассажиров и членов экипажа. Это был превосходный пример «упреждающей разведки», которой так гордились израильтяне. Однако через 15 дней немецкие власти отпустили на свободу 14 из 16 арестованных членов ячейки НФОП—ГК.

Через 6 недель, после того как сообщников Далкамони «за отсутствием доказательств» выпустили на свободу, был взорван самолет «Пан-Ам». В тюрьме оставались только Далкамони и еще один его сообщник, и газеты пришли к выводу, что немцы допустили серьезную ошибку. В прессе стали циркулировать различные слухи о двойных агентах и предательствах, о полученных, но проигнорированных предупреждениях.

Почти все эти истории были дезинформацией. Высокопрофессиональные разведки Израиля, США, Западной Германии, Великобритании и других стран, причастных к этому инциденту, следовали одной из главных заповедей своего искусства: защищать свои источники.

Катастрофа «Пан-Ам» стала примером, который показал всю сложность борьбы с международным терроризмом, когда службы безопасности пытаются наилучшим образом использовать своих осведомителей: террористов-одиночек, которым трудно верить, так как их лояльность может в любой момент измениться.

После того как произошла трагедия и жизни 270 человек уже нельзя было спасти, главной целью разведок стало найти виновных, но так, чтобы не расшифровать методы своей работы и источники. Было очевидно, что в организации Далкамони была агентура израильской и других разведок и большинство арестованных выпустили именно потому, что нужно было сохранить эту агентуру.

Есть один весьма интригующий факт. Всего за 10 дней до трагедии над Локерби израильская армия организовала необычный рейд «сайерет» на оперативную базу НФОП—ГК в Ниамее, к югу от Бейрута. Обычно израильтяне ограничивались нанесением ударов с воздуха, что было вполне эффективно и безопасно. 11 декабря, действуя на основе полученной разведывательной информации, израильтяне решили рискнуть жизнью своих солдат в надежде найти в Ниамее что-то ценное.

Возможно, это была попытка захватить самого Ахмеда Джибриля. Однако палестинцы оказали яростное сопротивление, и вся операция пошла не так, как ожидалось. В качестве военной хитрости израильтяне направили в лагерь палестинцев собак, нагруженных взрывчаткой. Эти живые «собачьи бомбы» должны были взорваться в оживленных частях базы в толпе палестинцев. Один израильский офицер был убит, несколько десятков солдат пришлось в спешке эвакуировать на вертолете. Тем не менее израильтяне, непонятно почему, считают рейд в Ниамее большим успехом, что наводит на мысль о полученной в ходе рейда важной информации об операциях НФОП—ГК, возможно, каких-то данных на ячейку Далкамони в Германии.

Несмотря на то что израильтяне имели разведывательную информацию, полученную от источников в среде тер-

рористов НФОП—ГК, а также добытую во время рейда в Ниамей, она не была для «Моссада» достаточно конкретной, чтобы предупредить компанию «Пан-Ам» о трагедии 21 декабря, случившейся с рейсом № 103. Никакая даже самая лучшая разведка в мире не способна предотвратить каждый террористический акт.

Обычно израильское проникновение во враждебную среду дает ценные результаты. Однако в одном из секретных документов ЦРУ 1976 года говорилось:

«Офицеры военной разведки («Аман») испытывают трудности в работе с агентурой из числа арабов, которые склонны преувеличивать или опускать важные детали. Поэтому военная разведка хочет получать от своих агентов фотографии, карты и другие подтверждающие документы. Офицеры военной разведки вынуждены перепроверять их информацию, используя другие возможности в этом же регионе.

Несмотря на предупреждения в ходе подготовки, агенты из числа арабов нередко рассказывают членам своей семьи о связях с военной разведкой. Иногда агент-араб может завербовать всех членов своей семьи в качестве вспомогательных агентов и пытаться убедить своего куратора-разведчика платить им денежное содержание. Израильяне называют такую семейную агентуру «недействующими националистами». Иногда хвастовство таких вспомогательных агентов приводит к срыву операций».

Авторы доклада ЦРУ, возможно, не подозревали, насколько их описание точно отражало поведение одной конкретной семьи в Египте. Несмотря на возражения израильской разведки и военной цензуры, одна из израильских газет в ноябре 1989 года опубликовала материал о том, как «Аман» завербовал Ибрагима и Иншира Шахин, палестинцев, проживавших в Каире. Это была обычная вербовка военной разведки, которая не выделялась ни трудностью осуществления, ни ближайшими перспективами. После войны 1967 года семья Шахин проживала в Эль-Ариш на Синайском полуострове; после переезда в Каир они стали снабжать «Аман» более ценной информацией.

Они даже дали несколько неплохих намеков на приближение войны 1973 года, но в обстановке самодовольства и самоуверенности израильяне их проигнорировали. Семья Шахин в конце концов стала жертвой самого опасного заболевания, которое может постичь шпиона, — беспеч-

пости — своей собственной и того, кто с ними работал. Ибрагим Шахин был арестован египтянами в 1974 году и спустя 3 года повешен. Его жена и дети оказались в тюрьме.

После начала мирных переговоров между президентом Египта Садатом и Менахемом Бегиним эту семью освободили, и она тихо выехала в Израиль. Израильская разведка помогла им принять иудаизм, взять новое имя Бен-Давид и начать новую жизнь. Однако семья Шахин страдала от типичной послешпионской депрессии, публично жаловалась на плохое к себе отношение, недостаточную обеспеченность и т.п.

Дело семьи Шахин подчеркивает дискуссию в американском ЦРУ о неспособности израильтян работать с арабской агентурой. Некоторые американские специалисты считают, что отсутствие посольств Израиля в арабских странах, за исключением Египта, исключает работу израильских разведчиков под дипломатическим прикрытием. Они также считают, что «Моссад» не умеет приобретать «высокопоставленную агентуру в арабском истеблишменте», в том числе из так называемых «добровольцев» вроде Полларда. Другие сотрудники ЦРУ уверены, что отсутствие посольств заставляет израильских разведчиков оттачивать свое мастерство, применяя более изощренные методы проникновения в арабское общество.

Самый сенсационный «доброволец» прилетел в израильскую разведку по воздуху. Мухаммад Бассам Адель 11 октября 1989 г. стал первым официальным перебежчиком из Сирии — заклятого врага Израиля. Майор сирийских ВВС был особенно желанным гостем, так как он привнес с собой самолет «Миг-23». 34-летний холостяк, несомненно, рисковал своей жизнью, во время полета его могли сбить как сирийцы, так и израильтяне, пока ему не удалось совершить посадку на небольшом аэродроме Медиддо на севере Израиля.

Министр обороны Рабин и руководители военной разведки немедленно выехали на место для опроса Аделя. Позже на организованной «Аманом» пресс-конференции сириец заявил, что он действовал совершенно самостоятельно, так как хотел «жить в демократической стране, где люди могут свободно выражать свои взгляды», и у него «не было никаких контактов с Израилем до его драматического побега».

Сирийские представители заявляли, что Адель был в течение нескольких лет шпионом «Моссада» и просто украл самолет. Израиль, казалось, был искренне удивлен его прибытием и тем, что израильская система ПВО не сумела выявить отдельный самолет.

На самом деле, однако, все обстояло сложнее. Представляется абсурдным, чтобы сирийский пилот в своем порыве к свободе рисковал быть сбитым известной своей эффективностью системой ПВО заклятого врага его страны. Вместо этого он мог полететь на Кипр или в Турцию, где его подарок в виде самолета вызвал бы восторг НАТО. Скорее всего, Адель был завербован в Сирии израильским агентом и так же, как Мунира Редфу, его убедили бежать на своем самолете. Адель, так же как и Редфа, получил новое имя, и ему помогли начать новую жизнь.

Что же касается заявления о том, что будет проведено специальное расследование обстоятельств проникновения Аделя через систему ПВО, то похоже, что отметка на экране радара от его самолета была неправильно истолкована. Израильская разведка ожидала бегства Аделя, но не знала точно, когда это произойдет. Если он и дал предварительный сигнал, то его не поняли. Это был технический сбой системы ПВО. Было бы гораздо более трагично, если бы израильтяне сбили Аделя и то сокровище, на котором он летел.

Каким бы способом «Аману» ни удалось получить свой приз, но его специалисты были счастливы изучить каждую деталь «Миг-23». Русские начали поставлять эту модель в Сирию в 1973 году, но самолет угонщика имел некоторые интересные модификации, которые многое рассказали израильтянам о возможностях этой машины в воздушном бою и бомбардировочных миссиях. «Аман» охотно предоставил американским ВВС и ЦРУ возможность изучить самолет, надеясь, что это позволит сгладить тяжкие воспоминания от ущерба, нанесенного стратегическому сотрудничеству делом Полларда.

Сотрудничество в области разведки является одной из тайных пружин теплой американо-израильской дружбы. Оно особенно важно для еврейского государства после дела Полларда и «Ирангейта», и «Моссад» ревностно охраняет свою ведущую роль в тайных отношениях с Соединенными Штатами.

Между израильскими разведывательными службами нередко возникают споры по поводу сфер влияния. После

того как «Моссад» отдал Панаму Майку Харари, между различными израильскими ведомствами развернулось яростное соперничество. Министерство иностранных дел, недовольное вторжением «Моссада» в сферу своей компетенции, решило «поиграть мускулами». В середине 1980-х годов ему удалось принудить «Моссад» к компромиссу, в результате которого ответственность за восстановление дипломатических отношений с Кенией была закреплена за министерством, а Нигерия «отошла» к «Моссаду».

Обращение в 1987 году Папуа — Новой Гвинеи к Израилю за помощью дало новый импульс соперничеству. Эта маленькая страна попросила Израиль помочь ей создать свою собственную службу безопасности для защиты от экспансии со стороны Индонезии. «Моссад», утверждая, что у него нет для этого необходимых ресурсов, решил отдать эту «вотчину» одному из своих «бывших», но министерство иностранных дел блокировало этот план.

Действуя как альтернативная дипломатическая служба, «Моссад» поддерживал контакты с десятками стран, которые не хотели афишировать свои отношения с Израилем. Однако если посмотреть на это повнимательнее, то возникает один серьезный вопрос. Что, собственно говоря, хорошего в том, что разведка занимается тем, что не может выполнить министерство иностранных дел? Какой смысл поддерживать тайные контакты со странами, у которых не хватает благородства или доброй воли установить нормальные дипломатические отношения с Израилем? «Моссад» просто облегчает ситуацию другой стороне — она может получать военную, медицинскую и сельскохозяйственную помощь от Израиля, не подвергая себя риску политического или экономического бойкота со стороны арабских стран.

Израильские дипломаты-шпионы и настоящие дипломаты с энтузиазмом встречают случаи, когда какая-то страна решает установить с Израилем открытые дипломатические отношения. Решение Эфиопии возобновить в ноябре 1989 года дипломатические отношения с Израилем явилось результатом нескольких лет напряженной тайной работы «Моссада» и сразу дало положительные результаты: открылась перспектива того, что тысячи евреев, оставшихся в стране после прекращения тайных конвоев, получат возможность выехать в Израиль; возобновилась работа израильской разведки на побережье Красного моря, отку-

да можно было вести наблюдение за Саудовской Аравией, Суданом и Египтом; открытие посольства в Аддис-Абебе дало «Моссаду» хорошее прикрытие для новой резидентуры. Взамен израильские эксперты в области сельского хозяйства и борьбы с партизанами стали оказывать помощь в подготовке кадров этой стране, страдавшей как от голода, так и от повстанцев.

В большинстве случаев, однако, Израиль должен считаться с тем, что многие страны предпочитают поддерживать с ним неофициальные отношения. Опасаясь утечек в прессу, они отказываются иметь дело с израильским министерством иностранных дел. Однако они тоже получают выгоду от двусторонних отношений, полностью доверяя способности «Моссада» держать эти отношения в тайне. К таким странам относятся Китай, Индонезия и Марокко.

Главные потребности Израиля в сфере обороны не менялись на протяжении четырех десятилетий. Страна по-прежнему находится во враждебном окружении стран, готовых признать реальность существования Израиля, но не желающих оставить свои попытки ослабить его. Конфликт между Ираком и Кувейтом изменил курс, взятый ООП, на дипломатическое решение проблем и привел к всплеску терроризма, нарушившему повседневную жизнь в Израиле.

Иммиграция все еще считается жизненно важным фактором для Израиля, и прибытие в 1990-х годах большого количества евреев из Советского Союза рассматривалось в каком-то смысле как триумф разведсообщества Израиля и его уникальной роли как еврейской разведки. Израиль также должен двигаться вперед в области технологий и развития передовых отраслей промышленности, используя как свой интеллектуальный потенциал, так и возможности разведки, как это практиковалось «Лакамом», для того чтобы быть впереди арабов.

Израиль всегда исключительно серьезно подходил к фактам и идеям, а израильская разведка особо отличалась своим умением добывать их. Ей также нет равных в мире по способности проводить специальные операции по целям, находящимся далеко за пределами Израиля. Однако способности израильской разведки в области обработки, анализа и оценки информации оставляют желать лучшего. Сохраняется проблема координации в плане доведения результатов работы разведки до «потребителей» в офици-

альных кругах Израиля. Именно это привело к тому, что Израиль «просмотрел» войну 1973 года.

Аналитики разведки не смогли понять в 1967 году, что долгосрочная оккупация сектора Газа и Западного берега повредит Израилю. Они не предвидели мирной инициативы президента Садата 10 лет спустя. Они не смогли правильно оценить обстановку в Ливане в ходе подготовки вторжения 1982 года. Они не сумели предсказать войну между Ираном и Ираком в 1980 году и окончание этого конфликта в 1988 году. Они не заметили, что в результате войны в Персидском заливе Саудовская Аравия приобрела китайские ракеты, которые могут достигать территории Израиля.

В Израиле стало модно, в отличие от практики прошлых лет, когда разведка осыпалась похвалами, винить ее за каждое неблагоприятное развитие событий. Когда-то почитаемые как принцы крови израильские шпионы сейчас — часто несправедливо — представляются как эгоистичные и дезориентированные «бывшие». На Ближнем Востоке трудно делать четкие предсказания, но в духе нового критического подхода израильяне выражают разочарование, когда их секретные службы не могут по мановению волшебной палочки решить все проблемы.

К концу 1980-х годов в Израиле сложилось непростое и двойственное отношение к разведке. Общественность кратко информировали о том, что в 1988 году в «Шин Бет» был назначен новый директор, а в «Моссаде» новый шеф появился в 1989 году. Израильянам оставалось просто надеяться на то, что новые руководители сумеют исправить положение. В прошлом от разведки слишком много ждали, что приводило к преувеличению значения ее просчетов. Израильянам нужно просто понять, что разведка — это всего лишь продолжение политики. Если политика плохая, то даже самая лучшая в мире разведка ее не спасет.

Даже если бы Голда Меир и Моше Даян получили в 1973 году от «Амана» и «Моссада» все необходимые предупреждения, они вряд ли начали бы войну. Они все еще были пленниками «концепции», согласно которой арабы не могут победить Израиль. В 1982 году Менахем Бегин и Ариель Шарон были преисполнены решимости изгнать ООП из Ливана и никакая информация «Моссада» их не остановила бы.

Премьер-министр Шамир, похоже, не придавал особого значения предупреждению «Амана» в марте 1989 года, что у Израиля не было иной альтернативы, как ведение переговоров с ООП. Сначала Шамир публично отрицал наличие такого доклада, а затем осудил тех членов своего кабинета, которые дали о нем утечку. В другом случае Шамир проявил свою особую приверженность к секретности: «События обычно известны тем, кому надо о них знать, — заявил он, — а кто не знает, тот и не должен знать».

Сообщалось, что один из помощников премьер-министра в письме к генералу Амнону Шахаку критиковал позиции «Амана», заявив, что если этот доклад будет опубликован, то он будет использован Соединенными Штатами для оказания давления на Израиль в плане начала переговоров с ООП.

Опасность политизации разведсообщества возрастает, а нерешенная палестинская проблема и споры по поводу отношения к ООП раскалывают израильское общество. Пока нет консенсуса и эта проблема существует, руководителям разведки трудно оставаться на позициях строгого профессионализма в обстановке острых политических разногласий. Если, как показало в 1989 году дело Вейцмана, половина страны отказывается иметь дело с ООП, руководителям разведки почти невозможно дать объективный и лишенный эмоций анализ самой сложной проблемы, стоящей перед Израилем.

Даже если политики будут прислушиваться к мудрым советам руководителей разведки, поможет ли это процессу принятия решений? И так ли уж необходимо Израилю тратить на разведку столько энергии и ресурсов?

Израильская разведка не сумела предсказать внезапное нападение в 1973 году со стороны Сирии и Египта. Так же, как и в 1941 году во время нападения Адольфа Гитлера на Россию и японцев на Пёрл-Харбор имелись факты, из которых могла сложиться общая картина надвигающейся агрессии. В каждом из этих случаев они просто не были сведены вместе в одно стройное и убедительное целое, и, таким образом, предупреждения разведки не были услышаны.

Это были провалы разведки стратегического масштаба — полная слепота в важнейших вопросах войны и мира. Современная история показывает, что разведка обычно не участвует в формировании политики, но она играет большую роль в достижении конкретных целей и реализации

задач, поставленных политиками. Нет сомнения в том, что на тактическом уровне разведка может принести пользу.

В процессе подготовки и ведения войны заблаговременное получение информации о дислокации войск противника и его огневой мощи является ключевым фактором достижения победы — при условии, что эта информация правильно анализируется и реализуется. Аналогичным образом превентивная разведка может спасти жизни, давая упреждающую информацию о готовящихся террористических нападениях. Тайные агенты также являются идеальным инструментом для проведения хорошо отработанных конкретных акций, как, например, в Ираке.

Израильская разведка успешно решала все эти задачи, но постоянно стремилась к повышению своей роли в сфере обороны. Эти чрезмерные амбиции, однако, вступили в противоречие с их природой. Всегда нужно иметь четкое представление о реальной ситуации.

Израиль не должен ожидать от своей разведки невозможного. Она и так уже является великолепным примером того, чего может достичь малая нация с небольшими ресурсами, если будет использовать их в максимальной степени. История разведсообщества Израиля продемонстрировала как ограниченность разведки, так и возможность достижения ею значительных результатов.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

.....

Судить о книгах принято исходя из того, что в них написано, и не упрекать авторов за то, чего в книге нет. Говоря о работе, с которой только что познакомился читатель, к этому правилу придется все же сделать какие-то оговорки. Прежде всего, нарисованная в книге картина не может быть полной, поскольку любая секретная служба хранит в тайне свои подлинные операции.

Другая оговорка связана с тем, что авторы книги рассказали о деятельности многих, но не всех израильских секретных служб, входящих в разведывательное сообщество страны. Они, в частности, не упомянули о такой важной секретной организации, как Следственное управление Национальной полиции Израиля, работающее в тесной взаимосвязи с «Шабакком», «Моссадом», «Аманом» и другими спецслужбами. В Следственном управлении активно действует Особый отдел специальных расследований и заданий (МАТАМ), в функции которого входит проведение расследований, задержание и привлечение к суду лиц по делам государственной безопасности по поручению других секретных служб Израиля, не наделенных такими полномочиями. МАТАМ занимается также сбором информации об общественных организациях и отдельных лицах, ведет борьбу с организованной преступностью и контрабандой наркотиков.

Организационно МАТАМ состоит из четырех подразделений: разведывательного (осуществляет агентурное проникновение в подрывные организации и сбор информации), государственной безопасности (борьба с государственными преступлениями), общего (борьба с организо-

ванной преступностью), отдела национальных меньшинств. Особый отдел специальных расследований располагает самой современной системой обработки и накопления информации, услугами которой пользуются все секретные службы страны и Национальная полиция.

В 1996 году общественность Израиля была потрясена убийством премьер-министра страны Ицхака Рабина, совершенным его охранником Игалом Амиром. Было выявлено, что Амир являлся сотрудником еще одной израильской спецслужбы под названием «Натив», о которой ранее общественность ничего не знала. Штаб-квартира этой организации расположена в уютном домике в бывшей немецкой колонии Сарон в Тель-Авиве. Эта тайная служба возникла еще в 1950-е годы, и ее возглавлял Шауль Авигур. Она специализировалась на работе с еврейской диаспорой в бывшем Советском Союзе. Выяснилось, что «Натив» регулярно брал на работу и посылал в Россию молодых выдвиженцев из крайне правых сионистских организаций «Бейтар» и «Бней Акива» («Сыновья Завета»).

Поскольку между СССР и Израилем после 1967 года не было дипломатических отношений, сотрудники «Натива» активно использовали «крышу» различных международных организаций и в основном занимались ведением пропаганды и агитации за выезд евреев в Израиль. После установления дипломатических отношений между Россией и Израилем сотрудники «Натива» получили возможность действовать под прикрытием посольства в Москве и других столицах СНГ, впрочем, как утверждают израильские источники, не подчиняясь МИД Израиля и предпочитая действовать через голову посла.

Проведенное государственным контролером Израиля Мириам Бен Порат расследование показало, что «Натив» располагает 200 сотрудниками, а его годовой бюджет достигает 25 млн. долларов. Такова базисная цена, уплачиваемая за организацию усилий по «добровольной» эмиграции евреев в Израиль. Расследование выявило также некоторые важнейшие махинации «Натива» и его связи с еврейской мафией в России. Было объявлено, что «Натив» в настоящее время возглавляет уроженец Москвы Яков Кедми, эмигрировавший в Израиль в 1969 году и связанный с правыми политическими кругами. Комиссия потребовала ликвидации этой секретной организации или ее серьезного реформирования с тем, чтобы поставить дея-

тельность «Натива» под контроль МИД Израиля. Как водится, властям удалось погасить возникший скандал, однако обещания руководства страны коренным образом реформировать «Натив» остались на бумаге: обеспечиваемый им устойчивый поток эмигрантов в Израиль, достигший в 1998 году 150 тыс. выходцев из бывшего Советского Союза, очевидно, важнее.

Без упоминания МАТАМ и «Натива» картина разведывательного сообщества была бы неполной.

Еще существеннее, наконец, то, что вышедшая десятилетие тому назад книга оставляет за кадром бурные 1990-е годы. В нашем послесловии и невозможно, и не имело бы смысла даже постараться воссоздать или хотя бы очертить события этого периода. Важнее отметить, что, завершая книгу, ее авторы увидели тенденцию нарастания кризисных симптомов в деятельности израильских спецслужб на рубеже последнего десятилетия, и, надо признать, их предвидение во многом подтвердилось. Самое очевидное тому свидетельство — убийство премьер-министра Ицхака Рабина, человека, который сам взошел на политический Олимп, как и подавляющее большинство государственных руководителей Израиля, сделав карьеру в оборонном секторе и на разведывательной службе.

1990-е годы оказались неудачными и для знаменитого «Моссада», не избежавшего серии серьезных провалов. Ограничимся лишь несколькими иллюстрациями, ставшими известными общественности.

После развала Советского Союза и создания Союза Независимых Государств для агентов «Моссада» открылось широкое поле деятельности на его территории. Здесь израильских «рыцарей плаща и кинжала» интересуют в первую очередь военно-технологические секреты бывшего Советского Союза. Кроме того, сотрудники резидентуры «Моссада» отслеживают связи официальной Москвы, неправительственных организаций и частных лиц с враждебными Израилю странами, особенно с Ираном, Ираком и Ливией.

Другим направлением деятельности израильской внешней разведки в Москве является анализ положения вокруг еврейской диаспоры в России. Ее сотрудники в основном работают под «крышей» еврейского агентства «Сохнут», занимающегося именно такими связями с диаспорой. Учитывая нестабильную обстановку на территории бывшего

Советского Союза, специалисты «Моссада», осуществлявшие в свое время такие широкомасштабные операции по вывозу эфиопских иудеев в Израиль, как «Моисей», фиксируют обострение конфликтов и в случае необходимости организуют эвакуацию евреев в Израиль, как это было, например, во время грузино-абхазского и приднестровского конфликтов, а также событий в Чечне.

Не брезгают они и получением классической разведывательной информации. Так, 13 декабря 1995 г. сотрудниками Федеральной службы безопасности России в Москве были пойманы с поличным российский гражданин, бывший сотрудник Главного разведывательного управления Генерального Штаба Министерства обороны России полковник Волков и израильский разведчик Реувен Динель в момент, когда первый передавал Динелю, официальному представителю «Моссада» в Москве, секретные документы, содержащие государственную тайну.

Агрессивность израильской разведки в отношении арабских соседей обернулась громким скандалом, когда 25 сентября 1997 г. агенты «Моссада», снабженные канадскими паспортами, проникли на территорию Иордании и совершили покушение на лидера военного крыла палестинской организации «Хамас» Халеда Машаля. Согласно плану, разработанному самим директором «Моссада» Дании Ятомом, израильские агенты подстерegli Машаля у дверей его представительства в южной части иорданской столицы Аммана и выплеснули ему в лицо смертельную дозу нервно-паралитического газа.

Двое из восьми задействованных в этой террористической акции агентов были задержаны иорданскими властями на месте преступления. В обмен на их освобождение король Иордании Хусейн потребовал от премьер-министра Израиля Беньямина Нетаньяху срочно доставить в Амман противоядие, позволившее спасти жизнь Халеду Машалю. Одновременно он потребовал освободить из тюрьмы духовного лидера исламской организации «Хамас» шейха Ахмеда Ясина и выпустить 70 его сторонников, находящихся в израильских тюрьмах.

Израилю пришлось принести официальные извинения, и в Амман был вынужден вылететь сам директор «Моссада», отставки которого также потребовали главы соседних арабских государств. Международный скандал приобрел еще больший масштаб, когда Канада попросила разъясне-

ний от Израиля, почему ее паспорта, предназначенные для еврейских эмигрантов, используются спецслужбами.

Созданная для расследования этого террористического акта комиссия Чехановера установила, что решение о физической ликвидации Халеда Машаля было принято 1 августа 1997 г. по инициативе премьер-министра и министра обороны Израиля. Директор «Моссада» Ятом вину за провал операции возложил на своих подчиненных, что вызвало бурю возмущения внутри «Моссада». Комиссия Чехановера не согласилась с мнением Данни Ятома и рекомендовала премьер-министру Беньямину Нетаньяху сместить его с поста директора. Израильское правительство отказалось удовлетворить требование комиссии. Оно сделало специальное заявление о том, что кадровые вопросы в «Моссаде» при любых обстоятельствах будут решаться без иностранного вмешательства. Характерно, что комиссия Чехановера не поставила под вопрос саму правомерность использования израильскими спецслужбами террористических методов в отношении неугодных Израилю лиц.

Однако вскоре «Моссад» постиг новый скандал. Еще за несколько лет до этого, в 1991 году, четыре агента «Моссада» были арестованы во время установки подслушивающей аппаратуры в иранском посольстве в Никосии. А в конце февраля 1998 года швейцарские спецслужбы задержали в Берне группу из пяти агентов «Моссада», которые пытались установить прослушивающую аппаратуру в иранском представительстве при отделении ООН в Женеве. Было выяснено, что трое из них работали с телефонным распределителем в подвале дипломатического особняка, остальные обеспечивали внешнее прикрытие. Поскольку операция проводилась в ночное время, подозрительная активность агентов «Моссада» привлекла внимание прохожих. Вызванный ими полицейский наряд задержал одного из взломщиков, остальным удалось скрыться.

Как ни странно, ни швейцарские власти, ни средства массовой информации страны поначалу не проронили ни слова по поводу этих событий, и утечка информации об инциденте произошла в самом Израиле, после чего разразился новый международный скандал. Он стал той соломинкой, которая переломила спину верблюда: Данни Ятом был вынужден подать в отставку в марте 1998 года, а новым директором «Моссада» был назначен Эфраим Халеви. Но, разумеется, «Моссад» не намеревался отказываться

от подобных операций в будущем, по-прежнему оставаясь разведывательно-диверсионной службой.

И действительно, уже летом 1998 года в Бейруте были арестованы 17 ливанских граждан, обвиненных в сотрудничестве с израильскими спецслужбами. Следствием было установлено, что они также собирали разведывательные сведения о вооруженных силах Ливана и сирийских войсках, находящихся на территории этой страны. Агенты «Моссада», кроме того, следили за исламской партизанской организацией «Хезболла» и принимали участие в проведении террористических актов против сирийских военнослужащих.

Было также установлено, что все они завербованы в 1995 году и прошли подготовку на одной из учебно-тренировочных баз в Израиле. Агентура «Моссада» была выдана ливанским властям офицером-перебежчиком из поддерживаемой Израилем так называемой «Армии освобождения Ливана» по имени Рашид Вард. Ливанский суд приговорил обвиняемых к 15 годам исправительных работ.

На этом зловключения «Моссада» не закончились. 7 ноября 1998 г. на Кипре произошел провал двух его агентов. Игал Дамар и Уди Харков были задержаны кипрской полицией вместе с чемоданами, доверху набитыми современной прослушивающей техникой, которую они пытались установить в посольстве одной арабской страны. Оба агента получили по три года тюремного заключения.

Впрочем, эта новость уже не вызвала особого ажиотажа в Израиле, где общественность, похоже, начинает привыкать к подобным вещам.

Серия провалов израильской внешней разведки привела к развенчанию мифа о «Моссаде» как о непобедимой организации. В нем создалась нервная обстановка, приведшая к отставке ряда высокопоставленных функционеров и ослаблению работы на главном участке сбора информации — по арабским странам. Израильская пресса поспешила напомнить о том, что в период войны в Персидском заливе «Моссад» просто изумил Запад нехваткой надежных сведений о планах Саддама Хусейна, а теперь может вообще лишиться своих источников в арабском мире. Как отмечают эксперты НАТО, в результате этих скандалов усилились внутренние раздоры во внешней разведке Израиля и «моссадовцы тратят время на схватки между собой». Новому директору «Моссада» придется при-

ложить немало усилий, чтобы восстановить в глазах общественности пошатнувшийся авторитет этого ведомства.

Впрочем, ни одна разведка мира не обходится без провалов: ведь ее работа всегда связана с немалым риском. О провалах в работе спецслужб охотно пишет пресса всего мира, тогда как об их подлинных достижениях знает всегда весьма ограниченный круг лиц. Тем не менее громкие скандалы с агентами «Моссада» в различных странах объясняются грубыми силовыми методами их работы и нежеланием считаться с законами страны пребывания и международным правом.

Подведем краткий итог. Перед нами — книга, в которой впервые российскому читателю, представлена сводная картина деятельности разведывательного сообщества Израиля. Это серьезная и в меру возможного правдивая работа. У разных читателей она может вызвать несхожие и даже прямо противоположные реакции — от восхищения до столь же неумеренного протеста. Но вряд ли кого-либо оставит равнодушным.

В. Николаев

ПРИЛОЖЕНИЕ I

КЛЮЧЕВЫЕ ФИГУРЫ РАЗВЕДСООБЩЕСТВА ИЗРАИЛЯ

ДИРЕКТОРА «МОССАДА»

- 1951–1952 Рувен ШИЛОЙ
1952–1963 Иссер ХАРЕЛ
1963–1968 Меир АМИТ
1968–1974 Цви ЗАМИР
1974–1982 Ицхак ХОФИ
1982–1989 Наум АДМОНИ
1989– (израильский закон запрещает огласку)

НАЧАЛЬНИКИ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ («АМАН»)

- 1948–1949 Иссер БЕЕРИ
1949–1950 Хайм ГЕРЦОГ
1950–1955 Беньямин ДЖИБЛИ
1955–1959 Иехошафат ХАРКАБИ
1959–1962 Хайм ГЕРЦОГ
1962–1963 Меир АМИТ
1964–1972 Аарон ЯРИВ
1972–1974 Эли ЗЕЙРА
1974–1978 Шломо ГАЗИТ
1979–1983 Йехошуа САГУЙ
1983–1985 Ехуд БАРАК
1986–1991 Амнон ШАХАК

ДИРЕКТОРА «ШИН БЕГ»

- 1948–1952 Иссер ХАРЕЛ
1952–1953 Иззи ДОРОТ
1953–1963 Амос МАНОР
1964–1974 Йозеф ХАРМЕЛИН
1974–1981 Аврахам АХИТУВ
1981–1986 Аврахам ШАЛОМ
1986–1988 Йозеф ХАРМЕЛИН
1988– (израильский закон запрещает огласку)

ДИРЕКТОРА «ЛАКАМ»*

- 1957–1981 Беньямин БЛАМБЕРГ
1981–1986 Рафи ЭЙТАН

РУКОВОДИТЕЛИ БЮРО СВЯЗИ (ЕВРЕЙСКАЯ ИММИГРАЦИЯ)

- 1953–1970 Шауль АВИГУР
1970–1981 Нехемия ЛЕВАНОН
1981–1986 Йехуда ЛАПИДОТ
1986– Давид БАРТОВ

СОВЕТНИКИ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА ПО КОНТРТЕРРОРИЗМУ

- 1972–1973 Аарон ЯРИВ
1974–1977 Рехавам ЗЕЕВИ
1977–1978 Амихай ПАГЛИН
1978–1984 Рафи ЭЙТАН
1985–1988 Амрам НИР
1988– Игал КАРМОН

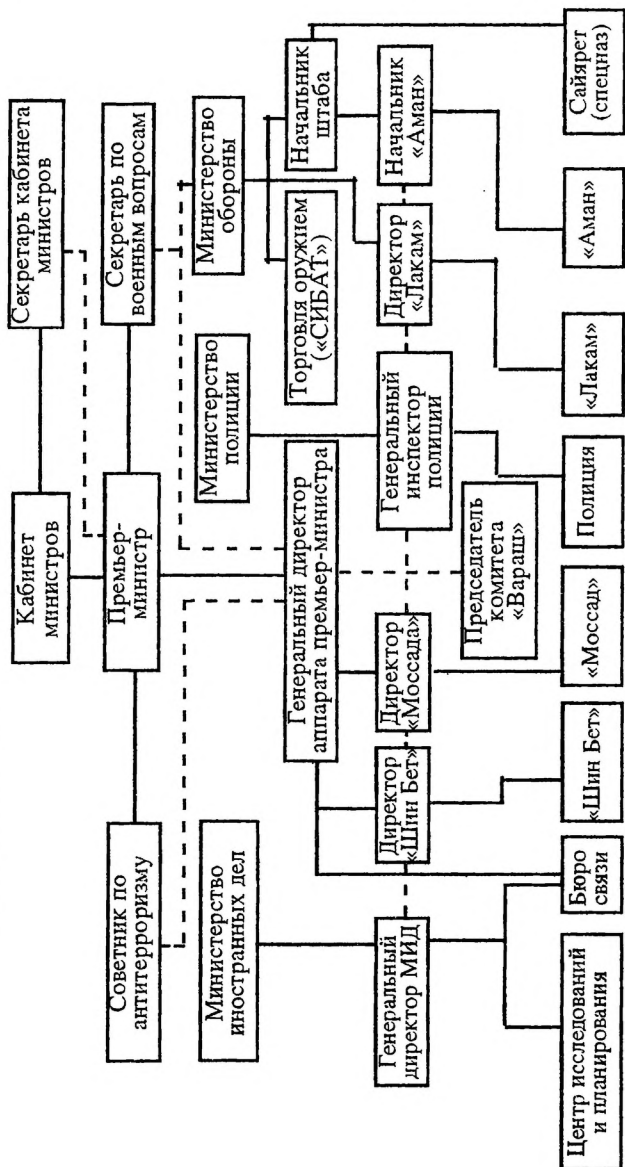
ПОЛИТДЕПАРТАМЕНТ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ*

- 1948–1951 Борис Гуриель

---

* Агентство распущено.

СТРУКТУРА РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО СООБЩЕСТВА ИЗРАИЛЯ

- - - - - Подчинение   _____ Координация

СОДЕРЖАНИЕ

От авторов	7
Предисловие	9
Пролог	23
1. Первые шаги	41
2. Детство	69
3. Ядерная зрелость и «Лакам»	93
4. Стратегические союзы	108
5. Харел-крестоносец	130
6. Амит перестраивает «Моссад»	164
7. Дорога к войне	191
8. День «Шин Бет»	205
9. Секретное оружие	239
10. Сюрпризы войны и мира	250
11. Для блага евреев	272
12. Век авантюризма	295
13. Убийства и покровительство	331

14. Шпион в Америке	356
15. Хаос «Ирангейта»	383
16. Бизнес любой ценой	404
17. Атомный предатель	423
18. Смерть осведомителей	444
19. В мире недоверия	472
20. В будущее	491
Вместо послесловия	514
Приложение I	521
Приложение II	523

Художественно-публицистическое издание

Ден Равив, Йосси Мелман

ИСТОРИЯ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ СЛУЖБ ИЗРАИЛЯ

(СЕКРЕТНЫЕ МИССИИ)

Редактор О. В. Чхиквишвили

Оформление художника Н.В. Пьяных

Художественный редактор А.С. Скороход

Технический редактор З.Д. Гусева

Корректоры Л.А. Попёнова, С.Ю. Чупахина

Компьютерная верстка Е.А. Надиной

Лицензия серии ЛР № 010170 от 7 октября 1997 г.
выдана Госкомпечатью РФ

Налоговая льгота – общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Подписано в печать 6.12.99.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная.

Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 27,72 + 0,42 вкл. Уч.-изд. л. 29,18.

Изд. № 7-и/99. Тираж 10 000 экз.

Цена договорная. Заказ № 4546.

Издательство «Международные отношения»
107078, Москва, Садовая-Спасская, 20
Тел. отдела реализации: 975-30-09

Тираж данного издания изготовлен
при поддержке издательства ЦГО

Отпечатано с оригинал-макета
издательства «Международные отношения»
в ГИПП «Нижеполиграф»
603006, г. Нижний Новгород,
ГСП-123, ул. Варварская, д. 32

Равив Д., Мелман Й.

Р13 История разведывательных служб Израиля / Пер. с англ. Ю.Н. Кобякова. — М.: Междунар. отношения, 1999. — 528 с.: ил. — (Секретные миссии).

ISBN 5-7133-1021-3

В книге впервые для российского читателя представлена полная картина деятельности разведывательного сообщества Израиля, о многих спецслужбах которого до последнего времени вообще не упоминалось. Дается подробный анализ ставших известными операций израильских «рыцарей плаща и кинжала», а также неудач последнего десятилетия, преследующих службы.

УДК 351.746.1:93(569.5)
ББК 67.401.212(5Изр)

Что такое "Хагана" и "Шин-Бет", "Аман" и "Алия-Бет", как официально звучит название "Моссад", чем занимается "дипломатическая разведка" Израиля, где родился легендарный разведчик и контрразведчик И. Харел? На все эти и многие другие вопросы отвечают журналисты Ден Равив и Йосси Мелман в своей работе, посвященной не только успехам легендарной израильской разведки, но и проблемам, и причинам неудач, преследующих службу в последнее десятилетие.

**СЕКРЕТНЫЕ
МИССИИ**

ISBN 5-7133-1021-3

9 795713 310218